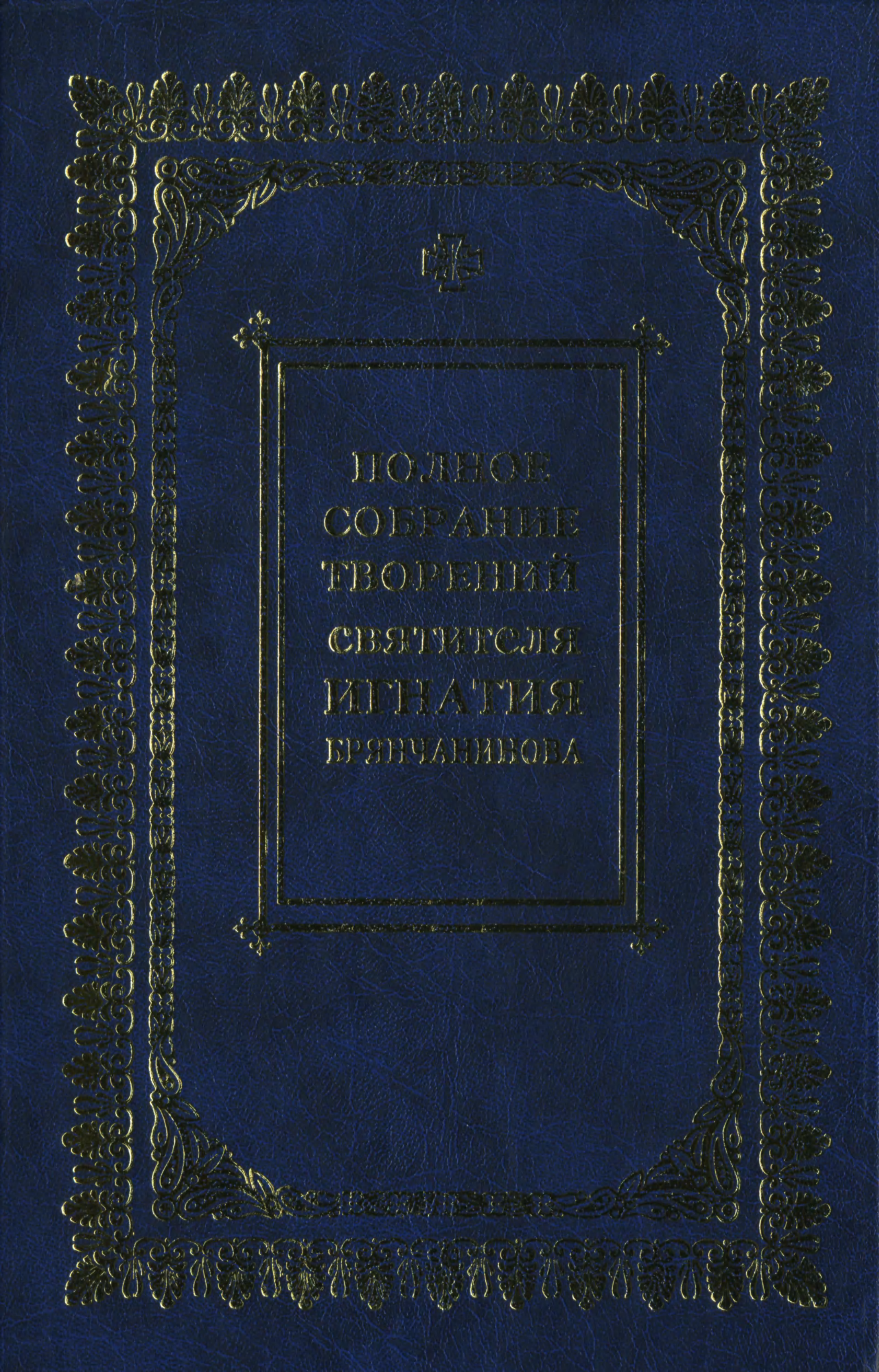
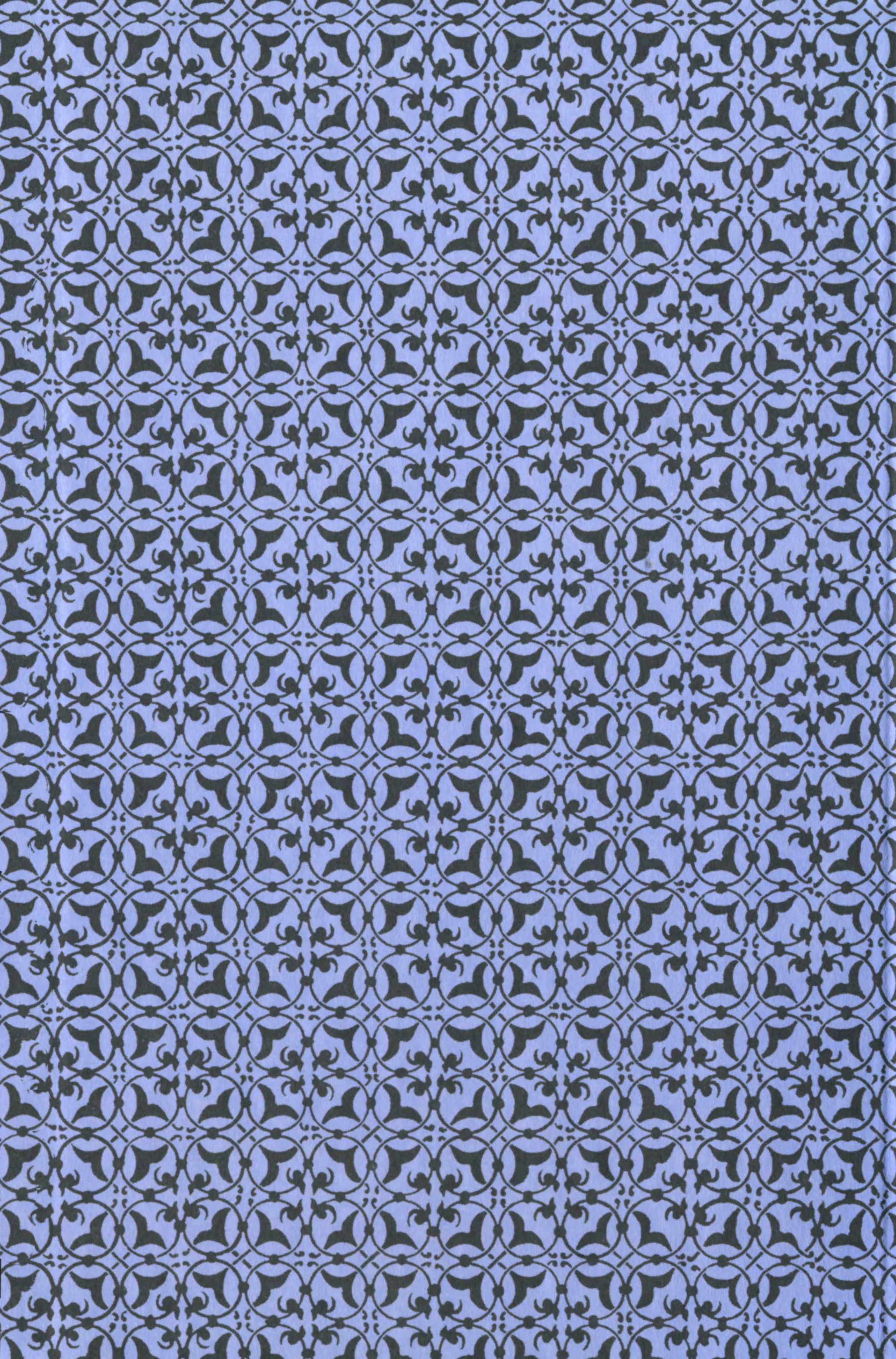
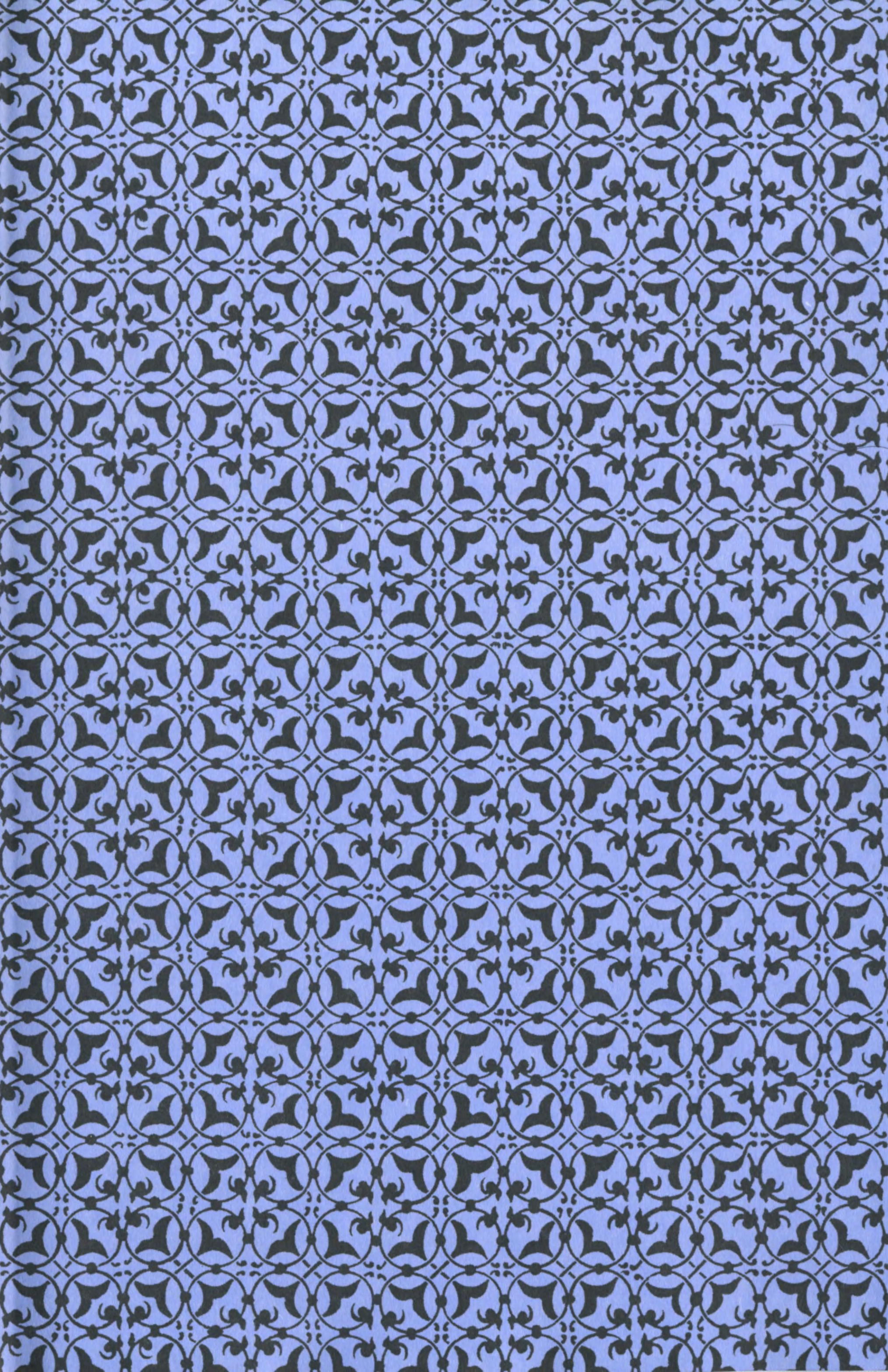

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
ТВОРЕНИЙ
СВЯТИТЕЛЯ
ИГНАТИЯ
БРЯНЧАНИНОВА

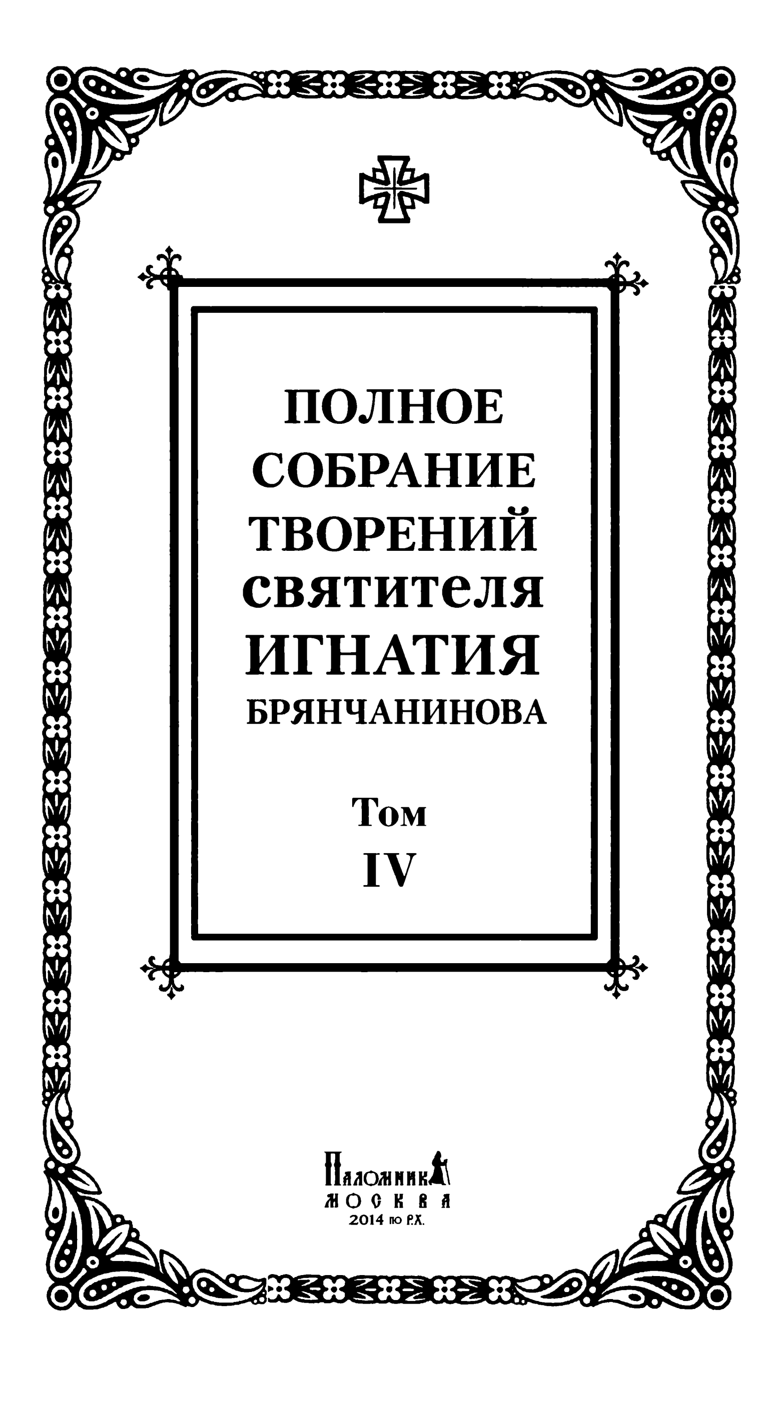




Полное собрание творений и писем святителя Игнатия Брянчанинова в восьми томах

Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова в пяти томах

Издание 2-е, исправленное и дополненное



ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ святителя ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том IV

Паломник
Москва
2014 по Р.Х.

УДК 242
ББК 86.37.42
Б 89

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 10-09-0532

Общая редакция
О. И. Шафранова

Игнатий Брянчанинов, святитель
Б 89 Полное собрание творений и писем: В 8 т. / Общ. ред. О. И. Шафранова. — 2-е изд., испр. и доп.: Письма: В 3 т. — М.: Паломник, 2011; Творения: В 5 т. Т. 4. — М.: Паломник, 2014. — 624 с.

ISBN 978-5-88060-031-1

Четвертый том Полного собрания творений святителя Игнатия Брянчанинова содержит важнейшее его сочинение «Приношение современному монашеству», которое он сам назвал своим Завещанием, принесенным в дар возлюбленным отцам и братиям, современным инокам. Несомненный интерес у читателей должны вызвать также материалы, помещенные в Приложении, характеризующие кавказский период жизни и трудов святителя Игнатия, не получивший должного освещения в ранее опубликованных изданиях.

УДК 242
ББК 86.37.42

1-е издание вышло в 8 т. в 2001–2007 гг.:

составление и общая редакция
А. Н. Стрижёв

ISBN 978-5-88060-031-1

СВЯТИТЕЛЬ
ИГНАТИЙ
БРЯНЧАНИНОВ

ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ МОНАШЕСТВУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Приближаясь к концу земного странствования, я счел долгом моим составить духовное завещание на духовные блага, которыми ущедрила меня десница Бога моего. Завещанием называю душеспасительное слово: исполнители этого слова вступают во владение духовными благами. Завещание приношу в дар возлюбленным отцам и братиям, современным инокам. Духовным благом, объемлющим и совмещающим в себе прочие блага, называю монашество, к которому я призван с детства чудным призванием и неизреченною милостию. Не предоставлено мне было принести жизнь мою в жертву суете и тлению! Взят я, восхищен с широкого пути, ведущего к вечной смерти, и поставлен на путь тесный и прискорбный, ведущий в живот. Путь тесный имеет самое глубокое значение: подъемлет с земли, выводит из омрачения суетою, возводит на небо, возводит в рай, возводит к Богу, поставляет пред лице Его в незаходимый свет для вечного блаженства. Чтоб доставить возможную удовлетворительность завещанию, потребовалось изложить его в книге. Книга содержит в себе правила для наружного поведения иноков и советы им о душевном подвиге, или делании.

Со всею справедливостию могу назвать сочинение это моею таинственною исповедию. Прошу принять исповедь с вниманием и христианским снисхождением! она достойна того и другого. Предлагаемое мною учение вполне заимствовано из святого учения святых Отцов Православной Церкви, и теоретически и опытно ознакомившихся с учением Евангелия, усвоивших себе это учение. Упущения и увлечения мои, недостаточно твердое и неуклонное последование наставлениям Отцов, неимение руководителя благодатного, частая, почти постоянная встреча с руководителями, болезновавшими слепотою и самообольщением, вольная и невольная зависимость от них, обстановка отвсюду предметами соблазна, а не назидания, внимание к учению, которому мир, враждебный

Богу, придавал блеск и важность высшей мудрости и святости, которое, будучи тьма и скверна, заслуживало лишь презрение и отвержение, были причиною для меня многих потрясений. Потрясения, которыми я испытан, были потрясениями и горькими, и тяжкими, и жестокими, и упорно, томительно продолжительными. Потрясения по наружному положению, на суд совести моей ничего не значат в сравнении с потрясениями, которым подвергалась душа. Свирепы волны житейского моря; на нем господствуют мрак и мгла; непрестанно воздвизаются на нем бури лютыми ветрами — духами отверженными; корабли лишены кормчих; благонадежные гавани превратились в водовороты, в гибельные пучины: *всяка гора и остров от* духовных *мест своих двигнушася*[1]; потопление представляется неизбежным. Оно и было бы неизбежным, если б непостижимый Промысл Бога и столько же непостижимое милосердие не спасали избранных его. *Много пришелствова душа моя*[2], не находя пристанища верного ни вне, ни внутри себя. *Углебох в тимении глубины, и несть постояния* — правильного и твердого настроения души, непоколебимого в добродетели — *приидох во глубины морския, и буря потопи мя. Утрудихся зовый, измолче гортань мой: исчезосте очи мои, от еже уповати ми на Бога моего*[3]*: яко погна враг душу мою, смирил есть в землю живот мой: посадил мя есть в темных*[4]. *Яко вода излияхся, и разсыпашася вся кости моя, изше яко скудель крепость моя*[5], *одержаша мя болезни смертныя, и потоцы беззакония смятоша мя; болезни адовы обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя*[6]; *уны во мне дух мой, смятеся сердце мое*[7]. Из этого состояния подаю голос отцам и братиям, голос заботливого предостережения. Так поступает путешественник, претерпевший страшные бедствия в многотрудном и продолжительном путешествии. Свои заметки, драгоценное сокровище, он передает тем, которые намерены предпринять подобное путешествие или уже и вступили в путь, не зная его или ознакомясь с ним лишь поверхностно

[1] *...всякая гора и остров двинулись с мест своих* (Откр. 6. 14). || [2] *Долго жила душа моя* (Пс. 119. 6). || [3] *Я погряз в глубоком болоте, и не на чем стать; вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня. Я изнемог от вопля, засохла гортань моя, истомились глаза мои от ожидания Бога [моего]* (Пс. 68. 3, 4). || [4] *Враг преследует душу мою, втоптал в землю жизнь мою, принудил меня жить во тьме* (Пс. 142. 3). || [5] *Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренности моей. Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильпнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной* (Пс. 21.15, 16). || [6] *Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня* (Пс. 17. 5, 6). || [7] *...уныл во мне дух мой, онемело во мне сердце мое* (Пс. 142. 4).

по описаниям устаревшим. Здесь указаны изменения, изменения не в сущности, а в обстановке, имеющей на сущность существенное влияние; здесь указано, каким образом должно пользоваться писаниями древних и применять их к современности, избегая того ложного положения с его последствиями, в которое поставляется всякий, не понявший и не приметивший необходимости применения. Святой Иоанн Лествичник говорит, что некоторые, проходя по болотистым местам, увязли в грязи и, покрытые ею, поведали о том, как это случилось с ними, другим, которые тут проходили, для спасения их. За спасение ближних Всемогущий избавил из болота и тех, которые, попавши в него, предостерегли ближних от впадения в него[1]. *Права течения твори ногама твоима и пути твоя исправляй: не уклонися ни на десно, ни на шуе: отврати же ногу твою от пути зла. Пути бо десныя весть Господь, развращени же суть, иже ошуюю: Той же права сотворит течения твоя, и хождения твоя в мире поспешит*[2]. Аминь.

Епископ Игнатий

---

[1] Лествица. Слово 26, гл. 14. ‖ [2] *Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла* [*потому что пути правые наблюдает Господь, а левые — испорчены. Он же прямыми сделает пути твои, и шествия твои в мире устроит*] (Притч. 4. 26–29).

Часть I

Правила наружного поведения для новоначальных иноков

Введение

Церковный Устав говорит, что по завещанию святых Отцов во всем должно наблюдать меру и правило. Упомянув вообще о святых Отцах, Устав приводит знаменательное изречение преподобного Ефрема Сирского: «Там настоит великое бедствие, где жительством не руководствуют законные правила»[1]. На сем основании мы предлагаем возлюбленным братиям, новоначальным инокам, нижеследующие правила для их наружного поведения.

Правила

1. Святые Отцы называют монастырь врачебницею (больницею)[2]. Точно: монастырь есть нравственная врачебница. Мы приходим из мира в монастырь, чтоб оставить греховные навыки, полученные в мирской жизни, и, вне влияния на нас соблазнов, которыми преисполнен мир, стяжать навыки или поведение истинно христианские. За жительство истинно христианское на земле надеемся получить вечное блаженство на небе. Итак: должно употребить все старание к тому, чтоб цель, с которою вступаем в монастырь, была нами достигнута, чтоб наша жизнь в монастыре послужила нам во спасение, не послужила поводом к большему осуждению нас на Суде Христовом[3].

2. Поступающие в больницу для пользования обязываются руководствоваться во всем наставлением врача, не позволяя себе

[1] Церковный Устав, гл. 35. ‖ [2] Лествица. Слово 1, гл. 18 и 19, по переводу на русский язык 1851 года. ‖ [3] Там же, гл. 9.

употреблять пищу, одежду, движение, лекарства по собственному усмотрению; иначе вместо пользы они принесут себе вред: так и всякий, вступивший в монастырь, обязывается упражняться не в тех подвигах и трудах, которые кажутся самому ему нужными и полезными, но в тех, которые будут ему указаны и назначены настоятелем лично или при посредстве других монастырских властей[1].

3. Вообще все монастырские упражнения и должности называются послушаниями. Послушания должно проходить со всею тщательностию, с строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения. Монастырские занятия потому и называются послушаниями, что они соединены с отречением от своей воли и от своих разумений. По этой причине при исполнении послушаний совесть подвергается непрестанным опытам. Последствием упражнения в послушаниях бывают: истинное смирение и духовный разум. Произвольные труды, совершаемые по самомнению или прихоти, особенно с отвержением покорности, как бы ни были велики, не только не приносят никакого духовного плода, но, напротив того, будучи сами последствием самомнения и гордости, чрезвычайно усиливают эти страсти в иноке, совершенно отчуждают его от христианского благодатного образа мыслей, то есть от евангельского смиренномудрия. Преподобный Кассиан говорит: «Главнейшая забота старца, которому поручены новоначальные, состоит в том, чтоб новоначальный, во-первых, научился побеждать свои воли, посредством чего он, вводимый постепенно, мог бы взойти на верх высочайшего совершенства. Приобучая его к сему со всею тщательностию и прилежанием, старец намеренно старается всегда приказывать ему то, что противно его воле. Египетские великие Отцы утверждают, будучи изучены многими опытами, что монах, в особенности юный, будет не в силах обуздать самых похотений вожделения, если прежде не обучится умерщвлению своих волей посредством послушания. Они решительно свидетельствуют, что тот, кто не научился прежде побеждать свои воли, никак не возможет погасить ни гнева, ни печали, ни духа любодеяния, не возможет стяжать ни истинного сердечного смирения, ни всегдашнего единения с братиями, ни даже пребыть долго в общежитии. Они стараются преподать новоначальным эти правила, как азбуку, руководящую к совершенству, и по ним рассма-

[1] Лествица. Слово 4, гл. 3 и 5.

тривают, каково смирение новоначальных, истинное ли оно или притворное и мечтательное»[1].

4. Погрешности, в которые впадаем по немощи, свойственной всем человекам, должно исповедовать отцу духовному, а иногда, по свойству погрешности, и настоятелю, — и, не впадая в уныние и расслабление, с обновленною ревностию продолжать послушание. Если мы не вдруг понимаем земные науки и художества, но при изучении их подвергаемся в течение продолжительного времени разным недоумениям и погрешностям, тем свойственнее подвергаться погрешностям при изучении науки из наук и художества из художеств — монашеского жительства[2].

5. Молитва есть мать добродетелей[3]. По этой причине в монастыре наибольшая часть времени посвящается молитве. Для новоначального неполезно совершение молитв наедине: посему церковный Устав, воспрещая самовольное моление, завещавает, чтоб все живущие в монастыре приносили молитвы Богу вместе, в церкви Божией, за исключением больных, удерживаемых в келлии болезнию, и старцев, созревших для уединенной келейной молитвы[4].

6. Молитва есть мать добродетелей; и потому все братия приглашаются к тщательному и неупустительному исполнению установленных молитв, а для сего к тщательному и неупустительному хождению в церковь Божию.

7. Идя из келлии в церковь предстать лицу Божию, должно в походке сохранять благоговение, отнюдь не бегать, по сторонам не смотреть, но иметь глаза опущенными к земле, руками не махать, но держать их опущенными вниз.

8. Каждый брат, придя к церкви Божией, должен пред дверми ее оградиться крестным знамением и положить поясный поклон, воздавая этим честь жилищу Божию, которое — церковь.

9. По входе в церковь каждый брат обязан встать посреди ее пред Царскими вратами и положить три поясных поклона, а в Великий пост три земных; потом, поклонившись на обе стороны предстоящему народу, становиться на свое место.

10. Если брат — крылосный и принадлежит к правому крылосу, то он, подошедши к своему крылосу, должен благоговейно поло-

[1] Книга 4, гл. 8 и 9. ‖ [2] Так названо монашество в писаниях многих святых Отцов: в «Слове о рассуждении» преподобного Кассиана Римлянина, Добротолюбие, часть 1, в Поучениях аввы Дорофея; в Словах святого Симеона Нового Богослова и проч. ‖ [3] Лествица. Заглавие слова 28. ‖ [4] Церковный Устав, гл. 37, и Лествица. Слово 19, гл. 5.

жить поясный поклон пред иконою Спасителя, поклониться братиям, стоящим на крылосах, обращаясь сперва к левому крылосу, потом к правому, и встать с скромностию на свое место. Если же брат принадлежит к левому крылосу, то, подошедши к нему, должен положить поясный поклон пред иконою Божией Матери и, поклонившись крылосам, сперва правому, потом левому, встать на свое место.

11. Церковь — земное небо. Стоящие в ней должны стоять с благоговением, чинно, подобно святым Ангелам, иметь глаза опущенными к земле, на стены не облокачиваться, держать руки опущенными, не складывая их вместе, не отставлять ног, но стоять на обеих ногах равно.

12. Церковь — судилище Божие. Из нее можно выйти или оправданным, или осужденным, по свидетельству Святого Евангелия[1]. И потому должно отправлять чтение и пение со всевозможным вниманием и благоговением, никак не позволять себе празднословия, тем более смеха и шуток. Иначе выйдем из церкви осужденными, прогневав Царя Небесного неблагоговейным предстоянием Ему[2].

13. На народ, присутствующий при богослужении, не должно оглядываться. Должно всячески хранить зрение, как то отверстие в душу, чрез которое могут войти в нее заразительнейшие страсти[3].

14. На крылосах каждый должен занимать назначенное ему место. За отсутствием кого-нибудь следующий за ним становится на незанятое место, а отнюдь не младший по самоволию, самомнению или дерзости. Из этого исключаются те случаи, когда начальствующие на крылосах найдут нужным расстановить певцов соответственно их голосам.

15. В святой алтарь, как Святая Святых, отнюдь не входить никому из неосвященных, за исключением пономарей и свечников, по 19 правилу Лаодикийского Собора и по обычаю, принятому в благоустроеннейших православных монастырях. Самое поминовение родственников одинаково слышит Бог, как из алтаря, так и из церкви, с того места, где ты стоишь. Богу приятнее будет молитва твоя из церкви, когда, по причине благоговения к Нему, ты устраняешься входа в алтарь, нежели из алтаря, когда ты вошел в него без должного благоговения, нарушив преподанное тебе правило.

[1] Лк. 18. 14. || [2] Лествица. Слово 28, гл. 3. || [3] Преподобный Пимен Великий. Алфавитный патерик.

16. Брат, которого необходимость заставит войти в алтарь или пройти чрез него, обязывается сделать это с величайшим благоговением и страхом Божиим. Войдя в алтарь, положи, обратясь к святой трапезе, три земных поклона, а в воскресение, субботу, в праздничные и полиелейные дни три поясных, потом, обратясь к иконе, стоящей на горнем месте, один поясный поклон; после этого поклонись настоятелю и прими его благословение; если настоятеля нет в алтаре, прими благословение от служащего иеромонаха.

17. Кругом святой трапезы не должно ходить неосвященным. Если же по крайней нужде случится пройти, то должно исполнить это с великим страхом Божиим и осторожностию, идя тихо и обходя около престола Божия как можно в дальнейшем расстоянии от него.

18. В алтаре нисколько не стоять без надобности, но по исполнении ее немедленно выходить. Впрочем, кто вошел в алтарь и по крайней надобности или будучи послан начальствующими, должен укорять себя, говоря: «Увы мне, грешному и скверному, во осуждение себе дерзнувшему войти во святая святых». Самые священнослужители, призванные к служению и предстоянию Богу в алтаре, тем и соделывают себя достойными сего служения, что сознают свое недостоинство, стараются пред служением омывать себя обильными слезами покаяния и смирения, а самое служение совершают с величайшим благоговением, вниманием и страхом Божиим.

19. Читающий псалмы и суточное последование, то есть вечерню, утреню и часы, должен заблаговременно приготовиться и приискать тропари и кондаки дня, чтоб во время чтения в церкви не ошибаться, не производить остановки в молитвословии приискиванием тропарей и кондаков. Чтец должен стоять прямо, иметь руки опущенными, читать и неспешно и непротяжно, произносить слова отчетливо, внятно. Читать должно просто, с благоговением, в один тон, без излияния своих чувствований переливами и изменениями голоса. Предоставим святым молитвословиям действовать собственным их духовным достоинством на слушателей[1]. Желание преподать предстоящим свои чувствования есть знак самомнения и гордости.

20. Суточная чреда чтения начинается с вечерни. Вступающий в чреду должен встать близ оканчивающего ее девятым часом. Ког-

[1] Тщательная исправность от чтеца требовалась в древних монастырях. Преподобный Кассиан, книга 2, гл. 11. За ошибку при чтении чтец подвергался эпитемии. Преподобный Кассиан, книга 4, гл. 16.

да тот окончит, — они оба вместе полагают поясный поклон к алтарю, потом поклоняются друг другу. Вступающий в чреду становится пред налой, а окончивший идет и становится на свое место.

21. Чтец Апостола, идя с крылоса и на крылос, должен держать книгу в левой руке, несколько прислонив верх ее к груди. Выходя для чтения, чтец Апостола становится сперва пред иконою Спасителя или Божией Матери, судя по тому, к которому крылосу он принадлежит, полагает поясный поклон пред иконою, потом покланяется, обратясь к своему крылосу, а за сим выходит на средину пред Царские врата. Здесь полагает поясный поклон к алтарю; на слова служащего иеромонаха *мир всем* воздает поклон служащему и начинает сказывать прокимен. По произнесении заглавия Апостолу, когда служащие иеромонах или иеродиакон скажут *вонмем,* чтец опять воздает поклон служащему иеромонаху и начинает чтение Апостола. По окончании чтения, на слова служащего *мир ти*, чтец воздает ему поклон пред Царскими вратами, идет с среды церкви, становится близ своего крылоса пред иконою, полагает пред нею поклон, потом, обратясь к противоположному крылосу, воздает ему поклон, затем такой же поклон своему крылосу и становится на свое место.

22. Читая Апостол, отнюдь не должно чрезмерно и непристойно кричать, увлекаясь тщеславием; напротив, должно читать природным голосом, без отяготительного для слуха и совести напряжения, благоговейно, внятно, величественно, чтоб наша жертва хвалы была благоприятна Богу, чтоб не оказалось, что мы приносим Богу один *плод устен*[1], а плод ума и сердца приносим тщеславию, причем и *плод устен* отвергается Богом, как оскверненная жертва. Это должно помнить и певцам, потому что для всех вообще крылосных крайне опасна страсть тщеславия, за которою входят в душу и другие пороки, особливо гордость, и отступает от человека хранящая его благодать Божия.

23. Идя на сход и со схода, должно начинать и оканчивать пение всем вместе; притом руками не махать, глаза иметь опущенными к земле, отнюдь не оглядываться по сторонам; должно идти в порядке, плавно, одному брату за другим, не толкая и не торопя друг друга. Встав на сходе, должно выравняться, чтоб один не стоял впереди другого. При возвращении со схода на крылоса должно наблюдать тот же порядок, какой выше указан при выходе на сход. Стоя на сходе, должно иметь руки опущенными, отнюдь не

[1] ...*плод уст* (Евр. 13. 15).

складывая их вместе, поклоны класть отнюдь не произвольно, а когда следует — класть не порознь, а всем вместе, чтоб братия, находящиеся на сходе, представляли из себя единое тело, по выражению церковного Устава[1]. Для такового единообразного и благоговейного поклонения все братия должны применяться к головщику, который обязан наблюдать за своевременным исполнением поклонов и за тем, чтоб его собственные поклоны не были ни поспешны, ни преждевременны и братия имели всю возможность соображаться с ним.

24. Поклоны[2] при богослужении полагаются следующие и в следующем порядке: когда служащий иеромонах выходит пред Царские врата, чтоб благословить чтение девятого часа или полунощницы, или в алтаре намеревается благословить чтение часов, то он пред возгласом *благословен Бог наш* полагает *три* поясных поклона; то же должны сделать и братия, равно как и пред начатием Божественной Литургии. При начале всенощного бдения полагаются *три* поясных поклона, когда головщик возглашает *приидите поклонимся*. Вообще при всех службах на всяком *трисвятом* и на всяком *приидите поклонимся* полагаются *три* поясных поклона, исключая *приидите* и *трисвятое* в самом начале утрени, на которых принято только знаменаться *трижды* крестным знамением так, как и в начале шестопсалмия при троекратном произнесении стиха *слава в вышних Богу*, в средине шестопсалмия при троекратном произнесении *аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже*. Обыкновенно знаменуются *однажды* крестным знамением пред начатием *Символа веры* на Божественной Литургии. При пении стихир и стиховен тогда только полагается по *одному* поясному поклону, когда слова стихиры побуждают к поклонению. Впрочем, ни на сходе, ни на крылосах не кланяться в беспорядке и самовольно, но всегда последуя головщику. Когда при чтении кафизм поется, а при окончании их, равно как и при окончании шестопсалмия, произносится троекратно *аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе, Боже*, полагается по *три* поясных поклона, кроме воскресных и праздничных дней, суббот и полиелеев, в которые эти поклоны оставляются. Когда придут братия на сход, и пред тем, как уходить со схода, полагают вместе, чинно, *один* поясный поклон, и потом все, в одно время, поклоняются стоящему на сходе братству. При первом про-

---

[1] Церковный Устав, гл. 27. || [2] Заимствовано из Церковного Устава, Следованной псалтири и из обычаев благоустроеннейших монастырей российских.

шении каждой ектинии и при возгласе, которым служащий иеромонах заключает ектинию, полагается по *одному* поясному поклону. Пред чтением и после чтения Святого Евангелия, при пении *славы* — по *одному* поясному поклону. На девятой песни при пении *Честнейшую Херувим,* при каждом повторении этих слов — по *одному* поясному поклону. На Божественной Литургии после *приидите поклонимся и припадем ко Христу* полагается *один* поясный поклон. По окончании всей *Херувимской песни,* то есть после *аллилуиа* — *три* поясных поклона. Приносимым дарам, как еще не освященным, воздается честь *одним* поясным поклоном и, после него, наклонением главы. По окончании *Тебе поем* полагаются глубокие *три* поясных поклона, а некрылосными *один* земной: во время пения этой святой песни освящаются предложенные Святые Дары. По *Достойно есть* — *один* поясный поклон. Пред *молитвою Господнею* некрылосные полагают *один* земной поклон, а крылосные знаменуются только крестным знамением, потому что им немедленно нужно петь. После *молитвы Господней,* когда служащий иеромонах скажет: *Яко Твое есть Царство* и прочие слова возгласа, — полагается *один* поясный поклон. При возгласе *Святая святым* полагаются *три* поясных поклона. Когда выносят Святые Тайны с возглашением *со страхом Божиим и верою приступите,* полагается крылосными *один* глубокий поясный, благоговейный поклон, как бы Самому Христу, невидимо присутствующему в Святых Тайнах, а некрылосными полагается *один* земной поклон. Точно так же должно поступать, когда выносится Святой Потир во второй раз с возглашением *всегда, ныне и присно, и во веки веков.* По окончании Божественной Литургии полагаются *три* поясных поклона, и младшие обоих крылосов обращаются к старшим, все приветствуют друг друга поклонением. В воскресные и праздничные дни, в субботы и полиелеи земные поклоны в церкви отменяются.

25. Камилавки снимаются с головы и становятся на плечо так, чтоб крест, образуемый оконечностию клобука, не сходил с плеч в следующие времена богослужения: *на Литургии:* при входе с Евангелием, при чтении Евангелия, при великом входе, при словах Христовых *приимите ядите* до *Достойно* включительно; при пении молитвы *Отче наш* и при явлении Святых Таин. На вечерне: при входе. На утрени: при чтении Евангелия и при пении *Честнейшей.* При чтении Апостола на Литургии и паремий на великой вечерне чтец снимает камилавку. Братия снимают камилавки при

пении *Отче наш* пред трапезою и *Достойно* после трапезы[1]. Братия должны как снимать, так и надевать камилавки все в одно время, не предупреждая друг друга.

26. Вообще в церкви Божией должно сохранять всевозможные благоговение и порядок, как для славы Божией, так для собственной душевной пользы и для душевной пользы предстоящего народа, который благоговением иноков назидается, а неблагоговением их смущается, соблазняется, повреждается. Не должно выходить из церкви безвременно; не должно позволять себе какого бы то ни было самомалейшего нарушения правил благочиния и благоговения. От небрежения к малому и ничтожному легко и скоро переходим к небрежению о важнейшем и о всем. Чтоб сохранить внимание к важным обязанностям своим, должно постоянно наблюдать за собою и быть внимательным ко всем, самым мелочным своим действиям[2].

27. При встретившейся нужде излишнюю мокроту должно с осторожностию собирать в платок, а не повергать на пол при непристойном шуме. Не должно кашлять и сморкаться громко: эти и другие подобные естественные необходимости должно исполнять с тихостию и благопристойностию. В церкви табаку не нюхать. Если употреблять пищу, что составляет для человека естественную потребность, не позволяется в церкви, тем непозволительнее нюхать табак, что совсем не естественная необходимость, но худой навык и прихоть. Да и вообще вступающему в чин монашеский должно отучиться от употребления табака. Мирские братия наши весьма соблазняются на употребление табака монашествующими: непременный долг любви требует, чтоб мы не подавали повода к соблазну мирским братиям, которые, соблазнившись чем-нибудь ничтожным, не будут доверять нам и в важном. Тот, кто не может преодолеть привычки, да сознает свою немощь, да восполняет самоукорением недостаток самоотвержения[3], а привычку да не обнаруживает пред братиями, потому что вред, причиненный одному, не столько тяжек, сколько вред, причиняемый многим. Таково мнение Отцов о побеждении нашем немощами нашими.

28. Строжайшее благоговение и порядок установлено сохранять в церкви: они да сохраняются и в трапезе. Пребывание в трапезе для подкрепления пищею должно быть как бы продолжением богослужения. Братия, питая тело с благоразумным довольством

---

[1] Церковный Устав, гл. 29. ‖ [2] Преподобный авва Дорофей. Поучение 3. О совести. ‖ [3] Преподобный Нил Сорский. Слово 5, статья о мере пищи.

предлагаемыми яствами, должны в то же время питать душу словом Божиим, которое читается во время трапезы. Для этого соблюдается в трапезе глубокое молчание. Если понадобится что сказать, то говорится весьма тихо и кратко, чтоб не воспрепятствовать слышанию чтения[1].

29. Все братия должны употреблять пищу в общей трапезе, а не по келлиям, кроме больных, которым дозволяется употребление пищи в келлии, но не иначе, как с ведома и дозволения настоятеля. Старайся быть участником общей трапезы, не избегая ее по какой-нибудь маловажной причине, имеющей личину правды: в свое время увидишь особенную душевную пользу от постоянного участия в общей трапезе.

30. Употребление пищи, как в трапезе, так и в келлиях, должно быть по отношению к количеству самое благоразумное. Новоначальные должны употреблять пищу почти до сытости, но не до пресыщения. Пост, столько полезный монаху впоследствии[2], для новоначального должен быть умеренный. Если новоначальный не будет употреблять пищи вне трапезы, то такой пост будет вполне удовлетворительным для него. Употребление пищи в трапезе почти до сытости нужно для новоначального по той причине, что он обязан исполнять послушания, иногда трудные, и для того не ослаблять телесных сил излишне. Для должного ослабления их достаточно качества и количества трапезной монастырской пищи. Страсти умаляются в новоначальных не от усиленного поста, но от исповедания греховных помыслов, от трудов и от удаления от свободного обращения с ближними.

31. Хотя употребление вина и разрешается церковным Уставом на трапезе, но оно разрешается только для тех трудящихся старцев, для которых оно нужно и полезно. Для юных вино вредно, почему, несмотря на то что оно в некоторых монастырях предлагается в трапезе, весьма полезно для юных совершенно воздерживаться от вина. «Похвала монаху — воздержание от вина, — сказал святой великий Симеон Чудотворец; — если же по причине телесной немощи монах и будет принужден употреблять его, то да употребляет мало»[3]. Преподобный Пимен Великий сказал: «Монахам отнюдь не должно пить вина»[4]. — «Вина ниже да обоняет юность», — сказал преподобный Марк Подвижник[5].

---

[1] Церковный Устав, гл. 35. ‖ [2] Преподобного Григория Синаита Главы зело полезные, глава 18. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Церковный Устав, гл. 35. ‖ [4] Там же и в Патерике Алфавитном. ‖ [5] Послание к иноку Николаю.

32. В келлиях должно заниматься душеполезным чтением и таким рукоделием, которое не возбуждало бы пристрастия к себе. Иначе все твое внимание отвлечется к рукоделию, к которому имеешь пристрастие: Бог и твое спасение соделаются чуждыми для тебя. Книг светских, тем более вредных для нравственности, отнюдь не читать, даже не иметь в келлии.

33. Новоначальным не должно заводить в келлии мшелоимства[1], то есть различных предметов прихоти и роскоши. Келейное мшелоимство привлекает к себе ум и сердце новоначального: таким образом отвлекает их от Бога. Кроме того, оно возбуждает мечтательность, противодействующую преуспеянию духовному. Лучшим украшением иноческой келлии служит избранная библиотека, которая должна состоять из Священного Писания и писаний Отеческих о монашеской жизни. «Необходимо иметь христианские книги, — сказал святой Епифаний Кипрский, — одно воззрение на эти книги отвращает от греха и поощряет к добродетели»[2]. Священные книги должно содержать честно, воздавая честь живущему в них Святому Духу. У старцев, известных по своему особенному благочестию и духовному преуспеянию, Новый Завет помещается при святых иконах[3].

34. Новоначальным воспрещается принимать в келлии женщин, даже ближайших родственниц; о принятии родственников и знакомых мужеского пола новоначальные обязываются испрашивать дозволение у настоятеля.

35. Новоначальные не только должны охраняться от принятия в келлии мирских людей, но и от безвременного хождения в келлии друг к другу. Безвременное посещение друг друга новоначальными служит для них поводом к празднословию, смехословию, к дерзости, чем истребляется в сердце новоначального страх Божий и благое произволение к подвижнической жизни, возбуждается сильнейшее действие страстей, особливо уныния, гнева и блудной страсти. По этой причине великий старец, Симеон Благоговейный, заповедал ученику своему святому Симеону Новому Богослову, при вступлении его в монастырь, отказаться от всякого знакомства вне и внутри монастыря. Ученик, тщательно исполняя завещание старца, вскоре достиг высокого духовного преуспеяния[4].

---

[1] Монастырское выражение. ‖ [2] Алфавитный патерик. ‖ [3] Писавший эти правила, посещая при первоначалии своем опытнейших старцев, заметил у них этот похвальный обычай. ‖ [4] Житие преподобного Симеона Нового Богослова, рукопись; имеется житие сего угодника Божия и печатное издание Оптиной Пустыни.

36. Новоначальный! посещай часто келлию твоего духовника или твоего старца для духовного твоего назидания и исповедания твоих согрешений и греховных помыслов твоих. Блажен ты, если нашел старца сведущего, опытного и благонамеренного: удовлетворительный наставник в наши времена — величайшая редкость. Почитай святилищем ту келлию, в которой ты слышишь оживотворяющее тебя слово Божие[1]. Если же в монастыре не имеется удовлетворительного наставника, то чаще исповедайся в согрешениях пред духовным отцом, а наставления почерпай в Евангелии и книгах, написанных святыми Отцами о подвижничестве. Келлия твоя соделается для тебя пристанищем и убежищем от мысленных и сердечных бурь.

37. В келлии отнюдь не должно иметь никаких снедей, никаких лакомств, особенно же никаких напитков. Не для увеселения себя исполнением плотских пожеланий, не для земных радостей и утех мы вступаем в монастырь! Мы вступаем в него с тем, чтоб посредством истинного покаяния, не прерываемого развлечением и увеселениями, примириться с Богом и получить от Него неоцененный дар спасения.

38. Одежду должно иметь по возможности простую, но приличную и опрятную, требуемую обычаем и положением монастыря и отношениями его к посещающим мирским братиям, которых может одинаково соблазнить и пышная, и неопрятная одежда. Цветных подрясников и подкладок под рясами не иметь: такая одежда нейдет для плачущих о умершей душе своей; им идет одежда черная, в которую облекаются человеки в знак своей глубокой печали. Новоначальному необходимо соблюдать это правило, потому что душа его сообразуется состоянием своим состоянию тела и не может удерживать в себе чувства покаяния, когда тело украшено пышною и блестящею одеждою. От роскошной одежды являются в новоначальном тщеславие и ожесточение, плоть его оживает для блудных ощущений и движений[2]. Грешнику неприлично иметь красивую одежду: иначе он будет подобен повапленному и позолоченному гробу, снаружи светлому и богатому, внутри — с смердящим трупом.

39. К старшим должно оказывать уважение, к иеромонахам подходить под благословение с благоговением и верою. Уважение это должно иметь по долгу и из любви, а не по человекоугодию или

[1] Преподобный авва Дорофей. Поучение 4 о страхе Божием. || [2] Изречение преподобного Исаии Отшельника. Алфавитный патерик.

другому какому-нибудь побуждению века сего, чуждому монашеского настроения, чуждому духа Церкви.

40. Братия, при взаимной встрече, должны приветливо поклоняться друг другу, почитая в ближнем образ Божий, почитая Самого Христа[1].

41. Юные должны стремиться к тому, чтоб всех любить одинаково, охраняясь, как от сети диавольской, от исключительной любви к какому бы то ни было сверстнику или светскому знакомому. Такая любовь в юных — не что иное, как не понимаемое ими пристрастие, решительно отторгающее их от обязанностей их к Богу[2].

42. При взаимном свидании должно крайне хранить осязание, хранить до такой степени, что отнюдь не брать брата за руку; равным образом должно удаляться и от прочих приветствий, нейдущих для святой иноческой обители. С строгостию наблюдалось это хранение в древних монастырях. Нарушители его подвергались в египетских обителях, лучших в христианском мире, публичному монастырскому наказанию. Поведает это преподобный Кассиан Римлянин[3].

43. Как величайшей опасности должно избегать знакомства с тем братом, который живет нерадиво, не из осуждения его, нет! другая тому причина: ничто так не прилипчиво, так не заразительно, как слабость брата. Апостол завещал: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас*[4]. *Аще некий брат именуем будет блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или пьяница, или хищник: с таковым ниже ясти*[5]. Почему? потому что — говорит тот же Апостол: *Тлят обычаи благи беседы злы*[6]. Познакомился ли ты коротко с пьяницею? знай: в его обществе и ты приучишься к пьянству. Часто ли беседуешь с блудником? знай: он перельет в тебя свои сладострастные чувствования. Друзьями и короткими знакомыми твоими должны быть те, которых все намерение состоит в благоугождении Богу. Так поступал святой пророк Давид. Он говорит о себе: *Прехождах в незлобии*

---

[1] Мф. 25. 40. || [2] Святого Исаака Сирского Слово 8 и преподобного Симеона Нового Богослова, гл. 125. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] Книга 4, гл. 10 и 11. || [4] *Завещеваем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Сол. 3. 6). || [5] *...кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, ...или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе* (1 Кор. 5. 11). || [6] *...худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15. 33).

сердца моего посреде дому моего; но, несмотря на такое незлобие, *творящия преступление возненавидех* богоугодною ненавистию, состоящею в удалении от них: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгонях: гордым оком и несытым сердцем, с сим не ядях. Очи мои на верныя земли, посаждати я со мною: ходяй по пути непорочну, сей ми служаше. Не живяше посреде дому моего творяй гордыню: глаголяй неправедная не исправляше пред очима моима*[1]. *Мне зело честни быша друзи Твои, Боже*[2]. Преподобный Пимен Великий говорил: «Заключение (конец, венец) всего наставления новоначальному иноку: удаляйся худого общества (знакомства, дружества) и держись хорошего общества»[3].

44. Не должно ходить по монастырю с открытою головою: в этом — нарушение скромности и благоговения. Также не должно позволять себе крика, нестройных, излишне вольных телодвижений, что расстраивает внутреннее благочиние новоначального, расстраивает порядок монастыря, нарушает спокойствие братства, приводит в соблазн мирских посетителей монастыря.

45. Вне монастырской дачи никуда не ходить, не испросив предварительно дозволения у начальствующих.

46. При прогулках никому не ходить одному; но ходить, и всегда непременно, вдвоем или втроем. Это постановление существовало как в древних, так и новейших благоустроенных святых обителях. Им предупреждаются многие соблазны, даже падения. *Горе единому!*[4] — когда какой-нибудь соблазн начнет увлекать его, — некому остановить его! Напротив, того брата, вспомоществуемого братом, Божественное Писание уподобляет твердому и высокому граду[5].

47. Не любите ездить в город, не любите посещать мирских селений! Как не повредиться душе юного инока или новоначального, желающего принять на себя обеты иночества, от частого зрения на соблазны и от смешения с соблазнами, к которым сердце его еще живо, которыми оно услаждается и увлекается? Если б оно не услаждалось прелестями мира, то не привлекалось бы к ним. Инок, чувствующий влечение к частым выходам из монастыря в мир,

---

[1] *Буду ходить в непорочности моего сердца посреди дома моего... дело преступное я ненавижу ... клевещущего на ближнего своего изгоню; гордого очами и надменного сердцем не потерплю. Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне; кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне. Не будет жить в доме моем поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими* (Пс. 100. 2–7). ‖ [2] *Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже, и как велико число их!* (Пс. 138. 17). ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Еккл. 4. 10. ‖ [5] Притч. 8. 19.

ранен стрелою диавола. Инок, последующий болезненному влечению сердца часто оставлять монастырь и скитаться среди соблазнов мира, приял в себя произвольно смертоносную, ядовитую стрелу, пущенную в него диаволом, — допустил яду ее разлиться по душе своей, отравить ее. Новоначального, предавшегося скитанию, надо признавать не способным к иноческой жизни и благовременно извергать из монастыря. Инока, предавшегося скитанию, надо считать изменившим Богу, совести, обетам иночества. Для такого инока нет ничего святого; все подлейшие поступки, всякое беззаконие и злодеяние он считает позволительным себе, будучи увлечен и омрачен страстию миролюбия, вмещающею в себе служение всем страстям. Нужна особенная предусмотрительность по отношению к такому иноку, потому что он не остановится сделать всевозможное зло обители, при помощи своих непотребных связей среди мира, чтоб оправдать свое поведение и отразить всякое покушение на обуздание его бесчинства.

48. Все зависит от навыка. Если послабим себе, то получим худой навык, который будет властвовать над нами, как жестокий господин над рабами. Если понудим себя, то получим добрый навык, который будет действовать в нас, как благотворное природное свойство. Избери полезное для себя, приучись к нему: навык сделает полезное приятным. Понудим же себя стяжать благой навык к терпеливому пребыванию в монастыре, выходя из него только по крайней нужде, пребывая вне его как можно меньше, возвращаясь в него как можно скорее. Глава монашества, преподобный Антоний Великий, сказал: «Как рыбы, замедляя на суше, умирают, так и монахи, пребывая с мирскими людьми, вне келлии, теряют расположение к безмолвию. Как рыба стремится в море, так и мы должны стремиться в свои келлии, чтоб, замедляя вне, не забыть о внутреннем хранении»[1]. От навыка пребывать в монастыре мы удобно перейдем к другому, еще лучшему навыку, к навыку пребывать в келлии. Тогда милосердый Господь приведет нас и к святому навыку пребывать внутри себя.

49. Наблюдающий благоразумное молчание, хранящий зрение и осязание, удаляющийся от особенной любви к кому бы то ни было из братии и из мирских, удаляющийся от привязанности к земным вещам, удаляющийся от свободного обращения и от всего, чем нарушаются скромность и благоговение, скоро ощутит в себе ту мертвость, из которой воссиявает жизнь[2]. Напротив того, предающийся

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, статья 10. ‖ [2] 2 Кор. 4. 10.

рассеянности, не бдящий над собою, позволяющий себе пристрастие и свободное обращение никогда не достигнет ничего духовного, хотя бы провел в монастыре целое столетие.

50. Каждый из братии обязывается ежедневно приложиться к чудотворной иконе или к святым мощам, находящимся в монастыре. Прикладываться должно при трех благоговейных поклонах и при сердечной молитве о том, чтоб святые помогли совершить поприще иночества в славу Божию, во спасение души. Из трех поклонов два полагаются пред целованием иконы или мощей и один после целования. Так поступают благоговейные иноки во всех монастырях, где имеются святые чудотворные иконы или святые мощи. Иноки прикладываются к иконам и мощам обыкновенно после утрени или после вечерни, или же после вечернего правила.

Заключение

Сохранение вышеизложенных правил может привести наружное поведение инока в благоустройство, приучить его к постоянному благоговению и наблюдению над собою[1]. Приведший свое наружное поведение в порядок подобен хорошо обделанному сосуду, без скважин: в такой сосуд можно влагать драгоценное миро, влагать с уверенностию, что миро сохранится в целости. И монах, благоустроивший свои обычаи, делается способным к душевному деланию, которое хранится в целости благоустроенными телесными обычаями; оно, напротив того, никак не может удержаться в иноке, расстроенном по наружному поведению. Святой Исаак Сирский в начале 56-го Слова говорит: «Телесным деланием предваряется душевное, как сотворение тела в Адаме предшествовало вдуновению в него души. Не стяжавший телесного не может иметь и душевного: второе рождается от первого, как колос от нагого пшеничного зерна. Не имеющий душевного делания чужд духовных дарований». Этот же преподобный в 46-м Слове говорит: «Я видел многих великих и дивных Отцов, которые более, нежели о прочих деланиях, заботились о благочинии чувств и навыках тела: от этого благочиния рождается благочиние помыслов. Многое случается

---

[1] Очевидно, что правила эти, в существенных началах своих, должны быть непременно соблюдаемы, как заключающие в себе постановления Апостолов и святых Отцов, как принадлежащие к нравственному преданию Церкви. Столько же очевидно, что в мелочных частностях, относящихся к наружному благочинию, должно применяться к требованию и положению каждого монастыря.

с человеком вне его хотения и принуждает его нарушить пределы, себе положенные, почему если б он не находился в непрестанном хранении чувств, то при таких случаях долгое время не мог бы приходить в себя и находить прежнее свое мирное устроение». — В 89-м Слове: «В присутствии друзей твоих веди себя благоговейно: поступая так, принесешь пользу себе и им, потому что душа часто свергает с себя узду охранения под предлогом любви. Остерегайся бесед: они не всегда полезны. В собраниях предпочитай молчание: оно предохраняет от многих (душевных) утрат. Храни зрение более, нежели чрево, потому что своя брань, без сомнения, легче внешней. Не верь, брат, что внутренние помыслы могут быть удержаны без предварительного приведения тела в благое и благочинное устроение. Убойся (дурных) привычек более, нежели бесов».

Когда Василий Великий прибыл в Антиохию, тогда философ Ливаний, наставник Антиохийского училища и товарищ Василия по училищу Афинскому, просил его произнести поучение юным слушателям своим. Святой Василий исполнил это. Сказав им, чтоб они хранили чистоту души и тела, он преподал им подробно правила для наружного поведения: заповедал иметь походку скромную, не говорить громогласно, соблюдать в беседе благочиние, употреблять пищу и питие благоговейно, хранить молчание при старейших, быть внимательными к мудрым, послушными к начальникам, иметь к равным и меньшим нелицемерную любовь, удаляться от злых, от зараженных страстями и любящих угождать плоти, мало говорить, тщательно собирать познания, не говорить, не обсудив прежде то, о чем намерены говорить, — не многословить, не быть скорыми на смех, украшаться скромностию и так далее. Мудрый Василий преподал юношам наставление, наиболее относящееся к их наружному поведению, зная, что благочиние немедленно сообщится от тела к душе и благоустройство тела весьма скоро приведет в благоустройство душу[1].

Особенное внимание должно обратить на то, чтоб отучиться от свободы в обращении с людьми, свободы, столько одобряемой и столько любимой в светских обществах. В наше время многие, привыкши к свободному обращению в мирской жизни, сохраняют его в монастыре; другие, уже поступив в монастырь, стараются приобрести его, находя в нем что-то особенно привлекательное. Вредные последствия свободного обращения не примечаются при развлечении, при невнимании к себе, при непрестанном многоразличном дей-

[1] Четьи-Минеи, житие святого Василия Великого, 1 января.

ствии бесчисленных соблазнов; но для монашествующего они гибельны. Святые Отцы сильно говорят против свободного обращения, которое они называют дерзостию. Однажды к преподобному Агафону, отличавшемуся между Отцами Египетского скита, ему современными, особенным даром рассуждения, пришел брат и спросил его: «Я намерен жить с братиею: скажи, как мне жить с ними?» Старец отвечал: «Все время пребывания с ними проведи так, как первый день твоего прихода. В течение всей твоей жизни сохрани странничество (то есть веди себя в обители, как странник и пришлец, а не как житель и член общества) и не позволяй себе свободного обращения (продерзания)». Авва Макарий[1], тут случившийся, сделал вопрос: «Какое значение имеет дерзость (свободное обращение)?» Старец отвечал: «Дерзость подобна великому зною, который когда наступит, то все бегут от лица его, и портятся плоды на деревьях». Авва Макарий сказал на это: «Так ли вредна дерзость?» — Авва Агафон отвечал: «Нет страсти более лютой, как дерзость: она — родительница всех страстей; подвижник должен воздерживаться от вольности в обращении»[2]. Преподобный авва Дорофей, приводя эти слова святого Агафона в одном из поучений своих, говорит: «Очень хорошо и очень разумно сказал Старец, назвав дерзость материю всех страстей. Она — мать их, потому что изгоняет страх Божий из души. Если *страхом Господним уклоняется всяк от зла*[3], то, несомненно, там всякое зло, где нет страха Божия. Дерзость проявляется различно: может она выразиться и словами, и действиями тела, и одним взором. От дерзости переходят к празднословию, к разговорам о предметах мирских и шуточным, возбуждающим непристойный смех. Причисляется к дерзости и то, когда кто прикоснется к ближнему без нужды или прострет к устам его руку, чтоб остановить его слово или смех, когда позволит себе вырвать что-либо из рук ближнего или толкнуть его, когда позволит себе посмотреть на ближнего бесстыдно. Все это причисляется к дерзости и происходит от того, что человек не имеет в душе страха Божия. Из такого состояния можно перейти мало-помалу к совершенному нерадению о себе. По этой причине Бог, преподавая заповеди, из которых состоит закон, данный Моисею, сказал: *Благоговейны сотворите сыны Израилевы*[4]. Без благоговения невозможны ни истинное Богопочитание, ни хранение заповедей».

---

[1] Не Великий, но другой, позднейший инок Скита. ‖ [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [3] Притч. 15. 27. ‖ [4] *Так предохраняйте сынов Израилевых от нечистоты их* (Лев. 15. 31).

Поступком дерзким высказались некогда самые преступные замысл и залог сердца. Когда Иуда Искариотский уже сговорился с Синедрионом о предательстве Господа, а потом бесстыдно возлег на Тайной вечери с прочими Апостолами, — он не остановился протянуть руку к сосуду с солию и взять соли вместе с Учителем и Господом своим. На этот поступок, по наружности маловажный, Господь указал как на знамение предателя[1].

Свободное обращение часто является по побуждениям человекоугодия, двоедушия, от слабости нравственных правил и воли. Охраняя от этих начал свободного обращения, преподобные Варсонофий Великий и ученик его Иоанн Пророк говорят: «Приобрети твердость, и она удалит от тебя свободу в обращении с ближними, причину всех зол в человеке[2]. Если хочешь избавиться от постыдных страстей, не обращайся ни с кем свободно, особенно же с теми, к которым сердце твое склоняется в страсти похотения. Чрез это освободишься и от тщеславия, ибо к тщеславию примешивается человекоугодие, к человекоугодию свободное обращение, а свободное обращение есть матерь всех страстей[3]. Уклонись от дерзости, как от смерти»[4].

Для всех очевидно и понятно, что свободное обращение, весьма легко и часто переходящее в величайшую дерзость и наглость, бывает причиною ссор, гнева, памятозлобия; но не всем известно и понятно, что от свободного обращения возжигается сильнейшая блудная страсть. Да ведают это возлюбленные братия, начинающие невидимое поприще мученичества и предпринявшие сразиться со страстьми плоти и духа, с тем, чтоб Божиею благодатию, осеняющею усилие подвижника, победить их и получить за победу венец спасения от руки Христовой. Вообще надо сказать, что монах подлежит совсем другим законам, нежели мирской человек, и нуждается в строжайшем наблюдении за собою, в постоянной осторожности, в постоянной недоверчивости к своему уму, сердцу и телу. Монаха можно уподобить оранжерейному цветку, а мирянина полевому. Невозможно на поле встретить таких прекрасных и драгоценных цветов, какие встречаются в оранжерее; зато оранжерейные цветы требуют особенного ухода за ними, не могут переносить непогод, при незначительной свежести воздуха повреждаются, меж-

[1] Мф. 26. 23. ‖ [2] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна. Ответы на вопросы 256 и 258. ‖ [3] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна. Ответы на вопросы 256 и 258. ‖ [4] Святого Исаака Сирского Слово 9.

ду тем как полевые не нуждаются ни в каком уходе и присмотре, растут на свободе и переносят удобно воздушные перемены. Все святые Отцы заповедуют монахам строжайшее наблюдение за собою, строжайшее хранение себя. От ничтожного по наружности обстоятельства может для монаха возникнуть величайшее искушение и самое падение. Одно неосторожное прикосновение, один ничтожный взгляд, как доказано несчастными опытами, внезапно переменяли в монахе все душевное расположение его, все сердечные залоги, самый образ мыслей. Надо хранить себя и хранить. Вышеупомянутый преподобный Агафон говаривал: «Без величайшего наблюдения над собою невозможно преуспеть ни в одной добродетели»[1]. Новоначальным, с самого вступления их в монастырь, необходимо обратить все внимание на ограждение себя благоговейными навыками и обычаями, изучить их и приложить всеусиленное старание к приобретению их, хотя бы это и стоило значительного труда. Благий навык, с трудом приобретенный в юности, обращается в природное свойство и всюду сопутствует стяжавшему его. Оградивший себя благими телесными навыками может накоплять душевное богатство с благонадежностию: оно будет сохраняться в целости, будучи отвсюду ограждено благими телесными навыками. Напротив того, вредный навык может в кратчайшее время отнять все душевное богатство, накопленное в течение продолжительного времени, накопленное при усиленнейшем подвиге, с утратою здоровья и сил, так что новое накопление богатства делается уже крайне затруднительным. Особенно причиною таких душевных бедствий бывает навык к свободному обращению и сопряженные с ним и рождающие его частые отлучки из монастыря и из келлии. — Братия! будем молить Господа, соединяя с молитвою и собственное старание, чтоб Он наставил нас заповеданному Им благоговению, положил *хранение устом нашим*[2] и прочим членам, равно как и чувствам нашим, которые при нехранении соделываются отверстыми дверьми для греха, ими входящего в душу и убивающего ее. Аминь.

---

[1] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. Статья о авве Агафоне. ||
[2] *Положи, Господи, охрану устам моим* (Пс. 140. 3).

Часть II

Советы относительно душевного иноческого делания

Введение

Душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его

Человек не может быть без мыслей и чувствований. Мысли и чувствования служат признаком жизни человека. Если б они прекратились на какое-либо время, то это было бы вместе прекращением человеческой жизни, человеческого существования. Жизнь не прекращается ниже на мгновение: и ум не престает ни на минуту от рождения мыслей, а сердце не престает ни на минуту от рождения чувствований. Непрестанное занятие — естественно душе. Дать душе занятие богоугодное есть непременная обязанность каждого, вступившего в монастырь. Такое занятие святыми Отцами названо *душевным деланием, умным подвигом, блюдением ума, хранением сердца, трезвением, вниманием*[1].

Как после сотворения тела немедленно была вдунута в него душа, так, по принятии новоначальным правил для наружного поведения, необходимо ему немедленное усвоение себе богоугодного душевного делания. Как душою оживляется тело, так богоугодным душевным деланием оживляется благоговейное наружное поведение. Без души тело мертво; оставленное ею, оно начинает повреждаться и издавать из себя смрад; так и наружное благоговейное поведение, без благочестивого направления и упражнения души, сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением, лицемерством, человеко-

[1] Никифора Монашествующего Слово. Добротолюбие. Ч. 2.

угодием и другими пагубнейшими, трудно замечаемыми и постигаемыми душевными страстями. Душевные страсти очень быстро растут и крепнут под покровом наружного благоговения, когда оно не одушевлено истинным благочестием. Человек, любуясь наружным благоговением своим, неприметно переходит от благоговения к притворству. Притворство очень нравится слепотствующему миру, привлекает к себе похвалу, уважение, доверенность человеков[1], сводит инока с крестного пути, устраивает для него самое выгодное земное, плотское положение. Когда притворство облагодетельствует таким образом своего делателя, тогда делатель, видя, с одной стороны, свое приобретение, с другой — те оскорбления и гонения от мира, которым подвергаются истинные подвижники благочестия, старается более и более преуспеть в притворстве и человекоугодии. Полное преуспеяние в притворстве образует фарисея, держащегося убивающей буквы закона, отвергшего оживотворяющий дух закона. Фарисей хотя и говорит непрестанно о Боге и о добродетели, но вполне чужд Бога и добродетели: он готов и способен на всякое злодеяние, на всякий низкий поступок для удовлетворения своему самолюбию. Такой ход и плод естественны. Душа не может быть без непрестанного упражнения: если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые родятся в ней самой, иначе: она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена. Благовременно надо принять меры, чтоб не сделаться фарисеем и за мгновенное наслаждение земными преимуществами и человеческими похвалами не потерять спасения и блаженства в вечности. Сердце наше слабо: оно очень удобно может увлечься пороком, прикрытым благовидною личиною. Тот

[1] «Тех, которые притворяются добродетельными и кожею овчею по наружному виду являют одно, а в сущности по внутреннему человеку суть другое, которые исполнены всякой неправды, исполнены зависти, ревности и злосмрадных страстей, почитают святыми и бесстрастными весьма многие, имеющие неочищенное душевное око и не могущие познать их от плодов их; пребывающих же во благоговении, добродетели и простоте сердца, истинно святых, пренебрегают как бы обыкновенных людей, оставляют их без внимания и презирают, вменяют за ничто. Таковые говорливого и тщеславного признают учительным и духовным, а молчаливого и хранящегося от празднословия провозглашают невеждою и безгласным. Высокомудрые и недугующие диавольскою гордостию отвращаются от говорящих Святым Духом, как от высокомудрого и гордого, более ужасаясь слов его, нежели умиляясь от них; напротив того, они очень похваляют и приемлют тонкословствующего из учености своей или чрева (под словом *чрево* надо понимать плотское состояние) и лгущего против спасения своего» (Преподобный Симеон Новый Богослов, гл. 70, 71 и 72. Добротолюбие. Ч. 1).

примет меры предосторожности против фарисейства, кто при вступлении в монастырь озаботится о немедленном доставлении себе правильного душевного делания.

Из того, что ум непрестанно родит мысли, а сердце чувствования, очевидно и делание, которое инок обязан дать душе своей. Уму надо предоставить упражнение в богоугодных мыслях, а сердцу в богоугодных чувствованиях. Иначе: надо, чтоб ум и сердце приняли и усвоили себе Евангелие. В помощь желающему стяжать спасительное душевное делание предлагаем следующие советы, заимствованные из Священного Писания и писаний Отеческих.

Глава 1
О изучении евангельских заповедей и о жительстве по евангельским заповедям

Инок, с самого вступления своего в монастырь, должен заняться со всевозможною тщательностию и вниманием чтением Святого Евангелия, изучить его так, чтоб Евангелие всегда предстояло его памяти, и он на каждом нравственном шагу своем, для каждого поступка, для каждого помысла, имел в памяти готовое наставление Евангелия. Таково завещание Самого Спасителя. Завещание это сопряжено с обетованием и угрозою. Господь, посылая учеников Своих на проповедь христианства, сказал им: *Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*[1]. — Обетование для исполнителя евангельских заповедей заключается в том, что он не только спасется, но и вступит в теснейшее общение с Богом, соделается богозданным храмом Божиим. Сказал Господь: *Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам*[2]. Из этих слов Господа видно, что надо так изучить евангельские заповеди, чтоб они сделались достоянием, имуществом ума: тогда только возможно точное, постоянное исполнение их, такое исполнение, какого требует Господь. Является Господь исполнителю евангельских заповедей духовно, и видит Господа исполнитель заповедей духовным оком, умом, видит Господа в себе, в своих помыслах и ощущениях, осененных Святым Духом. Никак не должно ожидать

---

[1] *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам* (Мф. 28. 19, 20). || [2] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14. 21).

явления Господа чувственным очам. Это явствует из слов Евангелия, последующих за вышеприведенными: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим*[1]. Очевидно, что Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, соделывает сердце храмом и жилищем Божиим, зрится в этом храме, зрится не телесными очами, а умом, зрится духовно. Образ зрения непостижим для новоначального и необъясним для него словами. Прими обетование верою: в свое время познаешь его блаженным опытом. — Угроза небрегущему о исполнении евангельских заповедей заключается в предречении ему бесплодия, отчуждения от Бога, погибели. Сказал Господь: *Без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает. Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей*[2]. *Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на Небесех. Мнози рекут Мне в день он* (в день суда): *Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им: яко николиже знах вас, отыдите от Мене делающии беззаконие*[3]. Податель, учитель и образец смирения, Господь наш, Иисус Христос, назвал Свои всесвятые, всемогущие, Божественные заповеди *малыми*[4], по той простейшей форме, в которой они изложены и по которой они удобоприступны и удобопонятны для всякого человека, самого некнижного. Но вместе с этим Господь присовокупил, что намеренный и постоянный нарушитель одной такой заповеди *мний наречется в Царствии Небеснем*, или, по объяснению святых Отцов, будет лишен Царства Небесного, будет ввергнут в геенну огненную[5]. Заповеди Господа *дух суть и живот суть*[6]; они делателя своего спасают; из мертвого по душе соделы-

---

[1] *...кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14. 23). ‖ [2] *Без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие* [ветви] *собирают и бросают в огонь, и они сгорают. ...Пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей* (Ин. 15. 5, 6, 9, 10). ‖ [3] *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззакония* (Мф. 7. 21–23). ‖ [4] Мф. 5. 19. ‖ [5] См. толкование блаженного Феофилакта Болгарского. ‖ [6] *...суть дух и жизнь* (Ин. 6. 63).

вают живым, из плотского и душевного соделывают духовным. Напротив того, небрегущий о заповедях сам губит себя, оставаясь в плотском и душевном состоянии, в состоянии падения, развивая в себе это падение. *Душевен же человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть*[1]: и потому для спасения необходимо претвориться из душевного человека в духовного, из ветхого в нового[2]. *Плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут*[3]: и потому для спасения необходимо освободиться не только от влияния плоти, или грубых страстей, но и от влияния крови, посредством которой страсти действуют на душу утонченно. *Удаляющиеся от Тебе* (не по телесному положению, но по расположению души, уклонившейся от исполнения воли Божией) *погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе,* любодеющего при последовании собственной воле и собственным разумениям, при отвержении евангельских заповедей или воли Божией. Второе по необходимости сопутствует первому. *Мне же,* истинному иноку, *прилеплятися Богови благо есть, полагати на Господа упование мое*[4].

Глава 2
Человеки будут судимы на Суде Божием по евангельским заповедям

По евангельским заповедям мы будем судимы на Суде, установленном от Бога для нас, христиан православных, — на том Суде, от которого зависит наша вечная участь. Суд бывает частный для каждого христианина немедленно после его смерти и будет общий для всех человеков при Втором Пришествии на землю Господа нашего Иисуса Христа. На обоих судах присутствует и судит Сам Бог. На суде частном Он производит суд при посредстве Ангелов света и ангелов падших; на Суде общем Он произведет суд посредством вочеловечившегося Слова Своего[5]. Причина такого разнообразного суда ясна. Человек подчинился падшему ангелу произвольно: следовательно, он должен первоначально окончить расчет свой с падшим ангелом, сообразно тому, в какой степени расторгнуто христианином общение с отверженным духом при помощи искупления. На общем Суде должны предстать на истязание и падшие духи, и увлеченные ими человеки, как согрешив-

[1] *Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием* (1 Кор. 2. 14). || [2] 1 Кор. 15. 49. || [3] *...плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия* (1 Кор. 15. 50). || [4] *...приближаться к Богу! на Господа Бога я возложил упование мое* (Пс. 72. 28). || [5] Мф. 25; Ин. 5. 22, 27.

шие пред величеством Божества, почему Сам Бог, Само Слово Божие, Которое приняло на Себя человечество, Которым совершено наше искупление и Которым подобало бы спастись всем падшим, произведет Суд над нами всеми падшими и не очистившимися покаянием. Кодекс, или собрание законов, на основании которого будет производиться суждение и произноситься приговор на обоих судах, — Евангелие. Сказал Господь: *Отметаяйся Мене, и не приемляй* словес *Моих имать судящаго ему: слово, еже глаголах, то судит ему в последний день. Яко Аз от Себе не глаголах, но пославый мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть*[1]. Из этих слов Господа явствует, что мы будем судимы по Евангелию, что небрежение о исполнении евангельских заповедей есть деятельное отвержение Самого Господа. Употребим, братия, все тщание, чтоб соделаться исполнителями евангельских заповедей! Неизвестно, когда придет смерть; могут потребовать нас на Суд внезапно, в то время, когда нами наименее ожидается это требование. Блаженны приготовившие себя к переходу в вечность евангельскою жизнию! Горе нерадивым, невнимательным, своевольным, самомнительным! Горе не расторгшим общение с сатаною! Горе не вступившим в общение с Богом! Большее горе вступившим в это общение и отвергшим его!

Глава 3
Монашеское жительство есть жительство по евангельским заповедям

Древние преподобные иноки называли монашеское жительство евангельским жительством. Святой Иоанн Лествичник определяет монаха так: «Монах — тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время, руководствуется единственно Божиими заповеданиями и Божиим словом»[2]. Иноки, подчиненные преподобному Пахомию Великому, обязывались выучить Евангелие на память[3], чтоб иметь узаконения Богочеловека, как бы в постоянно отверстой книге,

---

[1] *Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день. Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорил, говорю, как сказал Мне Отец* (Ин. 12. 48–50). ‖ [2] Слово 1, гл. 4. ‖ [3] Vie des péres des deserts d'Orient par Michel Ange-Marin. Святой Тихон Воронежский знал на память Евангелие и Псалтирь.

в памяти, чтоб иметь их непрестанно пред очами ума, иметь их начертанными на самой душе для удобнейшего и неуклонного исполнения. Блаженный старец Серафим Саровский говорил: «Надо так приучить себя, чтоб ум как бы плавал в законе Господнем, которым, руководствуясь, должно управлять жизнь свою»[1]. Изучая Евангелие, стараясь исполнять его веления делами, словами, помышлениями, ты будешь последовать завещанию Господа и нравственному преданию Православной Церкви. Евангелие в непродолжительное время возведет тебя от младенческого возраста к зрелому возрасту о Христе, и ты соделаешься тем блаженным мужем, которого воспел вдохновенный Пророк, который *не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе: но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь. И будет яко древо насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет: и вся, елика аще творит, успеет*[2]. Наставляет Дух Святой истинных служителей Божиих, человеков, соделавшихся Богу Своими: *Внемлите, людие Мои, закону Моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст Моих*[3].

Глава 4
О непрочности монашеского жительства, когда оно не основано на евангельских заповедях

Основавший жительство свое на изучении Евангелия и на исполнении евангельских заповедей основал его на твердейшем камне. В какое бы он ни был поставлен положение обстоятельствами жизни, подвиг его всегда с ним. Он непрестанно делает, он непрестанно подвизается, он преуспевает непрестанно, хотя дело его, хотя подвиг его и преуспеяние неприметны и непонятны для других. Какие бы ни постигли его скорби и искушения, они не могут ниспровергнуть его. Господь сказал: *Всяк, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда хра-*

---

[1] Наставление 2. Издание 1844 г., Москва. || [2] *Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет* (Пс. 1. 1–3). || [3] *Внимай, народ мой, закону моему, приклоните ухо ваше к словам уст моих* (Пс. 77. 1).

мину свою на камени: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и нападоша на храмину ту: и не падеся, основана бо бе на камени[1]. Здесь жительство и душевное устроение уподоблены храмине: эта храмина получает необыкновенную прочность от Божественной, неограниченной силы, которою преисполнены слова Христовы. Очевидно, что такой твердости, какую доставляет душе исполнение заповедей Христовых, не может доставить никакое другое средство или пособие: сила Христова действует в заповедях Его. Господь к вышеприведенным словам присовокупил и нижеследующие: *Всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу юродиву, иже созда храмину свою на песце: и сниде дождь, и приидоша реки, и возвеяша ветри, и опрошася храмине той, и падеся: и бе разрушение ея велие*[2]. Удобно разрушается жительство, по видимому благое, тех, которые полагают в основание ему исключительно какой-либо телесный подвиг или и многие подвиги, иногда весьма трудные и весьма выставляющиеся, но не обращают должного внимания на евангельские заповеди. Очень часто случается, что подвижники даже не обращают никакого внимания на евангельские заповеди, открыто попирают их, не давая им никакой цены и нисколько не понимая их важности. Такие подвижники при встретившемся неожиданно искушении или при нечаянной перемене в жизни не только колеблются очень скоро, но и подвергаются совершенному нравственному расстройству, названному в Евангелии *велиим разрушением храмины* душевной. В пример возьмем пустынника, живущего в глубоком уединении, возложившего на это уединение всю надежду своего преуспеяния и спасения. Положим, что внезапно, по насилию обстоятельств, этому пустыннику пришлось оставить уединение и жить среди многолюдства. Он, как не скрепленный в себе самом евангельскими заповедями, непременно должен подвергнуться сильнейшему влиянию соблазнов, встречающихся во множестве в обществе человеческом. Это естественно: у него не было другой силы, его ограждавшей, кроме наружного уединения: лишившись его, он лишился всей опоры своей и по необходимости должен уступить

---

[1] *Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил свой дом на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне* (Мф. 7. 24, 25). ‖ [2] *А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое* (Мф. 7. 26, 27).

силе иных наружных впечатлений. Сказанное сказано отнюдь не для уничижения пустынного жития, охраняющего от соблазнов и развлечения, особенно способствующего к изучению и исполнению евангельских заповедей; сказано для того, чтоб и пустынник в пустыне своей приложил особенное тщание изучать и исполнять евангельские заповеди, посредством которых вводится в душу Христос, Божия сила и Божия премудрость[1]. Истинное христианство и истинное монашество заключаются в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность. *Праведницы наследят землю и вселятся в век века на ней*: праведниками Писание называет тех, которые стараются тщательнейшим образом исполнять истинно и единственно праведную волю Божию, отнюдь не свою, мнимо и ложно праведную. Только исполнители правды Божией могут наследовать землю, то есть возобладать своим сердцем, своею плотию, своею кровию. *Уста праведнаго поучатся премудрости, и язык его возглаголет суд. Закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его*[2].

Глава 5
О хранении себя от соблазнов

Основывая жительство на евангельских заповедях, вместе с тем должно избрать в местопребывание себе монастырь, наиболее удаленный от соблазнов. Мы немощны и повреждены грехом. Соблазн, находясь пред нами или вблизи нас, по необходимости найдет сочувствие себе в нашем греховном повреждении и произведет на нас впечатление. Впечатление это сначала может быть и неприметенным; но когда оно разовьется и усилится в человеке, тогда возобладает им и может поставить на край погибели. Иногда впечатление соблазна действует и весьма быстро, не дав, так сказать, опомниться или одуматься искушаемому: мгновенно омрачает ум, изменяет расположение сердца, ввергает инока в падение и падения. Преподобный Пимен Великий говорил: «Хорошо убегать причин греха. Человек, находящийся близ повода к греху, подобен стоящему на краю глубокой пропасти, и враг всегда, когда бы ни захотел, удобно ввергает его в пропасть. Но если мы по телу удалены от поводов ко греху, то бываем подобны далеко

[1] 1 Кор. 1. 24. ‖ [2] *Уста праведника изрекают премудрость, и язык его произносит правду. Закон Бога его в сердце у него; не поколеблются стопы его* (Пс. 36. 29–31).

отстоящему от пропасти; враг, хотя бы и повлек нас в пропасть, но в то время, когда подвергнемся влечению, можем оказать сопротивление, Бог поможет нам»[1]. Причины (вины) греха, поводы к нему, соблазны суть нижеследующие: вино, жены, богатство, здравие (излишнее) тела, власть и почести. «Это, — говорит святой Исаак Сирский, — не суть собственно грехи; но наше естество по причине их удобно преклоняется ко греху, почему человек должен тщательно охраняться от них»[2]. Отцы воспрещают избирать в место жительства славный монастырь во мнении мирских людей[3]: тщеславие, общее всему монастырю, необходимо должно заразить и каждого члена. Опыт показывает, что все братство может заразиться духом тщеславия не только по причине вещественных преимуществ своего монастыря, но и по причине высокого мнения мирян о особенном благочестии его устава. Рождающееся отсюда презорство к братиям других обителей, в чем именно и заключается гордость, отнимает возможность иноческого преуспеяния, основанного на любви к ближним и на смирении пред ними. — В пример того, каким образом соблазн, действуя мало-помалу на инока, как бы неприметно и нечувствительно может наконец возобладать им и ввергнуть его в страшное падение, приводим следующую повесть: «В египетском ските был некоторый старец, впадший в тяжкую болезнь и принимавший услужение от братии. Видя, что братия трудятся ради его, он задумал переместиться ближе к селениям, чтоб не утруждать братию. Авва Моисей (вероятно, тот, которого преподобный Кассиан называет рассудительнейшим между отцами скита, вообще отличавшимися обилием духовных дарований) сказал ему: «Не перемещайся в соседство селений, чтоб не впасть в блуд». Старца удивили и огорчили эти слова; он отвечал: «У меня умерло тело, и об этом ли ты говоришь?» Он не послушал аввы Моисея и поместился в соседстве мирского селения. Жители, узнав о нем, начали приходить к нему во множестве. Пришла послужить ему ради Бога и некоторая девица. Он исцелил ее — видится: девица имела какой-нибудь недуг, а старец имел дар чудотворения, — потом, по прошествии некоторого времени, пал с нею, и она сделалась беременною. Поселяне спрашивали ее: «От кого она беременна?» Она отвечала: «От старца». Ей не верили. Старец говорил: «Я сделал это; но сохраните дитя, которое должно родиться». Дитя родилось

---

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] Слово 57. Здесь и о винах грехов, равно как и в Слове 56. ‖ [3] Изречение аввы Зинона. Алфавитный патерик.

и было вскормлено грудию. Тогда, в один из праздников скита, пришел туда старец с дитятею за плечами и вошел в церковь при собрании всего братства. Братство, увидев его, восплакалось. Он сказал братии: «Видите дитя: это — сын преслушания». После этого старец пошел в прежнюю келлию свою и начал приносить покаяние Богу»[1]. Такова сила соблазна, когда пред ним встанет инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха старостию, недугом и продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному или частому действию соблазна. В пример того, как вина греха может мгновенно подействовать на инока, омрачить его ум, превратить сердечное расположение и ввергнуть в грех, приведем опять церковную повесть: «Епископ некоторого города впал в болезнь, по причине которой все отчаялись в его жизни. Там был женский монастырь. Игумения, узнав, что епископ отчаянно болен, посетила его, взяв с собою двух сестер. В то время, как она беседовала с епископом, одна из учениц ее, стоявшая у ног епископа, прикоснулась рукою к ноге его. От этого прикосновения возгорелась в болящем лютая брань блудная. Страсти лукавы. Он начал просить игумению, чтоб она оставила сестру при нем для услужения ему, приводя в причину такой просьбы недостаток в собственной прислуге. Игумения, ничего не подозревая, оставила сестру. По действу диавола епископ ощутил восстановление сил и впал в грех с инокинею, которая сделалась беременною. Епископ оставил кафедру и удалился в монастырь, где окончил жизнь в покаянии, принятие которого Бог засвидетельствовал дарованием покаявшемуся силы чудотворений»[2]. — Такова наша немощь! таково влияние на нас соблазнов! Они низвергли в пропасть падения и святых пророков[3], и святых епископов, и святых мучеников, и святых пустынножителей. Тем более мы, страстные и немощные, должны принимать все меры предосторожности и охранять себя от влияния на нас соблазнов. Страсти в иноках голодны: они, если будут оставлены без хранения, то кидаются с неистовством на предметы похотения, подобно хищным зверям, спущенным с цепей.

---

[1] Собеседование 1 (Collatio) о рассуждении. Пролог, июля 22. || [2] Алфавитный патерик. || [3] 2 Цар. 11.

Глава 6
Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом

Для начинающих монашескую жизнь более приличествуют общежительные монастыри, как представляющие собою обширное поприще для исполнения евангельских заповедей. Впрочем, если ты вступил и в штатный монастырь, то не унывай; не оставляй его без уважительной причины: и в штатном монастыре приложи всё старание образовать себя евангельскими заповедями. Общее правило заключается в том, что инок должен сперва обучиться деланию заповедей в обществе человеческом, в котором делание душевное сопряжено с деланием телесным, а потом уже, достигши достаточного преуспеяния, заняться исключительно душевным деланием в безмолвии, если окажется способным к нему. Способны к безмолвию редкие. Новоначальный никак не может вынести одного душевного делания. Душевным деланием мы вступаем в мир духов, для чего именно опытные иноки и удаляются в уединение. В мире духов первоначально встречают христианина падшие духи, как принадлежащего к сонму их душою по причине падения, как долженствующего доказать благое направление своего свободного произволения отвержением общения с падшими духами и принятием общения с Богом, общения, дарованного нам *туне* Искупителем. Духи удобно убивают вступившего в борьбу с ними без надлежащей опытности и без надлежащего приготовления[1]. Исполнение заповедей в обществе человеческом доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества человеческого и падших духов, с которыми посредством падения человечество вступило в общение и в один разряд существ отверженных, враждебных Богу, обреченных на погребение в темницах ада. Святые Отцы утверждают, что «истинно хотящий спастись должен сперва в сожитии с людьми претерпеть досады, бесчестия, лишения, уничижения, освободиться от влияния чувств своих и тогда уже пойти в совершенное безмолвие, как явил в Себе и Сам Господь наш Иисус Христос, ибо Он, претерпев всё сие, взошел наконец на святой крест, что значит умерщвление плоти и страстей и святое, совершенное успокоение»[2]. То знай наверно, что ты везде преуспеешь, и в обще-

[1] Преподобного Нила Сорского Слово 11. ‖ [2] Руководство к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, ответ 108.

жительном, и в штатном монастыре, если займешься изучением и исполнением евангельских заповедей; напротив того, везде останешься без преуспеяния и чуждым духовного разума, везде придешь в состояние самообольщения и душевного расстройства, если пренебрежешь изучением и исполнением евангельских заповедей. До конца жизни не переставай изучать Евангелие! не подумай, что ты довольно знаешь его, хотя бы и знал его на память! Заповедь Господня *широка зело*[1], хотя и заключается в малых словах. Заповедь Господня бесконечна, как бесконечен изрекший ее Господь. Делание заповедей и преуспеяние в них беспредельны: самые совершенные христиане, приведенные в состояние совершенства Божественною благодатию, пребывают несовершенными по отношению к евангельским заповедям.

Глава 7
О хранении себя от добра, принадлежащего падшему естеству человеческому

Придет ли тебе какая благая мысль? остановись; никак не устремись к исполнению ее с опрометчивостию, необдуманно. Ощутишь ли в сердце какое благое влечение? остановись; не дерзай увлечься им. Справься с Евангелием. Рассмотри: согласны ли со всесвятым учением Господа благая мысль твоя и твое благое влечение сердечное. Вскоре усмотришь, что нет никакого согласия между евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро нашего падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближайшего сходства с демонами. Напротив того, делая евангельское добро, как истинный и верный ученик Богочеловека, соделаешься подобным Богочеловеку. *Любяй душу свою,* сказал Господь, *погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю*[2]. *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест Свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубить ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю*[3]. Господь повелева-

---

[1] *...безмерно обширна* (Пс. 118. 96). || [2] *Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную* (Ин. 12. 25). || [3] *Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее* (Мк. 8. 35).

ет полное отвержение падшего естества, ненависть к его побуждениям, не только к явно злым, но и ко всем без исключения, и ко мнимо добрым. Великое бедствие — последовать правде падшего естества: с этим сопряжено отвержение Евангелия, отвержение Искупителя, отвержение спасения. *Кто не возненавидит душу свою, не может Мой быти ученик*[1], сказал Господь. Объясняя вышеприведенные слова Господа, великий Варсонофий говорит: «Как отрекается от себя человек? — Лишь тем, что оставляет естественные желания и последует Господу. Посему-то и говорит Господь здесь собственно о естественном, а не о неестественном; ибо если кто оставит только неестественное, то он не оставил еще ничего своего собственного, ради Бога, потому что противоестественное не принадлежит ему. А тот, кто оставил естественное, всегда взывает с апостолом Петром: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом, что убо будет нам?*[2] — и слышит блаженный глас Господа, и обетованием удостоверяется в наследовании жизни вечной[3]. Что оставил Петр, будучи не богат, и чем хвалился, если не оставлением естественных своих желаний? Ибо если человек не умрет для плоти, живя духом, он не может воскреснуть душою. Как в мертвеце вовсе нет желаний естественных, так нет их и в духовно умершем для плоти. Если ты умер для плоти, то как могут жить в тебе желания естественные? Если же ты не достиг меры духовной, а еще младенчествуешь умом, то смирись пред учителем, — да *накажет тя милостию*[4], и без совета ничего не делай[5], хотя бы что и казалось тебе по видимому добрым; ибо свет демонов обращается впоследствии во тьму»[6]. Точно то же должно сказать и о свете падшего человеческого естества. Последование этому свету и развитие его в себе производит в душе совершенное омрачение и вполне отчуждает ее от Христа. Чуждый христианства чужд Бога: *всяк, отметаяйся Сына, ни Отца имать*[7] — безбожник.

В наш век, гордый своим преуспеянием, большинство человеков, провозглашающее себя и христианами, и делателями обильнейшего добра, устремилось к совершению правды падшего естества, отвергнув с презрением правду евангельскую. Это большинство да услышит определение Господа: *приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем челове-*

[1] *...кто... не возненавидит... самой жизни своей, ... не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 26). ‖ [2] Мф. 19. 27–29. ‖ [3] Мф. 19. 27–29. ‖ [4] *...наказывает ... это милость* (Пс. 140. 5). ‖ [5] Сир. 32. 21. ‖ [6] Ответ 59. ‖ [7] 1 Ин. 2, 23.

ческим[1]. Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения; он проповедует, трубит о себе, о делах своих, не обращая никакого внимания на воспрещение Господа[2]; ненавистию и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных и небесных. Напротив того, делатель евангельских заповедей всегда погружен в смирение: сличая с возвышенностию и чистотою всесвятых заповедей свое исполнение их, он постоянно признает это исполнение крайне недостаточным, недостойным Бога; он видит себя заслужившим временные и вечные казни за согрешения свои, за нерасторгнутое общение с сатаною, за падение, общее всем человекам, за свое собственное пребывание в падении, наконец за самое недостаточное и часто превратное исполнение заповедей. Пред каждою скорбию, посылаемою Промыслом Божиим, он с покорностию преклоняет главу, ведая, что Бог обучает и образует скорбями служителей Своих во время их земного странствования. Он милосердствует о врагах Своих и молится о них, как о братиях, увлекаемых демонами, как о членах единого тела, пораженных болезнию в духе своем, как о благодетелях Своих, как о орудиях Промысла Божия.

Глава 8
О вражде и борьбе между падшим естеством и евангельскими заповедями

Если отречешься и постоянно будешь отрекаться от собственных разумений, от собственной воли, от собственной правды, или, что то же, от разума, воли и правды падшего естества, чтоб насадить в себя разум Божий, волю Божию и правду Божию, преподаваемые нам в Святом Евангелии Самим Богом, то падшее естество откроет внутри тебя лютую брань против Евангелия, против Бога[3]. Падшему естеству придут на помощь падшие духи. Не впади от этого в уныние: твердостию в борьбе докажи основательность и положительность твоего произволения. Поверженный, вставай; обманутый и обезоруженный, снова вооружайся; побежденный, снова устремляйся на сражение. Тебе в высшей степени полезно

[1] *Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учением, заповедям человеческим* (Мф. 15. 8, 9). || [2] Мф. 6. 1–18. || [3] Преподобный Макарий Великий. Беседа 21.

увидеть в себе самом как свое собственное падение, так и падение всего человечества! тебе существенно нужно узнать и изучить это падение в собственных сердечных и мысленных опытах; тебе существенно нужно увидеть немощь твоего разума, немощь твоей воли! Видение своего падения есть видение духовное. Видение своей немощи есть видение духовное[1]. В нем зритель — ум. Видение доставляется благодатию, насажденною в нас крещением: действием благодати разрешается слепота ума, и он начинает на поприще подвига своего ясно видеть то, чего доселе не видел, находясь вне этого поприща; он познает существование того, о существовании чего вовсе не подозревал. С духовным видением человеческого падения сопряжено другое духовное видение: видение падших духов. Это видение — опять видение духовное, дар благодати[2]. В нем зритель — ум: ум, от делания заповедей, стремясь к самому тщательному исполнению их, начинает мало-помалу усматривать падших духов в приносимых ими помыслах и ощущениях, начинает усматривать горестное общение человеков с падшими духами, подчинение человеков падшим духам, козни и действия духов для погубления человеков. В духовных видениях нет ничего чувственного: они доставляются тщательностию в исполнении евангельских заповедей и борьбою с греховными помыслами и ощущениями. Человек, не узнавший опытом этих видений, не может иметь о них никакого понятия, даже не знает, что они существуют[3]. Войну и борьбу подвижника Христова со своим падением и с падшими духами превосходно изобразил Святой Дух в Псалтыри. Иноки первых времен изучали Псалтырь на память, и словами Духа облекали свои молитвы о извлечении их из рова страстей, о избавлении из челюстей врага, диавола.

Глава 9
О чтении Евангелия и Отеческих писаний

Из вышесказанного явствует, что главнейшим келейным занятием новоначального инока должно быть чтение и изучение Евангелия и всего Нового Завета. Весь Новый Завет может быть назван Евангелием, как содержащий одно евангельское учение. Впрочем, новоначальный должен сперва изучать заповеди Господа в Евангелиях от Матфея и Луки. От изучения заповедей в сих Евангели-

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 61. || [2] Пс. 19. 12. || [3] Священномученик Петр Дамаскин. Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3. — Лествица. Слово 27, гл. 26.

стах, при исполнении заповедей делами, и прочие Писания, из которых состоит Новый Завет, сделаются удобопонятнее. При чтении евангелистов должно читать и Благовестник, то есть объяснение Евангелия блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским. Чтение Благовестника необходимо: оно способствует правильному пониманию Евангелия и, следовательно, точнейшему исполнению его. Притом правила Церкви требуют, чтоб Писание было понимаемо так, как объясняют святые Отцы, а отнюдь не произвольно: руководствуясь в понимании Евангелия объяснением святого Отца, объяснением, принятым и употребляемым Церковию[1], мы сохраним Предание Святой Церкви. Очень полезны для нашего времени сочинения святого Тихона Воронежского: они не имеют односторонней цели, служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира, и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников. Благодать Божия внушила Святителю писания, особенно соответствующие современной потребности. В этих писаниях объясняется учение Евангелия. Для жительства по евангельским заповедям нет препятствия ни в каком монастыре, каков бы ни был того монастыря устав, даже каково бы ни было того монастыря благоустройство. Последнее сказано в ободрение и успокоение тех, которые не удовлетворяются благоустройством своего монастыря, правильно или ошибочно. Для каждого инока вернее искать причину неудовлетворения своего в самом себе, нежели в обстановке своей. Самоосуждение всегда приносит сердцу успокоение. Из этого никак не следует, чтоб монастырь благоустроенный не заслуживал предпочтения пред монастырем неблагоустроенным, когда избрание монастыря зависит от нас. Не всегда это бывает.

Положив себе за правило жизни учение и исполнение евангельских заповедей, без увлечения направлениями, доставляемыми разными сочинениями святых Отцов, можно начать чтение их для ближайшего и точнейшего ознакомления с монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом. В чтении Отеческих писаний нужно наблюсти постепенность, и никак не читать их поспешно. Сперва надо читать книги, написанные для общежительных монахов, каковы: Поучения преподобного аввы Дорофея, Оглашения преподобного Феодора Студийского, Руко-

[1] Во всех благоустроенных общежитиях читается ежедневно на утрени в «Благовестнике» объяснение дневного Евангелия.

водство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, начиная с ответа 216 — предшествовавшие ответы даны наиболее затворникам и потому мало соответствуют новоначальным, — Слова святого Иоанна Лествичника, творения преподобного Ефрема Сирского, Общежительные постановления и собеседования преподобного Кассиана Римлянина. Потом, по прошествии значительного времени, можно читать и книги, написанные Отцами для безмолвников, как-то: Добротолюбие, Патерик Скитский, Слова преподобного Исаии Отшельника, Слова святого Исаака Сирского, Слова Марка Подвижника, Слова и Беседы преподобного Макария Великого, сочинения прозой и стихами преподобного Симеона Нового Богослова и другие подобные сим деятельные писания Отцов. Все исчисленные здесь книги принадлежат к разряду деятельных, или подвижнических, потому что в них изложены делание и подвиг иноческие. Сказал святой Иоанн Лествичник: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то и читай книги деятельные (подвижнические)»[1]. Деятельные книги возбуждают инока к иноческим подвигам, особенно к молитве. Чтение же прочих Отеческих святых сочинений приводит к размышлениям и созерцаниям, что для подвижника, не довольно очистившегося от страстей, рановременно[2].

Глава 10
О осторожности при чтении Отеческих книг о монашеской жизни

Книги святых Отцов о монашеской жизни должно читать с большою осмотрительностию. Замечено, что новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги. Если книга преподает советы о безмолвии и показывает обилие духовных плодов, собираемых в глубокой пустыне, то в новоначальном непременно явится сильнейшее желание удалиться в уединение, в безлюдную пустыню. Если книга говорит о безусловном послушании под руководством духоносного отца, то в новоначальном непременно явится желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жительств. Но

[1] Слово 27, гл. 78. ‖ [2] Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1. Преподобный Григорий Синаит. Гл. 11. О чтении. Добротолюбие. Ч. 1.

книги святых Отцов, написанные об этих жительствах, могут подействовать на новоначального так сильно, что он, по неопытности своей и незнанию, легко решится оставить место жительства, на котором имеет всю удобность спастись и духовно преуспеть исполнением евангельских заповедей, для несбыточной мечты совершенного жительства, нарисовавшейся живописно и обольстительно в его воображении. Святой Иоанн Лествичник говорит в Слове о безмолвии: «При трапезе доброго братства постоянно предстоит некий пес, который покушается восхитить с нее хлеб, то есть душу, потом убегает, держа его в пасти, и пожирает в уединенном месте»[1]. В Слове о послушании сей наставник иноков говорит: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей. Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, не свойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников — и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения: найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, непарительной молитвы, совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли из братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии своем упомянутых добродетелей по особенному смотрению Божию: враг научил их устремиться к этим добродетелям преждевременно, чтоб они не получили их и в свое время. Обольститель (диавол) ублажает пред безмолвниками страннолюбие послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтоб вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми»[2]. Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая не свойственные им, возвышеннейшие добродетели. Не доверяйте, братия, вашим помыслам, разумениям, мечтам, влечениям, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство! Если та обитель, в которой вы живете, дает вам возможность проводить жизнь по евангельским заповедям, если вы не низлагаетесь соблазнами в смертные грехи, то не оставляйте обители. Потерпите великодушно ее недостатки, и духовные и вещественные; не вздумайте всуе искать поприща подвигов, не дарованного Богом нашему времени. Бог желает и ищет спасения всех. Он и спасает всегда всех, произволяющих спа-

[1] Слово 27. || [2] Слово 4.

стись от потопления в житейском и греховном море; но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище. Он обетовал спасение святому апостолу Павлу и всем спутникам Апостола: Он и дал это спасение; но Апостол и его спутники спаслись не в корабле, который разбило, а с большим трудом, иные вплавь, другие на досках и различных обломках от корабля[1].

Глава 11
О отшельнической жизни

Да не будет сокрытым от возлюбленнейших братий, что возвышеннейшие роды иноческого жительства, как то: отшельничество в глубокой пустыне или безмолвие в затворе, также жительство при духоносном старце с безусловным послушанием ему, — устроились не по случаю, не по произволу и разуму человеческому, но по особенному смотрению, определению, призванию и откровению Божиим. Антоний Великий, глава монашества, учредитель пустынножития, удалился в пустыню, уже облекшись силою Свыше, и не иначе, как призванный Богом. Хотя этого и не сказано ясно в житии его, но дальнейшие события жизни Преподобного доказывают это с ясностию. О том же, что в глубочайшую (внутреннюю) пустыню для строжайшего безмолвия он был наставлен Божественным гласом и повелением, сказано и в житии его[2]. Преподобному Макарию Великому, современнику преподобного Антония, несколько младшему его, явился Херувим, показал бесплодную, дикую равнину — впоследствии знаменитый Египетский Скит, — заповедал поместиться в ней на жительство и обетовал, что пустынная равнина населится множеством отшельников[3]. Арсений Великий, находясь в царских палатах, молил Бога, чтоб ему указан был путь спасения, и услышал глас: «Арсений! бегай от человеков, и спасешься». Арсений удалился в упомянутый Скит, там снова умолял Бога наставить его спасению и снова услышал глас: «Арсений! убегай (человеков), молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия»[4]. Преподобная Мария Египетская призвана к отшельничеству в Заиорданской пустыне повелением Божиим[5]. Бог, призывавший к безмолвию и отшельничеству избранных Своих, то есть тех, которых Он провидел способными к безмолвию и отшельничеству, пре-

[1] Деян. 27. 21–49. ‖ [2] Житие преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января и Vitae Patrum Patrologiae coursus complectus, т. LXXIII. ‖ [3] Алфавитный патерик. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания. ‖ [5] Четьи-Минеи, 1 апреля.

доставлял им такие пособия и средства для этого жительства, каких человек сам по себе иметь не может. И в те времена, в которые монашество процветало, в которые много было духоносных руководителей, редкие признавались способными к безмолвию, в особенности к отшельничеству. «Истинное, разумное безмолвие, — говорит святой Иоанн Лествичник, — могут проходить немногие, и именно только те, которые стяжали Божественное утешение, поощряющее их в подвигах и помогающее в бранях»[1]. «Безмолвие губит неопытных»[2]. Затворники и отшельники часто подвергались величайшим душевным бедствиям: подвергались бедствиям те из них, которые вступили в затвор самопроизвольно, не призванные Богом.

В Прологе читается следующая повесть. В Палестине был некоторый монастырь при подошве большого и высокого утеса, а в утесе был вертеп (пещера) над монастырем. Монахи того монастыря рассказывали: «За несколько времени пред сим один из нашего братства возымел желание жить в вертепе, что в горе, и просил о том игумена. Игумен имел дар рассуждения. Он сказал брату: «Сын мой, как ты хочешь жить один в вертепе, еще нисколько не преодолев плотских и душевных страстных помыслов? желающему безмолвствовать должно быть под руководством наставника, а не самому управлять собою. Ты, нисколько не достигши надлежащей меры, просишь у моей худости, чтоб я дозволил тебе одному жить в вертепе, а я думаю, что ты не разумеешь различных сетей диавольских. Гораздо лучше тебе служить отцам, получать от Бога помощь их молитвами, с ними в назначенные часы славить и воспевать Владыку всех, нежели одному бороться с нечестивыми и злохитрыми помыслами. Не слышал ли ты, что говорит Богогласный Отец, Иоанн, писатель Лествицы: Горе жительствующему наедине: если он впадет в уныние или леность, то некому восставить его! а где два или три собраны во имя Мое, там Я посреди их, сказал Господь». Так говорил ему игумен, но не мог отвлечь инока от душепагубных помыслов. Видя непреодолимое желание брата и неотступные его просьбы, игумен наконец дозволил ему жить в вертепе. Напутствованный молитвою игумена, он взошел в вертеп. В часы употребления пищи приносил ее к вертепу один из монастырской братии, а затворник имел на веревке корзину, которую спускал, и принимал пищу. Когда он пробыл несколько времени в вертепе, диавол, всегда борющийся с желающими жить богоугодно, начал смущать его злыми помыслами день и ночь; чрез несколько же дней, пре-

[1] Слово 4, гл. 120. ‖ [2] Слово 27, гл. 5.

образившись в светлого ангела, явился ему и сказал: «Да будет тебе известно, что ради твоей чистоты и благонравного жития Господь послал меня прислуживать тебе». Монах отвечал: «Что сделал я доброго, чтоб ангелы служили мне?» Диавол возразил: «Все, что ты сделал, велико и высоко. Ты оставил красоты мира и соделался монахом; трудишься в посте, молитвах и бдении; опять ты, оставив монастырь, поместился на жительство здесь: как же ангелам не служить твоей святыне?» Этими речами душегубец-змей привел его в надмение, в гордость и начал постоянно являться ему. Однажды некоторый человек, обокраденный ворами, пошел к монаху. Нечистый бес, который, обольщая его, являлся ему в виде ангела, сказал ему: «Этот человек окраден ворами; украденное скрыто в таком-то месте: скажи ему, чтоб он пошел туда и взял свое». Человек, пришедши к вертепу, поклонился, а монах сверху говорит ему: «Хорошо, брат, что ты пришел! я знаю: тебя постигла скорбь, потому что к тебе приходили воры, украли то и то. Не печалься! Они положили украденное там-то: поди туда, и найдешь все, а за меня молись». Человек удивился, послушался и нашел украденное. Он прославил монаха во всей стране той, говоря, что монах, живущий в вертепе, пророк. К монаху начало стекаться множество людей; слушая его, они приходили в удивление от учения, которое он преподавал по внушению диавола. Он предсказывал, и предсказания его сбывались. Несчастный провел немалое время в таком обольщении. Во второй день второй недели по вознесении Господа нашего Иисуса Христа скверный бес явился монаху и сказал ему: «Знай, отец, что ради непорочного и равноангельного жития твоего придут другие ангелы и тебя, в теле, возьмут на небо: там, со всеми ангелами, будешь наслаждаться зрением неизреченной красоты Господней». Бес, сказавши это, сделался невидим. Но человеколюбивый и многомилостивый Бог, не хотящий погибели человеческой, вложил в сердце монаху возвестить о случившемся игумену. Когда пришел брат, обычно приносивший пищу затворнику, затворник, выглянув из вертепа, сказал ему: «Брат! поди, скажи игумену, чтоб пришел сюда». Брат передал это игумену. Игумен поспешил придти; по лестнице взошел он в вертеп к затворнику и сказал ему: «По какой причине, сын мой, ты повелел мне придти сюда?» Он отвечал: «Чем воздам тебе, святой отец, за все, что ты сделал для моего недостоинства!» Игумен сказал: «Что доброе сделал я тебе?» Монах: «Поистине, отец, чрез посредство твое я сподобился многих и великих благ. Тобою я облечен в ангельский образ; при твоем посредстве

вижу ангелов и сподобляюсь беседовать с ними; при твоем посредстве я приял дар прозорливства и пророчества». — Игумен, услышав это, удивился и сказал: «Несчастный! ты ли видишь ангелов? ты ли сподобился дара прозорливства? Горе тебе, несчастный! не говорил ли я тебе: не ходи в вертеп, чтоб бесы не обольстили тебя». Когда игумен говорил это, брат возражал ему так: «Не говори этого, честный отец! ради твоих святых молитв я вижу ангелов; завтра же я буду вознесен ими на небеса с телом моим. Да ведает твоя святыня, что я хочу просить у Господа Бога нашего, чтоб и тебя взяли ангелы, чтоб и ты был со мною в небесной славе». Услышав это, игумен грозно сказал ему: «Ты обольщен демоном, несчастный! однако, если я пришел сюда, то не уйду отсюда: останусь здесь посмотреть, что случится с тобою. Скверных бесов, которых ты называешь ангелами, я не увижу; но ты, когда увидишь, что они пришли, скажи мне». Игумен велел взять прочь лестницу и остался в вертепе с прельщенным, пребывая в посте и непрестанном псалмопении. Когда наступил час, в который прельщенный надеялся вознестись на небеса, он увидел пришедших бесов и сказал: «Пришли, отец». Тогда игумен обнял его и возопил: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги прельстившемуся рабу твоему и не попусти нечистым бесам возобладать им». Когда игумен говорил это, бесы схватили и начали тащить прельщенного, усиливаясь исторгнуть его из объятий игумена. Игумен запретил бесам. Они, сорвав с прельщенного мантию его, исчезли. Мантия была видена возносящеюся по воздуху на высоту и, наконец, скрылась. По прошествии довольного времени мантия опять показалась летящею вниз и упала на землю. Тогда старец сказал прельщенному: «Безумный и несчастный! видишь, как бесы поступили с твоею мантиею: так намеревались они поступить и с тобою. Они намеревались тебя, как Симона волхва, вознести на воздух и спустить вниз, чтоб ты сокрушился и бедственно изверг окаянную душу». Игумен призвал монахов, велел им принести лестницу, свел прельщенного из вертепа в монастырь и назначил ему служение в пекарне, в поварне и в прочих монастырских послушаниях, чтоб смирились его помыслы. Таким образом он спас брата»[1].

Тяжкому искушению подверглись по причине рановременного вступления в затвор наши соотечественники, преподобные Исаакий[2] и Никита[3] Печерские. Заметно из жизнеописания преподоб-

---

[1] Пролог, января 9 день. ‖ [2] Патерик Печерский и Четьи-Минеи, 14 февраля. ‖ [3] Патерик Печерский и Четьи-Минеи, 31 января.

ного Исаакия, современника преподобных Антония и Феодосия, что он вступил в затвор по собственному произволу. Он проходил усиленнейший телесный подвиг; стремление к подвигу, еще более усиленному, внушило ему заключиться в одной из теснейших пещер Киево-Печерского монастыря. Пищею его была просфора, а питием вода, и эту скуднейшую пищу он принимал чрез день. При таком усиленном телесном подвиге и при недостатке опытных сведений о подвиге и борьбе душевных невозможно не дать некоторой цены и подвигу своему и себе. На внутреннем настроении подвижника обыкновенно основывается искушение, наносимое ему бесами. «Если человек, — говорит преподобный Макарий Египетский, — сам собою не даст повода сатане подчинить его своему влиянию, то сатана никак не может возобладать им насильно»[1]. Бесы предстали Исаакию в виде светлых ангелов; один из них сиял более других; бесы назвали его Христом и требовали поклонения ему от подвижника. Подвижник поклонением, подобающим единому Богу и возданным диаволу, подчинил себя бесам, которые измучили его насильственным телодвижением (плясанием) до полусмерти. Преподобный Антоний, прислуживавший затворнику, пришел к нему с обычною пищею, но, увидев, что затворник не подает никакого голоса, и поняв, что с ним случилось что-нибудь особенное, разломал с помощию других монахов вход, наглухо заложенный, в пещеру Исаакия. Его вынесли, как мертвого, и положили пред пещерою; заметив же, что он еще жив, снесли в келлию на постель. Преподобные Антоний и Феодосий, один вслед за другим, ходили за ним. Исаакий от искушения расслабел умом и телом: не мог ни стоять, ни сидеть, ни, лежа, поворотиться со стороны на сторону; он лежал в течение двух лет неподвижно, нем и глух. На третий год он проговорил и просил, чтоб его подняли и поставили на ноги. Потом начал учиться ходить, как дитя; но не выражал никакого желания, ниже мысли посетить церковь; к этому едва и насильно принудили его; он начал мало-помалу ходить в храм Божий. После этого начал ходить и в трапезу и мало-помалу научился употреблять пищу; в те два года, в которые он лежал неподвижно, он не вкусил ни хлеба, ни воды. Наконец он освободился совершенно от страшного и чудного впечатления, произведенного на него явлением и действием бесов. Впоследствии преподобный Исаакий достиг высоких мер святости. — Преподобный Никита был моложе преподобного Исаакия, но современен ему. Увлекаемый ревно-

[1] Слово 4, гл. 12.

стию, он просил игумена благословить его на подвиг в затворе. Игумен — был тогда игуменом преподобный Никон — возбранил ему, говоря: «Сын мой! неполезно тебе, молодому, быть в праздности. Лучше жить с братиею: служа им, ты не погубишь мзды своей. Ты сам знаешь, как Исаакий Пещерник был прельщен бесами в затворе: он погиб бы, если б особенная благодать Божия, за молитвы преподобных Отцов наших, Антония и Феодосия, не спасла его». Никита отвечал: «Я никак не прельщусь чем-нибудь подобным, но желаю крепко стать против бесовских козней и молить человеколюбца Бога, чтоб Он и меня сподобил дара чудотворения, как Исаакия затворника, который и поныне совершает многие чудеса». Игумен опять сказал: «Желание твое выше твоей силы; блюди, чтоб, вознесшись, не ниспасть. Я, напротив того, повелеваю тебе служить братии, и ты получишь венец от Бога за твое послушание». Никита, увлекаемый сильнейшею ревностию к затворническому житию, нисколько не хотел внимать тому, что говорил ему игумен. Он исполнил задуманное: заключил себя в затворе и пребывал в нем, молясь и никуда не выходя. По прошествии некоторого времени, однажды, в час молитвы, он услышал голос, который молился вместе с ним, и обонял необыкновенное благоухание. Обольстившись, он сказал сам себе: если б это не был ангел, то он не молился бы со мною и не было бы слышно благоухание Святого Духа. Затем Никита стал прилежно молиться, говоря: «Господи! явись мне Сам разумно, да вижу Тебя». Тогда был к нему глас: «Ты молод! не явлюсь тебе, чтоб ты, вознесшись, не ниспал». Затворник со слезами отвечал: «Господи! я никак не прельщусь, потому что игумен научил меня не внимать бесовской прелести, а сделаю все, что Ты мне ни прикажешь». Тогда душепагубный змей, прияв над ним власть, сказал: «Невозможно человеку, находящемуся во плоти, видеть меня, но вот! я посылаю ангела моего, чтоб пребывал с тобою: ты исполняй его волю». С этими словами предстал пред затворника бес в виде ангела. Никита пал к ногам его, покланяясь ему, как ангелу. Бес сказал: «Отселе ты уже не молись, но читай книги, чрез что вступишь в непрестанную беседу с Богом и получишь возможность преподавать душеполезное слово приходящим к тебе, а я буду непрестанно молить Творца всех о твоем спасении». Затворник, поверив этим словам, обольстился еще более: он перестал молиться, занялся чтением, видел беса непрестанно молящимся, радовался, полагая, что ангел молится за него. Потом он начал много беседовать с приходящими из Писания

и пророчествовать подобно Палестинскому затворнику. О нем пошла слава между мирскими людьми и при великокняжеском дворе. Собственно, он не пророчествовал, а сказывал приходящим, будучи извещаем соприсутствовавшим бесом, где положено украденное, где что случилось в дальнем ему месте[1]. Так он дал знать

[1] Во времена наши в Москве, в доме умалишенных, находился подобный пророк, к которому стекалось множество любопытных. Имя пророку — Иван Яковлевич. Некоторого пустынного монаха посетили московские жители и начали пред ним выхвалять своего пророка. Они говорили, что в даре прозорливства его убедились собственным опытом, спросив его о своем родственнике, находившемся в Нерчинске в каторжной работе. Иван Яковлевич с час времени не давал ответа. Когда вопросившие понуждали скорее дать ответ, то он сказал им: «А до Нерчинска далеко ли?» Они отвечали: «Более 6000 верст». — «Так скоро ли туда сбегаешь!» — возразил пророк. Ответ его состоял в том, что у ссыльного обтерлись ноги до крови. Чрез несколько времени вопрошавшие получили от Нерчинского родственника письмо, в котором он описывал тяжесть своего положения и упоминал, что ноги его обтерты до крови кандалами. «Представьте себе, каково прозорливство Ивана Яковлевича!» — заключили таким возгласом рассказ свой москвичи. Монах отвечал: «Прозорливства тут нет, а тут — очевидное сношение с падшими духами». Святой Дух не имеет нужды во времени: Он немедленно возвещает тайны, и земные и небесные. Иваном Яковлевичем послан был находившийся при нем бес из Москвы в Нерчинск и принес сведение пустое, вещественное, удовлетворяющее тщеславию пророка и любопытству плотских людей, его вопрошавших. Святой Дух всегда возвещает что-либо духовное, душеспасительное, существенно нужное, а падший дух возвещает всегда что-либо плотское, как пресмыкающийся по своем падении в греховных страстях и вещественности. В образец действия и характера, принадлежащих святому прозорливству, даруемому Богом, представляем замечательное событие из церковной истории. Святой Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, поведая епископу Аммонию о бегстве своем от императора Иулиана-богоотступника, говорит: «В эти времена я видел великих мужей Божиих, Феодора, настоятеля Тавенисиотских монахов, и Паммона, авву монахов, живших в окрестностях Антинои. Я, вознамерившись укрыться у Феодора, взошел в его лодку, которая была прикрыта со всех сторон; Паммон сопутствовал нам по чувству уважения. Ветер не благоприятствовал; я молился в стесненном сердце; монахи Феодора, вышедши на берег, тащили лодку. Авва Паммон, видя печаль мою, утешал меня. Я отвечал ему: «Поверь мне, что сердце мое не имеет столько мужества во время мира, сколько имеет во время гонений, потому что, страдая за Христа и укрепляемый Его благодатию, уповаю получить тем большую милость от Него, хотя бы и убили меня». Еще я не кончил этих слов, как Феодор взглянул на авву Паммона и улыбнулся; Паммон взаимно взглянул на него, улыбаясь. Я сказал им: «С чего смеетесь вы словам моим? не обвиняете ли меня в робости?» Феодор, обратясь к Паммону, говорит: «Скажи Патриарху причину нашего смеха». Паммон отвечал: «Это принадлежит тебе». Тогда Феодор сказал: «Сей час убит Иулиан в Персии, как предрек о нем Бог: *прозорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает. — Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается* (Авв. 2. 5). Восстанет император христианин, муж превосходный, но жизни краткой. Почему не углубляйся в Фиваиду, не утруждай себя, но тайно отправься навстречу новому императору: ты увидишься с ним на пути, будешь принят им очень благосклонно и возвратишься к своей Церкви, а его возьмет Бог скоро из этой жизни». Все и случилось так» (Sancti Athanasii omnia, t. 2, p. 979–982).

великому князю Изяславу о убиении Новгородского князя Глеба и совет послать в Новгород на княжение великокняжеского сына. Этого достаточно было для мирян, чтоб провозгласить затворника пророком. Замечено, что миряне и самые монахи, не имеющие духовного рассуждения, почти всегда увлекаются обманщиками, лицемерами и находящимися в бесовской прелести, признают их за святых и благодатных. Никто не мог сравняться с Никитою в знании Ветхого Завета; но он не терпел Нового Завета, никогда не заимствовал своей беседы из Евангелия и Апостольских Посланий, не позволял, чтоб кто из посетителей его напомнил что-либо из Нового Завета. По этому странному направлению его учения отцы Киево-Печерского монастыря уразумели, что он прельщен бесом. Тогда в монастыре было много святых иноков, украшенных благодатными дарами. Они молитвою своею отогнали беса от Никиты; Никита перестал видеть его. Отцы вывели Никиту из затвора и спрашивали, чтоб он сказал им что-нибудь из Ветхого Завета; но он с клятвою утверждал, что никогда не читал этих книг, которые прежде знал наизусть. Оказалось, что он забыл даже читать от впечатления, произведенного бесовскою прелестию, и едва, с большим трудом, снова выучили его чтению. Молитвами святых Отцов приведенный в себя, он познал и исповедал свой грех, оплакал его горькими слезами, достиг высокой меры святости и дара чудотворения смиренным житием посреди братства. Впоследствии святой Никита хиротонисан во епископа Новгородского.

Новейшие опыты подтверждают то, что с ясностию доказывают опыты времен прошедших. И ныне прелесть — так на монашеском языке называется самообольщение, соединенное с бесовским обольщением, — бывает непременным последствием преждевременного удаления в глубокое уединение или особенного подвига в келейном уединении. — В то время, как писатель этих аскетических советов, юношею, в 1824–1825 годах, посещал Александро-Невскую лавру для совещания о своих помыслах с монахом Иоанникием, свечником лавры, учеником старцев Феодора и Леонида, ходили к этому монаху, для духовного совета, многие миряне, проводившие аскетическую жизнь[1]. Ходил к нему и Павловского полка солдат Павел, недавно обратившийся из раскола, бывший прежде наставником раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло

[1] Монах Иоанникий был родной племянник Феодора. По кончине Феодора он не прекращал общения с Леонидом и впоследствии для сожительства с ним переместился в Оптину Пустыню.

радостию. Но он, по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию, предался неумеренному и несообразному с его устроением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие. Однажды ночью Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизною голубь. От голубя раздался глас: «Прими меня: я — Святой Дух; пришел соделать тебя моею обителию». Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него чрез уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страстию ненасыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы соделались его постоянным притоном. Наконец он опомнился. Обольщение свое бесовским явлением и осквернение последствиями прелести изложил он в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. В письме проявлялось прежнее высокое духовное состояние падшего. Упомянутый юноша был тогда келейником иеросхимонаха Леонида (1827–1828 годы) и читал по благословению старца письмо Павла. — Иеросхимонах Леонид весною 1828 года переместился из Свирского монастыря первоначально в Площанскую, потом в Оптину Пустыню. Ему сопутствовал его келейник, который при этом случае посетил некоторые монастыри Калужской и Орловской епархий. Когда он был в знаменитой Белобережской пустыне, тогда славился там подвижническою жизнию рясофорный монах Серапион, видевший при своем уединенном келейном правиле ангела. Не только миряне, но и монахи — так как у нас в России господствует телесный подвиг, а о душевном почти утрачено самое понятие — прославляли Серапиона и выставляли в образец монашеской жизни. В 1829 году Серапион переместился по причине душевного расстройства в Оптину Пустыню для руководства советами иеросхимонаха Леонида. В одно из совещаний с старцем он вытащил значительную часть бороды у старца. Серапион, помещенный в скиту Оптиной Пустыни по уважению к его подвижнической славе, пришел однажды ночью к начальнику скита, иеромонаху Антонию, возвещая, что Иоанн Предтеча сейчас явился ему и велел зарезать сего Антония, иеросхимонаха Леонида, иеромонаха Гавриила и помещика Желябовского, гостившего тогда в скиту. «Да где ж у тебя нож?» — спросил его догадливый и неустрашимый Антоний. «У меня нет ножа», — отвечал прельщенный. «Так что ж ты приходишь резать без ножа?» —

возразил Антоний — и удалил в келлию прельщенного, которого должно было передать в дом умалишенных, где он и скончался. Пред кончиною, как слышно, Серапион опомнился и отошел с надеждою спасения. Должно заметить, что падший дух, желая овладеть Христовым подвижником, не действует властительски, но ищет привлечь согласие человека на предлагаемую прелесть и по получении согласия овладевает изъявившим согласие. Святой Давид, описывая нападение падшего ангела на человека, выразился со всею точностию, сказав: *Ловит, еже восхитити нищаго, восхитити нищаго внегда привлещи и в сети своей*[1]. «Святой Дух действует самовластно, как Бог; приходит в то время, как смирившийся и уничижившийся себя человек отнюдь не чает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием Своим объемлет всю волю и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии. Благодать, когда будет в ком, не показывает чего-либо обычного или чувственного; но тайно научает тому, чего прежде не видел и не воображал никогда. Тогда ум тайно научается высоким и сокровенным тайнам, которых, по Божественному Павлу, не может видеть человеческое око, ниже постигнуть ум сам собою... Ум человеческий, сам собою, не будучи соединен с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с огнем Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным Светом, соделывается весь светом, воспаляется в пламени Всесвятого Духа, исполняется Божественного разума, и невозможно ему в пламени Божества мыслить о своем и о том, о чем хотел бы». Так говорил преподобный Максим Капсокаливи преподобному Григорию Синайскому[2]. Напротив того, при демонском явлении всегда предоставляется свобода человеку рассудить о явлении, принять или отвергнуть его. Это явствует из попыток демона обольстить святых Божиих. Однажды, когда преподобный Пахомий Великий пребывал в уединении вне монастырской молвы, предстал ему диавол в великом свете, говоря: «Радуйся, Пахомий! Я — Христос, и пришел к тебе, как к другу моему». Святой, рассуждая сам с собою, помышлял: «Пришествие Христа к человеку бывает соединено с радостию, чуждо страха. В тот час исчезают все помышления человеческие: тогда ум весь вперяется в зрение видимого. Но я, видя этого представившегося мне, исполняюсь смущения и страха. Это — не Христос, а сатана». После этого размышления Преподобный с дерзновением ска-

---

[1] Пс. 9. 30. || [2] Добротолюбие. Ч. 1.

зал явившемуся: «Диавол! отыди от меня: проклят ты, и видение твое, и коварство лукавых замыслов твоих». Диавол немедленно исчез, исполнив келлию смрада[1].

Невозможно человеку, находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собою некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности. Истинное смирение не свойственно плотскому мудрованию и невозможно для него: смирение есть принадлежность духовного разума. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не разумея ни того, что говорят, ни того, на чем основываются: потому и мнят исполнить его “делами”»[2]. Из слов преподобного Отца явствует, что признающий за собою какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести: падший ангел в ложном, гордом понятии христианина находит пристанище, к этому понятию удобно прививает свое обольщение, а посредством обольщения подчиняет человека своей власти, ввергает его в так называемую бесовскую прелесть. Из вышеприведенных опытов видно, что ни один из прельстившихся не признал себя недостойным видения Ангелов, следовательно, признавал в себе некоторое достоинство. Иначе и не может судить о себе плотской и душевный человек. Потому-то святые Отцы и сказали вообще о всех подвижниках, недостаточно образованных душевным деланием и не осененных благодатию, что безмолвие губит их.

Поучительно поведение преподобных Варсонофия Великого и спостника его, Иоанна Пророка, которые сами были затворниками в общежитии аввы Серида, относительно затворников и безмолвия. Все братия того монастыря, или по крайней мере большая часть братий, руководствовались наставлениями этих великих угодников Божиих, преисполненных Духа Божия; руководствовался их наставлениями и сам игумен Серид, которого Варсонофий Великий называл сыном. Серид и прислуживал святому Старцу, пребывавшему безвыходно в келлии, принимавшему к себе одного Серида и чрез него дававшему письменные ответы прочим братиям. Братия монастыря, руководимые назиданиями Боговдохновенных мужей, ока-

[1] Четьи-Минеи, 15 мая. ‖ [2] Слово о Духовном Законе, гл. 34.

зывали быстрое и обильное духовное преуспеяние. Некоторые из них сделались способными к затворнической жизни, к которой были призваны провидевшим способность их Богом. Так, великий Варсонофий предвозвестил Иоанну Миросавскому, что ему предназначено Богом безмолвие, и, приуготовив этого инока жизнию по евангельским заповедям среди иноческого общества, в горниле послушаний, в свое время, указанное Богом, ввел его в затвор[1]. Из переписки великого Варсонофия с Иоанном Миросавским видно, что Иоанн и по вступлении в затвор обуревался страстными помыслами. Другие иноки, которым попущен был затвор, возмущались страстями еще более; но затвор им не воспрещался. Напротив того, преподобному авве Дорофею, отличавшемуся и мирскою, и духовною мудростию, способностию руководить других иноков, доказавшему этот духовный дар на самом деле, духоносные старцы воспретили затвор, сколько он ни желал его. «Безмолвие, — говорили они ему, — дает повод человеку к высокоумию, прежде нежели он приобретет себя, то есть будет непорочен. Тогда только имеет место истинное безмолвие, когда человек уже понес крест. Итак, если будешь сострадать ближним, то получишь помощь, если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь. Не уклоняйся ни во внутрь, ни во вне, но держись средины, разумевая, что есть воля Господня, *яко дние лукави суть*[2]. Слова мои значат: не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда находишься среди попечений: вот средний путь, безопасный от падения. В безмолвии должно иметь смирение, и при попечениях бдительность над собою, и удерживать свой помысл. Все сие не ограничивается каким-нибудь определенным временем. Всякий должен с благодарением терпеть то, что по необходимости постигает его. Чем более человек нисходит в смирение, тем более преуспевает. Пребывание в келлии не делает тебя опытным, потому что ты пребываешь в ней без скорби (очевидно: по недостижению брани с бесами, что затворенного в келлии приводит в такую тяжкую скорбь и борьбу, каковые вовсе не известны общежительному иноку[3]. А чрез то, что прежде времени оставишь все попечения, враг готовит тебе не покой, а более смущения, так что заставит тебя наконец сказать: “Лучше бы я не родился”»[4]. Преподобный Дорофей, признаваемый Вселенскою Церко-

---

[1] Ответы 1–54. || [2] *Потому что дни лукавы* (Еф. 5. 16). — Ответ 311. || [3] Смотри житие преподобных Антония Великого, Онуфрия Великого и других отшельников и затворников. || [4] Ответы 312, 313.

вию святым, один из превосходнейших аскетических писателей, пребыл в общежитии среди братства, а по кончине святых наставников основал свой монастырь и был его настоятелем. Святой Иоанн Лествичник замечает, что наклонные к высокоумию и другим душевным страстям никак не должны избирать для себя жительства уединенного, а пребывать посреди братства и спасаться деланием заповедей[1], потому что всякое жительство, в пустыне ли, в общежитии ли, когда оно согласно с волею Божиею и когда цель его — угождение Богу, преблаженно[2]. От преждевременного затвора прозябает бесовская прелесть, не только очевидная, но и невидимая по наружности: мысленная, нравственная, несравненно более опасная, нежели первая, как врачующаяся весьма трудно, а часто и не способная к уврачеванию. Этот род прелести, основывающийся на высокоумии, называется святыми Отцами «*мнением*»[3] и заключается в том, когда подвижник примет ложные понятия о духовных предметах и о себе, сочтет их истинными. Ложным понятиям и созерцаниям, по естественным сочувствию и содействию ума сердцу и сердца уму, непременно сопутствуют обольстительные, сладостные, сердечные ощущения: они — не что иное, как действие утонченных сладострастия и тщеславия. Зараженные этою прелестию делались проповедниками ложного аскетического учения, а иногда и ересиархами для вечной погибели своей и ближних. Святой Исаак Сирский в 55-м Слове упоминает, что некто Малпас проводил в отшельничестве строжайшую подвижническую жизнь с целию достичь высокого духовного состояния, впал в высокоумие и явную бесовскую прелесть, соделался изобретателем и начальником ереси евктитов. — В образец аскетической книги, написанной из состояния прелести, именуемой *мнением,* можно привести сочинение Фомы Кемпийского под названием *Подражание Иисусу Христу.* Оно дышит утонченным сладострастием и высокоумием, которые в людях ослепленных и преисполненных страстями производят наслаждение, признаваемое ими вкушением Божественной благодати. Несчастные и омраченные! они не понимают, что, обоняв утонченную воню живущих в себе страстей, они наслаждаются ею, признают ее в слепоте своей вонею благодати! они не понимают, что к духовному наслаждению способны одни святые, что духовному наслаждению должно предшествовать покаяние и очищение от страстей, что греш-

---

[1] Слово 8, гл. 10, 18, 21, 25. — Слово 27, гл. 13, 36. || [2] 88 глава преподобного Симеона Нового Богослова. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] Святого Григория Синаита, главы 128, 131, 132. Добротолюбие. Ч. 1.

ник не способен к духовному наслаждению, что он должен сознавать себя недостойным наслаждения, отвергать его, если оно начнет приходить к нему, отвергать как не свойственное себе, как явное и пагубное самообольщение, как утонченное движение тщеславия, высокоумия и сладострастия. — Подобно Малпасу, достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Асиз, Игнатий Лойола и другие подвижники латинства[1], признаваемые в недре его святыми. «Когда Франциск был восхищен на небо, — говорит писатель жития его, — то Бог Отец, увидев его, пришел на минуту в недоумение, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству, или сыну по благодати — Франциску». Что может быть страшнее, уродливее этой хулы, печальнее этой прелести!

В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным, как более опасный и более несовместный, чем когда-либо. В этом надо видеть волю Божию и покоряться ей. Если хочешь быть приятным Богу безмолвником — возлюби молчание и со всевозможным усилием приучись к нему. Не позволяй себе празднословия ни в церкви, ни в трапезе, ни в келлии; не позволяй себе выходов из монастыря иначе, как по самой крайней нужде и на самое краткое время; не позволяй себе знакомства, особливо близкого, ни вне, ни внутри монастыря; не позволяй себе свободного обращения и пагубного развлечения; веди себя, как странник и пришлец и в монастыре, и в самой земной жизни — и соделаешься Боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником. Если же Бог узрит тебя способным к пустыне или затвору, то Сам, неизреченными судьбами Своими, доставит тебе пустынную и безмолвную жизнь, как доставил ее блаженному Серафиму Саровскому, или доставит затвор, как доставил его блаженному Георгию, затворнику Задонского монастыря.

Глава 12
О жительстве в послушании у старца

То, что сказано об отшельничестве и затворе, должно сказать и о послушании старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества: такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские Отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изу-

[1] По отпадении Западной Церкви от Восточной.

мительные духовные плоды, «утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это — величайший дар и благодать Святого Духа»[1]. Необходимое условие такового повиновения — духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти. Падшая и растленная воля человека заключает в себе стремление ко всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстям. «Если ты хочешь отречься от мира, — говорил святой Симеон Новый Богослов современным ему инокам, — и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неискусному или страстному учителю, чтоб не научиться, вместо евангельского жития, диавольскому житию, потому что благих учителей и учительство благое, а злых — злое; от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий, не видящий и обещающийся наставлять других, есть обманщик, и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господа: *Слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут*»[2]. При другом случае этот великий угодник Божий, советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: «Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но, по дарованию своему и по мере повинующегося, возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся *человеку, а не Богу*»[3]. В этом смысле завещавает и Апостол: *не будите раби человеком*[4]. Он повелевает самое служение слуг господам совершать духовно, а не в характере *человекоугодников*, но в характере *рабов Христовых*, творя *волю Божию* в наружном служении человекам[5]. *Ныне*, говорит Апостол, *человеки препираю, или Бога? или ищу человеком угождати? аще бых человеком еще угождал, Христов раб не бых убо был*[6]. *Не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание* — человеку плотского мудрования или Богу — *раби есте, егоже послушаете, или греха* и плотского мудрования *в смерть, или послушания в правду*

[1] Преподобный Кассиан. Об уставе общежитий. Книга 2, гл. 3. || [2] Мф. 15. 14. Преподобный Симеон Новый Богослов, главы 32 и 34. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] Слово 8. || [4] *...не делайтесь рабами человеков* (1 Кор. 7. 23). || [5] Еф. 6. 6. || [6] *У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым* (Гал. 1. 10).

Божию и во спасение[1]. Послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется: *зачинаху овцы по жезлом,* говорит Писание[2]. Те старцы, которые принимают на себя роль... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтоб точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия, — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании — суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное настроение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новоначальному, если этот новоначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого. Страшное дело — принять, по самомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святого Духа и действием Духа; страшное дело — представлять себя сосудом Святого Духа, между тем как общение с сатаною еще не расторгнуто, и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! гибельно оно для себя и для ближнего, преступно пред Богом, богохульно. Напрасно будут указывать нам на преподобного Захарию, который, находясь в повиновении у неискусного старца, отца своего по плоти, Кариона, достиг иноческого совершенства[3], или на преподобного Акакия, спасшегося в жительстве у жестокого старца, который согнал бесчеловечными побоями ученика своего преждевременно в гроб[4]. Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных Отцов, также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев. Эти слу-

[1] ***Неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушание к праведности?*** (Рим. 6. 16). || [2] ***...зачинал скот пред прутьями*** (Быт. 30. 39). || [3] Патерик алфавитный и Достопамятные сказания. || [4] Лествица. Слово 4, гл. 3.

чаи — вне общего порядка и правила. «Образ действия Промысла Божия, — сказал святой Исаак Сирский, — вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка»[1]. Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола. *Любве истины не прияша,* говорит он о произвольно погибающих, *во еже спастися им. И сего ради послет* (попустит) *им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи, да суд приимут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде*[2]. *По вере ваю буди вама*[3], сказал Господь, Само-Истина, двум слепцам и исцелил их от слепоты: не имеет права повторять слов Само-Истины ложь и лицемерство для оправдания своего преступного поведения, которым они погубляют ближних. Бывали случаи, очень-очень редкие, что вера, по особенному смотрению Божию, действовала чрез грешников, совершая спасение этих грешников. В Египте старейшина разбойников Флавиан, намереваясь ограбить некоторый женский монастырь, облекся в монашеское одеяние и пришел в этот монастырь. Монахини приняли его, как одного из святых Отцов, ввели в церковь, прося принести о них молитву Богу, что Флавиан исполнил против воли своей и к удивлению своему. Потом представлена была ему трапеза. По окончании трапезы монахини умыли его ноги. В монастыре одна из сестер была слепа и глуха. Монахини привели ее и напоили водою, которою омыты ноги странника. Больная немедленно исцелилась. Монахини прославили Бога и святое житие странного инока, провозглашая совершившееся чудо. Благодать Божия низошла на старейшину разбойников: он принес покаяние, и из старейшины разбойников претворился в знаменоносного отца[4]. — В житии святого Феодора, епископа Едесского, читаем, что блудница, будучи принуждена отчаянною супругою Адера, принесла Богу молитву о умершем ее сыне, что младенец воскрес по молитве блудницы. Блудница, приведенная в ужас совершившимся над нею, немедленно оставила греховную жизнь, вступила в монастырь и подвижническою жизнию достигла святости[5]. Такие события — исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере

[1] Слово 1. || [2] *...не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду* (2 Сол. 2. 10–12). || [3] *...по вере вашей да будет вам* (Мф. 9. 29). || [4] Алфавитный патерик, буква Ф. || [5] Четьи-Минеи, 9 июля.

и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания. В руководителя поведению нашему дан нам Самим Богом Закон Божий, то есть Священное Писание и писания Отеческие. Апостол Павел решительно говорит: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас*[1]. Преданием здесь названо нравственное предание Церкви. Оно изложено в Священном Писании и в писаниях святых Отцов. Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным[2], очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы: смущающие помыслы, очевидно, бесовские; не надо им повиноваться, как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас. Иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходилось в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних Отцов — послушания их, равно дивного и в руководителях, и в руководимых, — увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы не способны наследовать делание Отцов в полноте его и во всем обилии его. И то — великая милость Божия к нам, великое счастие для нас, что предоставлено нам питаться крупицами, падающими с духовной трапезы Отцов. Эти крупицы не составляют собою удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти.

Глава 13
О жительстве по совету

Крупицами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых Отцов, при совете и назидании,

[1] *Завещеваем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас* (2 Сол. 3. 6). || [2] Алфавитный патерик.

заимствуемых от современных отцов и братий. В собственном смысле это — послушание древних иноков в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию: ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспеяние было быстрым по свойству делания: ныне оно косно опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего: мы обязаны покорствовать ему и со благодарением благоговеть пред ним. Наше современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братий освящено примером главы монашества преподобного Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братий: у одного научался он воздержанию, у другого кротости, терпению, смирению, у иного строгой бдительности над собою, безмолвию, стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смиряясь пред всеми и молясь Богу непрестанно[1]. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях, не противных Закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братиями; но усваивай себе советы их с крайнею осторожностию и осмотрительностию. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием. Тщеславие и самомнение

[1] Четьи-Минеи, 17 января.

любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностию, с плотским и кровяным разгорячением! им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! им нужна похвала человеческая! им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню. Была справедливою молитва Пророка всегда, в особенности она справедлива ныне: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный: яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая*[1]. Слово ложное и лицемерное не может не быть словом злым и зловредным. Против такого настроения необходимо принять меры осторожности. «Изучай Божественное Писание, — говорит Симеон Новый Богослов, — и писания святых Отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале, и понимать; согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей»[2]. Преподобный Симеон жил в десятом столетии по Рождестве Христовом, за девять веков до нашего времени: вот уже когда раздался голос праведника в Святой Христовой Церкви о недостатке истинных, духоносных руководителей, о множестве лжеучителей. С течением времени более и более оскудевали удовлетворительные наставники монашества: тогда святые Отцы начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями Отеческими. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на Отцов, писавших прежде его, говорит: «Не малый подвиг, сказали они, найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали святые Отцы, что и тогда едва можно было найти

---

[1] *Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему; уста льстивы, говорят от сердца притворного* (Пс. 11. 2, 3). ‖ [2] Глава 33. Добротолюбие. Ч. 1.

непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностию. Если же не найдется, то святые Отцы повелели научаться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: *Испытайте Писаний,* и *в них* найдете *живот вечный*»[1]. *Елика бо преднаписана быша* в Святых Писаниях, *в наше наказание* (наставление) *преднаписашася*[2]. Преподобный Нил жил в XV столетии; он основал скит неподалеку от Бела-Озера, где и занимался молитвою в глубоком уединении. Полезно прислушаться старцам новейших времен с каким смирением и самоотвержением отзывается преподобный Нил о наставлениях, которые он преподавал братии. «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедовать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не сделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова святых Отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследывая их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы не достойны этого, но преподают блаженные святые Отцы из Божественного Писания»[3]. Вот превосходный образец для современного наставления! Он вполне душеполезен для наставника и наставляемого; он — правильное выражение умеренного преуспеяния; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости, в которые впадают подражающие по наружности великому Варсонофию и другим знаменоносным Отцам, не имея благодати Отцов. Что было в тех выражением обильного присутствия в них Святого Духа, то в безрассудных, лицемерных подражателях служит выражением обильного невежества, самообольщения, гордости, дерзости. Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братиям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщеславия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. Подумайте, что мы должны воздать ответ за каждое

[1] *Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне* (Ин. 5. 39). ‖ [2] *А все, что писано было прежде, написано нам в наставление* (Рим. 15. 4). Предисловие к Уставу, или Преданию. ‖ [3] Преподобного Нила Сорского Предание. Не лишним будет заметить здесь, что преподобный Нил Сорский хотя имел благодать Божию, но не дерзал объяснять Писания самопроизвольно, а последовал объяснению, сделанному Отцами. Путь смиренномудрия есть единственный верный путь ко спасению.

праздное слово[1], тем тягостнее ответ за слово Божие, произнесенное с тщеславием и по побуждению тщеславия. *Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый, рекшыя: язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть*[2]. Потребит Господь ищущих славы своей, а не Божией. Устрашимся прещения Господня! Будем произносить слово назидания по требованию существенной необходимости, не как наставники, а как нуждающиеся в наставлении и тщащиеся соделаться причастниками наставления, преподаемого Богом в Его всесвятом Слове. *Кийждо якоже прият дарование,* говорит святой апостол Петр, *между себе сим служаще, яко добрии строители различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, яко словеса Божия,* со страхом Божиим и благоговением к словам Божиим, а не как свои собственные слова; *аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог,* а не как бы из своей собственной: *да о всем славится Бог Иисус Христом*[3]. Действующий из себя действует для тщеславия, приносит и себя, и послушающих его в жертву сатане: действующий из Господа действует в славу Господа, совершает свое спасение и спасение ближних Господом, единым Спасителем человеков. Будем страшиться преподания новоначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на Слове Божием и на духовном разумении Слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковерного новоначального из раба Божия в раба человеческого[4], привлекши его к творению падшей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией[5]. Скромное отношение советника к наставляемому — совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен. На советнике не лежит никакой ответственности за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизвольно, а будучи спрошен и понужден. Также и получивший совет не связывается им; на произволе и рассуждении его остается исполнить

---

[1] Мф. 12. 36. ‖ [2] *Истребит Господь все уста льстивые, язык велеречивый,* ***тех,*** *которые говорят: «языком нашим пересилим, уста наши с нами; кто нам господин»?* (Пс. 11. 4, 5). ‖ [3] *...Служите друг другу, каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией. Говорит ли кто,* ***говори*** *как слова Божии; служит ли кто,* ***служи*** *по силе, какую дает Бог, дабы во всем прославлялся Бог через Иисуса Христа* (1 Пет. 4. 10, 11). ‖ [4] 1 Кор. 7. 23. ‖ [5] Здесь говорится не о наружном послушании монастырском, не о трудах и занятиях монастырских, назначаемых монастырским начальством, но о послушании нравственном, сокровенном, совершаемом в душе.

или не исполнить полученный совет. Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем. Заметим, что Отцы воспрещают давать совет ближнему по собственному побуждению, без вопрошения ближнего: самовольное преподание совета есть признак сознания за собою ведения и достоинства духовных, в чем — явная гордость и самообольщение[1]. Это не относится к настоятелям и начальникам, которые обязаны во всякое время, при всякой встретившейся нужде, и не будучи спрошены, наставлять врученное им братство[2]. Но при посещении других монастырей они должны руководствоваться советом преподобного Макария Александрийского преподобному Пахомию Великому. Пахомий спросил Макария о наставлении братии и суде над ними. Авва Макарий отвечал: «Учи и суди своих подчиненных и не суди никого из посторонних»[3]. Это правило соблюдали и соблюдают все настоятели, желающие благоугодить Богу.

Глава 14
Цель монашеского жительства заключается в изучении воли Божией, в усвоении ее себе, в покорности ей

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божиею, освятить этим соединением. Воля наша, в состоянии падения, враждебна воле Божией; она по слепоте своей и по состоянию вражды к Богу постоянно усиливается противодействовать воле Божией. Когда усилия ее останутся безуспешными, она приводит человека в раздражение, в негодование, в смущение, в огорчение, в уныние, в ропот, в хулу, в отчаяние. В отречении от своей воли для наследования воли Божией заключается отречение от себя, заповеданное Спасителем, составляющее необходимое условие спасения и христианского совершенства, столько необходимое, что без удовлетворения этому условию спасение невозможно, тем более невозможно христианское совершенство. *Живот — в воли Его,* сказал Пророк[4].

Чтоб исполнить волю Божию, нужно знать ее. Только при этом познании возможно отвержение своей поврежденной воли и исце-

---

[1] Мнение священномученика Петра, митрополита Дамасского, и других Отцов. Добротолюбие. Ч. 3. ‖ [2] 2 Тим. 4. 1. ‖ [3] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о авве Макарии Городском, гл. 2. ‖ [4] Пс. 29. 6.

ление ее волею Божиею. Воля Божия — Божественная тайна. *Божия никтоже весть*, говорит Апостол, *точию Дух Божий*[1]. Следовательно, доставление человекам познания воли Божией может совершиться единственно при посредстве Божественного откровения. *Научи мя творити волю Твою*, молился вдохновенный Давид, *яко Ты еси Бог мой. Дух Твой благий наставит мя на землю праву*[2]. *Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего. Не скрый от мене заповеди Твоя*[3]. Воля Божия открыта человечеству в Законе Божием, преимущественно же, с особеннною точностию и подробностию, она объявлена нам вочеловечившимся Словом Божиим. Как превысшая постижения, она приемлется верою. *Снидох с небесе*, сказал Спаситель, *не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю от него, но воскрешу е в последний день. Се же есть воля Пославшаго Мя, да всяк, видяй Сына и веруяй в Него, имать живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день*[4]. *Аз от Себе не глаголах, но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть*[5]. Изучение воли Божией — труд, исполненный радости, исполненный духовного утешения, вместе труд, сопряженный с великими скорбями, горестями, искушениями, с самоотвержением, с умерщвлением падшего естества, с спасительным погублением души. Он сопряжен с распятием ветхого человека[6]. Он требует, чтоб плотское мудрование было отвергнуто, попрано, уничтожено: *преобразуйтеся обновлением ума вашего*, говорит Апостол, *во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная*[7]. С такою определенностию Сын Божий явил человекам волю Божию, с такими существенными последствиями Он совокупил это явление воли Божией, что Священное Писание именует Его *исповедавшим Бога*[8], то есть

---

[1] *...Божьего никто не знает, кроме Духа Божия* (1 Кор. 2. 11). ‖ [2] *Научи меня исполнять волю Твою, потому что Ты Бог мой; Дух Твой благий да ведет меня в землю правды* (Пс. 142. 10). ‖ [3] *Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего. ... Не скрывай от меня заповедей Твоих* (Пс. 118. 18, 19). ‖ [4] *Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить, но все то воскресить в последний день. Воля пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6. 38–40). ‖ [5] *Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить. И я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная* (Ин. 12. 49, 50). ‖ [6] Гал. 5. 24; Кол. 3. 9, 10. ‖ [7] *И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12. 2). ‖ [8] Ин. 1. 18.

открывшим в той полноте, в какой способно человечество приять, способно приять не само собою, но действием преизобильным Божественной благодати. Такое же значение имеют слова Господа: *Явих имя Твое человеком*[1], *сказах им имя Твое, и скажу, да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них*[2]. Явление имени Того, Кто превыше всякого имени, есть совершеннейшее познание Того, Кто превыше всякого познания. Высшее познание, являющееся от освящения человека Божественною волею, вводит в Божественную любовь, в соединение человека с Богом.

Одни из евангельских заповедей научают нас *действовать* богоугодно; другие научают *вести* себя богоугодно при постороннем действии на нас. Изучение второго труднее, нежели изучение первого; но и первое тогда поймется удовлетворительно, когда душа изучит и примет второе. Необходимо уверить себя, что Бог управляет участию мира и участию каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия. Следствие принятия верою этого учения — смиренная покорность Богу, отступление смущения, мир души, сила мужества. Кто таким образом примет учение Евангелия, тот *восприимет щит веры, в немже возможет вся стрелы лукаваго разжженныя угасити*[3]. Эта вера называется святыми Отцами *деятельною,* в отличие от *догматической*[4]. Она является в человеке от исполнения евангельских заповедей, возрастает по мере исполнения их, увядает и уничтожается по мере пренебрежения ими, преобразуется, в свое время, по осенении благодатию, в живую веру, исполняет христианина духовною силою, которою святые Божии *победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острея меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих*[5]. Необходимо благоговеть пред непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих, как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных. *Смиритеся,* увещевает святой апостол Петр, *под крепкую руку Божию, всю печаль вашу возвергше*

[1] *Я открыл имя Твое человекам* (Ин. 17. 6). Смотри объяснение блаженного Феофилакта Болгарского. || [2] *И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и* ***Я*** *в них* (Ин. 17. 26). Смотри объяснение блаженного Феофилакта Болгарского. || [3] *...возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого* (Еф. 6. 16). || [4] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 16. Добротолюбие. Ч. 2. || [5] *...побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих* (Евр. 11. 33, 34).

Нань, яко Той печется о вас[1]. Смиряться подобает по тому превосходному образцу, который представляется нам Священным Писанием в молитве трех святых отроков, подвергшихся в Вавилоне тяжкому испытанию за верность свою Богу и признавших все попущения Божии последствиями праведного Суда Божия[2]. *Нужда есть приити соблазном,* определил Господь[3]; предвозвестив страшные бедствия, долженствующие постигнуть верующих в Него и все человечество, Он сказал: *зрите, не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти*[4]. Если так, то мы не имеем ни права, ни возможности сказать или помыслить что-либо против определения, произнесенного всеблагим, премудрым, всемогущим Богом. *Предани будете,* предвозвестил нам Господь, *и родители и братиею и родом и други, и умертвят от вас: и будете ненавидими от всех имене Моего ради*[5]. *Всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу. В мире скорбни будете: но дерзайте, яко Аз победих мир*[6]. Изобразив и предвозвестив положение истинных христиан на время их земной жизни, положение, предназначенное им Богом, Господь присовокупил: *И влас главы вашей не погибнет*[7]. Это значит: о вас неусыпно будет промышлять Бог: Он будет неусыпно бдеть над вами, содержать вас во всемогущей деснице Своей, и потому, что ни случится с вами скорбное, случится не иначе, как по Его попущению, по Его всесвятой воле, для вашего спасения. Наставление ученикам по отношению в напастям земной жизни, долженствующим постигать их, Господь заключил решительною и определенною заповедию: *В терпении вашем стяжите душы ваша*[8]. Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно, с самоотвержением покоритесь и предайтесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение. Известится оно душе тем миром, который оно принесет в душу. Замрет в устах всякое слово против судеб Божиих, умолкнет всякая мысль пред величием воли Божией, как сказал о себе и о своих товарищах святой евангелист Лука: *умолчахом, рекше: воля Господня да будет*[9]. Надо

[1] *...смиритесь под крепкую руку Божию... Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас* (1 Пет. 5. 6, 7). ‖ [2] Дан. гл. 3. ‖ [3] *...ибо надобно придти соблазнам* (Мф. 18. 7). ‖ [4] *Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть* (Мф. 24. 6). ‖ [5] *Преданы также будете и родителями, и братьями, и родственниками, и друзьями, и некоторых из вас умертвят; и будете ненавидимы всеми за имя Мое* (Лк. 21. 16, 17). ‖ [6] *...всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16. 2, 33). ‖ [7] *...но и волос с головы вашей не пропадет* (Лк. 21. 18). ‖ [8] *...терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21. 19). ‖ [9] *...успокоились, сказав: да будет воля Господня* (Деян. 21. 14).

знать, что всякий помысл, являющийся с свойством противоречия и противодействия судьбам Божиим, исходит от сатаны, и есть его исчадие. Такой помысл, как богопротивный, должно отвергать при самом появлении его. Пример этого подал нам Господь. Когда Он поведал ученикам о предстоящих Ему страданиях и насильственной смерти, тогда апостол Петр, движимый состраданием по свойству ветхого человека, *начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи: не имать быти Тебе сие*. Господь отвечал Петру, обличая начало выраженной им мысли: *иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*[1]. Отчего возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога; оттого, что мы не покорились Богу как Богу; оттого, что мы не дали себе должного места пред Богом; от нашей гордости, от нашей слепоты: оттого, что падшая, поврежденная, извращенная воля наша не уничтожена и не отвергнута нами. *Тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя. Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научитимися судьбам правды Твоея*[2]. *Ты еси Бог Спас мой, и Тебе терпех весь день*[3], перенося благодушно в течение всей земной жизни моей все скорби, какие благоугодно Тебе попускать мне во спасение мое. Святой Иоанн Лествичник определяет дар *духовного рассуждения*, который ниспосылается от Бога исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиренномудрия, следующим образом: «рассуждение, в обширном смысле, состоит и познается в непогрешительном постижении Божественной воли во всяком времени, месте и деле, что свойственно одним чистым по сердцу, телу и устам»[4].

Глава 15
Любовь к ближнему служит средством достижения любви к Богу

Спаситель мира совокупил все частные Свои заповедания в две главные, общие заповеди: *Возлюбиши Господа Бога твоего*, сказал Он, *всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслею твоею: сия есть первая и болшая заповедь. Вторая же подобна ей: воз-*

[1] *...начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! ... Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое* (Мф. 16. 22, 23). ‖ [2] *Тогда я не постыдился бы, взирая на все заповеди Твои: я славил бы Тебя в правоте сердца, поучаясь судам правды Твоей* (Пс. 118. 6, 7). ‖ [3] *...Ты Бог спасения моего; на Тебя надеюсь всякий день* (Пс. 24. 5). ‖ [4] Лествица. Слово 26.

любиши искренняго твоего яко сам себе. В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят[1]. Хотя заповедь о любви к Богу столько возвышеннее заповеди о любви к образу Божию — человеку, сколько Бог возвышеннее Своего образа, однако заповедь о любви к ближнему служит основанием заповеди о любви к Богу. Кто не положил основания, тот тщетно трудится о построении здания: оно никак не может устоять, не имея основания. Любовию к ближнему мы входим в любовь к Богу. Любовь к Богу христианина есть любовь ко Христу[2], а любовь к ближнему есть любовь ко Христу в ближнем: полюбив ближнего, полюбив его о Господе, то есть по заповедям Господа, мы стяжеваем любовь ко Христу, а любовь ко Христу есть любовь к Богу. Союз любви к Богу с любовию к ближнему превосходно изложен в Посланиях святого апостола евангелиста Иоанна Богослова. Невозможно возлюбить Бога, по учению Богослова, не возлюбив прежде брата. Любовь же к брату заключается в исполнении относительно его заповедей Господа[3]. То же учение возвещается и святыми наставниками монашества. Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближнего зависит и жизнь и смерть (души). Приобретая брата, приобретаем Бога; соблазняя брата, грешим против Христа»[4]. Преподобный Иоанн Колов, один из величайших Отцов Египетского Скита, сказал: «Нет возможности выстроить дом, начав сверху, но надо начать постройку с основания и возводить к верху». Его спросили: «Что значит основание?» Он отвечал: «Основание есть ближний наш: мы должны приобретать его и начинать с него. На нем основываются все заповеди Христовы»[5]. Преподобный Марк Подвижник: «Невозможно иначе спастись, как чрез ближнего»[6]. Согласно этому рассуждают и научают все святые Отцы; это — общее христианское учение, учение Церкви, учение Христово. — Обрати все внимание на стяжание любви к ближнему твоему, как на основание твоего жительства и монашеского подвига. Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, — отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! действия ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом, как жертва осквер-

---

[1] *...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22. 37–40). ‖ [2] 1 Ин. 2. 23. ‖ [3] 2 Ин. 1. 6. ‖ [4] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, гл. 9. ‖ [5] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, гл. 37. ‖ [6] Слово 6 О рае и духовном законе.

ненная; плоды действий душепагубны, убийственны. Следующим образом возлюби ближнего: не гневайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бранных, насмешливых, колких слов; сохраняй с ним мир по возможности своей; смиряйся пред ним; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всем, в чем можно уступить ему, уступай; отучись от прекословия и спора, отвергни их, как знамение гордыни и самолюбия; говори хорошо о злословящих тебя; плати добром за зло; молись за тех, которые устраивают тебе различные оскорбления, обиды, напасти, гонения[1]. Никак, ни под каким предлогом, не осуждай никого, даже не суди ни о ком, хорош ли он или худ, имея пред глазами того одного худого человека, за которого ты должен отвечать пред Богом, — себя. Поступай относительно ближних так, как бы ты желал, чтоб было поступлено относительно тебя[2]. Отпускай и прощай из глубины сердца человекам согрешения их против тебя, чтоб и Отец Небесный простил тебе твои бесчисленные согрешения, твой страшный греховный долг, могущий тебя низвергнуть и заключить навечно в адские темницы[3]. Не стяжи пристрастия, в особенности блудной страсти к ближнему твоему; под именем ближнего разумеется не только мужеский, но и женский пол. Если же, устреленный стрелою врага, как-нибудь неожиданно заразишься ими, то не унывай, зная, что мы в себе самих носим способность заражаться всякими страстями, что это случалось и с великими святыми; приложи все старание уврачевать себя. Наконец: не повреждай брата своего многословием, пустословием, близким знакомством и свободным обращением с ним. Ведя себя так по отношению к ближнему, ты окажешь и стяжешь к нему заповеданнную Богом и Богу угодную любовь; ею отворишь себе вход к любви Божией. Святой Симеон Новый Богослов сказал: «Особенной любви с каким-либо лицом да не стяжешь, особливо с новоначальным, хотя бы тебе и показалось, что это лицо жития весьма хорошего, а не зазорного. Ибо по большей части духовная любовь прелагается в страстную, и впадешь в бесполезные скорби. Это наиболее случается с подвизающимися. Тебе должно вменять себя странным по отношению ко всякому брату в общежитии, в особенности по отношению к тем, с которыми ты был знаком в мире, а всех любить равно»[4]. Святой Исаак: «Любовь к юным есть блуд, которым гнушается Бог. Для этой раны нет пластыря. Любящий же всех равно по

---

[1] Мф. 5. 21–28. || [2] Мф. 7. 1–12. || [3] Мф. 18. 23–35. || [4] Главы 125, 126. Добротолюбие. Ч. 1.

милосердию и без различия достиг совершенства. Юный, последуя за юным, приводит рассудительных к плачу и рыданию о них. Старец же, последующий юному, стяжал страсть, которая смраднее страсти юных; хотя бы он беседовал с ними и о добродетели, но сердце его уязвлено»[1].

Глава 16
Смирение пред ближним служит средством достижения любви к ближнему

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение пред ним. Ненависти к ближнему предшествует осуждение его, уничижение, злословие, презрение к нему, иначе гордость. Святые иноки постоянно помнили слова Христовы: *Аминь глаголю вам; еже сотвористе единому сих братий Моих менших, Мне сотвористе*[2]. Не входили они в рассматривание, достоин ли ближний уважения или нет; не обращали они внимания на множество и очевидность его недостатков: внимание их обращено было на то, чтоб не скрылось от них каким-нибудь образом понятие, что ближний есть образ Божий, что поступки наши относительно ближнего Христос принимает так, как бы они совершены были относительно Его. Ненавидит такое понятие гордый падший ангел и употребляет все меры, чтоб незаметным образом похитить его у христианина. Несродно это понятие плотскому и душевному мудрованию падшего человеческого естества, и нужно особенное внимание, чтоб удержать его в памяти. Нужен значительный душевный подвиг, нужно содействие Божественной благодати, чтоб усвоить это понятие сердцу, поврежденному грехом, чтоб иметь его непрестанно в памяти при сношениях с братиею. Когда же это понятие, по милости Божией, усвоится нам, тогда оно сделается источником чистейшей любви к ближним, любви ко всем одинаковой. Причина такой любви одна — Христос, почитаемый и любимый в каждом ближнем. Это понятие соделывается источником сладостнейшего умиления, теплейшей, неразвлеченной, сосредоточеннейшей молитвы. Преподобный авва Дорофей говаривал ученику своему, преподобному Досифею, по временам побеждавшемуся гневом: «Досифей! ты гневаешься, и не стыдишься, что гневаешься, и обижаешь брата своего? разве ты не знаешь, что он — Христос, и что ты оскорбляешь

---

[1] Слово 8. ‖ [2] *...истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25. 40).

Христа?»[1] Преподобный великий Аполлос часто говаривал ученикам своим о принятии приходивших к нему странных братий, что подобает воздавать им почтение земным поклонением: кланяясь им, мы кланяемся не им, но Богу. «Увидел ли ты брата твоего? ты увидел Господа Бога твоего. Это, — говорил он, — мы прияли от Авраама[2], а тому, что должно братию успокоить (приютить, оказать гостеприимство), научились от Лота, понудившего (уговорившего) Ангелов ночевать в его доме»[3]. Такой образ мыслей и поведения был усвоен всеми иноками Египта, первейшими во всем мире по иноческому преуспеянию и дарованиям Святого Духа. Эти иноки удостоились быть предусмотрены и предвозвещены Пророком: *приидут молитвенницы от Египта,* предсказал святой Давид о иноках Египта[4]. Преподобный Кассиан Римлянин, церковный писатель IV века, повествует следующее: «Когда мы (преподобный Кассиан и друг его о Господе преподобный Герман), желая изучить постановления старцев, прибыли из стран Сирийских в область — Египет, — то приходили в удивление, что там принимали нас с необыкновенным радушием, причем никогда не соблюдалось правило для употребления пищи, для чего назначен известный час, в противность тому, как мы были приобучены в палестинских монастырях. Куда мы ни приходили, разрешалось установленное пощение того дня, за исключением узаконенного (Церковию) поста в среды и пятки. Мы спросили одного из старцев: «По какой причине у них упущается без различия ежедневное пощение?» — Он отвечал: «Пост всегда со мною; но вас я должен сряду отпустить, и не могу всегда иметь при себе. Хотя пост полезен и постоянно нужен, однако он дар и жертва произвольная, а исполнение делом любви есть непременный долг, требуемый заповедию. Принимая в лице вашем Христа, я должен оказать Ему всеусердное гостеприимство; проводив же вас, по оказании любви, которой причина — Он, могу вознаградить разрешение усиленным постом, наедине». *Не могут сынове брачныя, дондеже жених с ними есть, поститися. Егда же отымется от них жених, тогда постятся законно*»[5]. Живя в монастыре с братиею, признавай себя одного грешником, а всех братий, без исключения, Ангелами. Всем отдавай предпочтение пред собою. Когда ближнего твоего предпочитают тебе, радуйся

[1] В книге Поучений преподобного аввы Дорофея Сказание о преподобном Досифее. || [2] Быт. 18. || [3] Быт. 19. Лавсаик и Алфавитный патерик. || [4] Пс. 116. 32. || [5] ..*можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни* (Лк. 5. 34, 35). Преподобного Кассиана кн. 5. О чревообъядении, гл. 24.

этому и одобряй это, как деяние самое справедливое. Ты удобно достигнешь такого душевного настроения, если будешь удаляться от близкого знакомства и от свободного обращения. Напротив того, позволяя себе близкое знакомство и свободное обращение, никогда не удостоишься придти в устроение святых, не удостоишься сказать от искреннего сознания, сказать с апостолом Павлом: *Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз*[1]. — По причине смирения пред ближним и по причине любви к ближнему отступает от сердца ожесточение. Оно отваливается, как тяжелый камень от входа в гроб, и сердце оживает для духовных отношений к Богу, для которых оно доселе было мертво. Взорам ума открывается новое зрелище: многочисленные греховные язвы, которыми преисполнено все падшее человеческое естество. Он начинает исповедывать свое бедственное состояние пред Богом и умолять Его о помиловании. Уму содействует сердце плачем и умилением. Таково начало истинной молитвы. Напротив того, молитву памятозлобного святой Исаак Сирский уподобляет посеву на камне[2]. Тоже должно сказать и о молитве осуждающего и презирающего ближних. Молитве гордого и гневливого не только не внимает Бог, но и попускает молящемуся в таком душевном устроении различные унизительнейшие искушения, чтоб, ударяемый и угнетаемый ими, он прибег к смирению пред ближним и к любви ближнего. Молитва есть деятельное выражение любви инока к Богу[3].

Глава 17
О молитве

Молитва, будучи дщерию исполнения евангельских заповедей, есть вместе и мать всех добродетелей, по общему мнению святых Отцов[4]. Молитва рождает добродетели от соединения духа человеческого с Духом Господа. Добродетели, рождающие молитву, различествуют от добродетелей, рождаемых молитвою: первые — душевны, вторые — духовны. Молитва есть по преимуществу исполнение первой и главнейшей заповеди из тех двух заповедей, в которых сосредоточиваются закон, Пророки и Евангелие[5]. Невозможно человеку устремиться всем помышлением, всею крепостию своею, всем существом своим к Богу, иначе, как при действии

[1] ...*Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый* (1 Тим. 1. 15). ‖ [2] Слово 89. ‖ [3] Лествица. Слово 28, гл. 33. ‖ [4] Преподобного Макария Великого Слово 3, гл. 1. ‖ [5] Мф. 22. 37–40.

молитвы, когда она воскреснет из мертвых[1] и оживится, как бы душою, силою благодати. Молитва есть зерцало иноческого преуспеяния[2]. Рассматривая молитву свою, инок познает, достиг ли он спасения или еще бедствует в волнующемся страстном море, вне священной пристани. К такому познанию он имеет руководителем Боговдохновенного Давида, который, молитвенно беседуя к Богу, сказал так: *В сем познах, яко восхотел мя еси, яко не возрадуется враг мой о мне. Мене же за незлобие приял, и утвердил мя еси пред Тобою в век*[3]. Это значит: узнал я, Господи, что Ты меня помиловал и усвоил Себе, по постоянному победоносному отвержению мною, силою молитвы моей, всех вражеских помыслов, мечтаний и ощущений. Эта милость Божия к человеку является тогда, когда человек ощутит милость ко всем ближним своим и простит всем виновным пред ним[4]. Молитва должна быть главным подвигом инока. В ней должны сосредоточиться и совокупиться все его подвиги; посредством ее инок прилепляется теснейшим образом к Господу, соединяется *во един дух с Господом*[5]. С самого вступления в монастырь необходимо научиться правильной молитве, чтоб преуспеть в ней и посредством ее изработать свое спасение. Правильности молитвы и преуспеянию в ней противодействует наше поврежденное естество и падшие ангелы, усиливающиеся удержать нас в своем порабощении, в падении и отвержении от Бога, общем человекам и падшим ангелам.

Глава 18
О приготовлении к молитве

По важному значению молитвы, пред упражнением ею, нужно приготовление себя к ней. *Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди яко человек искушая Господа*[6]. «Идя предстать пред Царем и Богом и возглаголать с Ним, — говорит святой Иоанн Лествичник, — не без приготовления совершим это, чтоб Он издалека не увидел, что мы не имеем оружия и одежд, потребных для предстояния пред Царем, и не повелел рабам и служителям Своим связать нас и отгнать куда-либо далеко от лица Его, а проше-

[1] Выражение это принадлежит святому Иоанну Лествичнику. Слово 28. ‖ [2] Лествица. Слово 28, гл. 34. ‖ [3] *Из того узнаю, что Ты благоволишь ко мне, если враг мой не восторжествует надо мною, а меня сохранишь в целости моей и поставишь пред лицем Твоим на веки* (Пс. 40. 12, 13). ‖ [4] Мф. 6. 14, 15; 7. 2; Лк. 6. 37, 38. ‖ [5] *...и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6. 11). ‖ [6] *Прежде, нежели начнешь молиться, приготовь себя, и не будь как человек, искушающий Господа* (Сир. 18. 23).

ния наши раздрать и бросить нам в лицо»[1]. Первое приготовление состоит в отвержении памятозлобия и осуждения ближних. Это приготовление заповедано Самим Господом. *Егда стоите моляще-ся,* повелевает Он, *отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших*[2]. Дальнейшим приготовлением служат: отвержение попечений силою веры в Бога, силою покорности и преданности воле Божией, сознание своей греховности и истекающее из этого сознания сокрушение и смирение духа. Одна жертва, принимаемая Богом от падшего человеческого естества, есть сокрушение духа. *Аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо,* говорит Богу Пророк Его от лица каждого падшего и пребывающего в своем падении человека; но Ты не только какой-либо частной жертвы, телесной или душевной, но и полного *всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*[3]. Святой Исаак Сирский повторяет следующее изречение другого святого Отца: «Если кто не признает себя грешником, того молитва неблагоприятна Господу»[4]. Стой на молитве твоей пред невидимым Богом, как бы ты видел Его, и с уверенностию, что Он видит тебя, внимательно смотрит на тебя; стой пред невидимым Богом, как стоит уголовный преступник, уличенный в бесчисленных злодеяниях, приговоренный к казни, пред грозным, нелицеприятным судиею. Точно: ты стоишь пред полновластным Владыкою и Судиею твоим; ты стоишь пред таким Судиею, пред Которым *не оправдится всяк живый*[5], Который всегда побеждает, *внегда судити Ему*[6], Который тогда только не осуждает, когда, по неизреченному человеколюбию Своему, простив человеку согрешения его, не *внидет в суд с рабом Своим*[7]. Ощутив страх Божий, ощутив от действия страха Божия при молитве твоей присутствие Бога, увидишь безвидно, духовно, Невидимого, познаешь, что молитва есть предстояние на Страшном Суде Божием[8]. Стой на молитве с поникшею главою, с устремленными к земле глазами,

---

[1] Слово 28, гл. 4. ‖ [2] *И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших* (Мк. 11. 25, 26). ‖ [3] *Ибо жертвы Ты не желаешь, — я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50. 18, 19). ‖ [4] Слово 55. ‖ [5] *...не оправдится пред Тобой ни один из живущих* (Пс. 142. 2). ‖ [6] *...чист в суде Твоем* (Пс. 50. 6). ‖ [7] *...не входи в суд с рабом Твоим* (Пс. 142. 2). ‖ [8] Лествица. Слово 28, гл. 1.

на обеих ногах равно и неподвижно; споспешествуй молитве плачем сердца, воздыханиями из глубины души, обильными слезами. Наружное благоговейное предстояние на молитве весьма нужно и весьма полезно для всякого подвизающегося подвигом молитвы, особливо для новоначального, в котором расположение души наиболее сообразуется с положением тела. — Апостол заповедует при молитве благодарение: *в молитве терпите,* говорит он, *бодрствующе в ней с благодарением*[1]. Апостол свидетельствует, что благодарение заповедано Самим Богом: *непрестанно молитеся. О всем благодарите: сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас*[2]. Что значит благодарение? Это — славословие Бога за бесчисленные Его благодеяния, излитые на все человечество и на каждого человека. Таким благодарением вводится в душу чудное спокойствие; вводится радость, несмотря на то, что отвсюду окружают скорби, вводится живая вера, по причине которой человек отвергает все заботы о себе, попирает страх человеческий и бесовский, повергает себя всецело на волю Божию. Такое расположение души есть превосходное приуготовительное расположение для молитвы. *Якоже убо приясте Христа Иисуса, Господа,* говорит Апостол, *такожде в Нем ходите* (жительствуйте), *укоренени и наздани в Нем и извествовани верою, якоже научистеся, избыточествующе в ней благодарением,* то есть при посредстве благодарения приобретая обилие веры. *Радуйтеся всегда о Господе: и паки реку, радуйтеся: Господь близ. Ни о чемже пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются к Богу*[3]. Важность умственного подвига — благодарения с особенною подробностию изложена в Руководстве к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

Глава 19
О внимании при молитве

Молитва нуждается в неотлучном соприсутствии и содействии внимания. При внимании молитва составляет неотъемлемую собственность молящегося; при отсутствии внимания она чужда моля-

---

[1] *Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением* (Кол. 4. 2); ср.: Флп. 4. 6. || [2] *Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе* (1 Сол. 5. 17, 18). || [3] *Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем, будучи укоренены и утверждены в Нем и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением* (Кол. 2. 6, 7). *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом* (Флп. 4. 4–6).

щемуся. При внимании она приносит обильный плод; без внимания она приносит терние и волчцы. Плод молитвы состоит в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнию Духа; терние и волчцы — это мертвость души, фарисейское самомнение, прозябающее из сердечного ожесточения, довольствующееся и превозносящееся количеством молитвословий и временем, употребленным на произнесение этих молитвословий. — То внимание, которое вполне соблюдает молитву от развлечения или от посторонних помыслов и мечтаний, есть дар благодати Божией. Искреннее желание получить благодатный дар, душеспасительный дар внимания доказываем принуждением себя ко вниманию при каждой молитве нашей. Искусственное внимание — так назовем наше собственное внимание, еще не осененное благодатию, — состоит в том, чтоб, по совету святого Иоанна Лествичника, заключать ум в слова молитвы. Если ум, по причине новости своей в молитвенном подвиге, выйдет из заключения в слова, то должно опять вводить его в них. Свойственны уму, в его состоянии падения, нестоятельность и расположение парить повсюду. Но Бог может даровать ему непоколебимость, и дарует ее в свое время за постоянство и терпение в подвиге[1]. — Особенно способствует сохранению внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы. Произноси слова не спеша, чтоб ум мог с большим удобством сохранить заключение свое в словах молитвы, чтоб он не ускользал ни из одного слова ее. — Произноси слова несколько вслух, когда ты молишься наедине: и это способствует сохранению внимания. — Внимательной молитве с особенною удобностию можно и должно приучаться при совершении келейного правила. Возлюбленный брат! не отвергни ига некоторой скуки и некоторого понуждения, приучаясь первоначально к иноческим келейным занятиям, особливо к келейному молитвенному правилу. Запасись благовременно всесильным оружием — молитвою; благовременно научись действовать им. Молитва всемогуща по причине действующего в ней всемогущего Бога: она — *меч духовный, иже есть глагол Божий*[2]. Молитва, по качеству своему, есть пребывание человека при Боге и соединение человека с Богом; по действию своему она — примирение человека с Богом, мать и дщерь слез, мост, по которому переходят чрез искушения, стена, защищающая от скорбей, сокрушение браней, бесконечное делание, источник добродетелей, причина духовных дарований, невидимое преуспеяние, пища души,

[1] Слово 28, гл. 17. ‖ [2] *...меч духовный, который есть Слово Божие* (Еф. 6. 17).

просвещение ума, отсечение отчаяния, указание надежды, разрешение печали, богатство монахов[1]. Сначала нужно понуждаться к молитве; вскоре она начнет доставлять утешение, и этим утешением облегчать понуждение, ободрять к понуждению себя. Но к молитве нужно понуждение в течение всей жизни[2], и редкие подвижники избавились, по причине обильнейшего благодатного утешения, от понуждения себя: молитва действует убийственно на нашего ветхого человека; доколе он жив в нас, дотоле противится молитве, как вкушению смерти. Падшие духи, зная силу молитвы и ее благотворное действие, стараются всячески отвлечь от нее подвижника, подучая употреблять время, назначенное для молитвы, на другие дела; или же они стараются уничтожить и осквернить ее суетною и греховною рассеянностию, принося во время совершения ее бесчисленные житейские и греховные помыслы и мечтания.

Глава 20
О келейном правиле

Келейное правило состоит из известного числа поклонов, известного числа молитв и псалмов, из упражнения молитвою Иисусовою. Оно назначается для каждого сообразно силам души и тела. Как эти силы разнообразны в человеках до бесконечности, то и правило предлагается подвижникам в самых различных формах. Общий устав для молитвенного правила заключается в том, чтоб оно никак не превышало сил подвижника, не истощало этих сил, не расстраивало здоровья и этим не принудило подвижника отказаться от всякого правила. Оставление молитвенного правила обыкновенно бывает следствием правила, принятого или возложенного превыше сил. Напротив того, умеренное, благоразумное правило остается достоянием инока на всю его жизнь, к концу жизни развивается и умножается как бы естественно, принимая, и по наружности, и по внутреннему достоинству, характер, соответствующий преуспеянию. От крепкого и здорового тела требуется при совершении правила большего числа поклонов и большего количества молитвословий, а от слабого тела — меньшего. Тела человеческие так различествуют между собою по отношению к крепости, что иные утомляются от 30 земных поклонов более, нежели другие от 300.

---

[1] Заимствовано из Лествицы. Слово 28, гл. 1. || [2] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о авве Агафоне, гл. 9.

Глава 21
О поклонах

Поклоны разделяются на земные и поясные; полагаются обыкновенно на вечернем правиле, пред упокоением сном. Лучше всего положить поклоны прежде чтения вечерних молитв, то есть поклонами начинать правило. От поклонов тело несколько утомится и согреется, а сердце придет в состояние сокрушения: из такого состояния подвижник усерднее, теплее, внимательнее помолится. Ощутится совсем другой вкус в молитвах, когда они будут читаться после поклонов. Поклоны надо полагать весьма неспешно, одушевив этот телесный подвиг плачем сердца и молитвенным воплем ума. Желая начать коленопреклонения, дай телу твоему самое благоговейное положение, какое должно иметь рабу и созданию Божию в присутствии Господа Бога его. Потом собери мысли от скитания повсюду и с крайнею неспешностию, вслух лишь самому себе, заключая ум в слова, произнеси от сердца сокрушенного и смиренного молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго*. Произнесши молитву, сотвори неспешно земной поклон, с благоговением и страхом Божиим, без разгорячения, с чувством кающегося и умоляющего о прощении грешника, как бы к ногам Самого Господа Иисуса Христа. Не представь себе в воображении образа или изображения Господня, но имей убеждение в его присутствии; имей убеждение в том, что Он смотрит на тебя, на твой ум и сердце, и что воздаяние Его — в руке Его: первое — непозволительная мечта, ведущая к гибельному самообольщению, а убеждение в присутствии вездесущего Бога есть убеждение во всесвятой истине[1]. Положив земной поклон, опять приведи тело в благоговение и спокойствие и опять произнеси неспешно вышеуказанную молитву; произнесши ее, опять положи поклон вышесказанным образом. Не заботься о количестве поклонов: все внимание обрати на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями. Не говоря о действии на дух, на самое тело гораздо сильнее подействует небольшое число поклонов, исполненных вышесказанным образом, нежели большое, исполненное наскоро,

[1] Святые Отцы говорят: «Никогда не прими, если б ты увидел что-либо чувственное или мысленное, вне или внутри тебя: будет ли это вид Христа, или Ангела, или какого святого, или мечтательное изображение света в уме. Пребывай не веруя этому и не благоволя о этом. Непрестанно блюди ум твой необразным, незапечатленным чем-либо при посредстве воображения, безвидным, внимая единственно словам молитвы» (Добротолюбие. Ч. 2. Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве, гл. 75).

без внимания, для счета. Опыт не замедлит доказать это. Утрудившись от коленопреклонений, перейди к поясным поклонам. Мера поясного поклона определяется тем, когда при исполнении его опущенная рука прикоснется земле или полу. Вменив себе в непременную обязанность при совершении поклонов обильное душевное делание, состоящее из внимательности, неспешности, благоговения, намерения принести Богу покаяние, подвижник усмотрит в течение непродолжительного времени, какое количество поклонов выносит его телосложение. Исключив из этого числа несколько поклонов в видах немощи своей и снисхождения себе, из остального числа поклонов он может установить для себя ежедневное правило и, испросив на него благословение духовника или настоятеля, или кого из иноков, к которому имеет доверенность и с которым советуется, может отправлять такое правило ежедневно. — Для душеназидания возлюбленных братий наших не умолчим о нижеследующем: поклоны, совершаемые для числа, не одушевленные правильным умным и сердечным деланием, более вредны, нежели полезны. Подвижник, исполнив их, начинает радоваться. Вот, говорит он сам себе, подобно упоминаемому в Евангелии фарисею, и сегодня Бог сподобил положить (примерно) триста поклонов! Слава Богу! Легкое ли дело? в нынешние времена триста поклонов! кто ныне несет такое правило? и так далее. Надо припомнить, что поклоны согревают кровь, а согретая кровь чрезвычайно способствует к возбуждению умственной деятельности; пришедши в такое расположение, бедный подвижник, единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном душевном делании, предается душевредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам и мечтаниям, опирающимся на его подвиг, при посредстве которого он думает преуспеть; подвижник услаждается этими помыслами и мечтаниями, не может довольно насытиться ими, усвояет их себе, насаждает в себя гибельную страсть самомнения. Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних и в явном расположении поучать их. Очевидно, что такое расположение есть признак гордости и самообольщения: если б инок не счел себя выше ближнего, он никак не дерзнул бы учить его. Таков плод всякого телесного подвига, если он не одушевлен намерением покаяния и не имеет целию одно покаяние, если подвигу самому по себе дается цена. Истинное иноческое преуспеяние заключается в том, когда инок увидит себя грешнейшим из всех человеков. «Брат сказал преподобному Сисою Великому:

«Я вижу, что мысль моя находится постоянно при Боге». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя находится непрестанно при Боге; велико то, когда инок увидит себя под всякою тварию»[1]. Таков был образ мыслей истинных служителей Бога, истинных иноков: он образовался в них от правильного душевного делания. При правильном душевном делании и телесный подвиг имеет огромное значение, будучи выражением покаяния и смирения действиями тела. *Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя*[2], молитвенно вопиет к Богу святой Давид, соединявший в благочестивом подвиге своем телесный труд с глубоким покаянием и с глубоким смиренномудрием.

Глава 22
О применении келейного правила к монастырскому правилу

В некоторых Российских обителях, в весьма немногих, следующих уставу Саровской пустыни, отправляется вечернее правило в церкви с поклонами; в некоторых общежительных монастырях отправляется правило без поклонов; в большей части монастырей вечернее правило предоставляется на произвол братства, отправляется желающими в келлиях. В Саровской пустыне и других обителях, следующих ее уставу, труды так значительны, что едва ли кто из братства может сверх церковного правила совершать и келейное. Но иные бывают очень сильны телом, и телесные труды даже Саровской пустыни и Валаамского монастыря недостаточны для утомления их тела, изобилующего крепостию. Для тех, которые избыточествуют силою или живут в обителях, в которых правило не соединено с поклонами или и вовсе нет общего вечернего правила, предлагаем следующий убогий совет: вечернее правило надо совершать, применяясь к правилу, преподанному Ангелом преподобному Пахомию Великому. Применяясь: потому что в настоящее время, и по слабости нашей, и по уставам, общепринятым в наших монастырях, нам невозможно исполнять вполне и в точности правило, преподанное Ангелом сообразно древнему быту иноков. Сказанным не должно смущаться. И наше монастырское отечественное чиноположение благословенно Свыше: оно соответствует нашей немощи и нашему времени. Сообразуясь с тем, как законо-

[1] Алфавитный патерик. ‖ [2] *Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои* (Пс. 24. 18).

полагает правило, преподанное Ангелом[1], можно дать своему келейному правилу следующий порядок: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе; Царю Небесный, Трисвятое, Отче наш, 12 Господи помилуй, Приидите поклонимся, Псалом 50, Символ веры; затем молитва Иисусова: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*». Иные при этой молитве полагают 20 поклонов земных и 20 поясных, иные — 30 поклонов земных и столько же поясных, другие 40 поклонов земных и столько же поясных, и так далее. Полезно присовокуплять несколько земных и поясных поклонов с молитвою Божией Матери: *Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси меня грешнаго*. По совершении положенного числа коленопреклонений и поясных поклонов никак не должно оставаться в праздности, не должно предоставлять уму и сердцу свободы уклониться безразборчиво в помышления и чувствования какие бы то ни было; должно немедленно переходить к молитвословию или молитве Иисусовой. Совершив телесный подвиг, согрев им тело и кровь, подвижник получает, как выше сказано, особенное расположение к душевному деланию, и если не дать немедленно же душе делания правильного и спасительного, то она легко может обратиться к деланию неправильному и пагубному, к размышлениям и мечтаниям пустым и вредным. Надо хранить со тщанием и употреблять с пользою плод, приобретенный правильным телесным подвигом. Невидимые враги и тати не дремлют! самое падшее естество наше не замедлит дать из себя сродные ему плевелы. Приобретенные при молитве с поклонами чистоту, живость ума и умиление сердца должно тотчас употребить для молитвы без поклонов, неспешно и тихо произносимой устами, вслух себе, при заключении ума в слова молитвы, при сочувствии сердца словам молитвы.

В обителях, где вечернее правило не отправляется в церкви, а отправляется по келлиям, должно прочитывать после поклонов *молитвы на сон грядущим*. Производящие и чувствующие себя довольно сильными читают сверх того акафисты, каноны, псалтирь и помянник. Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а в том, чтоб прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца, и оставило на душе глубокое и сильное впечатление[2]. Количество молитвословий, нужных для правила, узнается так же, как и количество поклонов. Прочитай с должным вниманием и неспеш-

---

[1] Каноник. Издание святой Киево-Печерской Лавры. || [2] Преподобный Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1.

ностию некоторые молитвословия, которые ты считаешь особенно питающими твою душу: заметив, сколько нужно времени для чтения их, и сообразив, сколько времени ты можешь отделить на молитвословие, иначе на псалмопение, составь для себя приличествующее келейное молитвенное правило. На новоначальных очень полезно действует чтение акафистов Сладчайшему Иисусу и Божией Матери, а на преуспевших и ощутивших уже некоторое просвещение ума — чтение Псалтыри. Для внимательного прочтения одной кафизмы нужно времени около 20 минут. Святые Отцы совершали молитвенное чтение псалмов и прочих молитвословий с такою неспешностию, необходимою для внимания и для заключения ума в слова молитвы, что они это чтение назвали псалмопением. Псалмопение — отнюдь не пение по гласам или по нотам, но крайне неспешное чтение, протяжностию своею подходящее к пению.

В тех обителях, где вечернее правило совершается в церкви без поклонов, должно в келлии, по исполнении правила с поклонами, заняться уже не псалмопением, а молитвою, никак не попустив себе развлечься суетными и душевредными помыслами и мечтаниями. Те иноки, которые, по каким-нибудь обстоятельствам, принуждены бывают часто пребывать в келлии безвыходно, совершают правило с поклонами, восстав от сна, пред утренними молитвами, по причине вышеобъясненного благотворного действия поклонов на тело и душу.

Глава 23
О молитве Иисусовой

Собственно молитвою святые Отцы называют молитву Иисусову, которая произносится так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго.* Святой Иоанн Лествичник говорит о безмолвствующих, что «одни из них поют, и большую часть своего времени проводят в этом (пении), а другие претерпевают в молитве»: под именем пения здесь надо понимать молитвенное чтение псалмов (тогда еще не было других молитвословий, употребляемых ныне), а под именем молитвы — молитву Иисусову[1]. То же значение имеют и следующие слова того же святого: «Ночью большую часть времени отдавай молитве, а меньшую псалмопению»[2]. Так объясняют значение слов *молитва* и *псалмопение* в творении святого Иоанна Лествичника, Лествице, позднейшие великие подвиж-

[1] Слово 27, гл. 33. || [2] Слово 27, гл. 77.

ники и наставники монашества, преподобные Симеон Новый Богослов[1] и Григорий Синаит[2]. Молитва Иисусова разделяется на два вида: на *устную* и *умную*. Подвижник переходит от устной молитвы к умной сам собою, при условии: когда устная молитва — внимательна. Сперва должно обучиться устно молитве Иисусовой. Исполняется Иисусова молитва стоя; при изнеможении же сил — сидя и даже лежа. Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа. Хотя эти условия необходимы при всякой молитве, но удобнее сохраняются и более требуются при совершении молитвы Иисусовой. При псалмопении разнообразие мыслей, в которые облечена молитва, невольно привлекает к себе внимание ума и доставляет ему некоторое развлечение. Но при молитве Иисусовой ум сосредоточивается в одну мысль: в мысль о помиловании грешника Иисусом. Делание по наружности самое сухое, но на опыте оно оказывается самым многоплодным из всех душевных деланий. Сила и достоинство доставляются ему всесильным, всесвятым именем Господа Иисуса Христа. Пророк, пророчествуя о Богочеловеке, предвозвестил: *Всяк, иже призовет имя Господне, спасется*[3]. Слова Пророка повторяет святой апостол Павел[4]: *аще исповеси усты твоими,* говорит он, *Господа Иисуса и веруеши в сердце твоем, яко Бог того воздвиже из мертвых, спасешися*[5]. Святой апостол Петр, по исцелении хромого от рождения именем Господа Иисуса Христа, засвидетельствовал пред иудейским Синедрионом нижеследующее: *Князи людстии и старцы Израилевы! аще мы* (святые апостолы Петр и Иоанн) *днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся, разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав. Несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам*[6]. Употреб-

[1] В Слове о трех образах молитвы, о третьем образе. Добротолюбие. Ч. 1. «Да упражняется в псалмопении, сиречь, да молится усты». || [2] О безмолвии, в 15 главах: гл. 4, О еже како подобает пети. Добротолюбие. Ч. 1. || [3] *...всякий, кто призовет имя Господне, спасется* (Иоил. 2. 32). || [4] Рим. 10. 13. || [5] *Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься* (Рим. 10. 9). || [6] *...начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он пред вами здрав. ... Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись* (Деян. 4. 8–10, 12).

ление всесвятого Божественного имени *Иисус* в молитве и моление о этом имени установлено Самим Господом нашим, Иисусом Христом. В этом можно убедиться из той возвышеннейшей и глубочайшей беседы, помещенной в Евангелии от Иоанна[1], которую Господь имел с святыми Апостолами после Тайной вечери, в многознаменательный час, предшествовавший добровольному исшествию Господа на место предания и на страдания, спасительные для рода человеческого. Учение, произнесенное Господом в этот час, имеет характер окончательного, предсмертного завещания, в котором собраны и изложены Им пред учениками Его, а в лице их пред всем христианством, самые душеспасительные, окончательные заповеди, залоги достоверные и непогрешительные жизни вечной[2]. Между прочими залогами и духовными дарами дано и подтверждено позволение и повеление молиться именем Иисуса. *Еже аще что просите от Отца во имя Мое,* сказал Господь ученикам Своим, *то сотворю: да прославился Отец в Сыне. И аще чесо просите во Имя мое, Аз сотворю*[3]. *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите, и приимете, да радость ваша исполнена будет*[4]. Что ж такое, могущее принявшего преисполнить радости, даровано будет молящемуся именем Господа Иисуса? Будет дарован — отвечаем словами Господа — Дух Святой, *Егоже послет Отец во имя Мое*[5]. Это опытное познание принадлежит святым Отцам *и* есть их предание[6].

Глава 24
О упражнении молитвою Иисусовою

Если жительствуешь в обители, в которой отправляется вечернее правило с поклонами в церкви, то, пришед в келлию, сряду займись молитвою Иисусовою. Если жительствуешь в обители, в которой вечернее правило отправляется в церкви, но без поклонов, то, придя в келлию, соверши сперва правило с поклонами, а после него займись молитвою Иисусовою. Если принадлежишь

[1] Ин. 13. 31; 14. 15. 16. || [2] Заимствовано из 10 главы святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве. Добротолюбие. Ч. 2. || [3] *И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю* (Ин. 14. 13, 14). || [4] *Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна* (Ин. 16. 23, 24). || [5] Ин. 14. 26. || [6] Гл. 12. О безмолвии и молитве святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов.

к такой обители, в которой нет общего вечернего правила, а предоставлено каждому совершать его в келлии, то, во-первых, соверши правило с поклонами, потом займись молитвословием или псалмопением и, наконец, молитвою Иисусовою. Первоначально положи себе произносить сто молитв Иисусовых со вниманием и неспешностию. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другое сто. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых молитв. На неспешное и внимательное произнесение *ста молитв* потребно времени 30 минут, или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и еще в более продолжительном времени. Не произноси молитв спешно, одной немедленно за другою; делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Переводи дыхание с осторожностию; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности. Окончив моление молитвою Иисусовою, не вдайся в разные размышления и мечтания, всегда пустые, обольстительные, обманчивые; но, по направлению, полученному в молитвенном подвиге, проведи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву; засыпай с нею. Приучи себя так, чтоб, проснувшись от сна, первою твоею мыслию, первым словом и делом была молитва Иисусова. Произнесши ее несколько раз, вставай с одра и спеши к утрени. Во время утрени, по возможности, займись молитвою Иисусовою. Если будешь иметь несколько времени свободного между утренею и литургиею, — займись молитвою Иисусовою. Точно так же поступай и после обеда. Отцы советуют после обеда заниматься воспоминанием о смерти[1]. Это вполне правильно, но живая молитва Иисусова неразлучна с живым воспоминанием о смерти[2]; живое воспоминание о смерти сопряжено с живою молитвою ко Господу Иисусу, упразднившему смертию смерть и даровавшему человекам живот вечный Своим временным подчинением смерти. Во время церковных служб полезно упражняться молитвою Иисусовою: она, удерживая ум от рассеянности, способствует ему внимать церковному пению и чтению. Постарайся столько приучиться к молитве Иисусовой, чтоб она сделалась твоею непрестанною молитвою, для чего она очень удобна по краткости своей и для чего неудобны продолжительные молитвы. Отцы сказали: «Инок должен, употребляет ли пищу и питие, пребывает ли в келлии или

[1] Преподобного Нила Сорского Слово 7. ‖ [2] Лествицы Слово 28, гл. 46.

находится на послушании (в монастырской работе и труде), путешествует или что иное делает, непрестанно вопиять: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*»[1].

Глава 25
О непрестанной молитве

Непрестанная молитва заповедана Самим Богом. Спаситель мира сказал: *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам*[2]. *Бог не имать ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, и долготерпя о них? глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре*[3]. Апостол, повторяя учение Господа, говорит: *Непрестанно молитеся*[4]. *Хощу убо, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления*[5]. Под именем мужей Апостол разумеет христиан, достигших христианского совершенства. Только совершенным христианам свойственно молиться *без гнева и размышления,* то есть в глубоком мире, в чистейшей любви к ближнему, без малейшего памятозлобия к ближнему и осуждения его, без развлечения посторонними помыслами и мечтаниями *(без размышления)*. Таковые могут на всяком месте и во всякое время приносить молитву Богу, воздевая и вознося к Нему преподобные руки: ум и сердце, очищенные от страстей, освященные Духом. Очевидно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока; но, чтоб сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве. Частая молитва, в свое время, сама собою перейдет в непрестанную молитву. Как при непрестанной молитве всего удобнее совершать молитву Иисусову, то новоначальный должен, как можно чаще, обращаться к молитве Иисусовой. Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? не убей его в праздности! не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! употреби его для упражнения молитвою Иисусовою. Если случится, по немощи или, правильнее, по свойству падшего естества, увлечься обольстительными мечтани-

[1] Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, гл. 21. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [2] *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7. 7). ‖ [3] *Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре* (Лк. 18. 7, 8). ‖ [4] *Непрестанно молитесь* (1 Сол. 5. 17). ‖ [5] *Итак, желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2. 8).

ями и помыслами, — не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности и сознав пред Ним твое падшее естество и твое увлечение, припади мысленно пред Его милостию и прими меры предосторожности против обольстительного мечтания-и обольстительных помыслов. Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной. Непрестанная молитва — дар Божий, даруемый Богом испытанному в верности рабу и служителю Его. «Иначе, как непрестанною молитвою, невозможно приблизиться к Богу»[1]. Непрестанная молитва есть признак милости Божией к человеку, есть признак, что все силы души устремились к Богу. *Помилуй мя Господи, яко к Тебе воззову весь день. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою*[2].

Глава 26
О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной

Желающему непогрешительно заниматься молитвою Иисусовою надо поверять себя, свое упражнение ею, частым чтением следующих Отеческих писаний: 1) Слова о трезвении Исихия, пресвитера Иерусалимского[3], 2) Глав о трезвении преподобного Филофея Синайского[4], 3) Слова о сокровенном делании во Христе святого Феолипта, митрополита Филадельфийского[5], 4) Сочинений святых Симеона Нового Богослова и Григория Синаита, помещенных в первой части Добротолюбия, 5) Слова Никифора Монашествующего и сочинения святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, помещенных во второй части Добротолюбия, 6) Предания преподобного Нила Сорского, 7) «Цветника» священноинока Дорофея и других. Читатель найдет в Добротолюбии, в Слове Симеона Нового Богослова о трех образах молитвы, в Слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов наставление о художественном ввождении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение Отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братиям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Многие,

---

[1] Святого Исаака Слово 69. ‖ [2] *Помилуй меня, Господи, ибо к Тебе взываю каждый день. Возвесели душу раба Твоего, уповающего на Тебя* (Пс. 85. 3, 4). ‖ [3] Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [4] Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [5] Добротолюбие. Ч. 2.

захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтоб ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный Отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены Отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же святые Отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят, что ум, получив навык соединяться с сердцем, или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати, не нуждается в пособии механизма для такого соединения, но просто, сам собою, своим собственным движением соединяется с сердцем[1]. Это так и быть должно. Разъединение ума с сердцем, противодействие их друг другу произошли от нашего падения в грех: естественно Божественной благодати — когда она прострет перст свой для исцеления сокрушенного и раздробленного на части человека его падением — воссоединять разделенные его части, воссоединять ум не только с сердцем и душою, но и с телом, давать им одно правильное стремление к Богу. Вместе с соединением ума с сердцем подвижник получает силу противостоять всем страстным помыслам и страстным ощущениям. Может ли это быть следствием какого-либо механизма? Нет! это — последствие благодати, это — плод Святого Духа, осенившего невидимый подвиг Христова подвижника, непостижимый для плотских и душевных человеков. Читая в Отцах о сердечном месте, которое обретает ум молитвою, надо понимать словесную силу сердца[2], помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которою серд-

[1] Глава 53 Ксанфопулов о безмолвии и молитве. Добротолюбие. Ч. 2. || [2] О силах души смотри главы преподобного Филофея Синайского. Добротолюбие. Ч. 2.

це человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли или желания и силу ревности или ярости, наравне с человеками. Сила словества выражается в совести или в сознании нашего духа, без участия разума, в страхе Божием, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа, или глубокой печали о грехах, и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души — ум — хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего головной мозг: так и сила словества, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца. Так как человек пал, так как его помыслы и ощущения изменились из духовных в плотские и душевные, то надо при посредстве евангельских заповедей возвести ум и дух к помышлениям и ощущениям духовным. Когда ум и дух исцелятся, тогда они и соединятся о Господе. Образуется в свое время, в отделе сердца, где помещается сила словества, или дух, чудный, нерукотворенный, духовный храм Божий, Святая Святых: туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея для поклонения Богу Духом и Истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное в Священном Писании: ***Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие***[1]. — Ниже силы словества, в средине сердца, помещается сила ревности; ниже ее, в низшей части сердца, помещается сила желания, или воли. В животных эти две силы действуют очень грубо, как нисколько не связанные словесностию; в людях они действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их. Но действовать правильно и быть в полном подчинении духа, или силы словества, они могут только в истинном христианине, низложившем не только явно греховные, но и все естественные помыслы и ощущения пред разумом Христовым — Евангелием. Ум и сердце иначе не возмогут соединиться, как при посредстве Духа и Истины. Это значит: ум и сердце не возмогут соединиться, если не отвергнутся вполне падшего естества, если не предадут себя вполне руководству Евангелия, если за постоянное и усиленное последование евангельским заповедям не привлекут к себе благодати Всесвятого

[1] *Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом* (2 Кор. 6. 16).

Духа, не исцелятся и не оживут от прикосновения ее, от осенения ею[1]. Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимою праведностию, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою.

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество: по соединении духовная сила, соединяющая ум с сердцем, влечет к исполнению заповедей, делает его удобным, легким, сладостным. *Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое*[2], сказал Псалмопевец.

Делателю Иисусовой молитвы весьма полезно прочитать Примечания (Предисловия) схимонаха Поляномерульского Василия на книги святых: Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского[3]. По прочтении сих Примечаний чтение всего Добротолюбия делается более ясным и полезным. При чтении Отцов не должно упускать из виду и того, что меры новоначального их времен суть уже меры весьма преуспевшего в наше время. Применение Отеческих наставлений к себе, к своей деятельности, должно быть совершаемо с большою осмотрительностию.

Глава 27
О Богомыслии

Святые Димитрий Ростовский и Тихон Воронежский занимались богомыслием, то есть святым размышлением о вочеловечении Бога Слова, о дивном пребывании Его на земле, о страшных и спасительных Его страданиях, о преславном воскресении и вознесении на небо, также о человеке, о его назначении, о его падении,

---

[1] Преподобного Пимена Великого спросили, что значат слова Писания: *Причастник аз есмь всем боящимся Тебе и хранящим заповеди Твоя? — Общник я всем боящимся Тебя и хранящим повеления Твои* (Пс. 118. 63). Преподобный отвечал: «Это говорит о Себе Святой Дух». Алфавитный патерик. ‖ [2] *Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое* (Пс. 118. 32). ‖ [3] Издание Оптиной Пустыни 1847 года.

о его обновлении Искупителем и прочих подобных глубоких тайнах христианства. Святые размышления упомянутых святителей превосходно изложены в их сочинениях. Такие размышления святой Петр Дамаскин, согласно с другими аскетическими писателями, относит к видениям духовным, и в разряде этих видений дает им четвертую степень[1]. Всякое духовное видение есть зрение известного рода таинств, являющееся в подвижнике соответственно его очищению покаянием, как это можно видеть в книге Петра Дамаскина[2]. Покаяние имеет свою постепенность: и духовные видения имеют свою постепенность. Тайны христианства открываются подвижнику постепенно, соответственно его духовному преуспеянию. Богомыслие, или благочестивые размышления, святителей Димитрия и Тихона служат выражением их духовного преуспеяния. Желающий упражняться в богомыслии пусть читает сочинения святителей. Такое богомыслие будет самым непогрешительным и самым душеполезным. Напротив того, богомыслие соделается самым неправильным и душевредным, если подвижник, прежде очищения покаянием, не имея точного понятия о учении христианском, позволит себе самовольное размышление, которое не может не быть ошибочным и потому не может не принести душевредных последствий и самообольщения, не может не вовлечь в пропасть гибельного заблуждения. Святители были обучены со всею точностию и подробностию православному богословию, потом святою жизнию вознеслись на высоту христианского совершенства: богомыслие было для них естественным. Оно неестественно для подвижника, не имеющего основательных, точных познаний в богословии, не очищенного покаянием. По этой причине святыми Отцами оно воспрещено для новоначальных иноков, да и вообще для всех иноков, не приготовленных к нему наукою, не достигших к нему жительством. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Неизмерима глубина догматов, и уму безмолвника не небедственно погружаться в нее. Очень опасно плавать в одежде: столько же опасно находящемуся в плену у страстей касаться богословия»[3]. Такое делается предостережение безмолвникам: известно, что к безмолвию допускаются монахи уже преуспевшие. В древности весьма многие из монахов впадали в гибельную пропасть ереси единственно потому, что допускали себе рассматривание догматов, превышавшее их способность понимания. «Смиренномудрый монах, —

[1] Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3. || [2] Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3. || [3] Слово 27, гл. 10 и 11.

опять наставляет Лествичник, — не позволит себе любопытного исследования таин; гордый, напротив того, стремится испытывать и судьбы Божии»[1]. Очень верно! желание пускаться в богомыслие неспособного и несозревшего к нему есть уже внушение самомнения, есть желание безрассудное и гордое. Упражняйся в молитве, в душеназидательном чтении, и это упражнение будет упражнением в богомыслии правильном, безопасном, Богоугодном. Как чувственные глаза, исцелившись от слепоты, видят по естественному своему свойству, так и ум, очистившись от греховной болезненности, естественно начинает видеть тайны христианства[2]. Положись в подвиге твоем на Бога. Если нужно для тебя и для общей пользы христианства, чтоб ты был зрителем глубоких таин и проповедником их для братии твоей, то Бог непременно подаст тебе этот дар. Если же этого не благоугодно Богу, то стремись к тому, что существенно нужно для твоего спасения и что вполне удовлетворяет требованию этой нужды твоей. Стремись к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о Суде Божием, о страшных темницах адских, в которых пылает вечный огонь и присутствует вечная тьма: такая молитва, соединенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное, душеполезнейшее богомыслие.

Глава 28
О памятовании смерти

Инок должен воспоминать ежедневно, и по нескольку раз в день, о предстоящей ему, неизбежной смерти, а в свое время достичь и непрестанного памятования смерти. Ум наш так омрачен падением, что мы, если не будем принуждать себя к воспоминанию о смерти, можем совершенно забыть о ней. Когда забудем о смерти, тогда начинаем жить на земле как бы бессмертные, жертвуя всею деятельностию нашею для земли, нисколько не заботясь ни о страшном переходе в вечность, ни о участи нашей в вечности. Тогда с решительностию и бесстрашием попираем заповеди Христовы; тогда совершаем все, самые ужасные грехи; тогда оставляем не только непрестанную молитву, но и установленную в известные часы, — начинаем пренебрегать этим существенно и необходимо нужным занятием, как бы деланием маловажным и малонужным. Забывая

[1] Слово 25, гл. 11. || [2] Преподобный Кассиан. Книга 5. О духе чревообъядения, гл. 34.

о смерти телесной, мы умираем смертию душевною. Напротив того, кто часто воспоминает смерть тела, тот оживает душею. Он пребывает на земле, как странник в гостинице или как узник в темнице, непрестанно ожидая, что его потребуют из нее на суд или для казни. Пред взорами его всегда открыты врата в вечность. Он постоянно смотрит туда с душевною заботою, с глубокою печалию и думою. Постоянно занят он размышлением, что послужит оправданием его на Страшном Суде Христовом и какое произнесено будет о нем определение! Определение это решает участь человека на всю беспредельную загробную жизнь. Никакая земная красота, никакое земное обольщение не привлекает к себе внимания и любви его. Он никого не осуждает, памятствуя, что на Суде Божием изречено будет о нем такое суждение, какое он здесь изрекал на ближних своих. Он прощает всем и все, чтоб и самому получить прощение и наследовать спасение. Он снисходит всем, милосердствует о всех, чтоб и ему оказаны были снисхождение и милосердие. Он с радостию приемлет и лобызает всякую приходящую скорбь, как возмездие за грехи его во времени, освобождающее от возмездия в вечности. Если бы пришел ему помысл вознестись своею добродетелию, то памятование смерти немедленно устремляется против этого помысла, посрамляет его, уличает в нелепости, отгоняет. Какое может иметь значение наша добродетель на Суде Божием? какую может иметь цену наша добродетель пред очами Бога, пред которыми и небо нечисто?[1] Напоминай и напоминай себе: «умру, умру непременно! Умерли отцы и праотцы мои: никто из людей не остался всегда на земле: и меня ожидает участь, постигшая и постигающая всех». Не теряй напрасно времени, данного на покаяние! Не заглядывайся на землю, на которой ты — деятель минутный, на которой ты — изгнанник, на которой милосердием Божиим предоставлено тебе одуматься, принести покаяние для избежания вечных темниц ада и вечной муки в них. Краткий срок странничества на земле употреби на приобретение приюта спокойного, приюта блаженного в вечности. Ходатайствуй о стяжании вечного стяжания отвержением всякого временного стяжания, отвержением всего плотского и душевного в области падшего естества! ходатайствуй исполнением Христовых заповедей! ходатайствуй искренним раскаянием в содеянных согрешениях! ходатайствуй благодарением и славословием Бога за все посланные тебе скорби! ходатайствуй обильным молитвословием и псалмопением!

[1] Иов. 15. 15.

ходатайствуй молитвою Иисусовою, соединяя с нею воспоминание о смерти. Эти два делания — молитва Иисусова и памятование смерти — удобно сливаются в одно делание. От молитвы является живое воспоминание о смерти, как бы предощущение ее; а от предощущения смерти сильнее возжигается молитва. Необходимо подвижнику помнить смерть! Это воспоминание необходимо для самого подвига. Оно предохраняет подвиг инока от повреждения и растления самомнением, к которому может привести подвижническая и внимательная жизнь, если она не будет ограждена памятованием смерти и Суда Божия. Великое душевное бедствие — дать какую-нибудь цену своему подвигу, счесть его заслугою пред Богом. Признавай себя достойным всякого земного наказания, достойным вечных мук. Такая оценка себя будет самою верною, самою душеспасительною, самою Богоугодною. Часто исчисляй вечные бедствия, ожидающие грешников. Частым исчислением этих бедствий соделай их как бы предстоящими пред очами твоими. Стяжи предощущение адских мук, чтоб душа твоя при живом воспоминании о них содрогалась, отторгалась от греха, прибегала к Богу с смиренною молитвою о помиловании, в надежде на Его неограниченную благость и в безнадежии на себя[1]. Вспоминай и представляй себе неизмеримую страшную подземную пропасть и темницу, составляющие собою ад. Пропасть именуется бездною: точно — такова она относительно человеков. Адская обширная темница имеет множество отделов и множество различного рода томлений и мучений, которыми воздается каждому человеку по делам его, совершенным им в течение земной жизни. Во всех отделах заключение — вечно, муки — вечны. Там господствует томительный, непроницаемый мрак, и вместе горит там огнь неугасающий, всегда одинаково сильный. Нет там дня: там вечная ночь. Там смрад нестерпимый, с которым не может сравниться никакое земное зловоние. Лютый адский червь никогда не усыпает и никогда не дремлет: точит он и точит, снедает адских узников, не нарушая их целости, не уничтожая существования и сам не насыщаясь. Такое свойство имеют все адские муки: они тяжелее всякой смерти и не приносят смерти. Смерть во аде столько вожделенна, сколько вожделенна на земле жизнь. Смерть была бы отрадой для адских узников. Ее нет для них: удел их — бесконечная жизнь для бесконечных страданий. Терзаются во аде от нестерпимых казней, которыми преизобилует вечная темница отверженных Богом; терзаются

[1] Совет святого Иоанна Лествичника. Лествица. Слово 7, гл. 10.

там невыносимою скорбию; терзаются там лютейшим душевным недугом — отчаянием. Признавай себя приговоренным во ад на вечную муку, и из этого сознания родятся в сердце твоем такие молитвенные, неудержимые и могущественные вопли, которые непременно склонят Бога к помилованию тебя, и введет тебя Бог в рай вместо ада. Признающие себя достойными наград земных и небесных! для вас опасен ад, более, нежели для явных грешников, потому что тягчайший грех между всеми грехами — гордость, самомнение, грех духа, невидимый для чувственных очей, прикрывающийся часто личиною смирения. В воспоминании и размышлении о смерти упражнялись величайшие из преподобных Отцов. О Пахомии Великом говорит писатель жития его, что он «содержал себя постоянно в страхе Божием воспоминанием вечных мук и болезней, не имеющих конца, то есть воспоминанием неугасимого огня и того червя, который никогда не умирает. Этим средством Пахомий удерживал себя от зла и возбуждал к лучшему»[1].

Глава 29
Тесный путь установлен Самим Богом для истинных служителей Его

Господь наш Иисус Христос провел земную жизнь Свою в величайшем смирении, подвергаясь непрестанным скорбям и гонениям, преследуемый, оклеветываемый, поносимый врагами Своими, которые, наконец, предали Его позорной, торговой казни вместе с уголовными преступниками. Путь спасения, вводящий в жизнь вечную, установлен Господом *тесный и прискорбный*[2], — установлен и всесвятым примером Господа, и всесвятым учением Господа. Господь предвозвестил ученикам и последователям Своим, что они *в мире,* то есть во время совершения поприща земной жизни, *будут скорбны*[3], что *мир будет ненавидеть их*[4], что он будет *гнать их, уничижать, предавать смерти*[5]. Господь уподобил положение учеников и последователей Своих посреди порочного человечества положению *овец посреди волков*[6]. — Из этого видно, что скорбное положение во время земной жизни есть установление Самого Господа для истинных рабов и слуг Господа. Установления этого, как установления Господня, невозможно отклонить никаким средством человеческим, никакою мудростию, никаким благоразумием, ника-

[1] Vita sancti Pachomii, abbatis Tabennensis. Patrologiae tom. LXXIII. || [2] Мф. 7. 13. || [3] Ин. 16. 33. || [4] Ин. 15. 18, 19. || [5] Ин. 16. 2, 3. || [6] *...овец среди волков* (Мф. 10. 16).

кою предусмотрительностию, никакою осторожностию. И потому вступающий в иноческую жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божиим, благовременно приготовиться к терпению всех скорбей, какие благоугодно будет Промыслу Всевышнего попустить рабу Своему во время его земного странствования. Священное Писание говорит: *Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи, и не скор буди во время наведения: прилепися Ему и не отступи, да возрастеши на последок твой. Все елико нанесено ти будет, приими и во изменении смирения твоего долготерпи: яко во огни искушается злато, и человецы приятни в пещи смирения*[1].

Какая была бы причина того, что Господь предоставил истинным рабам Своим скорби на время их земной жизни, а врагам Своим предоставил благополучие, вещественное преуспеяние и вещественные блага? Плотский разум говорит: следовало бы устроить совершенно противным образом. — Причина заключается в следующем: человек есть существо падшее. Он низвергнут на землю из рая, в раю привлекши к себе смерть преступлением заповеди Божией. Смерть немедленно по преступлении поразила душу человека и неисцельно заразила его тело. Тело, для которого жизнию служит душа, не тотчас по падении разлучилось с душою; но душа, для которой служит жизнию Святой Дух, тотчас по падении разлучилась с Святым Духом, Который отступил от нее, как от оскверненной и отравленной грехом, предоставив ее самой себе. С такою-то мертвою душою и с живым телом жизнию животного низвергнут первый человек на землю на некоторое время, а прочие человеки рождаются и пребывают на земле некоторое время. По истечении этого времени, называемого земною жизнию, окончательно поражается смертию и тело, наветуемое ею и борющееся с нею в течение всей земной жизни. Земная жизнь — этот кратчайший срок — дана человеку милосердием Творца для того, чтоб человек употребил ее на свое спасение, то есть на возвращение себя от смерти к жизни. Спасение, или ожитворение человека Святым Духом, совершается при посредстве Искупителя, или Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа. Человекам, родившимся до Искупителя,

---

[1] *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению; управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок. Все, что ни приключиться тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения* (Сир. 2. 1–5, 6).

предоставлено было спасаться верою в обетованного Искупителя, а получить спасение по совершении Искупителем искупления; родившимся по Искупителе предоставлено спасаться верою в пришедшего Искупителя и получать спасение еще во время земной жизни, а неотъемлемость спасения немедленно по разлучении души с телом и по совершении частного суда. Всякий, верующий в Спасителя, по необходимости должен сознавать и исповедывать свое падение и свое состояние изгнания на земле; он должен сознавать и исповедывать это самою жизнию, чтоб сознание и исповедание были живы и действительны, а не мертвы и бездейственны. Иначе он не может признать, как следует, Искупителя! потому что Искупитель и Спаситель нужен только для падших и погибших; Он нисколько не нужен и нисколько не может быть полезным для тех, которые не хотят сознать и исповедать своего падения, своей погибели. Исповедывать самою жизнию свое падение значит: переносить все скорби земной жизни как справедливое воздаяние за падение, как естественное, логичное последствие греховности и постоянно отказываться от всех наслаждений, как несвойственных преступнику и изгнаннику, прогневавшему Бога, отверженному Богом. Временная земная жизнь есть не что иное, как преддверие к вечной жизни. И к какой жизни? к вечной жизни в темницах адских, среди ужаснейших мук ада, если не воспользуемся в течение временной земной жизни искуплением, дарованным туне — искуплением, которого принятие и отвержение оставлено на произвол каждого человека. Земная жизнь есть место вкушения горестей и страданий, место созерцания горестей и страданий. Земная жизнь не представляет ничего радостного, ничего утешительного, кроме надежды спасения. *Блажени плачущии ныне*, ныне, во время земного странствования своего, сказал нам Искупитель наш, и *горе вам смеющимся ныне*[1]. «Все христианское житие на земле есть не что иное, как покаяние, выражаемое деятельностию, свойственною покаянию. Христос пришел призвать нас на покаяние. Обрати особенное внимание на слова Его: *приидох призвати на покаяние*[2]. Не веселие, не трапезы, не гуляния, не пирования, не лики, но покаяние, но плач, но слезы, но рыдание и крест предлагает нам здесь Господь наш. Видишь, в чем должна проводиться на земле жизнь христианина! Увидишь это, читая Евангелие Христово. Имеется здесь и для христиан веселие, но духовное. Они

[1] *Блаженны плачущие ныне... Горе вам, смеющимся ныне* (Лк. 6. 21, 25). ‖ [2] *Я пришел призвать ... к покаянию* (Мф. 9. 13).

радуются не о злате, сребре, пище, питии, чести и славе, но о Бозе Спасе своем, о благости и милости Его к ним, о надежде вечного живота»[1].

Господь, приняв на Себя человечество и все немощи человеческие, кроме греха, принял на Себя и деятельное сознание падения, в которое низвергся весь род человеческий: Он провел земную жизнь в непрестанных скорбях, не произнесши против этих скорбей никакого слова, которое выражало бы неудовольствие; напротив того, называл их чашею, поданною Отцом Небесным, которую должно пить и испить беспрекословно. Невинный и Всесвятый Господь, пострадав принятым Им человечеством за виновное и зараженное грехом человечество, предоставил страдания в путь спасения для всех Своих последователей, для всего Своего духовного племени и родства, в деятельное сознание падения и греховности, в деятельное признание и исповедание Спасителя, в деятельное соединение с Ним, усвоение Ему. Вместе с тем Он изливает в страдания рабов Своих из Своих страданий неизреченное духовное утешение, в деятельное доказательство верности спасения и верности пути страдальческого, ведущего ко спасению. Невинный и Всесвятый Господь провел земную жизнь в страданиях: тем более виновные должны пострадать с полным сознанием, что они достойны страдать; они должны радоваться, что кратковременными страданиями избавляются от вечных страданий, становятся в разряд последователей и свойственников Богочеловека. Кто отказывается от страданий, не сознает себя достойным их, тот не признает своего падения и погибели! Кто проводит земную жизнь в наслаждениях, тот отрекается от своего спасения! Кто земную жизнь употребил на одно земное преуспеяние, тот признает безумно кратчайшее время вечностию, а вечность несуществующею, и готовит себе в ней вечное бедствие! Кто не признает своего падения и погибели, тот не признает Спасителя, отвергает Его! Признание себя достойным временных и вечных казней предшествует познанию Спасителя и руководит к познанию Спасителя, как видим из примера, представленного нам разбойником, наследовавшим рай[2]. Может быть, скажут, что разбойник был явным преступником и потому сознание было удобным для него: как приходить к подобному сознанию не сделавшим подобных преступлений? — Отвечаем: и другой разбойник, распятый близ Господа, был явным преступником, но не пришел в сознанию своей греховно-

---

[1] Святитель Тихон Воронежский. Келейное письмо 99, 15. ‖ [2] Лк. 23. 40, 43.

сти, потому что сознание есть следствие сердечной милости и смирения, а несознание есть следствие сердечных ожесточения и гордыни. Божии святые постоянно сознавали себя грешниками, несмотря на явные благодатные дары, которыми они обиловали; напротив того, величайшие злодеи всегда оправдывали себя и, утопая в злодеяниях, не останавливались провозглашать о своей добродетели.

Апостол Павел засвидетельствовал о ветхозаветных праведниках, что все они провели земную жизнь *лишени, скорбяще, озлоблени, исповедавше* самою жизнию, *яко страннии и пришельцы суть на земли*[1]. Потом, обращаясь к современным ему истинным служителям Бога и указав им на Начальника веры и Совершителя Иисуса, Который, вместо подобавшей Ему славы, претерпел бесчестие и крест, Апостол произносит следующее увещание: *Иисус, да освятит люди Своею Кровию, вне врат пострадати изволил: темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще*[2]. *Вне стана,* то есть отвергнув и оставив все, что непостоянный, преходящий мир считает вожделенным; *поношение Его носяще,* то есть приняв участие в крестном пути, установленном от Господа и пройденном Его страдальческою земною жизнию. На голос этот отозвались все истинные христиане и, оставив стан, во всех отношениях переменчивый и чуждый всякой прочности, прошли стезею страданий к вечному Небесному Граду. *Аще же без наказания есте*, говорит Апостол, *емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[3]. Здесь должно заметить слово *вси*: все праведники провели земную жизнь в скорбях! ни один из них не достиг неба, шествуя по широкому пути земного благоденствия. *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет*[4]. *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую*[5], сказал Господь в Откровении святого Иоанна Богослова. Наставляемые этими свидетельствами Святого Духа и многими другими, которыми усеяны страницы Священного Писания, мы с дерзновением утверждаем: скорби, посылаемые человеку Промыслом Божиим, суть верный признак избрания человека Богом. Когда Иисус возлюбил юношу, то предложил ему последование Себе

[1] *...терпя недостатки, скорби, озлобления ...и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле* (Евр. 11. 37, 13). ‖ [2] *Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак, выйдем к Нему за стан, нося Его поругание* (Евр. 13. 12, 13). ‖ [3] *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8). ‖ [4] *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12. 6). ‖ [5] *Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю* (Откр. 3. 19).

и ношение креста[1]. Не отвергнем призвания! Приемлется призвание, когда при пришествии скорби христианин признает себя достойным скорби; последует с крестом своим христианин Господу, когда благодарит, славословит Господа за посланные скорби, когда *не имать [имам] душу свою [мою] честну себе*[2], когда всецело предает себя воле Божией, когда еще с большею ревностию устремляется к исполнению евангельских заповедей, особенно заповеди о любви к врагам. Так верен признак избрания скорбями, что Святой Дух приветствует подвергшихся скорбям приветствием небесным. *Радуйтеся,* возвещает Он им, *радуйтеся! Всяку радость,* то есть величайшую радость, *имейте, егда во искушения впадете различна*[3]. *Блажени есте егда, поносят вам и иждеут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*[4]. Святой апостол Петр говорит христианам, что их призвание — страдания[5]. Таково Божественное назначение для человека во время земной жизни его! он должен уверовать в Искупителя, исповедать Его сердцем и устами, исповедать своею деятельностию, приняв с покорностию тот крест, который благоугодно будет Иисусу возложить на ученика Своего. Не принявший креста не может быть учеником Иисусовым![6] *Страждущии по воле Божией,* говорит апостол Петр, *яко верну Зиждителю да предадят души своя во благотворении*[7]. Зиждитель душ наших — Господь: Он зиждет души верующих в Него скорбями. Отдадимся Его воле и Промыслу, как скудель безмолвно предается произволу скудельника, а сами приложим все старание о исполнении евангельских заповедей. Когда христианин предает себя воле Божией, возложит с самоотвержением все свои попечения на Бога, будет благодарить и славословить Его за крест: тогда необыкновенная духовная сила веры неожиданно является в сердце; тогда неизреченное духовное утешение неожиданно является в сердце. Иисус печатлеет ученика, принявшего избрание, Духом, — и земные скорби соделываются источником наслаждения для раба Божия. Напротив того, бесскорбная земная жизнь человека служит верным признаком, что Господь отвратил от него взор Свой, что он не угоден Господу, хотя бы и казался по наружности благоговейным и добродетельным.

---

[1] Мк. 10. 21. ‖ [2] Деян. 20. 24. ‖ [3] *С великою радостью принимайте... когда впадете в различные искушения* (Иак. 1. 2). ‖ [4] *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5. 11, 12). ‖ [5] 1 Пет. 2. 21. ‖ [6] Лк. 14. 27. ‖ [7] *Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 19).

Воспел святой пророк Давид: *Многи скорби праведным и от всех их избавит я Господь*[1]. Как это верно! Всем истинно служащим Господу, праведным правдою Искупителя, а не своею падшею и ложною, попускается много скорбей; но все эти скорби рассыпаются сами собою; ни одна из них не может сокрушить раба Божия: они воспитывают, очищают, усовершают его. О скорбях грешников, живущих на земле для земных наслаждений и для земного преуспеяния, Пророк не сказал ни слова. Скорби им не попускаются. К чему им скорби? они не понесут их с благодарением, а только ропотом, унынием, хулою на Бога, отчаянием умножат грехи свои. Господь предоставляет им пользоваться земными благами до самой кончины, чтоб они опомнились хотя по причине благоденствия своего. Он посылает скорби только тем грешникам, в которых предвидит обращение, которые в книге живота, по предведению Божию, уже внесены в число праведников, оправданных правдою Искупителя. Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей, как не принявших учения Христова, не оказавших никакого усердия последовать Христу, вступивших на путь неправды не по увлечению и не по неведению. Скорби о Христе суть величайший дар Христов[2], даруемый тем, которые от всей души предались в служение Христу. Святой Давид, упомянув о многих скорбях, которым подвергаются праведники, ничего не упомянул о скорбях грешников: они, будучи прелюбодейчищами, а не сынами, не привлекают к себе наказания Господня. Давид говорит только о смерти их, что она *люта*[3]. Точно: люта смерть грешников, забытая, не изученная ими: она преставляет их внезапно из среды обильных наслаждений в бездну вечного мучения. Давид, обращаясь с утешением к служителю Божию, пребывающему на земле в лишениях и томлении, говорит ему: *не ревнуй спеющему в пути своем, человеку творящему законопреступление. Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие: зане яко трава скоро изшут, и яко зелие злака скоро отпадут*[4]. Далее Пророк говорит от лица подвижника, которого еще колеблет плотское мудрование: *Возревновах на беззаконныя, мир грешников зря: яко несть восклонения в смерти их*, то есть никакая скорбь не пробуждает их от душевного усыпления, от сна смертного, от смерти душевной. Они *в трудех челове-*

[1] *Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь* (Пс. 33. 20). || [2] Флп. 1. 29. || [3] Пс. 33. 22. || [4] *Не ревнуй успевающему на пути своем, человеку лукавствующему. ...Не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут* (Пс. 36. 7, 1, 2).

ческих не суть, и с человеки не приемлют ран. Человеками здесь названы служители истинного Бога, сохранившие в себе достоинство человека: они упражняются в благочестивых произвольных подвигах и подвергаются невольному наказанию Господню. Отверженные грешники, живя в небрежении, не участвуют ни в подвигах, ни в скорбях. Какое же последствие такого положения отверженных Богом? Сего *ради удержа я гордыня их до конца: одеяшася неправдою и нечестием своим*[1]. В них уничтожается всякое сознание греховности своей, является неизмеримое, неисцелимое самомнение; греховная жизнь соделывается их неотъемлемою принадлежностию, как бы постоянною одеждою, облачением, обнаружением, и соделывает такою же принадлежностию их нечестие, заключающееся в неведении Бога, в ложных понятиях о Боге и о всем Богооткровенном учении. В таком состоянии находит произвольных, нераскаянных грешников смерть и, восхитив их, представляет на Суд Божий.

Священное Писание соединяет понятие о искушении с понятием о обличении: *сыне мой,* говорит оно, *не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей от Него обличаем*[2]. Это же видно из вышеприведенных слов Господа: *Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую.* На каком основании обличение соединяется с искушением? На том, что всякая скорбь обнаруживает сокровенные страсти в сердце, приводя их в движение. До скорби человек представляется сам себе спокойным и мирным; но когда придет скорбь, тогда восстают и открываются неведанные им страсти, особливо гнев, печаль, уныние, гордость, неверие. Существенно нужно и полезно для подвижника обличение греха, гнездящегося в нем втайне. Сверх того, скорби, принимаемые и переносимые как должно, усиливают веру; они показывают человеку его немощь и доставляют смирение, низлагая самомнение. Апостол Павел, упоминая об одном из постигших его искушений, говорит: *Не хощем вас, братие, не ведети, о скорби нашей бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя, Иже от толикия смерти избавил ны есть*

---

[1] *...я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо нет ни страданий до смерти... На работе человеческой нет их, и с* **прочими** *людьми не подвергаются ударам. Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость,* **как** *наряд, одевает их* (Пс. 72. 3–6). || [2] *...сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает* (Евр. 12. 5).

и избавляет, Наньже и уповахом, яко и еще избавит[1]. Сердце наше, обреченное по падении на прозябание терния и волчцов, особенно способно к гордости, если оно не будет возделано скорбями. Не вне этой опасности и самый преисполненный благодатных даров праведник. Апостол Павел открыто говорит, что причиною великих, попущенных ему скорбей было Божие смотрение с целию охранить его от превозношения, в которое он мог бы впасть не по какому-нибудь суетному поводу, но по поводу множества бывших ему Божественных откровений и видений. Когда Апостол еще не ведал причины удручавших его искушений, — он трикратно молил Бога, чтоб искушения, столько препятствовавшие успеху проповеди, были устранены; но когда узнал причину, — воскликнул: *благоволю в немощех, в досаждениях, в изгнаниях, в теснотах по Христе*[2]. *Мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распяся, и аз миру*[3].

Вступив в святую обитель, уклонимся произвольно от зависящего от нас наслаждения и претерпим великодушно те скорби, которые независимо от нас будут попущены нам Промыслом Божиим. Предадим себя с верою, всецело, в руки Творца нашего и Зиждителя душ наших. Он не только сотворил нас, но и зиждет души тех, которые восхотели быть Его служителями. Зиждет Он нас церковными таинствами, зиждет евангельскими заповедями, зиждет многоразличными скорбями и искушениями, зиждет благодатию Своею. *Отец Мой делатель есть,* сказал Господь: *всяку розгу о Мне не творящую плода, измет ю: и всяку творящую плод, отребит ю* (очищает искушениями и скорбями), *да множайший плод принесет*[4]. Заметьте: плод, взыскуемый и приемлемый Богом от каждой виноградной лозы, которою изображается душа человеческая, есть деятельность ее о Христе, то есть исполнение ею евангельских заповедей, а отнюдь не естественная, то есть отнюдь не исполнение на деле добра естественного, оскверненного сме-

---

[1] *Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит* (2 Кор. 1. 8–10). ‖ [2] *...благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа* (2 Кор. 12. 7–10). ‖ [3] *А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6. 14). ‖ [4] *Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода* (Ин. 15. 2).

шением со злом. *Розга,* сказал Господь, *не может плода сотворити о себе, аще не будет на лозе; тако и вы, аще во Мне не пребудете*[1]. Только ту душу, которая приносит плод о Христе, Отец Небесный очищает; душа, не приносящая плода о Христе, пребывающая в падшем естестве своем, приносящая бесплодный плод естественного добра и довольствующаяся им, не привлекает Божественного попечения о себе: она, в свое время, отсекается смертию, извергается ею из виноградника — из недра Церкви и из земной жизни, данной для спасения в недре Церкви, влагается в вечный огнь ада, где сгорает, горя и не сгорая вечно[2]. Не должно самому подвижнику своевольно и дерзко ввергаться в скорби и искушать Господа: в этом — безумие, гордыня и падение. *Не даждь во смятение ноги твоея,* говорит Писание, *ниже воздремлет храняй тя*[3]. *Да не искусиши Господа Бога твоего*[4]. Такое значение, по свидетельству Господа, имеют те дерзкие и тщеславные начинания, когда подвижник осмелится и покусится самопроизвольно вдаться в напасть. Но те скорби и напасти, которые приходят нам невольно, следовательно попускаются и устраиваются Промыслом Божиим, должно принимать с величайшим благоговением, как дары Божии, как врачевства душевных недугов наших, как залоги избрания и вечного спасения. Плод скорбей, заключающийся в очищении души, в вознесении ее в духовное состояние, должно хранить как драгоценное сокровище. Хранится этот плод, когда подвергшийся искушению и обличению употребит в это время все тщание пребыть в евангельских заповедях, не увлекаясь страстями, обнаруженными и приведенными в движение искушением. Между евангельскими заповедями и крестом — чудное сродство! Делание заповедей привлекает на рамена делателя крест, а крест усовершает, утончает нашу деятельность по закону Христову, объясняет нам этот закон, доставляет ощущение духовной свободы, несмотря на пригвождение, — исполняет нас неизреченною духовною сладостию, несмотря на горечь наружных обстоятельств. Подвергшихся различным скорбям Божественное Писание утешает и увещевает так: *Боящиися Господа, пождите милости Его и не уклонитеся, да не падете. Боящиися Господа, веруйте Ему, и не имать отпасти мзда ваша. Боящиися Господа, надейтеся на*

---

[1] *Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне* (Ин. 15. 4). ‖ [2] Ин. 15. 6. ‖ [3] *Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя* (Пс. 120. 3). ‖ [4] *Не искушайте Господа, Бога вашего... не искушай Господа Бога твоего* (Втор. 6. 16; Мф. 4. 7).

благая и на веселие века и милости. Воззрите на древния роды и видите, кто верова Господеви и постыдеся? или кто пребысть во страсе Его и оставися? или кто призва Его, и презре и? Зане щедр и милостив Господь, и оставляет грехи, и спасает во время скорби. Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, и грешнику ходящу на две стези! Горе сердцу ослабленну, яко не верует: сего ради покровено не будет. Горе вам погубльшим терпение: и что сотворите егда посетит Господь? Боящиися Господа не сумневаются о глаголех Его, и любящии Его сохранят пути Его. Боящиися Господа поищут благословение Его, и любящии Его исполнятся закона; боящиися Господа уготовят сердца своя, и пред Ним смирят души своя, глаголюще: да впадем в руце Господни, а не в руце человечески, яко бо величество Его тако и милость Его[1]. Тот впадает в руки человеческие, кто, будучи искушаем человеками, не видит Промысла Божия, попускающего человекам искушать, и потому, приписывая человекам значение, удобно может склониться к человекоугодию и к отступлению от Бога. Кто видит Промысл Божий оком веры, тот при искушениях, наносимых человеками, не обратит никакого внимания на эти слепые орудия Промысла и духовным разумом своим пребудет единственно в руках Бога, взывая к Нему единому в скорбях своих. Когда игемон Пилат, водимый плотским мудрованием, сказал предстоявшему пред ним Господу: *власть имам распяти Тя и власть имам пустити Тя,* — тогда Господь отвечал ему: *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано Свыше*[2]; ты — столько слепое орудие, что даже не понимаешь и не подозреваешь того дела, на которое употребляешься. *В терпении вашем стяжите души ваша,* сказал Господь; *претерпевый же до*

[1] *Боящиеся Господа! ожидайте милости Его и не уклоняйтесь* ***от Него****, чтобы не упасть. Боящиеся Господа! веруйте Ему, и не погибнет награда ваша. Боящиеся Господа! надейтесь на благое, на радость вечную и милости. Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен? или кто пребывал в страхе Его — и был оставлен? или кто взывал к Нему, и Он презрел его? Ибо Господь сострадателен и милостив и прощает грехи, и спасает во время скорби. Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным и грешнику, ходящему по двум стезям! Горе сердцу расслабленному! ибо оно не верует, и за то не будет защищено. Горе вам, потерявшим терпение! что будете вы делать, когда Господь посетит? Боящиеся Господа не будут недоверчивы к словам Его, и любящие Его сохранят пути Его. Боящиеся Господа будут искать благословения Его, и любящие Его насытятся законом. Боящиеся Господа уготовят сердца свои и смирят пред ним души свои, говоря: впадем в руки Господа, а не в руки людей; ибо, каково величие Его, такова и милость Его* (Сир. 2. 7–18). ‖ [2] *...я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя? ...ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе Свыше* (Ин. 19. 10, 11).

конца, той спасется; праведный от веры жив будет: и аще обинется (если ж кто поколеблется), *не благоволит душа Моя о нем*[1].

Глава 30

Учение святых Отцов о тесном пути

Учение о тесном пути, преподанное Священным Писанием, излагается святыми Отцами весьма сильно, глубоко, ясно, убедительно, в изобилии, как такой род пищи, который имеет важнейшее значение на духовной трапезе духовного слова. «Если хочешь, — сказал преподобный Марк Подвижник, — в немногих словах преподать душеспасительное наставление ученолюбивому, то преподай ему молитву, правую веру и терпение встречающихся скорбей. Этими тремя видами добра приобретается все прочее добро»[2]. Учение о терпении скорбей признавалось всегда одним из основных христианских нравственных преданий. В настоящее время, когда Промыслом Божиим образование и спасение иноков вверено по преимуществу многоразличным напастям и искушениям, учение о терпении скорбей получает величайшую знаменательность. Делаем достаточное число выписок об этом предмете из творений Отеческих с тою целию, чтоб доставить современному иноку подкрепление духовное посреди скорбей, уже наступивших, чтоб доставить ему правильным пониманием скорбей приготовление к правильному принятию скорбей, еще не пришедших, — скопляющихся, может быть, грозно вдали, подобно темной, громовой туче. Кого они застанут нечаянно, неготовым, невооруженным, того колеблют удобно, часто низлагают. *Взятие креста своего,* то есть благодушное терпение скорбей, основывается на *самоотвержении.* Без самоотвержения оно невозможно. Оно является соответственно степени самоотвержения. Самоотвержение основывается на вере во Христа. Этот закон духовный предъявлен Христом[3].

Выписка из творений преподобного Макария Великого

«Желающий быть подражателем Христу, чтоб при посредстве этого получить звание сына Божия, рожденного Духом, прежде всего должен переносить благодушно и терпеливо все случающиеся с ним скорби, как-то: телесные болезни, обиды и поругания от человеков и наветы от невидимых врагов, потому что, по Промыслу

[1] *...претерпевший же до конца спасется. ...Праведный верою жив будет; а если кто поколеблется, не благоволит к нему душа Моя* (Лк. 21. 19; Мф. 24. 13; Евр. 10. 38). ‖ [2] О мнящих оправдаться делами, гл. 102. ‖ [3] Мф. 17. 24.

Божию, распоряжающемуся всем премудро и со всеблагою целию, такие испытания различными напастями попускаются душам, чтоб обнаружилось явственно, которые из них любят Бога искренно. От начала века для святых Патриархов, Пророков, Апостолов и мучеников было знамением избрания то, что они прошли по тесному пути искушений и скорбей и таким образом благоугодили Богу. *Сыне*, — говорит Писание, — *аще приступаеши работати Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое и потерпи*[1]. И в другом месте: *Все елико аще нанесено ти будет, приими*[2], как благое, зная, что без Бога ничего не случается с нами. И потому душе, желающей благоугодить Богу, прежде всего должно вооружиться терпением и надеждою. К злохитростям диавольским принадлежит и то, что он во время нашедшей скорби ввергает нас в уныние с целию отвратить от упования на Бога. Бог никогда не допускает искушениям столько угнести уповающую на Него душу, чтоб она, доведенная до крайности, пришла в отчаяние. *Верен же Бог*, — говорит Апостол, — *Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести*[3]. И диавол озлобляет душу не столько, сколько хочет, но в такой мере, в какой попускается Богом. Если людям не неизвестно, какое бремя может нести мул, какое осел, какое верблюд, и на основании этого знания на каждого из упомянутых животных возлагается соответствующая силе его ноша; если знает скудельник, сколько времени должно держать в печи глиняные сосуды, чтоб они, будучи передержаны в ней, не перетрескались, или, напротив того, будучи вынуты недостаточно обожженными, не оказались негодными к употреблению: если, говорю, человек одарен таким соображением, то не гораздо ли более, не несравненно ли более предусматривает премудрость Божия, какое бремя искушений должно возложить на каждую душу, чтоб она, будучи испытана им, соделалась способною к Небесному Царству»[4].

«Если стебель конопли не будет продолжительно бит, то не получит способности превращаться в тончайшие нити; чем долее он будет бит, чем более будет чесан гребнями, тем делается чище и способнее. Новослепленный глиняный сосуд, но не скрепленный

---

[1] *Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу свою к искушению, управь сердце твое и будь тверд... будь долготерпелив* (Сир. 2. 1–4). ‖ [2] *Все, что ни приключится тебе, принимай охотно* (Сир. 2. 4). ‖ [3] *...верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемым сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести* (1 Кор. 10. 13). ‖ [4] Sancti Macarii Aegiptii opera omnia. Liber de libertate mentis. Cap. XIII.

в огне, не годен для употребления; малолетний отрок не способен к исправлению обязанностей житейских, не способен строить здания, садить древа, засевать приготовленные к тому поля или выполнять что другое из житейских потребностей: так часто и души, будучи причастницами Божественной благодати, будучи преисполнены небесной сладости по благости Божией, снисходящей младенчеству их, и вкушая мир Христов от действия в них Святого Духа, но еще не искушенные различными напастями от злых духов, нисколько не возвысились из состояния и разума детских и, выражусь так, еще не способны к Царству Божию. Потому что *аще же без наказания есте,* — говорит Апостол, — *емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[1]. И искушения и скорби посылаются человеку к пользе его; они доставляют душе опытность и крепость, — и, если она, в надежде на Господа, понесет их терпеливо до конца, то быть не может, чтоб она не наследовала обетований Духа и не освободилась от возмущения порочными страстями»[2].

«У врага нашего — бесчисленные козни, которыми он старается повредить нам и отвлечь от Христа. Он наводит или внутренние скорби, действуя духами злобы, или возбуждает в душе скверные страстные помыслы, возобновляя в памяти прежде соделанные согрешения, стараясь в то же время ввергнуть душу в уныние, представляя ей спасение уже невозможным и внушая этим расположение к отчаянию. Он действует так хитро, что такие помыслы кажутся рождающимися в самой душе, а не насеваемыми в ней чуждым ей лукавым духом, который, действуя, вместе хочет и укрыться. Или он поступает вышесказанным образом, или поставляет в трудное положение по телу, или изобретает все средства, чтоб подвергнуть благочестивых людей оскорблениям от людей порочных. Но чем ожесточеннее лукавый враг пускает в нас огненные стрелы, тем более и более должно нам укрепляться в Боге, возлагая на Него надежду и в твердом убеждении, что все это попускается по воле Божией, которой единственная цель заключается в том, чтоб души, любящие Бога, были вполне испытаны искушениями и со всею удовлетворительностию доказали свою любовь к Богу»[3].

«Божии человеки должны приготовить себя к сражениям и борьбе. Юный воин великодушно переносит полученные раны и храбро отражает супостатов: точно так и христиане должны муже-

[1] *Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8). || [2] Liber de libertate mentis, cap. 14. || [3] Liber de libertate mentis. Cap. 31.

ственно переносить оскорбления и борьбу, как внешние, так и внутренние. Ударяемые скорбями христиане должны восходить в преуспеяние посредством терпения. Таков путь христианского жительства. Где Святой Дух, там, как тень за солнцем, последуют гонение и борьба. Воззри на пророков, в которых действовал Дух Святой: каким они подвергались гонениям от соотечественников своих! Воззри на Господа, Который — *путь и истина*[1] и Который претерпел гонение не от какого-либо чуждого народа, но от Своего собстве́нного племени, от израильтян! Они преследовали Господа с неистовством и распяли на кресте. Подобной участи подверглись и Апостолы. С того времени, как Господь был пригвожден ко кресту, отошел Святой Дух Утешитель от иудеев, переселился в христиан, — и никто из иудеев не подвергся уже гонению: одни христиане предавались на мученичество. Не следует христианам приходить в недоумение при напастях: подвергаться преследованию — неотъемлемая принадлежность истины»[2].

«Мученики, прошедши чрез многие виды мучений, явили силу непобедимого мужества, подчинившись и самой смерти насильственной: после этого они удостаиваемы были венцов. Чем многочисленнее и тягостнее были их страдания, тем большие получили они славу от Бога и дерзновение к Богу. Подобно этому души, преданные разнообразным скорбям, или явно наносимым человеками, или возникающим в самих душах от восстания нелепых помыслов, или причиняемым впадением в телесные болезни, если с твердостию до конца претерпят все, сподобляются одинаковых венцов с мучениками, одинакового дерзновения к Богу. Скорби мучеников, которые претерпели мучение от человеков, понесены этими душами от жестокого нападения и натиска самих лукавых духов, — и чем многочисленнее и тягостнее нападения супостата — диавола, которым они подвергаются, тем обильнейшую получат славу от Бога не только в будущем веке, но и здесь, обогатившись преизобильным утешением Духа»[3].

«Известно со всею достоверностию то, что и узок и тесен путь, ведущий в жизнь вечную, что, по этой причине, мало идущих по нему: и потому мы должны все искушения, наносимые диаволом, претерпевать с твердостию и постоянством ради надежды на получение благ, уготованных нам на небе. Сколько бы ни понесли мы здесь скорбей, что значит это в сравнении или с обетованными нам благами в будущем, или с причастием Утешителя, всеблагого Духа,

[1] Ин.14. 6. ‖ [2] Homilia XV. Cap. XII. ‖ [3] Liber de libertate mentis. Cap. XV.

которое здесь уже даруется достойным, или с освобождением из тьмы порочных страстей, или с прощением множества долгов наших, то есть грехов? *Недостойны страсти* — страдания — *нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас*[1]. И потому мы должны мужественно переносить ради Господа все, подобно храбрым воинам, не отрицаясь, и умереть за нашего Царя. Почему не подвергались мы таким горестям, каким подвергаемся ныне, когда пребывали в мирской жизни и прилежали делам ее? Почему ныне, когда поступили в служение Богу, претерпеваем многоразличные искушения? Очевидно: за Христа наносятся нам эти скорби супостатом, одержимым завистию к нам по поводу благ, уготованных нам: он усиливается ввергнуть души наши в расслабление и уныние, чтоб мы не получили обетованных наград за жительство, проведенное в благоугождении Богу. Но мы сражаемся со Христом — и разрушаются все ухищрения врага против нас. Христос — великий, непобедимый покровитель и заступник наш. Рассудим, всмотримся внимательно; и Сам Он препроводил земную жизнь, осыпаемый поношениями, насмешками, преследуемый гонениями, наконец казненный поносною смертию на кресте»[2].

«Хочешь ли переносить удобно всякую скорбь и искушения: смерть за Христа да будет вожделенна тебе, и эта цель обета нашего да предстоит непрестанно очам ума. Так заповедано нам: нам заповедано взять крест наш и последовать Христу, что значит быть постоянно готовым к подъятию смерти. Если будем в таком расположении и настроении духа, то, как сказано, будем переносить с великим удобством всякую скорбь, и внутреннюю, и находящую извне. Может ли встретить с негодованием или досадою случающиеся противности тот, кто желает умереть за Христа? Именно по той причине и представляются тяжкими скорби, что мы не расположены умереть за Христа, не сосредоточили в Нем всех сердечных стремлений наших. Вожделевающий иметь в себе Христа и стяжать столь изящное наследство должен, соответственно этому желанию, подражать страданиям Его. Говорящие, что любят Господа, пусть докажут справедливость слов своих не только великодушным терпением всех случающихся скорбей, но и терпением охотным, с любовию, ради надежды, отложенной в Господе»[3].

---

[1] *...нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8. 18). ‖ [2] Liber de libertate mentis. Cap. XVI. ‖ [3] Liber de libertate mentis. Cap. XVII.

«Слово Божие действует в каждом человеке соразмерно и сообразно ему. Насколько кто содержит Слово, настолько содержится Им; насколько хранит Его, настолько сохраняется Им. По этой причине все лики Святых, Пророки, Апостолы, Мученики хранили Слово в сердцах, не пеклись ни о чем временном, но, презрев земное, пребывали в заповеди Святого Духа, отдав предпочтение Боголюбию и добродетели пред всем, отдав это предпочтение не пустыми словами и поверхностным сознанием, но словом, соединенным с делом, са́мою действительностию. Вместо богатства они избрали нищету, вместо славы — бесчестие, вместо наслаждения — злострадание; вместо ярости они избрали любовь: ненавидя наслаждения этой жизни, они тем более любили тех, которые отнимали у них средства к наслаждению и этим содействовали принятому ими направлению. Они удалялись от вкушения запрещенного плода *еже ведети доброе и лукавое*[1]: они любили благочестивых и благонамеренных, но не обвиняли и злых, признавая и тех и других посланниками Владычного управления; ко всем имели они правильную любовь. Внимая заповеданию Господа *отпущайте, и отпустится вам*[2], они признавали обижающих благодетелями, доставляющими обижаемым средство к получению прощения в грехах. Опять: внимая заповеданию Господа: *якоже хощете да творят вам человецы, и вы творите им такожде*[3], они любили и благих, по долгу совести. Оставив свою правду и взыскав правды Божией, они обрели постепенно любовь, сокровенную естественно в правде Божией».

«Господь, преподав многие заповеди о любви, повелел искать *правды Божией*[4]: эта правда — мать любви. Невозможно спастись иначе, как чрез ближнего. *Отпущайте,* — заповедал Господь, — *и отпустится вам*[5]. В этом заключается духовный закон, начертываемый на сердцах верующих и служащий исполнением первого закона. *Не приидох,* — говорит Господь, — *разорити закон, но исполнити*[6]. Каким образом исполняется он? услышь. Первый закон, осуждая сделавшего зло ближнему по благословной причине, осуждал и обиженного, так что каждый, осуждая в чем-либо ближнего, осуждал вместе и себя, а прощавший ближнему доставлял этим прощение и себе. Говорит закон: «Осуждение за осуждение, отпущение за отпущение». Итак, исполнение закона заключается в про-

[1] *...дерево познания добра и зла* (Быт. 2. 9). || [2] Лк. 6. 37. || [3] *И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6. 31). || [4] Мф. 6. || [5] Лк. 6. 37. || [6] *...не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5. 17).

щении обид. — Упомянули мы о первом законе не потому, чтоб Богом были даны два закона; дан один духовный по естеству, по отношению же к воздаянию произносящий правильное определение: прощающему он прощает, а того, кто требует взыскания, подвергает суду. *Со избранным избран будеши,* — говорит он, — *и со строптивым развратишися*[1]. По этой причине исполняющие закон духовно, и по мере исполнения соделывающиеся причастниками благодати, любили не только благодетельствовавших, но и поношающих и гонящих, ожидая получить любовь в воздаяние добродетели. Добродетель их состояла не только в том, что они простили нанесенные им обиды, но и в благотворении душам обидчиков, молясь за них Богу, как за те орудия, при посредстве которых они получают блаженство, по свидетельству Писания: *Блажени есте, егда поносят* вас *и ижденут* вас»[2].

Такому образу мыслей научал их духовный закон. Когда они соблюдали терпение и кротость в духе, тогда Господь, видя терпение сердца боримого и не отступающего от любви, разрушал *средостение ограды*[3] и совершенно изгонял из них злобу. С этого времени они уже имели в себе любовь не по насилию над собою, а по благодати Божией, потому что с этого времени Господь удерживал *обращаемое оружие*[4], воздвигающее страстные помыслы; они входили *во внутреннейшее завесы, идеже предтеча о нас вниде Иисус*[5], где они наслаждались плодами Духа, откуда увидели ожидающее их блаженство будущей жизни, с совершенным извествованием сердца, то есть существенно, а не *в зерцале и гадании*[6]; они свидетельствуют с Апостолом: *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его*[7]. Но я предложу об этом чудном действии следующий вопрос: если оно не входило на сердце человеку, то вы, Апостолы, как знаете его? Как знаете его, исповедав, что вы человеки нам подобострастные?[8] Услышь, что отвечает на это блаженный Павел: *Нам Бог открыл* это *Духом Святым: Дух бо вся испытует, и глубины Божия*[9]. Чтоб никто не мог сказать: «Святой Дух

---

[1] *С чистым — чисто, а с лукавым — по лукавству его* (Пс. 17. 27). ‖ [2] *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня* (Мф. 5. 11). ‖ [3] Еф. 2. 14. ‖ [4] *...пламенный меч* (Быт. 3. 24). ‖ [5] *...во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус* (Евр. 6. 19, 20). ‖ [6] *...и* ***тусклое*** *стекло, гадательно* (1 Кор. 13. 12). ‖ [7] *...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2. 9). ‖ [8] Деян. 14. 15. ‖ [9] *А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает, и глубины Божии* (1 Кор. 2. 10).

дан был Апостолам, как Апостолам; нам же не свойственно вмещать Его в себе», — Павел говорит, дав словам своим форму молитвы: *да даст вам* Бог *по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу в сердца ваша: в любви вкоренени и основани*[1]. *Господь — Дух есть: а идеже дух Господень ту свобода*[2]. *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*[3]. — Будем молиться и мы, чтоб и нам приять благодать Святого Духа в полном известствовании и явственном ощущéнии, чтоб снова взойти туда, откуда мы изгнаны, чтоб удален был от нас душегубец — змей, дух, непрестанно влагающий в нас тщеславие, дух попечения и объядения, чтоб мы уверовали в Господа живою верою, сохранили заповеди Его и возрасли в Нем *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*[4], чтоб нами уже не обладала *любовь мира сего*[5], чтоб мы были твердо убеждены в духе нашем и веровали несомненно в благоволение благодати Божией о кающихся грешниках. Даруемое благодатию не соразмеряется уже с тою немощию, которая господствовала в человеке прежде приятия благодати: иначе благодать не была бы благодатию. Уверовав всесильному Богу, приступим к Дарующему причастие Святого Духа за веру, а отнюдь не за дела естества и несоразмерно им, приступим с простым и не любопытным сердцем: не *от дел закона,* — говорит Писание, — *Духа приясте, но от слуха веры*»[6].

Выписка из творений преподобного Марка Подвижника[7]

«Бог есть и начало, и средина, и конец всякого блага. Истинное благо не может быть ни принято верою, ни исполнено на деле иначе, как при посредстве Иисуса Христа и Святого Духа»[8].

---

[1] *Да даст вам по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, ...укоренные и утвержденные в любви* (Еф. 3. 16–18). ‖ [2] *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3. 17). ‖ [3] *Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его* (Рим. 8. 9). ‖ [4] *...в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4. 13). ‖ [5] Иак. 4. 4; Ин. 2. 15. ‖ [6] *...через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере* (Гал. 3. 2). Беседа 37. ‖ [7] Древнеобразное изложение преподобным Марком его глубоких размышлений, иногда очень сжатое, иногда очень растянутое, принудило здесь, при переводе, обращаться нередко к значительной перестановке слов речи (к парафразу) с тою целию, чтоб назидательная мысль писателя всегда была ясною для читателя, чтоб назидание не скрывалось в темноте изложения. Наблюдалось это, хотя в меньшей степени, и в прочих выписках, помещенных здесь, из творений святых Отцов. Этим правилом руководствовались часто и Отцы даже в приводимых ими изречениях Священного Писания. ‖ [8] Слово о Законе Духовном, гл. 2.

«Живая вера — крепкий столп: Христос для верующего в Него такою верою — все»[1].

«Бдение, молитва и терпение постигающих нас скорбей доставляют сердцу безвредное, полезное сокрушение, лишь бы только несоразмерное усиление подвига не отняло у него существенного достоинства. Нерадящий об этих трех видах делания, упражняющийся в них слабо, подвергнется нестерпимой муке при кончине своей»[2].

«Во время кончины сластолюбивое сердце служит для души темницею и оковами; любящее же подвиг — дверью отверстою»[3].

«Железные врата, вводящие в Иерусалим, — образ жестокого сердца: отверзаются они сами собою ведущему подвижническую жизнь и терпящему скорби, как отверзлись апостолу Петру»[4].

«В то время, как действует в тебе память Божия, умножай моление, чтоб и Господь воспомянул о тебе, когда забвение о Нем нападет на тебя»[5].

«Милостивое сердце очевидно привлечет к себе милость: противоположное этому, естественно, должно случиться с сердцем, находящимся в расположении, противоположном милости»[6].

«Закон духовной свободы научает истине, и многие знают его поверхностным разумением, но не многие уразумевают по мере исполнения заповедей делами»[7].

«Совершенство духовного закона сокрыто в Кресте Христовом»[8].

«За скорби уготовано человекам благое; злое — за тщеславие и сластолюбие»[9].

«Обижаемый человеками избегает греха и обретает заступление, соразмерное скорби»[10].

«Кто верует Христу, обетовавшему воздаяние, тот усердно, по мере веры, претерпит всякую обиду»[11].

«Кто молится о человеках, обижающих его, тот низлагает бесов; низлагается бесами тот, кто дозволит себе противоборство обижающим его человекам»[12].

«Поношение от человеков приносит скорбь сердцу: оно, для терпящего, бывает причиною чистоты»[13].

«Живя в довольстве, принимай попущаемые скорби и, как долженствующий дать отчет, воспрещай себе излишества»[14].

---

[1] Гл. 4. ‖ [2] Гл. 19. ‖ [3] Гл. 20. ‖ [4] Деян. 12.10; Слово о Законе Духовном, гл. 21. ‖ [5] Гл. 25. ‖ [6] Гл. 29. ‖ [7] Гл. 30. ‖ [8] Гл. 31. ‖ [9] Гл. 42. ‖ [10] Гл. 43. ‖ [11] Гл. 44. ‖ [12] Гл. 45. ‖ [13] Гл. 49. ‖ [14] Гл. 51.

«Случившаяся нечаянно скорбь напоминает благоразумному о Боге, уязвляя забывшего о Боге соразмерно вкравшемуся забвению»[1].

«Умственно показывай себя Владыке: *человек бо зрит на лице, Бог же на сердце*»[2].

«Всякая невольная скорбь да научает тебя обращаться к памятованию Бога, — и не оскудеет в тебе побуждение к покаянию»[3].

«Исследывай свои грехи, а не грехи ближнего, и не будет окраден твой духовный подвиг»[4].

«Неудобопростительно нерадение о всех посильных добродетелях; милостыня и молитва восставляют нерадевших»[5].

«Всякая скорбь по Богу есть существенное дело благочестия: истинная любовь искушается противностями»[6].

«Не подумай, что можно стяжать добродетель без скорби: жительствующий в отраде пребывает чуждым духовной опытности»[7].

«Всматривайся в окончательное последствие всякой скорби и найдешь, что оно заключается в истреблении греха»[8].

«Желающий не в осуждение себе принимать похвалу от человеков прежде да возлюбит обличение в грехах своих»[9].

«Подвергшийся бесчестию за истину Христову сторично будет прославлен многими. Но лучше делать доброе в надежде будущего воздаяния»[10].

«Хвалящий ближнего лицемерно в удобное время уничижит его»[11].

«Не знающий козней, устраиваемых врагами, удобно закалается ими, — и не знающий начал, на которых зиждутся страсти, удобно низвергается в грехопадения»[12].

«Поступивший по заповеди да ожидает искушения вследствие своего поступка: любовь ко Христу искушается противностями»[13].

«Когда явится в тебе помысл, предлагающий славу от человеков, то знай наверно, что он устраивает для тебя бесчестие»[14].

«Враг ведает правдивость духовного закона, — и ищет только, чтоб человеческий ум изъявил согласие на представший ему греховный помысл. Таким образом враг или подчиняет покорившегося ему трудом покаяния, или, если побежденный не прибегнет

---

[1] Гл. 56. ‖ [2] Евр. 4. 13; Слово о Законе Духовном, гл. 53. ‖ [3] Гл. 57. ‖ [4] Гл. 63. ‖ [5] Гл. 64. ‖ [6] Гл. 65. ‖ [7] Гл. 67. ‖ [8] Гл. 67. ‖ [9] Гл. 72. ‖ [10] Гл. 73. ‖ [11] Гл. 75. ‖ [12] Гл. 76. ‖ [13] Гл. 88. ‖ [14] Гл. 90.

к покаянию, подвергает его страданиям, наводя на него — как на покорившегося ему произвольно — различные скорби; иногда же подучает его восставать и против наведенных скорбей, чтоб и здесь умножить страдания и выказать неверным, по причине нетерпения, при исходе души из тела»[1].

«Многие много поборолись против встречающихся невольно скорбей, но никто не избежал скорби иначе, как при посредстве молитвы и покаяния»[2].

«Пороки заимствуют силу один от другого: и добродетели развиваются в человеке одна от другой, возбуждая в причастнике своем движение к преуспеянию»[3].

«Малые согрешения еще уменьшаются диаволом в глазах наших: иначе он не может привести нас к большим согрешениям»[4].

«Гневающийся на ближнего, или за деньги, или за славу, или за наслаждение, еще не познал, что Бог управляет тварями праведно»[5].

«Если кто, явно согрешая и не прибегая к покаянию, не подвергся никакой скорби до самого исхода из этой жизни, то понимай из этого, что его постигнет Суд без милости»[6].

«Молящийся в разуме терпит встречающиеся скорби; но побеждаемый памятозлобием еще не имеет чистой молитвы»[7].

«Обиженный, обесчещенный, изгнанный кем-либо из человеков, не засматривайся на настоящее, но устреми взоры к последствиям действий этого человека, — и найдешь, что он был для тебя виновником многих благ не только в настоящем, но и в будущем веке»[8].

«Полезна горькая полынь для тех, у которых испорчено пищеварение: так и злонравным полезно подвергаться злоключениям. То и другое служит врачевством, доставляя телесное здравие первым и приводя к покаянию вторых»[9].

«Ты не желаешь терпеть зла? не желай и делать зла: первое за вторым последует неизбежно. Каждый жнет то, что посеял»[10].

«Сея зло произвольно и пожиная его невольно, мы должны удивляться правде Божией»[11].

«Определено некоторое время между сеятвою и жатвою: не видя воздаяния вслед за сделанным злом, не будем не верить воздаянию, как некоторые не верят ему по этой причине; придет оно в свое время»[12].

---

[1] Гл. 91. ‖ [2] Гл. 92. ‖ [3] Гл. 93. ‖ [4] Гл. 94. ‖ [5] Гл. 108. ‖ [6] Гл. 112. ‖ [7] Гл. 113. ‖ [8] Гл. 114. ‖ [9] Гл. 115. ‖ [10] Гл. 116. ‖ [11] Гл. 117. ‖ [12] Гл. 118.

«Похваляющий и вместе порицающий ближнего выказывает этим, что он недугует тщеславием и завистию: похвалами старается скрыть зависть, а порицаниями старается выставить свое превосходство над порицаемым»[1].

«Невозможно пасти овец и волков на одном пастбище: так невозможно получить милость тому, кто делает зло ближнему»[2].

«Вода и огонь, будучи соединены в одном месте, противодействуют друг другу: противодействуют друг другу в душе словооправдание и смирение»[3].

«Ищущий отпущения грехов любит смиренномудрие; осуждающий ближнего запечатлевает свою греховность»[4].

«Не оставляй неизглажденным греха, хотя бы он был и самомалейший: иначе он повлечет тебя к большему злу»[5].

«Если хочешь спастись, возлюби правдивое слово и никогда не отвращайся обличений»[6].

«Лучше молиться с благоговением о ближнем, нежели обличать его о всяком согрешении»[7].

«Кающийся истинно подвергается поруганию безумных: это служит для него знаком благоугождения Богу»[8].

«Превознесшись похвалами, ожидай бесчестия»[9].

«Ищущий похвалы вступает в область страстей; плачущий о скорби, нашедшей на него, обнаруживает преобладание в нем сластолюбия»[10].

«Колеблется, как на весах, помысл сладострастного: сладострастный иногда проливает слезы, оплакивая грехи свои; иногда же, защищая свое сластолюбие, ратует против ближнего и вступает с ним в спор»[11].

«Долготерпеливый муж изобилует разумом: будет изобиловать разумом и тот, кто устремится всем сердцем к изучению Божественной премудрости»[12].

«Без памяти Божией разум не может быть истинным: без нее он — ложен»[13].

«Ненавидящий обличения погрязает в страстях произвольно. Любящий обличение если и увлекается еще страстями, то, очевидно, увлекается по прежде полученному навыку»[14].

«Не желай слышать поведания о согрешениях ближнего: в таком произволении напечатлеваются образы этих согрешений»[15].

---

[1] Гл. 122. || [2] Гл. 123. || [3] Гл. 125. || [4] Гл. 126. || [5] Гл. 127. || [6] Гл. 128. || [7] Гл. 132. || [8] Гл. 133. || [9] Гл. 137. || [10] Гл. 143. || [11] Гл. 144. || [12] Гл. 146. || [13] Гл. 147. || [14] Гл. 151. || [15] Гл. 152.

«Настоящие скорби променивай в мысли твоей на блага будущей жизни, — и нерадение никогда не расслабит твоего подвига»[1].

«Сплетение приятных и неприятных приключений принимай равным помыслом (с одинаковым равнодушием): Бог, при таком подвиге человека, уравнивает неравность событий»[2].

«Душевные перемены и колебания происходят от помыслов, не приведенных в основательное, всегда равное состояние: Богом устроено так, что невольное бывает естественным последствием произвольного»[3].

«Дела, совершаемые телом, суть порождения действий духа, будучи естественными и справедливыми последствиями их, по определению Божию»[4].

«Пребывай непоколебимо в духовном разуме — и не будешь изнемогать при искушениях. Уклонившись же из духовного образа мыслей, ощутишь страдание: претерпи его»[5].

«Молись, чтоб не постигло тебя искушение. Постигшее же искушение прими как свою принадлежность, а не как что-либо чуждое тебе»[6].

«Воздержись от всякого излишества при удовлетворении нуждам тела, — и тогда возможешь усмотреть козни диавольские»[7].

«Когда ум оставит телесные попечения, тогда начнет видеть, соразмерно этому оставлению, козни невидимых врагов»[8].

«Иной по наружности исполняет заповедь, но в сущности удовлетворяет своей тайной страсти и растлевает доброе дело греховными помыслами»[9].

«Вводимый в начало зла, не скажи: оно не победит меня. Насколько ты введен в него, настолько уже и побежден»[10].

«Всякое великое согрешение начинается с малого подчинения началам его и возрастает постепенно, будучи питаемо и развиваемо»[11].

«Козни злобы — мрежа многоплетенная! часто запутывающегося в ней она охватывает со всех сторон, если он попустит себе нерадение»[12].

«Не желай слышать о несчастии, постигшем человека, враждебного тебе. Слушающие произвольно такие поведания пожинают плоды своего произволения»[13].

«Не думай, что всякая скорбь попускается человекам за грехи их: искушаются и благоугождающие Богу. Говорит Писание: *нече-*

[1] Гл. 156. ‖ [2] Гл. 159. ‖ [3] Гл. 160. ‖ [4] Гл. 161. ‖ [5] Гл. 163. ‖ [6] Гл. 164. ‖ [7] Гл. 165. ‖ [8] Гл. 167. ‖ [9] Гл. 169. ‖ [10] Гл. 170. ‖ [11] Гл. 171. ‖ [12] Гл. 172. ‖ [13] Гл. 173.

стивии и беззаконницы же изженутся[1]; оно же говорит: *вси же хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут*»[2].

«Во время скорби постарайся заметить действие сластей: они, утешая в скорби, бывают нам приятны»[3].

«Некоторые называют мудрыми понимающих и объясняющих различные предметы в видимом мире: мудры — обладающие своими пожеланиями»[4].

«Если увидишь сильное движение в душе, влекущее к страсти безмолвствующий ум, то знай, что ум предупредил это невольное действие действием произвольным, произвольно приведя в движение страсть и насадив ее в сердце»[5].

«Когда престанешь исполнять на деле плотские похотения, по учению Писания, тогда, при помощи Господа, удобно прекратится и в душе невидимое действие страстей»[6].

«Бог вменяет нам и дела и намерения. В Писании сказано: Господь *воздаст коемуждо по деянием его*[7]; также сказано: *даст ти Господь по сердцу твоему*»[8].

«Не занимающийся постоянно рассматриванием своей совести не возложит на себя и телесных подвигов для стяжания благочестия»[9].

«Не возложивший на себя произвольно подвигов для стяжания благочестия тем сильнее будет подвергаться скорбям невольным»[10].

«Совесть есть книга естественного закона. Читающий эту книгу, исполнением на деле требований ее, опытно познает, что Бог вспомоществует человеку»[11].

«Познавший волю Божию и исполняющий ее по силе малыми трудами избежит трудов великих»[12].

«Хотящий победить искушения без молитвы и терпения не возможет отразить их от себя, — запутается в них еще более»[13].

«Благое направление совести приобретается молитвою, и чистая молитва — правильно настроенною совестию. Одно служит последствием другому естественно»[14].

«Иаков устроил Иосифу пеструю одежду, и Господь дарует кроткому разум истины, по свидетельству Писания. *Научит Господь*, — говорит оно, — *кроткия путем Своим*»[15].

---

[1] *[а беззаконные будут извержены] и потомство нечестивых потребится* (Пс. 36. 28). || [2] Гл. 174; *...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы* (2 Тим. 3. 12). || [3] Гл. 175. || [4] Гл. 176. || [5] Гл. 179. || [6] Гл. 181. || [7] *Сын Человеческий... воздаст каждому по делам его* (Мф. 16. 27). || [8] Гл. 184; *Да даст тебе [Господь] по сердцу твоему* (Пс. 19. 5). || [9] Гл. 185. || [10] Гл. 187. || [11] Гл. 186. || [12] Гл. 188. || [13] Гл. 189. || [14] Гл. 198. || [15] Гл. 199; *...научает кротких путям Своим* (Пс. 24. 9).

«Господь сокровен в заповедях Своих, — и обретается ищущими Его по мере исполнения ими заповедей Его»[1].

«Мир Христов есть избавление от страстей: он не может быть получен иначе, как действием Святого Духа»[2].

«Господь, научая нас, что исполнение каждой заповеди Его есть долг наш, а усыновление Богу есть дар Его, даруемый вследствие искупления человеков кровию Его, говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: и еже должни бехом сотворити, сотворихом*[3]. Из этих слов явствует, что Царство Небесное не есть возмездие за дела, но дар по благоволению Божию, уготованный верным рабам»[4].

«*Христос умре грех наших ради, по Писанием*[5], и тем, которые служат Ему благоугодно, дарует свободу: *добре, рабе благий и верный,* — говорит Он, — *о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*»[6].

«Почитающий Господа исполняет повеленное Им. Согрешивший же, то есть преслушавший Господа, терпеливо переносит попущаемые скорби, как свойственные себе, как свою принадлежность»[7].

«Искушения, случающиеся с нами неожиданно, научают нас быть трудолюбивыми и привлекают к покаянию при недостаточном произволении к нему. Совершается это по смотрению о нас Божию»[8].

«Скорби, постигающие человеков, суть порождения соделанных ими согрешений и живущих в них страстей. Если будем претерпевать эти скорби при помощи молитвы, то последует за наведенными скорбями наведение благого положения»[9].

«Некоторые, будучи похвалены за добродетель, усладились этою похвалою и наслаждение тщеславием приняли за утешение совести; другие, будучи обличены во грехе, опечалились и полезную печаль сочли действием злобы»[10].

«Желающий преплыть мысленное море возделывает в себе долготерпение, смиренномудрие, терпение, воздержание. Если же он покусится совершить плавание без содействия этих добродетелей, то возмутит лишь сердце свое, а преплыть не возможет»[11].

---

[1] Гл. 190. ‖ [2] Гл. 192. ‖ [3] *...когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать* (Лк. 17. 10). ‖ [4] «Слово о думающих оправдаться делами», гл. 2. ‖ [5] *...Христос умер за грехи наши, по Писанию* (1 Кор. 15. 3). ‖ [6] *...добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю: войди в радость господина твоего* (Мф. 25. 23). Гл. 4. ‖ [7] Гл. 6. ‖ [8] Гл. 8. ‖ [9] Гл. 9. ‖ [10] Гл. 10. ‖ [11] Гл. 29.

«Безмолвие заключается в отвержении всех видов зла. Кто при безмолвии совокупит четыре вышеупомянутые добродетели с молитвою, для того они соделаются надежнейшим средством к достижению бесстрастия»[1].

«Невозможно безмолвствовать умом, не безмолвствуя по телу, невозможно уничтожить разъединения тела с духом без безмолвия и молитвы»[2].

«Молитва без сосредоточенной в нее мысли вниманием не признается совершенною; но мысль, вопиющую безмолвно, то есть без расхищения рассеянностию, услышит Бог»[3].

«Ум, молящийся неразвлеченно, утесняет сердце: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*»[4].

«И молитва называется добродетелию, хотя она — мать всех добродетелей: она рождает их от соединения со Христом»[5].

«Что сделаем без молитвы и не возложа упования на Бога, то оказывается впоследствии вредным и погрешительным»[6].

«Если впадешь в уныние при молитве или подвергнешься многообразным напастям от врага, то приведи себе на память предстоящее тебе исшествие из этой жизни и лютые адские муки. Но лучше прилепляться к Богу молитвою и возложением на Него всех попечений, нежели прибегать к воспоминаниям, нарушающим сосредоточенность, несмотря на пользу их»[7].

«Не признается воздержником тот, кто развлечен разнообразными помыслами, хотя бы они и были полезны: не полезнее они молитвы»[8].

«Кающийся правильно не думает, чтоб его подвиг покаяния служил удовлетворительным возмездием за соделанные грехи, но усиливается подвигом покаяния умилостивить Бога»[9].

«Сколько бы мы ни умножили сегодня добродетель нашу — этим не заслужим воздаяния: это — обличение предшествовавшего нерадения»[10].

«Великая добродетель — терпеть приключающиеся скорби и любить ближнего ненавидящего, по заповеданию Господа»[11].

«Знак нелицемерной любви — прощение обид. Так и Господь возлюбил этот мир»[12].

«Невозможно простить от сердца обиду без истинного духовного разума: духовный разум объясняет, что все, постигающее каждого, есть его собственность»[13].

---

[1] Гл. 30. || [2] Гл. 31. || [3] Гл. 33. || [4] Гл. 34; Пс. 50. 17. || [5] Гл. 35. || [6] Гл. 36. || [7] Гл. 38. || [8] Гл. 40. || [9] Гл. 42. || [10] Гл. 44. || [11] Гл. 47; Мф. 5. 44. || [12] Гл. 48. || [13] Гл. 49.

«Ничего не потеряешь из того, что оставишь ради Господа: оставленное возвратится, в свое время, с великим избытком»[1].

«Истинный разум заключается в терпении скорбей и в том, чтоб в бедствиях своих не обвинять ближнего»[2].

«Делающий добро и ищущий воздаяния служит не Богу, а своей воле»[3].

«Согрешившему невозможно избегнуть воздаяния иначе, как покаянием, соответствующим согрешению»[4].

«Уразумевший, что нашествие злоключений извне попущается нам правдою Божиею, нашел, ища Господа, и разум и правду»[5].

«Если уразумеешь, как научает тому Писание, что *по всей земли судбы Господни*[6], то всякий случай соделается для тебя учителем Богопознания»[7].

«С каждым встречается должное, соответственно настроению его; попускаемые наведения бывают разнообразны: приличное наведение для каждого ведает един Бог»[8].

«Подвергшись какому-либо бесчестию от человеков, знай, что этим тебе уготовляется слава от Бога, — и пребудешь в бесчестии беспечален и несмущен, во славе же, когда она придет, верен и неосужден»[9].

«Похваляемый многими, по благоволению Божию, отнюдь не примеси никакого самохвальства к похвале, устрояемой по смотрению Господню, чтоб не попустилась перемена, чтоб ты не подвергся, вместо похвалы, бесчестию»[10].

«Когда ум, вооружившись мужеством о Господе, начнет отвлекать душу от долговременных греховных навыков, тогда сердце как бы разрывается, будучи отвлекаемо в две противоположные стороны умом и страстию, действующими подобно двум воинам, враждебным друг другу»[11].

«Никто столько не благ, столько не милостив, как Господь; но и Он не прощает некающемуся»[12].

«Печалимся о грехах, а к причинам их сохраняем привязанность»[13].

«Когда грешная душа не принимает с покорностию попускаемых ей скорбей, тогда говорят о ней Ангелы: *врачевахом Вавилона, и не изцеле*»[14].

«Ум, предав забвению духовное разумение истины, ратует против человеков за вредное для него как бы за полезное»[15].

---

[1] Гл. 50. ‖ [2] Гл. 56. ‖ [3] Гл. 57. ‖ [4] Гл. 58. ‖ [5] Гл. 65. ‖ [6] *...по всей земле суды Его* (Пс. 104. 7). ‖ [7] Гл. 66. ‖ [8] Гл. 67. ‖ [9] Гл. 68. ‖ [10] Гл. 69. ‖ [11] Гл. 75. ‖ [12] Гл. 78. ‖ [13] Гл. 79. ‖ [14] Гл. 82. *Врачевали мы Вавилон, но не исцелился* (Иер. 51. 9). ‖ [15] Гл. 83.

«Страсть, произвольно приведенная в действие, после этого действует уже насильственно и против воли того, кто первоначально попустит ей действовать по произволению»[1].

«Диавол, когда увидит, что ум помолился от сердца, тогда наносит тяжкие и хитросплетенные искушения, желая истребить добродетель в начале ее великими наведениями»[2].

«Имеются три мысленные состояния, в которые входит ум, подвергаясь изменениям: естественное, вышеестественное и нижеестественное, или противоестественное. Войдя в состояние естественное, ум находит себя виновным в злых помыслах и исповедует Богу грехи, усматривая начальные причины страстей. Низойдя в состояние противоестественное, он забывает правду Божию и борется с человеками, как с обидевшими его; возведенный в состояние вышеестественное, обретает плоды Святого Духа, исчисленные Апостолом: любовь, радость, мир и прочее. Тогда делается ему понятным, что он не возможет остаться в состоянии вышеестественном, если увлечется телесными попечениями! низойдя из этого состояния, он подвергается греховным падениям и последующим за грехопадениями напастям, если и не вскоре, но в свое время, известное правде Божией»[3].

«Настолько разум бывает истинным, насколько он основывается на кротости, смирении и любви»[4].

«Во всяком деле и обстоятельстве неупустительно прибегай молитвою к Богу, чтоб во всем иметь помощь Божию»[5].

«Ничто так не могущественно по действию, как молитва: Бог ничем не благоугождается столько, сколько благоугождается молитвою»[6].

«Исполнение всех заповедей заключается в молитве: потому что любовь к Богу, выражаемая молитвою, есть высшая из добродетелей и совокупность их»[7].

«Молитва, свободная от рассеянности, есть знамение любви к Богу, составляющей сущность молитвы; нерадение в молитве и рассеянность при совершении ее — признаки сластолюбия»[8].

«Бесскорбно совершающий бдения и молитвы, пребывающий в долготерпении, соделался действительно причастником Святого Духа. И тот получит скоро помощь, кто произвольно понуждает себя к этим благим деланиям, хотя и колеблется в них»[9].

---

[1] Гл. 85. || [2] Гл. 88. || [3] Гл. 90. || [4] Гл. 91. || [5] Гл. 94. || [6] Гл. 95. || [7] Гл. 96. || [8] Гл. 97. || [9] Гл. 98.

«Хорошо доставлять пользу ближнему словами, но лучше содействовать им молитвою и добродетелию: ими приносящий себя Богу, вспомоществуя себе, вспомоществует и ближнему»[1].

«Возложивший в каком-либо обстоятельстве упование на Бога уже не вступает по поводу этого обстоятельства в столкновение с ближними»[2].

«Если всего невольного служит причиною произвольное, по свидетельству Писания, то лютейший враг человека — сам он»[3].

«Беги от искушения терпением и молитвою. Если будешь бороться с искушением без этих орудий, то оно сильнее угнетет тебя»[4].

«Кроткий по настроению, заимствованному от Бога, премудрее премудрых, и смиренный сердцем сильнее сильных: они носят иго Христово в разуме»[5].

«Скажем ли что, или сделаем что, не испросив помощи Божией молитвою, все окажется впоследствии или погрешительным, или вредным: мы подвергаемся таинственному обличению опытно»[6].

«От дел, слов и мыслей Праведник — один: Господь Иисус. От веры, благодати и покаяния праведники — многие: все святые человеки»[7].

«Кающемуся чуждо высокомудрствовать; так, напротив, согрешающий произвольно не способен смиренномудрствовать»[8].

«Смиренномудрие заключается не в том, когда совесть обличает человека: оно — благодать Божия; оно — познание духовного милосердия»[9].

«Ненавидящий страсти отвергает причины их; пребывающий в усвоении к причинам произвольно подвергается нападению страстей и против воли своей»[10].

«Нелюбящему начал, на которых основываются страсти, не свойственно преклоняться к страстям и мыслию»[11].

«Презирающий стыд увлечется ли тщеславием? любящий уничижение возмутится ли от бесчестия? имеющий сердце сокрушенное и смиренное преклонится ли к плотскому наслаждению? верующий Христу попечется ли о чем-либо временном, вступит ли в словопрение или столкновение о чем-либо временном?»[12]

«Пренебрегаемый и не вступающий в состязание с пренебрегающим ни словом, ни мыслию стяжал истинный разум и являет самым поведением своим твердую веру в Бога»[13].

---

[1] Гл. 101. ‖ [2] Гл. 103. ‖ [3] Гл. 104. ‖ [4] Гл. 106. ‖ [5] Гл. 107. ‖ [6] Гл. 108. ‖ [7] Гл. 109. ‖ [8] Гл. 110. ‖ [9] Гл. 111. ‖ [10] Гл. 119. ‖ [11] Гл. 122. ‖ [12] Гл. 123. ‖ [13] Гл. 124.

«В сущности ни обижающему нет приобретения от обиды, ни обижаемому лишения: *образом убо ходит человек, обаче всуе мятется*»[1].

«Если увидишь кого-либо подвергшимся многим бесчестиям и по причине их предающимся сильной печали, то знай, что он предварительно напитался помыслами тщеславия и потому с горестию пожинает терние, выросшее из семян, посеянных в сердце»[2].

«Насытившийся телесным наслаждением сверх должного, вознаградит пресыщение сторичным страданием»[3].

«Находящемуся в послушании наставник его обязан говорить должное и возвещать ему наведение напасти, если он дозволяет себе преслушание»[4].

«Обижаемый и не взыскивающий с обижающего доказывает этим свою веру во Христа, сторично вознаградится в этом веке и наследует жизнь вечную»[5].

«Память Божия заключается в болезновании сердца о стяжании добродетели. Забывающий Бога непременно подвергается влиянию сладострастия и лишается спасительной сердечной болезни»[6].

«Не скажи, что бесстрастный не может печалиться: он должен печалиться — если не о себе, то о ближнем»[7].

«Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не отвергай наводимых скорбей как бы наводимых несправедливо, но переноси их с терпением как наведенные правосудно. При каждом скорбном случае терпение возбуждает памятование о Боге; от оставления терпения оскудевает духовный разум, а от утешения оправданием себя происходит забвение Бога»[8].

«Хочешь ли, чтоб Господь покрыл грехи твои? не объявляй человекам добродетелей, которые имеешь. Как поступаем мы в отношении к нашим добродетелям, так Господь поступает относительно наших грехов»[9].

«Не радуйся, когда окажешь ближнему благодеяние; возрадуйся тогда, когда непамятозлобно перенесешь оскорбление, последующее за твоим благотворением. Как ночь за днем, так зло последует за добрыми делами»[10].

«В невольных страданиях сокрыта милость Божия, привлекающая терпящего к покаянию, избавляющего его от муки вечной»[11].

---

[1] Гл. 136; *Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится* (Пс. 38. 7). || [2] Гл. 127. || [3] Гл. 128. || [4] Гл. 129. || [5] Гл. 130. || [6] Гл. 131. || [7] Гл. 132. || [8] Гл. 134. || [9] Гл. 135. || [10] Гл. 137. || [11] Гл. 139.

«Страхом вечных мук и вожделением Царства Небесного внушается терпение скорбей: внушается не по одному собственному произволу человека, — по дару Взирающего на помышления наши»[1].

«Кто верует будущим воздаяниям, тот произвольно удаляется от наслаждений земных; неверующий — и сладострастен, и чужд сердечного сокрушения»[2].

«Если хочешь *спастися и в разум истины прийти*[3], то старайся всегда пребывать выше чувственного, прилепляясь надеждою к единому Богу. Уклоняясь от всего чувственного, с понуждением себя, откроешь невидимое действие начал и властей, действующих против тебя враждебно посредством различных приражений. Побеждая их молитвою, благою надеждою, получишь благодать Божию, которая избавит тебя от будущего гнева»[4].

«Уразумевший значение таинственного поведания апостолом Павлом, что *наша брань к духовом злобы*[5], уразумеет и притчу Господа о том, что *подобает всегда молитися, не предаваясь унынию*»[6].

«Познавший истину не противоборствует скорбным наведениям: он знает, что скорбные наведения приводят к страху Божию»[7].

«Если хочешь приносить Богу непогрешительное исповедание в грехах, то не поминай по виду грехопадений твоих, — мужественно терпи наводимые за них скорби»[8].

«Скорби наводятся за преждесодеянные грехи, принося каждому согрешению сродное ему возмездие»[9].

«Разумный и ведающий истину исповедуется Богу не воспоминанием соделанных грехов, но терпением наводимых на него скорбей»[10].

«Отвергнув страдания и бесчестия, не думай принести покаяние при посредстве других добродетелей: тщеславие и настроение сердца, чуждое сокрушения духа, умеют служить греху и делами правды»[11].

«Добродетели рождаются обыкновенно от страданий и бесчестий; так, напротив, пороки — от наслаждения и тщеславия»[12].

«Всякое проявление плотского сластолюбия происходит от наслаждения, предшествовавшего этому проявлению. Допущение же себе наслаждения происходит от неверия»[13].

---

[1] Гл. 141. || [2] Гл. 142. || [3] *...чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2. 4). || [4] Гл. 146. || [5] *...наша брань... против духов злобы* (Еф. 6. 12). || [6] *...должно всегда молиться и не унывать* (Лк. 18. 1). Гл. 147. || [7] Гл. 150. || [8] Гл. 153. || [9] Гл. 154. || [10] Гл. 155. || [11] Гл. 156. || [12] Гл. 157. || [13] Гл. 158.

«Не примиряющий воли своей с Богом претыкается в начинаниях своих и подвергается преобладанию супостатов»[1].

«Боголюбивый слушатель объемлет пользу с противоположных действий: если добро его свидетельствуется одобрением, то он делается усерднее; если же он подвергается обличению во зле, то понуждает себя к покаянию»[2].

«Хорошо держаться главной заповеди, ни о чем в частности не заботиться и ни о чем в частности не молиться, но и молитвою, и всею деятельностию искать единственно Царства и Слова Божия. Если же мы еще находимся в таком положении, что должны заботиться о каждой потребности нашей, то и должны молиться о каждой. Делающий что-либо или заботящийся о чем-либо без молитвы не возможет совершить дела с благим успехом. Об этом засвидетельствовал Господь, сказав: *не можете без Мене творити ничесоже*[3].

«Пренебрегающего заповедь о молитве постигают самые тяжкие нарушения прочих заповедей, передавая его одно другому, как узника»[4].

«Принимающий скорби настоящего времени при посредстве упования на получение будущих благ обрел разум истины: удобно избавится он от гнева и печали»[5].

«Подвергающийся озлоблениям и бесчестиям за истину шествует путем Апостолов, взяв крест на рамена свои и возложив на себя оковы. Усиливающийся внимать сердцу без этих пособий не может не скитаться повсюду, не может не впадать в искушения и сети диавольские»[6].

«Боримый грехом никогда не возможет победить помыслов, если не будет действовать вместе и против их начальных причин; также не возможет победить начальных причин, не действуя вместе и против помыслов: отвергнув из двух что-либо одно, по прошествии краткого времени будем увлечены другим в то и другое»[7].

«Препирающийся с человеками из боязни подвергнуться страданиям и поношениям или здесь навлекает на себя самые сильные напасти, или будет мучен без милости в будущем веке»[8].

«Желающий отклонить от себя всякое злоключение должен при посредстве молитвы примирить дела свои с Богом, стяжать в духе своем упование на Бога и пренебрегать по силе попечениями о чувственном»[9].

---

[1] Гл. 162. ‖ [2] Гл. 165. ‖ [3] Гл. 166; *...без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15. 5). ‖ [4] Гл. 167. ‖ [5] Гл. 168. ‖ [6] Гл. 169. ‖ [7] Гл. 170. ‖ [8] Гл. 171. ‖ [9] Гл. 172.

«Диавол, нашедши, что человек упражняется в телесных делах излишне, без нужды, сперва похищает сокровища разума его — понятия духовные, а потом отсекает надежду на Бога, как главу»[1].

«Когда достигнешь непоколебимости и чистоты в молитве — не принимай разумений, приносимых врагом во время молитвы твоей, чтоб не потерять большего. Лучше стрелять стрелами молитвы во врага, поверженного долу и заключенного там, нежели беседовать с ним. Не приносит он благого, — злохитро приносит он злое, чтоб отвлечь нас от молитвы»[2].

«Благие помышления полезны человеку во время искушения и уныния; во время же молитвы они вредны»[3].

«Получив жребий учить о Господе и встречая в учимых преслушание, скорби в духе и не смущайся, не вынаруживай смущения. Скорбя, ты не будешь осужден с неповинующимся; смущаясь же, подвергнешься искушению тою же немощию»[4].

«Не дозволь себе обличить в согрешении того, кто не находится в повиновении у тебя: такое обличение — принадлежность власти»[5].

«Не вступи в прение с противящимися истине и не желающими оказать тебе повиновение, чтоб не возбудить в них ненависти к тебе, как свидетельствует об этом Писание»[6].

«Попускающий послушнику противоречить там, где не должно, предает его в таких случаях самообольщению и допускает нарушать обет повиновения»[7].

«Наставляющий и обличающий кого должен со страхом Божиим стяжевает сам добродетель, противоположную согрешению; напротив того, действующий из памятозлобия и порицающий злонамеренно впадает, по закону духовному, в подобную страсть»[8].

«Иной говорит истину, и безумные ненавидят его, по слову Богослова[9]; иной же лицемерствует, и за это любят его. Однако ни то ни другое из этих воздаяний не бывает долговременным: Господь, в свое время, воздаст каждому должное»[10].

«Желающий отклонить от себя бедствия будущей жизни должен переносить благодушно бедствия жизни настоящей. Таким образом, променивая в уме своем одно на другое, он избежит великих мучений посредством ничтожных страданий»[11].

«Воспрети уму самохваление и помыслу высокомыслие, чтоб не подвергнуться попущению и не впасть в противоположное тому,

---

[1] Гл. 173. ‖ [2] Гл. 174. ‖ [3] Гл. 175. ‖ [4] Гл. 176. ‖ [5] Гл. 178. ‖ [6] Гл. 181; Притч. 9. 8. ‖ [7] Гл. 182. ‖ [8] Гл. 163. ‖ [9] Ин. 8. 31, 47. ‖ [10] Гл. 186. ‖ [11] Гл. 187.

чем тщеславишься: благое совершается не одним человеком, но всевидящим Богом и человеком»[1].

«Всевидящий Бог определяет достодолжные наведения как делам нашим, так и произвольным помышлениям и размышлениям»[2].

«Невольные греховные помыслы произрастают от предварившего греха, вольные же от свободной воли: таким образом вторые делаются причиною первых»[3].

«Греховным помыслам, возникающим против намерения, последует печаль: и потому они скоро истребляются. Произвольным греховным помыслам последует радость: и потому они изглаждаются с великим трудом»[4].

«Поречения и напасти производят печаль в сластолюбивом; производят ее в боголюбивом похвалы и излишества»[5].

«Не познавающий судеб Божиих умом совершает путь между пропастями и удобно низвергается в них всяким ветром: будучи похваляем, он возносится; будучи порицаем, огорчается; наслаждаясь, увлекается в начинания блуда; подвергаясь страданиям, малодушествует и плачет; уразумев что-либо, хочет выказать это и, не разумея, хочет представиться разумеющим; богатея, он кичится и, убожествуя, лицемерствует; насытившись, бывает дерзким и, постясь, предается тщеславию; с обличающими он любит препираться и на тех, которые прощают ему, смотрит насмешливо, как на помешавшихся в рассудке»[6].

«Кто благодатию Христовою не приобретет разума истины, тот мучится жестоко не только страстями, но и от действия на него внешних обстоятельств»[7].

«Если хочешь разрешить обстоятельство неудобопонятное, то ищи в отношении к нему того, что было бы благоугодно Богу, — и найдешь полезное решение недоумения»[8].

«О чем благоволит Бог, тому и вся тварь содействует служением своим, а от чего отвращается Бог, тому и вся тварь противодействует»[9].

«Противящийся скорбным наведениям противится, не понимая того, повелению Божию; принимающий же их с истинным разумом *терпит Господа*»[10].

«Когда придет напасть, не изыскивай, для чего и отчего она пришла; ищи того, чтоб перенести ее с благодарением Богу без печали и без памятозлобия»[11].

[1] Гл. 188. ‖ [2] Гл. 189. ‖ [3] Гл. 190. ‖ [4] Гл. 191. ‖ [5] Гл. 192. ‖ [6] Гл. 193. ‖ [7] Гл. 194. ‖ [8] Гл. 195. ‖ [9] Гл. 196. ‖ [10] Гл. 197. ‖ [11] Гл. 198.

«Чужое зло не приумножает греха, если только мы не примем его с злыми мыслями»[1].

«Если неудобно найти благоугодившего без искушений, то должно благодарить Бога за все случающееся»[2].

«Если бы Петр не оставил ночной ловитвы, то и на дневной не получил бы успеха. Если бы Павел не ослеп чувственно, то не прозрел бы умом. Если бы Стефан не был оклеветан, как хулитель Бога, то не отверзлись бы для него небеса и он не увидел бы Бога»[3].

«Деятельность по заповедям Божиим называется добродетелию и нечаянная скорбь — искушением»[4].

«Бог искушал Авраама[5] не для того, чтобы узнать, каков Авраам, потому что ведал его Ведущий всякого человека прежде, нежели человек начнет существовать. Искушал Авраама Бог, то есть посылал ему скорби, для пользы его, чтоб доставить ему возможность усовершиться в вере»[6].

«Всякая скорбь обличает уклонение воли, куда она преклоняется, направо ли, или налево. Открывая сокровенное направление воли, неожиданная скорбь правильно носит название искушения для того, кому она попускается»[7].

«Страх Божий понуждает нас ратовать против злобы. Когда же мы боремся с нею, — благодать Божия ратует за нас»[8].

«Мудрость состоит не только в том, чтоб узнать истину, но и в том, чтоб терпеливо переносить злобу человеков, обижающих нас, принимая обиды их как свою принадлежность. Пребывающие исключительно в первом виде мудрости способны превознестись гордостию; присовокупившие к первому виду второй приобретают смиренномудрие»[9].

«Хочешь ли, чтоб не беспокоили тебя греховные помыслы? возлюби уничижение души и содержи тело в скорбном состоянии — при посредстве возможных для тебя лишений. Так поступай не временно, но всегда, во всяком месте и обстоятельстве»[10].

«Если будешь ограждать себя лишениями и подвигами произвольными, то помыслы, противные произволению твоему, не будут обладать тобою. Не подчиняющийся лишениям и подвигам поневоле подчинится насилию помыслов, противных произволению его»[11].

«Когда от обиды возмутится внутренность твоя и сердце — не огорчись этим! по смотрению Божию приведено в движение то, что

---

[1] Гл. 199. || [2] Гл. 200. || [3] Гл. 201. || [4] Гл. 202. || [5] Быт. 22. 1. || [6] Гл. 203. || [7] Гл. 204. || [8] Гл. 205. || [9] Гл. 206. || [10] Гл. 207. || [11] Гл. 208.

было прежде вложено в душу твою. С радостию низлагай возникшие помыслы! Знай: когда эти помыслы будут истребляемы в самых первоначальных проявлениях, то вместе с ними истребится и злое движение. Оно умножится, если допустим помыслам развиваться»[1].

«Без сердечного сокрушения невозможно избавиться совершенно от заразы греховной. Сокрушается сердце тричастным воздержанием: воздержанием от сна, от пищи и от излишнего телесного успокоения. От нарушения воздержания в этих предметах рождается сладострастие. Сладострастие принимает благосклонно лукавые помыслы, сопротивляется молитве и подобающему служению»[2].

«Приняв жребий начальствовать над братиею, храни возложенную на тебя обязанность и ради прекословия прекословящих не умалчивай того, что ты обязан сказать. В чем они окажут повиновение — ты получишь мздовоздаяние за их добродетель; если не послушают тебя в чем — прости им, и примешь прощение от Сказавшего: *отпустите и отпустится вам*»[3].

«Всякий случай подобен торговле: сведущий в ней приобретает многое, — несведущий терпит убыток»[4].

«Не оказывающего повиновения слову любви не принуждай с любопрением к повиновению; приобретение, отвергнутое им, стяжи себе: твое незлобие принесет больше пользы, нежели покушение на насильственное исправление»[5].

«Кто впадет в согрешение и не будет печалиться соразмерно согрешению, тот удобно падет снова в ту же сеть»[6].

«Надменное сердце не принимает приязненно печали по Боге»[7].

«Сытость чрева не совокупляется с сердечным болезнованием для зачатия добродетелей»[8].

«Не возможет человек стяжать болезнования и печали по Боге, если не возлюбит предварительно причины их»[9].

«Страх Божий и обличения насаждают в сердце печаль; воздержание и бдение соделывают его причастником болезнования»[10].

«Не внимающий наставлению заповедей и учения, изложенных в Священном Писании, будет погоняем бичом, которым погоняют коня, и рожном, которым погоняют осла. Если он не очувствуется и от этого, — востягнуты будут челюсти его браздами и уздою, приведен будет он при посредстве их»[11].

---

[1] Гл. 209. || [2] Гл. 210. || [3] Гл. 211. || [4] Гл. 212. || [5] Гл. 213. || [6] Гл. 215. || [7] Гл. 216. || [8] Гл. 217. || [9] Гл. 218. || [10] Гл. 219. || [11] Гл. 220.

«Удобно побеждаемый в мелочах поневоле побежден будет в великом; побеждающий в мелочах и в великом окажет доблесть о Господе»[1].

«Не покушайся обличениями принести пользу тому, кто хвалится добродетелями: потому что любящий выказывать себя не может быть любителем истины»[2].

«Всякое изречение Христово являет и милость, и правду, и премудрость Божию, чрез слух насаждает силу этих добродетелей в слушающих с благим расположением: по этой причине немилостивые и неправедные, слушая с расположением злым, не возмогли познать премудрость Божию, — и Учившего этой премудрости распяли. Рассмотрим себя и мы: слушаем ли Его с благим расположением, потому что Он сказал: *любяй Мя,* заповеди Моя соблюдет, и *возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам*[3]. Видишь ли, что явление Свое Он поместил таинственно в заповедях? Любовь к Богу и к ближнему совмещает в себе все заповеди: она образуется от удаления от всего вещественного и из безмолвия помыслов»[4].

«Для того, чтоб мы достигли безмолвия помыслов, Господь заповедует: не *пецытеся о утрии*[5]. Вполне верно! Не освободившийся от всего вещественного и от попечения о нем как возможет избавиться от злых помыслов? обладаемый помыслами как увидит ту греховность, которою заражено все существо человека, которая лежит тьмою и мглою на душе, образуется, как последствие, от произвольных греховных помышлений и действий? не познавший этой греховности, или греха в обширном смысле слова, будет ли умолять Бога о очищении от греховности? неочистившийся как ощутит в себе естество чистое? не приобретший естества чистого как увидит внутри себя дом Христов? Мы — дом Божий. Возвещают это и Пророки, и Евангелие, и Апостолы»[6].

«Вышеизложенным порядком должно стремиться к тому, чтоб найти этот дом: должно стучаться неотступно молитвою, чтоб Владыка отверз нам двери в него или во время этой жизни, или при переходе из этой жизни в вечность. Да не услышим за нерадение наше: *не вем вас, откуду есте*[7]. Должно не только просить и получить, но и сохранить данное. Некоторые, приняв духовное сокро-

---

[1] Гл. 221. ‖ [2] Гл. 222. ‖ [3] *Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам* (Ин. 14. 21). ‖ [4] Гл. 223. ‖ [5] *...не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6. 34). ‖ [6] Гл. 224; Иез. 37. 27; Зах. 2. 10; Ин. 14. 23; 1 Кор. 3. 16. ‖ [7] Лк. 13. 25.

вище, утратили его. Знание по букве или от слуха о вышесказанном, или же, может быть, и от случайного опыта, имеют и поздно начавшие обучаться духовному подвигу, и юные; постоянное же и терпеливое пребывание в нем с трудом приобретено благоговейнейшими и многоопытнейшими из старцев, не раз терявшими его от невнимания и снова взыскавшими трудом, возложенным на себя по благому произволению. Не престанем и мы поступать так, доколе не стяжем сокровище в достоинстве неотъемлемом»[1].

«Может быть, скажешь: не имею денег; как окажу без них милость нищему? Не имеешь денег, но имеешь произволение: отрекись своей греховной воли и этим твори милость. Не можешь подать милостыню рукою? подай ее благим произволением: когда согрешит пред тобою брат твой, *остави ему*[2], по заповеди Господа, и вменится это тебе в великую милость. Если ищем себе прощения грехов от Бога, то и мы должны так поступать в отношении к ближнему при всяком согрешении его против нас, чтоб над нами совершилось сказанное во Евангелии: *отпущайте, и отпустится вам*[3]. Великое дело подавать милостыню убогим, когда имеются деньги; но миловать согрешающего против нас ближнего настолько выше и настолько более способствует к получению прощения во грехах, насколько душа, по естеству, превосходнее тела. Если же мы, просив прощения грехов у Бога, получив прощение многократно и по причине этого прощения не потерпев здесь никакого зла, не хотим сделать ближних участниками этого дара, то по необходимости уподобляемся тому злому рабу, который, получив от Владыки прощение долга в десять тысяч талантов, не простил ста пенязей своему должнику-ближнему. Господь, производя законный суд над лукавым рабом, сказал: *рабе лукавый! весь долг он отпустих тебе, понеже умолил Мя еси: не подобаше ли и тебе помиловати клеврета твоего,* и простить ему долг, *якоже и Аз тя помиловах? И прогневався,* поведает Евангелие, *предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой.* К этому Господь присовокупил, как вывод, следующие слова: *Тако и Отец Мой Небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их*[4]. Подобно этому и в другом месте обогатившихся от Него раз-

[1] Гл. 225. || [2] Лк. 17. 3. || [3] Лк. 6. 37. || [4] *...злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, ...отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18. 32–35).

личными благодеяниями, но имеющих немилостивый и несострадательный нрав, признает несчастными, говоря: *горе вам богатым: яко восприемлете утешение ваше*[1]. Истинное богатство есть обилие в нас различных дарований, данных нам: горе же нам! многократно умолили мы Бога и помилованы были Богом, сами же были умоляемы и никого не помиловали. Мы *восприемлем утеснение наше,* удовлетворяя нашей мстительности и прочим похотениям»[2].

«Осуждаемся мы не за множество зол, но за то, что не хотим покаяться и познать чудеса Христовы, как свидетельствует Сама Истина. *Мните ли,* — говорит Она, — *яко Галилеане сии, ихже кровь смеси Пилат с жертвами их, грешнейши бяху паче всех человек, иже на земли? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, такожде погибнете. Или они осмьнадесяте, на нихже паде столп Силоамский и поби их, мните ли, яко грешнейши бяху паче всех человек, живущих во Иерусалиме? Ни, глаголю вам: но аще не покаетеся, такожде погибнете*[3]. Видишь ли, что осуждаемся за непокаяние»[4].

«Полагаю, что покаяние составляется из следующих трех добродетелей: из очищения помыслов, из непрестанной молитвы и из терпения находящих скорбей. Эти добродетели должны быть совершаемы не только явно, но и умным деланием; этим добродетелям предназначено доставлять бесстрастие тем подвижникам, которые долговременным упражнением стяжут навык в них»[5].

«*Взем крест твой, гряди по Мне*[6], сказал Господь. Крест — терпение находящих скорбей»[7].

«Без вышеупомянутых трех добродетелей не может быть совершено дело покаяния. Полагаю, что покаяние приличествует всем и всегда, и грешникам и праведникам, желающим получить спасение: потому что самое состояние совершенства не имеет такого предела, на котором бы не требовалось исполнения вышеупомянутых добродетелей. Начинающих они вводят в благочестие, средних — в преуспеяние, совершенных утверждают в совершенстве. Добродетели эти не могут удовлетворительно быть испол-

---

[1] *...горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение* (Лк. 6. 24). || [2] Слово преподобного Марка 3 О покаянии. || [3] *...рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. ...Думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете. Или те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете* (Лк. 13. 1–5). || [4] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [5] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. || [6] *...последуй за Мною, взяв крест* (Мк.10. 21). || [7] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

нены ни от долговременного упражнения в них, ни от сознания своей праведности»[1].

«*Уничижаяй малая, по мале упадет*[2]. Не скажи: как может пасть духовный? Пребывая таким, он не падает. Когда же примет в себя что-нибудь малое из области греха и не извергнет этого малого из себя покаянием, то оно, укоснев в нем и развившись, уже не терпит пребывать в одиночестве, но влечет и к иному, сродному себе, насильно, как бы цепию, которая образовалась от продолжительного благоприятства первоначальному виду греха, принятому произвольно. Если духовный вступит в борьбу с явившимся злом и отразит его молитвою, то останется в своей мере преуспеяния, утратив, однако, отчасти бесстрастие в такой степени, в какой попущено было пристрастие ко вкравшемуся злу. Если же духовный будет окончательно низвлечен возрастающим насилием возобладавшего им послабления, отвергши труд борьбы и молитвы, то по необходимости подвергнется обольщению и от других страстей. Таким образом, будучи передаваем одною страстию другой и каждою из них мало-помалу увлекаем, лишается Божественной благодати, увлекается уже тогда и в большее зло, даже в противность своему произволению, от насилия видов греха, возобладавших им прежде».

«Непременно возразишь мне на это: неужели духовный не мог, в то время как зло начинало действовать в нем, умолить Бога, чтоб не впасть в столь бедственные последствия? — И я говорю, что мог. Но, пренебрегши малым, он произвольно принял его как ничтожное, не позаботясь помолиться о нем и не ведая, что это малое служит причиною большего, вводит в большее, как в добре, так и во зле. Когда же страсть возрастет и, впущенная произвольно, возгнездится в нем, тогда уже и против воли его начинает действовать против него упорно. Уразумев сущность дела, должно прибегать молитвою к Богу, противостоять и сопротивляться врагу, которого прежде защищали, препираясь с человеками. Случается даже и то, что мы, будучи уже услышаны Господом, не получаем помощи ощутительно для нас: потому что она приходит не по тому образу, который предполагается для нее человеком, но так, как устроивает Бог нам на пользу. Ведая удобопоползновенность нашу ко греху и наклонность пренебрегать грехами, Он помогает нам много скорбями, чтоб мы, избавившись бесскорбно, снова не стали увлекаться и впадать опрометчиво в те же согрешения. Основываясь

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [2] Сир. 14. 1.

на этом, мы утверждаем, что необходимо терпеть постигающее нас, что пребывание в покаянии есть состояние, вполне соответствующее нам»[1].

«Мы все — потомки Адама; все родимся во грехе его, и по этой причине все определением Божиим осуждены на вечную смерть, не имеем возможности спастись без Христа. Все, и самые праведнейшие между человеками, избавляются от вечной смерти единственно чрез посредство Христа, распявшегося за всех и искупившего всех кровию Своею. По этой причине и Сам Искупитель предлагает для всех одно делание, объемлющее в себе все прочие делания, и повелевает Апостолам говорить всем одно: *покайтеся, приближися бо Царствие Небесное*[2]. Вместе с этим Спаситель преподал многие частные заповеди, от исполнения которых достигается совершенство в покаянии, и исполнение это завещал до самой смерти, сказав: *иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, в живот вечный сохранит ю*[3]. И опять, повелевая отречься от всего, присовокупляет: *аще же и свою душу*[4]. Запечатлевая великое значение заповедей, Он говорит: *иже аще разорит едину заповедий сих малых, мний наречется в Царствии Небеснем*[5]. Если Христос, как здесь объяснено, назначил пребывать в покаянии до смерти, следовательно, тот, кто утверждает, что покаяние может быть окончательно исполнено прежде смерти, отвергает заповедь, отрицаясь от *погубления души* до смерти, — является он преступником всех Христовых заповедей. Нет конца покаянию до самой смерти и для малых, и для великих! Никто не возмог на самом деле достичь совершенства в покаянии, такого совершенства, которое не нуждалось бы в приложении или не было уже способно к нему! И потому мы если и не удостоимся выполнить его как должно, то по произволению будем упражняться в нем, чтоб не причислиться к отвергающим заповедь намеренно, чтоб не подвергнуться за это осуждению. Рассмотри от начала мира жизнь всех, совершивших благополучно странствование земное, и найдешь, что таинство благочестия во всех благоугодивших Богу свершилось чрез покаяние. Был ли кто осужден? осужден он за пренебрежение покаянием. Был ли кто оправдан? оправдан он, потому что прилепился к покаянию»[6].

«Самое естество научает нас пребывать в покаянии до смерти. Ум не может быть праздным. Если б ум был и весьма значителен

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [2] Мф. 4. 17. ‖ [3] Мк. 8. 35; Ин. 12. 25. ‖ [4] Лк. 14. 26. ‖ [5] *Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5. 19). ‖ [6] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

по объему и силе, природным и приобретенным, то он, находясь в состоянии здравия, действует в области добра, если же, возуповав на свое превосходство, оставит упражнение в добре, то по необходимости уклоняется в область зла и, опять удаляясь от злого, естественно привлекается к деятельности благой и правильной. Такая деятельность для новоначальных, средних и совершенных заключается в молитве, в очищении помыслов и в терпении попускаемых скорбей, без чего невозможно совершать и прочих добродетелей, соделывающих покаяние благоприятным»[1].

«Если покаяние есть прошение милости, то упражняющемуся в покаянии должно озаботиться о том, чтоб не услышать *се, сыти есте*[2], должно продолжать неотступное прошение, как не имеющему достаточно, потому что *всяк просяй приемлет*»[3].

«Если будет помилован только тот, кто сам милует, то, как думаю, покаянием держится весь мир, человеки содействуют друг другу в покаянии по устроению Божия Промысла»[4].

«Если мы будем подвизаться в покаянии до самой смерти — и тогда не исполним должное: потому что и тогда не принесем ничего равноценного Царству Небесному»[5].

«Как естественно нам есть, пить, говорить, слышать, так естественно и каяться»[6].

«Умерщвляется по определению закона однажды заслуживший смерть: если же кто продолжает жить, тот уже живет по вере, ради покаяния, если бы и не за свои грехи, то за грех прародительский, общий всему человечеству»[7].

«Мы очистились крещением; очистившись, получили заповеди. Нарушающий заповеди оскверняет крещение, *забвение прием очищения древних своих грехов*[8], которыми не бывает скуден никто, подвергаясь ежедневно согрешениям невольно, хотя бы и стремился к исполнению всех заповедей»[9].

«Покаяние нужно всем: оно показывает нам грехи наши, соделанные прежде произвольно, а ныне — когда мы возненавидели страсти и начали удаляться от них — служащие причиною согрешений невольных»[10].

---

[1] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [2] *Вы уже пресытились* (1 Кор. 4. 8). ‖ [3] *...всякий просящий получает* (Мф. 7. 8). Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [4] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [5] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [6] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [7] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [8] *...забыл об очищении прежних своих грехов* (2 Пет. 1. 9). ‖ [9] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [10] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

«Признающий свое покаяние окончательно исполненным *зрит вспять*, в нем обновляются впечатления от прежних согрешений»[1].

«Истинно разумный разумеет и то, что он нуждается в покаянии: разум истины даруется покаянием, и покаяние — разумом истины»[2].

«Христос поручился за нас на условии покаяния: отвергающий покаяние отвергает Спасителя»[3].

«Добрыми делами естества[4], без покаяния, мы не можем совершить ничего заслуживающего помилование от Бога; Господь дарует нам великое помилование за расположение души, настроенной покаянием. Принуждающий себя и пребывающий до кончины своей в настроении, доставляемом покаянием, спасется за понуждение себя и за покаяние, хотя бы и подвергся некоторым согрешениям: обетовано это Господом в Евангелиях»[5].

«Провозглашающий о себе, что он не нуждается в покаянии, этим объявляет себя праведником, а Писание именует его *порождением ехидны*[6]. Признающий себя совершившим покаяние по причине мнения о своей праведности сочетавается, не ведая того, со сластями страстей: потому что мнение и кичливость принадлежат к таким сластям»[7].

«Зараженный самомнением не возможет спастись: *презорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает*[8], говорит Писание»[9].

«Если смиренномудрие не приносит никакого вреда совершенному, то и совершенный да не оставляет начальную причину смиренномудрия — покаяние»[10].

«Насытившийся покаянием не может смиренномудрствовать»[11].

«Если б мы тщательно заботились о смиренномудрии, то не нуждались бы в наказаниях. Все злое и лютое, постигающее нас, постигает за превозношение. Попущено было ангелу сатаны *мучить*[12] Апостола, чтоб Апостол не превознесся; тем более нам, увлекаю-

[1] *...озирающийся назад* (Лк. 9. 62). ‖ [2] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [3] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [4] Добрые дела падшего естества чужды покаяния, вводят в самомнение и ошибочно требуют спасения как законной награды: покаяние образуется из исполнения заповедей Христовых. ‖ [5] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [6] Мф. 3. 7; Лк. 3. 7. ‖ [7] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [8] *Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается* (Авв. 2. 5). ‖ [9] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [10] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [11] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии. ‖ [12] 2 Кор. 12. 7.

щимся превозношением, попустится сатана. Он будет попирать нас, доколе мы не смиримся»[1].

«Побеседуем несколько о бессловесной страсти гнева. Она опустошает, смущает и помрачает всякую душу; она во время движения и действия своего соделывает человека — особливо удобопоползновенного и быстропреклонного к ней — подобным зверю. Страсть эта преимущественно утверждается, укрепляется, пребывает несокрушимою дотоле, доколе диавольское древо огорчения и раздражительности, гнева и ярости напаяется злою водою гордости: дотоле оно возрастает сильно, цветет обильно, приносит множество плодов — преступлений Закона Божия. Таким образом здание, воздвигнутое в душе лукавыми духами, пребывает в неприкосновенной, несчастной целости, утверждаясь и укрепляясь на основании своем — на гордости. Если хочешь, чтоб греховное древо, страсть огорчения и раздражительности, гнева и ярости посохло в тебе и сделалось бесплодным, чтоб секира Духа, приблизившись, срубила его, ввергла в огонь, по определению Евангелия, и истребила со всякою злобою; если хочешь, чтоб дом беззакония, непрестанно и злонамеренно созидаемый диаволом, который, собирая, как камни, различные предлоги, и благословные и суетные, или на самом деле или в помыслах, сооружает здание злобы в душе; если хочешь, говорю, чтоб этот дом был разрушен и разметан, то имей незабвенным в сердце твоем смирение Господа. Рассуждай: кто Господь и чем соделался Он ради нас? С какой высоты Божественного света, откровенного горним существам соответственно их зрительной силе, славимого на небе всеми разумными созданиями, Ангелами, Архангелами, Престолами, Господствиями, Началами, Властями, Херувимами, Серафимами и не именуемыми Писанием умными Силами, которых имена не достигли до нас, по проречению Апостола, в какую глубину человеческого смирения Он низошел по неизреченной благости Своей и по всему уподобился нам, *седящим во тьме и сени смертней*, соделавшимся пленниками при посредстве преступления Адамова, находящимся в насильственной власти демонов, которые действуют в нас страстями нашими. Когда мы находились в этом лютом порабощении, в области невидимой и горькой смерти, — не устыдился такого положения нашего Владыка всей твари, видимой и невидимой: Он смирил Себя и воспринял человека из страстей бесчестия и из состояния отвержения, куда низвергнут был человек, осужденный

[1] Преподобного Марка Подвижника Слово 7 О пощении и смирении.

определением Божиим. Владыка соделался подобным нам по всему, кроме греха, то есть за исключением страстей бесчестия. Наведенные казни определением Божиим на человека в наказание за преступление заповеди и за впадение в грех, то есть телесную смерть, труды, голод, жажду, все это Он восприял, соделавшись тем, что — мы, чтоб мы соделались тем, что — Он. *Слово плоть бысть*[1], чтоб плоть соделалась Словом; Богатый *обнища нас ради, да мы нищетою Его обогатимся*[2], — по великому человеколюбию уподобился нам, чтоб мы уподобились Ему всеми добродетелями. Точно! с того времени, как пришел Христос, человек изменяется в нового человека, будучи обновляем благодатию и силою Духа, достигая в меру совершенной любви, изгоняющей страх и уже не подвергающейся падению. *Любы николиже отпадает*[3]: потому что *Бог,* — говорит Иоанн, — *любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает*[4]. Этой меры сподобились Апостолы и все те, которые, подобно им, обучились добродетели основательно и правильно, представили себя Господу совершенными, последовавши Христу в течение всей жизни своей желанием совершенным. Постоянно созерцай — не побеждаясь забвением — смирение, которое Господь восприял на Себя по любви к нам, по неизреченному человеколюбию. Созерцай вселение Бога Слова в ложесна Девы, принятие им человечества, рождение от жены, постепенность телесного возрастания, бесчестия, досады, поношения, поругания, укорения, биения, оплевания, насмеяния, наругания, червленую хламиду, терновый венец, приговор на Него правителей, вопли против Него беззаконных иудеев, Ему единоплеменных — *возми, возми, распни Его*[5] — крест, гвозди, копие, напоение оцтом и желчию, наругания над Ним язычников, насмешки тех, которые, проходя мимо Его распятого, говорили Ему: *аще Сын еси Божий, сниди со креста, и веруем в Тя*[6]. Созерцай и прочие страдания, которые Господь претерпел ради нас: распятие, смерть, тридневное погребение во гробе, сошествие во ад. Какие же были за тем плоды страданий? воскресение из мертвых, пленение ада и смерти, вознесение на небеса душ, исшедших оттуда с Господом, седение *одесную Отца*[7], превыше всякого начала и власти и всякого *именуемаго имени*[8], честь, слава, поклонение всех Ангелов Первенцу из мертвых по причине

[1] *И Слово стало плотию* (Ин. 1. 14). ‖ [2] *...обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою* (2 Кор. 8. 9). ‖ [3] *Любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13. 8). ‖ [4] *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге* (1 Ин. 4. 16). ‖ [5] Ин. 19. 15. ‖ [6] *...если Ты Сын Божий, сойди с креста... и уверуем в Него* (Мф. 27. 40, 42). ‖ [7] Мк. 16. 19. ‖ [8] Еф. 1. 2.

понесенных Им страданий, как и Апостол говорит: *Сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся яко же человек: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос во славу Бога Отца*[1]. Вот, в какую славу и высоту, по суду правды Божией вышеисчисленные страдания возвели Господня человека! и потому, если с любовию и усердием будешь памятовать о них незабвенно в сердце твоем, страсть огорчения и раздражительности, гнева и ярости не будет обладать тобою. Когда самое основание этой страсти, гордость, будет выворочено кверху рассматриванием смирения Христова: тогда и все здание беззакония, ярости, гнева и печали разрушится удобно и само собою. Какое жестокое и каменное сердце не смягчится, не умилится, не смирится, если уму будет постоянно сприсутствовать памятование о смирении Единородного Сына Божия, о претерпенных Им страданиях? не представит ли оно себя, по Писанию, произвольно в попрание всем человекам, как попираются ими земля и пепел? Когда душа, взирая на смирение Христово, будет смиряться и сокрушаться, какая ярость, какой гнев возмогут возобладать ею? какая печаль возможет одолеть ее?»[2]

«Подобает научиться духовному закону, возложить на себя *подвиги*[3] *о благочестии* и постигающие скорби переносить с терпением, как свои. Без этого никто не может сделаться истинно премудрым».

На вопрос, какие бы то были *подвиги о благочестии*, преподобный Марк отвечал: «Это заповеди Христовы, из которых первая и величайшая — любовь. Она не *мыслит зла, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит*[4], по слову Писания. Поступая так, она не судит тех, которые представляются обижающими ее. Любовию мы

---

[1] *Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2. 5–11). ‖ [2] Слово к монаху Николаю. ‖ [3] Иначе труды. ‖ [4] 1 Кор. 13. 6, 7.

различаемся один от другого, и все недостаточествуем по отношению к ней, ожидая восполнения этому недостатку от благодати Христовой, если мы не вознерадим о возделывании любви по нашим силам. Бог знает и сколько мы не можем сделать по немощи, и сколько не совершаем дел любви по нерадению. Любовь укрепляется не от одних произвольных трудов, но и от случающихся скорбей: и потому мы нуждаемся, чтоб Бог ниспослал нам много терпения и кротости. По отношению к этому говорит Апостол: *хотяй быти мудр в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет*[1]. Мудрые по букве признают согрешающими одних обижающих, а премудрые по Духу Божию, будучи и обижаемы, порицают себя, когда не переносят обид терпеливо, с благим произволением, с радостию. Порицают они себя не только за это, но и по той причине, что признают скорби возникшими из данного ими некогда повода, из какого-либо прежнего согрешения, хотя согрешения бывают легче и тяжелее одно другого. Кто мстит за себя, тот как бы обвиняет Бога в бессудии, а кто претерпевает нашедшую скорбь, как свойственную себе, тот терпением приносит исповедание в преждесоделанных согрешениях, за которые и подвергается страданию от наведенной напасти».

«Имеются три вида благочестия: первый состоит в том, чтоб не согрешить; второй — в том, чтоб, согрешивши, терпеливо переносить приключающиеся скорби; третий — в том, чтоб плакать о недостатке терпения, если не переносим скорби с должным терпением. Если мы здесь не совершим примирения с Богом, установленными от Него средствами, то это по необходимости навлекает на нас подсудимость на будущем Суде: разве только Бог, увидев, что мы смирились и плачем, изгладит, как Сам ведает, грехи наши всесильною благодатию Своею. Если же мы не только не смиримся и не восплачем о нерадении в исполнении вышеупомянутых видов благочестия, но и еще будем защищать себя словами мирской премудрости (учености) и ею превозноситься над благоговейными, то как будем помилованы, действуя противоположно условиям помилования?»

Когда преподобный беседовал так, — один из учеников его, уповавший на воздержание свое, и по этой причине пребывавший вне познания истины, — покушавшийся претерпевать все скорбное, но неправильно думая о себе, что страдает как мученик, возразил Старцу: «Где говорит Писание, что по вине каждого и по праведному суду Божию находят бедствия на человеков?»

---

[1] 1 Кор. 3. 18.

Старец отвечал: «Возлюбленный! найдешь это во многих местах Писания, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Впрочем, и мы укажем тебе некоторые из таких мест, если желаешь того. Уразумев истину, отвергни высокомудрие — мало этого — отвергни зломудрие и приобрети смирение, заимствовав его от Бога, Который сказал: *возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим*»[1].

Ученик остановил Преподобного на этом слове и сказал ему: «Если каждый из нас подражает смирению Христову тем, что признает постигающие его скорби должным себе воздаянием, как сказано тобою, то из этого очевидно явствует, что и Христос, пострадав, исполнил долг свой. Но я считаю такое мнение богохульством». Авва отвечал: «Скажи мне, возлюбленный, берущие взаем деньги, при поруке поручителей, одни ли должники? или одинаково с ними должники и поручившиеся за них?» — Ученик: «Очевидно, что и поручившиеся». На это Старец: «Будь же убежден со всею достоверностию, что Христос, восприняв нас, соделал Себя должником, как и Божественное Писание свидетельствует о Нем: *Агнец Божий, вземляй грехи мира*[2], *быв по нас клятва*[3]. Он восприял смерть за всех нас; Он умер за всех нас: тебя ли одного не восприял Он? объясни это искренно». — Ученик, припав к ногам Старца, сказал: «Я согрешил, как младенец, сказав в неведении сказанное мною; но отнюдь не отрекаюсь Избавителя и Восприемника всех верующих в Него. Знаю, что кроме Его нет иной надежды человекам на спасение, как говорит Апостол: *вси согрешиша и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его*»[4]. — Братия, присутствовавшие тут, получили пользу, увидев, что брат познал истину и покаялся. Старец продолжал: «Теперь остается нам показать из Писания, что из случающегося с каждым из нас печального ничто не случается несправедливо, все по праведному суду Божию. Иные страдают за свое зло, а иные за ближних: *в недра входят вся неправедным: от Господа же вся праведная*[5]. По этой причине сказано: *или будет зло во граде, еже Господь не сотвори?*[6] И еще: *вся дела Господня с правдою*[7]. И: *еже сеет тожде сие и пожнет*[8]. И: *аще неправда наша*

---

[1] *Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11. 29). || [2] *...Агнец Божий, Который берет **на Себя** грех мира* (Ин. 1. 29). || [3] *...сделавшись за нас клятвою* (Гал. 3. 13). || [4] *...все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его* (Рим. 3. 23, 24). || [5] *В полу бросается жребий, но все решение его — от Господа* (Притч. 16. 33). || [6] *Бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы* (Ам. 3. 6). || [7] Притч. 16. 9. || [8] *Что посеет человек, то и пожнет* (Гал. 6. 7).

Божию правду составляет, что речем? еда ли неправеден Бог, наводяй гнев? да не будет[1]. И три отрока, ввергнутые в разжженную печь, учат нас этому образу мыслей, сказав, что они ввергнуты по своей вине и по Божию повелению, хотя они восприняли лицо согрешивших соотечественников, будучи сами невинны[2]. И святой Давид, оскорбляемый Семеем[3], исповедует, что подвергается оскорблениям по повелению Божию и за свою вину[4]. И Исаия, и Иеремия, и Иезекииль, и Даниил, и другие Пророки предвещали народу Израильскому и народам языческим, что их постигнут скорби, соответственно грехам, совершенным каждым народом. Пророки объявляли вместе и вины, и наведения за эти вины: за это именно, — предрекали Пророки, — за то, что провозглашалось в среде народа то и то, делалось то и то, постигнет их то и то. Объясняя это же, блаженный Давид говорит в Псалмах своих: *разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистину смирил мя еси*[5]. И еще: *поношение безумному дал мя еси. Онемех и не отверзох уст моих, яко Ты сотворил еси*[6]. Эти слова Давида и мы должны произносить к Богу, когда подвергнемся укоризнам от кого-либо, и благодарить Бога за то, что Он послал обличителя сокровенных в нас лукавых мыслей, послал с тою целию, чтоб мы, рассмотрев мысли наши с достоверностию, исправили себя. Большей части наших греховных недугов мы не знаем! потому что только мужу совершенному свойственно содержать в памяти свои недостатки. Если и явные нарушения закона духовного неудобопонятны, тем неудобопонятнее нарушения его, совершаемые в области мыслей. Но мы, не ведая большей части греховности нашей, смущаемся от наведений. Поймем же, как благоразумные, что Господь наводит искушения для пользы нашей и посредством их делает нам много добра: во-первых, посредством их открываем присутствие в себе злых мыслей, сокровенно обладающих нами; по открытии их подается нам истинное, непритворное смиренномудрие; потом избавление от суетного возношения и обнаружение разнообразной злобы, таившейся внутри нас, как говорит Писание: *проникоша вси делающии*

[1] *Если же наша неправда открывает правду Божию, то что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? ...Никак* (Рим. 3. 5. 6). ‖ [2] Дан. 3. 28, 31. ‖ [3] Семей — родственник Саула. Он злословил Давида и бросал камнями в царя и его свиту. Давид приказал не трогать его, а позднее, по возвращении в Иерусалим, гарантировал ему жизнь (2 Цар. 16. 5–13; 19. 16–23). — *Ред.* ‖ [4] 2 Цар. 16. 11. ‖ [5] *Знаю, Господи, что суды Твои праведны и по справедливости Ты наказал меня* (Пс. 118. 75). ‖ [6] *От всех беззаконий моих избавь меня, не предавай меня на поругание безумному. Я стал нем, не открываю уст моих, потому что Ты сделал это* (Пс. 38. 9, 10).

беззаконие, яко да потребятся в век века[1]. Братия! наверно знайте следующее: если не будем переносить наведений с терпением, верою и благодарением, то никогда не возможем открыть злобу, сокровенную внутри нас. Если же не откроем ее, то не возможем ни отразить и прочих злых помыслов, борющих нас, ни взыскать очищения от впечатлений, произведенных преждесоделанными грехами, ниже получить твердой уверенности относительно будущего».

«Наводимые скорби и обличения не уподобляются по наружности винам; но в духовном значении отношения одних к другим сохраняют точную правду. Это можно увидеть и из Священного Писания: задавленные упавшею на них башнею Силоамскою не обрушали башни на других, пленники, отведенные на семьдесят лет в Вавилон для покаяния, не брали в плен других для покаяния. Средства наказания не имеют неуклонного сходства с винами: так, воины, уличенные в проступках, подвергаются побоям, но не тому самому злу, которое сделали. Подобно этому и все мы наказуемся постигающими нас скорбями и благовременно и правильно к покаянию, но не тождественно, то есть не в то самое время, когда согрешаем, и не тем злом, в котором виновны. Это-то и приводит некоторых к неверию правде Божией, то есть отсрочка наказания и несходство наказаний с винами».

«*Вопрос*. Скорби, наводимые на нас, очень разнообразны. Одни из них истекают от человеков оклеветывающих, злоречащих, ласкательствующих, вводящих в заблуждение, обольщающих, окрадывающих, обижающих, соблазняющих, враждующих, презирающих, ненавидящих, притесняющих, биющих, подвергающих гонению, — словом, делающих то зло, которое человеки могут делать человекам. Другие скорби возникают от собственного тела, когда оно бесчинствует, противоборствует духу, ищет неги, впадает в различные недуги и болезни, подвергается падениям, ушибам и прочим разнообразным последствиям немощи своей. Опять иные скорби приходят извне; таковы: угрызения псов, ядовитых и плотоядных зверей, также заразительные поветрия, голод, землетрясения, наводнения, морозы, зной, старость, убожество, заточение и тому подобное. Наносятся скорби злыми духами, с которыми мы находимся в войне, по словам Апостола; они наблюдают за нашими словами и делами, а по ним заключают о помыслах, которые естественно должны быть подобны словам и делам. Справедливо умозаключение

[1] *Тогда как нечестивые возникают, как трава, и делающие беззаконие цветут, чтобы исчезнуть на веки* (Пс. 91. 8).

демонов! если наш самовластный ум не будет по причине неверия беседовать с искусительными вражескими приражениями, если он не оставит подобающую ему совершенную надежду на Бога и не начнет плодить помыслов, то не может последовать ни слов, ни дел. Но ты сказал, что всякого рода бедствия постигают падшего соразмерно вине его, привлекая нас в познание правды Божией: покажи же нам и причины скорбей, чтоб мы таким образом поверили тому, что мы именно виновны в наводимых нам скорбях и должны терпеливо переносить нападающие на нас скорби. Опасаемся подвергнуться тяжкой муке по определению ожидающего нас загробного Суда, не только как грешники, но и как отвергшие врачевание».

«*Ответ*. Причина всякого скорбного случая — помыслы каждого. Я мог бы указать, как на причину, на слова и дела, но они не рождаются прежде помыслов, а потому помыслам приписываю все. Предшествует помысл; потом чрез слова и дела образуется общение человека с человеком. Имеются два образа общения: один от злобы, а другой от любви. При посредстве общения мы воспринимаем друг друга, не понимая даже этого: восприятиям же последуют по необходимости скорби, как и Писание говорит: *поручаяйся за друга, врагу предает свою руку*[1]. Каждый терпит скорби, постигающие его, не только из-за себя, но и из-за ближнего, — в том, в чем восприял ближнего на себя.

Восприятие от злобы есть непроизвольное. Оно совершается так: отнимающий что-нибудь у ближнего принимает на себя искушение этого ближнего, хотя и не хочет; также злословящий — злословимого, лихоимствующий — лихоимствуемого, насилующий — насилуемого, оговаривающий — оговариваемого, презирающий — презираемого. Чтоб не перечислять каждого действия отдельно — всякий обидящий восприемлет искушения обидимого, соразмерно обиде. Об этом свидетельствует Божественное Писание. *Праведный*, — говорит оно, — *от лова убегнет, в негоже место предается нечестивый*[2]. И еще: *изрываяй яму искреннему своему, впадется в ню: и валяяй камень на себе валит*[3]. И: *в недро входят вся неправедным, от Господа же вся праведная*[4]. Если же *неправда наша*, — как сказал Апостол, — *Божию правду составляет* в отношениях наших одного к другому: то *что речем? Едва ли*

[1] Притч. 6. 1. ‖ [2] *Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый* (Притч. 11. 8). ‖ [3] *Кто роет яму, тот упадет в нее, и кто покатит вверх камень, к тому он воротится* (Притч. 26. 27). ‖ [4] *В пóлу бросается жребий, но все решение его — от Господа* (Притч. 16. 33).

неправеден Бог, наносяй гнев[1] не только на вразумляемых скорбями, но и на восстающих против скорбей безрассудно и свирепо?

Восприятие ближнего на себя предано нам Господом Иисусом. Он совершил это восприятие, исцелив, во-первых, наши душевные немощи, потом *целя всяк недуг и всяку болезнь*[2], *вземля грех мира*[3], возустрояя естество чистое в верующих Ему искренно, избавляя их от смерти, предав истинное Богопочитание, научая благочестию, наставляя словом и примером, что ради любви мы должны переносить страдания даже до смерти, сверх этого, соделав нас причастниками Духа и посредством Его даровав терпение и те блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша*[4]. Он восприемлет искушения за нас: поношения, поругания, узы, предательство, биение по ланитам, напоение уксусом и желчию, пригвождение гвоздями, распятие, прободение копием. Таким образом, приобщившись нам плотию и духом и восприяв на Себя страдания за нас, Он предал такое восприятие в закон святым Апостолам и ученикам Своим, а прежде их Пророкам, Праотцам, Патриархам, научив вторых Святым Духом, а первых Своим всесвятым вочеловечением. Являя это восприятие, Он говорил: не бойтеся, *Аз победих мир*[5]. Также: *Аз за них свящу Себе, да и тии будут священи во истину*[6]. И еще: *болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*[7]. На этом основании святой Павел, подражая Господу, говорил о себе: *ныне радуюся в страданиих моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за Тело Его, еже есть Церковь*[8]. В этих словах Апостол изобразил прикровенно восприятие от любви. Хочешь ли яснее познать, как все Апостолы приобщились нам и мыслию и словом и делом и по причине такого общения восприяли искушение за нас? Мыслию вступили они в общение с нами, предлагая нам Писания, объясняя таинственное значение пророчеств, увещевая уверовать Христу, как Спасителю, служить Ему, как Сыну Божию по естеству, доказывая проповедь поразительными знамениями, молясь за нас, проливая слезы, делая все, что должно делать озаренным истиною в мысли. Вступили они в общение словами, умоляя нас, угрожая нам, уча, обличая, показывая срам маловерия нашего и невежества, объясняя Писание о значении времен, исповедуя

[1] Рим. 3. 5. || [2] Мф. 9. 35. || [3] Ин. 1. 29. || [4] *...не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку* (1 Кор. 2. 9). || [5] Ин. 16. 33. || [6] *И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною* (Ин. 17. 19). || [7] *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15. 13). || [8] *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь* (Кол. 1. 24).

Христа, проповедуя, что Он был распят за нас, что Он — вочеловечившееся Слово, что вочеловечившееся Слово — единая личность, а не две личности, хотя и исповедуется в двух естествах, соединенных нераздельно и неслитно, останавливая зловерие и преграждая ему путь во всяком времени, месте и деле, не соглашаясь с ложью, удаляясь от хвалящихся по плоти, с тщеславными не пребывая, кичливых не боясь, уничижая лицемеров, приемля смиренных, усвояя благоговейных, научая нас такому же поведению. Приобщились они нам делами, подвергаясь гонениям, поношениям, лишениям, оскорблениям, злодеяниям, заключению в темнице, насильственной смерти и прочим страданиям за нас. Вступив в то же общение с нами, они при посредстве его восприяли и искушения наши. *Аще скорбим,* — говорят они, — *о вашем спасении; аще ли утешаемся, о вашем утешении*[1], приняв этот закон любви от Господа, Который сказал: *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя*[2]. Такое поведение они предали и нам. Если Господь положил душу Свою за нас, говорят они, то *и мы должни есмы души наша по братии полагати*[3]. Также: *друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов*[4]. Познав, что имеются два образа общения человеков между собою, что за ними последует двоякое восприятие, одно невольное, а другое по любви, не будем любопытствовать при встречающихся с нами искушениях, подвергая подробному исследованию качество восприятия, как, когда, чрез кого пришло искушение: одному Богу свойственно знать соответственность каждого из них с виною, определение на них своего времени, направление всей твари к содействию попускаемому искушению[5]. Наша единственная обязанность — веровать правде Божией и знать, что все постигающее нас скорбное, против воли нашей, постигает или по любви, или за греховность, что по этой причине мы обязаны переносить искушения с терпением, не отражая их противодействием им, чтоб не приложить этим нового греха к грехам нашим. Прежде всего прошу вас, братия, быть очень внимательными к сказанному, чтоб и мы, подвергшись искушению за слова наши, не подверглись ему бесплодно и чтоб вам не предать забвению сказанного, приняв сказанное без должного усердия. Забвение — дщерь сердечной хладности (уныния): мать обоих — неверие.

---

[1] 2 Кор. 1. 6, 7. ‖ [2] Ин.15. 13. ‖ [3] *..мы должны полагать души свои за братьев* (1 Ин. 3. 16). ‖ [4] *Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6. 2). ‖ [5] Это содействие называется обыкновенно *стечением обстоятельств.*

На это отвечали братия: «Успокойся, отец, относительно произнесенного тобою поучения. Убежденные свидетельствами Писания, мы выслушали с верою поведание о том, что без праведного суда Божия никакая невольная скорбь не прикасается к человекам, хотя мы, по ограниченности нашей, и не постигаем как таинственного стечения обстоятельств, так и времени, в которое назначается попущение искушения»[1].

«Услышь, душа, словесная сообщница моя в жизни! — такое наставление душе влагает преподобный Марк в уста ума ее, намереваюсь поведать тебе тайну, которая относится и ко мне, и к тебе. Тайну эту я постиг не потому, чтоб очистился от страстей, но потому, что успокоился немного по Божией благодати от действия их. Достоверно узнал я, о душа, что как я, так и ты, подвергшись действию противоестественному, вовлекаемые неведением в заблуждение, обвиняем других в согрешениях наших, представляя себе ложно, что злоба находится вне нас. По причине такого ошибочного воззрения мы обвиняем иногда Адама, иногда сатану, иногда человеков, с которыми поставлены в сношение. Вследствие этого вступаем в многообразное ратоборство и, полагая ратовать против иных, ратуем против самих себя; полагая защищать друг друга, нападаем друг на друга; полагая благодетельствовать себе, терзаем себя подобно беснующимся: несем труды, подвергаемся поношениям, которые справедливо делаются для нас бесполезными, будучи последствиями неправильного настроения. Заповеди мы думаем любить, но начала, на которых основано исполнение их, возненавидели по причине нашего самообольщения. Ныне я узнал наверно, что никакая власть не влечет нас неправедно ни ко благу, ни ко злу, что со времени крещения и Бог и диавол поощряют нас в усвоение себе праведно, сообразно тому, какое направление приняло жительство наше по крещении и кому поработили себя произвольно».

«Имеются два вида приражения, которыми мир обманывает нас, если мы не усмотрим их благовременно: похвала от человеков и отрада тела. Когда они приражаются без предварившего произволения нашего, тогда они не принадлежат ни к злобе, ни к добродетели — служат только обличением для нашей воли, куда она склонится. Господу благоугодно, чтоб мы терпели поношение и жительствовали в лишениях и подвиге; диавол же хочет противного этому. Если мы услаждаемся похвалою человеческою и отра-

[1] Слово 6. Прение с ученым.

дою тела, то из этого явствует, что мы, преслушая Господа, преклоняемся к духу сластолюбия. Если же не благоволим к похвале человеческой и к наслаждению телесному, то из этого явствует, что мы преклоняемся к Богу, возлюбив тесный путь. Для того и допущено этим двум обольстительным приражениям действовать на человеков, чтоб любящие заповедь и сочувствующие ей вынаружили и доказали преклонение своей воли ко Христу, чтоб Христос, обретши вход в души их, научил умы их истине. Подобно этому о противном понимай противное. Любящие человеческую славу и отраду тела дают вход диаволу, который, этими средствами нашедши свойственный себе вход, уже свободно вводит зло и не престает умножать его настолько, насколько услаждаемся влагаемыми им помышлениями. Поступает он так дотоле, доколе мы, опомнившись, не возненавидим от искренности сердца двух вышеупомянутых средств приражения. Но мы любим их! мы не только предаем за них добродетель, но и их промениваем одно на другое, смотря по обстоятельствам: иногда подвергаем тело лишениям и подвигам с целию приобретения славы человеческой, а иногда подчиняем себя человеческому поношению, чтоб удовлетворить сластолюбию; иногда же, оставя всю заботу о них, устремляемся к снисканию тех видов миролюбия, которыми питаются и от которых усиливаются тщеславие и сластолюбие. Для них средством питания и усиления служит сребролюбие, *корень всем злым,* по определению Божественного Писания»[1].

«Непременно возразишь ты мне, душа, что мы и не собираем золота, и не имеем стяжания. На это скажу тебе, что ни золото, ни имущество не вредны сами по себе, — вредно злоупотребление ими, вредно употребление их по пристрастию. Некоторые, бывши богатыми без страсти к богатству, благоугодили Богу: таков был святой Авраам, таковы были праведные Иов и Давид. Напротив того, некоторые из нас и без имения вскормили в себе страсть любостяжания при посредстве ничтожных мелочей. Таким образом мы сделались хуже обладавших большим имуществом: оставив жительство, которое должно во всех отношениях состоять в лишениях и подвиге, злохитро допускаем себе в разных случаях наслаждения, как бы думая действовать тайно от Бога; убегая сребролюбия, мы не убегаем сластолюбия; не копим золота, а собираем маловажные вещи; отказываемся от начальнических санов и власти, а славу и похвалу уловляем всеми средствами; оставили имущество — не

[1] Тим. 6. 10.

оставили наслаждений, к доставлению которых имущество служит средством. Некоторые из нас оставляют и наслаждения, но в ложном разуме, не убегая вредных для душеспасения излишеств, но как бы гнушаясь добрых созданий Божиих и думая последовать словам Писания: *не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи*»[1].

«Душа! когда услышишь о преступлении Адама и Евы — понимай его так: в начале подверглись ему собственно они; ныне же подвергаемся ему в духе мы, я и ты. *Сия вся образи прилучахуся онем: писана же быша в научение наше, в нихже концы века достигоша*[2]. Рассмотри следующее! возродившись крещением и водворенные в раю Церкви, мы преступили заповедь Возродившего нас, — и каким образом? Господь повелел любить всех единоверных и, при посредстве терпения, вкушать плод, который они приносят нам, сказав: *от всякого древа, еже в раи, снедию снеси*[3] Но мы, последовав помыслам змея, возлюбили одних, как добрых, — возненавидели других, как злых. В этом и заключается вкушение от *древа познания добра и зла*[4]. Вкусив от него, мы умерщвляемся в духе не потому, чтоб смерть сотворена была Богом, но потому, что она является сама собою в человеке, возненавидевшем ближнего. *Бог смерти не сотвори, ни веселится о погибели живых*[5]; Он не приводится к действиям страстию гнева, не вымышляет способов к наказанию за согрешения, не изменяется соответственно достоинству каждого, но *вся премудростию сотворил*[6], предопределив, чтоб все было судимо по духовному закону. По этой причине Он не сказал Адаму и Еве: «*В тот день, в который вы вкусите запрещенного плода, Я умерщвлю вас*»; но, предостерегая и утверждая их, предъявил им закон правды, сказав: *в онь же аще день снесте, смертию умрете*[7]. Вообще Бог установил, чтоб каждому делу, и доброму и злому, последовало естественно надлежащее возмездие. Воздаяние не вымышляется при каждом случае, как думают некоторые, не знающие закона духовного. Ведая его отчасти, мы должны быть убеждены в том, что, возненавидев кого-либо из единоверных, как злого, и сами будем отвергнуты Богом, как злые, — не приняв покаяния от ближнего, как от грешника, будем и сами отвергнуты, как грешники, — не простив ближнему

[1] «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся» (Кол. 2. 21). ‖ [2] *Все это происходило с ними, как* **образы**; *а описано в наставление нам, достигшим последних веков* (1 Кор. 10. 11). ‖ [3] *...от всякого дерева в саду ты будешь есть* (Быт. 2. 16). ‖ [4] Быт. 2. 10. ‖ [5] *Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих* (Прем. 1. 13). ‖ [6] *Все соделал Ты премудро* (Пс. 103. 24). ‖ [7] *...в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2. 17).

согрешений, ниже сами получим прощение. Объявляя этот закон, законодатель Христос говорил: *не судите и не судят вам: не осуждайте, и не осудими будете: отпущайте, и отпустится вам*[1]. Закон этот ведал святой Павел и сказал, не присовокупив никакой оговорки: *судяй иного, себе осуждаеши*[2]. Закон этот ведал Пророк и возопил к Богу: *Ты воздаси комуждо по делом его*[3]. Другой Пророк возвещает от лица Божия: *Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь*[4]. Но зачем исчислять Писания, когда всем Божественным Писанием, и Ветхим и Новым, в особенности же великим Псалмопевцем, излагается этот закон со всею ясностию, чтоб мы, познав его духовное значение и таинственный устав, страшились во всяком случае отступления от него и старались любить братию не только по наружности, но и в сердце? Этот закон — не закон Моисеев, судивший одно видимое: этот закон духовен; им обличается и тайное. И Моисеев закон дан Богом на известное, определенное время; но он пополнен законом духовным, то есть благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал: *не приидох разорити закон, но исполнити*[5]. На этом основании подобает во всяком деле, сказав однажды должное, не продолжать далее прекословия, но прощать тому, кого признаем обидевшим нас, какою бы ни была обида, справедливою или несправедливою. Да ведаем, что возмездие за прощение обид больше возмездия за всякую другую добродетель. Так как мы не можем свободно поступать по предложенному направлению, чему служит причиною преобладание над нами греха, допущенное прежним образом жизни, то мы должны молить Бога, содействуя молитве бдениями и прочими подвигами и лишениями, чтоб получить от Бога милость и принять такую силу. О, возлюбленная душа! во всяком времени, месте и деле будем твердо держаться одной цели, чтоб нам, подвергаясь различным обидам от человеков, радоваться, а не скорбеть, — радоваться не просто, не бессмысленно: радоваться на том основании, что обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается *разум истины*. Он обильнее всякого иного ведения: из него можем умолять Бога, наверно зная, что будем услышаны; он плод веры и доказательство веры во Христа; посредством его можем взять крест свой и последовать Христу; он — родитель первых и великих заповедей; при посредстве его можем любить Бога от всего сердца и ближнего,

[1] Лк. 6. 37. ‖ [2] Рим. 2. 1. ‖ [3] *...Ты воздашь каждому по делам его* (Пс. 61. 13). ‖ [4] Втор. 32. 35. ‖ [5] *...не нарушить пришел Я, но исполнить* (Мф. 5. 17).

как самого себя; для снискания его мы должны возложить на себя пост, бдение и прочие подвиги и лишения, чтоб сердце и внутреннее расположение наше отверзлись, приняли его в себя и уже не извергали. Тогда за прощение ближнему согрешений его усмотрим в себе действие благодати, таинственно данной нам Святым Крещением: она будет действовать в нас уже не неприметно для нас, но со всею очевидностию, вполне ощутительно».

«Противодействуют этой добродетели две страсти: тщеславие и сластолюбие. От них должно сперва отречься в духе своем: тогда приобретается эта добродетель. Душа! произвольно предавши себя этим двум страстям, никого не обвиняй: ни Адама, ни сатану, ни человеков; но вступи в борьбу с волею твоею и не пренебреги этою борьбою. Она внутренняя и междоусобная. В ней боремся не с братиею нашею: боремся сами с собою. В ней Споборник у нас — один, Споборник непобедимый, от Которого ничто не может укрыться: Христос, таинственно насажденный в нас Крещением. Он укрепляет нас, если мы соблюдаем заповеди Его по силе нашей. Борются же против нас, как я уже сказал, расположение к наслаждению, которым заражено наше тело, и тщеславие, которое обладает и мною и тобою. Эти две страсти прельстили Еву и обольстили Адама: сластолюбием представлено древо *яко добро в снедь, и красно есть, еже разумети*[1]; тщеславием же произнесено: *будетеяко бози, ведяще доброе и лукавое*[2]. Первозданные Адам и Ева устыдились друг друга, увидев себя нагими; так и мы, утратив непорочность незлобия в духе, стыдимся друг друга в совести. Тогда сшиваем себе одежду из листьев смоковницы: облекаясь пустыми словами и образами лживого словооправдания. В противоположность мягкой одежде из листьев, Господь устраивает нам суровую одежду из кож, знаменующую жительство подвижническое, и говорит: *в терпении вашем стяжите души ваши*[3]. Он преподает наставление, соответственное данной одежде: *обретый душу свою* в злопомнении или в каком другом грехе, *погубит ю: а иже погубит душу свою,* не дозволяя ей ни злопомнения, никакого другого греха, *в живот вечный сохранит ю*»[4].

---

[1] *...что ... хорошо для пищи, ... приятно для глаз, потому что дает знание* (Быт. 3. 6). ‖ [2] *...будете, как боги, знающие добро и зло* (Быт. 3. 5). ‖ [3] Лк. 21. 18. ‖ [4] Мф. 10. 39. Слово 5. Совет ума душе.

Выписка из жития святого Андрея, Христа ради юродивого

Однажды святой Андрей ходил посреди народа на торговой площади, находящейся у башни, которую построил император, святой Константин Равноапостольный. Тут была и некоторая жена по имени Варвара. Она, по действию Духа Божия, пришла в исступление и увидела, что блаженный Андрей ходит посреди многолюдства подобно огненному блистающему столпу. Одни толкали его пинками, другие били; многие, смотря на него, говорили: «Этот человек не принадлежит себе; он сошел с ума! не желаем такого состояния и врагам нашим». За Андреем ходили бесы в образе черных эфиопов и говорили между собою: «Не дай Бог другого такого на земле: никто не изжег сердец наших так, как этот, притворившийся сумасшедшим по нежеланию служить господину своему; теперь он издевается над всем миром». Варвара видела, что эфиопы налагали знаки на тех, которые били Святого, и говорили друг другу: «По крайней мере служит нам утешением то, что его бьют без милости; бьющие угодника Божия, без всякой на то причины, будут осуждены за это в час кончины их, и нет им спасения». Блаженный, услышав это, устремился на них действием Духа Божия, как пламень, силою страшною рассыпал знаки, наложенные демонами, и грозно выговорил им: «Вы не имеете права налагать знаков на тех, которые бьют меня: потому что я молюсь моему Владыке, чтоб не вменены были в грех наносимые мне побои тем, которые наносят их. Они поступают так в неведении, и по причине их неведения получат прощение». Когда произнес это Святой, — отверзлось небо, как отверзаются врата, и вылетело оттуда к Преподобному множество ласточек прекрасных; посреди их был белоснежный голубь, державший в клюве златой масличный лист; он сказал Святому человеческим голосом: «Прими этот лист, посланный тебе Господом Вседержителем из рая в знамение благодати Божией, за то, что ты милостив и человеколюбив, как милостив и человеколюбив Сам Господь. Он прославит тебя, возвеличит милость Свою над тобою, потому что и ты прощаешь и милуешь биющих тебя, молясь об оставлении им этого греха». Сказав это, голубь сел на главе Святого. — Смотря на это, благочестивая жена удивлялась и, пришедши в себя по окончании видения, размышляла: «Сколько светильников имеет Бог на земле, и никто не знает их». Несколько раз покушалась Варвара пересказать другим виденное ею; но сила Божия возбраняла ей. После этого встретил ее в городе святой Андрей и сказал ей: «Варвара! храни тайну мою и никому не

поведай виденного тобою до того времени, как я *пройду в место селения дивна, даже до дому Божия*»[1]. Она отвечала ему: «Светильник и Угодник Божий! случалось, что я намеревалась поведать, но мне возбраняла невидимая сила Божия»[2].

Выписка из Лествицы святого Иоанна Лествичника

«Вера, соединенная с твердым убеждением, — мать отречения от мира; неуклонная надежда — дверь к беспристрастию; любовь к Богу — причина странничества; воздержание — мать здравия; воздержания мать — размышление о смерти и постоянное памятование желчи и уксуса, которые вкусил наш Владыка и Бог; целомудрия помощник и причина — безмолвие; разжжение плоти погашается постом; супостат лукавых и блудных помыслов — сокрушение сердца; прилежною молитвою уничтожается уныние, а от воспоминания о Суде рождается усердие к подвигам»[3].

«Любление бесчестий исцеляет от ярости и раздражительности; песнопение, милосердие и нестяжение уничтожают печаль»[4].

«Молчание и безмолвие противодействуют тщеславию; если же находишься посреди человеков, то пройди путем бесчестий»[5].

«Наружную гордость исцеляет наружное скорбное положение, образуемое скудостию и лишениями; невидимую — Невидимый»[6].

«Губитель чувственных змей — олень, мысленных — смирение»[7].

«Невозможно змею совлечь с себя старой чешуи иначе, как пролезши сквозь тесную скважину: и нам невозможно свергнуть с себя греховные навыки и впечатления, невозможно свергнуть ветхость души и одежду ветхого человека, если не пройдем по узкому пути поста и бесчестия»[8].

«Тучные птицы не могут летать высоко, и угождающий плоти своей не возлетит на небо»[9].

«Высохшее болото уже не приманивает к себе свиней, — и плоть, иссушенная подвигами, уже не упокоивает в себе бесов»[10].

«Облаками закрывается солнце, — лукавые помышления омрачают ум и служат для него причиною погибели»[11].

«Преступник, выслушавший приговор и идущий на казнь, не беседует о народных празднествах: так и плачущий истинно не будет угождать чреву»[12].

[1] *...я ходил в многолюдстве, вступал с ними в дом Божий* (Пс. 41. 5). ‖ [2] Житие святого Андрея, написанное иереем Никифором, также Четьи-Минеи октября во 2 день. ‖ [3] Краткое возоглавление, главы 1, 2, 3, 5, 6, 8. ‖ [4] Гл. 9. ‖ [5] Гл. 11. ‖ [6] Гл. 12. ‖ [7] Гл. 13. ‖ [8] Гл. 15. ‖ [9] Гл. 16. ‖ [10] Гл. 17. ‖ [11] Гл. 23. ‖ [12] Гл. 24.

«Магниту невольно повинуется железо: подобно этому греховные навыки и впечатления, обратившиеся в качество, уже насилуют заразившихся ими»[1].

«Вода, будучи сжата, подымается вверх: так часто случается и с душою. Она, будучи стеснена бедствиями, восходит к Богу и спасается»[2].

«Ветры возмущают бездну, — ярость, больше всех страстей, возмущает ум»[3].

«В те места, где сложено царское оружие, воры приходят с особенною осторожностию; так и мысленные воры употребляют особенную злохитрость, чтоб окрасть имеющего сердечную молитву»[4].

«Огонь не рождает снега, — и ищущий славы земной не получит небесной»[5].

«Невозможно убить зверей без оружия; невозможно стяжать безгневия без смирения»[6].

«Восходящие по гнилой лестнице по необходимости подвергнутся бедствию: подобно этому честь, слава, власть вредны для смиренномудрия»[7].

«Вода смывает буквы, и слеза очищает согрешения»[8].

«За неимением воды изглаждаются буквы и другими способами: так и души, не имеющие слез, изглаждают и выскабливают согрешения свои печалию, воздыханиями, великим сетованием»[9].

«Немощный по телу, подвергшийся тяжким согрешениям, да идет путем смирения и теми путями, которые ведут к смирению: другого средства к спасению он не найдет»[10].

«Нет причины для страждущего горячкою к самоубийству: так никому, ни в каком случае, даже до последнего издыхания, не должно отчаиваться»[11].

«Если б похоронивший отца своего, немедленно по возвращении с похорон, пошел на брак, то поступок его был бы бесчестным. Так и плачущим о грехах неприлично искать в этом веке чести, покоя и славы от человеков»[12].

«Того воина, которого лицо изъязвлено жестокими ранами на войне, царь не только не повелевает исключать из воинства, но и возбуждает значительными наградами к большей ревности; и Небесный Царь венчает инока, терпящего от бесов многие напасти»[13].

---

[1] Гл. 26. ‖ [2] Гл. 28. ‖ [3] Гл. 30. ‖ [4] Гл. 32. ‖ [5] Гл. 33. ‖ [6] Гл. 35. ‖ [7] Гл. 41. ‖ [8] Гл. 43. ‖ [9] Гл. 44. ‖ [10] Гл. 52. ‖ [11] Гл. 58. ‖ [12] Гл. 59. ‖ [13] Гл. 61.

«Увидев кого-либо из сподвижников наших пораженного телесным недугом, не позволим себе объяснять недуг его судом лукавым и злобным; напротив того, примем его с простотою и любовию нелюбопытною, как свой член, как воина, раненного на войне, — позаботимся о уврачевании его»[1].

«Иногда посылается болезнь для очищения от согрешений, иногда же чтоб смирить вознесшуюся мысль»[2].

«Благий и всеблагий Владыка и Господь наш, усмотрев, что некоторые ленивы к подвигу, обуздывает плоть их недугом, как таким подвигом, который отраднее других, — нередко, вместе с этим, очищает и душу от лукавых страстей и помыслов»[3].

«Немощные душою да познают благоволение Господа к ним из телесных болезней и из внешних напастей и искушений, а совершенные по наитию на них Святого Духа и по приложению новых дарований к дарованиям, прежде полученным»[4].

«Покаяние — впрочем, покаяние тщательное — плач, очищенный от всякой скверны, и преподобное смирение новоначальных столько различаются друг от друга, сколько различаются между собою мука, тесто и печеный хлеб. Душа истончевается и стирается истинным покаянием; соединяется она некоторым образом и, так сказать, смешивается с Богом водою плача неложного; от плача возжигается огнь Божественный: тогда хлеботворится и образуется смирение бесквасное и чуждое дмения»[5].

«Первое и изящное свойство этой благой и досточудной троицы духовного подвига состоит в радостнейшем подъятии уничижений: душа принимает и объемлет их распростертыми руками, как врачевства, которыми исцеляются недуги ее и очищаются грехи великие. Второе свойство, после изложенного, заключается в совершенном истреблении ярости и, по утолении ее, в правильном настроении души. Третья и превосходнейшая степень состоит в утвердившемся неверовании своему добру и в постоянном желании научаться»[6].

«В том, кто стяжал смирение, не проявляется ни ненависть, ни прекословие, не слышится из него вони непокорства»[7].

«Соединившийся теснейшим союзом с добродетелию смирения соделывается тихим, кротким, удобопреклонным к умилению, милосердым, спокойным, радостным, благопокорливым, беспечальным, бодрым, неленостным, — и что много говорить, — соделыва-

---

[1] Слово 26. О рассуждении. Гл. 53. ‖ [2] Гл. 54. ‖ [3] Гл. 55. ‖ [4] Гл. 102. ‖ [5] Слово 25. О смирении, глава 7. ‖ [6] Гл. 8. ‖ [7] Гл. 10.

ется бесстрастным. Соделывается таким, потому что *во смирении нашем помяну ны Господь, избавил ны есть от врагов наших*[1], от страстей и скверн наших»[2].

«Возлюбленный! ведай, что *удолия умножат пшеницу*[3] и духовный плод на почве своей. *Долиною* названа смиренная душа, чуждая возношения, пребывающая постоянно и непоколебимо, как бы среди гор, среди подвигов и добродетелей. Не постился я, — говорит святой Давид, — не бдел, не лежал на голой земле; но *смирихся и Господь спасе мя* вскоре»[4].

«Покаяние восставляет; плач ударяет в небеса; преподобное смирение отверзает врата небесные»[5].

«Иное — превозноситься, иное — не превозноситься, и иное — смиряться. Находясь в первом устроении, мы судим и осуждаем ближних в течение всего дня; находясь во втором — не судим и не осуждаем ни других, ни себя; в третьем, будучи оправданы Богом, осуждаем себя непрестанно»[6].

«Желая достигнуть самопознания, не престанем рассматривать и истязывать самих себя. Если от искренности сердца сознаем, что каждый ближний превосходнее нас, то близка к нам милость Божия»[7].

«Очень многие называют себя грешными, даже признают себя такими; но истинное понятие человека о себе, тайно живущее в сердце его, вынаруживается нечаянно нанесенным бесчестием»[8].

«Поспешающий в тихое, не страшащееся бурь пристанище смирения не престанет прибегать к всевозможным средствам, к словам, к помышлениям, к различным действиям, избирая соответствующий образ жительства, принося многие молитвы и моления, доколе содействием Божиим и смиреннейшим уничиженнейшим подвижничеством не освободит ладии — души своей — от бури, постоянно свирепствующей на море превозношения»[9].

«Некоторые удержали до конца жизни воспоминание о прежде-содеянных согрешениях, уже получив прощение в них, приводя себя этим воспоминанием к смиренномудрию и заушая им суетное превозношение[10]. Иные, устремляя постоянно взоры ума к страданиям Христовым, признали себя должниками, никогда не могущими выплатить долга. Иные уничижают себя, усматривая в себе ежедневные упущения и недостатки. Иные ниспровергли превозношение

---

[1] *Вспомнил нас в унижении нашем и избавил нас от врагов наших* (Пс. 135. 23, 24). ‖ [2] Гл. 11. ‖ [3] *...долины покрываются хлебом* (Пс. 64. 14). ‖ [4] Гл. 15; Пс. 114. 5. ‖ [5] Гл. 16. ‖ [6] Гл. 19. ‖ [7] Гл. 32. ‖ [8] Гл. 34. ‖ [9] Гл. 35. ‖ [10] Пс. 50. 5.

по причине попущенных им искушений, болезней и падений. Иные усвоили себе мать духовных дарований молением о том, чтоб бремя духовных дарований не было возложено на них. Имеются и такие, — имеются ли они ныне, не знаю, — которые нисходят в смирение при посредстве самых Божественных дарований, признавая себя недостойными этого богатства и смотря на умножение его, как на умножение своего долга»[1].

«Если увидишь кого или услышишь о ком, что он в немногие годы достиг высшего бесстрастия, то знай, что он шествовал блаженным и кратким путем смирения, не каким иным»[2].

«*Не нам, Господи, не нам,* — говорит некто от искренности сердца, — *но имени Твоему даждь славу*[3]. Говоривший это знал, что падшее естество человеческое не может принимать похвал безвредно для себя. *От Тебе похвала моя в Церкви велицей*[4], в будущем веке: прежде этого времени я не могу переносить ее безбедственно»[5].

«Свойственно лимонному дереву, когда оно страждет бесплодием, высоко выгонять свои ветви кверху. Когда же ветви будут наклонены вниз соразмерною тяжестию, тогда дерево из бесплодного делается плодоносным»[6].

«Устрашаются птицы, лишь завидят ястреба, — и делатели смирения устрашаются, услышав даже один голос прекословия»[7].

«Кротость есть неколеблющееся устроение духа, пребывающее одинаковым и при похвалах, и при поношениях»[8].

«Кротость состоит в том, чтоб при оскорблениях от ближнего не чувствовать оскорбления и чисто молиться о нем»[9].

«Кротость — утес, возвышающийся над морем ярости и разбивающий все волны, которые ударяют о него»[10].

«Кротость есть твердыня, в которой жительствует терпение, дверь к любви, правильнее же, матерь ее, начальная причина духовного рассуждения. *Научит* Господь *кроткия путем Своим*[11]. Она доставляет отпущение грехов и дерзновение в молитве. Она — вместилище Святого Духа. *На кого воззрю,* — говорит Господь, — *токмо на кроткаго и молчаливаго*»[12].

«В сердцах кротких почиет Господь; душа возмущенная — обитель диавола»[13].

«*Кротции наследят землю*[14]: они возобладают землею, сердцем; но предающиеся гневу уведутся в плен с земли их»[15].

---

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 36. ‖ [2] Гл. 36. ‖ [3] Пс. 113. 9. ‖ [4] Пс. 21. 26. ‖ [5] Гл. 36. ‖ [6] Гл. 48. ‖ [7] Гл. 51. ‖ [8] Гл. 2. Слово 24. О кротости. ‖ [9] Гл. 3. ‖ [10] Гл. 4. ‖ [11] Пс. 24. 9. ‖ [12] Гл. 5; Ис. 66. 2. ‖ [13] Гл. 7. ‖ [14] *...кроткие ... наследуют землю* (Мф. 5. 5). ‖ [15] Гл. 8.

«Кроткая душа — престол простоты; ум гневливый — делатель лукавства»[1].

«Душа правая — наперсница смирения; душа лукавая — служительница гордости»[2].

«Души кротких исполнятся познания истины; ум гневливый пребывает во тьме и неразумии»[3].

«Простота есть усвоившееся душе качество, чуждое сложности, не способное к помышлениям злым о ближнем»[4].

«Лукавство есть обширное знание, правильнее же, извращение знания по подобию знания бесов, утратившее истину и покушающееся утаиться от людей»[5].

«Лицемерство есть противоположное настроение души с телом, переплетенное всевозможными вымыслами»[6].

«Незлобие есть тихое настроение души, свободное от всякого умысла»[7].

«Правота состоит в настроении ума, нелюбопытном и неподозрительном, в искренности обращения с ближними, в слове непритворном, не обдумываемом благовременно»[8].

«Лукавство есть превращение правоты, обольщение ума ложными понятиями, доставляющими ему ложное воззрение на управление мира Богом, допущение себе клятв, повинных муке, хитросплетение слов, глубина сердца, бездна лести, ложь, обратившаяся в душевное качество, превозношение, соделавшееся естественным свойством, противодействие смирению, лицемерство, облекающееся в личину покаяния, устраняющее от себя плач, враждебное исповеди грехов своих, составившее о вере свое разумение и упорно держащееся его, причина падений, препятствие к восстанию покаянием, коварная улыбка при обличениях, притворное благоговение, житие бесовское»[9].

«Бог как называется любовию, так называется и правотою. Премудрый говорит чистому сердцем в Песни Песней: *правость возлюби тя*[10]. Отец же Премудрого сказал: *благ и прав Господь*[11], — и признает спасающимися тех, которые соименны Богу, *спасающему правыя сердцем*[12]. И опять: правоты душ *виде* и посетило *лице Его*»[13].

«Все хотящие привлечь к себе Господа! приступим к Нему в простоте, не притворно, не двоедушно, не лукаво, приступим, как при-

---

[1] Гл. 9. ‖ [2] Гл. 11. ‖ [3] Гл. 12. ‖ [4] Гл. 14. ‖ [5] Гл. 15. ‖ [6] Гл. 16. ‖ [7] Гл. 17. ‖ [8] Гл. 18. ‖ [9] Гл. 20. ‖ [10] *...достойно любят тебя* (Песн. 1. 3). ‖ [11] *Благ и праведен Господь* (Пс. 24. 8). ‖ [12] *...спасающем правых сердцем* (Пс. 7. 11). ‖ [13] *...лицо Его видит праведника* (Пс. 10. 7); Гл. 23.

ступают ученики-дети к учителю в училище. Будучи прост и несложен, Он благоволит, чтоб приступающие к Нему души приступали в простоте и незлобии. Простота всегда соединена со смирением»[1].

«Порабощенный тщеславию по необходимости идолослужитель: считая себя служителем Бога, он стремится угождать не Богу, а человекам»[2].

«Льстец есть служитель бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, наветник пути ко спасению. *Людие мои,* — говорит Господь чрез Пророка, — *блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают»*[3].

«Свойственно достигшим высокого преуспеяния претерпевать огорчения мужественно и с радостию; выслушивать похвалу безвредно для себя свойственно одним святым и преподобным»[4].

«*Никтоже весть, яже в человеце, точию дух человека*[5]: да постыдятся же и заградят уста свои покушающиеся хвалить нас в лицо»[6].

«Если услышишь, что ближний и друг твой сказал худо о тебе в отсутствии или и в присутствии твоем, то покажи любовь к нему, похвалив его»[7].

«Велико отразить от души похвалу человеческую, больше — похвалу бесовскую»[8].

«Доказывает свое смиренномудрие не тот, кто говорит о себе худо, но тот, кто не прекращает любви к ближнему, говорившему о нем худо: — кто не стерпит поношения от самого себя?»[9]

«Не прими тщеславного помысла, когда он будет предлагать тебе саны епископа или игумена, или учителя: потому что трудно отогнать пса от стола, на котором продается мясо»[10].

«Тщеславие приводит человека к гордости, когда его предпочитают другим, и к памятозлобию, когда его презирают»[11].

«Тщеславие нередко было для тщеславных причиною бесчестия вместо чести, которой они искали, дав им повод к гневу и выставив их в безобразии пред человеками»[12].

«Если будем стремиться к Богоугождению, то непременно вкусим и Божественную славу. Вкусивший Божественную славу непременно будет презирать славу земную. Сомневаюсь, чтоб кто-либо презрел вторую, не вкусив первой»[13].

---

[1] Гл. 25. || [2] Гл. 6, Слово 22. О тщеславии. || [3] Гл. 11. *Народ мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили* (Ис. 3. 12). || [4] Гл. 12. || [5] *Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого* (1 Кор. 2. 11). || [6] Гл. 14. || [7] Гл. 15. || [8] Гл. 16. || [9] Гл. 17. || [10] Гл. 19. || [11] Гл. 23. || [12] Гл. 24. || [13] Гл. 29.

«Не повинуйся суетному тщеславию, получающему объявлять добродетели твои для пользы слышащих: *кая польза человеку,* если он принесет пользу всему миру, *душу же свою отщетит*[1]. Ничто не может принести такой пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав, смиренное и непритворное слово»[2].

«Есть слава, происходящая от Господа, Который говорит: *прославляющия Мя прославлю*[3]. И есть слава, устрояемая злохитростию диавольскою; о ней сказано: *горе, егда добре рекут вам вси человецы*[4]. Познаешь ясно первого рода славу, когда, признавая славу вредною для себя, будешь устранять ее всеми средствами, когда постоянно и везде будешь скрывать подвижничество и добродетели твои. Познаешь в себе стремление ко второй славе, когда сделаешь что-либо, и самомалейшее, *да видим будешь человеки*»[5].

«Скверное тщеславие подучает нас принимать на себя личину добродетели, которой не имеем, опираясь, для обмана нашего, на слова Господа: *тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела*»[6].

«Господь нередко отвлекает от тщеславия тщеславных, попуская им бесчестие»[7].

«*Возносяй себе* непременно *смирится* и здесь, в земной жизни, прежде будущего века»[8].

«Когда льстецы, правильнее же — обольстители, начнут хвалить нас, тогда поспешим привести себе на память множество беззаконий наших и найдем себя недостойными произносимых нам похвал или воздаваемых нам почестей»[9].

«Червь, достигши надлежащего возраста, получает крылья, возлетает на высоту, — и тщеславие, достигши исполнения своего, преобразуется в гордость. Гордость — и начало, и совершенство всех зол»[10].

«Окончательное преуспеяние в тщеславии — начало гордости; средина гордости — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание и вынаружение своих подвигов, хваление самого себя в сердце, ненависть к обличениям; конец гордости — отвержение Божией помощи, высокомерное упование на собственные умыслы и действия, нрав демонский»[11].

«Кого постигло грехопадение, в том прежде вселилась гордость: предтеча первого — второе»[12].

---

[1] *Какая польза человеку, ...а душе своей повредит?* (Мф. 16. 26). ‖ [2] Гл. 34. ‖ [3] *Я прославлю прославляющих Меня* (1 Цар. 2. 30). ‖ [4] *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6. 26). ‖ [5] *...чтобы видели их люди* (Мф. 23. 5); Гл. 36. ‖ [6] Мф. 5. 16; Гл. 37. ‖ [7] Гл. 38. ‖ [8] Гл. 41. ‖ [9] Гл. 42. ‖ [10] Гл. 45. ‖ [11] Слово 23. О гордости. Гл. 2. ‖ [12] Гл. 4.

«Высокомудрый монах прекословит сильно; смиренномудрому прекословие неизвестно»[1].

«Муж высокосердый желает начальствовать: иначе он и не может погубить себя, правильнее же, не хочет»[2].

«*Бог гордым противится*[3]: кто ж помилует их? *Нечист пред Господом всяк высокосердый*[4]: кто же очистит его?»[5].

«Отвергающий обличение обнаруживает этим присутствие в себе гордости; ищущий обличения разрешился от уз гордости»[6].

«Гордость — погубление богатства и понесенных подвигов: *Воззваша, и не бе спасаяй,* конечно потому, что взывали с гордостию; *воззваша ко Господу, и не услыша их*[7], потому, без всякого сомнения, что не хотели расстаться с начальными причинами того, против чего молились»[8].

«Не предайся беспечности и не возуповай на непоколебимость своего состояния, доколе не последует о тебе окончательное изречение Судии после исхода души из тела. Имей в виду того, который уже возлег в чертоге, но изгнан из него во тьму кромешную с связанными руками и ногами»[9].

«О ты, сотворенный из персти земной! не возвышай главы, потому что многие святые и невещественные свергнуты были и с неба»[10].

«Когда демон гордости оснует себе обитель в людях, порабощенных гордости, тогда начинает являться им во сне или даже наяву, принимая вид святого Ангела или кого-либо из мучеников и как бы преподавая откровения и духовные дары. Делается это с тою целию, чтоб несчастные прельстились и подвергнулись решительному умоповреждению (сумасшествию)»[11].

«От забвения грехов образуется гордость; памятование грехов — причина смирения»[12].

«В сердцах гордых прозябнут глаголы хулы, а в душах смиренных — небесные видения»[13].

«Большинство гордых, не познав себя, возмнили о себе, что они достигли бесстрастия; но при исходе из этой жизни они увидели свое убожество»[14].

«Вода, мало-помалу возливаемая на огонь, совершенно угашает его: так и слеза истинного плача потушает пламень ярости и вспыльчивости»[15].

[1] Гл. 6. ‖ [2] Гл. 8. ‖ [3] Иак. 4. 6. ‖ [4] *Высокосердый — надменный сердцем* (Притч. 16. 5). ‖ [5] Гл. 9. ‖ [6] Гл. 11. ‖ [7] *Они вопиют, но нет спасающего; ко Господу — но Он не внемлет им* (Пс. 17. 42). ‖ [8] Гл. 13. ‖ [9] Гл. 17. ‖ [10] Гл. 18. ‖ [11] Гл. 19. ‖ [12] Гл. 28. ‖ [13] Гл. 34. ‖ [14] Гл. 36. ‖ [15] Слово 8. О безгневии и кротости. Гл. 1.

«Безгневие есть ненасыщаемое желание бесчестия; оно встречается и в тщеславных людях от непомерного желания похвал человеческих. Безгневие есть победа над естеством, потеря ощущения оскорблений, приобретенная подвигами и потами»[1].

«Кротость есть непоколеблющееся устроение души, пребывающее одинаковым и при поношениях, и при похвалах»[2].

«Начало безгневия — молчание уст при смущении сердца; средина — молчание помыслов при тонком смущении души; конец же — тишина при веянии нечистых ветров, насажденная и утвержденная в душе благочестивым навыком и Божественною благодатию»[3].

«Гнев есть проявление сокровенной ненависти или памятозлобия. Гнев — желание отомстить оскорбившему. Вспыльчивость есть безвременное воспаление сердца. Огорчение есть состояние, противоположное приятному расположению духа, вступившее в душу и пребывающее в ней. Ярость есть изменившееся настроение нрава и безобразие души»[4].

«При появлении света исчезает тьма: когда разольется в душе благоухание смирения, — истребляются из нее и огорчение и ярость (раздражительность)»[5].

«Некоторые, удобопреклонные к раздражительности, нерадят об укрощении и врачевании этой страсти, не обратив внимания на слова Писания: *устремление ярости его — падение ему*»[6].

«Движение жернова бывает столько быстрым, что в одно мгновение стирает и истребляет пшеницы и прочего зерна душевного более, нежели в иной целый день: по этой причине мы должны постоянно пребывать в благоразумном внимании себе. Случается, что только что вспыхнувший пламень, раздуваемый сильным ветром, попаляет и опустошает душевную ниву скорее, нежели огонь, давно, но медленно действующий»[7].

«О други! не должно быть тайно от нас и то, что лукавые демоны скрывают себя и прячутся на время, чтоб мы, вознерадев о великих страстях, как бы о малозначащих, соделали свою болезнь уже неисцелимою»[8].

«Угловатый и жесткий камень, сталкиваясь с другими камнями и ударяясь о них, стирает угловатость по всему объему своему, несмотря на естественную жесткость и твердость, и получает вид округлый. Подобно этому и человек свирепый и жестокий, жительствуя и обращаясь с людьми такого же нрава, приобретает одно из

[1] Гл. 2. ‖ [2] Гл. 3. ‖ [3] Гл. 4. ‖ [4] Гл. 5. ‖ [5] Гл. 6. ‖ [6] Гл. 7. ‖ [7] Гл. 8. ‖ [8] Гл. 9.

двух: или исцеляет язву свою терпением, или, удалившись из такого общества, непременно познает свою немощь, которую показало ему, как бы в зеркале, его бегство»[1].

«Склонный по временам к раздражительности, если будет позволять себе произвольное увлечение яростию, то будет побеждаться и сокрушаться ею впоследствии и невольно, от предшествовавшего произвольного повиновения ей»[2].

«Ничто так не противосвойственно кающимся, как ярость, возмущающая душу, потому что покаяние требует великого смирения, а ярость — признак величайшей гордости»[3].

«Если высшая степень кротости заключается в том, чтоб сохранять тишину сердца и залог любви и в присутствии раздражающего нас, то высшая степень ярости познается из того, когда мы свирепствуем и гневаемся на огорчившего нас в отсутствии его»[4].

«Если мир души служит признаком пришествия в нее Святого Духа, а гнев есть возмущение сердца, то ничто не заграждает так вход в наши души Святому Духу, как ярость»[5].

«Борьба с гневом требует особенного прилежания, потому что страсти гнева содействует естество, подобно тому, как оно содействует страсти плотского вожделения»[6].

«Подверженный страсти гнева часто возмущает все стадо, как волк: неистовством своим он приводит многие души в расстройство и недоумение»[7].

«Великий вред — возмущать око сердца яростию, как о том свидетельствует Псалмопевец: *смятеся от ярости око мое*[8], говорит он. Вред больший — выразить словами душевное волнение. Если же дело дойдет до рук, то это уже вполне чуждо монашескому ангельскому и божественному жительству, враждебно ему»[9].

«Намереваясь или предполагая изъять сучец ближнего, не употреби для этого, вместо врачебных орудий, бревна. Бревно — жесткие слова и грубое обращение, а врачебные орудия — кроткое наставление и выговор, соединенный с долготерпением»[10].

«Начало блаженного незлобия заключается в том, чтоб претерпевать бесчестия с горестию и болезнию души; средина — в том, чтоб пребывать в них без печали; совершенство, если только оно есть, — в том, чтоб поношения вменять в благохваления»[11].

«Преставший от гнева убил и памятозлобие: доколе жив отец, не прекращается чадородие»[12].

---

[1] Гл. 10. || [2] Гл. 11. || [3] Гл. 12. || [4] Гл. 13. || [5] Гл. 14. || [6] Гл. 15. || [7] Гл. 18. || [8] *Иссохло от печали око мое* (Пс. 6. 8). || [9] Гл. 19. || [10] Гл. 20. || [11] Гл. 23. || [12] Слово 9. О памятозлобии, Гл. 6.

«Стяжавший любовь устранился от вражды; пребывающий во вражде сам собирает для себя труды и скорби суетные»[1].

«Трапеза любви разрушает ненависть, а дары чистые смягчают душу. Но трапеза невнимательная — мать дерзости, и чрез окно любви вскакивает чревообъядение»[2].

«Злопамятствуй и злопамятствуй на бесов; враждуй, враждуй постоянно на твое тело. Плоть — неблагодарный и льстивый друг: будучи угождаема, тем более вредит»[3].

«Познаешь, что избавился от памятозлобия — этой внутренней гнилости — не тогда, когда помолишься об оскорбившем; не тогда, когда воздашь ему за зло дарами; ниже тогда, когда пригласишь его к твоей трапезе: познаешь тогда, когда, услышав о его телесном или душевном злоключении, пожалеешь и прослезишься о нем, как бы о себе»[4].

«Воспоминание страданий, понесенных Иисусом, исцелит от памятозлобия, посрамив его незлобием Иисуса»[5].

«Внутри гнилого дерева зарождаются черви, — и гнев прививается к кротким и молчаливым не в истинном разуме. Тот, кто извергает из себя гнев, получит отпущение: тот, кто питает в себе гнев, лишится милости»[6].

«Чтоб получить прощение в грехах, некоторые возложили на себя труды и подвиги; но прежде их достиг этого муж непамятозлобный по обетованию Господа: *отпустите* немногое, *и отпустится вам* безмерно многое»[7].

«Знамение истинного покаяния заключается в отвержении памятозлобия, а кто не перестает памятозлобствовать и вместе мнит о себе, что приносит покаяние, тот подобен спящему и видящему себя во сне быстро бегущим»[8].

«Никто да не признает страсть памятозлобия маловажною: нередко вкрадывается она и в духовных мужей»[9].

«Уязвляемые обличениями будем воспоминать грехи наши, доколе Господь не призрит на насилие насилующих себя ради Его, не изгладит грехов наших и болезнь, грызущую нас в сердце нашем, не претворит в радость. *По множеству болезней моих в сердце моем,* соразмерно им, *утешения Твоя возвеселиша душу мою*[10] в свое время: так говорил Псалмопевец. Не забудем и следующего, сказанного им Господу: *елики явил ми еси скорби многи и злы; и обращься*

---

[1] Гл. 5. ‖ [2] Гл. 6. ‖ [3] Гл. 9. ‖ [4] Гл. 12. ‖ [5] Гл. 14. ‖ [6] Гл. 14. ‖ [7] Гл. 15; Лк. 6. 37. ‖ [8] Гл. 16. ‖ [9] Гл. 18. ‖ [10] *При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою* (Пс. 93. 19).

оживотворил мя еси, и от бездн земли, по падении моем, снова *возвел мя еси*»[1].

«Блажен тот, кто, укоряемый и уничижаемый ежедневно, понудил себя к терпению ради Бога: он примет участие в вечном празднике мучеников и вступит дерзновенно в общение с Ангелами»[2].

«Блажен монах, признавший себя достойным всякого бесчестия и уничижения»[3].

«Блажен монах, окончательно умертвивший свою волю: он встанет одесную Распятого»[4].

«Отвергший справедливое или несправедливое обличение отвергся от своего спасения»[5].

«Видел я в той обители[6] послушников о Господе, которые в разуме по Богу сами себя поносили и подвергали всевозможным уничижениям с тою целию, чтоб этим приготовить себя к оскорблениям, приносимым извне, и уже встречать их благодушно»[7].

«Сын мой! если с самого поступления твоего в монастырь предашь себя терпению бесчестий, то не нужен будет тебе многолетний труд для приобретения блаженного покоя в душе твоей»[8].

«Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, покушающегося напоить тебя чистительным врачевством, изгоняющим из сердца сладострастие. Если будешь руководствоваться этим правилом, то глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоем»[9].

«Небольшим огнем смягчается воск, — и часто случившееся ничтожное бесчестие внезапно смягчило, усладило сердце, истребило из него свирепость, нечувствие и ожесточение»[10].

«Усердные к монашескому подвижничеству и преуспевающие в нем должны особенно внимать себе и остерегаться от осуждения живущих нерадиво, чтоб не подвергнуться большему осуждению, нежели какому должны подвергнуться нерадивые. И Лот, полагаю, привлек к себе милость Божию тем, что, живя посреди людей развратных, никогда не осуждал их»[11].

«Оскорбления, уничижение и прочее подобно этому производят в душе послушника действие, подобное действию полыни, а похвалы, почести и одобрения, как мед, производят в сладострает-

---

[1] Слово 4. О послушании, Гл. 43. *Ты посылаешь на меня многие и лютые беды, но и опять оживлял меня и из бездн земли опять выводил меня* (Пс. 70. 20). ‖ [2] Гл. 44. ‖ [3] Гл. 44. ‖ [4] Гл. 44. ‖ [5] Гл. 44. ‖ [6] Общежитие близ Александрии, руководимое духовным наставником. Святой Иоанн Лествичник провел в этом общежитии значительное время и много говорит о нем в 4 и 5 Словах Лествицы, также в Слове к пастырю. ‖ [7] Гл. 52. ‖ [8] Гл. 65. ‖ [9] Гл. 85. ‖ [10] Гл. 88. ‖ [11] Гл. 100.

ных великую радость. Рассмотрим свойство каждого из этих действий: первое очищает все нечистоты в желудке, а второе умножает в нем желчь»[1].

«Не руководствующийся истинным разумом, подвергаясь поношениям или обличениям, огорчается или спешит скорее поклониться делающему выговор, не по причине смирения, но желая скорее прекратить выговор. Когда поражают тебя выговором, молчи и принимай прижигания, правильнее, средства, доставляющие светлую чистоту; когда же духовный врач перестанет обличать тебя, тогда уже проси прощения у него»[2].

Святой духоносный настоятель Александрийского общежития, описанного святым Иоанном Лествичником, подвергал унизительным наказаниям подчиненных ему иноков, даже весьма преуспевших, и старцев, — этим охранял их от превозношения и доставлял им возможность достигать глубочайшего смирения. «Праведный Господь, — повествует Лествичник, — послал для обители той эконома, заведывавшего имуществом ее, соответственно духовному, Богоданному достоинству пастыря и наставника словесных овец. Эконом был муж необыкновенного целомудрия, редкой кротости. Такого инока повелел однажды Великий выгнать из церкви безвременно и без всякой причины, представясь разгневанным на него. Зная, что эконом невинен в том, в чем обвинял его пастырь, я, будучи наедине с Великим, оправдывал пред ним эконома. Руководимый духовною мудростию пастырь отвечал мне: «Отец! и я знаю, что он невинен; но отнять хлеб из рук голодного дитяти было бы делом неправедным и немилостивым! Подобное этому дело совершает и пастырь, вредя и себе и подвижнику, если не доставляет ему случаев к получению венцов, которые подвижник может заслужить по усмотрению пастыря чрез перенесение оскорблений, бесчестий, уничижений, поруганий. От этого происходит троякий, великой важности ущерб. Во-первых: сам настоятель лишается мздовоздаяния за обличение и наказание благонамеренные. Во-вторых: настоятель, имея возможность доставить пользу братии добродетелию собрата их, этого не сделал. Третий и тягчайший ущерб заключается в том, что часто и те самые, которые представляются переносящими скорбь и терпеливыми, будучи оставлены на время без внимания, как усовершившиеся в добродетели, не обличаемые и не поношаемые настоятелем, утрачивают приобретенную кротость и терпение. Земля эта доброкачественна, плодоносна и тучна, но

---

[1] Гл. 103. || [2] Гл. 116.

оскудение воды бесчестия соделывает ее способною к произращению плевелов: прозябает на ней терние кичения и блуда. Зная это, великий Апостол писал в Послании к Тимофею: *настой, обличи, запрети* им *благовременне и безвременне*»[1]. — В опровержение этих слов я представил пастырю слабость современного поколения и то, что многие могут отторгнуться от паствы его по причине напрасного или не напрасного, строгого взыскания; на это этот, исполненный духовной мудрости муж сказал: «Душа, привязавшаяся ради Христа верою и любовию к пастырю, не отступает от него, хотя бы и пришлось пролить кровь по причине этой привязанности. Такое расположение появляется в душе особенно тогда, если она была когда-либо облагодетельствована пастырем и получила при посредстве его исцеление от язв греховных. Она помнит слова Апостола: *ни ангели, ни начала, ниже силы*[2], *ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве*[3] Христовы. Если же душа таким образом не привязалась, не прилепилась, не стяжала такого основного, твердого залога, то удивляюсь, если она пребывает в этом монастыре не напрасно, находясь к пастырю и пастве в отношении притворном и самообольстительном». — Точно! не обманулся Великий: он собрал, наставил, совершил и принес Христу многие непорочные жертвы»[4].

Необходимо заметить здесь, что поведение мужа бесстрастного, исполненного Божественной благодати, никак не может служить точным образцом подражания для настоятелей и наставников, которых преуспеяние очень умеренно, которые еще борются со страстями. Но кроткое обличение подчиненных братий, благоразумное, основанное на слове Божием указание им недостатков их, воздержание от зловредного и лукавого человекоугодничества и ласкательства в обращении с подчиненными, при искренней любви к ним, должны принести несомненную, существенную пользу и братству, и самому настоятелю. Главная цель делаемых здесь выписок заключается в том, чтоб показать и объяснить великое Божие таинство, драгоценное духовное богатство, которое сокрыто и преподается Промыслом Божиим в различных скорбях и уничижениях, попускаемых служителю Божию во время его земного странствования.

---

[1] *...настой... обличай, запрещай, ... во время и не во время* (2 Тим. 4. 2). ‖ [2] Здесь под именем ангелов, начал и сил разумеются духи падшей ангельской иерархии: они именно заботятся об отлучении человека от любви Божией. ‖ [3] *...ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ...ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви* (Рим. 8. 38, 39). ‖ [4] Главы 27 и 28.

«Однажды, — продолжает повествовать святой Иоанн Лествичник, — когда я сидел за трапезою близ великого этого настоятеля, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: «Хочешь ли, чтоб я показал тебе действие Божественного разума в муже глубокой старости?» Я просил его об этом. Преподобный вызвал сидевшего за вторым столом инока Лаврентия, который провел в той обители около сорока восьми лет и был вторым соборным иеромонахом. Он подошел к игумену и, поклонившись ему до земли, принял от него благословение. Но когда Лаврентий встал от поклонения, — игумен не сказал ему ничего, а оставил стоять пред трапезою. Обед только что начинался, и Лаврентий не успел еще нисколько вкусить пищи. Так стоял он с час или более. Мне сделалось даже стыдно взглянуть на этого подвижника, который был весь сед и вступил уже в восьмидесятый год своей жизни. Он простоял таким образом до окончания обеда. Когда мы встали из-за стола, Преподобный сделал ему некоторое поручение. — Я не упустил выведать у Лаврентия, что помышлял он, стоя пред трапезою. Он отвечал: “Облекши пастыря во образ Христа, я признал, что нахожусь в повиновении у Бога, а не у человека. И потому, отец Иоанн, я стоял не пред трапезою человеческою, а пред жертвенником Божиим и молился Богу. Никакого лукавого помышления не составилось во мне против пастыря по причине моей веры и любви к нему, как некто сказал: *любы не мыслит зла*[1]. Знай, отец, и то, что демон не овладевает ни на час тем, кто предаст себя произвольно простоте и незлобию”»[2].

«Македоний, перводиакон обители, муж, прилежно работавший Господу, однажды за два дня до святого Богоявления попросил у пастыря позволения сходить в Александрию по некоторой своей надобности, обещая, впрочем, скоро возвратиться из города, чтоб принять участие в совершении празднества. Ненавистник добра, диавол, устроил препятствие перводиакону, и Македоний не поспел в обитель на святой праздник по приказанию, полученному от настоятеля при отпуске своем. Он пришел чрез день после праздника. Пастырь отлучил его от священнослужения и назначил проходить низшие послушания с новоначальными. Перводиакон, этот ревностный служитель терпения и долготерпения, принял определение отца с таким благодушием, как бы подвергался наказанию кто другой, а не он. Македоний провел сорок дней в таком уничижении; по истечении этого срока премудрый пастырь возвратил к

[1] *Любовь ... не мыслит зла* (1 Кор. 13. 4, 5). ‖ [2] Главы 25 и 26.

служению диакона. Пробыв один день в этом служении, перводиакон начал умолять пастыря, чтоб снова дозволено ему было пребывать в уничижении и в занятиях новоначальных послушников. «Я, — говорил он, — сделал в городе непростительный грех». Преподобный, поняв, что перводиакон выражается приточно и ищет этого для того, чтоб усовершиться в смирении, исполнил его благое желание. Представилось удивительное зрелище! старец, украшенный почтенными сединами, пребывал в числе новоначальных и искренно просил всех молиться за него. «Я, — говорил он, — впал в блуд преслушания. Но мне, грешному, великий этот Македоний открыл причину, по которой он произвольно устремился к такому смиренному положению». «Никогда, — сказал он, — я не чувствовал такого облегчения от внутренней борьбы и не видел в себе сладостного Божественного света, как ныне». «Несвойственно, — прибавил он, — и даже, как утверждают некоторые, невозможно падать Ангелам; человекам свойственно падать и скорее восставать, сколько бы раз ни случилось пасть; принадлежность одних бесов — пребывание в падении по падении»[1].

«Находясь в той обители, я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных, их постоянству в этих добродетелях, с которым они неутомимо переносили выговоры и укоризны и другие поношения от настоятеля, и не только от настоятеля, но и от самой меньшей братии. С целию душеназидания моего спросил я одного из братий, жившего уже пятнадцать лет в той обители, по имени Аввакира, которого почти все обижали, а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы — этот брат был от природы несколько невоздержан на язык: «Брат Аввакир! за что выгоняют тебя каждый день из трапезы и ты ложишься спать без ужина?» Он отвечал: «Поверь, отец, что эти отцы мои искушают меня, намерен ли я в точности быть монахом. Но как они делают это, лишь искушая меня, то и я, зная образ мыслей Великого и их, переношу все терпеливо, без смущения. Пятнадцать лет поддерживаю себя таким размышлением; да и они говорили мне, при вступлении моем в монастырь, что они искушают отрекшихся от мира до тридцати лет. Справедливо поступают они, отец Иоанн! золото, не побывши в огне, не может получить чистоты». — Этот мужественный Аввакир пробыл в монастыре, по пришествии моем туда, еще два года и преселился ко Господу. Умирая, он сказал отцам: «Благодарю, благодарю Господа и вас! За то, что вы искушали меня во спасение мое, я провел вот

[1] Гл. 31.

семнадцать лет, не пострадав ничего от искушений бесовских». Исполненный духовного разума пастырь повелел положить его с почивающими там святыми, как достойного, как исповедника»[1].

«Господь, не хотя меня лишить молитвы одного из преподобных Отцов, за неделю до исшествия моего из того святого места, взял к себе мужа чудного, второе лицо по управлению монастырем после пастыря, по имени Мину. Он провел пятьдесять лет в общежитии и прошел все послушания. В третий день, когда мы совершали обычное молитвенное последование о усопшем, внезапно наполнилось благоуханием все место, где лежало тело Преподобного. Великий Отец повелел нам открыть гробницу его, и, когда это было исполнено, все мы увидели, что из честных стоп его истекает благовонное миро двумя источниками. При этом учитель сказал собору иноков: «Вот! труды и подвиги его, которых образом служат ноги, принесли Богу миро». Отцы того места, поведуя о многих добрых делах Мины, рассказывали и следующее: однажды настоятель захотел искусить богодарованное ему терпение, и, когда вечером Мина, пришедши по обычаю в келлию игумена, чтоб получить от него приказание на следующий день, просил об этом и положил пред игуменом земной поклон, — игумен оставил его простертым на земле даже до времени правила. Тогда уже восставил пастырь Мину от земного поклонения, благословив и укорив его, как любящего выказываться и нетерпеливого. Так поступил Преподобный в назидание всех, зная, что Мина перенесет мужественно сделанное ему бесчестие»[2].

Выписка из творений преподобного аввы Дорофея

«Справедливо сказал авва Пимен, что отличительный признак монаха обнаруживается в искушениях. Монах, приступающий истинно работать Господу, должен, по завещанию Премудрого, *уготовати душу свою во искушение*[3], чтоб ему никогда не придти в недоумение или смущение по причине какого бы то ни было встретившегося с ним приключения. Он должен веровать, что не случается ничего без Промысла Божия. Где действует Промысл Божий, оттуда истекает всевозможное добро, всевозможная польза для души, потому что все, что ни делает с нами Бог, делает ко благу нашему, делает любя и милуя нас, — и мы должны *о всем благодарить*[4] благость Его, по наставлению Апостола, никогда не преда-

[1] Гл. 29 и 30. ‖ [2] Гл. 34. ‖ [3] *...приготовь душу твою к искушению* (Сир. 2. 1). ‖ [4] *Благодаря... за все* (Еф. 5. 20). *За все благодарите* (1 Сол. 5. 18).

ваясь печали и малодушию по причине случающегося с нами. Все, что ни постигнет нас, будем принимать без смущения, с смиренномудрием и упованием на Бога, веруя, как я сказал, что все, что ни делает с нами Бог, делает по благости Своей, любя нас и во благо нам, что иначе не может быть нам пользы, как тем способом, которым устраивает Бог».

«Бог — источник премудрости. Он ведает полезное нам и, сообразно этому ведению, устраивает все, относящееся к нам даже до мелочей. Богу все возможно; для Него нет ничего невозможного. Зная, что Бог любит и милует создание Свое, что Он — источник премудрости, что Он ведает, каким образом должно устроить наши обстоятельства, что нет ничего невозможного для Него, что все служит воле Его, также зная, что все, что Он ни делает, делает к нашей пользе, мы обязаны принимать все, попускаемое нам, хотя бы то было и скорбное, как от Благодетеля, как от Владыки, с благодарением. Все совершающееся совершается по праведному суду Божию, — и Бог, бесконечно милостивый, не презрит нас ни в какой скорби нашей, и самомалейшей».

«Некоторые приводятся в недоумение следующим размышлением: «если кто, при встретившейся напасти, согрешит, побежденный скорбию, то как возможет он пребыть в убеждении, что напасть попущена ему для пользы его?» — Подвергаясь напастям, мы согрешаем единственно по причине нетерпеливости нашей, потому что не хотим перенести ниже малой скорби, не хотим пострадать что-нибудь против воли нашей, тогда как Бог не попускает нам искушений, превышающих силу нашу. Засвидетельствовал это Апостол, сказав: *верен Бог, Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете*[1]. Мы, мы не имеем терпения! мы не хотим перенести ниже малейшей скорби! мы не хотим принять со смирением ничего! По этой причине напасти низлагают нас и, чем усиленнее стараемся избавиться от них, тем они более опутывают нас: мы приходим в изнеможение, но освободиться не можем (по неправильности средств, употребляемых к освобождению). Плавающие по морям для исправления нужд своих, если знакомы с искусством мореплавания, когда видят восходящую на них волну, то склоняются под нее: она проходит вдоль корабля и разрезывается им; пловцы не претерпевают никакого вреда. Напротив того, если б пловцы вздумали воспротивиться волне, то она отбрасывает их и относит на значительное расстояние; при дальнейшем плавании находит на них другая вол-

[1] 1 Кор. 10. 13.

на, и если они воспротивятся и этой, то и эта отбрасывает их и устраняет с предпринятого пути: пловцы подвергаются лишь бесполезному утомлению. Если же, как я сказал, они будут склоняться под волны и приноровляться к направлению волн, то волны будут обходить их, не причиняя им никакого вреда, пловцы совершат благополучно плавание и то дело, для которого предпринято плавание. Так и при напастях. Если кто перенесет напасть с терпением и смирением, то она пройдет безвредно для него. Если же предастся печали, смущению, будет обвинять каждого, то обременит себя невыносимою тягостию, усугубляя действие на себя напасти, не получит от напасти никакой пользы, получит вред. Напасти тогда приносят великую пользу, когда переносятся терпеливо, без смущения».

«Если и страсть[1] тревожит нас, то мы не должны смущаться ниже этим. Смущение, являющееся при действии в нас страсти, происходит от неразумия и гордости, оттого, что не понимаем нашего душевного устроения и убегаем труда, как сказали Отцы. Мы не преуспеваем по той причине, что не знаем нашей меры, не имеем терпения в начинаемых нами делах, но хотим без труда приобрести добродетель. Чему дивится страстный, будучи тревожим страстию? Зачем смущается? Ты образовал ее в себе, имеешь в себе и смущаешься! Ты принял в себя залоги ее и говоришь: отчего она тревожит меня? Лучше: терпи, подвизайся и моли Бога. Невозможно не иметь скорби от страстей тому, кто образовал их в себе, исполняя их на деле. «Имущество их, — сказал авва Сисой, — сложено внутри тебя: отдай им этот залог, и они уйдут». Имуществом страстей, находящимся у нас в залоге, названы начальные причины страстей и произвольная любовь к страстям. Мы увлеклись начальными причинами страстей, возбудили страсти к действию, и потому невозможно нам не искушаться страстными помышлениями; они понуждают нас к исполнению страстей против воли нашей, потому что мы предали себя в руки страстей произвольно».

«Изображается состояние произвольно подчинившегося страстям поведанием Пророка о Ефреме: *соодоле Ефрем,* говорит Пророк о племени Ефрема, *соперника своего* — совесть — *попра суд*[2], обратился к Египту и насильственно отведен в Ассирию. Под образом Египта Отцы разумеют волю плоти, влекущую нас к упокоению плоти наслаждением и сообщающую душе сладострастное

---

[1] Залоги страстей — впечатления и навыки страстные. || [2] *Угнетен Ефрем, поражен судом* (Ос. 5. 11).

настроение; под образом ассириан они разумеют страстные помышления, которые возмущают и волнуют ум, наполняют его нечистыми идолами, приводят его насильно, против воли его, к исполнению греха на самом деле».

«Если кто произвольно предается плотскому наслаждению, тот и против воли, насильственно, пленником уводится в Ассирию, в работу Навуходоносору. Ведая это, Пророк болезновал и уговаривал иудеев, чтоб они с возвышенной местности, занимаемою Иудеею, не нисходили в низменный Египет[1]. Что делаете, несчастные? смиритесь хотя сколько-нибудь, приклоните выю вашу, служите царю Вавилонскому и останьтесь на земле отцов ваших. Потом он ободряет их, говоря: *Не убойтеся от лица царя Вавилонскаго, рече Господь: яко Аз с вами есмь, еже избавляти вас и спасати вас от руки его*[2]. Далее предсказывает скорбь, долженствующую постигнуть их, если они не окажут повиновения Богу: *аще вы,* говорит он, *дадите лице ваше во Египет и внидете тамо жити, будете в непроходимая и подручни, и в клятву и во укоризну, и* не *узрите ктому места своего*[3]. Но они отвечали Пророку: *не сядем на земли сей, но в землю Египетску внидем, и не узрим рати, и гласа трубнаго не услышим, и о хлебах не взалчем, и тамо вселимся*[4]. Иудеи исполнили это намерение свое, сошли в Египет, произвольно вступили в служение фараону, потом были насильно взяты в Ассирию и служили ассириянам против воли»[5].

«Вникните глубже в то, что говорю вам. Прежде нежели начнет кто исполнять страсть на деле, он в своем городе, он свободен, хотя бы и восставали противные помыслы; сверх того, имеет Бога помощником себе. Если он смирится пред Богом и понесет с благодарением иго скорби и искушения, то помощь Божия изъемлет его из затруднительного положения. Если же он, избегая подвига, низойдет к удовлетворению сладострастным требованиям тела, то насильственно и против воли отведен будет в землю ассириян и будет работать им против желания своего. Пришедшим в это состояние

[1] Иер. 42. ‖ [2] *Не бойтесь царя Вавилонского, ...говорит Господь, ибо Я с вами, чтобы спасать вас и избавлять от руки его* (Иер. 42. 11). ‖ [3] *...если вы решительно обратите лица ваши, чтобы идти в Египет, и пойдете, чтобы жить там... и вы будете проклятием и ужасом, и поруганием и поношением, и не увидите более места сего* (Иер. 42. 15, 18). ‖ [4] *...«не хотим жить на этой земле», ...«мы пойдем в землю Египетскую, где войны не увидим и трубного голоса не услышим, и голодать не будем, и там будем жить»* (Иер. 42. 13, 14). ‖ [5] После взятия вавилонянами Иерусалима и бегства во Египет оставшихся иудеев Навуходоносор, царь Вавилонский, завоевал Египет и захватил бежавших туда иудеев. Навуходоносор владел и Ассириею, а потому называется и царем Вавилонским, и царем Ассирийским.

Пророк говорит: *молитеся за житие Навуходоносора*, потому что в жизни его ваше спасение[1]. Повелением молиться о жизни Навуходоносора изображается обязанность человека, впадшего в грехи на самом деле: он не должен предаваться малодушию в то время, как действует в нем печаль, произведенная случившимся искушением, не уклоняться от томления, производимого страстными помыслами[2], но переносить со смирением это состояние, признавая, что он должен был подвергнуться ему; пусть положит в уме, что он даже недостоин избавиться от тяжести состояния своего, что это состояние должно продолжаться и развиться. Видит ли он в себе причину случившейся напасти или еще до времени не усматривает, — должен веровать, что ничего не бывает без суда Божия, что от Бога не исходит ничего неправедного. От некоторого брата Бог отъял тяготевшее над ним искушение, и он говорил, скорбя и плача об этом: «Господи! я недостоин и поскорбеть немного». Повествуется также, что ученик великого старца подвергся искушению от восставшей против него блудной страсти. Старец, видя его страдание, сказал ему: «Хочешь ли, я помолюсь Богу и Он освободит тебя от брани?» Ученик отвечал: «Отец! хотя мне и трудно, но я вижу в себе плод от этого состояния: помолись лучше о том, чтоб Бог даровал мне терпение». Таковы истинно хотящие спастись! вот что значит носить иго со смиренномудрием и молиться о жизни Навуходоносора! Потому-то и говорит Пророк, что в жизни его — спасение ваше. Два изречения сходствуют между собою: сказанное братом «Вижу в себе плод от борения страстию» подобно сказанному Пророком «в жизни его заключается ваше спасение». Подтвердил это и старец, сказав в ответ брату: “Теперь я познал, что ты находишься в преуспеянии большем, чем я”».

«Когда кто вступит в подвиг против всех действий греха и начнет бороться против страстных помыслов, приходящих на ум, тогда он смиряется, сокрушается, трудится и скорбями подвига очищается мало-помалу, восходит в естественное состояние. Из этого следует, как мы сказали, что тревожимый страстию, если смуща-

---

[1] ..*молитесь о жизни Навуходоносора* (Вар. 1. 11). ‖ [2] Исполнившего страсть в самом деле мучат, после сделанного им согрешения, хотя он и раскается в нем, помыслы и мечтания соделанного им греха, мучат в продолжение значительного времени. Это можно видеть во многих жизнеописаниях святых Отцов, между прочими и в жизнеописании преподобной Марии Египетской. Иногда же восстает страсть и в таком подвижнике, который не исполнял ее делом, томит его страстными помыслами, мечтаниями и пожеланиями. Очевидно, что преподобный авва Дорофей говорит здесь о том и о другом случае вместе.

ется этим, смущается от неразумия и гордости. Лучше ему познать смиренно свою меру, пребывать в терпении и молиться, доколе Бог сотворит с ним милость. Если кто не подвергнется искушениям, не испытает скорби от страстей, тот не будет и подвизаться о том, чтоб когда-нибудь очиститься от них. Об этом говорит Псалмопевец: *внегда прозябоша грешницы яко трава, и проникоша вси делающии беззаконие, яко да потребятся в век века*[1]. Грешники, прозябающие *яко трава,* суть страстные помышления. Немощна трава, не имеет никакой силы. Когда прозябнут страстные помышления в душе, тогда *проникают,* то есть обнаруживаются, *вси делающии беззаконие,* то есть страсти, *яко да потребятся в век века:* страсти тогда истребляются подвижниками, когда соделаются явными для них. Вникните в порядок дела: во-первых, прозябают страстные помышления; чрез это вынаруживаются страсти; будучи вынаружены, они истребляются. Все это относится к подвизающимся; но мы, согрешающие на самом деле, всегда исполняющие страсти наши, даже не знаем, когда прозябают страстные помышления, когда возникают страсти. Не зная этого, мы и не думаем вступить в подвиг борьбы против страстей: мы повержены непрестанно долу, мы находимся еще во Египте, в злосчастном плинфоделании у фараона. Кто дал бы нам придти по крайней мере в ощущение горького рабства нашего, чтоб мы смирились, чтоб мы озаботились о снискании помилования!»

«Когда сыны Израилевы были во Египте, в порабощении у фараона, тогда занимались они приготовлением кирпича[2]. Делающие кирпич всегда находятся в положении, наклоненном вниз, всегда смотрят в землю: подобно этому случается и с душою. Когда овладеет ею диавол, когда она совершает грех на самом деле, тогда она попирает разум и не помышляет ни о чем духовном; она помышляет постоянно об одном земном, действует единственно для земли. Израильтяне из кирпичей, сделанных ими, построили фараону три крепкие города: Пифон, Рамессин и Он, или Илиополь, то есть солнечный город. Этими городами означаются сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. От этих страстей рождаются все грехи».

«Бог послал Моисея вывести израильтян из Египта и избавить их от рабства. Тогда фараон еще более обременил их работою, говоря: *праздни есте: сего ради глаголете: да идем, и пожрем Господу*

[1] *Тогда как нечестивые возникают, как трава, и делающие беззаконие цветут, чтобы исчезнуть навеки* (Пс. 91. 8). ‖ [2] Кирпич – по-славянски плинфы.

Богу нашему[1]. Подобно этому диавол, когда увидит, что Бог милостиво призрел на душу, что благоволит помиловать ее и даровать ей облегчение от страстей или посредством слова Своего, или при посредстве кого-либо из рабов Своих, тогда еще более отягощает ее напором страстей и нападает на нее тем сильнее. Отцы, зная это, укрепляют человека учением своим и не допускают его погрузиться в боязнь и недоумение. Один из Отцов говорит: «Ты пал? восстань. Ты пал опять? опять восстань», и так далее. Другой Отец говорит: «Крепость желающих приобрести добродетели заключается в том, чтоб они не малодушествовали, когда падут, чтоб не приходили в отчаяние, но продолжали подвизаться». Короче сказать: каждый из Отцов различным образом, один так, другой иначе, подает руку подвижникам, которых обижает враг. Отцы заимствовали такой образ действования из Священного Писания. Оно говорит: *еда падаяй не востает? или отвращаяйся не обратится?*[2] *Возвратитеся* ко Мне, *сынове и изцелю сокрушения ваша, глаголет Господь,* — и тому подобное»[3].

«Когда отяготела рука Божия над фараоном и над подданными его, тогда он решился отпустить сынов Израилевых. Фараон сказал Моисею: *идите, послужите Господу Богу вашему: токмо овцы и волы оставите*[4]. Под именем овец и волов разумеются помышления, составляющие достояние ума[5], которыми фараон хотел обладать, надеясь, посредством их, снова привлечь к себе сынов Израиля. Моисей отвечал фараону: *ни, но и ты даси нам жертвы и всесожжения, яже сотворим Господу Богу нашему*[6]. Моисей, изведши сынов Израиля из земли Египетской, переправил их чрез Чермное море. Бог, вознамерясь привести их к месту, где было семьдесят фиников и двенадцать источников воды, сперва привел их в Мерру. Здесь народ скорбел, не находя, что пить, потому что воды Мерры были горьки. Уже чрез Мерру пришли они к семидесяти финикам и двенадцати источникам воды. Так и душа, престав совершать грехи на самом деле и переправившись чрез мысленное море, сперва должна потрудиться в подвигах и подвергнуться многим скорбям, потом уже чрез скорби взойти в святой покой: *яко многими скорбьми подо-*

[1] *...праздны вы, праздны, поэтому и говорите: пойдем, принесем жертву Господу* (Исх 5. 17). ‖ [2] *...разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?* (Иер. 8. 4). ‖ [3] *Возвратитесь, ...дети: Я исцелю вашу непокорность* (Иер. 3. 22). ‖ [4] *...пойдите, совершите служение Господу [Богу вашему], пусть только останется мелкий и крупный скот ваш* (Исх. 10. 24). ‖ [5] Помышления подвижника если будут вращаться в земном и суетном, то непременно привлекут его к плотской жизни и к согрешениям. ‖ [6] Исх. 10. 25.

бает нам внити во Царствие Божие[1]. Скорбями направляется в душу милость Божия, подобно тому, как ветрами нагоняются дождевые облака. Дождь, идущий в течение долгого времени, гноит хлебные посевы, если они еще молоды и нежны, уничтожает на них плод; ветры же постепенно сушат и укрепляют всходы. Так бывает и с душою. Послабление, недостаток в скорбях, довольство в средствах вещественных лишают ее силы, приводят в состояние изнеженности: искушения же скрепляют ее и усвояют Богу, как и Пророк говорит: *Господи! в скорби помянухом Тя*[2]. И потому, как мы уже сказали, нам не должно смущаться, не должно унывать в искушениях: нам должно терпеть скорби, благодарить за них Бога и молиться непрестанно, со смирением, Богу, чтоб Он сотворил милость с немощию нашею и покрыл нас от всякой напасти, во славу Его»[3].

«Кто сделает дело ради Бога, того непременно постигнет искушение, потому что всякому добру или предшествует, или последует искушение. Даже не может быть прочным делаемое ради Бога, если оно не искусится напастию».

«Будучи страстными, мы никак не должны верить нашему сердцу: кривым правилом искривляется и то, что само по себе прямо».

«Кто не отречется в душе своей от всего: кто не отречется от славы, от телесных наслаждений и, сверх того, от оправданий, тот не возможет ни отсечь своих пожеланий, ни избавиться от гнева и печали, ни сохранить ненарушимым спокойствие ближнего».

«Не велико — не осуждать благорасположенного к нам или миловать его, когда он находится в скорби. Велико — не осуждать того, кто действует против нас, не мстить ему по влечению страсти, не соглашаться с осуждающими его; велико — сочувствовать радости предпочтенного нам».

«Не ищи любви от ближнего. Ищущий любви, если не увидит ее, смущается. Лучше: ты покажи любовь к ближнему. Поступив так, и сам успокоишься, и приведешь ближнего к любви».

«Во всем случавшемся со мною я никогда не пожелал уладить дело исключительно по соображению и усилию человеческому: в чем бы то ни было, действую по силе моей, предоставляя все остальное Богу».

«Не уничижать подаяния ближнего принадлежит к делам смиренномудрия: должно принимать такое подаяние, хотя бы оно было и скудно и маловажно».

---

[1] *...что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14. 22). ‖ [2] Ис. 33. 2. ‖ [3] Поучение 13. О том, как переносить скорби.

«Тот, кто не стремится исполнять влечений собственной воли, действует всегда согласно с своею волею. Не имея отдельных пожеланий, он всегда исполняет свое желание и бывает доволен всем, что бы ни случилось с ним: он не хочет, чтоб дела совершались так, как он желает; он хочет, чтоб дела совершались так, как они совершаются».

«Не своевременно — исправлять кому-либо брата в то самое время, как брат согрешит против него. (Нужно дать время брату, чтоб брат мог одуматься и успокоиться.) И во всякое время не должно делать этого, если чувство мщения за себя служит начальною причиною нашего действия».

«Не делай зла даже и в шутку: случается, что иной делает сначала для шутки зло, а впоследствии и против воли влечется к нему».

«Не должно желать избавления от страсти, избегая производимой ею скорби: должно желать этого по совершенной ненависти к ней, как сказано в Писании: *совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми*»[1].

«Невозможно разгневаться кому-либо на ближнего, если сперва не вознесется над ближним сердце его, если он не уничижит ближнего пред собою, если не признает себя высшим ближнего».

«Признаков того, что кто-либо исполняет страсть произвольно, служит смущение его в то время, когда его обличают в ней или исправляют. Если же кто переносит обличение в страсти без смущения, то есть без смущения подчиняется мерам исправления, то это служит признаком, что он поступил по страсти в неведении или по увлечению»[2].

«Новоначальный! никогда не поверь своему сердцу: оно находится в состоянии слепоты от действия пристрастий по ветхому человеку».

«Понуждай себя ко всему доброму и отсекай свою волю (то есть волю ветхого человека): благодатию Христовою и собственным подвигом придешь в навык отсечения воли и уже будешь отсекать ее без принуждения и скорби, так что все случающееся будет случаться как бы по твоей воле и по твоему желанию».

«Не желай, чтоб делалось все по твоему желанию: желай, чтоб делалось как делается: таким образом будешь мирен ко всему. Впрочем, это относится к тому, в чем нет преступления заповеди Божией или Отеческой».

---

[1] *Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне* (Пс. 138. 22). ‖ [2] Поучение 19, состоящее из кратких изречений.

«Потщись привести себя в такое устроение, чтоб во всем находить себя достойным укорения».

«Постоянно хранись от того, чтоб не образовалось в тебе мнение о себе и собственное умствование о чем-либо».

«Веруй, что все, относящееся до нас, до самомалейшего, состоит под Промыслом Божиим, — и будешь претерпевать встречающиеся тебе скорби без смущения».

«Веруй, что бесчестия и досады суть врачевства от гордости, которою заражена душа твоя».

«Молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах твоих, при убеждении несомненном, что ненавидящий бесчестие ненавидит смирение и убегающий от огорчений убегает от кротости».

«Не желай знать пороков и согрешений ближнего твоего и не принимай на него подозрений, внушаемых врагом. Если они и насеваются в нас по причине собственной порочности нашей, то старайся превращать их в добрые помышления».

«За все благодари, стяжи благость и святую любовь».

«Со всевозможным трезвением будем хранить совесть нашу во всех отношениях: к Богу, к ближнему, к вещам».

«Прежде нежели сказать или сделать что, рассмотрим, согласно ли это с волею Божиею. Рассмотрев и помолившись, скажем или сделаем, повергая немощь нашу пред Богом: и благость Божия будет споспешествовать нам во всем»[1].

«От мелочей, от того, что говорим: «что значит это?», «что за важность в этом?» — образуется в душе злой навык, и начинает она нерадеть и о великом. Знаете ли, какой тяжкий грех осуждать ближнего? и что тяжелее этого? что столько ненавистно Богу? от чего Он столько отвращается? Ничего нет хуже осуждения, сказали Отцы. Однако и в это великое зло человек приходит от начинаний, представляющихся ему ничтожными. Приняв ничтожное зазрение на ближнего, сказав себе: «что за важность, если услышу, что рассказывает такой-то брат?», «что за важность, если и я скажу одно слово?», «что за важность, если посмотрю, что будет делать такой-то брат или такой-то странник?» — начинает ум оставлять внимание к своим грехам и замечать грехи ближнего, а от этого переходит к осуждению, злословию и укорению ближних. От осуждения ближних приходим к тому, что сами впадаем в погрешности, за которые осуждали ближних. Если кто не заботится постоянно о своих грехах, не оплакивает своего мертвеца, как сказали Отцы,

[1] Поучение 17.

тот не может преуспеть в чем-либо добром; он всегда наблюдает за делами ближнего. Ничто не прогневляет столько Бога, ничто так не обнажает человека, ничто столько не служит причиною оставления его Богом, как злословие, осуждение и укорение им ближнего».

«Иное — злословить, иное — осуждать, и иное — уничижать. Злословить — это сказать о ком-либо: такой-то солгал или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. Сказавший так — впал в злоречие, то есть сказал пристрастно о согрешении брата. Осудить — это сказать: такой-то лжец, гневлив, блудник. Выразившийся так осудил самое расположение души, произнес приговор на всю жизнь, сказав о всем человеке: он таков-то. Это — тяжко. Иное — сказать «он разгневался», и иное — сказать «он гневлив»: выразившийся таким образом, произнес, как я сказал, приговор на всю жизнь. Грех осуждения столько тягостен, столько тягостнее других грехов, что Сам Христос сказал: *лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изяти сучец из очесе брата твоего*[1]. Здесь грех ближнего уподоблен сучку, а осуждение — бревну. Почему, вместо осуждения ближних, мы не осуждаем самих себя и наши согрешения, которые известны нам достоверно и за которые мы должны дать ответь Богу? зачем восхищаем суд над человеками, принадлежащий единому Богу? Чего хотим от создания Его? чего хотим от ближнего нашего? чего хотим от тяготы чужой? Братия! имеем, о чем заботиться! каждый да внимает себе и своему злу. Оправдывать и осуждать человеков принадлежит единому Богу, Который знает устроение, силу, обстоятельства, дарования, телосложение, способности каждого и соразмерно этому судит каждого судом, постижимым единому Богу».

«Иногда мы не только осуждаем ближних, но и уничижаем их. Иное — осуждать, как уже сказал я, и иное — уничижать. Уничижение состоит не только в осуждении ближнего, но и в презрении его, когда гнушаемся ближним, когда отвращаемся от него, как от мерзости. Это гораздо хуже и пагубнее осуждения. Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближнего; внимание их постоянно устремлено к своим собственным недостаткам: по этой причине они и преуспевают. Мы же, окаянные, нисколько не рассмотрев дела, осуждаем, гнушаемся, уничижаем, если увидим

---

[1] *Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7. 5).

что-либо или услышим, даже если что-либо представится нам только в воображении. Что еще хуже, мы не удовлетворяемся одним собственным вредом, но, встретив другого брата, тотчас говорим ему: случилось то и то и то. Мы повреждаем брата, влагая грех и в его сердце: мы не боимся угрозы Писания: *Горе напаявающему подруга своего развращением мутным*[1]; мы совершаем дело бесовское и нерадим об этом. В чем заключается деятельность бесов? только в том, что они смущают человеков и вредят им. Мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего! Кто вредит душе, тот содействует и помогает бесам; напротив того, кто доставляет пользу душе, тот помогает святым Ангелам. Отчего мы подвергаемся этому? единственно от того, что не имеем любви. Если б мы имели любовь, то смотрели бы с милостию и состраданием на недостатки ближнего, как и Писание говорит: *любы покрывает множество грехов*[2]; *любы не мыслит зла, вся терпит*[3]. Если б мы имели любовь, как я сказал, то эта любовь покрывала бы каждое согрешение брата, как поступают и святые, видя недостатки человеческие. Неужели святые слепы? неужели они не ненавидят согрешений? И кто столько ненавидит грех, как святые? Ненавидя грех, они не ненавидят согрешающего, не осуждают его, не отвращаются от него. Они состраждут согрешающему, наставляют его, утешают, врачуют как член немоществующий, делают все, чтоб спасти его. Святые привлекают брата к добродетели долготерпением и любовию, а не отвращаются от него, не гнушаются им. Как мать, имея безобразного сына, не гнушается им и не отвращается от него, но с любовию заботится искусственными украшениями загладить природный недостаток и делает все, чтоб украсить сына, так и святые постоянно покрывают, украшают согрешающего, заступаются за него с тою целию, чтоб его исправить со временем, чтоб не допустить других до повреждения по причине его и чтоб самим еще более преуспеть в любви Христовой».

«Стяжем любовь, стяжем милостивое сердце к ближнему, чтоб при посредстве этого качества оградить себя от лютого злоречия, от осуждения и уничижения, чтоб при посредстве его помогать друг другу, как собственным членам. Кто, имея рану на руке или на ноге, или на каком другом члене, гнушается собою? неужели он отсечет член свой, хотя бы этот член и загноился? Напротив того, не очи-

---

[1] *Горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей и делаешь его пьяным* (Авв. 2. 15). ‖ [2] *...любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4. 8). ‖ [3] 1 Кор. 13. 5, 7.

щает ли его, не омывает ли, не прикладывает ли к нему пластыря, не кропит ли освященною водою, не молится ли о исцелении, не просит ли святых помолиться о нем? Короче сказать, он не оставляет телесного члена своего в небрежении, не гнушается ни безобразием, ни зловонием его, но употребляет все средства к исцелению его. Подобным образом мы должны сострадать и друг другу, должны помогать друг другу, и сами, и посредством отцов и братий, более преуспевших, нежели мы; мы должны придумывать и делать все, что служит к взаимному вспоможению и себе и братиям; мы члены в отношении один к другому, как и Апостол говорит: *все мы едино тело есмы, а по единому друг другу уди*[1]; *аще страждет един уд, с ним страждут вси уди*[2]. Что значат общежития? как вы думаете? Не одно ли это тело? не члены ли этого тела все живущие в общежитии? Каждый член да служит телу по силе своей! Старайтесь всегда помогать друг другу: или учением, влагая слово Божие в сердце брата, или утешая его во время скорби, или подавая ему руку помощи в каком-либо деле. Одним словом, каждый, соответственно силе, да сближается любовию с ближним».

«Чем более сближаемся мы друг с другом, тем более приближаемся к Богу. Подобное совершается и в отношении отдаления. Удаляющиеся от Бога, насколько оставят любовь к Богу и удалятся от Бога, настолько удалятся и друг от друга; также, насколько удалятся друг от друга, настолько удалятся и от Бога. Таково свойство любви. Насколько находимся вне ее, насколько не любим Бога, настолько мы удалены и от ближних. Если же возлюбим Бога, то насколько приближаемся к Нему любовию, настолько соединяемся любовию и с ближним; по мере того, как соединяемся любовию с ближним, соединяемся любовию и с Богом»[3].

«Иногда, услышав оскорбительное слово, мы не обращаем на него внимания и переносим его без смущения, как будто вовсе не слыхали его: иногда же только что услышим, тотчас смущаемся. Какая причина такого различия? Одна ли причина такого различия, или их много? Нахожу, что имеется много причин; но есть одна такая, которая, так сказать, служит началом для всех других причин. Случается кому-либо подвергнуться искушению после того, как он занялся молитвою или безмолвием и в то время находится в благом настроении: по этой причине он переносит оскорбитель-

---

[1] ...***составляем*** *одно тело... а порознь один для другого члены* (Рим. 12, 5). ‖ [2] ...*страдает ли один член, страдают с ним все члены* (1 Кор. 12. 26). ‖ [3] Поучение 6 о том, чтоб не осуждать ближнего.

ный поступок брата без смущения. Опять, случается, что оскорбляемый имеет пристрастное расположение к оскорбляющему и потому не огорчается действиями его. Опять, иной питает презрение к оскорбляющему и потому вменяет обиды его ни во что, не обращает на него никакого внимания, как бы не признавая его даже человеком и не делая никакого ответа на его слова, что бы он ни говорил».

«Главная причина всякого смущения, если основательно исследуем, заключается в том, что мы не укоряем самих себя: отсюда проистекает всякое расстройство! по этой причине мы никогда не можем придти в состояние спокойствия! После этого нечего удивляться, когда слышим от всех святых, что нет другого пути, кроме пути самоукорения. Но мы, видя, что ни один из святых не нашел покоя, идя другим путем, надеемся получить спокойствие или идти правым путем, не желая никогда укорять самих себя! Поистине, если человек совершит тьмы добродетелей и не будет держаться этого пути, то никогда не перестанет оскорбляться и оскорблять других, погубляя этим все труды свои. Напротив того, какую радость, какое спокойствие ощущает тот, кто укоряет самого себя! Укоряющий себя куда бы ни пошел, как сказал авва Пимен, что бы ни случилось с укоряющим себя, утрата ли чего, или бесчестие, или какая бы то ни было скорбь, он никогда не смутится, постоянно предваряя смущение признанием себя достойным напасти. Какое другое настроение может быть свободнее от печали!»

«Случается, что иной, как представляется ему, пребывает в мире и безмолвии. Но вот пришел брат, сказал ему неприятное слово, и он смутился. На этом основании полагая скорбь благословною, он говорит: «Если б такой-то не пришел, не сказал мне оскорбительного слова и не смутил меня, то я не пришел бы в расстройство». Это смешно! это – прелесть! Неужели вложил в него страсть тот, кто сказал ему неприятное слово? сказавший такое слово только обнаружил таившуюся в нем страсть, чтоб он покаялся в ней, если хочет. Руководствующийся такими суждениями подобен гнилому хлебу, который с виду хорош, а внутри заплесневел. Когда разломят его, обнаруживается гнилость его[1]. Так и этот пребывал, как представлялось ему, в мире, имея живущую внутри себя страсть и не ведая этого. Одно слово сказал ему брат его и извлек гнилость,

[1] *По иному мнению:* подобен чистому сосуду по наружности, но внутри наполненному смрадною скверною: когда откроют его, то зловоние обнаруживает свое присутствие в нем.

скрывавшуюся внутри его! пусть же он покается, если хочет быть помилован; пусть очистится, пусть преуспеет, пусть увидит, что он должен благодарить брата, а не скорбеть на него: брат доставил ему величайшую пользу».

«Обвинение самих себя, а не кого другого в случающихся с нами скорбях доставляет нам великое благо, доставляет глубокое спокойствие и значительное преуспеяние. Тем более мы должны так поступать, что ничего не совершается с нами без Промысла Божия. Если кто по правде достоин спокойствия, то Бог известит сарацынскому сердцу сотворить милость с ним, соответственно нужде его. Если же кто недостоин успокоения, или оно неполезно ему, то он не найдет его, хотя бы сотворил и новое небо, и новую землю. При всяком приключении, встречающемся с нами, мы должны взирать горе́. Сделают ли нам добро, пострадаем ли зло, мы должны устремлять душевные очи горе и благодарить Бога за все, случающееся с нами, держась постоянно самоукорения. По наставлению Отцов, мы должны говорить, если случится с нами что доброе: это случилось по смотрению Божию. Если же случится что злое, должны говорить: это случилось за грехи наши. Поистине, все скорби, которые мы претерпеваем, претерпеваем за грехи наши»[1].

«Будем трезвиться, братия, и, при содействии Божием, усильно бороться против всепагубной страсти памятозлобия, чтоб избавиться от обладания ею. Бывает следующее: при возникшем смущении или неудовольствии между братиями брат поклонится брату, но и по поклонении продолжает скорбеть и питать неприязненные помышления против брата. Он не должен пренебречь такими помышлениями, но отвергнуть их как можно скорее: это — памятозлобие. Требуется особенное внимание, чтоб не закоснеть в нем и не погибнуть. Отсекайте страсти, доколе они юны, прежде, нежели они укоренятся в вас, окрепнут и начнут насильно властвовать над вами. Тогда придется вам много пострадать, исторгая их: иное дело вырвать из земли былинку, и иное — искоренить большое древо».

«Воздать злом за зло можно не только делом, но и словом и видом. Иной думает о себе, что он не воздает злом за зло на деле; но оказывается, что он воздает словом или видом: он принимает такой вид, делает такое движение, бросает такой взгляд, которые смущают и уязвляют брата. В этом — воздаяние злом за зло. Другой старается не воздавать злом за зло ни при посредстве дела, ни

[1] Поучение 7. О самоукорении.

при посредстве слова или вида, или движения; но питает в сердце скорбь на брата, питает огорчение, которое имеет характер также памятозлобия. Видите, какое различие настроений!»

«Опять, иной не сохраняет даже никакой скорби на брата в сердце. Если же услышит, что кто-нибудь оскорбил этого брата, или что сделан ему выговор, или что уничижили его, то, слыша это, он не перестает радоваться. Оказывается, что таким образом он воздает злом за зло в тайне сердца своего. Другой не питает злобы в сердце, также не радуется, слыша о уничижении оскорбившего, даже сетует, если нанесут оскорбившему оскорбление, но и не радуется его благополучию: если увидит, что его прославляют или успокаивают, то скорбит. И это — вид памятозлобия: он легче вышеисчисленных, но принадлежит к ним. Каждый из нас должен радоваться благополучию брата, содействовать по силе этому благополучию, делать все, зависящее от него, к угождению и успокоению брата».

«Каким средством можно получить исцеление от памятозлобия? — Молясь от всего сердца о оскорбившем и говоря: «Боже! помоги брату и мне молитв ради его». Таким образом страждущий памятозлобием, во-первых, молится за брата своего, что служит знамением милования и любви, во-вторых, смиряется пред братом, прося себе помощи ради молитв его. Где присутствуют милость, любовь и смирение, возможет ли там развиться ярость, или памятозлобие, или какая другая страсть? Справедливо сказал авва Зосима: «Если диавол, пригласив к содействию себе всех демонов, приведет в действие все ухищрения злобы своей, то от смирения заповеди Христовой упразднится и сокрушится коварство его, каково бы оно ни было». И другой старец сказал: «Молящийся за врага будет непамятозлобен». Вникнув основательно в то, что слышите, исполняйте на деле. Говорю истину: если не будете исполнять на деле, то не возможете научиться от одного слышания слов. Кто, желая научиться какому-либо художеству, научается ему от одного объяснения словами? Непременно он принимается за самое упражнение в деле; сперва упражнение его сопряжено с погрешностями: он и делает, и портит свое дело; но, постоянно трудясь и терпя, мало-помалу научается художеству, при помощи Бога, прозирающего на труд и произволение его. Мы же, не принимаясь за дело, хотим изучить художество, превысшее всех художеств, от одного слышания? Возможно ли это? Братия! доколе имеем время, будем внимать себе и трудиться тщательно»[1].

[1] Поучение осьмое. О памятозлобии.

«Настоятель братии! пекись о них с сокрушенным сердцем, исполненным благости и милости, наставляя их добродетели делом и словом, а более делом, потому что пример действительнее слов. Если имеешь достаточные телесные силы, будь образцом для братства в телесных трудах; если же ты немощен, то действуй на него благим душевным устроением и плодами Духа, исчисляемыми Апостолом: любовию, долготерпением, радостию, миром, благостию, милосердием, верою, кротостию и воздержанием от всех страстей[1]. По причине случающихся проступков не тревожься излишне, но без смущения объясняй вред, происходящий от проступка. Если окажется нужным подвергнуть выговору или наказанию, то обращай внимание на лицо и выбирай удобное время. Не очень истязывай за малые согрешения, как бы праведник, чуждый всякой погрешности. Не обличай часто: это обременительно; привычка выслушивать частые обличения приводит обличаемого в ожесточение и небрежение. Не повелевай властительски, но предлагай со смирением, как бы советуясь с братом: такое слово принимается удобнее, более располагает к повиновению и благоприятно действует на ближнего».

«Во время смущения, когда брат окажет тебе сопротивление, удержи язык твой, чтоб не сказать ему чего с гневом; не допусти сердцу твоему вознестись на него; вспомни, что он — брат твой, член одного с тобою тела о Христе, образ Божий, искушаемый от общего врага; умилосердись над ним, чтоб диавол не уязвил его твоею яростию и, пленив, не умертвил памятозлобием, чтоб не погибла от нерассмотрительности нашей душа, за которую умер Христос. Вспомни, что и ты, если разгневаешься, подлежишь осуждению за гнев; сознавая собственную свою немощь, окажи сострадание брату твоему и благодари Бога за то, что Он преподал тебе случай простить брата твоего и тем получить прощение в твоих согрешениях, более важных и более многочисленных, нежели согрешения брата. *Отпущайте, и отпустится вам*[2], сказал Господь. Не представляется ли тебе, что долготерпение твое послужит причиною повреждения для брата? Но Апостол заповедует побеждать благим злое, а не злым благое[3]. И Отцы говорят: «Делая вразумление ближнему, если сам увлечешься гневом, то этим ты удовлетворишь только своей страсти». Никто из благоразумных не разоряет собственного дома, чтоб построить дом ближнего. Если смущение будет продолжаться, то удержи сердце твое в пределах

[1] Гал. 5. 22, 23. || [2] Лк. 6. 37. || [3] Рим. 19. 21.

кротости насильно и помолись так: «Боже милосердый и человеколюбивый! Ты, по неизреченной благости Твоей, сотворил нас из ничего для наслаждения Твоими благами! Ты воззвал нас к Себе Кровию Единородного Сына Твоего, Спасителя нашего, когда мы отпали от Тебя преступлением заповеди Твоей! И ныне прииди и помоги немощи нашей, запрети возмущению сердец наших, как некогда Ты запретил волнующемуся морю, чтоб оба мы в один час не лишились усыновления Тебе, будучи умерщвлены грехом, чтоб Ты не сказал нам: *кая польза в крови Моей, внегда сходити Ми во истление?*[1]. *Аминь глаголю вам, не вем вас,* потому что светильники ваши угасли от недостатка елея»[2]. После этой молитвы, когда укротится сердце, уже возможешь разумно и со смирением, по наставлению Апостола[3], обличить, вразумить, исцелить и исправить с милованием, как свой немоществующий член. Тогда и брат, поняв свое ожесточение, примет исправление с доверенностию: ты умиротворишь сердце его твоим миром. Ничто да не разлучит тебя от святой Христовой заповеди: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*[4]. Прежде и более всего должно заботиться о мирном устроении души и никак не допущать сердце до смущения, ни под мнимо справедливыми предлогами, ни ради заповеди. Да ведаем достоверно, что именно для достижения любви и чистоты сердца мы стараемся со всевозможным тщанием исполнять заповеди. Управляя так братиею, и ты услышишь Божественное определение, возвещающее: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши*»[5].

Выписка из творений преподобного Исаии Отшельника

«Прежде всего мы нуждаемся в смиренномудрии. Слово «прости» да будет у нас непрестанно готовым в ответ на всякое неприятное слово, на всякий неприятный поступок относительно нас. Смиренномудрием расторгаются все сети супостата нашего, диавола»[6].

«Не вменяй себя за нечто в каком бы то ни было деле, и пребудут несмущенными помыслы твои»[7].

«Добродетели рождаются от нелюбопрительности, от злострадания, от смирения, от постоянного отсечения своей воли в духов-

---

[1] *«Что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу...»* (Пс. 29. 10). ‖ [2] *...истинно говорю вам: не знаю вас* (Мф. 25. 12). ‖ [3] Гал. 6. 12; 1 Тим. 4. 2. ‖ [4] Мф. 11. 29. ‖ [5] *...если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста* (Иер. 15. 19). Поучение 17. О наставлении братии. ‖ [6] Слово 3. ‖ [7] Слово 3.

ном разуме, от неповиновения оправданию своему, от внимания, непрестанно обращенного на грехи свои»[1].

«Если погрешить в чем-либо, не прикрывай погрешности ложью. Положи поклон, скажи: «прости меня». Этим изгладится погрешность»[2].

«Если кто скажет тебе жестокое слово, то не попусти сердцу твоему вознестись на брата. Принудь себя поклониться оскорбившему прежде, нежели воздействует в тебе гнев. Гневу предшествует уничижение ближнего»[3].

«Если тебя укорят в чем-либо, то ты не попусти себя разгорячиться на оскорбившего. Не входя в рассмотрение, правильно ли или неправильно сделанное обличение, поклонись укорившему, говоря: *прости меня*. Такое поведение приводит юного в преуспеяние»[4].

«Если пожелаешь чего-либо, а живущий брат не хочет этого, — отсеки пред братом волю твою, чтоб не возникло между вами спора и чтоб брат твой не оскорбился на тебя»[5].

«Если брат, пришедши к тебе в келлию, начнет произносить неполезные слова, — останови его. Скажи ему с любовию: “Прости меня! я немощен и не могу выносить таких слов”»[6].

«Если услышишь о погрешности брата твоего, не передай такого сведения кому-либо другому: таким поступком нанесешь смертельную язву душе твоей»[7].

«Если кто, в присутствии твоем, начнет порицать брата, то не промолчи пред порицателем, не устыдись его, не согласись с ним, не согреши пред Богом. Со смирением скажи порицателю: “Брат, прости меня: и я грешник, достойный всякого сожаления. Тот порок, о котором говоришь, принадлежит мне, и я не могу выслушивать обличения в нем”»[8].

«Если брат сделает тебе зло и кто-либо, в присутствии твоем, начнет злословить его, — озаботься охранить сердце твое, чтоб не возобновилось в нем чувства злобы на брата. Вспомни множество согрешений твоих пред Богом и, если хочешь, чтоб они простились тебе, не воздай злом за зло ближнему твоему»[9].

«Если услышишь, что брат отнесся к тебе худо, и после этого встретишься с ним где-либо, или он придет к тебе, — прими его благосклонно, с радостным приветствием и видом. Не скажи ему того, что слышал о нем, не спроси его: «Зачем говорил ты то и то?» Написано в притчах: *помнящий безчестия, законопреступен*»[10].

[1] Слово 1. ‖ [2] Слово 3. ‖ [3] Слово 3. ‖ [4] Слово 3. ‖ [5] Слово 3. ‖ [6] Слово 3. ‖ [7] Слово 4. ‖ [8] Слово 4. ‖ [9] Слово 4. ‖ [10] Слово 4. Притч. 12. 16.

«Безмолвствуя в келлии, если вспомнишь о ком-либо, сделавшем тебе зло, то встань и помолись от всего сердца Богу, чтоб Бог простил сделавшему зло, и помысл мести отойдет от тебя»[1].

«Безмолвствуя в келлии, если впадешь в болезнь, не впади в малодушие, но благодари Бога. Если увидишь, что по причине болезни смущение вкрадывается в душу твою, то скажи ей в увещание и утешение: «Эта болезнь полезнее той болезни, которая ожидает тебя в геенне и в которую впадешь, если не будешь тверд и постоянен в терпении». От такого размышления умолкнет в тебе смущение»[2].

«Внимай прилежно, чтоб, приступая к причащению Святым Тайнам, не иметь злобы на брата твоего: иначе нанесешь вред сам себе»[3].

«Если брат, увлекшись малодушием, скажет тебе грубое слово, перенеси его с радостию. Исследовав помыслы твои на суде Божием, найдешь, что ты подал повод твоим согрешением к оскорблению тебя»[4].

«Если кто порицает и уничижает брата своего в присутствии твоем, то не дозволь себе внимать словам злоречия. Иначе постигнет и тебя неприятность»[5].

«Не питай в сердце твоем злобы ни на кого. Иначе все труды твои о благочестии будут тщетны»[6].

«Да будет сердце твое чисто и благосклонно по отношению ко всем, и узришь в себе мир Божий»[7].

«Яд скорпиона разливается по всему телу и повреждает самое сердце того, кто ужален скорпионом: таково действие злобы на ближнего. Ядом ее уязвляется душа; лукавая злоба губит зараженного ею. Желающий сохранить подвиг и добродетель свою от конечного повреждения старается скорее отразить от себя скорпиона: злобу и лукавство»[8].

«Три добродетели сообщают непрестанно свет уму: невидение злобы ни в одном человеке, благотворение нанесшим обиды, перенесение постигающих скорбей без смущения»[9].

«От этих трех добродетелей рождаются три большие: невидение злобы человеческой рождает любовь; от благотворения делающим зло стяжавается мир; невозмущенным терпением попускаемых скорбей доставляется кротость»[10].

[1] Слово 4. ‖ [2] Слово 4. ‖ [3] Слово 4. ‖ [4] Слово 5. ‖ [5] Слово 6. ‖ [6] Слово 6. ‖ [7] Слово 6. ‖ [8] Слово 6. ‖ [9] Слово 7. ‖ [10] Слово 7.

«Четыре добродетели ограждают душу и доставляют ей отдохновение от смущения, производимого врагами — демонами: милость, безгневие, долготерпение и забвение обид»[1].

«Четыре порока помрачают душу: ненависть к ближнему, уничижение ближних, зависть и ропот»[2].

«По четырем причинам усиливается в человеке страсть гнева: от расположения принимать подаяние и раздавать его, от последования своей воле, от желания учить других, от признания себя разумным»[3].

«Если кто укорит тебя за что-либо, сделанное или не сделанное тобою, и ты промолчишь, то поступишь сообразно естеству Иисуса. Если же начнешь возражать, говоря: «Что я сделал?», то поступишь уже не в свойствах этого естества. Если же воздашь равным за равное, то это уже будет вполне противоположно естеству Иисуса»[4].

«Приобучи язык твой говорить «прости меня», и вселится в тебя смирение»[5].

«Бог показал святому апостолу Петру, что ни одного человека не должно признавать скверным или нечистым»[6].

«Чье сердце стяжало святость, тот видит всех человеков святыми. Чье сердце погрязло в страстях, тот не почитает чистым никого. Он мнит, что все подобны ему; он ощущает немедленно неудовольствие в сердце своем, когда при нем отнесутся о ком-либо одобрительно. На этом основании остерегайтесь порицать кого бы то ни было, ни явно, ни в сердце»[7].

«Чем нерадивее жительство человека, тем сильнее в нем самомнение, и признает он себя в сердце своем другом Божиим. Когда же он вступит в подвиг и освободится от страстей, тогда не дерзает возвести очей на небо»[8].

«Во всяком подвиге, во всякой скорби мы не должны предаваться унынию и расслаблению. Потрудимся от всей души, и, верую, Бог сопричислит нас сонму святых Своих»[9].

«Необходимо, чтоб человек изливал обильные молитвы пред Богом с великим смирением по душе и по телу, чтоб ни к какому делу его не примешивалось тщеславное мнение о себе, чтоб он не соглашался с приносимыми ему похвалами человеческими, чтоб не оскорблялся людским поношением, чтоб умиротворял сердце — в отношении к порицающим — воспоминанием грехов своих»[10].

---

[1] Слово 7. ‖ [2] Слово 7. ‖ [3] Слово 7. ‖ [4] Слово 8. ‖ [5] Слово 9. ‖ [6] Деян. 10. 15. Слово 10. ‖ [7] Слово 10. ‖ [8] Слово 10. ‖ [9] Слово 10. ‖ [10] Слово 10.

«Не дозволь устам твоим извергнуть горькое слово о порицателях твоих, ниже пред возлюбленными твоими»[1].

«Не порицай и не хвали никого[2]. То и другое — суд, воспрещенный Богом[3], и выражение превозношения над ближним».

«Будем тщательно рассматривать себя, чтоб не иметь ненависти или вражды, при которых благоугождение Богу невозможно»[4].

«Кто постоянно размышляет о последнем дне жизни своей и о тех казнях, которым должен подвергнуться за грехи свои, тому не приходит на мысль осуждение других. Болезненным ожиданием вечных мук снедается сердце его. Томления адские предстоят взорам ума его и не допускают развлекаться любопытством суетным. Поучение его растворено горестию. Нет слов у него для гордого наставления ближних, как бы жительство их ни было нерадивым. Не заботится он о пище. Окажет ли ему кто милость? он не ощущает утешения от этой милости по причине глубокого сознания греховности своей. Подвергшись поношению, он не отвечает с гневом. С терпением переносит обиды, признавая себя достойным их. Смех не видится никогда на устах его. Колеблет он главою, произносит тяжкие стенания, вспоминая о том грозном судилище, пред которое должен предстать. Если услышит суждение о чем-либо — не подает своего мнения, хорошо ли оно или худо; не привлекает оно к себе ни внимания его, ни слуха. Очи его источают обильно слезную воду, по причине тяжкой болезни, объемлющей сердце его. Если он — сын благородных родителей, тем более предается печали, потому что тем большее посрамление ожидает его на Суде пред множеством зрителей, которым он известен. Созерцая уготованный престол Суда, он не обращает внимания на то, кто между людьми добр и кто зол. Если содержатся с ним в темнице другие узники, — он не входит ни в какое общение с ними, не вступает в рассуждение, чтобы сказать и сделать в свое оправдание и избавление: *кийждо бо свое бремя понесет*[5]. Когда влекут его на смертную казнь, — мрачно лицо его и глаза опущены к земле. Никто из человеков не дерзает замолвить слово в защиту его; каждый трепещет за себя; а он произносит исповедь и признание в соделанных согрешениях, признает себя заслужившим осуждение и наказание»[6].

«Стяжавшим смиренномудрие Бог открывает грехи их, чтоб они познали их и покаялись в них. Если к смиренномудрию присоеди-

---

[1] Слово 10. || [2] Слово 10. || [3] Лк. 6. 36. || [4] Слово 12. || [5] *...каждый понесет свое бремя* (Гал. 6. 5). || [6] Слово 14.

нится плач, то изгонятся из души седмь бесов, и доставится возможность душе преуспевать при посредстве подвигов и добродетелей ее. Пришедшие в такое настроение не смущаются от поношений человеческих. Зрение грехов своих служит для них всеоружием. Оно сохраняет их от гнева и мстительности, доставляет силу претерпевать встречающиеся скорби. Какое оскорбление может прикоснуться их, когда они постоянно занимаются рассматриванием грехов своих пред лицом Божиим?»[1].

«Напротив того, если допустишь себе победиться, не понесешь слово ближнего твоего, но воздашь ему жестким словом, то воздвигнутся брани в сердце твоем. Они отнимут у тебя мир, напоминая слово, сказанное тебе, и принося сожаление о том, что ты решился сказать вопреки. Размышление об этом будет мучить тебя: ты ублажишь отшельников, живущих наедине, и ожесточится сердце твое к ближним, как к неимеющим любви»[2].

«Постарайся приобрести терпение и любовь: терпением побеждается гнев, а любовию исцелишься от печали. Моли Бога, чтоб Он даровал тебе эти добродетели. Любовь и долготерпение погашают гнев, движущийся противоестественно, оставляют естественное действие гнева, который тогда восстает против демонов. Имея в себе смиренномудрие и плач, всегда будешь сохранять мир с ближними»[3].

«Кто, ради Бога, для сохранения мира, перенесет жестокие слова человека грубого и невежественного, тот наречется сыном мира. Он соделается способным привести в состояние взаимного мира дух, душу и тело свои. Когда эти три составные части человека вступят во взаимное согласие между собою, тогда прекратится действие всех, вооружающихся на закон ума, и разрушится плотское мудрование. Пришедший в это состояние сын мира соделывается обителию Святого Духа, соделавшись предварительно принадлежностию Святого Духа, Который уже не отлучится от него»[4].

«Смиренномудрием доставляется способность переносить уничижения»[5].

«Червь, точащий древо, губит его, — злоба, питаемая в сердце, отравляет его»[6].

«Кто повергает душу свою пред Богом, тот получает силу переносить несмущенно порицания. Слезы такого подвижника не оскверняются никакою примесию из побуждений человеческих»[7].

---

[1] Слово 16. ‖ [2] Слово 16. ‖ [3] Слово 16. ‖ [4] Слово 16. ‖ [5] Слово 16. ‖ [6] Слово 17. ‖ [7] Слово 17.

«Оставление самоукорения приводит к оставлению безгневия»[1].

«Не питай вражды ни к какому человеку, иначе Бог не будет принимать молитвы твоей. Имей мир со всеми, и стяжешь дерзновение в молитве»[2].

«Не желай слышать о искушении, постигшем того человека, который оскорбил тебя, чтоб не совершить мести в сердце»[3].

«Внимай себе: если совесть упрекает тебя в том, что брат твой скорбит на тебя, то не пренебреги этим напоминанием совести, но поклонись брату и смиренным голосом попроси у него прощения. Постарайся получить прощение»[4].

«Остерегись: не будь жесток и суров к брату твоему. Все мы терпим насилие от врагов-демонов»[5].

«Если борет тебя зависть, то вспомни, что все мы — члены Христовы. На этом основании честь и бесчестие каждого из нас принадлежит вообще всем нам. Такое размышление успокоит тебя»[6].

«Если помысл понуждает тебя сказать что-нибудь худое о брате твоем, то подумай, как опечалится брат, услышав твой отзыв о нем, как тебе стыдно будет встретиться с ним после этого. Таким размышлением возможешь удержать себя от злоречия»[7].

«Если почувствуешь порочное желание уничижить брата, то вспомни, что за это Бог предаст тебя врагам твоим. Этим остановишь себя в начинании твоем»[8].

«Господь сказал в Евангелии: *аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный. Аще ли же не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших*[9]. Страшно и грозно слово Господа! Если ты видишь, что сердце твое не ко всем чисто, то остерегись просить чего-либо у Бога. Ты выкажешь неуважение к Богу, когда, будучи грешником и питая в себе огорчение на подобного тебе человека, осмелишься просить Взирающего на сердца о прощении грехов твоих. Молящийся в таком устроении не может молиться умною молитвою: он молится одними устами, не разумея сам себя и не принадлежа себе»[10].

«Желающий молиться истинною умною молитвою, действуемою Святым Духом в чистом сердце, должен, прежде нежели при-

[1] Слово 17. || [2] Слово 17. || [3] Слово 17. || [4] Слово 17. || [5] Слово 17. || [6] Слово 17. || [7] Слово 17. || [8] Слово 17. || [9] *Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6. 14, 15). || [10] Слово 18.

ступит к молитве, тщательно рассмотреть себя, не гнездится ли в душе его неприязнь к кому-либо. Если же движутся в нем и возмущают его ненависть и гнев и он молится в таком настроении, то лишь обольщает сам себя. Бог не внемлет ему, потому что ум его, волнуемый и расхищаемый страстию, не молится; мнящий молиться исполняет только по наружности обычное правило»[1].

«Желающий принести чистую молитву должен, во-первых, подвергнуть тщательному испытанию ум свой и рассмотреть, не усвоил ли он себе помыслов злобных. Необходимо тебе простить ближнего и помиловать его, прежде нежели обратишься с прошением к Господу, чтоб Он помиловал тебя. Надо, чтоб ты забыл оскорбления и обиды, нанесенные тебе ближним, прежде, нежели начнешь просить Господа, чтоб Он не помянул грехов твоих, в которые ты впал волею и неволею. Если не исполнишь этого, то будешь молиться тщетно. Бог не будет внимать тебе»[2].

«Ты получишь прощение в грехах в той мере, в какой простишь ближним»[3].

«Рассмотри сердце твое. Очистил ли ты его от памятозлобия в отношении ко всем человекам? Бог — истина и требует служения Себе истиною, а не одними словами, произносимыми языком. И потому возделай сердце свое так, чтоб в нем изгладилось всякое памятование обид и оскорблений добровольным забвением их»[4].

«Каждый человек сам себя приготовляет к геенне или разрешает от нее: ничего нет тверже воли, и она, по данной ей свободе, преклоняется или к жизни, или к смерти. Блаженны возлюбившие вечную жизнь! этою любовию они охраняются от преткновений»[5].

«Должно подвизаться в труде и поте лица в глубине самого сердца против насилующих его помыслов памятозлобия, чтоб они не нанесли тяжкой язвы, исцеление которой будет очень затруднительным. Вспомоществует в этом подвиге постоянное созерцание грехов своих. Находясь в таком настроении — если узнаешь, что нанесено тебе оскорбление, — удобнее возможешь изгнать из души твоей всякое желание мести»[6].

«И страх геенны обуздывает насилуемого гневом, намеревающегося воздать каким-либо злом оскорбившему. Он говорит: «Несчастный! ты умоляешь Бога о прощении грехов твоих, и даже доныне долготерпит тебе Бог, не обличая грехов твоих, а ты гневаешься на брата твоего и без милосердия объявляешь грехи его». Знаешь ли, что явствует из этого? из этого явствует, что ты нахо-

[1] Слово 18. ‖ [2] Слово 18. ‖ [3] Слово 18. ‖ [4] Слово 18. ‖ [5] Слово 18. ‖ [6] Слово 18.

дишься еще во грехах твоих и не получил в них ни малейшего прощения»[1].

«Если смягчится сердце твое и соделается чуждым злобы на ближнего, то получишь милость от Бога. Если ж лукавое сердце твое пребывает в ожесточении относительно ближних, то ведай, что ты еще не помянут Богом. Прости меня!»[2]

«Человек, не достигший первобытного непорочного естественного состояния, по образцу Сына Божия, да признает свой подвиг еще не принесшим никакого плода»[3].

«Каждый человек, принявший Святое Крещение, обязан распять все противоестественные лукавые влечения, которыми заразился Адам при падении, по причине которых он лишился святой славы, низвергся в поношение и срам вечные»[4].

«Да подвизается ум мужественно! да презрит и возненавидит все, что ценится высоко плотскими человеками! да враждует враждой непримиримою, до конца жизни, против всего суетного! Повергают в рабство греховное сынов Адама следующие вожди и предводители зла: тленный прибыток, земная слава и честь, наслаждение и нега тела, украшение себя одеждами и забота о телесном благообразии. Этим питаются чувственность и сластолюбие — те страсти, которые влил змей в уста Евы и по которым познаем себя, что мы — сыны Адама. Присутствие в нас страстей обличается лукавыми помыслами, кипящими в нас и соделывающими нас врагами Божиими»[5].

«Блажен тот, кто со Христом распялся, умер, погребен и воскрес в естестве обновленном, кто последует святым стопам Иисуса. Сын Божий соделался человеком, чтоб последователи Его уподоблялись Ему смиренномудрием, нестяжанием, уничиженным положением в мире, перенесением обид и поруганий, беспопечительностию о теле, пренебрежением наветами лукавых демонов. Кто, победив страсти, придет в это состояние, тот — Христов, тот — сын Божий и брат Иисуса»[6].

«Господь сказал: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*[7]. Какие дела дитяти? Дитя, когда наказывают его, плачет; с радующимися оно радуется; если укорят его, оно не гневается; похвалами не превозносится; если предпочтут ему другого, оно не тревожится ревностию;

---

[1] Слово 18. || [2] Слово 18. || [3] Слово 18. || [4] Слово 18. || [5] Слово 18. || [6] Слово 18. || [7] *...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное* (Мф. 18. 3).

если возьмут у него что-либо принадлежащее ему, оно не смущается; если оставят ему наследство, оно пребывает к этому равнодушным; оно не судится ни с кем, не вступает ни в какие споры, не ненавидит никого из человеков. Дитя, находясь в нищете, не печалится об этом; находясь в богатстве, не превозносится; увидев женщину, не ощущает вожделения; сластолюбие и попечительность не обладают им; оно не осуждает никого, никем не владеет, никому не завидует, не хвалится тем, чего не знает; не насмехается над ближним по причине его телесных недостатков; не питает вражды ни к кому; не лицемерствует; не ищет мирских почестей, не собирает богатства, чуждо сребролюбия, дерзости, любопрительности; не учит других по страстному побуждению высокоумия; ни о чем не печется; если снимут с него одежду, не скорбит об этом; не последует собственной воле; не боится ни голода, ни злодеев, ни зверя, ни войны, ни гонения. Таковы и те, о которых сказал Господь наш Иисус Христос: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*»[1].

«Каких дел по свойству младенцев требует от нас Господь? Это объясняет Апостол в следующих словах: *отложше всяку злобу и всяку лесть и лицемерие и зависть, и вся клеветы, яко новорождени младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение*[2]. Понял ли ты, брат, из этого значение слов Господа нашего Иисуса: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*. Страшны эти слова, сказанные Господом с клятвенным подтверждением. *Аминь, аминь,* то есть истинно, истинно *глаголю вам*. Сказавший эти слова Сам есть Истина. *Бог,* как говорит Апостол, *понеже ни единем имяше большим клятися, клятся Собою*. Вникнем тщательно в эти слова и будем заботиться со страхом и трепетом, будем заботиться непрестанно о исполнении этих слов. Какое бы ни приблизилось искушение к душе нашей, будем стараться о том, чтоб вспомнить слова Господа, подтвержденные клятвою: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*. Слова эти да будут щитом для нас, сколько бы раз ни уязвил нас диавол стрелою злобы на ближнего, сколько бы раз ни уязвил нас сам ближний или укоризною, или оболганием, или отречением от послушания нам, хотя б это послушание и было

[1] Слово 26. ‖ [2] *Итак, отложив всякую злобу и всякое коварство, и лицемерие, и зависть, и всякое злословие, как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение* (1 Пет. 2. 1, 2).

обязанностию его. Слова Господа да будут для нас щитом, когда воздействует в нас лукавое огорчение, усиливаясь возбудить в нас злобное воспоминание о том, что сделано нам скорбного ближними, чтоб помрачить душу нашу гневом и ненавистию. Кто, приводя себе на память слова Господа, не убоится их? кто мудрый, кто желающий спасти душу свою, кто, желающий избежать огня геенского, не извергнет из сердца своего всякое негодование против ближнего? кто не извергнет из сердца всякой ненависти, чтоб не быть извергнутым из Царства Небесного? Страшное и краткое определение произнесено Господом Иисусом: *аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное.* Тяжким представляется это определение для последующих воле своего падшего естества, для любящих мир, для непризнающих, что и ныне Святой Дух нисходит на избранных Божиих и исполняет их дарованиями Своими. Дух, нисшедши на них, преподает им забвение всякого зла и вместе преподает им учение из Себя: Он преподает им кротость и заменяет ею гнев; Он преподает мир, которым заменяет вражду; Он преподает смиренномудрие, которым заменяется расположение к спорам и сварливости; Он преподает любовь, заменяя ею ненависть; Он преподает долготерпение, заменяя им малодушие. Получают такие качества те, которые удостоились возрождения»[1].

«Тщательно внимай себе и утверждайся верою, взирая очами ума на Господа нашего Иисуса Христа, Который, будучи Бог, имея неисповедимую славу и величество, соделался человеком ради нас, *и оставил нам образ, да последуем стопам Его*[2]. Он, *зрак раба приим, смирил Себе*[3] неизреченно. Он явился к нам в положении нищего и переносил равнодушно это состояние уничижения. Он претерпел многие и тяжкие поношения и бесчестия. Совершилось над Ним предречение Писания: *яко овча на заколение ведеся, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих. Во смирении Его суд Его взятся*[4]. Он принял за нас смертную казнь, которую предварили и сопровождали страшные наругания, побои и пытки. Последуя Ему, во исполнение заповеди Его, во очищение грехов наших, мы должны терпеливо и усердно переносить, если подвергнемся справедливо или несправедливо укоризнам или кле-

---

[1] Слово 26. || [2] *...оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* (1 Пет. 2. 21). || [3] *...приняв образ раба, ...смирил Себя* (Флп. 2. 7, 8). || [4] *...как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стрегущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят* (Ис. 53. 7, 8).

ветам. Зачем говорить много? если будут преследовать нас до смерти, то пойдем на смерть, как овцы ведутся на заколение, как бессловесный скот на убой, не противореча и не сопротивляясь. Умоляй о пощаде, если то окажется возможным. Если же окажется невозможным, то храни молчание в великом смирении»[1].

«Тщательно внимай себе и веруй, что укоризны и бесчестия, переносимые ради Господа, составляют великое приобретение для души твоей, служат ей средством спасения. Претерпевай их усердно, не смущаясь. Помышляй, что ты достоин пострадать несравненно больше за грехи твои. Говори сам себе: «Велико для меня, что удостаиваюсь понести эти страдания и огорчения ради Господа. Многие скорби и уничижения, которым подвергаюсь, соделают меня, может быть, в некоторой степени последователем пострадавшего за меня Бога». Каждый раз, как ни вспомнишь об оскорбивших тебя, не поропщи на них: помолись о них искренно, от души, как о благодетелях, исходатайствовавших тебе великие приобретения»[2].

«Тщательно внимай себе и возгнушайся любоначалием, исканием славы, почестей и похвал человеческих, вменяемостию, побуждающею признавать себя значущим что-либо или исполнившим какую добродетель, или лучшим брата твоего, или даже равным ему; возненавидь все это совершенною ненавистию как причину душепогибели, вечной смерти, вечной муки. Отсекай мерзкую похоть и плотскую сласть, даже в самомалейших проявлениях. Не позволяй себе свободного обращения ни с кем; не прикоснись к телу ближнего твоего и даже на лицо его не посмотри без особенной нужды; не съешь безвременно ниже малейшего количества пищи. Так, соблюдая и утверждая себя в мелочах, не впадешь и в тяжкие согрешения. Пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение»[3].

«Тщательно внимай себе и признавай себя искренно, от души, последнейшим из всех христиан и величайшим грешником. Содержи непрестанно душу в плаче, в смирении, в стенаниях. Пребывай всегда в молчании, как недостойный говорить и не знающий ничего; никак не говори без требования нужды»[4].

«Тщательно внимай себе, постоянно помни, постоянно имей пред очами огнь вечный и вечные муки, смотря мысленно на грешников, осужденных туда и там терзающихся, считай себя более принадлежащим к ним, нежели к числу живущих на земле»[5].

---

[1] Слово 28. ‖ [2] Слово 28. ‖ [3] Слово 28. ‖ [4] Слово 28. ‖ [5] Слово 28.

«Тщательно внимай себе и помышляй, что Господь наш Иисусе Христос умер за нас, искупил нас Своею Кровию, воскрес и совоскресил нас с Собою. По этой причине и ты уже должен жить не в падшем твоем естестве, но в Господе. Веруй, что находишься всегда пред Ним и что Он смотрит на твое сердце»[1].

«Тщательно внимай себе и содержи себя в непрестанной готовности оказать полное повиновение воле Божией, хотя бы с этим повиновением сопряжена была малая или великая скорбь, даже если б подвергалась опасности жизнь, если б последовала насильственная смерть. Всегда ожидай великих и страшных искушений, скорбей, напастей, смерти лютой, чтоб они не застали тебя неготовым»[2].

«Тщательно внимай себе и никак не попускай размышлять о чем-либо, не благоугодном Богу: Бог присутствует везде и видит все. Желая сказать что-либо или сделать, или вступить с ближним в какое-либо сношение, или вкусить пищи и пития, или уснуть, — словом, намереваясь приступить к какому бы то ни было начинанию, рассмотри прежде, согласно ли оно с заповедию Божиею, взвесь причину, побуждающую тебя действовать так, говори и поступай как пред взорами Бога, с целию говорить и делать одно благоугодное Ему. Таким образом ты стяжешь близость к Богу и великое дерзновение к Нему»[3].

«Тщательно внимай себе, и если кто-либо оскорбит тебя, а в тебе от этого возбудится печаль или гнев, то сохрани молчание, никак не дозволь себе сказать в это время что-либо неприличное. Когда же молитва успокоит твое сердце, тогда объяснись кротко и мирно с братом. Если встретится нужда обличить брата и в это время усмотришь, что ты сам волнуешься гневом и находишься в расстройстве, то никак не говори чего-либо брату, чтоб не возмутиться еще более. Когда же придешь и брат придет в благое и кроткое устроение, тогда скажи, не обличая и укоряя, но объясняя дело с великим смиренномудрием»[4].

«Тщательно внимай себе и отнюдь не ищи удовлетворения твоей воле и твоему покою ни в каком деле, ни в каком слове, ни в какой мысли: старайся во всяком случае исследовать и найти с точностию то, что согласно воле Божией, и исполнить это с решительностию и вполне, хотя бы исполнение и сопряжено было с великим трудом. Поступающие так действуют и терпят в истине, ради Царства Небесного. Веруй от всего сердца, что последование воле

[1] Слово 28. ‖ [2] Слово 28. ‖ [3] Слово 28. ‖ [4] Слово 28.

Божией несравненно полезнее для тебя всех действий по умышлениям мудрости человеческой. Заповеди Божии заключают в себе жизнь вечную. *Взыскающии Господа не лишатся всякаго блага*»[1].

«Тщательно внимай себе, как находящийся непрестанно пред Богом. Не возлагай надежды ни на кого: устреми всю веру к Богу; уповай на Его единого. Если нуждаешься в чем, моли Бога, чтоб Он доставил нужное тебе по святой воле Его. За все, что имеешь, благодари Бога непрестанно. Признавай все, что имеешь, полученным от Бога, не от кого другого. Терпишь ли в чем недостаток? не печалься, не ропщи ни на кого, переноси лишение усердно и без смущения, помышляя, что ты достоин многих скорбей за грехи твои. Не прибегни к средствам человеческим, скажи сам себе: «Если Бог благоволит помиловать меня, то может сделать это». Бог посылает все нужное тому, кто руководствуется этим образом мыслей»[2]. «Тщательно внимай себе и никак не прими чего-либо, не удостоверясь, что предлагаемое тебе приобретено средством праведным и посылается тебе Промыслом Божиим. Такое даяние возьми, нисколько не сомневаясь. Если же узнаешь, что предлагаемое тебе приобретено путем неправды, насилием, обманом, лукавством, — отвергни приношение. *Лучше частица малая со страхом Господним, нежели сокровища велия без боязни*»[3].

«Тщательно внимай себе и с понуждением себя приобучайся к молчанию, чтоб Бог даровал тебе силу подвизаться и преуспевать в добродетели. Когда представится нужда говорить, то размысли прежде, уважительна ли эта нужда и что будет благоугоднее Богу: то ли, что вступишь в разговор, или хранение молчания. Убедившись, что ты должен говорить, отверзи уста со страхом Божиим, имея лицо опущенным долу, и слово твое произнеси скромно и почтительно. Вступив в разговор с возлюбленным твоим, поговори немного и спеши замолчать. Спрошенный — отвечай, сколько требует существенная нужда; сверх необходимого не говори ничего»[4].

«Тщательно внимай себе, и как воздерживаешься от блуда, так воздерживайся от увлечения похотию очей, слуха, языка и осязания. Глаза твои да будут постоянно устремлены на рукоделие твое; да не видят они лица человеческого без благословной нужды. Особенно остерегайся смотреть на женщин и даже на красивых мужчин. Не позволь себе слушать того разговора, в котором пересужи-

---

[1] *...ищущие Господа не терпят нужды ни в каком благе* (Пс. 33. 11); Слово 28. ‖ [2] Слово 28. ‖ [3] *Лучше немногое при страхе Господнем, нежели большое сокровище, и при нем тревога* (Притч. 15. 16); Слово 28. ‖ [4] Слово 28.

ваются чужие дела. Брат! если найдешь эти советы душеполезными, то постарайся последовать им, и Бог поможет тебе и защитит тебя в час искушения»[1].

Святая Церковь, между прочими наставлениями, завещавает принимающему пострижение иноку нижеследующее: «Да не предпочтеши что паче Бога: да не возлюбиши ниже отца, ниже матерь, ниже братию, ниже кого от своих, ниже самого себе возлюбиши паче Бога, — ниже царствия мира, или упокоения коего-либо буди, или чести. Нищеты да не отвращаешися, ниже озлобления, ниже уничижения человеческого, ниже иного чесого, еже непщуеши быти неудобно, и возбранен будеши тещи за Христом; но присно взирай на яже во упованиих по Богу живущих благая, и вся от века помышляй мученики и преподобные, иже многими поты и труды, и бесчисленными кровьми и смертми сия стяжаша. Трезвися во всех, злопостражди, яко добр воин Христов: Сам бо Господь и Бог наш, богат сый в милости, нас ради обнища, быв по нам, да мы обогатимся Царствием Его. Подобает убо и нам подражателем Его быти, и Его ради вся претерпети, преспевающим в заповедех Его день и нощь. Сам бо Господь рече: аще кто хощет вслед Мене ити, да отвержется себе, и да возмет крест свой, и да последует Мне, еже есть готову присно быти, даже до смерти, на всякое исполнение заповедей Его. Ибо и алкати имаши, и жаждати, и нагствовати, досадитися же и укоритися, уничижитися и изгнатися, и иными многими отяготитися скорбными, ими же сущий по Богу живот начертавается. И егда сия вся постраждеши, радуйся, глаголет Господь, яко мзда твоя многа на небесех во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава во веки, аминь». Святая Церковь, произнесши это изложение своего духовного образа мыслей (мудрования, разума), в котором показано чудное сочетание заповедей Христовых с крестом Христовым, требует от принимающего пострижение, чтоб он, во-первых, исповедал истину этого изложения, во-вторых, дал обет последовать ему. Она вопрошает вступающего в иночество: «Сия вся тако ли исповедуеши в надежди силы Божия, и в сих обетех пребывати обещаешилися даже до конца живота благодатию Христовою?» Затем, пострижение дается только тому, кто признает произнесенное здесь учение Святой Православной Церкви истинным и даст обет доказывать всежизненною деятельностию услышанную, признанную, исповеданную им истину[2].

---

[1] Слово 28. ‖ [2] Требник. Последование малой схимы.

Таков разум Святой Церкви! таков разум всех святых Отцов Православной Церкви! Мы удовольствовались здесь немногими выписками: их можно сделать несравненно больше; но это было бы повторением одного и того же учения в различной форме. Заключим советы Отцов нашим убогим советом, основанным на самых благотворных и благодетельных опытах. При встретившейся скорби полезно повторять следующие краткие изречения, повторять со вниманием и от всей души, повторять, доколе не прольется в сердце от повторения их спокойствие, даже утешение и сладость:

1) «Достойное по делам моим приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

2) «Господи! да будет святая воля Твоя над мною, грешным, ныне и во веки».

3) «Господи! я — создание и раб Твой; хочу или не хочу, нахожусь во власти Твоей: твори с созданием Твоим по святой воле Твоей и по великой милости Твоей».

4) «Слава Тебе, Господи, за все, что Ты навел на меня, слава Тебе! Праведен и многомилостив суд Твой надо мною, заслужившим все временные и вечные казни».

5) «Благодарю и славословлю Тебя, Господь и Бог мой, за те малые и ничтожные скорби, которые Ты попускаешь мне всеблагим и премудрым Промыслом Твоим, которыми Ты обличаешь неведомые мною страсти мои, которыми облегчаешь мне ответ на Страшном Суде Твоем, которыми искупаешь меня от вечных мук ада».

Очевидно, что эти изречения заимствованы из Священного Писания и Отеческих писаний; при внимательном, неспешном повторении их они действуют весьма скоро, сильно, благотворно, спасительно.

Глава 31
Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени

Святые Отцы, иноки первых времен христианства, совершенные христиане, исполненные Святого Духа, имели откровение Свыше о монашестве последнего времени и произнесли о нем пророчество, сбывающееся пред очами нашими. Все предречения Отцов схожи между собою и возвещают, что монашество последних времен будет проводить жительство весьма слабое, что ему не будет предоставлено ни тех душевных и телесных сил, ни того обилия

благодатных даров, какие были предоставлены первым монахам, что самое спасение будет для него весьма затруднительным.

Некоторый египетский Отец однажды пришел в исступление и сделался зрителем духовного видения. Три монаха, видел он, стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: «Примите крылья и придите ко Мне». Вслед за гласом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то бессильные, и он полетел чрез море с большим трудом и усилием. Часто ослабевал он и погружался в море; видя себя утопающим, начинал вопиять жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, снова опускался к пучине, снова вопиял, снова приподымался и, истомленный, едва перелетел чрез море. Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий — монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию[1]. — Некогда святые Отцы Египетского Скита пророчески беседовали о последнем роде. «Что сделали мы?» — говорили они. Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: «Мы исполнили заповеди Божии». Спросили его: «Что сделают те, которые будут после нас?» — «Они, — сказал авва, — примут (будут исполнять) делание вполовину против нас». Еще спросили его: «А что сделают те, которые будут после них?» — Авва Исхирион отвечал: «Они отнюдь не будут иметь монашеского делания; но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших»[2]. — Архимандрит Аркадий, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря, скончавшийся в 1847 году, поведал о себе нижеследующее: «Однажды я был в скорби по какому-то случаю. Угнетаемый ею, пришел я к утрени и, стоя у утрени, размышлял о моей скорби. Не знаю — что со мною сделалось: я невольно закрыл глаза, ощутил какую-то забывчивость, но не дремание, потому что слышал внятно каждое слово совершавшегося тогда чтения. Внезапно вижу пред собою преподобного обители нашей, Кирилла. Он говорит мне: «Что ты унываешь? разве не знаешь, что монахи последних времен должны спасаться скорбями?» Услышав эти слова, Архимандрит очнулся. Видение оставило в душе простейшего старца — таков был архимандрит Аркадий — глубокое спокойствие. — Итак, скорби суть по преимуществу удел наш, удел совре-

---

[1] Алфавитный патерик, в житии преподобного Иоанна Колова. || [2] Алфавитный патерик, в житии Иоанна Колова, и Достопамятные сказания, буква И.

менного монашества, удел, назначенный нам Самим Богом. Да будет это сведение источником утешения для нас! да ободряет и укрепляет оно нас при всех постигающих нас разнообразных скорбях и искушениях. *Смиримтеся убо под крепкую руку Божию, всю печаль* (попечение) *вашу возвергши Нань, яко Той печется о нас*[1], и вседушно предадим себя обучению скорбями, при тщательнейшем исполнении евангельских заповедей: такова о нас воля Господа Бога нашего. Наши скорби большею частию весьма утончены, так что при поверхностном взгляде на них нельзя признать их и скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего, стяжавшего в борьбе с немощным человеком необыкновенные опытность и искусство от долговременного упражнения в борьбе. Падший дух усмотрел, что искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их; он усмотрел это и заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возводят его в подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении; они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, уныния, бездействия. Пред Богом ясны и злохитрость сатаны, и тяжесть наводимых им браней на современное иночество. Бог увенчает новейших борцов не менее древних, хотя подвиг первых менее явен, нежели подвиг вторых. Мы не должны предаваться расслаблению, унынию и бездействию; напротив того, обратим все внимание и все усилие на исполнение евангельских заповедей. Это исполнение откроет нам бесчисленные козни врага, ту злохитрую обдуманность, с которою они устроены и расставлены. Мы увидим, что современные, по наружности слабые, скорби и напасти стремятся, подобно древним сильным скорбям и напастям, отвлечь человека от Христа, уничтожить на земле истинное христианство, оставив одну оболочку для удобнейшего обмана. Мы увидим, что слабые искушения, но придуманные и исполняемые с адским лукавством, действуют гораздо успешнее в видах сатаны, чем искушения тяжкие, но очевидные и прямые.

Главнейшая причина, по которой скорби особенно тягостны для современного монашества, заключается в нем самом и состоит преимущественно в недостатке духовного назидания. Недостаток духовного назидания должно признать величайшим бедствием.

---

[1] 1 Пет. 5. 6, 7.

И не скоро усматривается это бедствие! не скоро оно делается понятным для инока! Новоначальный, объятый ревностию, в которой имеет большое значение кровь и весьма малое значение духовный разум, обыкновенно довольствуется тем назиданием, которое он встретит в монастыре или которое он захочет дать сам себе. Уже впоследствии, при самом тщательном изучении Священного Писания и Отеческих писаний, подвижникам, и то немногим, делается мало-помалу ясным, что для иноческого преуспеяния необходимо *духовное* назидание, что *душевное* назидание, как бы оно ни было по наружности роскошно и великолепно, как бы ни прославлялось слепотствующим миром, пребывает во мраке и последующих ему хранит во мраке, в области падших духов[1]. Руководство словом Божиим из книги, а не из живых уст, то единственное руководство, которое нам предоставлено, причем инок по необходимости сам делается в значительной степени своим руководителем, несмотря на приносимую существенную пользу, сопряжено с большими и частыми погрешностями и уклонениями, неминуемыми последствиями неведения и состояния под владычеством страстей. Неведение новоначального и преобладание в нем страстей не дают ему возможности понимать Писание как должно и держаться его с должною твердостию. Перелетая чрез греховное море, мы часто ослабеваем, часто в изнеможении падаем и погружаемся в море, подвергаемся опасности потонуть в нем. Состояние наше, по причине недостатка в руководителях, в живых сосудах Духа, по причине бес-

---

[1] Иак. 3. 15. Святой Исаак Сирский говорит: «Иное достоинство слова из духовной опытности, и иное достоинство слова красноречивого. Ученость умеет украшать слова свои и не изучив дела опытно; умеет она беседовать великолепно о истине, не ведая истины; умеет она пространно излагать о добродетели, никогда не вкусив познания ее от упражнения в ней. Слово от духовной опытности — сокровищница надежды, а ученость без опытного знания — залог стыда. Произносящий слово, не основанное на опытном знании, подобен художнику, изображающему на стенах живописью источники вод, и вода эта не может утолить жажды его, — подобен видящему прекрасные сны. Говорящий же о добродетели из своих опытов преподает слово слушателям, как бы кто раздавал подаяние из имения, приобретенного на свои деньги: он сеет слово в сердца внимающих ему как бы из собственного стяжания; он отверзает с дерзновением уста пред духовными чадами подобно древнему Иакову, который сказал целомудренному Иосифу: «Се *аз даю ти* единую часть *свыше братии твоея, юже взях у* Аммореев *мечем моим и луком* моим. — *Я даю тебе, преимущественно пред братьями твоими, один участок, который я взял из рук Аммореев мечом моим и луком моим* (Быт. 48. 22)» (Слово 1). «Не ищи получить совет от кого-либо, чуждого жительству твоему (монашескому), хотя бы он был и очень учен. Исповедуй помысл твой не знающему наук, но опытно знающему монашество, а не красноречивому философу, беседующему от учености по букве и не знакомому опытно с делом» (Слово 78).

численных опасностей, которыми мы обстановлены, достойно горького плача, неутешного рыдания. Мы бедствуем, мы заблудились, и нет голоса, на который могли бы выйти из нашего заблуждения: книга молчит, падший дух, желая удержать нас в заблуждении, изглаждает из нашей памяти и самое знание о существовании книги. *Спаси мя, Господи,* взывал Пророк, провидя пророческим духом наше бедствие и приемля лицо желающего спастись, *яко оскуде преподобный!* нет духоносного наставника и руководителя, который непогрешительно указал бы путь спасения, которому желающий спастись мог бы вручить себя со всею уверенностию! *Умалишася истины от сынов человеческих, суетная глагола кийждо ко искреннему своему*[1], по внушению душевного разума, способного только развивать и печатлеть заблуждения и самомнение. Мы крайне слабы; окружающие нас соблазны умножились, усилились чрезмерно: в обольстительных разнообразии и привлекательности предстоят они болезненным взорам ума и сердца, притягивают их к себе, отвращают от Бога. Мы столько подчинились влиянию соблазнов, что даже руководство Словом Божиим, единственное средство спасения, нами оставлено. При нем необходимо вести самую внимательную жизнь, чуждую рассеянности, а наша поврежденная воля требует совсем противного. Мы устремились к вещественному преуспеянию, к преуспеянию мира! нам нужны почести, нам нужны изобилие и роскошь! нам нужны рассеянность и участие в наслаждениях мира! чтоб достигнуть этого, мы исключительно озабочены развитием падшего естества. Самое понятие о естестве обновленном нами утрачено; евангельские заповеди пренебрежены и забыты; делание душевное нам вовсе не известно, а телесным деланием мы заняты настолько и с тою целию, чтоб могли казаться пред миром благоговейными и святыми и получать от него возмездие его. Тесный и прискорбный путь спасения оставлен нами: идем по пути широкому и пространному. *Спаси мя Господи! яко оскуде преподобный. Умалихомся* мы, иноки, *паче всех язык, и есмы смирени по всей земли днесь грех ради наших. И несть во время сие князя и пророка и вождя*[2] для предводительства в невидимой чувственными очами брани *не к крови и плоти, но к началом, и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[3].

---

[1] *...ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему* (Пс. 11. 1–3). ‖ [2] *Мы умалены, Господи, паче всех народов, и унижены ныне на всей земле за грехи наши, и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя* (Дан. 3. 37, 38). ‖ [3] *...не против крови и плоти, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12).

Горе миру от соблазн: нужда бо есть приити соблазном[1], предвозвестил Господь. И пришествие соблазнов есть попущение Божие, и нравственное бедствие от соблазнов есть попущение Божие. К концу жизни мира соблазны должны столько усилиться и расплодиться, что по причине *умножения беззакония изсякнет любы многих*[2], *и Сын Человеческий пришед обрящет ли веру на земли?*[3] *земля Израилева,* Церковь, будет *низвращена от меча* — от убийственного насилия соблазнов — *и пуста весьма*[4]. Жительство по Боге соделается очень затруднительным. Соделается оно таким потому, что живущему посреди и пред лицом соблазнов невозможно не подвергнуться влиянию соблазнов. Как лед при действии на него тепла теряет свою твердость и превращается в мягчайшую воду, так и сердце, преисполненное благого произволения, будучи подвергнуто влиянию соблазнов, особливо постоянному, расслабляется и изменяется. Соделается жительство по Боге очень затруднительным по обширности, всеобщности отступления. Умножившиеся отступники, называясь и представляясь по наружности христианами, тем удобнее будут преследовать истинных христиан; умножившиеся отступники окружат бесчисленными кознями истинных христиан, противопоставят бесчисленные препятствия их благому намерению спасения и служения Богу, как замечает святой Тихон Воронежский и Задонский. Они будут действовать против рабов Божиих и насилием власти, и клеветою, и злохитрыми кознями, и разнообразными обольщениями, и гонениями лютыми. Спаситель мира едва нашел малозначущий и отдаленный Назарет, чтоб укрыться от Ирода и от возненавидевших Его книжников, фарисеев, священников и первосвященников иудейских: так и в последнее время истинный инок едва найдет какой-либо отдаленный и неизвестный приют, чтоб в нем с некоторою свободою служить Богу и не увлекаться насилием отступления и отступников в служение сатане[5]. О, бедственное время! О, бедственное состояние! О, бедствие нравственное, неприметное для чувственных людей, несравненно большее всех вещественных, громких бедствий! О, бедствие, начинающееся во времени и не кончающееся во времени, но переходящее в вечность! О, бедствие из бедствий,

---

[1] *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам* (Мф. 18. 7). ‖ [2] *...по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф. 24. 12). ‖ [3] *...Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк. 18. 8). ‖ [4] *...в землю, избавленную от меча ...в постоянном запустении* (Иез. 38. 8). ‖ [5] Келейные письма святителя Тихона. Том 15, письмо 67.

понимаемое только одними истинными христианами и истинными иноками, неведомое для тех, которых оно объемлет и губит!

Соделавшись зрителями такого духовного видения, произнесем из пламени соблазнов то исповедание и ту песнь славословия, которые произнесены тремя блаженными отроками из горящей пещи Вавилонской. Любовию нашею соединимся со всем человечеством, рассеянным по лицу земли: от всего человечества, будучи представителями его пред Богом, произнесем исповедание и славословие Богу, пролием пред Ним смиренную молитву о себе и о всем человечестве. *Благословен еси, Господи, Боже отец наших, хвально и прославлено имя Твое во веки. Яко праведен еси во всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна, и прави путие Твои, и вси суди Твои истинни, и судбы истинны сотворил еси по всем, яже навед еси на ны и на град святый отец наших Иерусалим, яко истиною и судом навел еси сия вся грех ради наших. Согрешихом и беззаконновахом отступивше от Тебе, и прегрешихом во всех, и заповедий Твоих не послушахом, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, да благо нам будет. И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны, истинным судом сотворил еси, и предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких отступников... Не предаждь убо нас до конца имени Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас... Душею сокрушенною и духом смиренным да прияти будем. Не посрами нас, но сотвори с нами по кротости Твоея и по множеству милости Твоея, и изми нас по чудесам Твоим, и даждь славу имени Твоему Господи*[1]. Святые Отцы сказали

[1] *«Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, хвально и прославлено имя Твое вовеки. Ибо праведен Ты во всем, что соделал с нами, и все дела Твои истинны и пути Твои правы, и все суды Твои истинны. Ты совершил истинные суды во всем, что навел на нас и на святый град отцов наших Иерусалим, потому что по истине и по суду навел Ты все это на нас за грехи наши. Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили. Заповедей Твоих не слушали и не соблюдали их, и не поступали, как Ты повелел нам, чтобы благо нам было. И все, что Ты навел на нас, и все, что Ты соделал с нами, соделал по истинному суду. И предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле. И ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя. Но не предай нас навсегда ради имени Твоего, и не разруши завета Твоего. Не отними от нас милости Твоей ради Авраама, возлюбленного Тобою, ради Исаака, раба Твоего, и Израиля, святаго Твоего, которым Ты говорил, что умножишь семя их, как звезды небесные и как песок на берегу моря. Мы умалены, Господи, паче всех народов, и унижены ныне на всей земле за грехи наши, и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою. Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты. Как при всесожжении овнов и тельцов и как при тысячах тучных агнцев, так да будет жертва наша пред*

о иноках последнего времени: «В последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди их знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением»[1]. В самом деле: какой ныне самый благонадежный путь спасения для инока? Тот путь, который способен охранить его от влияния соблазнов извне и внутри. Он заключается по наружности в удалении от знакомства и свободного обращения вне и внутри монастыря, в неисходном, по возможности, пребывании в монастыре и в келлии, а по душе в изучении и исполнении евангельских заповедей, или, что то же, в изучении и исполнении воли Божией[2], и в безропотном и благодушном терпении всех попускаемых Промыслом Божиим скорбей, при признании себя от искренности сердца достойным этих скорбей. Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в смирении[3]. Смирение истребляет из души и тела все греховные страсти и привлекает в нее благодать Божию. В этом и заключается спасение.

Глава 32
Источники иноческих скорбей

Искушения на инока возникают из следующих четырех источников: из падшего нашего естества, из мира, от человеков и от демонов. Собственно источник искушений один: наше падшее естество. Если б естество не находилось в состоянии падения, то зло не возникало бы в нас самих, соблазны мира не имели бы на нас никакого влияния, человеки не восставали бы друг против друга, падшие духи не имели бы повода и права приступать к нам. Потому-то и говорит Писание: *Кийждо искушается, от своея похоти влеком и прельщаем*[4].

Бесконечная благость и премудрость Божия устроила для спасающихся так, что все искушения, какие бы то ни было, приносят истинным рабам и служителям Божиим величайшую пользу, могущественно вспомоществуют им в деле спасения и духовного пре-

Тобою ныне благоугодною Тебе; ибо нет стыда уповающим на Тебя. И ныне мы следуем за Тобою всем сердцем и боимся Тебя и ищем лица Твоего. Не посрами нас, но сотвори с нами по снисхождению Твоему и по множеству милости Твоей и избави нас силою чудес Твоих, и дай славу имени Твоему, Господи» (Дан. 3. 26–43).

[1] 4 ответ святого Нифонта Цареградского в «Руководстве к духовной жизни» преподобных Варсонофия Великого и Иоанна. ‖ [2] Рим. 12. 2. ‖ [3] Слова преподобного Марка Подвижника о Законе Духовном, гл. 31. ‖ [4] *...каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью* (Иак. 1. 14).

успеяния. Зло не имеет доброй цели; оно имеет одну злую цель. Но Бог так чудно устроил дело спасения нашего, что зло, имея злую цель и действуя с намерением повредить рабу Божию во времени и в вечности, способствует этим его спасению. Спасение, как духовное таинство, соделывающее человека причастником Божественного добра, непостижимо для зла, которое слепо по отношению к Божественному добру, как вполне чуждое его, а понимает только свое, то есть или одностороннее зло, или добро падшего естества, смешанное со злом и отравленное злом. Преподобный Макарий Великий говорит: «Содействует злое благому намерением неблагим»[1]. И апостол Павел сказал: *Любящим Бога вся спопешествуют во благое*[2].

Падшее естество, извергая из себя в разнообразных видах грех — здесь разумеется грех не деятельный, а в помыслах, в ощущениях сердца и тела — и препираясь с Евангелием, доставляет, при свете Евангелия, подвижнику опытное и подробное понятие падения; как его собственного, так и общего всему человечеству, доставляет опытное познание необходимости Искупителя, доставляет опытное познание, что Евангелие врачует и оживляет душу, доставляет дух сокрушен и смирен, который водворяется в подвижнике по причине видения им бесчисленных язв и немощей, нанесенных человеку и роду человеческому падением. Яд греха, ввергнутый падением в каждого человека и находящийся в каждом человеке, действует по Промыслу Божию в спасающихся к существенной и величайшей пользе их[3].

Мир, искушая подвижника, доставляет ему опытное познание, как земная жизнь превратна и обманчива, что все сладостное, вожделенное и великое ее оканчивается пустотою и горестию; от этих опытных познаний подвижник стяжевает хладность к земной жизни, к гостинице своей — земле, ко всему, что признается на ней вожделенным для сынов мира, обращает взоры ума и сердца к вечности и начинает усерднейшими молитвами ходатайствовать пред Богом о своей загробной участи.

Человеки, искушая подвижника, доставляют ему возможность соделаться исполнителем возвышеннейших заповеданий Евангелия, заповеданий о любви к врагам. Любовь к врагам есть высшая степень узаконенной Евангелием любви к ближнему. Достигший любви к врагам достиг совершенства в любви к ближнему, и ему сами собою отворились врата любви к Богу. Все препятствия откло-

[1] Слово 4, гл. 6. ‖ [2] Рим. 8. 28. ‖ [3] Святой Исаак Сирский. Слова 46, 58, 61.

нены! вечные затворы и замки расслабели и разверзлись! уже подвижник не осуждает ближнего; уже он отпустил ему все согрешения его; уже он молится за него, как за своего сочлена, принадлежащего одному телу; уже он признал и исповедал, что все скорби, случающиеся рабу Божию, попускаются не иначе, как по мановению Божию; уже он покорился воле Божией во всех обстоятельствах, частных и общественных, и потому со свободою, как наперсник священного мира, как исполнивший относительно ближнего все, повеленное Богом, вступает в объятия Божественной любви. Этого подвижник не мог бы достичь, если б не подвергся различным искушениям от человеков и по причине искушений не изверг из себя, как бы от действия очистительного врачевства, всей злобы и гордыни, которыми заразилось падшее естество.

Искушения от лукавых духов обыкновенно попускаются после обучения искушениями от падшего естества, от мира и от человеков. Лукавые духи сперва поддерживают падшее естество в борьбе против евангельского учения или принимают участие в искушениях, наносимых подвижнику соблазнами мира и человеками; впоследствии, в свое время, по особенному попущению Божию, открывают лично, собою, брань против раба Христова, возводящую его в великий подвиг. Победитель в этой брани увенчивается особенными духовными дарованиями, как можно видеть из жизнеописаний преподобного Антония Великого, преподобного Иоанна Многострадального и других святых иноков. Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общения с ними и потому не может достигнуть полной свободы от порабощения им в сем и будущем веке. Оставившие земную жизнь в таком состоянии не могут не подвергнуться истязаниям от бесов на воздушных мытарствах. Преподобный Макарий Великий говорит: «души, скорбми наносимыми от злых духов не искушенные, пребывают еще в отрочестве, и, да тако реку, не способны к Царству Небесному»[1].

Зло есть причина всех скорбей и искушений. Но премудрость и всемогущество Божии служат причиною того, что на рабов Божиих искушения и скорби действуют душеспасительно, доставляя им возможность совершать возвышеннейшие евангельские заповеди, последовать Христу, взяв крест свой, соделываться ближайшими учениками Господа. Напротив того, скорби и искушения действуют гибельно на сынов погибели! зло низлагает их; они не умеют победить

[1] Слово 7, гл. 14.

его и прежние свои законопреступления навершают новыми законопреступлениями. Так один из разбойников, распятых близ Господа, дополнил на кресте свои злодеяния богохульством[1]. Всемогущество и премудрость Божии служат причиною того, что зло, действуя с намерением и целию, единственно злыми, пополняет, не ведая того, предначертания Промысла Божия. Так иудейское духовенство, движимое завистию и ненавистию к Богочеловеку, преследовало Его в течение всей Его земной жизни и устроило Ему позорную смертную казнь; но это духовенство, по бесконечной премудрости Бога и Его всемогуществу, было слепым орудием предопределения Божия, состоявшего в том, чтобы всесвятой Христос, пострадав за виновное человечество, страданиями Своими искупил виновное человечество и проложил для всех желающих спастись спасительный крестный путь, возводящий шествующих по нему на небо[2]. Таким же оруди́ем Божиим бывает зло относительно всех служителей Божиих, не приобретая из этого для себя ничего; зло, содействуя по мановению Божию в неведении своем добру, не престает пребывать для себя и для совершающих его тем, что оно есть, — злом. — Рабы Божии! знайте наверно, что случающиеся вам скорби приходят не сами собой, а по попущению Божию, и прилагайте возможное тщание, чтоб переносить их с терпением и долготерпением, принося за них славословие и благодарение Богу! знайте, что противящийся скорбям и ищущий отклонить от себя скорбный путь действует против своего спасения, стремится в слепоте своей разрушить порядок и способ спасения, установленный Богом для всех рабов Его.

Глава 33
О необходимости мужества при искушениях

Одним из величайших достоинств полководца в бранях мира сего признается то, когда он не упадает духом при всех превратностях счастия, но пребывает непоколебим, как бы каменосердечный, заимствуя из твердости своей самые разумные и полезные распоряжения, приводя этою твердостию в недоумение врагов своих, ослабляя их дерзость, воодушевляя мужеством собственное воинство. Такой характер полководца бывает причиною необыкновенных успехов, — и, внезапно, целый ряд потерь и несчастий увенчивается решительными победами и торжеством. Таким должен быть ум монаха — этот вождь в невидимой борьбе против греха. Ничто,

[1] Лк. 23. 39. || [2] Деян. 3. 18.

никакое искушение, нанесенное человеками и духами, возникшее из падшего естества, не должны смутить его. Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога, Которому мы предались в служение, Который — всемогущ. Малодушие и смущение рождаются от неверия; но только что подвижник прибегнет к вере — малодушие и смущение исчезают, как тьма ночи от восшедшего солнца. Если враг принесет тебе различные греховные помыслы и ощущения или если они восстанут из падшего естества твоего: не испугайся, не удивись этому, как чему-либо необычайному. Скажи сам себе: «Я — в беззакониях зачат и во грехах рожден: невозможно естеству моему, столько зараженному греховным ядом, не обнаруживать из себя своей заразы». Точно: невозможно падшему естеству не давать из себя плода своего, особливо когда оно начнет возделываться евангельскими заповедями. Когда начнут перепахивать землю плугом, тогда выпахиваются наружу самые корни плевелов и, при постоянной перепашке, постепенно истребляются, постепенно нива достигает чистоты: так при возделывании сердца заповедями извлекаются из него наружу самые основные помышления и ощущения, от которых произрастает всякого рода грех, и, таким образом, при постоянном и постепенном обнаружении, истребляются мало-помалу. Положим: возникнет в тебе внезапно блудная страсть — не смутись этим. Точно так же: если возникнут гнев, памятозлобие, корыстолюбие, печаль — не смутись этим. Этому должно быть! Но лишь явится какая страсть, — нисколько не медля, посекай ее евангельскими заповедями. Если не будешь поблажать страстям — узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими, то они умертвят тебя. Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества; но когда греховные помыслы и ощущения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить их особенно. Такие помыслы и ощущения должно исповедывать духовнику, так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое таинство исповеди спасет тебя; благодать Божия, присущая таинству исповеди, исцелит тебя. Постоянным и усиленным нападением на нас падший дух старается посеять и возрастить в нас семена греха, приучить к какому-нибудь виду греха частым напоминанием о нем, возбудить к нему особенное влечение и обратить этот вид греха

в навык, как бы в естественное свойство. Греховный навык называется *страстию,* лишает человека свободы, соделывает его пленником, рабом греха и падшего ангела. Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого на монашеском языке *бранию,* нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь. Исповедь — едва ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере, она — оружие самое сильное и самое действительное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной диаволом: прибегай к нему, доколе диавол и нанесенная им напасть не отступят от тебя. Диавол любить злодействовать тайно; любит быть непримеченным, непонятым[1]. Он *ловит в тайне, яко лев во ограде своей, ловит еже восхитити нищаго*[2], неопытного и немощного инока. Он не терпит быть обнаруженным и объявленным: будучи обличен и объявлен, кидает добычу свою, уходит. Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливающиеся усвоиться душе, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая бессмысленной заботы исчислить их на исповеди пред причащением Святым Христовым Тайнам; скажи, что ты сверх значительных грехов, которые должно изложить с точностию, согрешил разными помышлениями, словами и делами, в ведении и неведении.

Глава 34
О трезвении

Между прочими всесвятыми и спасительными завещаниями Своими Господь заповедал нам непрестанную молитвенную бдительность над собою, состояние, называемое в деятельных Отеческих писаниях священным трезвением. *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть*[3], сказал Господь ученикам Своим; *а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите*[4]. Преподобный Исихий Иерусалимский определяет трезвение так: «Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией»[5]. Из этого явствует, что трезвение основано на тщательнейшем и постоянном изучении евангельских запо-

[1] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31. || [2] *Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище; подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного* (Пс. 9. 30). || [3] *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26. 41). || [4] Мк. 13. 37. || [5] Глава 3. Добротолюбие. Ч. 2.

ведей, а впоследствии и всего Священного Писания. Трезвение стремится непрестанно пребывать в исполнении всех евангельских заповедей делами, словами, помышлениями, чувствованиями. Чтоб достигнуть своего намерения, оно непрестанно бодрствует, непрестанно поучается в законе Божием, непрестанно вопиет к Богу о помощи усиленнейшею молитвою. Трезвение есть непрестанная деятельность. «Трезвение, — говорит преподобный Исихий, — есть духовное художество, совершенно избавляющее, при помощи Божией, человека от лукавых дел, от страстных слов и помышлений, если оно проходится усердно и в течение продолжительного времени. Оно доставляет упражняющемуся в нем твердое разумение непостижимого Бога, насколько Он может быть постигнутым, разрешение Божественных сокровенных таин; оно совершает всякую заповедь Божию Ветхого и Нового Завета; оно подает всякое благо будущего века. Оно, собственно, чистота сердца, и, по величеству своему и достоинству, или правильнее сказать, по нерадению нашему, ныне очень оскудевает в монахах[1]. Трезвение есть непрестанное безмолвие сердца от всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Тем Единым дышащее, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедующееся Ему, Единому, имеющему власть прощать согрешения, часто объемлющее Христа, Единого Тайноведца сердец, при посредстве призывания Его. Таковая душа старается всячески утаить от человеков свою сладость и внутренний подвиг, чтоб лукавый не ввел тайно злобы и не истребил доброго делания. Трезвение есть твердое устроение ума и стояние его при сердечной двери; оно видит приходящие к нему помыслы хищников, слышит, что они говорят, познает, что делают эти убийцы, и какие образы начертываются и воздвигаются бесами, чтоб прельстить ум мечтанием»[2]. «Великий законодатель Моисей, паче же Святой Дух, показывая непорочность, чистоту, многовмещение и высокотворность этой добродетели (трезвения) и уча нас, как должно начинать и совершать ее, говорит: *Внемли себе: да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония*[3]. Словом тайным названо единопомысленное представление какой-нибудь лукавой и богоненавистной вещи, что Отцы называют прилогом, приносимое сердцу диаволом; этому прилогу последуют наши помыслы, немедленно по представлении его уму, и вступают в страстную беседу

[1] Гл. 1. || [2] Главы 5 и 6. || [3] *Берегитесь, чтобы не вошла в сердце твое беззаконная мысль* (Втор. 15. 9).

с ним»[1]. Трезвение противодействует самым началам греха: помыслу и чувствованию греховным. Трезвение совершает заповеди в самых началах человека: в помыслах и чувствованиях. Трезвение открывает трезвящемуся его падшее естество, открывает падших духов, открывает ту зависимость человека от падших духов, в которую ниспал человек от исполнения воли их, в которую он еще глубже ниспадает, исполняя волю их и свою греховную волю. Падение наше укрепляется, печатлеется, соделывается нашею неотъемлемою собственностию, неотъемлемым залогом вечной погибели от последования нашей падшей воле и воле демонов. Трезвение есть необходимая принадлежность истинного душевного делания, при которой вся видимая и невидимая деятельность инока совершается по воле Божией, единственно в благоугождение Богу, охраняется от всякой примеси служения диаволу. Трезвение есть причина чистоты сердца, а поэтому и причина Боговидения, даруемого благодатию чистым, возвышающего чистоту сердца до блаженного бесстрастия. Трезвение неразлучно с непрестанною молитвою: оно рождается от нее и рождает ее; от взаимного рождения друг другом эти две добродетели сочетаваются между собою неразрывным союзом. Трезвение есть духовное жительство; трезвение есть жительство небесное; трезвение есть истинное смирение, сосредоточившее надежду свою в Боге, отрекшееся от всякой самонадеянности и от надежды на человеков; по этой причине оно представляется им ужаснейшею гордостию, хулится, с ожесточением преследуется ими. — Не лишним будет здесь заметить, что преподобный Исихий говорит о заповедях Ветхого Завета в значении духовном, а не иудейском. Когда о Христе уничтожится покрывало[2], лежащее на душевных очах, и иудей соделается христианином, тогда Ветхий Завет получает для чтущего то же значение, какое имеет и Новый. Закон, изложенный в Новом Завете открыто, изложен в Ветхом в образах и иносказаниях. Новоначальный инок должен сперва заняться изучением Нового Завета; духовное понимание Ветхого Завета придет в свое время: оно — достояние преуспевших.

Трезвение приобретается постепенно: стяжавается долгим временем и трудом; рождается преимущественно от внимательных чтения и молитвы, от навыка наблюдать за собою, бодрствовать, обдумывать каждое предлежащее нам слово и дело, быть внимательным ко всем своим помыслам и ощущениям, наблюдая за

[1] Гл. 2. ‖ [2] 2 Кор. 14.

собою, чтоб не соделаться каким-либо образом ловитвою греха. *Трезвитеся, бодрствуйте,* говорит святой апостол Петр, *зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити: емуже противитеся тверди верою*[1]. «Будь подобно Херувиму, весь око, — сказал Евфимий Великий иноку, подвергшемуся диавольскому искушению, — ограждая себя отвсюду величайшею осторожностию, потому что ходишь посреди сетей»[2]. Преподобный Варсонофий Великий и Иоанн Пророк преподали желающим проводить трезвенную, богоугодную жизнь превосходный совет деятельного трезвения. Они советовали пред каждым начинанием, то есть пред вступлением в беседу или началом дела, возносить мысль к Богу с прошением от Него вразумления и помощи[3]. Для того, чтоб пребывать в трезвении, надо со всею тщательностию хранить свежесть и светлость ума. Ум помрачается от неблагоразумного употребления пищи, пития и сна, от многоглаголания, рассеянности и житейских попечений. *Внемлите себе,* сказал Господь, *да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той* (день Страшного Суда Христова, последний день мира): *яко сеть бо приидет на вся живущия на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим*[4]. Как внезапно придет день Общего Суда всех человеков, так внезапно приходит для каждого человека день частного суда его, день смерти его. Неизвестен час, в который мы будем позваны. Иной, начав только путь земной жизни, восхищается с него в вечность; иной поемлется по совершении весьма немногого пути; иной с средины пути; иной — значительно не кончив его. Редкий достигает полноты дней и оставляет свою земную хижину — тело, когда она сделается неспособною для жительства в ней. Во время совершения нами земного странствования оно, по извращенному в нас падением ощущению бессмертия, представляется нам бесконечным, исполненным обильнейшей, плодоноснейшей деятельности. Это ощущение имеют и дитя, и юноша, и муж, и старец: все они созданы

---

[1] *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить. Противостойте ему твердою верою* (1 Пет. 5. 8, 9). ‖ [2] Наставления Евфимия Великого иноку Климатию. Четьи-Минеи, 20 января; житие преподобного Евфимия Великого. ‖ [3] Ответы 260, 261 и 583. ‖ [4] *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас внезапно, ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному; итак, бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих* **бедствий** *и предстать пред Сына Человеческого* (Лк. 21. 34–36).

бессмертными, бессмертными по душе; они должны бы быть бессмертны и по телу! падения своего, поразившего смертию и душу и тело, они или вовсе не знают, или знать не хотят, или знают его вполне недостаточно. Оттого взгляд ума и ощущение сердца по отношению к земной жизни ложны и исполнены самообольщения; оттого она обманчиво представляется всякому возрасту вечным достоянием человека. По совершении земного странствования, во вратах смерти, путь, представлявшийся бесконечным в будущности, в прошедшем является самым кратким, а обширная деятельность, совершенная не для вечности, является пагубнейшею, безвозвратною потерею времени и всех средств, данных для спасения. Очень верно выражают свое обольщение люди века сего, обыкновенно называя смерть *неожиданным бедствием,* в каком бы возрасте ни постигла она их родственников и друзей. И для дряхлого старца, обремененного летами и недугами, давно склонившегося во гроб, но не думавшего о смерти, удалявшего от себя всякое напоминание о ней, она — неожиданное бедствие. В полном смысле она — бедствие для всех, не приготовившихся к ней. Напротив того, *блаженни раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящими,* трезвящимися, правильно смотрящими на земную жизнь, помнящими смерть и готовящимися к ней, как к могущей придти при всяком возрасте и при всяком состоянии здоровья[1]. Надо совершать путь земного странствования с величайшим вниманием и бодрствованием над собою; надо совершать его, непрестанно взывая к Богу молитвою о помощи. Светильником нашим при путешествии да будет Евангелие, как воспел Давид: *светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим*[2]. Идем не только по тесному пути: идем ночью[3]. Постоянное трезвение ума нам необходимо, чтоб не увлечься нашим падшим естеством, чтоб не увлечься увлеченными им отцами и братиями нашими, чтоб избежать всех козней и препятствий, устраиваемых многочисленными и разнообразными соблазнами мира, устраиваемых неистовою злобою и непостижимым для человека лукавством падших ангелов. Оградив себя от рассеянности и попечений, обратим внимание на наше тело, от которого трезвенность ума находится в полной зависимости. Тела человеческие по крепости своей и здоровью бесконечно различествуют между собою[4]. Иные крепостию своею подобны меди и железу; другие

[1] Лк. 12. 37–39. || [2] *Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей* (Пс. 118. 105). || [3] 2 Пет. 1. 19. Канонник. Молитва утренняя, 5. || [4] Отселе заимствовано из 5-го Слова преподобного Нила Сорского.

слабы, как трава. По этой причине каждый должен управлять своим телом с большим благоразумием, исследовав силы своего тела. Крепкому и здоровому телу свойственны особенный пост и бдение: оно делается от них легче, доставляет уму особенную бодрость. Слабое тело должно подкреплять пищею и сном, сообразно требованию тела, но никак не до пресыщения. Пресыщение весьма вредно и для слабого тела: расслабляет его и сообщает ему восприимчивость к болезням. Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево, и войдешь в рай. Если ж будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны[1], в огнь гнева и ярости, одебелишь и омрачишь ум, приведешь кровь свою в разгорячение, в особенную способность к волнению, чем будет наветываться и разрушаться твое внимание себе, твое трезвение. Трезвение непременно требует физического спокойствия крови, доставляемого первоначально благоразумным воздержанием. Кровь приводится в весьма разнообразное движение страстями, которые, в свою очередь, так разнообразны, что нередко противодействуют одна другой, причем одно движение крови уничтожается другим; но все эти разнообразные движения крови непременно сопряжены с рассеянностию, мечтательностию, обильным нашествием помыслов и ласкательствующих самолюбию картин. Обильное нашествие помыслов и мечтательность всегда сопутствуются приведением крови в усиленное движение, неестественное. Это движение есть движение греховное, плод и явление падения. Об этом движении крови сказано, что оно не способно наследовать Царство Небесное[2]: то есть человек, позволяющий себе приводить кровь свою в такое движение и услаждающийся им, не способен к приятию Божественной благодати. Тем опаснее это движение крови, что оно понимается весьма немногими. Напротив того, многие принимают греховное движение крови в себе за действие добра и последуют своему ошибочному влечению, как бы влечению, внушенному святою, богоугодною истиною. Замечай, при появлении обильных, вне обыкновенного порядка, помыслов и мечтаний, то состояние, в которое придет тогда кровь твоя, и научишься понимать ее греховное движение и охраняться от него. Воды Силоамские истекают тихо из своего

[1] Доселе из преподобного Нила. || [2] 1 Кор. 15. 50. Поклоны, как выше сказано (главы 21 и 22), согревают тело естественно, что располагает, оживляет человека для душеспасительной деятельности. Отвлекает от этой деятельности противоестественное разгорячение крови, совершившееся под влиянием какой-либо страсти.

источника[1]: богоугодные добродетели истекают из повиновения Богу, сопровождаются смирением, а не разгорячением, не порывами, не самомнением и тщеславием, неразлучными спутниками греховного кровяного разгорячения. Кровь движется иначе при гневных помыслах и мечтаниях и иначе при блудных; иначе при тщеславных и иначе при корыстолюбивых; иначе при помыслах и мечтаниях печали и уныния, иначе при ожесточении, иначе при гордости, и так далее. По этой причине пост есть начальное орудие всех добродетелей. — Как должно остерегаться от пресыщения, точно так должно остерегаться и от излишнего воздержания. Излишнее воздержание ослабляет тело, уничтожает в нем бодрость и свежесть, необходимые для трезвения, которое увядает и ослабевает в то время, когда телесные силы изнемогают и увядают. «Если понудишь немощное тело, — сказал преподобный Исаак Сирский, — на дела, превышающие его силы, то ввергаешь душу твою в сугубое омрачение и доставляешь ей смущение (а не пособие). Но если предашь покою и праздности тело крепкое, то в душе, живущей в нем, усиливаются все страсти. (При этом) если б кто и очень желал добра, мало-помалу отнимается у него и самая мысль о добре, которого он желал... Мера и известные пределы в жительстве просвещают мысль и отгоняют смущение. Смущением мысли от беспорядочного (безрассудного) жительства производится в душе омрачение, а омрачением расстройство»[2]. Благоразумным воздержанием доставляется неуклонное пребывание в трезвении. Неуклонное пребывание в трезвении дозволяет неуклонно последовать учению Евангелия. Евангельское учение есть единственный источник всех истинных, христианских, богоугодных добродетелей.

Глава 35
О пользе и вреде от телесных подвигов

В раю, по преступлении праотцами заповеди Божией, в числе казней, которым подвергся человек, упоминается казнь — проклятие земли. *Проклята земля в делех твоих,* изрек Бог Адаму, *в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную. В поте лица твоего снеси хлеб твой*[3]. Проклятие доселе лежит на земле, и явно — для всех. Не престает

---

[1] Ис. 6. 6. ‖ [2] Слово 85. ‖ [3] *...проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица будешь есть хлеб* (Быт. 3. 17–19).

она давать из себя плевелы, хотя никто не сеет их. Орошается она потом земледельца и только при посредстве потового, часто кровавого труда, доставляет те травы, которых семена служат пищею для человека и называются хлебом.

Изреченная Богом казнь имеет и духовное значение. Столько же верно исполняется карающее человека определение Божие в духовном отношении, как и в вещественном[1]. Святые Отцы под именем земли разумеют сердце. Как земля, по причине поразившего ее проклятия, не престает из поврежденного естества своего, сама собою, производить волчцы и терние, так и сердце, отравленное грехом, не престает рождать из себя, из своего поврежденного естества, греховные ощущения и помышления. Как о посеве и насаждении плевелов никто не заботится, но их производит само собою извращенное естество, так и греховные помыслы и ощущения сами собою зачинаются и прозябают в человеческом сердце. В поте лица добывается вещественный хлеб: при усиленном труде, душевном и телесном, насевается хлеб небесный, доставляющий вечную жизнь, в сердце человеческое; при усиленном труде он растет, пожинается, соделывается способным к употреблению, сохраняется. Хлеб небесный — Слово Божие. Труд при насаждении Слова Божия в сердце требует таких усилий, что он назван подвигом. Человек обречен снедать *в печалех землю вся дни* земной жизни своей, а *хлеб в поте лица:* здесь под именем земли должно разуметь плотское мудрование, которым человек, отступивший от Бога, обыкновенно управляется во время земной жизни своей, подвергаясь по причине плотского мудрования непрестанному попечению и помышлению о земном, непрестанным скорбям и огорчениям, непрерывному смущению; только один Христов служитель питается во время пребывания на земле небесным хлебом в поте лица, при постоянной борьбе с плотским мудрованием, при постоянном труде возделывания добродетелей. Земля для обработки нуждается в различных железных орудиях, плугах, боронах, лопатах, которыми она переворачивается, разрыхляется, смягчается: так и наше сердце, средоточие плотских ощущений и плотского мудрования, нуждается в обработке постом, бдением, коленопреклонениями и прочими удручениями тела, чтоб преобладание плотского, страстного ощущения уступило преобладанию ощущения

---

[1] Преподобного Марка Подвижника Слово 7 О пощении и смирении; — святого Исаака Сирского Слово 19; — Преподобного Макария Великого Беседа 26, гл. 21.

духовного, а влияние плотских, страстных помыслов на ум лишилось той непреодолимой силы, которую оно имеет в людях, отвергших подвижничество или небрегущих о нем. Кто вздумал бы посеять семена на земле, не возделав ее, тот лишь погубит семена, не получит никакой прибыли, причинит себе верный убыток: точно так и тот, кто, не обуздав плотских влечений сердца и плотских помышлений ума подобающими телесными подвигами, вздумал бы заняться умною молитвою и насаждением в сердце заповедей Христовых, не только будет трудиться напрасно, но и может подвергнуться душевному бедствию, самообольщению и бесовской прелести, навлечь на себя гнев Божий, как навлек его пришедший на брачный пир в небрачной одежде[1]. Земля, возделанная самым тщательным образом, сильно удобренная, мелко разрыхленная, но оставленная незасеянною, тем с большею силою родит плевелы: так и сердце, возделанное телесными подвигами, но не усвоившее себе евангельских заповедей, тем сильнее произрастает из себя плевелы тщеславия, гордыни и блуда. Чем лучше возделана и удобрена земля, тем она способнее к произращению густых и сочных плевелов: чем сильнее телесный подвиг инока, небрегущего о евангельских заповедях, тем сильнее и неизлечимее в нем самомнение. Земледелец, имеющий у себя много превосходных земледельческих орудий, восхищающийся этим, но не возделывающий ими земли, только обольщает и обманывает себя, не получая никакой прибыли: так и подвижник, имеющий пост, бдение и другие телесные подвиги, но небрегущий о рассматривании себя и управлении собою при свете Евангелия, только обманывает себя, надеясь тщетно и ошибочно на подвиги; он не получит никакого духовного плода, не накопит духовного богатства. Тот, кто вздумал бы возделать землю, не употребляя земледельческих орудий, потрудится много, и потрудится напрасно: так и тот, кто без телесных подвигов захочет стяжать добродетели, будет трудиться напрасно, потеряет время невознаградимое, невозвращающееся, истратит душевные и телесные силы, не приобретет ничего. Кто вздумает постоянно перепахивать свою землю, тот никогда ничего не посеет и не пожнет: так и тот, кто непрестанно будет заниматься одним телесным подвигом, утратит возможность заняться душевным подвигом, насаждением в себя евангельских заповедей, от которых в свое время рождаются духовные плоды. Телесные подвиги необходимы для того, чтоб землю сердечную соделать способною к при-

[1] Мф. 22. 12.

нятию духовных семян и к принесению духовных плодов; оставление подвигов или небрежение о них соделывает землю неспособною к посеву и плоду; излишество в них, упование на них столько же или и более вредно, чем оставление их. Оставление телесных подвигов соделывает человеков подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям; излишество их делает человеков подобными бесам, способствуя распложению и усилению душевных страстей. Оставляющие телесный подвиг подчиняются чревообъядению, блуду, гневу в грубых его проявлениях; несущие неумеренный телесный подвиг, безрассудно употребляющие его или возлагающие на него все упование свое, видящие в нем свою заслугу пред Богом, свое достоинство впадают в тщеславие, самомнение, высокоумие, гордость, ожесточение, в презрение ближних, уничижение и осуждение их, в памятозлобие, ненависть, хулу, раскол, ересь, в самообольщение и бесовскую прелесть. Дадим всю должную цену телесным подвигам, как орудиям, необходимым для стяжания добродетелей, и остережемся признать эти орудия добродетелями, чтоб не впасть в самообольщение и не лишиться духовного преуспеяния по причине ложного понятия о христианской деятельности. Телесный подвиг нужен даже и для святых, соделавшихся храмами Святого Духа, чтоб тело, оставленное без обуздания, не ожило для страстных движений и не послужило причиною появления в освященном человеке скверных ощущений и помыслов, столько несвойственных для нерукотворенного, духовного храма Божия. Это засвидетельствовал святой апостол Павел, сказав о себе: *Умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду*[1]. Преподобный Исаак Сирский говорит, что разрешение, то есть оставление поста, бдения, безмолвия и прочих телесных подвигов, этих пособий к благочестивой жизни, дозволение себе постоянного покоя и наслаждения, повреждает и старцев и совершенных[2].

Глава 36
О ревности душевной и духовной

Иноку надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, представляющейся по наружности благочестивою, в сущности — безрассудной и душевредной. Мирские люди и многие мона-

---

[1] *Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным* (1 Кор. 9. 27). ‖ [2] Слово 90.

шествующие, по незнанию своему, очень похваляют такую ревность, не понимая, что ее источники суть самомнение и гордость. Эту ревность они величают ревностию по вере, по благочестию, по Церкви, по Богу. Она заключается в более или менее жестком осуждении и обличении ближних в их нравственных погрешностях и в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоразумные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым Отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, — не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по повелению Божию, по обязанности своей, по внушению Святого Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто ж решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумнее и добродетельнее обличаемого им, что он действует по увлечению страстию и по обольщению демонскими помыслами. Подобает помнить заповедание Спасителя: *Что же видиши сучец, иже во оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего: и се, бревно в оце твоем. Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего*[1]. Что такое — бревно? Это — плотское мудрование, дебелое, как бревно, отъемлющее всю способность и правильность у зрительной силы, дарованной Создателем уму и сердцу. Человек, водимый плотским мудрованием, никак не может правильно судить ни о своем внутреннем состоянии, ни о состоянии ближних. Он судит о себе и о других так, как представляется себе он сам и как представляются ему ближние по наружности, по его плотскому мудрованию, ошибочно; и потому Слово Божие весьма верно наименовало его лицемером. Христианин, по исцелении себя Словом Божиим и Духом Божиим, получает правильный взгляд на свое душевное устроение и на душевное устроение ближних. Плотское мудрование, поражая бревном согрешающего ближнего, всегда смущает его, нередко губит, никогда не приносит и не может принести пользы, нисколько не действует на грех. Напротив того, духовное мудрование действует исключительно на душевный недуг ближнего,

[1] *И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7. 3–5).

милуя ближнего, исцеляя и спасая его. Достойно замечания, что по стяжании духовного разума недостатки и погрешности ближнего начинают казаться весьма маловажными, как искупленные Спасителем и удобно врачуемые покаянием, — те самые погрешности и недостатки, которые плотскому разуму казались необъятно великими и важными. Очевидно, что плотское мудрование, будучи само бревном, придавало им такое огромное значение. Плотское мудрование видит в ближнем и такие грехи, каких в нем вовсе нет: по этой причине увлекавшиеся безрассудною ревностию часто впадали в оклеветание ближнего и соделывались орудием и игралищем падших духов. Преподобный Пимен Великий рассказывал, что некоторый инок, увлекшийся ревностию, подвергся следующему искушению: он увидел другого инока лежащим на женщине. Долго боролся инок с помыслом, понуждавшим его остановить согрешающих, и, наконец, побежденный, толкнул их ногою, сказав: «Перестаньте же!» Тогда оказалось, что это были два снопа[1]. Преподобный авва Дорофей рассказывает, что в бытность его в общежитии аввы Серида некоторый брат оклеветал другого брата, будучи увлечен безрассудною ревностию, которая всегда сопряжена с подозрительностию и мнительностию, очень способна к сочинениям. Обвинивший винил обвиняемого в том, что этот рано утром крал из сада смоквы и ел их: по произведенному игуменом исследованию оказалось, что оклеветанный в указанное утро находился не в монастыре, а в одном из соседних селений, будучи послан туда экономом, и возвратился в монастырь только к тому времени, как оканчивалась Божественная Литургия[2]. Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением евангельских заповедей относительно ближнего. Не дерзни обличать его! не дерзни учить его! не дерзни осуждать и укорять его! Это — деяние не веры, а безрассудной ревности, самомнения, гордыни. Спросили Пимена Великого: «Что такое вера?» Великий отвечал: «Вера заключается в том, чтоб пребывать в смирении и творить милость»[3], то есть смиряться пред ближними и прощать им все оскорбления и обиды, все согрешения их. Так как безрассудные ревнители в начальную причину своей ревности выставляют веру, то да знают они, что истинная вера[4], а следовательно, и истинная ревность должны выражаться в смирении пред

---

[1] Алфавитный патерик. || [2] Преподобного Аввы Дорофея Поучение 9. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Здесь разумеется вера деятельная, а не догматическая. О различии их смотри Добротолюбие. Ч. 2. Иноков Каллиста и Игнатия гл. 16.

ближними и в милости к ним. Предоставим суд над человеками и обличение человеков тем человекам, на которых возложена обязанность судить братий своих и управлять ими. «Имеющий ложную ревность, — сказал святой Исаак Сирский, — недугует великим недугом. О человек, мнящий износить ревность против чужих недугов, ты отрекся от здравия души твоей! Потрудись со тщанием о здравии души твоей. Если же желаешь уврачевать немощных, то знай, что больные нуждаются более в уходе за ними, нежели в жестких обличениях. Но ты, иным не помогая, сам себя ввергаешь в тяжкую и мучительную болезнь. Эта ревность в человеках не признается одним из видов премудрости, но причисляется к недугам души, есть признак скудости (духовного) разума, признак крайнего невежества. Начало премудрости Божией — тихость и кротость, свойственные великой и крепкой душе, основательнейшему образу мыслей, и носит человеческие немощи. *Вы* бо *сильнии*, говорит Писание, *немощи немощных носите*[1], и: *согрешающаго исправляйте духом кротости*[2]. Мир и терпение причисляет Апостол к плодам Святого Духа»[3]. В другом Слове преподобный Исаак говорит: «Не возненавидь грешного, потому что мы все грешны. Если ты ради Бога подвизаешься против него (грешника), то пролей о нем слезы. Для чего же ты и ненавидишь его? Возненавидь грехи его, а о нем помолись, и тем уподобишься Христу, Который не негодовал на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как Он плакал о Иерусалиме? И мы во многих случаях служим посмешищем для диавола. Зачем же ненавидим того, над кем посмевается посмевающийся и над нами, диавол? Зачем ты, о человек, ненавидишь грешника? За то ли, что он не так праведен, как ты? Где же твоя правда, когда у тебя нет любви! Отчего ты не восплакал о нем, но гонишь его? Некоторые, мнящие о себе, что они здраво судят о делах грешников и (по этому поводу) гневаются на них, действуют так из своего невежества»[4]. Великое бедствие — самомнение! Великое бедствие — отвержение смирения! Великое бедствие — то душевное устроение и состояние, при котором инок, не будучи призван или вопрошаем, по собственному сознанию своего достоинства, начинает учить, обличать, укорять ближних! Будучи спрошен, или откажись дать совет и сказать свое мнение, как ничего не знающий, или, при крайней нужде, скажи с величайшей осторожностию и скромностию, чтоб не уязвить себя тще-

---

[1] *...должны сносить немощи бессильных* (Рим. 15. 1). ‖ [2] *...исправляйте ...в духе кротости* (Гал. 6. 1). ‖ [3] Слово 89. ‖ [4] Слово 90.

славием и гордостию, а ближнего словом жестким и безрассудным. Когда за труд твой в вертограде заповедей Бог сподобит тебя ощутить в душе твоей ревность Божественную, тогда ясно увидишь, что эта ревность будет побуждать тебя к молчанию и смирению пред ближними, к любви к ним, к милованию их, к соболезнованию о них, как сказал святой Исаак Сирский[1]. Божественная ревность есть огнь, но не разгорячающий крови! он погашает в ней разгорячение, приводит в спокойное состояние[2]. Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови, с нашествием многочисленных помыслов и мечтаний. Последствиями слепой и невежественной ревности, если ближний ей воспротивится, обыкновенно бывают негодование на него, памятозлобие, мстительность в различных видах, а если покорится — тщеславное довольство собою, возбуждение и умножение наших высокоумия и самомнения.

Глава 37
О милостыни

Новоначальный инок не должен подавать вещественной милостыни нищим, исключая какого-нибудь особенного случая, когда необходимо оказать ближнему пособие и этому ближнему нет другого средства получить пособие[3]. Подаяние милостыни нищим есть добродетель мирских людей, которых добродетель сообразна жительству, то есть вещественна и не чужда примеси. Преуспевшие иноки, стяжавшие дар рассуждения или призванные на то Богом, могут подавать милостыню нищим. Они обязаны удовлетворять служению этому как своему долгу, признавая себя орудиями Промысла Божия, признавая себя облагодетельствованными доставлением средства благодетельствовать, признавая себя облагодетельствованными более тех, которым они благодетельствуют. Новоначальный монах, подавая самопроизвольно милостыню нищим, непременно увлечется тщеславием и впадет в самомнение. Если имеешь какой избыток, то раздай его нищим, доколе ты еще не вступил в монастырь. Так повелевает евангельская заповедь. Господь сказал юноше, желавшему достигнуть совершенства добродетелей: *Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и прииди,*

[1] Слово 38. || [2] Добротолюбие. Ч. 1. Собеседование преподобного Максима Капсокаливи с преподобным Григорием Синаитом. || [3] Добротолюбие. Ч. 1. Преподобного Симеона Нового Богослова глава 16. ||

и ходи вслед Мене, взем крест[1]. Раздаянием имения предваряется взятие креста. При сохранении имения невозможно принятие и ношение креста[2]: крест будет постоянно сниматься с рамен и заменяться средствами, доставляемыми имением, а вера в единого Бога и зрение Бога верою будут уничтожаться упованием на имение и вниманием к нему. Святые мученики и иноки старались со всею точностию исполнить вышеприведенную заповедь Господа пред начатием своего подвига. Первые пред исшествием на видимые муки расточали имение нищим или, по недостатку времени, завещевали богозаповеданное распоряжение имуществом родственникам и друзьям. Вторые поступали точно так же пред исшествием на невидимое мученичество. Подвиг иноческий есть невидимое, но в полном смысле мученичество для того, кто проходит этот подвиг как должно. Предварим вступление в монастырь раздаянием нашего имущества, запечатлеем вещественною милостию, одною из величайших вещественных добродетелей, наше вещественное жительство посреди мира. Для вступившего же в монастырь предлежит другого рода милостыня: милостыня невещественная. Она заключается в том, чтоб мы не осуждали ближних, когда они согрешают, но миловали их, чтоб даже не судили о ближних, говоря о одних хорошо, а о других худо: такой суд непременно сопряжен с отвержением смирения, с гордынею, присваивающею человеку то, что принадлежит единому Богу. Невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы не воздавали злом за зло, но за зло воздавали добром; невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы прощали все оскорбления и обиды, наносимые нам ближними, а по отношению к себе признавали эти оскорбления и обиды истинными благотворениями, очищающими нас от греховной скверны. Короче: иноческая милостыня заключается в последовании Христу, то есть в тщательном исполнении евангельских заповедей и в ношении креста; то есть в благодушном терпении и в тщательном понуждении себя к терпению всех скорбей, которые благоволит Божий Промысл попустить нам во время нашего земного странствования во спасение наше. Без второго не может состояться первое: последование Христу не может состояться без приятия креста и признания в нем новозаветной правды и оправдания Божиих. Для преуспевших и призванных на то Богом иноков невещественная

---

[1] *...если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19. 21; Мк. 16. 21). || [2] Лк. 14. 33.

милостыня заключается в преподавании ближним слова Божия. Невещественная милостыня столько выше вещественной, по учению святых Отцов, сколько душа выше тела[1]. Для того чтоб подавать вещественную милостыню, должно стараться приобретать вещественное имущество; для того чтоб подавать невещественную милостыню, должно стараться и заботиться о обогащении себя духовным богатством: учением Христовым. Если, каким-нибудь образом, достанется тебе имущество по вступлении в монастырь, то постарайся немедленно переместить его на небо посредством милостыни. Вручи доставшееся тебе имущество настоятелю или какому другому, известному тебе своею добросовестностию, лицу и предоставь ему раздаяние твоего имущества. Не дерзни распорядиться сам и самопроизвольно! иначе нанесешь вред душе твоей. По передаче имущества твоего распорядителю не подозревай его, не поверяй его: предоставь дело его совести, а себя не ввергай в попечения и подозрения во вред душе твоей. Ты исполнил свою обязанность, и никакого нет тебе дела до того, как исполняет обязанность свою распорядитель: он *своему Господеви стоит, или падает*[2].

Глава 38
О нестяжании

Всякий, поступивший в монастырь и принявший на себя благое иго Христово, должен непременно пребывать в нестяжательности, довольствуясь самонужнейшим и охраняясь от излишества в одежде, в келейных принадлежностях, в деньгах. Имуществом, богатством, сокровищем инока должен быть Господь наш, Иисус Христос. К Нему должны быть обращены и постоянно устремлены взоры ума и сердца; в Нем должна сосредоточиваться надежда наша; на Него должно быть возложено все упование наше; мы должны быть сильны верою нашею в Него. Такого душевного настроения невозможно иноку сохранить при имуществе. — Заповедь о нестяжательности дана Самим Господом. *Не скрывайте себе сокровищ на земли,* повелевает Он нам, *идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкапывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкапывают, ни крадут*[3]. Постановив

---

[1] Лествица. Слово к пастырю. ‖ [2] *Перед своим Господом стоит он, или падает* (Рим. 14. 4). 249, 250 и 251 ответы преподобного Варсонофия Великого. ‖ [3] *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут* (Мф. 6. 19, 20).

заповедь, Господь изложил и причину постановления ее. Он сказал: *Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше*[1]. *Не можете Богу работати и мамоне*[2]. Если инок имеет деньги или какие дорогие вещи, то невольно, по каким-то неотложным и неотразимым необходимости и закону, надежда его нисходит от Бога к имуществу. На имущество он возлагает свое упование; в имуществе он видит свою силу; в нем видит средство уклониться от влияния превратностей, могущих встретиться на поприще земной жизни; в имущество сосредоточиваются его любовь, его сердце и ум, все существо его. И делается сердце веществолюбца жестким и чуждым всякого духовного ощущения, как жестко и бесчувственно вещество. Копление денег и другого имущества инокам есть поклонение идолу, по определению Апостола[3]. Идолопоклонство непременно сопряжено с отречением от Бога. Омраченный веществолюбец не замедляет пожать плоды своего самообольщения: приходит смерть, о которой в омрачении своем и упоении земным благосостоянием он совсем забыл, восхищает его из среды богатства его; капиталы и наполненные кладовые, на которые он уповал, остаются для других, не принесши ему даже никакой временной пользы, отчуждивши его от Бога[4]. Дух Святой оплакивает состояние человека, обманутого обольщением богатства, в страшной и гибельной нищете духа вступающего в вечность, — говорит: *Се человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею*[5]. Каким образом от пристрастия к тленному имуществу совершается в глубине души отречение от Бога, которое при удобном случае не преминет вынаружиться, можно видеть из следующей повести, сохраненной нам церковною историею: «Некто Павел, пресвитер, пребывал в пустынной горе, скрываясь от идолопоклонников-гонителей. Он имел при себе значительное количество золота. К нему присовокупились пять дев инокинь, также избегавших преследования. Эти девы сияли добродетелями и были исполнены благоуханием Святого Духа. Они жили при пресвитере Павле, упражняясь с ним в молитвах и в исполнении Божественных заповедей. Некоторый неблагонамеренный человек, узнав о их местопребывании, известил начальника волхвов при персидском царе Сапоре, что христианский пресвитер, имеющий много золота, скрывается в горе с пятью дева-

[1] *Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6. 21). ‖ [2] *Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6. 24). ‖ [3] Еф. 5. 5. ‖ [4] Лк. 12. 15–22. ‖ [5] *«Вот человек, который не в Боге полагал крепость свою, а надеялся на множество богатства своего, укреплялся в злодействе своем»* (Пс. 51. 9).

ми инокинями. «Если хочешь, — говорил доноситель вельможе, — приобрести себе золото, то вели взять их и представить пред тебя на суд; когда же они не захотят отречься от своей веры, тогда ты отрубишь им головы, а золото возьмешь себе». Вельможа немедленно исполнил данный ему совет: представил пресвитера с инокинями и его золотом на суд пред себя. Тогда пресвитер сказал вельможе: «По какой причине ты отнимаешь у меня имение мое, между тем как я ни в чем не виноват пред тобою?» Вельможа: «По той причине, что ты христианин и не повинуешься повелению царя». Павел: «Господин мой! прикажи мне, что хочешь». Вельможа: «Если ты поклонишься солнцу, — возьми твое и иди куда знаешь». Павел посмотрел на свое золото и сказал: «Что приказываешь мне сделать, то сделаю». И немедленно он поклонился солнцу, вкусил идольских жертв и пил идоложертвенную кровь. Вельможа, видя, что намерение его не удалось, сказал: «Если ты уговоришь и постниц твоих, чтоб они, так же, как и ты, поклонились солнцу, потом вышли замуж или вдались в прелюбодеяние, тогда, взяв свое золото и постниц, иди с ними, куда желаешь». Павел пошел к постницам и говорит им: «Вельможа взял имение мое и вам повелевает исполнить волю царя. Вот я поклонился солнцу и ел идоложертвенное; приказываю и вам сделать то же самое». Инокини сказали как бы едиными устами: «Несчастный! не довольно ли для тебя твоей погибели? как ты осмелился говорить с нами? ныне ты сделался вторым Иудою и, как он, ради золота, предал Учителя своего и Владыку на смерть. Иуда, взявши золото, пошел и удавился. И ты, окаянный, соделался вторым Иудою по нравственности твоей! ради золота ты погубил душу твою, не вспомнив о том богаче, который, получив большое богатство, сказал душе своей: *душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися,* и за это услышал: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут*[1]. Говорим тебе, как бы предстоя Самому Богу, что над тобою совершится и то и другое; и то, что случилось с Иудою, и то, что случилось с богачом». Сказав это, они плюнули в лицо отступника. Тогда, по повелению вельможи, инокини были биты жестоко и долго. Под ударами они вопияли: «Мы поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу, а повелению твоего царя не повинуемся; ты же делай, что делаешь». — Вельможа, изыскивая все средства, как бы завладеть золотом, повелел Павлу

---

[1] *...душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. ...Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил* (Лк. 12. 19, 20).

собственноручно отсечь головы истинно мудрым тем девам, думая, что Павел не захочет этого сделать, и тогда вельможа взял бы золото. Несчастный Павел, услышав это и опять посмотрев на свое золото, сказал вельможе: «Что приказываешь мне сделать, сделаю». — Взяв меч, он подошел к постницам. Увидев это, святые девы ужаснулись и единогласно сказали ему: «Окаянный! до вчерашнего дня ты был нашим пастырем, а ныне пришел, как волк, пожрать нас. Таково ли твое учение, которое ты ежедневно повторял нам, увещевая, чтоб мы охотно умерли за Христа! ты сам нисколько не захотел пострадать за Него, но, не задумавшись ни на минуту, отвергся Его. Где святые Тело и Кровь, которые мы принимали от нечистой руки твоей? Знай, что меч, который ты держишь в руке, есть ходатай для нас живота вечного. Мы отходим к Учителю нашему, Христу; ты же, как мы предрекли тебе, скоро будешь удавлен веревкою и соделаешься сыном геенны вместе с учителем твоим Иудою». Сказав ему это и присовокупив еще нечто, они помолились. Павел отсек им головы. Тогда вельможа сказал ему: «Ни один из христиан не исполнил воли царя так, как исполнил ты. По этой причине не могу отпустить тебя без личного царского повеления. Когда я расскажу ему и он узнает о том, что ты сделал, то сподобит тебя великих почестей. Теперь возвеселись с нами и пребудь близ нас в помещении, которое отведут тебе. Завтра доложим о тебе царю». Отступник отвечал: «Да будет по слову твоему». Ночью вельможа послал рабов своих тайно удавить Павла веревкою в отведенном ему помещении, а сам с наступлением утра, притворяясь ничего не знающим, пришел посетить его. Нашедши его висящим на веревке и удавленным, он осудил его, признав самоубийцею, велел вынести за город, а там подвергнуть на съедение псам, а имение его присвоил себе»[1].

Инок, проводящий трезвенную жизнь и рассматривающий в себе самом грехи или падение человечества, удобно заметит, что при получении по какому-нибудь случаю ценной вещи или значительного числа денег тотчас же является в сердце упование на это имущество, а упование на Бога хладеет и ослабевает. Если не остеречься, то не замедлит явиться и привязанность к имуществу. Привязанность или пристрастие к имуществу легко могут обратиться в страсть, по причине которой совершается незаметным образом отречение от Христа в сердце, хотя уста и продолжают исповедывать Его, призывать Его в молитвах, проповедывать уче-

[1] Алфавитный патерик и Vies des péres des deserts d'Orient. T. IX, chap. XVI.

ние Его. Когда одна какая-либо убийственная страсть возобладает человеком, тогда прочие страсти умолкают в нем; диавол престает наносить ему брани и искушения, храня в нем, как свое сокровище, как верный залог его погибели, заразившую его смертоносную страсть. Человек, убитый грехом в тайне сердца, привлеченный им к самым вратам ада, часто представляется для других святым и назидательным, как представлялся инокиням Павел, доколе опыт не разоблачит его, как разоблачил Павла. Кто желает сосредоточить в Боге упование и любовь свою, тот должен стараться о том, чтоб пребывать в нестяжании, а подающиеся ему деньги и ценные вещи употреблять на приобретение богатства в вечности[1]. Начало всех духовных благ — вера во Христа, во Евангелие, вера живая, доказываемая исполнением евангельских заповедей делами, жизнию: естественно, что *сребролюбие,* искореняющее из сердца веру, *есть корень всем злым*[2].

Глава 39
О человеческой славе

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом; подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа. *Како вы можете веровати*, говорил Господь современным ему представителям иудейского народа, *славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога не ищете*[3]. Многие из важнейших иудеев уверовали в Господа, но, свидетельствует Евангелист, *фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут: возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию*[4]. Иудеи сделали постановление, которым воспрещалось участвовать в собраниях синагоги всякому, исповедующему Богочеловека обетованным Мессиею[5]. Тщеславие питается похвалою человеческою и преимуществами, изобретаемыми плотским мудрованием и возникающими из нашего падения. Оно питается богатством, знатностию рода, громкими именами, которыми увенчиваются служение и угодливость миру, и прочими суетными почестями. По такому свойству своему слава земная и человеческая прямо противоположна славе Божией. Начала славы человеческой и пути к ней совсем другие,

---

[1] Лк. 16. 9. ‖ [2] 1 Тим. 5. 40. ‖ [3] *Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, ни ищете* (Ин. 5. 44). ‖ [4] *...ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию* (Ин. 12. 42, 43). ‖ [5] Ин. 9. 22.

нежели начала славы Божией и пути к достижению ее. Начала тщеславия и славолюбия основываются на ложных понятиях о мнении и силе человеческих, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой — постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или беззаконно это человекоугодие, до того дела нет искателям человеческой славы, лишь бы оно достигало своей цели. Начало вожделения славы Божией и стремления к ней основываются на живой вере во всемогущество Божие и в неизреченную милость Его к падшему человеку. Падший человек посредством покаяния и исполнения евангельских заповедей может примириться с Богом, стяжать у Бога, выразимся так для ясности, благое о себе мнение, как сказано в Писании от лица Божия человеку, которого дела оказались угодными Богу: *Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего*[1]. Сообразно начальной причине своей, деятельность человека, желающего стяжать славу Божию, заключается в тщательном и постоянном Богоугождении, или в последовании Господу с крестом своим на раменах, в угождении ближним, допускаемом и установляемом евангельскими заповедями. Такое угождение отнюдь не удовлетворяет и даже приводит в негодование сынов мира, которые ищут и требуют неограниченного угождения страстям своим и своему самообольщению, за что и награждают земною славою человекоугодника, враждебного Богу и истинному благу ближних. — *Аще кто Мне служит,* сказал Господь, *Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет: и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой*[2]. Между прочими нравственными правилами Богочеловека, чертами Его всесвятого характера, находится отвержение славы человеческой. *Славы от человек не приемлю,* сказал Господь о Себе[3]. Хотя Он — Царь царей, но *Царство* Его *несть от мира сего*[4]. Когда народ хотел провозгласить Его царем, то Он удалился в пустынную гору, научая и нас, по объяснению блаженного Феофилакта Болгарского, убегать почестей и славы[5]. Когда во время собеседования после Тайной вечери ученики сказали Господу: *ныне вемы, яко веси вся и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси,* тогда Господь

---

[1] *...хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многими тебя поставлю; войди в радость господина твоего* (Мф. 25. 23). ‖ [2] *Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почтит Отец Мой* (Ин. 12. 26). ‖ [3] Ин. 5. 41. ‖ [4] *...Царство... не от мира сего* (Ин. 18. 36). ‖ [5] Ин. 6. 15.

не выразил никакого сочувствия к этим словам, заключающим в себе похвалу человеческую и одобрительное мнение человеческое. Напротив того, ведая близкое малодушие учеников и научая необновленного человека не уповать на свое падшее естество, способное к неожиданной, внезапной переменчивости, Он возразил им: *Ныне ли веруете? Се, грядет час, и ныне прииде, да разыдется кийждо во своя и Мене оставите единаго*[1]. Христос, принявший на Себя человечество, страданиями и крестом взошел, по человечеству, во славу Свою[2], которая, по Божеству, всегда была Его славою[3]. Мы должны последовать Христу: исполнением заповедей и терпением всех попускаемых нам скорбей соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Христос *Себе умалил, зрак раба прием, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек, смирил Себе, послушлив быв до смерти, смерти же крестныя. Тем же и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене. Да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних: и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца*[4]; так и мы должны смириться извне и внутри себя, чтоб соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Залоги славы, даруемые Богочеловеком последователю Его во время земного странствования, состоят в различных дарах Святого Духа; в будущем веке Божественная слава обымет последователей и учеников Христовых и извне и внутри в такой полноте и в таком величии, каких ум человеческий представить себе не может[5]. По этой причине преподобные Отцы наши, святые иноки, старались избегать, как смертоносного яда, всего, что приводит к тщеславию, доставляет человеческую славу. Самый Божественный Промысл, как это со всею ясностию можно усмотреть из жизнеописаний угодников Божиих, не попускает избранным Божиим во время их земного странствования пребывать в отраде, в постоянном земном благополучии и в земной славе. Земное странствование их всегда преисполнено скорбей вольных и невольных. Как сладкая пища, постоянно употребляемая,

[1] *Теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя, посему веруем, что Ты от Бога исшел. ...Теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою* **сторону** *и Меня оставите одного* (Ин. 16. 30–32). ‖ [2] Лк. 24. 26, 40. ‖ [3] Ин. 17. 5. ‖ [4] *Он... уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2. 6–11). ‖ [5] 1 Кор. 2. 9.

повреждает желудок, так слава человеческая, не растворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, не прерываемой дождями, увядают и сохнут хлеба и травы, в плодах заводятся черви, так от постоянного земного счастия слабеют и уничтожаются в человеке добрые качества, зарождаются в его сердце самомнение, гордыня и блудные вожделения. Святой Исаак Сирский сказал: «Едва ли найдется человек, который мог бы понести честь, а может быть, и вовсе не найдется такого: это происходит от способности скоро подвергаться изменениям»[1]. Способность скоро изменяться, доказанная опытами[2], служит причиною, что Бог, уготовавший рабам Своим вечную, непременяющуюся честь и славу на небеси, не благоволит, чтоб они в сем непостоянном и превратном мире были почитаемы постоянно суетным и временным почитанием, как заметил блаженный Симеон Метафраст в жизнеописании великомученика Евстафия Плакиды[3]. Те из святых мужей, которым Бог, сообразно их значительным естественным способностям и духовному преуспеянию, предоставил высокое служение в Церкви, подвергались особенным гонениям, бесчестиям, поруганиям, озлоблениям, страданиям: в этом удостоверяют жизнеописания и Афанасия Великого, и Григория Богослова, и Василия Великого, и Иоанна Златоустого, и других светильников Церкви. Попускаемые им напасти предохраняли их от душевного повреждения, которое легко могло бы появиться от величия сана и почитания человеческого[4]. «Прилежно внимай себе, — сказал преподобный Исаия Отшельник, — чтоб тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы, как язвы, смерти и погибели душевной, как вечной муки»[5]. Если посмотреть внимательно на себя и на человечество, то невозможно не убедиться в справедливости совета, преподанного святым отшельником; невозможно не увидеть, что стремление к славе человеческой и к человеческим почестям сводит инока с тесного спасительного пути, проложенного Богочеловеком и пройденного всеми последователями Его. Мало этого! самое учение о тесном и прискорбном пути делается для сочувствующих человеческой славе странным, диким, безрассудным; они насмехаются над ним и над возвещающими его, как насмехались фарисеи, будучи миролюбцами, над учением Господа

---

[1] Слово 1. || [2] См., например, Алфавитный патерик: *Повесть о Евлогии Каменосечце.* || [3] Житие великомученика Евстафия Плакиды. Четьи-Минеи сентября 20 дня. || [4] Смотри о сем в 47 Слове святого Исаака Сирского. || [5] Слово 28, на слова *Внемли себе.*

о самоотвержении. Но Господь дал это учение как необходимое врачевство и пособие в стране изгнания и самообольщения для освобождения нас от лжи, от пленивших и пленяющих нас посредством лжи[1]. Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме Креста Христова. Ключ этот подается десницею Божиею тем, которые произволяют войти в Царство Божие, и они сами стараются приобрести его, о приобретенном радуются и веселятся, как о залоге вечного, неизреченного блаженства. Говорит преподобный Симеон Новый Богослов: «С несомненною верою в Бога отрекшийся мира и всего принадлежащего миру верует, что Господь щедр и милостив, приемлет приступающих к Нему с покаянием, воздает почесть рабам Своим чрез бесчестие, обогащает их посредством нищеты, прославляет при посредстве досаждений и уничижений и соделывает их причастниками и наследниками вечной жизни посредством смерти. Верующий спешит как жаждущий елень, восходит сими ступенями к бессмертному и горнему началу, как по лествице, по которой восходят и нисходят Ангелы, на вершине которой — человеколюбивый Бог, ожидающий от нас посильного подвига и тщания, не увеселяясь зрением труда нашего, но желая дать нам мзду, как заслуженную»[2].

Возлюбленные братия! Будем убегать тщеславия и славолюбия как отречения от Креста Христова. Отречение от Креста Христова есть вместе и отречение от Христа: *иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик*[3], сказал Господь. Падшие человеки! мы не можем иначе познать и исповедать Христа с искренностию, деятельно, как с креста нашего, познав и исповедав наперед наше падение и необходимость крестного пути для достижения неба и хранимого в нем вечного блаженства. Будем убегать всех поводов к тщеславию и славе человеческой, как убегали их святые Отцы, чтоб не утратить сочувствия к учению Христову, не соделаться гробами повапленными, христианами по наружности, отступниками в сущности. Малая пылинка, попавшая в глаз, нарушает правильность зрения: ничтожное по видимому пристрастие лишает правильности разум, повреждает, изменяет образ мыслей подвижника. Сильные духом и телом Отцы боялись малейшего греха, малейшего уклонения от евангельского учения: тем более мы, немощные по духу и телу, должны страшиться греха,

[1] Лк. 16. 14. || [2] Добротолюбие. Ч. 1, глава 93. || [3] *...кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 27).

который имеет надежное пристанище и пособие в нашей немощи, который, входя в нас, принимает вид ничтожной мелочи, а вошедши, превращается в страшное чудовище[1]. Не без причины святые Отцы наблюдали крайнюю простоту в одежде, в келейных потребностях, в монастырских зданиях, в строении и украшении самых храмов[2]. Мысль и сердце слабого человека сообразуются, что непонятно для неопытных и невнимательных, с его наружным положением. Если на иноке блестящие одежды, если келлия убрана тщательно, со вкусом и роскошью, если даже храмы монастыря великолепны, сияют золотом и серебром, снабжены богатою ризницею, то душа его непременно тщеславна, исполнена самомнения и самодовольства, чужда умиления и сознания своей греховности. Упоенная тщеславным удовольствием, представляющимся ей духовною радостию, она пребывает в омрачении, самообольщении, ожесточении и мертвости, как бы среди торжественного празднества. Напротив того, когда одежда на иноке проста, когда он, подобно страннику, живет в келлии как бы в шатре или куще, когда в этой куще имеется одно необходимое, когда храм Божий служит для него местом молитвенного исповедания и плача, не развлекая и не восхищая его своим блеском, тогда душа его заимствует от наружной обстановки смирение, отделяется от всего вещественного, переносится мыслями и чувствованиями в предстоящую всем человекам неизбежную вечность, душа старается покаянием и исполнением евангельских заповедей благовременно приготовить себе в вечности прием благосклонный. В скромную келлию, убранную просто, входит, наравне с вельможею, простолюдин; в келлию, тщательно убранную, нет входа для простолюдина, могущего приходом своим нарушить отчетливость убранства в келлии. В лице убогого простолюдина, часто богатого в вере, отвергается Христос[3]. — Пагубно собственное тщеславие: тем пагубнее слава человеческая. Слава инока от чад мира и плотского мудрования есть признак, что этот инок — сосуд, отвергнутый Богом, так как, напротив того, поношения и гонения от человеков составляют для инока верный признак избрания его Богом. То и другое засвидетельствовано Самим Господом: *Горе,* сказал Он, *егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их*. Напротив

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 75. ‖ [2] Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Ответ 603; также Предание преподобного Нила Сорского; и все прочие святые Отцы подобного мнения. ‖ [3] Иак. 2. 1–6.

того, *блаженни будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради. Возрадуйтеся в той день и взыграйте: се бо, мзда ваша многа на небеси. По сим бо творяху пророком отцы их*[1].

Последуем вышеприведенному совету святого отшельника! Если же по судьбам Божиим иноку придется носить тяжкое бремя земных санов и почестей, то да умолит он прилежными и слезными молитвами Бога, чтоб земное величие не имело влияния на образ его мыслей, не вселило в его душу гордыни, не доставило ему высокого ока на ближних, отчего предостерегал и предостерегает Господь учеников Своих: *Блюдите, да не презрите единаго от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго* человека. Он пролил за всех и каждого бесценную Кровь Свою и тем установил для всех человеков одну, одинаковую, равную цену, одно, равное значение[2].

Глава 40
О памятозлобии

Глубокая и сокровенная тайна — падение человека! никак не познать ее человеку собственными усилиями, потому что в числе последствий падения находится и слепота ума, не допускающая уму видеть глубину и тьму падения. Состояние падения обманчиво представляется состоянием торжества, и страна изгнания — исключительным поприщем преуспеяния и наслаждения. Постепенно раскрывает тайну Бог пред тем подвижником, который искренно и от всей души служит Ему. Какое, братия, разнообразное и страшное зрелище является нам при раскрытии тайны! Когда обнажатся по повелению Божию адские пропасти в бездне сердечной, как не исполниться страха! как не исполниться страха особливо по той причине, что немощь наша доказана нам бесчисленными горькими опытами! Как не исполниться ужаса от мысли, что какая-либо убийственная страсть может долгое время жить

[1] *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их. Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их* (Лк. 6. 26, 22, 23). ‖ [2] *Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее* (Мф. 18. 10, 11). Ср.: 1 Кор. 6. 20.

тайно в сердце, внезапно явиться и навсегда погубить человека! Это справедливо; но кто боится греха, кто не доверяет себе, тот безопаснее от греха. И потому, желая ознакомить возлюбленных братий с тайнами греха для предохранения от него, мы не упускаем здесь указать на то страшное, невидимое опустошение, которое производит в душе страсть памятозлобия. *Богъ любы есть*[1], сказал святой Иоанн Богослов: следовательно, отвержение любви или памятозлобие есть отречение от Бога. Отступает Бог от памятозлобного, лишает его Своей благодати, решительно отчуждается от него, предает его душевной смерти, если он не потщится благовременно исцелиться от убийственного нравственного яда, от памятозлобия.

В Антиохии, столице Востока, в первые века христианства, жили два друга, Саприкий, пресвитер, и гражданин Никифор. Долгое время пребывали они в теснейшей дружбе; потом сеятель зла, диавол, посеял между ими вражду, которая, возрастая, обратилась в непримиримую, ожесточенную ненависть. Из двух друзей Никифор опомнился, в себя пришел — сказано в жизнеописании, и, уразумев, что ненависть посеяна и укреплена диаволом, искал примириться с Саприкием. Саприкий упорно отвергал предложение о примирении, не раз повторенное. При таком взаимном отношении этих двух лиц внезапно восстало в Антиохии гонение на христиан, в царство императоров Римских Валериана и Галлиена. Саприкий, как христианин и пресвитер, был схвачен и представлен пред Антиохийского игемона. Принуждаемый к принесению жертвы идолам, Саприкий исповедал Христа и, исповедуя Его, претерпел вышеестественно страшные муки. Когда разнообразные пытки не возмогли поколебать твердости Саприкия в исповедании Богом Иисуса Христа, тогда игемон повелел отрубить ему голову. Никифор, услышав о подвиге Саприкия и желая получить прощение и благословение мученика, совершившего свой подвиг и уже шедшего увенчать его смертию от руки палача, поспешил встретить мученика. Он пал мученику в ноги, говоря: «Мученик Христов! прости меня, согрешившего пред тобою». Но Саприкий не дал даже ему никакого ответа, потому что имел сердце, объятое злобою. Сколько ни повторял Никифор молений, ожесточенный и ослепленный Саприкий отвечал на них одним исполненным ненависти молчанием и отвращением взора. Они достигли места казни. Здесь Никифор снова умолял Саприкия о прощении. «Умоляю тебя, мученик

[1] Ин. 4. 8.

Христов, — говорил он, — прости меня, если я, как человек, согрешил пред тобою. Писание говорит: *просите, и дастся вам*[1]. Вот я прошу: даруй мне прощение». И на эту предсмертную мольбу не преклонился Саприкий. Внезапно благодать Божия, укреплявшая его в мученическом подвиге, отступила от него. Когда мучители хотели отсечь ему голову, он вдруг обратился к ним с вопросом: «За что хотите вы казнить меня?» Они отвечали: «За то, что ты отказался принести жертвы богам и презрел царское повеление ради некоторого человека, называемого Христом». Несчастный Саприкий сказал им: «Не убивайте меня: сделаю то, что повелевают цари; поклонюсь богам и принесу им жертву». Услышав эти ужасные слова Саприкия, святой Никифор умолял его со слезами, говоря: «Не делай этого, возлюбленный брат, не делай! не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа, не теряй венца небесного, который ты сплел себе терпением многих мук. Вот! у дверей стоит Владыка Христос, Который немедленно явится тебе и воздаст тебе вечным воздаянием за временную смерть, для принятия которой ты пришел на это место». Саприкий не обратил никакого внимания на эти слова и устремился всецело в вечную пагубу. Тогда святой Никифор, видя, что пресвитер окончательно пал и отвергся Христа, истинного Бога, начал, подвигнутый Божественною благодатию, взывать к мучителям громким голосом: «Я — христианин! я верую в Господа нашего Иисуса Христа, Которого Саприкий отвергся! мне отрубите голову!» — Желание святого Никифора было исполнено[2]. Очевидно: одному отвержение заповеди евангельской вменено Святым Духом, мгновенно отступившим от несчастного, в сердечное отвержение Христа; без сердечного исповедания Христа не возмогло устоять одно устное исповедание; другому тщательное исполнение заповеди доставило высокое достоинство мученика. В это достоинство внезапно возвела Никифора благодать Святого Духа, объяв его сердце, предуготованное для Духа Божия исполнением заповеди Божией.

Вот и другая повесть: В Киево-Печерской Лавре два инока, иеромонах Тит и иеродиакон Евагрий, жили в единомыслии и духовной дружбе. Их взаимная любовь была предметом назидания и удивления для прочих братий. Ненавидящий добра враг, обвыкший сеять плевелы посреди пшеницы и превращать пшеницу в плевелы, особливо когда человеки спят, то есть не внимают себе и не опасаются быть скраденными, полагая прочным и неотъемлемым

---

[1] Мф. 7. 7. ‖ [2] Четьи-Минеи февраля 9 дня.

приобретенное ими добро, превратил любовь иноков во вражду. Тит и Евагрий столько расстроились один против другого, что не могли даже смотреть друг на друга. Братия много раз упрашивали их, чтоб они помирились; но они и слышать не хотели о мире. По прошествии значительного времени их ссоры иеромонах Тит тяжко заболел. Болезнь была так трудна, что отчаялись в его выздоровлении. Тогда он начал горько плакать о своем согрешении и послал к иеродиакону просить прощения, со многим смирением возлагая на себя вину. Тот не только не захотел простить, но и произнес о иеромонахе много жестоких слов, даже проклятий. Однако братия, видя Тита умирающим, насильно привели к нему Евагрия для примирения. Больной, увидев его, приподнялся на постели, поклонился пришедшему, упав к ногам его и сказав со слезами: «Прости меня, отец, и благослови». Евагрий отворотился от него и произнес пред всеми следующие страшные слова: «Никогда не примирюсь с ним ни в сей век, ни в будущий». Сказав это, Евагрий вырвался из рук братий, державших его, и упал. Братия хотели поднять его, но он оказался умершим: они не могли ни согнуть рук его, ни затворить уст, ни сомкнуть ресниц, а болевший иеромонах Тит встал с постели здравым, как бы никогда не был болен. Всех присутствовавших объял ужас, и они начали спрашивать исцелевшего пресвитера, каким образом совершилось его исцеление. Блаженный Тит отвечал им: «Когда я был тяжело болен, то увидел Ангелов, что они удаляются от меня и плачут о погибели души моей, отравленной памятозлобием, а бесов, радующихся тому, что я гибну по причине гнева моего: почему я начал умолять вас, чтоб вы пошли к брату и испросили у него мне прощение. Когда же вы привели его ко мне и я поклонился ему, а он отвратился от меня, то я увидел, что один из грозных Ангелов, державший огненное копие, ударил им непростившего, от чего тот упал и умер, а мне этот же Ангел подал руку и восставил меня, и, вот, я здоров». Братия много плакали о умершем страшною смертию Евагрии и похоронили его в том положении, в каком он окостенел, с отверстыми устами и распростертыми руками[1].

Братия! Устрашимся нашей немощи! устрашимся греха, удобно обольщающего нас, удобно вкрадывающегося в нас, пленяющего, оковывающего нас! устрашимся нашего падшего естества, не перестающего произрастать из себя греховные плевелы! Надо постоянно внимать себе, поверять свое поведение и душевное состо-

---

[1] Четьи-Минеи, 27 февраля.

яние по Евангелию, никак не допускать никакому греховному увлечению усиливаться и плодиться в душе, признавая это увлечение маловажным. «Вводимый в начало зла, не скажи себе: оно не победит меня. Насколько ты введен, настолько уже и побежден», — говорит преподобный Марк Подвижник[1]. И то надо знать, что «малые согрешения диавол представляет еще меньшими, ибо иначе он не может привести к большим согрешениям», — сказал тот же преподобный[2]. Никак не должно пренебрегать плевелами, возникающими из сердца, или греховными помыслами, являющимися уму. Помыслы должно немедленно отвергать и отгонять, а греховные чувствования искоренять и уничтожать, противопоставляя им евангельские заповеди и прибегая к молитве. Плевелы удобно исторгаются, когда они бессильны и молоды. Когда же они укоренятся от времени и навыка, тогда исторжение их сопряжено с величайшими усилиями. Помысл греховный, будучи принят и усвоен уму, входит в состав образа мыслей, или разума, и лишает его правильности, а греховное чувствование, закосневши в сердце, делается как бы его природным свойством, лишает сердце духовной свободы. Стяжем несомненное убеждение в непреложной истине: Бог печется неусыпно о иноке и о всяком православном христианине, предавшем себя всецело в служение Богу и воле Божией, хранит его, зиждет, образует душу его, приуготовляет его для блаженной вечности. Все скорби, наносимые нам человеками, постигают нас не иначе, как по Божию попущению к нашей существенной пользе. Если б эти скорби не были нам необходимо нужны, Бог никак не попустил бы их. Они нам необходимы для того, чтоб мы имели случай прощать ближних и тем получить отпущение собственных своих согрешений. Они нам необходимы, чтоб мы усмотрели Промысл Божий, бдящий над нами, и стяжали живую веру в Бога, являющуюся в нас тогда, когда мы научимся из многочисленных опытов, что из скорбей и затруднительных обстоятельств изъемлет нас всегда всесильная десница Божия, а не наши ухищрения. Они нам необходимы для того, чтоб мы приобрели любовь к врагам, чем окончательно очищается сердце от яда злобы и соделывается способным к любви Божией, к приятию особенной, обильной благодати Божией. Союз любви к ближнему с любовию к Богу ясно усматривается в приведенных двух повестях. Из этих повестей видно, что любовь к врагам есть та высшая ступень в лествице любви к ближнему, с которой мы вступаем в необъятный чертог любви к Богу.

[1] Слово о Духовном Законе, гл. 170. ‖ [2] Там же, гл. 94.

Всеусильно понудим сердце наше, чтоб оно отпускало ближним все роды обид, какие они ни нанесли бы нам, чтоб получить отпущение наших бесчисленных согрешений, которыми оскорбили мы величество Божие. Не будем, побеждаясь неверием, предаваться многообразным попечениям, соображениям, мечтаниям, ухищрениям для охранения себя от врагов наших, для действования против их злонамеренности. Это воспрещено Господом, сказавшим: *не противитеся злу*[1]. Прибегнем, утесняемые скорбными обстоятельствами, с молитвою к всесильному Богу, у Которого в полной власти и мы, и враги наши, и наши обстоятельства, и обстоятельства всех человеков, Который может самовластно распорядиться всем, мгновенно преодолеть и уничтожить все величайшие трудности. Будем тщательно молиться о врагах наших, изглаждая этою молитвою злобу из сердец наших, прививая к нему любовь. «Молящийся о человеках, обижающих его, сокрушает бесов; сопротивляющийся же первым уязвляется вторыми», — сказал преподобный Марк Подвижник[2]. *Паче всего*, говорит Апостол, *возмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукаваго*[3]. Эти стрелы суть различные действия в нас демонов, приводящих в движение недуги падшего естества: воспаление сердца гневом, разгоряченные помыслы и мечтания, порывы к мщению, многопопечительные и многочисленные соображения, большею частию несбыточные и нелепые, о сопротивлении врагу, о побеждении и унижении его, о доставлении себе самого прочного, не подверженного никаким опасностям положения. Стяжавший веру стяжал Бога деятелем своим, встал превыше всех ухищрений не только человеческих, но и демонских. Стяжавший веру получает возможность коснуться истинной, чистой молитвы, нерасхищаемой никакими попечениями о себе, никакими опасениями, никакими мечтаниями и картинами, представляемыми воображению лукавыми духами злобы. Верою своею в Бога благочестивый инок вручил себя Богу; он жительствует в простоте сердца и беспопечительности; он мыслит и заботится только об одном: о том, чтоб соделаться во всех отношениях орудием Бога и совершителем воли Божией.

---

[1] Мф. 5. 29. ‖ [2] Слово о Духовном Законе, гл. 45. ‖ [3] *А паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого* (Еф. 6. 16).

Глава 41
Значение слова «мір[1]»

Слово *мір* имеет два значения в Священном Писании. 1) Словом *мір* обозначается все человечество в следующих, и им подобных, выражениях Писания: *Тако возлюби Бог мір, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный. Не посла бо Бог Сына Своего в мір, да судит мірови, но да спасется им мір*[2]. *Се Агнец Божий, вземляй грехи міра*[3]. 2) Словом *мір* обозначаются те человеки, которые проводят греховное, противное воле Божией, жительство, живут для времени, а не для вечности. Так надо понимать слово *мір* в следующих, и им подобных, выражениях: *Аще мір вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от міра бысте были, мір убо свое любил бы. Якоже от міра несте, но Аз избрах вы от міра, сего ради ненавидит вас мір*[4]. *Не любите міра, ни яже в міре. Аще кто любит мір, несть любве Отчи в нем. Яко все, еже в міре, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от міра сего есть. И мір преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки*[5]. *Прелюбодее и прелюбодейцы! не весте ли, яко любы міра сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти міру, враг Божий бывает*[6]. Блаженный Феофилакт Болгарский определяет *мір* так: «Обычно Писанию называть *міром* житие грешных и пребывающих в нем людей плотского мудрования, почему и Христос сказал ученикам Своим: *вы несте от міра*». Они составляли часть живущих в *міре* человеков, но, не пребывая в грехе, не были от *міра*[7]. Большинство человеков проводило и проводит жизнь греховную, мерзостную пред Богом, враждебную Богу: по этой причине и пото-

[1] В данной главе святитель Игнатий исследует значение слова «*мір*», поэтому редакция придерживается здесь старого написания этого понятия — через десятеричное *і*.— *Ред.* ‖ [2] *Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был через Него* (Ин. 3. 16, 17). ‖ [3] *...вот Агнец Божий, Который берет* **на Себя** *грех мира* (Ин. 1. 29). ‖ [4] *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел! Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, поэтому ненавидит вас мир* (Ин. 15. 18, 19). ‖ [5] *Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1 Ин. 2. 15–17). ‖ [6] *Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу* (Иак. 4. 4). ‖ [7] Толкование на гл. 18, с. 7 Евангелия от Матфея.

му, что большинство врагов Божиих несоразмерно велико в сравнении с числом верных служителей Бога, большинство называется в Писании *міром;* относящееся к большинству приписывается всему человечеству. Так надо понимать слова Евангелистов: *Бе Свет Истинный, Иже просвещает всякаго человека грядущаго в мір. В міре бе, и мір Тем бысть, и мір Его не позна. Во своя прииде, и свои Его не прияша*[1]*. Сей же есть суд, яко Свет прииде в мір, и возлюбиша человецы паче тму, неже Свет: беша бо их дела зла*[2]*. Блаженни будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческаго ради. Горе, егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их*[3]. Не познало Спасителя большинство человеков, ненавидит и преследует злословиями и гонениями истинных слуг Божиих большинство человеков, — и так велико это большинство, что Слово Божие признало правильным приписать отвержение Богочеловека и гонение служителей Его всему человечеству. Что очень мало человеков, живущих богоугодно, и очень много угождающих греховным и плотским похотениям своим, засвидетельствовал Господь: *Пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата, и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его*[4] *Оправдися премудрость* Божия *от* весьма немногих *чад своих*[5]*:* немногие избранники познали ее, немногие отдали ей должную справедливость.

Истинные служители истинного Бога! изучите и узнайте установленное для вас Промыслом Божиим положение на время вашего земного странствования. Не попустите падшим духам обольстить и обмануть вас, когда они будут в приманчивой ложной картине представлять вам земное благосостояние и внушать желание его, стремление к нему, чтоб таким образом украсть и похитить у вас вечное сокровище ваше. Не ожидайте и не ищите похвал и одобрения от общества человеческого! не ищите известности и славы! не ожидайте и не ищите жительства бесскорбного, пространного, вполне удобного! Это — не ваш удел. Не ищите и не ожидайте любви от

---

[1] *Был Свет Истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли* (Ин. 1. 9–11). ‖ [2] *Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы* (Ин. 3. 19). ‖ [3] Лк. 6. 22, 26. ‖ [4] *Входите тесными вратами, потому что широкие врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7. 13, 14; ср.: Лк. 13. 23, 24). ‖ [5] *И оправдана премудрость чадами ее* (Мф. 11. 19).

человеков! ищите всеусильно и требуйте от себя любви и соболезнования к человекам. Довольствуйтесь тем, что немногие истинные служители Божии, с которыми по временам вы будете встречаться на пути жизненном, полюбят вас, с любовию и участием одобрят ваше поведение, прославят за вас Бога. Такие встречи не были часты и в цветущие времена христианства; в последнее время они сделались крайне редки. *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный: яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему*[1].

Преподобный авва Дорофей превосходно объясняет слова святого апостола Павла: *мне мiр распяся, и аз мiру*[2]. Монашествующим существенно нужно знать это объяснение. Вот оно: «Апостол говорит: *мне мiр распяся, и аз мiру.* Какое между этим различие? как *мiр* распинается человеку и человек *мiру?* Когда человек отрекается от *мiра* и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяния другим и приятия от них, тогда распинается ему *мiр,* ибо он оставил его. Это и значат слова Апостола: *мне мiр распяся.* Потом он прибавляет: *и аз мiру.* Как же человек распинается *мiру?* Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самых услаждений или против самого вожделения вещей, против своих пожеланий и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается *мiру* и сподобляется сказать с Апостолом: *мне мiр распяся, и аз мiру.* — Отцы наши, как мы сказали, распяв себе *мiр,* предались подвигам и себя распяли *мiру.* А мы думаем, что распяли себе *мiр,* потому что оставили его и пришли в монастырь, себя же не хотим распять *мiру,* ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастия его, сочувствуем славе его; имеем пристрастие к снедям, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию производить в нас мирское пристрастие, как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, вышедши из *мiра* и придя в монастырь, оставили все мирское; но и здесь, ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия мирские. Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что, оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных удовлетворяем страстям нашим. Каждый из нас оставил, что имел: имевший великое оставил великое и имевший что-нибудь и тот

---

[1] *Спаси [меня], Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему* (Пс. 11. 1–3). || [2] *...для меня мир распят, а я для мира* (Гал. 6. 14).

оставил, что имел, каждый по силе своей. И мы, приходя в монастырь, как я сказал, маловажными и ничтожными вещами питаем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать; но как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам»[1]. После этого объяснения очень понятна причина, на основании которой святой Исаак Сирский, писавший свои наставления инокам самого возвышенного жительства, то есть безмолвникам, затворникам и отшельникам, определяет *мiр* так: «*мiр* есть общее имя для всех страстей. Если человек не узнает прежде что есть *мiр*, то он не достигнет узнать и то, сколькими членами он удалился от *мiра* и сколькими привязан к нему. Находится много таких, которые двумя или тремя членами отрешившись от *мiра* и в них отказавшись от общения с ним, возомнили о себе, что они чужды *мiра* жительством своим. Это случилось с ними от того, что они не уразумели и не усмотрели премудро, что они умерли для *мiра* только двумя членами, а прочие члены их живут внутри плотского мудрования, принадлежащего *мiру*. Впрочем, они не возмогли даже ощутить страстей своих; не ощутив их, не могли позаботиться о исцелении себя от них. По наследованию (духовного) разума, для составления общего имени, объемлющего отдельные страсти, употребляется слово *мiр*. Когда хотим наименовать страсти общим именем, именуем их *мiром;* когда же намереваемся распределить их по частным названиям их, тогда именуем их страстями. Каждая страсть есть частное действие по началам *мiра*[2]. Где престают действовать страсти, там остаются без действия начала *мiра*. Страсти суть следующие: вожделение богатства, стремление к собранию разных вещей; телесное наслаждение, от которого блудная страсть; вожделение чести, от которого происходит зависть; желание начальствовать; кичение благолепием власти, украшение себя пышными одеждами и суетными утварями; человеческая слава, служащая причиною памятозлобия; страх телесный. Где эти страсти престают действовать, там *мiр* умер. И насколько некоторые из этих частей оставлены, настолько подвижник пребывает вне *мiра*, который настолько уничтожается, будучи лишен составных частей своих. Некто сказал о святых, что они, живя, были мертвы: ибо, живя во плоти, жили не для плоти. И ты всмотрись в себя, для каких из вышесказанных страстей ты жив? тогда познаешь, насколько ты жив для *мiра* и насколько умер для него. Когда уразумеешь, что значит *мiр*, тогда уразумеешь из вышеприведенных частных

[1] Поучение первое. || [2] Кол. 2. 8.

указаний, в чем ты связался с *міром* и в чем отрешился от него. Короче сказать: *мір* есть плотское жительство и плотское мудрование[1]. *Мір* есть блудница, привлекающая к любви своей тех, которые устремляют взоры к ней с вожделением ее красоты. Тот, кто хотя отчасти увлечен любовию к *міру* и опутан им, не может избавиться из рук его, доколе *мір* не лишит его жизни (вечной). Когда *мір* вполне обнажит человека и вынесет его из дому его в день его смерти, тогда познает человек, что *мір* — льстец и обманщик. Подвизающийся выйти из тьмы *міра*, доколе находится еще среди его, не может видеть сплетений его. *Мір* держит в оковах не только учеников, чад и пленников своих, но вот! он и нестяжателей и подвижников, и возвысившихся превыше его, начал уловлять на дела свои различными образами, попирает их и повергает под свои ноги»[2].

Основываясь на этих понятиях о *міре*, преподаваемых нам Священным Писанием и святыми Отцами, мы повергаем пред возлюбленными братиями нашими, иноками, совет и убедительнейшее моление: убоимся служения *міру*! Этому служению могут подпасть даже подвижники, не внимающие себе строго; это служение может совершаться при посредстве ничтожных пристрастий к ничтожным предметам. Примем все меры, все предосторожности к предохранению себя от міролюбия! не сочтем маловредным никакого, по видимому ничего не значащего пристрастия! не сочтем маловажным никакого самомалейшего уклонения от евангельских заповедей. Не предадим забвению грозного изречения, которым возгремел святой апостол Иаков: *прелюбодеи и прелюбодейцы! не весте ли, яко любы міра сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти міру, враг Божий бывает*[3]. Всякое пристрастие есть в духовном смысле прелюбодеяние для инока, долженствующего любовь свою всецело устремить к Богу, как и Псалмопевец возвестил: *Возлюбите Господа вси преподобнии Его*[4]. *Удаляющии себе от Тебе, погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе*[5]. При служении *міру* невозможно служение Богу, и нет его, хотя бы оно и являлось болезненному взору рабов *міра*, представлялось существующим. Его нет! а то, что представляется, есть не что иное, как лицемерство, притворство, обман себя и других. Друг *міра* соделывается непременно, может быть незаметно для себя, злейшим врагом Бога и своего спасения. Міролюбие вкрадывается в душу, как тать, поль-

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 2. ‖ [2] Слово 21. ‖ [3] Иак. 4. 4. ‖ [4] *Любите Господа все праведные Его* (Пс. 30. 24). ‖ [5] *...удаляющиеся от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого, отступающего от Тебя* (Пс. 72. 27).

зующийся мраком ночи — нерадением и невниманием себе. Міролюбие способно совершать величайшие беззакония, величайшие злодеяния. Ужасный пример этого видим в иудейском духовенстве, современном земной жизни Богочеловека. Оно впало в миролюбие: оно заразилось расположением к почестям, к славе, к похвалам человеческим; оно пристрастилось к сребролюбию и любоимению; оно впало в сластолюбие и разврат; оно предалось грабительству и всякого рода неправдам, а для того чтоб охранить свое положение в народе, оно облеклось в личину строжайшего богоугождения, самого мелочного исполнения обрядовых постановлений и старческих преданий. Что было последствием миролюбия? Решительное отчуждение от Бога, перешедшее в ослепленную и исступленную ненависть к Богу. Иудейское духовенство противостало с ожесточением Богочеловеку, когда Он явил Себя *міру*; оно противостало Ему, имея полное убеждение в Его Божественности, как это засвидетельствовал Никодим, один из членов верховного иудейского собора — Синедриона[1]. Иудейское духовенство решилось на богоубийство и совершило его, зная наверно, что оно действует против Мессии, и, в омрачении своем, высказывая это сознание в тех насмешках, которыми оно осыпало мироспасительную Жертву на Ее жертвеннике — Кресте. *Иныя спасе, Себе ли не может спасти!*[2] говорили архиереи, книжники, старцы и фарисеи, не замечая того, что они произносят осуждение на самих себя: они сознаются, что предали на распятие Того и ругаются Тому, Кто чудесным образом, Божественною силою и властию спасал других[3]. Иудейское духовенство едва услышало весть о рождении Богочеловека, как возненавидело Его, приняло меры избавиться от Него. Это ясно видно из Евангелия. Когда волхвы принесли в Иерусалим весть о рождении Царя иудейского — Христа, тогда смутился наличный иудейский царь Ирод, смутилась вместе с ним и вся столица иудейская[4]. Естественно было смутиться, замечает блаженный Феофилакт Болгарский, наличному государю иудейскому вестию о рождении нового Царя иудейского, который, следовательно, должен был завладеть его престолом и лишить власти или его, или потомство его. Но к чему смущаться Иерусалиму при вести о рождении Мессии, — Иерусалиму, который

[1] Ин. 3. 2. || [2] *...других спасал, а Себя Самого не может спасти* (Мф. 27. 42). || [3] Что иудейский Синедрион совершил богоубийство при совершенном понимании дела, это засвидетельствовал и обратившийся в христианство иудейский священник Аффоний, современный Христу и Богоматери. Четьи-Минеи, 15 августа, повествование о Успении Пресвятой Богородицы. || [4] Мф. 2. 3.

в течение многих веков ожидал обетованного Мессию, своего Избавителя, свою славу, — Иерусалиму, которого вся религия состояла в вере в грядущего Мессию и в приготовлениях к принятию Его? Иерусалим смутился оттого, что нравственность иерусалимлян была растленная. Столица поняла, достойно тонкому столичному чутью, что новый Царь, Царь правды, потребует отвержения безнравственности, потребует истинной добродетели, не обольстясь и не удовлетворясь добродетелию притворною, лицемерством. По причине миролюбия иерусалимлян для них был сноснее, приятнее Царя-Бога чудовище Ирод. Угадывая с верностию душевное отношение тирана, лицемера и лицедея, какими были и члены Синедриона, они при первом вопросе о месте рождения Мессии решительно, нисколько не остановившись и не задумавшись, указывают Ироду с точностию на место рождения Мессии, предают Мессию в руки убийцы. *Христос рождается в Вифлееме иудейстем,* говорят они; чтоб усилить отзыв, присовокупляют: *тако бо писано есть пророком,* — и объявляют поразительной ясности пророчество[1]. Противное этому расположение заставило бы их дать ответ уклончивый, скрыть место[2]. — Евангелие приписывает миролюбцам все злодеяния, совершенные человеками, начиная от убийства Каином Авеля[3]. Миролюбцы, во время земной жизни Богочеловека, навершили свои злодеяния отвержением Христа и богоубийством[4], а в последние времена мира навершат принятием антихриста и воздаянием ему божеской чести[5]. Страшно миролюбие! оно входит в человека неприметным образом и постепенно, а вошедши, соделывается его жестоким и неограниченным владыкою. Постепенно приготовились человеки и стяжали душевное настроение, способное к богоубийству: постепенно они приготовляются, стяжавают настроение и характер, способные к принятию антихриста[6]. Превосходно изложил суетность миролюбия и пагубные его последствия святой мученик Севастиан в беседе к тем мученикам, которые любовию к родственникам и семейству поколебались в подвиге. Святой Севастиан говорил им: «О, крепкие воины Христовы! Вот: великодушием вашим вы мужественно уже приблизились к торжеству, а ныне хотите уничтожить вечный венец ради окаянного ласкательства ваших свойственников! Ныне

[1] Мф. 2. 5. || [2] О враждебном, убийственном расположении иудейского духовенства к новорожденному Младенцу-Господу смотри Четьи-Минеи 29 декабря, в описании убиения Вифлеемских младенцев. || [3] Мф. 23. 35. || [4] Мф. 23. 32. || [5] Ин. 5. 42. || [6] 2 Сол. 2. 7.

да научится вами мужество Христовых воинов вооружаться не железом, а верою. Не повергайте знамений победы вашей ради женских слез и не послабляйте вые врага (диавола), находящейся под ногами вашими, чтоб он, восприяв силу, не восстал снова на брань. Если первое его восстание на вас было лютым, то последующее будет лютее. Он разъярен и раздражен (первым своим побеждением). Воздвигнете от земных пристрастий славную хоругвь подвига вашего, и не лишайтесь ее ради пустого рыдания детей. Те, которых вы видите плачущими, радовались бы ныне, если б знали то, что знаете вы. Но они полагают, что только и есть та жизнь, которая в сем *міре*, и, что по окончании ее смертию тела, нет жизни для души. Если б они знали, что существует другая жизнь, бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестанная радость, то поистине они потщались бы с вами перейти к ней и, вменив ни во что временную жизнь, возжелали бы вечной. Сия настоящая жизнь скоротечна и столько непостоянна и неверна, что не возмогла никогда соблюсти верности ниже к своим любителям. Всех, от начала *міра,* надеявшихся на нее, она погубила; всех, желавших ее, обольстила; всем, гордящимся ею, наругалась; всем солгала; никого не оставила в надежде своей необманутым и в уповании непосрамленным, но вполне явила себя ложною. О, если б она только обманывала, а и не вводила в лютые заблуждения! Горестнее всего то, что она любителей своих приводит ко всем беззакониям. Она услаждает для чревоугодников объядение и пьянство, сластолюбивых подвизает к любодеянию и всякого рода осквернениям. Она научает вора красть, гневливого яриться, лжеца обманывать. Она посевает разлучение мужа с женою, вражду между друзьями, ссоры между кроткими, неправды посреди праведных, соблазны посреди братии. Она отъемлет правосудие у судей, чистоту у целомудренных, разум у разумных, благонравие у нравственных. Воспомянем и лютейшие злодеяния, к которым она приводит своих любителей. Если когда брат убил брата, сын отца, друг умертвил друга, то по чьему наущению совершились таковые беззакония? по чьему мановению? при каких надежде и уповании? Не ради ли настоящей жизни, которую человеки, любя попремногу, ненавидят друг друга и злодействуют друг другу, каждый ища самому себе благополучнейшего пребывания. По какой причине разбойник закалает путешественника, богатый насилует убогого, гордый обижает смиренного и всякий повинный злу гонит неповинного? Поистине все это злое делают служащие этой жизни и желающие долгое время пре-

бывать и наслаждаться в любви ее. Она, советуя все злое своим рачителям и служителям, предает их своей дщери, от нее рожденной, вечной смерти, в которую низверглись первые человеки по той причине, что, будучи созданы для вечной жизни, вдались в любовь к временной, поработились чревоугодию, сласти и похотению очей, а оттуда ниспали во ад, не взяв туда с собою ничего из земных благ. Эта-то временная жизнь, — продолжал святой Севастиан, обратясь к родственникам мучеников, — обольщает вас возвращать вспять неправедным вашим советом ваших друзей, грядущих к вечной жизни. Она научает вас, о честные родители, отвлекать вашими безумными рыданиями ваших сыновей от шествия к небесному воинству, к чести нетленной и к дружеству с вечным Царем. Она убеждает вас, о целомудренные жены святых, чтоб вы ласканиями вашими развратили умы мучеников, отвели их от доброго намерения, доставили им советами вашими вместо жизни смерть, вместо свободы — рабство. Если они соизволят советам вашим, то поживут с вами малое время, потом должны же будут разлучиться с вами смертию, и разлучиться так, что свидание вам сделается возможным только в вечных муках, где пламень пожигает души неверных, где тартарские змеи снедают уста богохульные, где аспиды терзают груди идолопоклонников, где слышатся горький плач, тяжкие воздыхания, непрестанное рыдание в муках. Дайте им избежать этих мук и самих себя потщитесь избавить от них! допустите их снова устремиться к венцу, уготованному им. Не бойтесь: они не разлучатся от вас: они идут уготовать вам на небесах светлые обители, в которых вы, вместе с ними и чадами вашими, будете наслаждаться вечными благами. Если вас утешают здесь каменные красивые дома, то сколько более будет утешать красота горних домов, где столы блистают чистым золотом, где чертоги сияют славою, будучи выстроены из красивых камней и убраны камнями драгоценными, где цветут сады присноцветущие цветами неувядающими, где злачные поля, кипящие сладкими потоками, где всегда воздух благорастворен, живительные ветры, облагоухающие чувства неизреченным благовонием, где день не меркнет, свет не заходит, радование не прерывается. Нет там ни воздыхания, ни плача, ни скорби, ниже какого-либо неблаголепия, оскорбляющего взоры; не обоняется там никакое зловоние, не слышится никакого печального, плачевного и страшного голоса; взорам представляется все прекрасное, обонянию одни ароматы, уху одно веселое. Там непрестанно воспевают лики

Ангелов и Архангелов, согласно славословя бессмертного Царя. По какой причине такая жизнь бывает презираема, а временная любима? Для богатства ли? но богатство скоро истощается. Тот же, кто хочет иметь его вечно при себе, да слышит, что говорит богатство. Вы так любите меня, говорит оно, что желаете, чтоб я никогда не разлучалось с вами. По смерти вашей я не могу идти вслед за вами, но при жизни вашей могу вам предшествовать. Если вы пошлете меня пред собою, то да послужат вам примером корыстолюбивый заимодавец и прилежный земледелец. Один дает золото ближнему, чтоб с него получить свои деньги в двойном количестве; другой посевает различные семена в землю, чтоб взять их сторично умножившимися. Должник отдает заимодавцу золото в двойном количестве, а земля возвращает сеятелю семена его сторично умноженными. Если вы вверите ваше богатство Богу, то Он не воздаст ли вам его умноженным бесчисленно? Туда пошлите, вперед вас, богатство ваше и сами туда же тщитесь скорее придти. Какая польза в этой временной жизни? Если б кто прожил и сто лет, но когда наступит последний день жизни, не оказываются ли тогда все прошедшие годы и все житейские сласти как бы никогда не бывшими? Остаются только следы ничтожные, воспоминание, подобное воспоминанию о путешественнике, пробывшем у нас в продолжение одного дня. О, по правде, тот, кто не любит превосходной вечной жизни, безумен, совершенно чужд познания истинных благ! О, по правде, безрассуден тот, кто боится потерять скоропреходящую жизнь для восприятия другой, присносущей, в которой наслаждения, богатство, радости так начинаются, что никогда не оканчиваются, но пребывают бесконечными вовеки. Кто не хочет быть любителем этой присносущей жизни, тот всуе погубляет и временную жизнь, впадает в вечную смерть, держится связанным во аде, где неугасимый огнь, всегдашняя скорбь, непрестающие муки, где живут лютые духи, которых глаза сверкают огненными стрелами, которых зубы величиною подобны слоновым, которых хвосты угрызают, подобно хвостам скорпионов, которых гласы подобны гласам львов рыкающих, которых одно видение приносит великий страх, лютую болезнь и горчайшую смерть. О, если б было возможно умереть посреди этих страшилищ и мук! но, что всего лютее, там не престают жить для того, чтоб умирать непрестанно; не уничтожаются до конца, чтоб мучиться без конца; пребывают целыми, чтоб вечно пожираться угрызающими змеями; снедаемые уды снова обновляются, чтоб снова

служить снедию для ядовитых змей и неусыпающего червя»[1]. Правильное употребление земной жизни заключается в приготовлении себя, во время ее, к жизни вечной.

Братия! Совершим наше земное кратковременное странствование, занимаясь единственно богоугождением, заимствуя от *міра* только одно необходимое. *Есть,* сказал Апостол, *снискание велие благочестие с довольством. Ничтоже бо внесохом в мір сей, яве, яко ни изнести что можем. Имуще же пищу и одеяние, сими доволни будем. А хотящии богатитися впадают в напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубителство и погибель*[2]. К такому же нравственному бедствию, к какому приводят человека сребролюбие, приводят славолюбие и сластолюбие: из этих трех главных страстей составляется *міролюбие.*

Глава 42
О хранении от знакомства с женским полом

Преподобные Отцы наши, святые иноки всех времен, тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. Вход женскому полу в древние монастыри был воспрещен. Этот святой и благодетельный обычай сохраняется и ныне во всей Афонской горе. Те из иноков, которые проводили особенно внимательную жизнь, с особенною тщательностию хранились от знакомства и обращения с женщинами, что видно из жития преподобных Арсения Великого, Сисоя Великого, Иоанна Молчальника и других возвышеннейшей святости Отцов. Так поступали они не единственно по произволу, но по указанию необходимости, усмотренной ими, как в зеркале, в их внимательной жизни.

Некоторые иноки утверждают о себе, что они, находясь часто в обществе женщин, не чувствуют вреда. Этим инокам не должно верить: они или говорят неправду, скрывая свое душевное расстройство, или проводят жизнь самую невнимательную и нерадивую и потому не видят своего устроения, или же диавол окрадывает их, отнимая понимание и ощущение вреда, чтоб соделать их монашескую жизнь бесплодною и уготовать им верную погибель. Превос-

[1] Четьи-Минеи декабря 18 дня. ‖ [2] *Великое приобретение — быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу* (1 Тим. 6. 6–9).

ходно рассуждал об этом предмете преподобный Исидор Пелусиотский в письме к епископу Палладию[1]: «Если *тлят обычаи благи беседы злы*[2], по изречению Писания, то совершает это по преимуществу беседа с женами. Хотя бы предметом ее было и добро, но она достаточно сильна, чтоб растлить тайно внутреннего человека скверными помыслами, и, в то время как тело пребывает чистым, душа оскверняется. Бесед с женами сколько можно убегай, благий муж. Если по какой нужде придешь к женам, то имей глаза опущенными вниз и тех, к которым ты пришел, поучай смотреть целомудренно. Сказав им немного слов, могущих утвердить и просветить души их, немедленно удаляйся, чтоб долгая беседа не смягчила и не расслабила твоей душевной крепости. Скажешь: хотя и часто я беседую с женами, однако из этого не последует для меня никакого вреда. Пусть будет и так! но я желаю, чтоб все были твердо уверены в том, что водами камни утончеваются и пробиваются каплями дождя, всегда падающими на них. Рассуди: что тверже камня? и что мягче воды, особливо же водяной капли? но всегдашним действием побеждается и естество. Если столько твердое естество преодолевается, страдает и умаляется от такой вещи, которая в сравнении с ним ничто, то как не быть побежденною и превращенною долгим обычаем воле человеческой, удобоколеблемой?» Старец Серафим Саровский уподоблял благочестно живущего инока, хранящего целомудрие, невозжженной восковой свече; частое же обращение этого инока посреди общества женщин — этой же невозжженной свече, когда она будет поставлена между многими другими возжженными свечами. Тогда невозжженная свеча начинаете таять от действия на нее теплоты, исходящей от стоящих вокруг ее возжженных свеч. Сердце инока, говорил старец, непременно должно подвергнуться расслаблению, если инок позволит себе частое обращение с женским полом[3].

Соединение полов в существующем виде его естественно (падшему естеству). Девство вышеестественно. Следовательно, желающий сохранить свое тело в девственности должен непременно держать его вдали от того тела, соединение с которым требуется естеством. В тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая тело к телу. Приближающийся к жене непременно подвергается влиянию этой силы. Чем чаще сближение, тем учащеннее, а потому тем сильнее влияние. Чем сильнее влияние, тем слабее

[1] Четьи-Минеи, 4 февраля. ‖ [2] ..*худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15. 33). ‖ [3] Наставление 9. Издание 1844 года.

делается наше произволение, которым мы намереваемся победить, с Божиею помощию, естество. Образы жен, их взоры, их голос, их нежность напечатлеваются очень сильно в душах наших по действию естества, особливо когда естеству содействует сатана. В то время, когда мы обращаемся с женщинами и когда производятся впечатления, мы этого не чувствуем; но когда удалимся в уединение, тогда впечатления, усвоенные душою, восстают в ней с необыкновенною силою и производят лютую блудную брань. Блаженный Иероним повествует о себе, что, когда он жил в Риме и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Но когда Блаженный удалился в Вифлеемскую пустыню и предался строжайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме жен, а в старческом теле, изнуренном жаждою, неядением, бдением, трудами, появились юношеские вожделения. Победа была очень затруднительна, потому что падшему естеству предстало в помощь, как это обыкновенно бывает, явное содействие диавола. Совершившееся с блаженным Иеронимом совершается со всеми иноками, переходящими от общественной жизни к жизни безмолвной[1]. Они на опыте познают важность впечатлений, о которых преданные рассеянности не имеют никакого понятия. Все впечатления, которым подверглась душа посреди человеческого общества, восстают, как мертвецы из гробов, в безмолвнике и усиливаются совершать грех в помыслах и ощущениях, доколе милостию Божиею и Божием определением не падут в пустыне все вооруженные мужи, вышедшие из Египта. Тогда новое израильское поколение входит в Землю Обетованную. — С особенною удобностию подвергаются влиянию впечатлений чистые души, не познавшие греха на деле. Их можно уподобить лакированным дорогим столам, стоящим в гостиных у вельмож и богачей: и маленькая царапина на таком столе делается очень приметною, нарушает его достоинство. Напротив того, людей, не сохранивших себя, можно уподобить столам, стоящим в кухне, на которых ежедневно рубят овощи и другие съестные припасы: десять, сотня новых рубцов не имеют для этих столов, покрытых бесчисленными рубцами, никакого значения. Чистую душу диавол старается заразить плотским впечатлением. Этим-то и объясняется причина, по которой святые Отцы с таким усиленным тщанием убегали

[1] Epistola 22 ad Evstochium.

женщин. Преподобный Арсений Великий сказал много жестких слов знаменитой римлянке, приехавшей нарочно для него в пустынный Египетский Скит из великолепного Рима и внезапно представшей пред ним. Жесткие слова Арсений заключил жесткою, но святою откровенностию: «Молю Бога, — сказал он римлянке, — чтоб Он изгладил воспоминание о тебе из сердца моего». Этими словами Преподобный выразил всю тягость и опасность борьбы с впечатлениями, борьбы, низводящей инока до врат адовых, борьбы, изведанной Арсением, очевидно, на опыте[1]. В том же смысле надо понимать и следующие слова преподобного Макария Великого: «Масло питает светильню зажженной лампады, и огнь любодеяния возбуждается обращением с женщиною. Лицо женщины — стрела лютая: наносит язву душе. Если хочешь быть чист, убегай, как яда, сообращения с женщиною: потому что в этом сообращении — сильное действие греха, подобное действию хищных зверей. Не так опасно приближение к огню, как приближение к молодой женщине. Избегай, доколе ты юн, буйного действия блудной страсти и сообращения с женщинами. Наполняющие чрево и вместе надеющиеся стяжать чистоту обманывают себя. Ужаснее потопление от воззрения на прекрасное лицо, нежели потопление от морской бури. Лицо женщины, если изобразится в уме, то принудит презреть самое хранение ума. Вложенным в солому огнем производится пламень: так пребывающим воспоминанием о женщине воспламеняется страстное вожделение»[2]. Этого не мог бы сказать Великий Макарий, если б не вытерпел лютой борьбы с впечатлениями, принятыми неожиданно, в совершенном неведении. Весьма точно и верно сказал святитель Тихон Воронежский в наставлениях своих монашествующим: «Берегись, возлюбленне, жены, да не сожжешися. Ева всегда имеет свой нрав: всегда прельщает»[3]. Старец спросил ученика: «Отчего святые Отцы воспрещают монахам, в особенности юным, короткое знакомство с женщинами?» Ученик отвечал: «Чтоб монах, познакомясь коротко с женщиною, не впал с нею в блуд». Старец: «Так! падение в блуд есть конец, венчающий воспрещенное монаху Святым Духом короткое знакомство с женщиною. Но это знакомство, не всегда оканчиваясь телесным падением, всегда сопряжено с расстрой-

[1] Таким образом тогдашний архиепископ Александрийский Феофил объяснил слова и поступок Преподобного римской знаменитости. Римлянка, услышав объяснение, удовлетворилась и успокоилась. Алфавитный патерик. || [2] Отрывок послания к монахам. Библиотека Галланда. Том 7, с. 242. || [3] 7 наставление монашеское. Том 1.

ством и бесплодием душевным». Женщина руководится чувствами падшего естества, а не благоразумием и духовным разумом, ей вполне чуждыми. У ней разум — служебное орудие чувств. Увлекшись чувствами, она весьма скоро заражается пристрастием не только к иноку юному и зрелых лет, но и к старцу, — делает его своим идолом, а впоследствии сама по большей части делается его идолом. Женщина видит совершенство в своем идоле, старается его уверить в том и всегда успевает. Когда инок заразится, вследствие пагубных и непрестанных внушений и похвал, самомнением и гордынею, тогда отступает от него благодать Божия; он омрачается умом и сердцем, делается способным, в слепоте своей, к самому безрассудному поведению и к бесстрашному нарушению всех заповедей Божиих. Когда Далида усыпила в своих объятиях израильского судию, сильного Сампсона, тогда лишила его условий, при которых соприсутствовала и содействовала ему Божественная благодать, предала Сампсона на поругание и казнь иноплеменникам[1]. Замечено, что женщина, познакомившись коротко с монахом, живущим в благоустроенном монастыре или пользующимся наставлениями духовного старца, первым долгом своим считает извлечь любимца из такого монастыря и отвлечь от старца, несмотря на очевидную пользу монастырской строгости и наставлений старца для инока. Она желает исключительно обладать предметом своей страсти. В безумии своем она считает себя способною и достаточною заменить старца, которого, наоборот, она признает и провозглашает самым недостаточным и неспособным. Она не щадит никаких средств к достижению своих целей, — ни средств, доставляемых миром, ни средств, доставляемых сатаною. Пристрастие свое, а часто и порочную страсть, она называет живою верою, чистейшею любовию, чувством матери к сыну, сестры к брату, дочери к отцу, словом, всеми святыми наименованиями, усиливаясь посредством их сохранить в неприкосновенности приобретенное достояние — несчастную душу вверившегося ей инока. В женщине преобладает кровь; в ней с особенною силою и утонченностию действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последнею прикрываются две первые.

Здесь отнюдь не порицается и не унижается женский пол! он почтен Богом честию человечества и образа Божия, как и мужеский; он искуплен бесценною кровию Спасителя; искупленный

[1] Суд. 16. 4–21.

и обновленный, составляет вместе с мужеским полом одну новую тварь о Христе[1]. Здесь представлены женщины такими, какими они бывают тогда, когда действуют по беззаконным законам падшего естества, под водительством своей необузданной крови. Оказавшись способными вывести Адама из рая, при посредстве лести и обольщения, что Адам засвидетельствовал пред Богом о жене своей[2], они и ныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им иноков из благочестивой жизни, как из рая. Инок, обязанный любить всех ближних, а в числе их и женщин, любовию правильною, евангельскою, несомненно явит к ним эту любовь, когда, познав свою и их немощь, сохранит себя и их от вреда душепагубного, ведя себя с ними крайне осторожно, не вдаваясь в короткое знакомство, воздерживаясь от свободного обращения и храня чувства, в особенности зрение и осязание.

Глава 43
О падших ангелах

Святой апостол Павел говорит всем христианам: *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным*[3]. Эта брань ужасна! она — на живот и на смерть. Последствиями этой брани должны быть или наше вечное спасение, или наша вечная погибель. Духи злобы, зараженные лютою ненавистию к роду человеческому, ведут эту брань с величайшим ожесточением и адским искусством. Святой апостол Петр говорит: *Супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити*[4]. Но истинно любящих Бога никак не могут падшие ангелы отлучить от Бога[5], хотя и употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение. Они употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение, потому что в этом отлучении заключается наша погибель. Для того чтоб противостать духам злобы и победить их благодатию Божиею, надо знать с точностию, кто — они, надо знать с точностию образ борьбы с ними, знать условия победы и побеждения.

Духи злобы — падшие ангелы. Бог сотворил их вместе с прочими Ангелами, сотворил непорочными, благими, святыми, ущедрил их многими естественными и благодатными дарованиями. Но духи,

---

[1] Гал. 3. 28. ‖ [2] Быт. 3. 12. ‖ [3] *...потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6. 12). ‖ [4] 1 Пет. 5. 8. ‖ [5] Рим. 8. 38.

омрачившись гордостию, приписали самим себе свое обилие способностей, свои изящные свойства, самые дары благодати. Они исключили себя из разряда созданий, признали самобытными существами, забыв о своем создании, и на этом бедственном основании попрали свои священные обязанности к Богу-Создателю. К такому самомнению и самообольщению они были увлечены одним из главнейших Ангелов, которого святой пророк Иезекииль называет херувимом[1] и вообще все святые причисляют к высшим Ангелам. Этот херувим столько погрузился в самомнение и гордость, что счел себя равным Богу, явно возмутился против Бога[2], соделался противником Богу, исступленным врагом Бога. Духи, отвергшие повиновение Богу, низвергнуты с неба. Они пресмыкаются по земле, наполняют пространство между небом и землею, отчего называются воздушными, или обитающими в воздухе, низошли во ад, во внутренность земли. Все это засвидетельствовано Священным Писанием[3]. Число падших духов весьма значительно. Некоторые полагают, основываясь на свидетельстве Апокалипсиса[4], что целая треть ангелов подверглась падению. Пали многие из высших ангелов, как видно из вышеприведенных слов апостола Павла: их-то он и называет началами и властями. Глава и князь царства тьмы, составленного из падших духов, — падший херувим. Он — начало, источник, полнота зла. Превышая всех прочих падших ангелов способностями, он превышает всех их злобою. Естественно, что увлеченные им и произвольно подчинившиеся ему духи должны постоянно заимствовать от него зло, следовательно, быть в служении ему. Но Бог, предоставя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле, по всемогуществу Своему и премудрости, бесконечно превосходящей разум разумнейших тварей, не престает пребывать их верховным, полновластным Владыкою: они находятся в воле Бога, как бы в несокрушимых оковах, и могут совершать только то, что Богом попущено будет совершить им[5].

Взамен падших ангелов Бог сотворил новую разумную тварь — человеков и поместил их в рай, находящийся на низшем небе и состоявший прежде под ведомством падшего херувима[6]. Рай поступил в управление новой твари — человека. Весьма понятно, что новая тварь соделалась предметом зависти и ненависти падшего

---

[1] Иез. 28. По объяснению преподобного Кассиана Римлянина. || [2] Ис. 14. 13, 14. || [3] Ис. 14. 12, 15; Еф. 6. 12. || [4] Откр. 12. 4. || [5] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 7. || [6] Беседа о духах преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января.

ангела и падших ангелов. Отверженные духи, руководимые вождем своим, покусились обольстить новосозданных человеков, соделать их причастниками своего падения, своими единомысленниками, заразить ядом вражды своей к Богу, в чем и успели. Человек, хотя и обольщенный и обманутый, но произвольно отвергшийся повиновения Богу, произвольно согласившийся на демонскую хулу против Бога, произвольно вступивший в общение с падшими духами и в повиновение им, отпал от Бога и от лика святых духов, к которым он принадлежал не только душою, но и духовным телом своим, причислился к лику духов падших по душе, а по телу — к бессловесным животным. Злодеяние, совершенное падшими ангелами над человеками, окончательно решило участь падших ангелов: окончательно отступила от них милость Божия, они запечатлелись в своем падении. Духу суждено пресмыкаться в помышлениях и чувствованиях исключительно плотских и вещественных! дух не способен приподняться от земли! дух не может вознестись ни к чему духовному! Такое значение, по объяснению святых Отцов, имеет приговор, произнесенный Богом над падшим ангелом вслед за тем, как этот ангел поразил вечною смертию новосотворенного человека. *На персех твоих и чреве ходити будеши,* изрек Бог демону, *и землю снеси вся дни живота твоего*[1]. Человек, хотя причислился к лику падших ангелов, но падение его, по способу, каким оно совершилось, получило совсем иной характер, нежели падение ангелов. Ангелы пали сознательно, намеренно, сами в себе произвели зло; совершив одно преступление, с остервенением устремились к другому: по этим причинам они вполне лишились добра, преисполнились злом, имеют единое зло своим качеством. Человек пал несознательно, ненамеренно, будучи обольщен и обманут: по этой причине его естественное добро не уничтожилось, а смешалось со злом падших ангелов. Но это естественное добро, как перемешанное со злом, отравленное злом, соделалось непотребным, недостаточным, недостойным Бога, Который есть цельное, чистейшее добро. Человек наиболее делает зло, думая делать добро, не видя зла, облеченного личиною добра, по причине омрачения своих разума и совести. Падшие духи делают зло для зла, находя наслаждение и славу в творении зла.

Бог по неизреченной благости Своей даровал падшему человеку Искупителя и искупление. Но и искупленному человеку пре-

---

[1] *...ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей* (Быт. 3. 14).

доставлена свобода или воспользоваться дарованным искуплением и возвратиться в рай, или отвергнуть искупление и остаться сопричисленным к сонму падших ангелов. Время, в которое предоставлено человеку выразить свое произволение, — вся земная жизнь. Искуплением возвращено человеку общение с Богом; но для свободного выражения воли ему предоставлено пребывать в этом общении или нарушать его, и не отъята от него возможность общения с падшими духами, общения, в которое он вступил произвольно. При таком нерешенном положении человека во все время его земной жизни и благодать Божия не престает вспомоществовать ему до самой минуты перехода его в вечность, если он того захочет, и падшие ангелы не престают употреблять все усилия, чтоб удержать его в общении с собою, в плену греховном и своем, в вечной смерти и гибели. Отверженный дух нередко покушался искушать даже святых мучеников и преподобных Отцов, по совершении ими величайших подвигов и знамений, пред самою кончиною их, в виду, так сказать, венцов небесных[1]. Весьма справедлива мысль, встречаемая у многих святых Отцов, что монах, до самого гроба, находится в опасности подвергнуться какому-либо искушению, не зная откуда и в каком характере оно возникнет. — Святая Церковь научает нас, что каждый христианин получает от Бога при Святом Крещении святого Ангела-хранителя, который, невидимо храня христианина, наставляет его на всякое благое дело в течение всей его жизни, напоминая ему заповеди Божии. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою погибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, повсюду следуя за человеком, старается вовлечь его во всякий вид греха[2]. Из изложенных здесь понятий явствует, что инок в течение всей своей земной жизни должен бодрствовать над собою, исполняясь вместе и страха и мужества. Он должен непрестанно быть в осторожности и страхе от своего врага и убийцы и вместе постоянно пребывать в мужестве и бодрости от убеждения, что непрестанно находится близ его могущественный помощник его — святой Ангел. Преподобный Пимен Великий сказал: «Великая помощь Божия объемлет человека; но ему не попускается видеть ее»[3]. Не попускается видеть ее: конечно, для того, чтоб

[1] Страдание святых мучеников Тимофея и Мавры. Четьи-Минеи, 3 мая. То же можно видеть и во многих других житиях. ‖ [2] Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви, § 106. Также: святой Иоанн Златоуст, Беседа на Деяния Апостольские 26, Деян. 12. 15. Житие преподобного Василия Нового, Четьи-Минеи марта 26 дня. ‖ [3] Алфавитный патерик.

человек, возуповав на эту помощь, не вознерадел и не оставил посильных подвигов своих.

Падший ангел, присужденный пресмыкаться по земле, употребляет все усилия, чтоб и человек постоянно пресмыкался по ней. Человек, по причине гнездящегося в нем самообольщения, весьма склонен к этому. Он имеет ощущение своей вечности, но так как это ощущение повреждено лжеименным разумом и лукавою совестию, то человеку и представляется его земная жизнь бесконечною. На основании этого обольстительного, ложного, гибельного сознания человек предается исключительно заботам и трудам о устроении своего положения на земле, забывая, что он на ней кратковременный странник, что его постоянная обитель — или небо, или ад. Священное Писание говорит от лица падшего человека Богу: *Прильпе земли душа моя: живи мя по словеси Твоему*[1]. Из этих слов явствует, что пристрастие к земле умерщвляет душу вечною смертию; она оживляется словом Божиим, которое, отторгая ее от земли, возносит мысли и чувствования ее к небу. «Диавол, — так любомудрствует о падшем ангеле святой Иоанн Златоуст, — бесстыден и нагл. Он нападает снизу. Впрочем, в этом случае побеждает по той именно причине, что не стараемся сами подняться туда, где бы он не мог нас ранить. Ибо он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог устроил его таким в начале, тем более таков он ныне. Если же не знаешь, что значит нападать снизу, я постараюсь объяснить тебе этот способ борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земного, посредством наслаждений, богатства и всего житейского. Посему если диавол видит кого парящим к небу, то, во-первых, не в состоянии напасть на него, а во-вторых, если и отважится напасть, тотчас сам падает: потому что — будь безопасен — у него нет ног. Не страшись его: у него нет крыльев, — ползает только по земле, пресмыкается между земными вещами. Не имей ничего общего с землею: тогда не нужен будет и труд. Диавол не умеет сражаться открыто, но как змей скрывается в терниях, так он всего чаще притаивается в прелестях богатства. Если посечешь сие терние, он скоро придет в робость и побежит. Если умеешь заговорить его Божественными заклинаниями, то легко ранишь его. И у нас, и у нас имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная»[2]. Преподобный Макарий Вели-

[1] *Душа моя повержена в прах; оживи меня по слову Твоему* (Пс. 118. 25). ‖ [2] Беседа 8 на Послание к Римлянам.

кий, узнав, что некоторый инок, Феопемпт, увлекается блудными помыслами, приносимыми диаволом, дал Феопемпту следующий совет: «Постись до вечера, так, чтоб тебе чувствовать голод, учи наизусть Евангелие и другие книги Священного Писания, чтоб тебе всегда пребывать в богомыслии. Если придет тебе злой помысл, не принимай его, никогда не попускай уму твоему быть сведенным вниз, но всегда устремляй его горе, и Бог поможет тебе»[1]. Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать, чтоб спастись и угодить Богу?» Старец отвечал: «Если хочешь угодить Богу, исступи из мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, соедини себя с Богом молитвою и плачем и найдешь покой в сем и будущем веке»[2]. Преподобный Варсонофий Великий написал некоторому брату: «Если хочешь спастись, понудь себя умереть для всего земного. Считай себя за ничто и стремись к предлежащему, чтоб под предлогом доброго дела диавол не вовлек тебя в безвременные заботы»[3]. Злохитрый змей, опытный в борьбе с человеками и в погублении их, не всегда прибегает к сильным средствам для достижения своей цели. К чему употреблять их, когда они могут возбудить в иноке усиленное сопротивление и доставить ему славную победу, как это доказано многими опытами? Средства слабые действуют вернее. Они большею частию не примечаются, а и примеченные, пренебрегаются по наружной ничтожности, мнимой безгрешности своей. Вообще в современной брани диавола на христианство и иночество не видно в деле средств сильных, а видны одни средства слабые. Уже не нападают на православные монастыри агаряне и латиняне, не жгут и не режут иноков для уничтожения православного иночества. Оно уничтожается незаметными сетями, в которые уловляется, по обычаю времени, весьма удобно. Земные занятия, когда инок предается им с увлечением, способны и без явных грехов лишить его преуспеяния, опустошить его несчастную душу. Такая душа соделывается жилищем демонов, по свидетельству Евангелия[4]. Когда сердце древа заразится тлением, тогда древо уничтожается постепенно и незаметно, между тем как наружность его в течение долгого времени продолжает сохранять благолепие, не выказывая живущей во внутренности и снедающей ее смерти. Слабые средства, не касаясь наружности монашества, уничтожают его сущность. Что такое монах, как не тот христианин, который отделился от всего, уединился умом и сердцем, чтоб принадлежать

[1] Житие преподобного Макария Великого. Четьи-Минеи, 19 января. || [2] Алфавитный патерик. || [3] Ответ 69. || [4] Мф. 12. 44, 45.

единому Богу, вступив в неразлучное общение с Ним. Где же монах, когда он чужд Бога и пригвожден к земле? К числу слабых средств, но действующих весьма сильно, принадлежат различные рукоделия и телесные труды, когда инок займется ими неумеренно и с пристрастием, а это случается сряду при занятиях самочинных, не по послушанию. При этих занятиях неприметно вкрадывается пристрастие к ним: сперва является к занятию особенное внимание и усердие; потом инок устремляет все силы души и тела к занятию, забывает, оставляет Бога. Между тем змей старается представить иноку его занятие невинным, даже душеспасительным, общеполезным. По злохитрости змея начинают отвсюду раздаваться одобрения и похвалы иноку за его занятие; он заражается самомнением; душа его, не освещенная Словом Божиим, объемлется мраком неведения и неразумия; он поступает в полное владение падшего духа. Когда душа оставит подвиг духовный или, что то же, будет исполнять его с нерадением, поверхностно и холодно, займется единственно или преимущественно, с пристрастием и увлечением, земными занятиями, тогда страсти, принадлежащие падшему естеству, свободно пребывают в сердце, ничем не тревожимые; они растут, ширятся, крепнут на просторе и свободе. Тогда инок пользуется обманчивым спокойствием, утешаясь самомнением и тщеславием, признавая это утешение благодатным: не борющиеся со страстями не растревоживают их, а если и растревожатся на короткое время страсти, то не привыкший к самовоззрению не обращает на это внимания и старается успокоить страсти каким-либо земным развлечением. Такое спокойствие, или, правильнее, усыпление души, чуждое умиления, чуждое воспоминания о смерти и Суде, об аде и рае, чуждое заботы о благовременном умилостивлении Бога, о примирении и соединении с Ним, святые Отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума при жизни тела[1]. Во время страшного душевного усыпления страсти, в особенности душевные, вырастают до неимоверных размеров, стяжавают крепость и силу, превысшие естественных способностей: инок погибает неприметно для него.

Преподобный Кассиан Римлянин, посетивший египетские монастыри в конце IV или начале V века, в то время как монашество в Египте было необыкновенно многочисленно и сияло множеством духовных светильников, повествует, что иноки египетской пустыни Каламон, или Порфирион, находившейся в весьма

[1] Лествицы Слово 18.

значительном расстоянии от мирских селений, почти неприступной по своему положению для мирян, оказывали гораздо меньшее преуспеяние в монашеской жизни, нежели иноки пустыни Скит, находившейся не очень далеко от мирских селений и даже от многолюднейшего города Александрии. Причину этого преподобный Кассиан видит в следующем: пустыня Скит была самая бесплодная, а потому иноки ее не были развлекаемы ни возделыванием земли, ни созерцанием красот природы, а пребывали в келейном безмолвии, занимаясь по келлиям самыми простыми рукоделиями, постоянно пребывая в молитве, в чтении и изучении Слова Божия, в рассматривании возникающих в себе помыслов и ощущений; проводя такое сосредоточенное жительство, они скоро приходили в преуспеяние, и преуспеяние их достигало высочайшей степени совершенства. Напротив того, пустыню Каламон составлял пространный, плодоноснейший остров, оазис, подобный раю, со множеством великолепных дерев, со множеством разнообразнейших растений, свойственных тропическому климату. Остров со всех сторон был окружен обширным песчаным морем: так с справедливостию можно назвать песчаную степь, среди которой уединился Каламон. Доступ к нему был крайне затруднителен. Иноки Каламона, увлеченные удобствами обитаемого ими места, много занимались садоводством и земледелием; много развлекались их взоры красотами окружавшей их природы; устремив внимание в значительной степени к земле, они не могли обращать его всецело к небу[1]. — В жизнеописании святого Саввы, архиепископа Сербского, сказано, что когда он посетил святых отшельников Афона, то нашел их вполне чуждыми всех земных занятий: не занимались они ни земледелием, ни виноградниками, ни продажею своего рукоделия — не имели никаких житейских забот; единственным их занятием были молитвы, слезы, постоянное устремление ума и сердца к Богу[2]. Преподобный Арсений Великий столько остерегался увлечения чем-либо земным, увлечения, способного дать повод тончайшей страсти самомнения и тщеславия, что не писал ни писем, ни сочинений, хотя имел к тому всю возможность по своим способностям, учености и духовному преуспеянию[3]. — Древние великие иноки, как-то: Антоний Великий, Макарий Великий и другие, обилуя, по дару Божию, силами душевными и телесными, занимались много рукоделием; но рукоделие их было так

[1] Sancti Cassiani collatio. XXIV. Cap. IV. || [2] Патерик Афонский, ч. 1, с. 187. Издание 1860 года. || [3] Алфавитный патерик.

просто и навык к нему столько был усвоен, что оно нисколько не препятствовало заниматься вместе с рукоделием и молитвою. Они столько приучили себя к простому рукоделию, что ум их свободно погружался в глубины молитвы, возносился в видение в то время, как руки не переставали машинально работать: работа была так проста и привычка к ней так велика, что она не требовала для себя от ума никакого внимания[1]. Весьма многие из древних иноков вили веревки, другие делали корзины или рогожи (циновки). Легко можно заметить при наблюдении и над современными рукоделиями, что некоторые рукоделия, по привычке к ним, весьма мало требуют внимания к себе, например вязание чулков: привыкшие к этой работе производят ее, вовсе не глядя на нее, и во время ее свободно занимая ум посторонними предметами. Но другие занятия, например занятие живописию, требует большого внимания к себе: привыкшие к живописи хотя и могут заниматься при ней молитвою, но им невозможно всецело углубляться в молитву, потому что рукоделие требует, чтоб внимание часто обращалось к нему. Живопись возбуждает большое сочувствие к себе в душе, которой стремление при этом не может не раздваиваться между Богом и рукоделием. По приведенным здесь образцам можно судить и о прочих рукоделиях. Надо, чтоб сердце монаха было хладно к его рукоделию. В особенности занятия умственные способны отвлекать человека от смирения и Бога, привлекать к самомнению и поклонению своему *я*. При таких занятиях надо с особенною тщательностию внимать, чтоб дело наше совершалось во славу Божию и для общественной пользы, а не для наших тщеславия и самолюбия. Невозможно работать Богу и вместе мамоне! Невозможно работать Богу и вместе поблажать своим увлечениям, пристрастиям, страстям.

На основании вышесказанного преподаем возлюбленным нашим братиям, инокам, совет, чтоб они наблюдали при земных занятиях крайнюю осторожность, ведая, что по земле пресмыкается злобный и коварный змей, всегда готовый уязвить нас

[1] Упомянутые преподобные иноки пребывали в непрестанной молитве, и потому они занимались рукоделием вместе с молитвою — с чтением наизусть псалмов или с поучением, то есть с повторением какой-либо краткой молитвы, преимущественно Иисусовой — вне того времени, которое определено было собственно на молитву или на совершение молитвенного правила. Вставая на молитву, они оставляли рукоделие, как свидетельствует святой Иоанн Лествичник: «Никому не должно при молитве заниматься рукоделием, в особенности же делом (делом здесь названо занятие, отвлекающее к себе внимание инока), этому ясно научил Ангел великого Антония». Слово 19.

и излить в нас свой смертный яд. Новоначальный инок должен заниматься возложенным на него послушанием со всею тщательностию, ради Бога и своего спасения, не любоваться успешным исполнением послушания, не хвастать, этим не развивать в себе тщеславия, самомнения и гордости, чрез что послушание из орудия во спасение претворяется в орудие и средство в погибель. О успешном прохождении послушания надо постоянно молиться Богу и успех приписывать единственно милости Божией. Когда же инок получит свободу употреблять значительную часть своего времени произвольно, то он должен охраниться от пристрастия к какому бы то ни было вещественному занятию и ко всему земному и тленному, как от смертоносного яда. Он должен непрестанно возносить свою мысль горе. Возносить мысль горе не значит воображать небесные селения, Ангелов, славу Божию и прочее, тому подобное — нет! такая мечтательность служит поводом к бесовской прелести. Без всякой мечтательности инок да возносится духовным ощущением на Суд Божий, да исполняется спасительного страха от убеждения в вездесущии и всеведении Божиих, да плачет и исповедуется пред Богом, присутствующим в его келлии и на него взирающим, да испрашивает себе благовременно прощение и помилование, помня множество грехов своих и неминуемую смерть. Если время, данное на покаяние и приобретение блаженной вечности, истрачено будет на временные занятия и приобретения, то в другой раз оно не дастся; потеря его не вознаградима; потеря его будет оплакиваться вечными и бесплодными слезами во аде. Если во время земного странствования человек не расторгнет общения с духами, то и по смерти останется в общении с ними, более или менее принадлежа к ним, смотря по степени общения. Нерасторгнутое общение с падшими духами подвергает вечной погибели, а недостаточно расторгнутое — тяжким истязаниям на пути к небу.

Посмотрите, братия, посмотрите, что совершил, совершает и совершит диавол, низводя ум человека от духовного неба к веществу, приковывая сердце человека к земным занятиям и к земле. Посмотрите и устрашитесь страхом спасительным. Посмотрите и остерегитесь осторожностию необходимою, душеполезнейшею! Падший дух занял некоторых иноков приобретением разных редких и дорогих вещей и, пригвоздив к ним мысль, отчуждил ее от Бога. Других занял изучением различных наук и художеств, лишь годных для земли, и, привлекши все внимание к преходящим зна-

ниям, лишил существенно нужного знания о Боге[1]. Иных занял приобретением для монастыря разнородного стяжания, постройками, разведением садов, огородов, пашни, лугов, скотоводства и принудил забыть Бога. Иных занял убранством келлии, цветочками, картинками, деланием ложечек, четочек и отвлек от Бога. Иных привязал к токарному станку и научил вознерадеть о Боге. Иных подучил обратить особенное внимание на их пост и прочие телесные подвиги, дать особенное значение сухарям, грибам, капусте, гороху, таким образом разумные, святые и духовные подвиги превратил в бессмысленные, плотские и греховные, подвижника заразил и низложил плотским и лжеименным разумом, самомнением, презорством к ближним, в чем заключается уничтожение самого условия к святому преуспеянию и условие погибели. Некоторым внушил придать вещественной стороне церковных обрядов преувеличенное значение, затмив от них духовную сторону обрядов; таким образом он, для этих несчастных отъяв сущность христианства, оставил одну искаженную, вещественную оболочку, увлек их к отпадению от Церкви, к ложному и глупейшему суемудрию, к расколу. Столько удобен для падшего духа этот род брани, что он ныне употреблен повсюду. Столько удобен для диавола и человеческой погибели этот род брани, что диавол употребит его в последние дни мира для полного отвлечения всего мира от Бога. Употребит диавол этот род брани, и употребит с решительным успехом. В последние дни мира обымет человеков, по влиянию миродержителя, привязанность к земле и ко всему вещественному, плотскому: они предадутся земным попечениям и вещественному развитию; они займутся исключительно устройством земли, как бы она была вечным жилищем их: соделавшись плотскими и вещественными, они

[1] «Ведая враг, — говорит преподобный Иоанн Карпафийский, — молитву нам убо сущу поборну, тому же наветну и отторгнути нас от сея тщася, в желание нас влагает еллинских словес, от нихже отступихом, и о сем упражнятися подущает. Ему же да не повинемся, да не от осей своего земледельства заблудше, вместо смокв и гроздия, терние и волчцы оберем: *Премудрость бо мира сего буйства у Бога* вменися» — *...премудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3. 19). Многие святые Отцы обладали значительною ученостию человеческою; но они приобрели ее до вступления в монашество. По принятии монашества они исключительно занялись, по заповеданию Господа (Мф. 13. 52), изучением Царства Небесного, или Богословия в обширнейшем значении этого слова. Святые Отцы называют Богословие, изучаемое монашескою жизнию, наукою из наук, художеством из художеств (Добротолюбие. Ч. 4. Преподобного Кассиана Слово о рассуждении). Тысячелетней жизни недостаточно для удовлетворительного изучения его. Оно необъемлемо: потому что предмет его — Бог — необъемлем, и, сколько ни изучается, при всех познаниях о Нем, пребывает непостижимым.

забудут вечность, как бы несуществующую, забудут Бога, отступят от Него. *Якоже бысть во дни Ноевы,* предвозвестил Господь, *тако будет и во дни Сына Человеческаго: ядяху, пияху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчег: и прииде потоп, и погуби вся. Такожде и якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в оньже день изыде Лот от содомлян, одожди камык горящ и огнь с небесе и погуби вся: по тому же будет и в день, в оньже Сын Человеческий явится*[1].

Чтоб противостоять падшим духам, надо видеть их. Борьба возможна только с таким противником, который подвергается чувствам тела или души. Когда не виден враг, когда не видны его орудия, когда никакое ощущение не свидетельствует о присутствии и действии его, тогда он равен врагу несуществующему. Какое же может быть тут сражение? — Духи, невидимые для очей телесных, видимы для очей душевных, для ума и сердца; но святые Отцы, достигшие чистоты и совершенства, видели духов и телесными очами. Нам, не видящим падших духов телесными очами, надобно научиться видению их душевными очами. Для объяснения того, каким образом являются духи человекам и каким образом они могут быть видимы человеками, представим две нижеследующие повести. 1) Преподобный Макарий Великий проводил жизнь отшельника в египетском Ските. В некотором расстоянии от его келлии пребывало многочисленное общество иноков, находившихся под руководством Великого и проводивших жизнь затворников. Келлии их отстояли одна от другой на вержение камня. Однажды Преподобный сидел на пути, ведущем к келлиям иноков, и внезапно увидел идущего демона в образе человека со множеством сосудов. Старец спросил его: «Куда ты идешь?» Диавол отвечал: «Иду возмутить братию». Старец спросил: «Что у тебя в этих сосудах?» Диавол отвечал: «Кушание для братии». Старец сказал: «Во всех ли сосудах есть кушание?» Он отвечал: «Да. Если кому покажется неугодным одно кушание, то подаю другое, за ним третие, и так далее по порядку все кушания, одно за другим, чтоб каждый вкусил хотя одного». Сказав это, демон пошел далее, а старец остался на пути ожидать его возвращения. Увидев его возвращающимся, старец сказал ему: «Здравствуй». — «Какое здравствуй!» — отвечал

[1] *...так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Также, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех; так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится* (Лк. 17. 26–30).

тот. — «Почему так?» — спросил старец. — «Потому что, — отвечал диавол, — все монахи были ко мне неблагосклонны и никто из них меня не принял». Старец сказал: «Итак, ты не имеешь между ними ни одного приятеля?» Диавол отвечал: «Имею там одного друга, который слушается меня: когда приду к нему и он увидит меня, так и начнет вертеться во все стороны»[1]. — Старец спросил: «Как его имя?» Диавол сказал: «Феопемпт». Сказав это, он удалился. Преподобный Макарий отыскал Феопемпта и, вступив с ним в келейную беседу, нашел, что этот инок не узнавал демона, являвшегося ему, вступал в беседу с приносимыми им помыслами, услаждался ими, не понимая и не подозревая, что чрез это он вступил в общение и теснейшую связь с падшим духом. Святой научил Феопемпта борьбе с диаволом и из друга демонов превратил во врага[2]. Из этой повести явствует, что Феопемпт видел диавола, как и диавол засвидетельствовал об этом, но видел его лишь умом в разных греховных помыслах. Пришествие диавола к Феопемпту ознаменовывалось особенным наплывом навязчивых и обольстительных помыслов, с которыми он не знал, что делать, приходил в состояние недоумения, беспокойства и смущения, вступал в беседу с помыслами, очевидно не понимая, что они предлагаются бесом, а полагая, что они возникают в его собственной душе, старался успокоить их рассуждением и словопрением и наконец увлекался и услаждался ими. 2) Другой великий угодник Божий, преподобный Макарий Александрийский, увидел однажды телесными очами бегающих и летающих по всей церкви малых отроков, черных, как ефиопы. Обычай в той обители был таков, что один инок протяжно читал псалмы посреди церкви, а все прочие братия, сидя, внимали ему[3]. Преподобный увидел, что при каждом иноке сидел ефиоп и издевался над ним. Иному ефиопы полагали пальцы на глаза, и он тотчас начинал дремать; другому полагали пальцы на уста, и он начинал зевать. Пред иными они предстояли в подобии женском, пред другими строили здания, приносили разные вещи и упражнялись в разных занятиях. По окончании Божественной

---

[1] «Вертеться во все стороны»: так бывает с неискусными в борьбе с бесовскими помыслами. Преподобный Кассиан Римлянин описывает, что некоторый неискусный старец, ощутив внезапную сильную блудную брань, нанесенную демоном, по причине ее «аки от пьянства семо и овамо обращашеся». Добротолюбие. Ч. 4. Слово о рассуждении. || [2] Четьи-Минеи, житие преподобного Макария Великого, января 19 дня. Также Алфавитный патерик. || [3] Преподобный Кассиан повествует, что такой обычай существовал по всем общежительным монастырям Египта. О постановлениях общежитий. Кн. 2, гл. 12.

службы святой Макарий, призывая к себе каждого брата, расспрашивал его наедине, о чем он думал и мечтал во время Богослужения. Оказалось, что каждый думал и мечтал о том, что изображали пред ним духи[1]. Из этой повести явствует, что духи действуют на нас не только суетными и греховными помыслами, но и мечтаниями греховными и суетными, даже осязанием и различными прикосновениями. Все это сделается вполне ясным иноку, проводящему внимательную жизнь по евангельским заповедям, в свое время, из собственных опытов. «Бесы входят в чувства и члены, — говорит преподобный Иоанн Карпафийский, — мучат плоть разжжением, устрояют страстно смотреть, слышать, обонявать, внушают говорить недолжное, исполняют очи прелюбодеяния, приводят в смущение, действуя извне и внутри нас»[2]. Чтоб несколько объяснить для всех и каждого, каким образом духи, эти газообразные разумные существа, могут входить в члены нашего тела, производить в них свойственное себе действие, прикасаться к самой душе, влиять на нее, укажем на подобное действие некоторых газов: укажем на угар, который происходит от того, что тяжеловесный углеродный газ входит, невидимо для чувственных глаз, посредством обоняния, в головной мозг; укажем на винный спирт, или газ (spiritus, дух, газ), который, от употребления вина внутрь, подымается из желудка, сквозь тело, в голову, непостижимым для нас образом, действует на мозг и на ум. Этот же винный спирт, или газ, проникая, столько же непонятно для нас, из желудка в кровь, производит в ней разгорячение, или, что то же, приводит ее в *физическое*[3] соединение с теплородом, веществом газообразным, самым утонченным, подвергает влиянию этого вещества и тело и душу. Газообразные вещества имеют свойство входить в вещества твердые и в другие газы, проникать сквозь них: так, луч солнечный проникает сквозь воздух и сквозь все известные газы, принадлежащие земле, сквозь воду, сквозь лед, сквозь стекло; теплород (то есть тепло, или огонь, в обширном значении этого слова) проникает удоб-

[1] Четьи-Минеи, житие преподобного Макария Александрийского, января 19. «Тако преподобный Макарий, — говорит святой Димитрий Ростовский в житии его, — познаваше помышления человеческие от воображаемых бесами вещей». ‖ [2] Добротолюбие. Ч. 4. Утешительных глав глава 87. ‖ [3] *Физическим* соединением вещества с веществом называется такое соединение, которое не уничтожает ни того, ни другого вещества, производя, однако, действие вещества на вещество. Таково соединение воды с солью или сахаром. *Химическими* соединением называется такое соединение, при котором соединенные вещества перестают быть тем, чем были до соединения, и образуют новое вещество. Так сера, будучи соединена с ртутью, производит киноварь (краску).

но сквозь железо и сквозь все металлы, производит в них изменение — проникает он и сквозь те газы, сквозь которые проникает свет; воздух проходит сквозь дерево, не проходит сквозь стекло; пары воды, разные запахи, то есть газы, отделяющиеся от разных веществ, проникают сквозь воздух. Преподобный Макарий Великий говорит: «С того времени, как при посредстве преступления заповеди (в раю первыми человеками) зло вошло в человека, диавол получил свободный доступ всегда разговаривать с душою, как разговаривает человек с человеком, и влагать в сердце все вредное»[1]. Разговаривает диавол с человеком, не употребляя голоса, но словами: потому что мысли суть те же слова, только не произнесенные голосом, не облеченные в звуки, без чего человек человеку не может сообщать мыслей. В том же Слове великий Макарий говорит: «Диавол так хитро действует, что все злое представляется нам как бы рождающимся само собою в душе, а не от действия чуждого (постороннего) духа, злодействующего и старающегося утаиться»[2]. Ясные признаки пришествия к нам и действия на нас падшего духа суть внезапно являющиеся греховные и суетные помыслы и мечтания, греховные ощущения, тяжесть тела и усиленные скотские требования его, ожесточение сердца, надменность, тщеславные помыслы, отвержение покаяния, забвение смерти, уныние, особенное расположение к земным занятиям. Пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения. «Помыслы, происходящие от демонов, — сказал великий Варсонофий, — прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрытно и тонко: ибо враги одеваются во одежды овчие, то есть внушают мысли по видимому правые, внутрь же суть *волцы хищницы*[3], то есть восхищают и *прельщают сердца незлобивых*[4] тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно»[5]. Подобно сему рассуждают все великие наставники монашества. — С иноками, твердо противостоящими отверженным духам в брани невидимой чувственными очами, в свое время, не иначе как по попущению благодетельствующего нам Бога, вступают духи в борьбу открытую[6]. Будучи существами газо-

[1] Слово 2, гл. 2. || [2] Гл. 31. || [3] Мф. 7. 15. || [4] Рим. 16. 18. || [5] Ответ на вопрос 59. || [6] Это можно видеть из наставления о духах, которое произнес ученикам своим преподобный Антоний Великий и которое помещено в житии его (Четьи-Минеи, 17 января). Наставление в Четьих-Минеях сокращено: его можно прочитать в Vitae Patrum. Patrologiae tom. LXXIII. Драгоценное наставление! его изложил Великий Антоний с необыкновенною ясностию из своего опытного, благодатного знания падших духов.

образными, без плоти и костей[1], они принимают различные виды зверей, скотов, гадов и насекомых, в размерах и очень великих, и очень малых, стараются устрашить инока, расстроить его, ввести его в высокое мнение о себе[2], стараются ввергнуть в то гибельное состояние, которое называется бесовскою прелестию, даже стараются исторгнуть поклонение себе, поклонение, подобающее Богу. Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам. Внимание к ним и доверие всегда имеет последствием своим величайший вред, а часто и погибель инока. При правильной борьбе с духами является от этой борьбы обильная душевная польза, и инок приходит в особенное преуспеяние. Преподобный Макарий Великий говорит: «Князь века сего для младенцев по духу есть жезл наказующий и бич, дающий раны: но тем самым, как выше сказано, при посредстве озлоблений и искушений, доставляет им великую славу и умножение чести: ибо от сего соделывается то, что они достигают совершенства, а себе он уготовляет большую и тягчайшую муку... Диавол, будучи раб и творение Божие, искушает не столько, сколько ему угодно, и наводит озлобление не в таком количестве, в каком бы он хотел, но сколько Божие мановение, чрез попущение, дозволит ему. Ибо Бог, совершенно ведая о всех все, и сколько каждый имеет сил, столько каждому допущает и быть искушенным»[3]. Верующий живою верою в Бога, с самоотвержением предавшийся Богу, пребывает несмущенным при всех искушениях, наносимых духами злобы, видит в духах лишь слепые орудия Промысла Божия: не обращая на них никакого внимания во время искушений, наносимых ими, он всецело предается воле Божией.

---

[1] Лк. 24. 39. || [2] Диавол особенно склонен и способен влагать в нас гордость и самомнение (преподобного Макария Великого Слово 4, гл. 13). Когда же подвижник впадет в самомнение, тогда падший дух удобно вводит все страсти в сердце подвижника неприметным образом и делает это сердце своею обителию. К вовлечению в самомнение наиболее клонятся все видимые и невидимые брани диавола. Если рассмотреть поползновения подвижников, то ясно можно убедиться, что всякому поползновению предшествовало самомнение. Тот впал в блуд, кто признал себя неспособным к блудной страсти и на основании этого самомнения отверг необходимое хранение себя. Тот заразился пьянственною страстию, кто, считая себя незаразимым ею, позволил себе неосторожное употребление вина, и так далее. || [3] Слово 4, гл. 6 и 7.

В преданности воле Божией — тихое, успокоительное пристанище при всех искушениях и скорбях[1].

Глава 44
Первый образ борьбы с падшими ангелами

Изложив в предшествовавшей статье образ борьбы падших духов с человеками в доступной для нас подробности, которая наиболее нужна и постижима уже преуспевшим инокам, здесь предлагаем образ борьбы с духами, приличествующий новоначальным и почти единственно могущий быть известным для них по опыту. Образ борьбы новоначального с невидимым духом, видимым лишь уму в помыслах и мечтаниях, заключается в том, чтоб новоначальный инок немедленно отвергал помысл и мечтание греховные, отнюдь не входя ни в беседу, ни в прение с ними, не обращая и не останавливая на них внимания, чтоб помысл или мечтание не успели напечатлеться в уме и таким образом усвоиться уму. На инока, имеющего некоторую духовную опытность и некоторое духовное преуспеяние, первоначально действует наиболее один безвидный помысл, приносящий только напоминание греха; потом уже, если ум вступит в беседу с представившимся помыслом, является к содействию помыслу мечтание греховное. Новоначальному иноку, в котором плоть и кровь очень живы, помысл и мечтание греховные являются вместе. Если он только укоснит малейшее время во внимании к ним и начнет беседу с помыслом, по видимому не соглашаясь с ним и противореча ему, то он непременно победится и увлечется им. Опытнейший инок, хотя бы он провел столетие в иноческих опытах, недостаточно опытен в сравнении с падшим ангелом, которого опытность в борьбе с служителями Божиими изощрена целыми тысячелетиями: какое же значение может иметь в борьбе с этим ангелом новоначальный, неопытный инок, не имеющий даже опытного, живого знания о существовании падшего ангела? Сражение с ним есть верное побеждение для новоначального инока. Праматерь наша Ева, несмотря на то что была в состоянии непорочности и святости, едва вступила в беседу с змеем, как и была увлечена его злохитростию в преступление заповеди Божией и в падение[2]. Ей отнюдь не следовало вступать в беседу с коварным змеем! ей отнюдь не следовало вступать в рассуждение о достоинстве заповеди Божией! Она, не имея никакого опытного познания

---

[1] Пс. 106. 30. || [2] Быт. 3.

о зле, ни о лукавстве — лукавством и лицемерством злонамеренные существа обыкновенно прикрывают свою злонамеренность, — легко увлеклась советом убийцы, прикрывшего убийственный совет личиною благонамеренности: такому же обману и бедствию подвергаются неопытные иноки. «Душа наша, — говорит преподобный Исихий Иерусалимский, — простая и добрая, будучи такою создана от благого Владыки своего, услаждается мечтательными прилогами диавола; обольщаемая, она устремляется к злу, представляющемуся ей добром, и перемешивает (соединяет) свои помыслы с мечтанием бесовского прилога»[1]. Все Отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже в беседу с ними. В особенности надо так поступать по отношению к блудным помыслам и мечтаниям. Для отражения греховных помыслов и мечтаний Отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшею молитвою о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: «Всегда наблюдай главу змея, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу: тогда ты научишься попирать зловредные начинания змея, когда не постыдишься открывать их, все без изъятия, твоему старцу»[2]. Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общий для всех новоначальных иноков в цветущие времена монашества. Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея[3], а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедывали помышления однажды в день, вечером, как это можно видеть из Лествицы[4] и других Отеческих книг. Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостию, без которой невозможно спастись. Преподобный авва Дорофей говорит: «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от сего падает человек или от того; а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Увидел ли ты кого падшим? знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего. Бог сохранил меня, и я всегда боялся

[1] Слово о трезвении, гл. 43. Добротолюбие. Ч. 2. || [2] Преподобного Кассиана Римлянина О постановлениях общежитий кн. 4, гл. 37. || [3] Житие это помещено при поучениях преподобного Дорофея, в начале их. || [4] Слово 4, гл. 32 и 39.

этого бедствия»[1]. Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути евангельских заповедей, и ничто так не разобщает его с грехом и началом греха — демоном, как постоянное и усиленное исповедание греха в самых его началах. Такое исповедание уставляет между человеком и демоном спасительную для человека непримиримую вражду. Такое исповедание, уничтожая двоедушие, или колебание между любовию к Богу и любовию ко греху, дает благому произволению необыкновенную силу, а потом преуспеянию инока необыкновенную быстроту, в чем можно убедиться опять из жития преподобного Досифея. — Те иноки, которые не могли действовать против греха постоянною и учащенною исповедию греховных помыслов по неимению старца, действовали против него постоянною и учащенною молитвою, как, например, преподобная Мария Египетская[2]. Действие молитвою должно быть самое решительное, без всякого предварительного собеседования с помыслом, тем более без какого-нибудь услаждения им. Лишь ощутишь пришествие врага, вставай на молитву, преклоняй колена, воздевай руки к небу или распростирайся по земле; рази этою молниею врага в лицо его, и он не возможет устоять против тебя, вскоре приучится обращаться в скорое бегство. Отвержение двоедушия, то есть колебания между любовию к Богу и любовию к греху, необходимо: от этого сохраняется, возрастает, усиливается наше благое произволение и стремление к Богу, чем привлекается к нам особенная милость Божия. «Если будем постоянно держать меч в руках, — сказал Пимен Великий, — то Бог будет постоянно с нами; если будем храбры, то Он сотворит с нами милость Свою»[3]. Превосходный образец борения молитвою против греховных помыслов видим в подвиге преподобной Марии Египетской[4]. Говорит святой Исаак Сирский: «Если кто не прекословит помыслам, злохитро всеваемым в нас врагом, но отсекает беседу с ними молитвою к Богу, то это служит признаком, что ум его приобрел премудрость от благодати и что правильное разумение дела освободило его от многого (тщетного и излишнего) труда. Обретением краткого пути он отсек продолжительное парение (странствование) по пути растянутому. Не во всякое время мы имеем силу воспрекословить всем помыслам, противодействующим

[1] Поучение 5 о том, чтоб не полагаться на свой разум. В этом поучении преподобный Дорофей, приводя вышеприведенную повесть о иноке Феопемте, говорит, что сей инок именно потому был игралищем демона, что не имел обычая исповедывать приходивших ему помыслов. || [2] Житие преподобной Марии. Четьи-Минеи, 1 апреля. || [3] Алфавитный патерик. || [4] Житие преподобной Марии.

нам, и победить их; по большей части мы приемлем от них язвы, на исцеление которых нужно весьма значительное время. Ты выходишь на поединок с борцами, укрепленными шеститысячелетнею опытностию! Твое собеседование с ними доставит им возможность обдуманно нанести тебе поражение, превысшее меры премудрости и разума твоих. Если б ты и победил их, то ум твой остается оскверненным скверною помыслов, принесенных ими, и воня злосмрадия их в течение продолжительного времени остается в обонянии твоем. При употреблении же первого способа ты пребываешь свободным от них и от их последствий. Нет иной помощи, кроме Бога»[1]. В особенности должно избегать собеседования и словопрения с блудными помыслами. В такое словопрение наиболее вдается подвижник, ошибочно полагая, что блудные помыслы и мечтания восстали сами собою в его душе и могут быть обузданы силою благоразумного увещания самому себе, — не понимая, по неопытности своей, пришествия к себе демона, который охотно вступает с нами в беседу и словопрение, наверно зная, что сладострастные помыслы и мечтания найдут сочувствие в душе новоначального, возбудят и разожгут живущее в ней сладострастие; он приманивает и завлекает нас к беседе и словопрению, то как бы уступая и удаляясь, то снова нападая, в полной надежде получить над нами решительную победу. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Не вздумай низложить блудного беса словопрением и противоречием: потому что он имеет благовидные предлоги, как борющийся с нами на основании естества[2]. Восхотевший вступить в борьбу с своею плотию или победить ее сам собою трудится тщетно: ибо если Господь не разорит дома плоти и не созиждет дом души, то всуе бодрствует и постится разоряющий[3]. Повергни пред Господом немощь естества твоего, сознай бессилие твое во всех отношениях и примешь дарование целомудрия неприметным образом[4]. Этот демон, гораздо более других демонов, высматривает то время, в которое мы не можем противостать ему молитвою при участии в ней тела: тогда преимущественно нечистый этот нападает на нас[5]. Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, вспомоществует (в борьбе с блудным бесом) злострадание в телесной молитве, то есть воздеяние рук, биение в перси, частое устремление очей к небу,

[1] Слово. 30. Святой Исаак жил в VI веке по Р. Х. ‖ [2] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81. ‖ [3] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81. ‖ [4] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81. ‖ [5] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81.

множество воздыханий, частое коленопреклонение. Этого они нередко не могут исполнить по причине присутствия других: тогда-то и покушаются бесы нападать на них, а они, еще не имея возможности сопротивляться мужеством ума и невидимою силою молитвы, по необходимости, может быть, уступают нападающим на них. Уйди скорее, если можно, скройся ненадолго в тайном месте! возведи горе, если можешь, душевное око, а если не можешь, то хотя телесное, воздей руки крестообразно и держи их так неподвижно, чтоб изображением креста посрамить и победить этого Амалика. Воззови к Могущему спасти не хитросплетенною речью, но смиренными словами. Прежде всего начни с этих слов: *помилуй мя, Господи, яко немощен есмь*[1]. Тогда на опыте познаешь силу Вышнего и невидимою помощию невидимо прогонишь невидимых. Навыкнувший бороться таким образом вскоре начнет отгонять врагов одною душою: второе есть праведный дар Божий делателям первого[2]. — Возлегши на постель, тогда особенно да трезвимся, потому что тогда ум должен бороться с бесами без (помощи) тела, и, если он сластолюбив, то делается предателем удобно[3]. Воспоминание о смерти и единопомышляемая молитва Иисусова да усыпают и да восстают с тобою»[4]. Блудный бес нападает с бесстыдством даже на святых и духоносных мужей, как это видно из жития преподобных Макария Александрийского, Пахомия Великого и других угодников Божиих. И для святых мужей не всегда было достаточно одной сердечной молитвы для сопротивления врагу, имеющему опору в падшем естестве нашем! и они должны были иногда, во время усиленной брани, прибегать к подвигу телесному, к вспомоществованию молитве сердечной, участием в молитве тела, к обузданию тела работою до утомления его. На некоторых иноков, весьма внимательной жизни, сохранивших девство по телу, блудный бес нападает с особенным ожесточением, как то случилось с юным иноком, расстроенным советом неопытного старца, о чем повествует преподобный Кассиан в Слове о рассуждении[5]. Преподобный Пимен Великий говорил: «Как царский оруженосец предстоит царю всегда готовым, так душе должно быть всегда готовою против блудного беса»[6]. По этой причине иноки, боримые сильными страстями, всегда должны быть готовыми к сопротивлению им; на самое ложе, для успокоения сном, они возлегают одетыми и

---

[1] *Помилуй меня, Господи, ибо я немощен* (Пс. 6. 3). || [2] Слово 15, гл. 82 по московскому изданию 1855 года и по переводу старца Паисия. || [3] Слово 15, гл. 54, 55. || [4] Слово 15, гл. 54, 55. || [5] Добротолюбие. Ч. 4. || [6] Алфавитный патерик.

опоясанными, как бы вооруженные, точно будучи вооружены бодростию и ревностью, чтоб при появлении врага немедленно восстать и отразить его. По этой причине в некоторых благоустроеннейших монастырях Афонской горы сохранился древний святой обычай, по которому всем братиям законополагается упокоеваться сном не иначе как одетыми. Такой обычай указан самым Евангелием[1]. Ведай, благочестивый инок, что в то время, как приходит к тебе сатана с искушением своим, присутствует тут вездесущий Господь твой, взирающий на тебя, на твои ум и сердце и ожидающий, чем увенчается твой подвиг[2]: сохранением ли верности к Господу или предательством Его? явлением ли любви к Господу и вступлением в общение с Ним или явлением любви к сатане и вступлением в общение с ним? То или другое непременно бывает последствием столкновения с невидимым врагом. Истинное монашество есть невидимое мученичество; жизнь инока есть цепь непрерывных борений и страданий: победителю дается живот вечный — обручение Святого Духа. Тому иноку, которого Бог хочет обогатить духовным разумом и духовными дарованиями, попускаются сильные брани. *Побеждаяй наследит вся,* говорит Писание, *и буду ему Бог, и той будет Мне в сына*[3]. Итак! да не унываем.

Глава 45
Второй образ борьбы с падшими ангелами

Преподобный Нил Сорский, основываясь на наставлении святого Исаака Сирского, предлагает следующий способ борьбы с греховными помыслами, — разумеется, когда брань не сильно действует и уступает этому способу. Этот способ заключается в том, чтоб лукавые помыслы превращать в благие и добродетелями подменивать, так сказать, страсти[4]. Например, если придет помысл гнева или памятозлобия, то полезно вспоминать о кротости и незлобии, о заповедях Господа, с угрозою воспрещающих гнев и памятозлобие; если придет помысл и ощущение печали, то полезно вспо-

[1] Лк. 12. 35–38. ‖ [2] В житии преподобного Антония повествуется следующее. Во время сильнейшей бесовской брани Преподобный внезапно освещен был неизреченным светом, причем демоны и искушение их исчезли. Познав пришествие к себе Господа, Антоний воскликнул: «Господи! где был Ты доселе?» И услышал голос: «Я был здесь; но желал видеть мужество твое» и проч. Четьи-Минеи, 17 января. ‖ [3] *Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном* (Откр. 21. 7). ‖ [4] Слово 5. Преподобный Нил Сорский, как в сем слове, так и во всем сочинении, подробно и превосходно говорит о молитве как о главнейшем оружии против греха.

минать силу веры и слова Господа, Который воспретил предаваться боязни и печали, уверив и заверив нас Своим Божественным обетованием, что и власы главы нашей изочтены у Бога, что ничего не может случиться с нами без Промысла и попущения Божиих. Преподобный Варсонофий Великий сказал: «Отцы говорят: если демоны увлекают ум твой в блуд, напоминай ему о целомудрии; если же увлекают в чревообъядение, приведи ему на память пост. Таким образом поступай и в отношении других страстей»[1]. Так поступай, когда восстанут помыслы сребролюбия, тщеславия и прочие греховные помышления и мечтания. Этот способ, повторяем, весьма хорош, когда он оказывается достаточно сильным; он указан нам Самим Господом[2]. Но когда страсти взволнуются, ум омрачится и растеряется пред громадностию искушения, помыслы нападут с настойчивостию и неистовством: тогда не только против блудных помыслов, но и против помыслов гнева, печали, уныния, отчаяния, словом, против всех греховных помыслов, самое надежное орудие — молитва с участием в ней тела. Пример этого показал и это заповедал нам опять Сам Господь. Объятый предсмертною тоскою, Спаситель мира молился, преклоняя колена, в саду Гефсиманском, и ученикам, не понимавшим приближавшейся великой скорби, сказал: *Бдите и молитеся, да не внидите в напасть*[3].

Глава 46
О сновидениях

Демоны употребляют для возмущения и повреждения душ человеческих *сновидения;* также и сами неопытные иноки, обращая внимание на свои сны, вредят себе: по этой причине необходимо сделать здесь определение значения сновидений в человеке, которого естество еще не обновлено Святым Духом.

Во время сна человеческого состояние спящего человека устроено Богом так, что весь человек находится в полном отдохновении. Это отдохновение так полно, что человек во время его теряет сознание своего существования, приходит в самозабвение. Во время сна всякая деятельность, сопряженная с трудом и производимая произвольно под управлением разума и воли, прекращается: пребывает та деятельность, которая необходима для существования и не может быть отделена от него. В теле кровь продолжает

[1] Ответ 177. ‖ [2] Мф. 4. 3, 4, 6, 7. ‖ [3] *...бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26. 39, 41).

свое движение, желудок варит пищу, легкие отправляют дыхание, кожа пропускает испарину; в душе продолжают плодиться мысли, мечтания и чувствования, но не в зависимости от разума и произвола, а по действию бессознательному естества. Из таких мечтаний, сопровождаемых свойственным мышлением и ощущениями, составляется сновидение. Оно часто бывает странным, как не принадлежащее к системе произвольных и намеренных мечтаний и размышлений человека, но являющееся самопроизвольно и самонравно по закону и требованию естества. Иногда сновидение носит на себе несвязный отпечаток произвольных размышлений и мечтаний, а иногда оно бывает последствием нравственного настроения. Таким образом, сновидение, само по себе, не может и не должно иметь никакого значения. Смешно же и вполне нелогично желание некоторых видеть в бреднях сновидений своих предсказание своей будущности или будущности других, или какое-нибудь другое значение. Как быть тому, на существование чего нет никакой причины?

Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням бóльшее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним. Такое доверие всегда сопряжено с самомнением, а самомнение делает наш умственный взгляд на нас самих ложным, отчего вся деятельность наша лишается правильности: это-то демонам и надо. Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде Ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни. Такая высота есть вместе и погибельная пропасть. Нам надо знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатию, мы не способны видеть иных сновидений, кроме составляемых бредом души и наветом демонов. Как во время состояния бодрости постоянно и непрестанно возникают в нас помыслы и мечтания из падшего естества или приносятся демонами, так и во время сна мы видим только мечты по действию падшего естества и по действию демонов. Как утешение наше во время бодрствования нашего состоит из умиления, рождающегося от сознания грехов своих, от воспоминания о смерти и о Суде Божием, — только эти помыслы возникают

в нас от живущей в нас благодати Божией, насажденной Святым Крещением, и приносятся нам Ангелами Божиими, сообразно нашему состоянию кающихся, — так и во сне, весьма редко, при крайней нужде, представляют нам Ангелы Божии или кончину нашу, или адскую муку, или грозный присмертный и загробный Суд. От таких сновидений мы приходим к страху Божию, к умилению, к плачу о себе. Но такие сновидения даются весьма редко подвижнику или даже и явному и лютому грешнику по особенному неведомому смотрению Божию; даются весьма редко не по скупости к нам Божественной благодати — нет! — по той причине, что все случающееся с нами вне общего порядка приводит нас в самомнение и колеблет в нас смирение, столько необходимое для нашего спасения. Воля Божия, в исполнении которой заключается спасение человека, изображена в Священном Писании так ясно, так сильно, так подробно, что содействие спасению человеков нарушением общего порядка делается наиболее излишним и ненужным. Просившему воскрешения мертвецу и послания его к братиям для увещания их к переходу с широкого пути на тесный сказано: *Имут Моисеа и Пророки: да послушают их*. Когда же просивший возразил: *ни!.. но аще кто из мертвых идет к ним, покаются,* то получил в ответ: *аще Моисеа и Пророков не послушают, и аще кто от мертвых воскреснет, не имут веры*[1]. Опыт показал, что многие, сподобившиеся во сне видения мытарств, Страшного Суда и других загробных ужасов, были потрясены видением на краткое время, потом рассеялись, забыли о виденном и вели жизнь беспечную: напротив того, не имевшие никаких видений, но поучавшиеся тщательно в Законе Божием, постепенно пришли в страх Божий, достигли духовного преуспеяния и в радости, рождаемой извещением спасения, перешли из земной юдоли скорбей в блаженную вечность. — Святой Иоанн Лествичник рассуждает об участии демонов в иноческих сновидениях нижеследующим образом: «Когда мы, оставив ради Господа дом и домашних, предадим себя по любви к Богу странничеству, тогда бесы, мстя за это, покушаются возмущать нас сновидениями, представляя нам родственников наших или рыдающими, или умирающими, или держимыми в заключении и подвергающимися за нас напасти. Верующий снам подобен гонящемуся за своею тению и покушающемуся поймать

[1] *...у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. ...Нет, ...но если кто из мертвых придет к ним, покаются. ...Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16. 29–31).

ее. Бесы тщеславия соделываются в сновидениях пророками, предугадывая, по пронырству своему, будущее и его предвозвещая нам, чтоб мы по исполнении видений пришли в недоумение и, как уже близкие к дару предуведения, возвысились помыслом. Для тех, которые верят демону, он часто бывает пророком, а для тех, которые уничижают его, он всегда бывает лжецом. Будучи духом, он видит совершающееся в воздушном пространстве и, уразумев, что кто-нибудь умирает, возвещает о том во сне легкомысленным. Демоны ничего будущего не знают по предуведению: в противном случае и чародеи могли бы предсказывать нам смерть. Преобразуются демоны в Ангелов света, принимают на себя часто образ мучеников и в сновидениях показывают нам общение наше с ними, а пробудившихся погружают в радость и возношение. Это да будет тебе признаком прелести (бесовского обольщения). Святые Ангелы показывают муку, Суд, смерть, отчего мы, проснувшись, исполняемся трепета и сетования. Если начнем покоряться бесам в сновидениях, то они начнут издеваться над нами и в бодрственном состоянии. Верующий сновидениям вполне неискусен, а неверующий никакому сну — истинно любомудр. Доверяй только тем снам, которые возвещают тебе муку и Суд; если же по причине их зачнет тебя тревожить отчаяние, то и такие сны от бесов»[1]. — Преподобный Кассиан Римлянин повествует о некотором иноке, уроженце Месопотамском, что он проводил самую уединенную и постническую жизнь, но погиб от обольщения бесовскими сновидениями. Демоны, усмотрев, что инок обращал мало внимания на свое развитие духовное, а устремил все внимание на телесный подвиг и дал ему, а следовательно, и себе, цену, начали представлять ему сновидения, которые по злохитрости бесовской сбывались на самом деле. Когда инок утвердился в доверенности к своим сновидениям и к себе, то диавол представил ему в великолепном сновидении иудеев, наслаждающимися небесным блаженством, а христиан — томимыми в адских муках. При этом демон — разумеется, в образе Ангела или какого ветхозаветного праведника — дал совет иноку принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве иудеев, что инок без малейшего промедления и исполнил[2]. — Достаточно сказанного для объяснения возлюбленным братиям нашим, современным инокам, сколько безрассудно внимать, тем более доверять снам и какой страшный вред может

[1] Прибавление к Слову 3. Святой Иоанн Лествичник. || [2] Слово о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 6.

родиться от доверия к ним. От внимания к сновидениям непременно вкрадывается в душу доверие к ним: и потому самое внимание строго воспрещается.

Естество, обновленное Святым Духом, управляется совершенно иными законами, нежели естество падшее и коснящее в своем падении. Правитель человека обновленного — Святой Дух. «На них же осияла Божественного Духа благодать, — сказал преподобный Макарий Великий, — и во глубине ума их водворилася: сим Господь яко душа есть»[1]. И в бодрствовании, и во сне они пребывают в Господе, вне греха, вне земных и плотских помышлений и мечтаний. Помышления и мечтания их, находящиеся во время сна вне управления разумом и волею человеческими и действующие в прочих человеках бессознательно по требованию естества, действуют в них под водительством Духа, и сновидения таких людей имеют духовное значение. Так, праведный Иосиф во сне был научен таинству вочеловечения Бога-Слова; во сне повелено ему бежать во Египет, и возвратиться из него[2]. Сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями.

Глава 47
О сродстве между собою как добродетелей, так и пороков

Необходимо знать возлюбленным братиям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собою; точно так же все греховные помыслы, мечтания, грехи и страсти имеют сродство между собою. По причине этого сродства произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собою естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первою. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали Отцы, не терпит *пребывать бессупружною* в сердце[3]. Объясним это примерами. Кто отвергнул памятозлобие, тот естественно ощуща-

[1] Слово 7, гл. 12. ‖ [2] Мф. гл. 1 и 2. ‖ [3] Преподобного Марка Подвижника Слово о покаянии и Слово о крещении.

ет сердечное умиление; кто отказался от осуждения ближних, того помысл естественно начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних. Кто похвалил или извинил ближнего ради заповеди евангельской, тот естественно ощутил к ближнему благорасположение. Вслед за нищетою духа естественно является плач о себе; нищий духом и плачущий о себе естественно делается кротким. Уничиживший правду падшего естества и отрекшийся от нее естественно алчет и жаждет правды Божественной: потому что быть вовсе без правды не свойственно человеку. Напротив того, кто осудил ближнего, тот естественно ощутил презрение к нему; ощутивший презрение — стяжал гордость. От презрения ближнего, при высоком мнении о себе, а эти два состояния неразлучны, является ненависть к ближнему. От ненависти и памятозлобия является ожесточение сердца. По причине ожесточения сердца начинают преобладать в человеке плотские ощущения и плотское мудрование, а от этого возжигается блудная страсть, умерщвляется вера в Бога и надежда на Него, является стремление к корыстолюбию и славе человеческой, приводящие человека к совершенному забвению Бога и отступлению от Него. На основании этого сродства между собою, как добродетелей, так и грехов, Дух Святой законополагает истинному служителю Божию: *ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех. От всякаго пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя*[1]. Путь неправды — помыслы и мечтания греховные: ими грех входит в душу.

Возлюбленный брат! не сочти позволительными для себя никакой беседы с помыслами, никакого услаждения мечтаниями, противными духу Евангелия. Согласие с врагами Господа, единение с ними, не могут не сопровождаться нарушением верности к Господу, нарушением единения с Ним: *иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во единож, бысть всем повинен*[2]. Как нарушение одной заповеди есть вместе нарушение всего Закона Божия или воли Божией, так исполнение одного совета диавольского есть вместе исполнение вообще воли диавола. Подвижник, исполнивший волю диавола, лишается свободы и подвергается насильному влиянию падшего духа, в той степени, в какой исполнена воля диавола. Смертный грех решительно порабощает человека диаволу и решительно расторгает общение

[1] *Все проявления Твои — все признаю справедливыми; всякий путь лжи ненавижу. От всякого злого пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое* (Пс. 118. 128, 101). ‖ [2] *Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2. 10).

человека с Богом, доколе человек не уврачует себя покаянием; увлечение помыслами и мечтаниями производит меньшее порабощение и разобщение, но производит их. И потому необходимо воздерживаться от всех помышлений и мечтаний, несогласных с учением Евангелия, а случающиеся увлечения немедленно врачевать покаянием. Умоляем возлюбленных братий обратить внимание на это. Не знающие этого и не обращающие внимания на это терпят величайший вред и лишают сами себя духовного преуспеяния. Например: многие, хранясь от блудных помыслов и мечтаний, считают ничего не значащими услаждение помыслами и мечтаниями корыстолюбия и тщеславия, между тем как по духовному закону помыслы и мечтания о имуществе, о почестях, о славе человеческой суть те же блудные. Такое значение имеют все греховные помыслы и мечтания в отношениях человека к Богу, как отвлекающие человека от любви Божией. По закону духовному, услаждающийся тщеславными и другими греховными помыслами и мечтаниями никогда не освободится от блудной страсти, сколько бы он против нее ни подвизался. Преподобный Макарий Великий говорит: «Должно хранить душу и всячески блюсти, чтоб она не приобщалась с скверными и злыми помыслами. Как тело, совокупляющееся с другим телом, заражается нечистотою, так растлевается и душа, сочетаваясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь с ними заодно, с помыслами, которые приводят не к тому или другому греху, но которые ввергают во всякую злобу, как-то: неверие, лесть, тщеславие, гнев, зависть, рвение. Это-то и значит очистить *себе самех от всякия скверны плоти и духа*[1]. Знай, что и в тайне души содевается растление и блужение действием непотребных помыслов»[2].

Глава 48
О особенном противодействии падших духов молитве

Падшие духи с ожесточением противодействуют всем евангельским заповедям, в особенности же молитве как матери добродетелей. Святой пророк Захария видел в видении своем *Иисуса, иерея великаго, стояща пред лицем Ангела Господня, и диавол стояше одесную Его, еже противитися Ему*[3]*:* так и ныне предстоит диавол неотступно каждому служителю Божию с намерением похищать, оскве-

[1] *...очистим себя от всякой скверны плоти и духа* (2 Кор. 7. 1). || [2] Слово 7, гл. 4. || [3] *...Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему* (Зах. 3. 1).

нять его духовные жертвы, не допускать до жертвоприношения, прекратить и уничтожить его. «Падшие духи терзаются завистию к нам, — говорил преподобный Антоний Великий, — и не перестают приводить в движение все злое, чтоб мы не наследовали прежних престолов их на небе»[1]. В особенности «очень завидует бес, — сказал преподобный Нил Синайский, — человеку молящемуся и употребляет всевозможные козни, чтоб расстроить его делание»[2]. Демон употребляет все усилия, чтоб воспрепятствовать молитве или чтоб сделать ее бессильною и недействительною. Этому духу, низверженному с неба за гордость и возмущение против Бога, заразившемуся неисцельною завистию и ненавистию к роду человеческому, заразившемуся жаждою погибели человеков, неусыпно, день и ночь, заботящемуся о погублении человеков, невыносимо видеть, что немощный и грешный человек молитвою отделяется от всего земного, вступает в беседу с Самим Богом и исходит из этой беседы запечатленным милостию Божиею, с надеждою наследовать небо, с надеждою увидеть даже свое бренное тело претворенным в духовное. Невыносимо это зрелище для духа, который навсегда осужден пресмыкаться, как бы в тине и смраде, в помышлениях и ощущениях исключительно плотских, вещественных, греховных, который, наконец, навечно должен быть низвергнут и заключен в адские темницы. Он ярится, приходит в исступление, коварствует, лицемерствует, злодействует. Надо быть внимательным и осторожным: только по крайней нужде, особенно по требованию возложенного послушания, можно отдать время, определенное для молитвы, другому занятию. Без важнейшей причины не оставляй, возлюбленный брат, молитвы! Оставляющий молитву оставляет свое спасение; нерадящий о молитве нерадит о спасении; покинувший молитву отвергся от своего спасения. Инок должен вести себя очень осмотрительно, потому что враг старается окружить его со всех сторон своими кознями, обмануть, обольстить, возмутить, совратить с пути, предписываемого евангельскими заповедями, погубить во времени и в вечности. Такое ожесточенное, злонамеренное и злохитрое преследование врага скоро усматривается при внимательной жизни; скоро мы заметим, что к тому самому времени, как надо заняться молитвою, он приготовляет другие занятия, представляет их и преважными, и не терпящими отлагательства, лишь бы отъять у инока молитву. Козни врага обращаются

[1] Vita Beati Antonii Abbatis. Patroloqiae tom. LXXIII, cap. XV, и Четьи-Минеи. ||
[2] О молитве, гл. 47. Добротолюбие. Ч. 4.

в пользу тщаливому подвижнику: видя непрестанно близ себя убийцу с обнаженным и занесенным для удара кинжалом, беспомощный, бессильный, нищий духом инок непрестанно вопиет с плачем к всесильному Богу о помощи, и получает ее. — Дух отверженный, когда не возможет отнять у молитвы времени, определенного для молитвы, тогда старается окрасть, осквернить молитву во время совершения ее. Для сего он действует помыслами и мечтаниями. Помыслы он наиболее облекает в личину правды, чтоб придать им более силы и убеждения, а мечтания представляет в обольстительнейшей живописи. Окрадывается и уничтожается молитва, когда, во время совершения ее, ум не внимает словам молитвы, но занят пустыми помыслами и мечтаниями. Оскверняется молитва, когда, во время ее, ум, отвлекшись от молитвы, обратит внимание к греховным помыслам и мечтаниям, представленным врагом. Когда явятся тебе помысл и мечтание греховные, нисколько не обращай внимания на них. Лишь увидишь их умом твоим, тем усиленнее затвори ум в слова молитвы и умоляй Бога теплейшею и внимательнейшею молитвою о прогнании от тебя убийц твоих. — Дух лукавый устроивает с особенным искусством полки свои. Впереди у него стоят помыслы, облеченные во все виды правды, и мечтания, которые неопытный подвижник может принять не только за явления невинные, но и за вдохновения, за видения святые и небесные. Когда ум примет их и, подчинившись влиянию их, утратит свою свободу, тогда предводитель иноплеменнического войска выставляет для борьбы помыслы и мечтания явно греховные. «За бесстрастными помыслами, — сказал преподобный Нил Сорский, ссылаясь на преждебывших великих Отцов, — последуют страстные: допущенный вход первым бывает причиною насильственного входа вторых»[1]. Ум, как произвольно утративший свою свободу при столкновении с передовыми силами, обезоруженный, ослабленный, плененный, нисколько не может противостоять главным силам: немедленно побеждается ими, подчиняется, порабощается им. Необходимо во время молитвы заключать ум в слова молитвы, отвергая без разбору всякий помысл, и явно греховный, и праведный по наружности. Всякий помысл, каково бы ни было его одеяние и всеоружие, но если отвлекает от молитвы, этим самым доказывает, что он принадлежит к полку иноплеменническому и пришел, необрезанный, *поносити Исраиля*[2]. — Невидимую брань (борьбу) свою с человеком собственно греховными помыслами и мечтани-

[1] Слово 2. ‖ [2] Цар. 17. 25.

ями падший ангел основывает на взаимном сродстве грехов между собою. Брань эта не умолкает ни днем, ни ночью, но действует с особенным напряжением и неистовством, когда мы встанем на молитву. Тогда, по выражению святых Отцов, диавол собирает отвсюду самые нелепые помышления и изливает их на нашу душу[1]. Во-первых, он воспоминает нам о всех оскорбивших нас; оскорбления и обиды, нанесенным нам, старается представить в яркой живописи; возмездие за них и сопротивление им выставляет требованием правосудия, здравого смысла, общественной пользы, самосохранения, необходимости. Очевидно, что враг старается поколебать самое основание молитвенного подвига — незлобие и кротость, — чтоб здание, воздвигаемое на этом основании, разрушалось само собою. Это так и бывает: потому что памятозлобный и не отпустивший ближнему согрешений его никак не может сосредоточиться при молитве своей и придти в умиление. Помыслы гневные рассевают молитву; они разносят ее в стороны, как порывистый ветр разносит семена, бросаемые сеятелем на его ниву, и нива сердечная остается незасеянною, а усиленный труд подвижника тщетным. Известно, что прощение обид и оскорблений, заменение осуждения ближних милостивым извинением их, обвинение себя служат основанием успешной молитве. Весьма часто приносит враг, при самом начале молитвы, помышления и мечтания о земном преуспеянии: то в обольстительной картине представляет славу человеческую, как справедливую или счастливую дань добродетели, как будто узнанной и признанной наконец человеками, отселе вступающими под ее руководство, то в столько же обольстительной картине представляет обилие земных средств, на основании будто бы которых должна произвести и усилиться христианская добродетель. Обе эти картины ложны! изображаются в противность учению Христову, наносят страшный вред заглядывающемуся на них душевному оку и самой душе, любодействующей от Господа своего сочувствием к демонской живописи. Вне креста Христова нет христианского преуспеяния. Господь сказал: *Славы от человек не приемлю... Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога, не ищете*[2]. При творении всех ваших добрых дел *не будете яко лицемери*[3], делающие добро для

[1] Художество и Правило святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Добротолюбие. Ч. 2, гл. 29. || [2] *Не принимаю славы от человеков... Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете* (Ин. 5. 41, 44). || [3] Мф. 6. 16.

славы человеческой, восприемлющие славу человеческую в награду за свою добродетель и отнимающие у себя право на награду вечную[1]. *Да не увесть шуйца твоя,* то есть твое собственное тщеславие, *что творит десница твоя,* то есть твоя воля, направленная по евангельским заповедям, *и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* даром Святого Духа[2]. Сказал также Господь: *Никтоже может двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другаго возненавидит: или единаго держится, о друзем же нерадити начнет: не можете Богу работати и мамоне,* то есть имуществу, богатству[3]. *Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик*[4]. Достойно замечания, что диавол, искушая Богочеловека, предложил Ему мысль тщеславную прославиться публичным чудом и мечтание самого развитого и могущественного положения. Господь отринул то и другое[5]: Он возводит нас к высшему преуспеянию по тесному пути самоотвержения и смирения, и Сам проложил этот спасительный путь. Нам должно последовать примеру и учению Господа: отвергать помыслы земной славы, земного преуспеяния, земного обилия, отвергать радость, приносимую такими мечтаниями и размышлениями, уничтожающую в нас сокрушение духа, сосредоточенность и внимание при молитве, вводящую самомнение и рассеянность. Если мы согласимся с помыслами и мечтаниями тщеславными, гордостными, корыстолюбивыми и миролюбивыми, не отвергнем их, но пребудем в них и усладимся ими, то вступаем в общение с сатаною, и сила Божия, нас защищающая, отступит от нас. Враг, увидев отступление от нас помощи Божией, устремляет на нас две тягчайшие брани: брань помыслами и мечтаниями блуда и брань унынием[6]. Побежденные передовою бранию, лишенные заступления Божия, мы не устаиваем и против второй брани. Это-то и значит, сказанное Отцами, что Бог попускает сатане попирать нас дотоле, доколе не смиримся. Очевидно, что помыслы памятозлобия, осуждения, земной славы и земного преуспеяния имеют основанием своим гордость. Отвержение этих помыслов есть отвержение гордости. Отвержение гордости совершается водворением смирения в душе. Смирение есть

---

[1] Мф. 7. 1–18. || [2] *...пусть левая рука твоя не знает, что делает правая ...и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6. 3, 18). || [3] *Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне* (Мф. 6. 24). || [4] *Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником* (Лк. 14. 33). || [5] Мф. 4 и Лк. 4. || [6] Преподобного Григория Синаита гл. 110. Добротолюбие. Ч. 1.

Христов образ мыслей и тот сердечный залог, происходящий от этого образа мыслей, которыми умерщвляются в сердце и извергаются из него все страсти[1]. Нашествию блудной страсти и страсти уныния последует нашествие помыслов и ощущений печали, неверия, безнадежия, ожесточения, омрачения, хулы и отчаяния. Особенно тяжкое впечатление производит на нас услаждение плотскими вожделениями. Отцы называют их сквернителями духовного храма Божия[2]. Если мы усладимся ими, то от нас надолго отступит благодать Божия, и все греховные помыслы и мечтания получат сильнейшую власть над нами. Они будут дотоле томить и мучить нас, доколе мы искренним раскаянием и воздержанием от услаждения прилогами врага снова не привлечем к себе благодати. Всему этому не преминет научить внимательного инока опыт.

Узнав тот порядок, тот чин и устав, которого держится враг при борьбе с нами, мы можем устраивать соответствующее сопротивление. Не будем судить и осуждать ближнего ни под каким предлогом, будем прощать ближним все тягчайшие оскорбления, нанесенные нам ближними. Когда бы ни явился помысел памятозлобия против ближнего, будем немедленно обращаться с молитвою к Богу о том ближнем, испрашивая ему милость Божию во времени и в вечности. Отречемся душ наших, то есть искания славы человеческой, искания излишне удобного земного положения, искания всех земных преимуществ, и предадим себя всецело воле Божией, благодаря и славословя Бога за наше прошедшее и настоящее, возлагая на Него наше будущее. Такое поведение и направление наше да будет приготовлением к молитве нашей, основанием для молитвы нашей. Пред начатием молитвы смиримся пред ближними, обвиним себя, как соблазнившие и соблазняющие их согрешениями нашими, начнем молитву нашу молением о врагах, соединим себя в молитве со всем человечеством и будем умолять Бога о помиловании нас вместе со всеми человеками, не потому, чтоб мы достойны были молиться за человечество, а для исполнения заповеди о любви, которая законополагает: *молитеся друг за друга*[3]. Хотя истинному служителю Божию попускается борение с многообразными прилогами греха, приносимыми сатаною и возникающими из нашего поврежденного падением естества, но десница Божия непрестанно поддерживает и руководит его. Самое борение приносит величайшую пользу, доставляя подвижнику

[1] Заглавие 28 Слова Лествицы. || [2] Святой Иоанн Карпафийский. Утешительных глав 55. Добротолюбие. Ч. 4. || [3] Иак. 5. 16.

иноческую опытность, ясное и подробное понятие о повреждении природы человеческой, о грехе, о падшем ангеле, приводя подвижника в сокрушение духа, в плач о себе и о всем человечестве. Преподобный Пимен Великий поведал о преподобном Иоанне Колове, отце, преисполненном благодати Святого Духа, что он умолил Бога, и прекратилась в нем борьба, производимая недугами падшего естества, или страстями. Он пошел и возвестил это некоторому преуспевшему в духовном рассуждении старцу, говоря: «Вижу себя в нерушимом спокойствии, без всякой брани». Рассудительный старец отвечал Иоанну: «Поди и умоли Бога, чтоб брани возвратились, потому что по причине брани душа приходит в преуспеяние, а когда придет брань, то не молись, чтоб она была взята, но чтоб Господь даровал терпение в брани»[1]. Предадимся всецело воле Божией, предадимся всецело исполнению воли Божией; непрестанною молитвою будем испрашивать у Бога дар исполнения воли Божией, и тот дар, чтоб над нами всегда совершалась воля Божия. Кто предается воле Божией, с тем неотлучно бывает Бог. Ощутит это и засвидетельствует истину этого всякий подвижник Христов, подвизающийся законно, подвизающийся под руководством Евангелия.

Глава 49
О хранении душевного ока от всего вредного для него

Спаситель мира сказал: *светильник телу есть око. Светильником* Спаситель наименовал словесную силу души человеческой, дух человека; *телом* наименовал Спаситель всю деятельность человека и качество его, образующееся и зависящее от этой деятельности. Значение, подобное приведенным словам Спасителя, имеют и следующие слова Апостола: *Сам же Бог мира да освятит вас совершенных во всем: и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится*[2]. *Дух* упомянут, во-первых, по той причине, что непорочность и совершенство души и тела находятся в полной зависимости от духа. Дух, или словесная сила, есть высшая способность души человеческой, которою она отличается от души животных, называемых

[1] Алфавитный патерик, буква 1. ‖ [2] *Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа* (1 Сол. 5. 23).

по неимению этой способности бессловесными[1]. *Егда убо око твое просто будет,* то есть когда словесная сила будет чужда смешения и общения с грехом и сатаною, тогда *все тело твое светло будет,* то есть деятельность твоя будет правильною, а качеством твоим будет святость; *егда же лукаво будет, и тело твое темно* будет: *блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть*[2]. Блюди, чтоб твой дух, который есть твой естественный свет и источник света для твоей жизни, не сделался тьмою и источником тьмы. Это око делается лукавым от усвоения себе лжи. Последствием такого усвоения бывает неправильная деятельность, а качеством — состояние самообольщения и греховности. От приятия ложных мыслей ум растлевается, совесть теряет верность в своих указаниях, все духовные ощущения сердца также заражаются неправильностию и греховностию. Человек делается непотребным, врагом своего спасения, убийцею души своей, врагом Божиим. Священное Писание, паче же Святой Дух, живущий в Писании и глаголющий Писанием, изрекает против таких человеков следующее определение: *Человецы растленни умом, и неискусни в вере*[3], то есть человеки, растленные умом, вполне чужды веры. Человеку, растленному умом, никак невозможно быть причастником веры: у него место веры уже занято лжеименным разумом, и слово крестное служит для него предметом или соблазна, или насмешки, как видим это на современных Богочеловеку иудеях[4]. Растление ума всегда сопряжено с растлением прочих духовных свойств, почему растление ума и растление духа имеют тождественное значение по своему последствию. Принятием лжеучения, или ложных мыслей о Боге, искажением откровенного Богом догматического и нравственного учения при посредстве лжеучения совершается растление духа человеческого, и человек соделывается сыном диавола[5]; но и собеседованием и смешением с помыслами, принадлежащими области сатанинской, без усвоения их себе, созерцанием мыслей и мечтаний, приносимых демонами, повреждается душевное око. Зрительная сила его утрачивает в некоторой степени, сообразно степени общения с сатаною, свою правильность и чистоту. Преподобный Исихий Иерусалимский говорит: «Как мы вредим себе, смотря на вредное чувствен-

---

[1] Преподобный Макарий Великий. Беседа 7, гл. 8. || [2] *Светильник тела есть око ... если око твое будет чисто ... а если оно будет худо, то и тело твое будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма* (Лк. 11. 34, 35). || [3] *...люди, развращенные умом, невежды в вере* (2 Тим. 3. 8). || [4] 1 Кор. 1. 18. || [5] Ин. 8. 44.

ными глазами, так вредим себе, смотря на вредное умом»[1]. По этой причине должно обращать особенное внимание на хранение душевного ока, и особенно заботиться о хранении душевного ока, чтоб оно не повредилось, чтоб болезненное состояние его не сделалось причиною нашей душепогибели. В пример того, как испорченное душевное око действует вредно на наше спасение, приведем нижеследующее, виденное нами на опыте: некоторые начитались романов, по ним настроили свой ум и сердце; впоследствии, пораженные какою-либо превратностию жизни, или по собственному внутреннему, проснувшемуся влечению, или даже по мановению милости Божией, эти люди захотели проводить жизнь благочестивую. Тогда-то обнаруживалось гибельное действие настроения, полученного предшествовавшим чтением. Навык к наслаждению сладострастием постоянно отвлекал их от чувства покаяния и вводил в самый подвиг наслаждение сладострастием, столь мерзостное пред Богом, соделывающее душу человека неприступною для Святого Духа, удобоприступною для сатаны, обителию его. С особенною ясностию это заметно на женском поле. Те женщины, которые читали много романов, потом предались набожности и даже подвижничеству, наиболее хотят, чтоб их новая жизнь была также романом; они хотят быть по настроению души любовницами! Хотят: потому что воля, поврежденная неправильным употреблением ее, влечет их насильно к усвоившемуся сладострастию, а ум, ослабленный, помраченный, развращенный, плененный мыслями, сообщенными чтением, не имеет ни силы, ни способности руководствовать волею и удерживать ее от неправильного стремления. Напитанные чтением романов весьма способны к самообольщению и к бесовской прелести, как стяжавшие вкус к наслаждению сладострастием, которое может действовать не только грубым, но и самым утонченным образом, непонятным и неприметным для человека, еще не свергнувшего с себя ига страстей. — Некоторый инок, во время своей мирской жизни, не зная, какие благоразумие и осмотрительность должны быть наблюдаемы при подвержении души впечатлениям, остающимся жить в ней, прочитал из пустого любопытства некоторые сочинения, составленные против христианской веры. Когда он вступил в монастырь и возложил на себя разумный иноческий подвиг, полученные впечатления начали обнаруживать свое присутствие в душе помыслами сомнения, недоумения, хулы, доказывая тем, что душевное око засорилось общением с мыслями из области сатаны.

---

[1] «Слово о трезвении», глава 77. Добротолюбие. Ч. 2.

Святой апостол Павел сказал: *храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас. Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия*[1]. Хотя и тела наши суть храм Божий, но по преимуществу составляют собою храм Божий наша словесная сила, наш дух, наши ум и сердце. Под именем сердца разумеются все ощущения духа. Когда ум и сердце соделаются обителию Бога, а они-то первоначально и делаются Его обителию, тогда естественно делаются Его обителию и душа и тело, как вполне зависящие от ума и сердца. Растлевается храм Божий, когда тело впадает в чувственный блуд; растлевается храм Божий, когда ум и сердце вступят в прелюбодейное общение с сатаною принадлежащими ему мыслями и ощущениями. Слова *растлит того Бог* значат, что Бог отступит от человека, растлившего в себе храм Божий, соделавшего себя не способным для жительства в себе Бога. Последствия такого отступления известны: смерть души, начинающаяся во времени, и погребение в темницах ада в вечности. Растлевается дух человека, поражается слепотою и мраком, как мы уже сказали, принятием лжеучения, учения, исходящего от мира и сатаны, учения, противного откровенному Божественному учению, учению Христову, учению Вселенской и Восточной Церкви. Лжеучением признаются следующие учения: учение, отвергающее бытие Бога, или атеизм; учение, отвергающее Христа и христианство, признающее бытие Бога, но отвергающее все отношения между Богом и человеками, или деизм; учения, не отвергающие прямо христианства, но искажающие Богооткровенное учение произвольным, человеческим, богохульным учением, которым уничтожается сущность христианства, каковы все ереси; учения, не отвергающие прямо христианства, но отвергающие дела веры или нравственное евангельское и церковное предание, приемлющие деятельность языческую, этим умерщвляющие веру и уничтожающие сущность христианства. Таков наиболее и современный прогресс, или преуспеяние в безнравственности и в совершенном неведении христианства, а следовательно, в совершенном удалении и отчуждении от Бога. Не растлевается окончательно храм Божий, но оскверняется, не поражается око душевною слепотою, но повреждается, приемлет более или менее значительную язву, когда инок прочитает безнрав-

[1] *...вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот* ***храм*** *— вы. ...Прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии* (1 Кор. 3. 16, 17; 6. 20).

ственную или еретическую книгу, посетит безнравственное или неблагочестивое общество, подвергнет себя влиянию греховных соблазнов, когда побеседует с греховными помыслами и усладится ими, когда дозволит себе увлечение каким-либо обычаем мира, каковы все мирские игры и увеселения. Если же инок укоснит во всем этом и оправдает свое увлечение, вместо того чтоб сознаться и раскаяться в нем, то впадает в величайшее душевное бедствие. Он повреждает самое начало своего существа — словесную силу, свой дух, свои ум и сердце. Надо хранить душевное око и хранить. Все, что ни сделаем вне евангельского учения и законоположения, непременно произведет на нас вредное впечатление. Каждое дело, слово и помышление, как благое, так и злое, непременно кладет на нас соответствующую себе печать. Надо это знать и знать.

Глава 50
О покаянии и плаче

Начиная предлагать возлюбленным братиям наши убогие советы, мы сказали, что монашество есть не что иное, как обязательство с точностию исполнять евангельские заповеди, что монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многолюдства или в глубочайшей пустыне. Наше уединение в Боге. В Боге могут найти ум и сердце наши то надежное и тихое пристанище, на которое не действуют ни волны, ни ветры житейского моря. Без этого мир, враждебный Богу, будет сопутствовать нам в глушь лесов, в ущелия гор и в пещеры: там соделает нас своими служителями. Жительство иноческое, не основанное на евангельских заповедях, подобно зданию без основания: разрушится оно. Жительство иноческое, не одушевленное евангельскими заповедями, подобно телу без души: воссмердит оно смрадом фарисейства, и воссмердит тем более, чем более будет облечено по наружности в телесный подвиг или притворится имеющим этот подвиг. Разумный читатель найдет подтверждение этой истины во всех доселе изложенных советах наших.

Оканчивая эти убогие советы, мы признаем себя обязанными изложить пред возлюбленнейшими братиями важнейшее духовное делание, долженствующее обымать собою всю жизнь инока, долженствующее быть душою его жительства, душою его душевного и телесного подвига. Внимательно прочитавший предшество-

вавшие советы, конечно, усмотрел из них это делание; но мы считаем долгом нашим возвестить о нем отдельно и по возможности подробно. Жизнь инока есть не что иное, как деятельное и непрестанное покаяние. Нам непременно нужно погрузиться всецело в покаяние, если желаем не тщетно и не в осуждение себе носить имя и звание иноческие. Тогда только инок шествует правильно, когда он преисполнен и руководим чувством покаяния. Когда чувство покаяния отступит от его сердца, то это служит верным признаком, что инок увлечен ложными мыслями, внушенными сатаною или возникшими из падшего естества. Постоянное отсутствие покаяния служит признаком вполне неправильного настроения. Рукотворенный храм Божий при всяком молитвословии окуривается фимиамом: по этой причине воздух в храме постоянно преисполнен газами, исходящими от сожигаемого фимиама; самые облачения и другие принадлежности пропитываются благовонным запахом; по необходимости дышат им все приходящие в храм для молитвы и служения. Так и нерукотворенный Божий храм, созданный и воссозданный Богом, христианин, в особенности же инок, должен быть постоянно преисполнен чувством покаяния. Чувство покаяния должно возбуждаться при каждой молитве инока: оно должно сопутствовать, содействовать ей, окрылять ее, возносить ее к Богу; иначе она не возможет подняться от земли и исторгнуться из рассеянности. Чувством покаяния должно быть проникнуто все поведение инока и самое исполнение им евангельских заповедей. Он должен исполнять их как должник, как раб неключимый[1], должен вносить их в сокровищницу Небесного Царя как ничтожную уплату своего неоплатимого долга, могущего быть уплаченным единственно милостию Царя Небесного. Сказал преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не понимая ни того, что говорят, ни того, на чем основываются»[2]. От падшего духа человеческого принимается Богом только одна жертва: покаяние. Прочие чувствования, самый усиленный подвиг, который можно назвать всесожжением, отвергнуты, как оскверненные грехом и нуждающиеся, прежде принесения в жертву, в очищении покаянием. Одну эту жертву падшего человека не уничижает Господь отвержением ее[3]. Когда же посредством покаяния обновится Сион и созиждутся стены нашего духовного Иерусалима, тогда со дерзновением на олтаре сердечном принесутся жертвы

[1] Лк. 17. 10. ‖ [2] О Законе Духовном, гл. 34. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Пс. 50. 19.

правды — наши чувствования, обновленные Божиею благодатию; тогда человек соделается способным и к Богоугодному всесожжению[1]. Священномученик Садок сказал: «Кто духовен, тот с радостию, желанием и великою любовию ожидает мученической смерти и не боится ее, будучи готов; плотскому же человеку страшен час смертный»[2].

Покаяние есть евангельская заповедь. Непосредственным последствием покаяния, по указанию Евангелия, должно быть наше вступление в Небесное Царство; и потому — все пространство времени от нашего усвоения Христу до вступления в вечность, или вся наша земная жизнь, должны составлять собою поприще покаяния. Очевидно, что Царство Небесное делается неотъемлемою собственностию покаявшихся. Первая проповедь и заповедь, произнесенная вочеловечившимся Богом падшему человечеству, которое Он пришел спасти, была о покаянии: *начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царство Небесное*[3]. По воскресении Своем, пред вознесением на небо, Господь отверз Апостолам ум, и они уразумели Писания. Тогда Он сказал им, что, согласно с Писаниями, долженствовало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день, *и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима*[4]. Для уверования во Христа и для принятия христианства нужны сознание своей греховности и покаяние; для пребывания в христианстве нужны зрение своих грехов, сознание, исповедание их и покаяние. Когда расположившиеся к вере иудеи спросили святого апостола Петра, что им делать, то он отвечал: *покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов*[5]. Также и апостол Павел повсюду проповедал *еже к Богу покаяние и веру яже в Господа нашего Иисуса Христа*[6]. Невозможно, пребывая в грехах и любя грех, усвоиться Христу: *всяк бо делаяй злая ненавидит света и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть*[7]. *Кое бо причастие правде к беззаконию? или кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром?*[8]. Чтоб

[1] Пс. 50. 21. ‖ [2] Четьи-Минеи, 20 февраля. ‖ [3] *...Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4. 17). ‖ [4] *...и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима* (Лк. 24. 47). ‖ [5] *...покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов* (Деян. 2. 38). ‖ [6] *...покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа* (Деян. 20. 21). ‖ [7] *...ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы* (Ин. 3. 20). ‖ [8] *...какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и велиаром* (2 Кор. 6. 14, 15).

приступить ко Христу и вступить в единение с Ним посредством Святого Крещения, необходимо прежде покаяться. И по Святом Крещении нам предоставлена свобода или пребывать в единении с Господом, или нарушать это единение общением со грехом. Мало этого! в падшем естестве нашем не уничтожено Святым Крещением свойство рождать из себя смешанные зло с добром, чтоб наше произволение постоянно искушалось, чтоб избрание нами Божественного добра и предпочтение его злу и своему поврежденному добру было свободным, положительно доказанным подчинением всем скорбям пути крестного. Святым Крещением изглаждается первородный грех и грехи, содеянные до крещения, отнимается у греха насильственная власть над нами, которую он имел до нашего возрождения, даруется благодать Святого Духа, которою мы соединяемся с Богом во Христе и получаем силу низлагать и побеждать грех. По той причине, что мы не избавлены от борьбы с грехом, не можем во время всей земной жизни нашей быть вполне свободными от согрешений, и самый праведник *седмерицею* (то есть часто) *падет, и возстанет* покаянием[1], говорит Писание. Он падает по немощи и ограниченности своим, не всегда усматривая грех, тонко и неприметно возникающий из падшего естества, тонко и неприметно приносимый и влагаемый падшими духами: покаяние соделывается его неотъемлемым достоянием, его постоянным оружием, его неоцененным сокровищем. Праведник поддерживает покаянием свое общение со Христом; он врачуется покаянием от язв, наносимых грехом. *Аще речем,* говорит святой Иоанн Богослов, *яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды. Аще речем, яко не согрешихом, лжа творим Его, и слово Его несть в нас*[2]. Это говорит Богослов о грехах невольных от немощи и ограниченности, о грехах маловажных, которых не могут избежать и святые; но о произвольной греховной жизни он говорит нижеследующее: *всяк, иже в Нем* (в Господе Иисусе Христе) *пребывает, не согрешает: всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его. Чадца, никтоже да льстит вас: творяй правду праведник есть, якоже Он праведен есть. Творяй грех от диавола есть: яко испервa диавол согрешает. Сего ради явился Сын*

---

[1] Притч. 24. 16. || [2] *Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас* (1 Ин. 1. 8–10).

Божий, да разрушит дела диавола. Всяк рожденный от Бога греха не творит (то есть не проводит греховной жизни, не впадает в грехи смертные и в грехи произвольные), *яко семя Его в нем пребывает: и не может согрешати, яко от Бога рожден есть. Сего ради явлена суть чада Божия и чада диавола*[1]. Чада Божии проводят жизнь по евангельским заповедям и приносят покаяние в поползновениях своих. Если случится служителю Божию по какому-нибудь несчастному случаю впасть в смертный грех, он исцеляется от язвы греховной покаянием и исповедию и потому не престает быть чадом Божиим. Проводящие греховную жизнь произвольно, по любви к ней, охотно впадающие во всякий грех, какой бы им ни представился, признающие наслаждением жизнию блуд в различных его видах и всякое другое преступление евангельских заповедей, суть чада диавола, хотя бы и именовались христианами, хотя бы участвовали в некоторых церковных молитвословиях и обрядах, хотя бы прибегали к Таинствам, им в наругание, себе в осуждение.

Таково отношение покаяния к каждому христианину. Тем более оно составляет сущность иноческого жительства. Вступление в это жительство есть сознание своей греховности, а самое жительство есть ничем не прерывающееся поприще покаяния. Вступающий в иночество и желающий произнести пред Богом обеты иноческие, пред началом этого священного обряда, излагает следующим образом исповедание своего сердечного залога: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно мое иждих житие (любовь сердца неправильно рассеяв и расточив по пристрастиям), на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое да не презриши сердце, Тебе бо, Господи, умилением зову: согреших на небо и пред Тобою»[2]. Величайшие святые Отцы признавали покаяние своим единственным деланием. Вдавшись в это делание, они более и более распространяли его для себя, потому что покаяние не только очищает грехи, но изощряет зрение человека на самого себя. Когда некоторые греховные пятна очистятся покаянием с ризы душевной, тогда внезапно открывается на ней суще-

[1] *Всякий, пребывающий в Нем, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его. Дети! да не обольщает вас никто. Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога. Дети Божии и дети диавола узнаются так* (1 Ин. 3. 6–10). ‖ [2] Требник. Последование малой схимы.

ствование других пятен, менее грубых, не менее важных, остававшихся доселе не примеченными по причине тупости зрения. Наконец, покаяние возводит делателя своего к обширнейшим духовным видениям: раскрывает пред ним его собственное падение и падение всего человечества, его страдание и страдание всего человечества под игом миродержца, дивное дело искупления и прочие тайны, с которыми да ознакомит читателя самый опыт; слово недостаточно к поведанию их. Преподобный Арсений Великий имел постоянным занятием своим покаяние и соединенный с ним, выражающий его плач; платок был всегда на коленях Арсения, и непрестанно на этот платок падали слезы, в то время как Преподобный, занимая руки рукоделием, занимал ум молитвою покаяния[1]. Преподобный Сисой Великий просил у Ангелов, пришедших разлучить душу его с телом и вознести ее на небо, чтоб они оставили ее в теле и дали время на покаяние, а ученикам своим, свидетельствовавшим о его совершенстве, сказал, что он не знает о себе, положил ли он начало покаяния — столько высокое понятие имел он о покаянии! столько высокое значение давал он ему! Очевидно, что Преподобный назвал здесь всю монашескую жизнь покаянием и, сказав, что не начинал еще покаяния, этим выразил смиренное мнение свое о монашеской жизни своей. Стяжавшие истинное, духовное понятие о покаянии совокупляют в нем все свои подвиги и признают потерянным для себя тот день, в который они не плакали о себе, хотя бы они в этот день совершили какие другие добрые дела[2]. Нет сомнения, что преподобный Сисой был погружен в делание покаяния и плача: между свойствами этого делания находится и то, что оно не может насытить делателя, но чем больше насыщает его, тем большее возбуждает желание к себе, доставляя боголюбезную чистоту и вместе производя жажду чистоты еще более совершенной. Очищенные плачем продолжают признавать себя нечистыми. Мы уже упомянули совет, данный преподобным Сисоем брату, просившему у него душеспасительного совета. «Если хочешь угодить Богу, — сказал Великий, — исступи мира, отступи от земли, оставь тварь, приступи ко Творцу, совокупи себя Богу молитвою и плачем, и найдешь покой в этом и будущем веке». Другому брату он сказал: «Пребывай в келлии твоей с трезвением, представь себя Богу со многими слезами и в сокрушении сердца, и обретешь покой». Очевидно, что святой давал братии советы из своей

[1] Алфавитный патерик. || [2] Лествица. Слово 5, гл. 33; по переводу старца Паисия.

святой опытности. Первому он посоветовал оставить все мирское и все земное, то есть все пристрастия, а второму посоветовал постоянное пребывание в келлии, потому что при пристрастиях и при частых праздных выходах из келлии такое покаяние и молитвенный плач невозможны. Надо, чтоб сердце отрешилось от всего и ничем не развлекалось; тогда только оно может восплакать пред Богом и погрузиться в плач, как в бездну, как в жизнь. Когда брат спросил Пимена Великого о том, как должно пребывать в келлии (разумно) безмолвствующему, Великий отвечал: «Подобно человеку, погрязнувшему в смрадной тине по выю (шею), с бременем на вые, и вопиющему к Богу: “Помилуй меня”». В этих словах все иноческие подвиги совокуплены в плач и молитву покаяния. Другому брату, вопросившему о том, какое ему иметь делание, этот же Преподобный сказал: «Когда нам придет время предстать Богу, тогда что нас озаботит?» Брат отвечал: «Грехи наши». — Пимен: «Итак, взойдем в наши хижины и, уединившись в них, воспомянем (с покаянием) о грехах наших, и Господь услышит нас». Другой брат спросил того же старца: «Какое ему иметь делание?» Старец сказал: «Когда Авраам взошел в обетованную землю, то купил себе гроб и с гроба начал владение ею». Брат спросил: «Какое значение имеет гроб?» Пимен отвечал: «Это — место плача и рыдания». Опять брат спросил того же святого: «Что мне делать с грехами моими?» Великий Пимен отвечал: «Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, и желающий сохранить себя от стяжания их плачем сохраняет себя. Это — путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые сказали: плачьте, потому что другого пути (ко спасению), кроме плача, нет». — «Плач сугуб, — говаривал Пимен Великий, — делает и хранит». Однажды Пимен шел с аввою Анувом в окрестностях Диолка; там они увидели на гробе женщину, биющуюся и горько плачущую. Они остановились и прислушивались к ней. Когда же несколько отошли, то повстречался им один из тамошних жителей, и спросил его авва Пимен: «Что случилось с этою женщиною? отчего она так горько плачет?» — Тот сказал ему: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал ему: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских похотений и не стяжет подобного плача, то не может быть монахом: ибо все жительство монаха состоит в плаче». — Возвестили Пимену Великому о кончине Арсения Великого; он, прослезясь, сказал: «Блажен, авва Арсений! ты плакал о себе в этой жизни. Не оплакивающий себя

здесь будет плакать вечно. Невозможно не плакать: или произвольно здесь, или невольно там, в муках»[1].

Некоторые, не занимаясь или занимаясь очень мало душевным деланием, а упражняясь в одном телесном, не без примеси фарисейства — одно телесное делание не может обойтись без фарисейства, — нисколько не чувствуют жала совести и обличений ее в греховности, по этой причине признают такое состояние своего спокойствия достойным одобрения. В мнении своем они поддерживаются и утверждаются многими явными добрыми делами своими и похвалою человеческою. На этом основании они считают такое состояние спокойствия прямым последствием деятельности богоугодной, жизни добродетельной, безукоризненной. Спокойствие обращается по временам в безотчетную радость: они не останавливаются признавать эту радость благодатною. Горестное самообольщение! душепагубное ослепление! Самообольщение основано здесь на самомнении, а самомнение есть повреждение душевного ока, родившееся от неправильной деятельности и рождающее еще более неправильную деятельность. Возлюбленный брат, спокойствие, которым ты уверяешься в верности пути твоего, есть не что иное, как несознание и неощущение своей греховности, происшедшее и происходящее от нерадивой жизни, а радость, которая по временам рождается в тебе по причине наружного преуспеяния человеческих похвал, отнюдь не есть радость духовная и святая: она — плод самомнения, самодовольства и тщеславия. Такое состояние мнимого спокойствия святые Отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума прежде смерти тела[2]. Нечувствие, или умерщвление души, состоит в отъятии и отступлении чувств покаяния и плача от нашего духа, в отступлении спасительного болезнования, называемого сокрушением, от нашего сердца. Безболезненность сердца, или мнимое спокойствие, есть верный признак неправильности образа мыслей, неправильности подвига, самообольщения. «Какое бы высокое жительство ни проходили мы, — сказал святой Иоанн Лествичник, — но если не стяжали болезнующего сердца, то это жительство — ложно (притворно) и тщетно»[3]. Безболезненность происходит от невнимательной жизни, от безвременных выходов из келлии, от безвременных бесед, шуток, смехословия, празднословия и многословия, от насыщения и пресыщения, от пристрастий, от принятия и усвоения тщеслав-

---

[1] Изречения Сисоя и Пимена Великих; заимствованы из Алфавитного патерика || [2] Лествицы Слово 18. Заглавие. || [3] Лествицы Слово 7, гл. 64.

ных помыслов, от высокоумия и гордости[1]. «Если не имеешь умиления, — сказали Отцы, — то знай, что имеешь тщеславие; оно-то и попускает душе придти в умиление»[2]. Путь к достижению умиления есть внимательная жизнь. «Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий есть отец внимания, а внимание матерь внутреннего покоя, той же рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и тако рождаются начатки и корения покаяния»[3]. Внимательная и правильная жизнь по евангельским заповедям хотя и служит начальною причиною покаяния, но дотоле признается не осененною Божественною благодатию и бесплодною, доколе из нее не прозябнут сердечное сокрушение, умиление, плач, слезы, из чего всего составляется истинное иноческое покаяние. Для подтверждения этого важнейшего опытного учения приведем свидетельства святых Отцов. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Исшедший из мира с тою целию, чтоб уничтожить бремя грехов своих, да подражает сидящему при гробах вне города, и да не престанет от теплых и горячих слез и безгласных сердечных рыданий, доколе он не увидит, что к нему пришел Иисус, отвалил камень ожесточения от сердца, разрешил ум наш — этого Лазаря — от уз и повелел слугам Своим Ангелам: *разрешите его* от страстей, и *оставите ити*[4] к блаженному бесстрастию. Если же сего не будет, то нет никакой пользы (от исшествия из мира)»[5]. Святой Исаак Сирский: «*Вопрос.* В чем заключаются достоверные приметы и знамения, от которых и при посредстве ощущения которых подвижник может понять, что он начал зреть в себе, в душе своей, сокровенный плод? — *Ответ:* Когда он сподобится благодати многих слез, проливаемых без понуждения. Слезы положены для ума, как некий предел между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Доколе не примет кто этого дарования, дотоле дела подвига его еще находятся во внешнем человеке и он еще нисколько не ощутил таинственных действий духовного человека. Когда же он начнет оставлять телесное нынешнего века и окажется переступившим предел и вошедшим во внутренность того, что таится во внутренности естества, тогда немедленно достигает этой благодати

[1] Лествицы Слово 18 и преподобного Симеона Нового Богослова Слово 6. Издание Оптиной Пустыни 1852 года. ‖ [2] Глава 28 Художества и правила святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Добротолюбие. Ч. 2. ‖ [3] 15 духовное наставление старца Серафима Саровского. Издание 1844 года. Москва. ‖ [4] ...*развяжите его, пусть идет* (Ин. 11. 44). ‖ [5] Слово 1, гл. 6.

слез. Слезы начинаются с первой обители сокровенного жительства и возводят подвижника в совершенство любви Божией. Сколько преуспевает он в этом жительстве, столько богатеет слезами, доколе, от многого пребывания в них, не начнет пить их и при употреблении пищи своей и пития своего. И это есть верный признак, что ум исшел из мира сего и ощутил тот мир, духовный. Насколько человек приближается к миру сему (вещественному) умом своим, настолько умаляются эти слезы. Когда же ум совершенно погрузится в сей мир, тогда совершенно лишается этих слез. Это служит признаком, что человек погребен в страстях»[1]. — Святой Симеон Новый Богослов: «Прежде плача и слез никто да не прельщает нас тщетными словами, ниже мы сами да прельщаем себя: нет в нас покаяния, нет истинного раскаяния, нет страха Божия в сердцах наших; мы не зазрели себя: душа наша не пришла в соощущение будущего Суда и вечных мук. Если б мы зазрели себя, если б это стяжали и этого достигли, то немедленно произвели бы и слезы. Без них никогда не возможет ни жестокосердие наше умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение; мы не можем быть смиренными. Не соделавшийся таким, не может соединиться со Святым Духом; не соединившийся Ему, не может придти в видение и разум Божий и не достоин таинственно научиться добродетели смирения»[2]. — Внимательная жизнь приводит к умилению, а умилением, в особенности когда оно начнет сопровождаться слезами, доставляется сугубое, благодатное внимание. Плач и слезы — дар Божий: и потому, при внимательной жизни, испрашивай этот дар прилежною молитвою. *Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам... Отец ваш Небесный даст* духовные *блага просящим у Него*[3], даст дверь и ключ ко всем духовным благам — плач и слезы. «Я, — говорит святой Иоанн Лествичник, — прихожу в удивление, рассматривая самое то качество умиления: каким образом называемые плач и печаль содержат внутри себя радость и веселие, как соты мед! Чему из этого мы научаемся? — Что такое умиление есть собственно дар Божий»[4].

Святой Симеон Новый Богослов весьма основательно сказал, что начальная причина плача и слез есть наше произволение[5]. От нас зависит оставить рассеянность, оставить скитание по братским келлиям и по знакомым вне монастыря, оставить шутки, праздно-

[1] Слово 21. ‖ [2] Гл. 69. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. ...Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него* (Мф. 7. 7, 11). ‖ [4] Слово 7, гл. 49. ‖ [5] Слово 6, вышеприведенное.

словие и многословие, положить начало внимательной жизни в молитве и чтении Слова Божия, при воздержании чрева от излишеств и сластей. От такой внимательной жизни непременно прозябнут умиление и плач, особливо когда прилежными молитвами мы умолим Бога о даровании нам этого спасительного дара. Получив дар, надо хранить его как бесценное сокровище. Точно! он — бесценное духовное сокровище и богатство. Он, и будучи приобретен, легко может быть потерян, если мы предадимся рассеянности, развлечению, служению нашим пристрастиям и прихотям, человекоугодию, миролюбию, чревоугодию, пересудам, злоречию, даже многословию. Неприметным образом от состояния умиления мы можем перейти в состояние нечувствия. Так важно состояние нечувствия для невидимого врага нашего, что он всячески старается удержать нас в нем и укрепить, не возмущая ни другими страстями, ни искушениями извне: потому что самомнение и самодовольство, которыми обыкновенно сопутствуется нечувствие, самообольщение и гордость, которые обыкновенно бывают последствиями укоренившегося нечувствия, достаточны для отъятия всех духовных плодов, для погибели. Нечувствие тем страшно, что обладаемый им не понимает своего бедственного состояния: он обольщен и ослеплен самомнением и самодовольством.

«Умиление, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — есть плод делания заповедей и причина всех духовных плодов. Оно — творец и содетель всех добродетелей, о чем свидетельствует все Боговдохновенное Писание. И потому желающий отсечь страсти и стяжать добродетели должен, прежде всех добродетелей и со всеми добродетелями, прилежно взыскивать умиление. Без него он никогда не увидит души своей чистою; если же он не стяжет души своей чистой, то никак не стяжет тела чистого. Оскверненная риза не может быть вымыта без воды: и без слез невозможно душе омыться и очиститься от скверн и нечистот. Не будем представлять извинений душевредных и суетных, правильнее же, вполне ложных, служащих причиною душепогибели, но вседушно взыщем царицу добродетелей. Кто ищет ее от всей души, тот находит ее; правильнее же, она приходит и находит взыскавшего ее с болезнию, и, если он имеет сердце более жестокое, чем медь, чем железо, чем камень, соделывает его своим приходом мягче всякого воска. Она есть Божественный огнь, разрушающий горы и камни, все углаждающий и претворяющий, изменяющий в вертограды (сады) те души, которые примут ее. Она соделывается в недре этих душ

источником, источающим воду жизни. Вода эта непрестанно, как бы из какого водоема (бассейна), нисходит на ближние и дальние (места сада), и преисполняет души, приемлющие Слово с верою. Во-первых, она измывает причастников своих от скверн; потом отмывает страсти, оттирает их, как струпы, которыми покрываются раны, и отвергает их, — говорю, отвергает лукавство, зависть, тщеславие и все другие, за этими следующие. Не только делает это, но и как некий пламень, обходящий всюду, мало-помалу истребляет их, пожигая и попаляя их ежечасно, как терния. Сперва она возбуждает в нас желание совершенных свободы и очищения от страстей, потом желание Богом отложенных и уготованных благ любящим Его. Все же это соделывает Божественный огнь умиления при содействии слез, правильнее же, слезами. Без слез, как мы сказали, ни одно из этих благ никогда не было и не будет ни в нас, ни в ком другом. Невозможно найти в Божественном Писании, чтоб кто когда из человеков, без слез и всегдашнего умиления, очистился или соделался святым, или приял Святого Духа, или узрел Бога, или ощутил Его вселившемся внутри себя, или приял Его жителем в сердце свое. Ничего этого не могло совершиться, когда не предшествовало покаяние и умиление, когда слезы, изливаясь как из источника и постоянно наводняя очи, не вымыли душевной храмины и самой души, орошая и прохлаждая душу, объемлемую и воспаляемую неприступным огнем. Говорящие, что невозможно проливать слез и плакать каждую ночь, каждый день, свидетельствуют о себе, что они чужды всякой добродетели. Если наши святые Отцы произнесли такое определение: хотящий отсечь страсти плачем отсекает их и хотящий стяжать добродетели плачем стяжавает их, — то из сего явствует, что не плачущий ежедневно ни страстей не отсекает, ни добродетелей не совершает, хотя и думает, обманываемый самомнением, совершать их. Что пользы, скажи мне, в орудиях какого-либо художества, когда нет художника, который бы знал дать должное употребление и орудию и веществу? Какая польза от садовника, если он возделает весь сад, насадит и насеет в нем всякого рода растений, а не прольется свыше дождь на сад и он не будет напоен водою? Конечно, никакой пользы. Так и тот, кто совершает другие добродетели и трудится в них, не получит никакой пользы без этой святой и блаженной владычицы и совершительницы всех добродетелей. Как царь без подведомственного ему войска бессилен и всеми удобно побеждается, и даже не признается царем, но обыкновенным человеком, так, наоборот, много-

численное войско, без царя и военачальника их, удобно расстроивается и истребляется врагами. Таково и отношение между плачем и прочими добродетелями. Под подобием войска разумей собрание всех добродетелей новоначального; под подобием царя и военачальника — блаженное рыдание и плач, которыми все войско устроивается в порядок, воодушевляется, поощряется, укрепляется, научается действовать оружием сообразно времени, обстоятельствам, врагам... Плач всем этим распоряжается; без него множество людей (прочие добродетели) удобно побеждаются. Итак, братия, прежде всех деланий и со всеми деланиями, да будет для всех нас деланием *покаяние,* с покаянием соединенный *плач* и плачу сопутствующие *слезы.* Нет плача без покаяния; нет слез без плача: эти три друг с другом соединились и связались, и невозможно одному из них явиться без двух других»[1].

Мысленный путь покаяния и плача имеет то важное достоинство, что он безопасен от бесовского обольщения, или так называемой бесовской прелести. Падший дух, чтоб обольстить подвижника, старается сперва уверить его о достоинстве или достоинствах его, что видно из примеров, помещенных в предшествовавших советах; как же он обольстит того, кто всеусильно ищет открыть свою греховность, рыдает над тою, которая открылась ему, по причине ее возжигается к открытию еще большей, кто все стремление свое заключает в том, чтоб увидеть в себе одно и единственное достоинство грешника, чтоб и внешнею, и внутреннею деятельностию приносить Богу сознание и исповедание своей греховности. «Когда диавол, — говорит преподобный Григорий Синаит, — увидит кого-либо живущим плачевно, не пребывает при нем, отвращаясь смирения, производимого плачем»[2]. Хотя враг искушает и плачущих, но удобно познается ими и отражается. Самомнительный, признающий в себе какое-нибудь достоинство не может отразить бесовского обольщения извне, будучи объят и окован им внутри[3].

Невежественные и лицемерные подвижники признают себя достигшими своей цели, когда они увидят себя святыми, когда такими признает и провозгласит их мир; они радуются входящему

---

[1] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 6. ‖ [2] Главы зело полезные, глава О прелести. Добротолюбие. Ч. 1. ‖ [3] Преподобного Лаврентия отцы Киево-Печерского монастыря не допустили вступить в затвор, опасаясь, чтоб он не подвергся бесовской прелести, как подверглись ей преподобные Исаакий и Никита. Для затворнической жизни Лаврентий перешел в монастырь великомученика Димитрия, где «вся стрелы лукавого разжженные водою слез погашая, благодатию Божиею уязвления бесовского странен пребысть». Патерик Печерский.

в них самообольщению и самомнению, не понимая, как бедственно самомнение, не понимая, что похвала человеческая служит признаком лжепророка. Признак этот необыкновенно важен: он дан Самим Богочеловеком. *Горе,* сказал Господь, *егда добре рекут вам вси человецы. По сим бо творяху лжепророком отцы их*[1]. Горе, душевное горе и бедствие, вечное горе! — Истинный инок радуется тогда, когда он начинает усматривать грех свой, когда он по мнению своему о себе соделается ниже и грешнее всех ближних своих, когда начнет потрясать его страх Суда Божия и страх вечных мук, когда явится в нем чувство преступника и осужденника, когда при молитвах его начнут изливаться потоки слез и исторгаться из груди воздыхания и стенания, когда ум его, очищенный слезами, будет предстоять пред Богом лицом к лицу и видеть Невидимого при посредстве сильнейшего ощущения Божия присутствия. О, блаженное видение! при нем преступник может принести истинное раскаяние в соделанных преступлениях, умилостивить Всемилостивого обильными слезами, смиренными глаголами, обнажением своего горестного состояния, испросить у человеколюбца Бога прощение, а с ним и множество бесценных, вечных, духовных даров. Величайший успех инока — увидеть и признать себя грешником! Великий успех инока — доказывать всею своею деятельностию искреннее и действительное признание себя грешником! «Когда ум начнет зреть согрешения свои, множеством подобные песку морскому, то это служит началом просвещения души и знаком ее здравия», — сказал священномученик Петр Дамаскин[2]. Тогда ум может увидеть грехи свои, когда прикоснется к нему благодать Божия; омраченный падением, сам собою он не способен видеть их. Зрение грехов и греховности своей есть дар Божий. Святая Православная Церковь научает чад своих испрашивать этот дар у Бога при посте и коленопреклонениях, преимущественно в дни Святой Четыредесятницы. Дар зрения грехов своих, своего падения, общения падшего человека с падшими ангелами непостижимо обиловал в великих преподобных Отцах и, несмотря на множество духовных даров, ясно свидетельствовавших о их святости, возбуждал их к непрестанному покаянию и плачу, к непрестанному омовению себя слезами. Изречения, произнесенные Отцами из этого состояния, непостижимы для плотских умов. Так — Пимен Великий говаривал сожительствовавшим

[1] *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их* (Лк. 6. 26). ‖ [2] Книга 1, глава 2. Добротолюбие. Ч. 3.

ему братиям: «Братия! поверьте: куда будет ввержен сатана, туда ввергнут и меня»[1]. *Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себя вознесется*[2], сказал Господь!

Заключение
О удобоприменимости изложенных правил к положению современного монашества

Внимательно читавший сочинения святых Отцов о монашестве удобно заметит, что Отцы составляли свои наставления, применяясь к обстоятельствам времени и к положению тех иноков, которым они посвящали труд свой. По этой причине почти все монашеские сочинения святых Отцов имеют свою особенную цель, свою односторонность. По этой причине и в цветущие времена монашества невозможно было каждому иноку приложить к себе сряду все, что написали Отцы: тем более такое приложение невозможно в наши времена, и многие, попытавшиеся сделать его, потрудились много, приобрели очень мало. Приведем в пример книгу святого Иоанна Лествичника. Этот угодник Божий написал свои сочинения для общежительных иноков, которых главною добродетелию должно быть послушание; по этой причине он говорит с осторожностию, кратко и как бы нехотя о безмолвии, предохраняя от безвременного и неправильного вступления в него, а о послушании говорит очень подробно, восхваляя и превознося это жительство. Так поступает святой не потому, чтоб безмолвие, при известных условиях, не было душеспасительно, но чтоб не ослабить усердия общежительных иноков, чтоб укрепить и ободрить их в подвиге послушания, который они восприяли на себя, чтоб не дать им повода к двоедушию, к стремлению вступить в жительство, для которого они еще не созрели, чтоб не дать повода ко впадению в самообольщение и бесовскую прелесть, столь близкую к юным и не юным самочинникам и самомнителям. Очевидно, что иноку, проводящему жительство вне общежития, от чтения святой Лествицы должно придти смущение и последовать расстройство: ему непременно представится, что вне общежития и послушания нет монашеского преуспеяния. Такое действие этой Боговдохновенной книги доказано опытом: преподобный Антоний Новый, живший отшельником в глубокой пустыне, прочитал Лествицу; вследствие этого чтения он оставил пустыню и вступил в обще-

[1] Алфавитный патерик. || [2] *...всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18. 14).

жительный монастырь[1]. Не всякому возможно переменить свое наружное положение! Что ж из этого? Инок, оставаясь по необходимости в своем положении и потеряв доверенность к положению, как неудобному для спасения, впадает в уныние, охладевает к монашескому подвигу и начинает проводить жизнь нерадивую. В наше время, когда мы отделены многими веками от обычаев и положения, в недре которых жительствовали и произнесли свое учение Отцы, применение учения их к современному положению иночества в нашем отечестве представилось особенно нужным и обещающим принести пользу. Такова была цель при изложении предложенных здесь советов. Уповаем, что они могут служить руководством для иноков нашего времени по тому положению, которое им предоставлено Промыслом Божиим. Уповаем, что убогий труд наш может быть с пользою приложен и в общежительном, и в штатном монастырях, и к жизни инока на подвории или при часовне, и к жизни инока, странствующего на корабле по требованию и обычаю государственному, и к жизни инока, находящегося в долговременном послушании посреди мира, и к жизни инока, постриженного в монашество при духовном училище, занимающего при нем какую-либо ученую или административную должность, — даже к жизни мирянина, который захотел бы среди мира с особенным тщанием заняться своим спасением. Исполнение евангельских заповедей всегда составляло и ныне составляет сущность иноческого делания и жительства. Всякое место и положение представляют много удобств для этого делания и подвига. Братия! примите приношение духовное и не осудите за скудость его. Скудость приношения свидетельствует о скудости имущества. Вашею верою и усердием восполните эту скудость, а молитвами и благословением вознаградите потрудившегося для своего и вашего спасения.

Богатый Домовладыка дал роскошный обед Своим многочисленным друзьям и знакомым и множеству тех, которых захотел пригласить к обеду, — тем включить их в число друзей и знакомых Своих. Безмерное количество духовных яств невообразимого и недомыслимого достоинства предстояло на духовной трапезе. По окончании ее гости щедро одарены духовными дарами. Когда приглашенные почетные лица вышли, Домовладыка заглянул за врата чертога и увидел[2] у этих врат толпу голодных нищих, которые были бы рады попользоваться крохами, оставшимися после чудной трапезы. Многомило-

[1] Алфавитный патерик, буква А. || [2] Образ изложения заимствован из Евангельской притчи, Мф. 22. 11.

стивый Владыка приказал слугам остановиться, не убирать стола. Он пригласил нищих, несмотря на то что нищие были в грязи и рубищах, не соответствовавших великолепию чертога, предложил им остатки яств. Робко и в недоумении взошли нищие в обширную залу, приступили к столу, встали около него как случилось, каждый взял и употребил то, что попало ему. Они подобрали все крохи. Разумеется, никто из них не вкусил ни одного цельного блюда, не видел ни стройного служения прислуги, ни той драгоценной посуды и утвари, которые были употреблены при столе, не слышал огромного хора певчих и громкого хора музыки, звуки которых оглашали вселенную и возносились до неба. По этой причине никто из нищих, хотя между ними и были люди с природным умом, не мог составить себя ясного, точного понятия об обеде. Удовлетворившись крохами для насыщения, они должны были удовольствоваться понятием гадательным и приблизительным о блистательной и насладительной трапезе, которою воспользовались почетные гости. Очистив со стола все съестное, нищие пали ниц пред Домовладыкою, благодаря за пищу, которой они до сих пор не едали и не видали. Он сказал им: «Братия! при распоряжении Моем об обеде Я не имел в виду вас[1]: поэтому Я не представил вам обеда в должном виде и не даю вам подарков, которые все разошлись по прежде сделанному расчету, постижимому для Меня одного». Нищие воскликнули в один голос: «Владыка! до подарков ли нам! до пышного ли обеда! несказанно благодарим за то, что Ты не возгнушался нами; нас, истерзанных всякого рода недостатками, впустил в Твой чертог, спас от голодной смерти!» Нищие ра́зошлись, продолжая благодарить и благословлять милосердого Домохозяина. Тогда Он, обратясь к слугам, сказал: «Теперь уберите стол и заключите мой чертог. Уже гостей не будет, — и что можно было предложить в пищу, предложено. Все кончено!»[2]

О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздастся ему? Яко из Того и Тем, и в Нем всяческая. Тому слава во веки. Аминь[3].

Окончено 20 апреля 1861 года.
Ставрополь Кавказский.

---

[1] Образ изложения заимствован из Евангельской притчи, Мф. 22, 11. ‖ [2] Лк. 18. 8. ‖ [3] *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь* (Рим. 11. 33–36).

Плач инока о брате его, впадшем в искушение греховное

Сочинено другом для друга и для брата братом, к взаимной пользе и сочинителя и читателя

Введение

И бысть, повнегда в плен отведен бе Исраиль и Иерусалим опустошен бяше, сяде Иеремия пророк плачущ, и рыдаше рыданием над Иерусалимом[1].

Один я в келлии; заперты двери; густым занавесом завешено окно; скромная лампада в углу келлии теплится пред святыми иконами, разливает по келлии слабый, томный свет. Не нужно мне освещения более яркого: оставил я все занятия. Сижу на одре в недоумении, в безотчетливом молчании. У меня как бы отнято существование. Не могу размышлять ни о чем: печаль наполняет душу; слезы, струясь по ланитам и одежде, заменяют для меня всякое иное занятие. Не входите, не входите ко мне! не нарушайте моего безмолвия! не способен я к беседе с друзьями. Необходимо мне одиночество: способен я к одному плачу. Чем больше объемлет меня плач, тем больше жажду его, тем больше вдаюсь в него. Насыщает он меня, утешает он меня, несмотря на то, что горек он. Тоскующая горлица перелетает с одной иссохшей ветки на другую иссохшую ветку, на ветку зеленеющую не садится: так и я перехожу от мысли печальной к мысли печальной, от чувствования печального к чувствованию печальному; мысли и чувствования приятные не приближаются к страждущему сердцу.

Когда опустошен и разрушен был Иерусалим, а народонаселение его отведено пленником в страну дальнюю, тогда пророк Иеремия,

---

[1] Надпись над «Плачем пророка Иеремии», глава 1. — Статья «Плач инока» заимствована в значительной степени из Плача, произнесенного Пророком, почему и самая форма, в которой изложен «Плач инока», соответствует форме, в которой изложен «Плач святого Иеремии».

тщетно предвещавший бедствия Иерусалиму за беззакония жителей его, тщетно призывавший к покаянию ожесточившихся и ослепших беззаконников, остался на развалинах Иерусалима, остался оплакивать свое пророчество совершившееся. Рыдал он рыданием неутешным на пепелище сожженного храма: храм этот признавался чудом зодчества, был единственным храмом на земле, посвященным истинному Богу. Рыдал Пророк рыданием неутешным на развалинах города: город этот был единственным городом на земле, в котором поклонники истинного Бога могли воздавать поклонение Богу, установленное Богом, единое благоприятное Богу.

Не на груды камней и пепла падают мои слезы; оплакиваю не храм, воздвигнутый руками человеческими из мрамора, порфира и древ негниющих[1]; рыдаю не на развалинах города, который строился веками, строился могучими мышцами царей, народов, золота; не летят мои воздыхания вслед за многочисленными толпами иудеев, которые влекутся многочисленным воинством в гражданское рабство. Причина моего плача — причина нравственная, и область моего плача — область духа. Оплакиваю сожжение невидимого и нерукотворенного храма, созданного Богом для невидимого, возвышеннейшего богослужения; оплакиваю разрушение таинственного города, назначенного в обитель для помыслов и ощущений благодатных; оплакиваю плен души, плен ума и сердца, побежденных грехом. Окованы они, окованы эти пленники, окованы цепями страстей, уведены в рабство. Уведены они в царство и столицу царя Вавилонского: во власть архангела отверженного, господствующего сурово и жестоко над всеми отверженными разумными тварями — над ангелами и человеками.

Плачу плачем покаяния и любви. Погружаюсь в печаль спасительную, — не в ту, которая наводит смерть человеку[2]: печалюсь не о чем-либо суетном, тленном, преходящем. Объемлет меня плач — наследство прародителя моего, Адама, который обратился к плачу, начал искать в нем утешения после утраты сладостей райских. Этот плач — отблеск вечного блаженства; этот плач — свидетельство, что вечное блаженство было некогда достоянием человека; этот плач — средство к возвращению потерянного блаженства. Как отблеск блаженства, как воздыхание и воспоминание о блаженстве, плач заключает в себе наслаждение: убодая серд-

---

[1] Такие древа были употреблены при строении храма Соломонова. Негниющими древами считались кедр, сосна и кипарис. Поведание о построении храма Соломонова читается в третьей книге Царств. ‖ [2] 2 Кор. 6. 10.

це скорбию, вместе орошает и помазует его утешением. Благословил Богочеловек всесвятыми слезами Своими душеспасительный плач покаяния и любви. Пролил Богочеловек всесвятые слезы о четверодневном мертвеце, Лазаре; пролил Богочеловек Божественные слезы о многолюдном городе, о народе, который не познал или притворился не познавшим посещения Божия. Не только блудница употребила для омовения грехов слезную воду[1]; не только прибегали к слезам все грешники, желавшие примириться с Богом посредством покаяния: признал слезы необходимым врачеством для себя, спасительным орудием верховный Апостол. *Плакася горько*[2] великий Петр по отречении от Христа: исцелил он смертельную греховную язву плачем и слезами. И кто, приступавший к Богу с плачем, не был услышан Богом? Окропился немногими слезными каплями нечестивый царь Израильский, Ахаав, умилился на короткое время, после которого опять продолжал прогневлять Бога нечестием. Скудные слезы, умиление кратковременное и малоплодное не остались без последствия: изреченная казнь на служителя идолов, обагрившегося кровию неповинных, отменена. *Видел ли еси,* вещал Божественный глас Илии Пророку, чрез которого объявлено наказание царю, *видел ли еси, яко умилися Ахаав от лица Моего? сего ради,* ради умиления ничтожного, ради непродолжительных, малозначущих слез, *не наведу зла во днех его*[3], несмотря на то, что Я уже назначил и объявил ему ужаснейшую казнь за ужаснейшие беззакония. Не могу Я видеть плачущего и не помиловать его.

О, брат мой! о, брат возлюбленный! болезнует о тебе сердце мое; плачу о тебе и не могу престать от плача. Привлекают меня к плачу и человеколюбие Господа Иисуса, и постигшее тебя несчастие. Из слезы скорбящего и плачущего о грехах светится надежда спасения, как звезда из окружающей ее тьмы ночной. Соедини с плачем моим плач твой, со слезами моими твои слезы. Не презрит нас Господь, молящихся Ему, рыдающих пред Ним, усиливающихся исцелиться покаянием. Он, податель истинного покаяния, дарует нам могущественное покаяние; Он, податель слез, отверзет в нас источники слез; Он, единый способный очищать нечистоту души, очистит нас покаянием, слезами, Божественною благодатию. Грех — родитель плача и слез: он наветуется, умерщвляется чадами его — плачем и слезами.

---

[1] Лк. 7. 38. ‖ [2] Мф. 26. 75. ‖ [3] *...видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни* (3 Цар. 21. 21–29).

Начну же я произносить мои вопли! стенаниями и воздыханиями облегчу и разрешу тесноту моего сердца! Не ранами, не укоризною послужат тебе слова плача моего; они — выражение любви, знаки участия и сострадания, утешения и ободрения, кроткий голос, призвание к оставлению греховной жизни, призвание к вступлению снова на поприще святого иноческого подвига, призвание к свержению греховного ига, призвание к мужественной борьбе за духовную свободу с началами и властями поднебесной. Плач мой о тебе есть вместе и плач о мне: и я преисполнен грехами, и на мне звучат тяжкие цепи греховных навыков и впечатлений. Если дозволяю себе восплакать о тебе, то и ты восплачь о мне. Соединим сердца наши в плач! облеченные в плач как бы в одежду, необходимую для прикрытия наготы душевной и стыда, явившихся от преступления заповеди Божией, предстанем пред Господа: принесем Господу не пустое и гордое оправдание себя, которым всегда печатлеется греховность и погибель человеков, — принесем исповедание из сердца сокрушенного и смиренного. Исповеданием решительным и искренним согрешений наших, нашего падения, нашего бедственного состояния войдем в покаяние и спасение. Покаяние — врата к Богу. *Внидите во врата его во исповедании*[1], объявляет и завещевает всему человечеству Пророк, приглашая к покаянию все человечество.

Статья первая

Алеф[2]

Весть горестная внезапно принеслась ко мне — принеслась ко мне стрелою. Пронзила она сердце глубокою раною, — вместе изобразила предо мною картину поразительную, картину мрачную, картину печальнейшую. Тот, кто в нежном возрасте прилепился к Господу, кто дни увеселений отроческих посвятил лишениям иноческим, кто рано презрел суету мира, — ныне обольщен и осмеян миром. Увы! в пристани подвергся ты крушению. Увы! в собственном городе твоем пленили тебя иноплеменники. Увы! поработил тебя грех, грех тяжкий, грех смертный, — связал тебя узами невидимыми, не разрешимыми никаким средством, никаким усилием человеческим. Пребывая телом в стенах монастырских, по духу ты отчуждился от Обители святой. Тоскует она о тебе, как о сыне, охладевшем к ней, как о

---

[1] *Входите во врата Его со славословием* (Пс. 99. 4). || [2] Алеф, Беф и т. д. — буквы еврейского алфавита. Ими отделяются строфы, одна от другой, в «Плаче пророка Иеремии».

сыне, уже покинувшем ее в сердечном совете своем. Дивные храмы Божии, смиренные иноческие келлии, башни угрюмые, стены зубчатые монастыря древнего, освященного подвигами многих старцев преподобных, смотрят на тебя печально, как бы угадывая измену, тайно совершившуюся в душе твоей. Слышится в песнопениях церковных отголосок заунывный, слышится он для сердца, болезнующего о бедствии твоем. Для такого сердца песнопения церковные плачут о тебе: отдаются из них в это сердце звуки плача, подобные звукам плача, разливающимся из песнопений надгробных.

Беф

Плачу о тебе весь день; плачу о тебе всю ночь. Ничтожной цены плач мой: другой плач, цены несравнимой, совершается о тебе. Плачут Ангелы, плачут лики Мучеников и Отцов пустынных сонмы, плачут все небожители, — не хотят утешиться. Внимательно, любовно смотрят они с неба на землю, радуются добродетели, совершаемой человеками, — огорчаются грехами их. Сам Создатель твой и Спаситель, сотворивший тебя из ничего, искупивший бесценною кровию Своею, непричастный печали, опечален тобою. *Кая польза в крови Моей, внегда сходити Ми во истление?*[1] — говорит Он всем грешащим и пребывающим в грехе. Всесвятой, неприступный для тления, низводится в тление христианами, облеченными во Христа, имеющими в себе Христа, когда христиане пресмыкаются в скверне беззаконий.

Гимель

Грехи по видимому ничтожные, но пренебрегаемые, не врачуемые покаянием, приводят к грехам более тяжким, а от невнимательной жизни зарождается в сердце гордость. Чтоб ты научился бодрствовать над собою, чтоб ты не доверял себе и не любовался собою, чтоб ты стяжал сердце сокрушенное и смиренное, чтоб грех твой, предстоя *выну*[2] пред очами твоими, низлагал в тебе высокоумие и превозношение, — Господь попустил искушению, как туче, носимой вихрем, набежать на тебя; не удержал удара, занесенного на тебя. Настигли тебя враги твои! ненавидящие душу твою окружили ее, возложили на нее тяжкие оковы, увлекли в плен и рабство, покрыли язвами бесчисленными, мучительными, неисцельными![3]

[1] *...что пользы в крови моей, когда я сойду в могилу* (Пс. 29. 10). ‖ [2] Пс. 50. 5. ‖ [3] Плач. 1. 3.

Далеф

Оставлены тобою святые подвиги иночества; служение твое Богу обратилось в постыдное лицемерство. Нет места истинному Богослужению в душе, когда она, ниспавши в смертный грех, пребывает в нем. Овладело тобою уныние и расслабление; увяла сила мужества; произволение благое поколебалось; сердце лишилось благодатного мира и утешения, которыми питается и окрыляется инок на пути своем к Богу. Суетные и греховные помыслы, сопутствующее им расстройство ощущений, витают в душе твоей, как витают в опустевшей храмине гады и хищные птицы. Все добродетели твои окрадены одним преступлением: *иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во единому, бысть всем повинен*[1], научает нас Писание. Блекнут цветы и листья на растении, когда ствол его подсечен косою.

Ге

До впадения твоего в грех невидимые враги наветовали душу твою, прикасаясь к ней снаружи, колебля лишь поверхность ее[2]; они не входили в сердце, запечатленное перстом Божиим; они не могли возобладать тобою, будучи постоянно оскорбляемы и отражаемы неповиновением твоим[3]. Покорился ты им в час дремания твоего, в час самозабвения; покорился ты им произвольно, исполнив на деле предложение их, предложение обольстительное, смертоносное. Они соделались владыками твоими; влачат они тебя по дебрям и пропастям, по терни и по острым камням: связанный, скованный ими, не имеешь силы противиться им. Господь, предвидящий все и управляющий всем, восхотел смирить тебя множеством беззаконий твоих[4]. Едва родится в тебе благая мысль, едва родится благое намерение, как и ниспровергаются они: ниспровергает их овладевший тобою грех.

Вав

Отъяся от дщери Сиона вся красота [лепота] ея[5]: отъята красота у души твоей, уневещенной Христу, отъята красота духовная. Отступили помыслы святые, в которых пребывал ум твой, как в

[1] *Кто соблюдет весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем* (Иак. 2. 10). ‖ [2] Наставление 19 старца Серафима Саровского. ‖ [3] Иак. 4. 7. ‖ [4] Плач. 1. 5. ‖ [5] *И отошло от дщери Сиона все ее великолепие* (Плач. 1. 6).

чертоге брачном; отступили ощущения святые, в которых плавало, в которых покоилось, в которых наслаждалось сердце твое. Ищешь их и не обретаешь. Они удалились неведомо куда; заменили их помыслы греховные, плотские, ощущения страстные. Ты лишен высокого, царского достоинства! ты ниспал в униженное состояние раба! — Горестна немощь, производимая в душе грехом смертным: по причине этой немощи, по причине этого расслабления встреча со всяким обольстительным, преступным, демонским помыслом соделывается для души побеждением.

Заин

Наступило время скорбное, время тяжкое, время твоего уничижения и бесславия, время, в которое ты отринут от лица Господня. Лишенный помощи Вышнего, как бы забытый Богом, оставленный в руках супостатов, ты служишь для них игралищем и посмешищем. Падение инока и всякого христианина — предмет плача для святых Ангелов; оно — предмет радости для злобных демонов[1]. Ликуют полки их о бедствии человеков, раздается в полках их громкий, безумный хохот.

Иф

Прельстился ум твой: вкусил плод, воспрещенный Богом. Прекрасным показался плод при любопытном, неосторожном взгляде на него; прекрасным показался плод неведению, неопытности, невинности; совет злонамеренный и лукавый убеждал ко вкушению; вкушение плода поразило вкусившего смертию. Горечь ядовитой снеди еще пенится на устах твоих; терзается внутренность твоя от действующего в ней яда. Смущение, недоумение, омрачение, неверие объемлют душу твою. Обессиленный, расстроенный грехом, ты озираешься *вспять*, будучи прежде направлен *в Царствие Божие*[2].

Теф

На краю падения твоего, на краю греховной пропасти не вспомнилось тебе, что тесный гроб и могила темная соделываются, рано или поздно, соделываются непременно жилищем всякой плоти, что наслаждения греховные оканчиваются с разложением человека

[1] Плач. 1. 7. || [2] Лк. 8. 62; Плач. 1. 8.

и не предотвращают разложения, что тело, в угождение которому закалается душа, назначено в жертву тлению, в пищу червям. Это не вспомнилось тебе. Забыл ты Суд Божий, терпеливо ожидающий обращения грешников, но долженствующий постигнуть их. Не замедлит Он, Суд Страшный, не замедлит; скоро, скоро настанет: *приидет, яко тать в нощи*[1]. Потребуется на нем отчет у каждого человека во всей земной деятельности его. Забыл ты, что злохитрые и лютые демоны, теперь являющиеся душе в усладительных мечтах, льстящие ей с намерением уловить ее, по исшествии души из тела устремятся на нее, как дикие звери, похитят ее, если докажут, что она принадлежит им. Забыл ты о вечной участи грешников, не удостоившихся милости Божией. Они, за отвержение добродетели и за отвержение покаяния, которым врачуются уклонения от добродетели, нисходят в преисподний ад, предаются пыткам и казням, не имеющим ни меры, ни конца. Забыл ты это — и пал падением страшным. Средства мира, развлечения, увеселения, попечения и занятия земные не доставят тебе успокоения. Усыпляют они совесть на краткое время, но заглушить ее не могут. В минуты самовоззрения она просыпается; проснувшись, обличает тем сильнее, тем беспощаднее.

Боже милосердый! Ты видишь и носишь немощи человеческие: открыты пред взорами Твоими и нечистота моя, и изнеможение мое; открыта пред взорами Твоими лютость мучащих меня, терзающих меня страстей и демонов.

Иод

Иноплеменник *да не внидет в храм Господень*[2], заповедал Бог. Не сохранил я повеления Бога моего. Я допустил себе предательство — и вторглись, при посредстве моего предательства, иноплеменники не только в храм, но и в святилище, простерли дерзкие руки на сосуды и жертвы, освященные Богу. Храмом Божиим называю всего человека; святилищем — сердце; сосудами и жертвами — помыслы и ощущения. Попирается храм Божий ногами нечестивых и нечистых духов; они осквернили святилище; помыслы и ощущения духовные, благодатные, превратили в плотские, греховные, злосмрадные.

---

[1] *...придет, как тать ночью* (1 Сол. 5. 2). ‖ [2] Втор. 23. 3; Плач. 1. 10.

Каф

Исполняюсь воздыханий! гнездится во мне скорбь, точит сердце как червь, терзает его как змей. Ищу утешения, ищу отрады, ищу пищи духовной, некогда опытно знакомой мне, — и не обретаю! Пища эта питает и услаждает. Иную пищу предлагают мне, влагают в меня насильственно: пищу греховную, которая льстит насыщением, — не только не насыщает, производит еще больший голод, производит страшное томление, изнеможение, расстройство.

Господь, Господь мой! пред лицем Твоим, пред Твоими очами согрешил я. Ты взираешь на уничижение мое; пред Твоими всесвятыми очами злодействуют надо мною разбойники. Я оставлен Тобою, потому что я оставил Тебя. Нахожусь в руках у тех, которых я предпочел Тебе. Не смею воззреть к Тебе, не смею воздеть рук к Тебе, не смею произнести пред Тобою ни одного слова. Согрешение мое, предательство мое отняли у меня дерзновение. Я пал, я соделался жертвою моего безумия, жертвою лукавства и ненависти демонов. Близок я к безнадежию: оно дает весть сердцу моему, что стоит при дверях его. Ходатаев нет у меня; по крайней мере, я не знаю, есть ли ходатай за меня. Ходатаем моим пред неприступным величием Твоим да будет Твоя бесконечная благость.

Ламед

Все, идущие путем земной жизни, все, проходящие поприще от утробы, родившей вас, до гроба и могилы, до грозных врат, которыми вступает каждый человек в неизмеримую и загадочную вечность, *обратитесь и видите, аще есть болезнь, яко болезнь моя*[1]. Не печалюсь я о потере тленных преимуществ и сокровищ, не снедаюсь скорбию о понесенных мною гонениях, бесчестиях и язвах от человеков; ничто временное не служит причиною моих стенаний, моего сердечного томления. Страдаю, мучусь тем, что я удалился от Господа грехопадением. Изменил я Господу, предал Господа, далеко отринут от лица Создателя моего, ввергнут в нравственную тьму, предан демонам. Связаны мои руки и ноги: отнята у меня святая деятельность, отнята самая способность к ней. Лежу, поверженный, в изнеможении, в пропасти. Пропастию этою таинственно и вместе с точностию предызображается и живописуется пропасть преисподняя. Испиваю чашу горестей,

[1] *...взгляните и посмотрите, есть ли болезнь, как моя болезнь* (Плач. 1. 12).

чашу смирения. Чашу эту растворил для меня Бог мой в праведном гневе Своем[1].

Мем

Судьбы Божии — непостижимы. Рассудил Господь в святом совете Своем, определил правосудно, изрек на меня приговор казни, допустил огню страстей, огню враждебному, ниспасть с *высоты*[2], из области духов воздушных, поднебесных, сожечь духовный храм мой, обратить в пепел драгоценное украшение его. Простерты были сети ногам моим, — и я не заметил их, увяз в них. Внезапно напали на меня враги из засады, в которой они скрывались, — и я, приведенный в недоумение неожиданностию, подвергся поражению, обратился в бегство. Не помиловал меня Господь, предал врагу. Угрожает мне конечная погибель. Цепь дней моих обратилась в цепь болезней. Грех мой стоит исполином предо мною; обнаженный меч — в руке его; сверкают кровавым пламенем яростные очи; широко разверзлась чудовищная пасть; скрежещут зубы. Стоит он неотступно, стоит день и ночь.

Нун

Супостат бдел надо мною давно, бдел со дня рождения моего, со дня крещения моего. Зависть и ненависть неутолимая возбуждала его к бдению неусыпному. Он выжидал, чтоб выпал час, в который бы я легкомысленно оставил бодрствование над собою, предался самонадеянности и неосторожности. Дождался он этого часа и, опытный в погублении человеков, нанес мне удар, удар верный, решительный. Теперь, когда я в плену у врага, когда я порабощен ему, он снова бдит надо мною, бдит, чтоб не бежал я из плена, не сверг с себя иго, иго поносное и тяжкое. Изнемогла крепость моя, ослабели руки, не могу восстать из падения, освободиться из плена. Я облечен грубою и вместе немощною плотию, пребываю в ней, как в узах, как в темнице; враг мой — дух, быстрый в движениях, как молния, облечен, как во всеоружие, в обилие способностей, знания, силы. Бдит враг мой надо мною, как лев, рыкающий над беззащитною добычею. Не могу противостоять ему: грехи умножаю грехами новыми, увлекаюсь насильно страстями. Мучительству их предал меня Господь[3].

[1] Плач. 1. 12. || [2] Плач. 1. 13; Иов. 1. 16. || [3] Плач. 1. 14.

Самех

Точило истопта Господь девице, дщери Иудине, душе моей, усвоенной Господу верою в Него: *о сих аз плачу*[1]. Плачу и рыдаю плачем, необъяснимым и непонятным для меня самого. Тоскует, томится во мне дух мой: он ощущает свою нищету и уничижение. Сокрушилась попущением Господним крепость моя, извратилась, обезображена красота, нарушена, отъята непорочность. *Дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет, да не превозношуся*[2]. Этот ангел имеет свою цель, цель погубить меня; но в действиях его, независимо от них, присутствует попущение Божие со всею непостижимою, премудрою, всеблагою целию.

Айн

Очи мои излиясте воду, яко удалися от мене утешаяй мя, возвращаяй душу мою: погибоша сынове мои, яко возможе враг[3]. Удалились от меня помыслы святые, приносящие утешение сердцу, ободряющие, оживляющие его, исполняющие его радостной надежды спасения. Умолкла во мне благодать Святого Крещения, скрыла свое присутствие во мне, не поборает за меня: огорчен мною Дух Святой, огорчен грехом моим смертным. Все противное, враждебное Богу приближилось, вступило в меня, действует во мне. Преисполнен я мрака, преисполнен смущения. Молитва моя расхищается рассеянностию; оскверняется, уничтожается она мечтаниями сладострастными. Страшно усилился надо мною враг: пожирает он меня. Проливаю потоки слез, подобно источникам вод, и не совершают они того, что совершали прежде немногие слезные капли: не водворяют в сердце сладостного спокойствия. Горьки слезы мои. Горькими слезами должно оплакать утраченную непорочность; горькими слезами должно омыть с души нечистоту, эту печать, всегда оставляемую на ней грехопадением; горькими слезами должно изгладить смертный грех, записанный в книгах воздушного князя: слезы сладостные проливает невинность и святая любовь. Горькие слезы, сердечное сокрушение, нищету мою, бедствие мое приношу к стопам распявшегося за меня Господа. Прими их, Господь мой, как принял Ты слезы блудницы; прими их, как принял Ты драго-

---

[1] *...как в точиле, истоптал Господь деву, дочь Иуды. Об этом плачу* (Плач. 1. 15). ‖ [2] 2 Кор. 12. 7. ‖ [3] *...Око мое изливает воды, ибо далеко от меня утешитель, который оживил бы душу мою; дети мои разорены, потому что враг превозмог* (Плач. 1. 16).

ценное миро, которое блаженная Мария излила на Твои ноги[1]. Ты, всесильный и всеблагий, претвори мои грешные и горькие слезы в благовонное, благоприятное Тебе миро. С весов Твоих сними правосудие Твое и гнев; возложи на эти весы Твое человеколюбие, Твои могущественные слезы, Твою могущественную кровь. Твои бесценные слезы Ты пролил о нас; Ты пролил за нас Твою бесценную кровь; Твою бесценную кровь Ты дал в цену и выкуп за нас. Слезами Твоими Ты явил любовь Твою к нам, любовь Твою к нам Ты запечатлел Твоею кровию. Твоею кровию всемогущею, Божественною, Ты очистил грехи всего мира[2].

Фи

Возвожу ум мой к Богу; но ум не имеет силы подняться и вознестись от земли. Все попытки его оказывались доселе тщетными. Он лишь приподымется от земли, как и падает на землю, низвергается на нее невидимою, железною рукою. Оставил меня Господь, и обступили со всех сторон ищущие погибели душе моей. Собственными силами не могу восстать из падения, освободиться из плена. Господь, един Господь восстановляет падших, оживотворяет умерщвленных. О мне Господь определил иное[3]. Он взирает на уничижение мое, а помощи не ниспосылает мне; Он слышит мой стон, мой вопль, и не восхищает меня из плена, из плена лютого, из челюстей ада. Враг торжествует, празднует победу, признает мою погибель верною. В безумной ярости, в безумной гордости своей он мнит о Боге моем, что Бог не силен изъять меня из рук его; он мнит о себе, что может противостать, может воспротивиться успешно Богу моему, Богу всемогущему.

Цади

Праведен еси, Господи, и прави суди Твои[4]. Достоин я оставления, достоин томления, которым подвергся: пожинаю плоды согрешения моего. Произвольно преступил я Закон Божий, произвольно пренебрег словом Божиим. Сошел я с пути заповедей Господних на путь воли растленного естества моего.

Когда смертный грех, сокрушив человека, отступит от него, то оставляет после себя след и печать поражения, нанесенного человеку. Он оставляет свою жертву рассеченною на части, связанною, во власти порочного впечатления, свойственного соделанному

[1] Ин. 12. 3. ‖ [2] Ин. 1. 29. ‖ [3] Плач. 1. 17. ‖ [4] Пс. 117. 137; Плач. 1. 18.

греху. Все яды смертоносны; но каждый из них имеет свое действие: все смертные грехи убивают душу вечною смертию; но каждый производит в ней соответствующее себе расстройство. *Пленицами своих грехов кийждо затязается*[1], научает нас Писание. *Накажет тя отступление твое, и злоба твоя обличит тя: и увеждь и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити Мя, глаголет Господь Бог твой. Не благоволих о тебе, понеже сокрушил еси иго твое, и растерзал еси узы твоя, и рекл еси* всем поведением твоим: *не имам Тебе служити, но пойду на всякий холм высокий, и под всяким древом лиственным тамо разлиюся в блуде моем. Аз же насадих тя,* при сотворении в бытие и при воздаянии в пакибытие, *виноград плодоносен, весь истинен: како превратился еси в горесть, виноград чуждий?*[2]

Угроза и определение Бога моего исполняются надо мною. Настоящее положение мое образовалось из падения моего, как естественное последствие. Мучат, насилуют меня помыслы и ощущения, которые прежде признавались мною бессильными, которые отражал я легко и удобно. Поступают они со мною как по праву, полученному ими: я пал произвольно, произвольно поработил себя, совершил беззаконие, принадлежащее к области этих помыслов и ощущений. Увы! *девицы мои и юноши отыдоша в плен*[3].

Коф

Обольстило меня греховное похотение. Предстало оно в личине невинности и наслаждения непорочного, предложило мне беседу как бы мудрую; потом, вкрадываясь постепенно в душу, начало изменяться, приобретать надо мною власть, — внезапно претворилось в пламень, охватило меня. Не помню, — правильнее, не могу дать точного отчета, что было далее. Далее объяло меня самозабвение, увлечение. Опомнившись, я увидел себя уже в безвыходной пропасти.

Должно отражать грех в самом начале его, при первом появлении его. Утрачено или украдено было это из моей памяти, или я

---

[1] Притч. 5, 22. *Пленицами* — веревками; *затязается* — связывается. || [2] *Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя; итак, познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа Бога твоего и страха Моего нет в тебе, говорит Господь Бог Саваоф. Ибо издавна Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои, и ты говорил: «не буду служить **идолам**», а между тем на всяком высоком холме и под всяким ветвистым деревом ты блудодействовал. Я насадил **тебя** как благородную лозу, — самое чистое семя; как же ты превратилась у Меня в дикую отрасль чужой лозы* (Иер. 2. 19–21). || [3] *...девы мои и юноши мои пошли в плен* (Плач. 1. 18).

еще не имел этого познания, — и похитил, поглотил меня лукавый грех. Оскудел страшно, опустошен окончательно таинственный Иерусалим мой. Иногда рождаются во мне помышления и намерения благие; но они, не имея никакой твердости, никакого постоянства, лишены значения; они перемешаны с помышлениями и порывами порочными, оскверняются, извращаются, побеждаются ими. Изменился разум мой! утратилась в нем самостоятельность, которую доставляла ему вера; явилось в нем колебание. Он соделался хладным к слову Божию; не находит в нем того спасительного, просветительного назидания, которое находил прежде, которым питался и услаждался, которым не мог насытиться по причине преизобильного насыщения. Такое насыщение возбуждает ненасытную алчбу и неутолимую жажду Божией правды. Предо мною — Писание Святое. Оно соделалось чуждым мне. Ищу в нем питания, укрепления, утешения: не нахожу их. Закрылось оно, всесвятое слово Божие, закрылось от меня непроницаемым покрывалом: моею греховностию.

Реш

Господь мой! Господь мой! с высоты славы Твоей воззри на бедствие, в котором я погряз, как в тине смрадной, как в дебри безвыходной; воззри на бедствие мое, на скорбь невыносимую, которыми истощены все силы мои, все силы души и тела. Объяло меня смущение; объяло — недоумение; объяла лютая тоска и горесть. Ощущаю, что вечная смерть вступила в душу и, страстию, которую ничто не может укротить, грехом, который не престает повторяться, наложила на меня печати погибели. Уже отселе *болезни адовы,* обручения болезней вечных, *обыдоша мя, предвариша мя сети смертныя*[1]. Увязши в этих сетях, сопричисляюсь справедливо к умершим, хотя по наружности принадлежу к числу живых. *Потоцы беззакония смятоша мя*[2], не дают опомниться, не дают встать и утвердиться на камне заповедей Христовых. Мадиам и Амалик и сыны Востока, поклонники идолов, с бесчисленными стадами скотов своих, постоянно восходят на землю Израиля, не оставляют на ней *бытия жизненнаго*[3], поядая и вытаптывая посевы и луга: подвиги и добродетели, которыми от юности служил я Богу моему, которыми полагал изработать спасение мое.

---

[1] *...цепи ада облегли меня, и сети смерти опутали меня* (Пс. 17. 6). ‖ [2] *...потоки беззакония устрашили меня* (Пс. 17. 5). ‖ [3] Суд. 6. 3–5.

Шин

Воздыхаю я, — враги мои утешаются воздыханиями моими; скорблю я, — они радуются скорби моей; стону, рыдаю, вопию я, — между ими раздаются громкие рукоплескания, клики и песни буйного веселия; я томлюсь, как бы исчезаю в постигшем меня искушении, — они торжествуют, светло празднуют победу надо мною. Упоенные неистовством, безумием, высокомерием, исступленною ненавистию к Богу, они хвалятся поражением, нанесенным немощному человеку, как бы поражением, нанесенным Самому Богу. По обширной поднебесной, на всех скопищах своих, на станах мытарств воздушных они разгласили о моем падении. Бешеное и богохульное ликование их достигает сводов неба, ударяет в них. Падшие ангелы желали бы ворваться за эти своды, огласить насмешками и ругательством святые обители рая. Уже был некогда рай свидетелем их преступных замыслов и начинаний; огласился он некогда буйным, открытым, чуждым смысла возмущением их против Бога.

Творец мой! Искупитель мой! Твоим я был до согрешения моего: пребываю Твоим и по согрешении. Похитили у Тебя достояние Твое, потому что Ты попустил похитить его на время по непостижимым судьбам Твоим. Угадывают, видят враги мои, что Ты отступил от меня или скрылся чудно; они видят и понимают это по тому свободному доступу ко мне, который получили они, по той власти надо мною, которая дозволяется им. Настанет, настанет время, горестное для них, блаженное для меня: настанет время, когда Ты, Спаситель мой, умилосердившись надо мною, прострешь мне руку помощи, руку всесильную, когда истинным, действительным покаянием извлечешь меня из пропасти моих преткновений[1].

Фав

Всевидящий Господь! Пред взорами Твоими — все бесчисленные злодеяния демонов, ангелов отверженных. Восстали они против Тебя на небе, возненавидели Тебя, Творца своего и Бога, возненавидели все дела Твои ненавистию исступленною, непонятною. Ты явил им творческую силу Твою, Ты явил им неограниченную власть Твою над ними: Ты низверг их с неба, Ты покарал их в самой природе их; духов бесплотных Ты обрек на жизнь в веществе

[1] Плач. 1. 21, 22.

и тлении. Светлые Ангелы превратились в мрачных, зверообразных демонов; чистые духи соделались, по мыслям и чувствам, плоть и скверна; жители горних обителей блуждают и скитаются по пустыне поднебесной, по поверхности земной, в пропастях подземных. Ты предал в заведывание им темницу огненную — страшный ад, горящий пламенем неугасимым, чтоб казнь, уготованная для них от сотворения видимого мира, предстоя им непрестанно лицом к лицу, произвела в них спасительный страх, убедила опомниться. Ты совершил искупление человеков в присутствии и при противодействии духов, погубивших человеческий род. Ты поставил их зрителями и свидетелями шествия в рай и небо благоугодивших Тебе человеков; Ты долготерпишь им многие тысячелетия, — и ничто, ничто не может преломить упорства их, смягчить сердце, претворившееся в камень или металл, склонить к покаянию, к желанию неба. Они, умалишенные, ратуют против Тебя, изрыгают против Тебя страшные хулы, отвергают Твое существование, отвергают разнообразными видами отвержения. Но Ты не только неприступен для действий против Тебя, — неприступен для постижения Тебя. И ангелы падшие, бессильные, ничтожные пред Тобою, направили злобу свою на создание Твое, на немощного человека. Они отравили его ядом греха; они ищут погубить его окончательно, преследуют неусыпно, расставляют ему злокозненные сети, ввергают в бесчисленные, тягостнейшие бедствия. От этих бедствий, от бедствий лютых только Ты, всемогущий, можешь избавлять и избавляешь тех человеков, которые прибегают к Тебе! Скорбь моя превзошла меру крепости моей. Доселе, переполняя сердце мое, она изливалась из него; теперь я умолкаю от изнеможения. Истощились мои стенания, истощились воздыхания, истощились слезы: грусть, превысшая их и невыразимая, томит, умерщвляет меня. Всевидящий! Ты видишь меня. Ты ведаешь, что ненависть врагов не насытится никакими страданиями моими. В державной деснице Твоей — и я, и враги мои. Всевидящий и Всемогущий! в безнадежии на себя, в надежде на Тебя, предаюсь святейшей воле, бесконечной мудрости и благости Твоей.

Статья вторая

Алеф

Грустным событием поражаются взоры, взоры ума и сердца. Недоумеваю пред событием. Тому, что видят глаза и руки осязают, не верю. Господь, во гневе Своем, покрыл мраком *дщерь Сиона*[1]. Он низверг *с небесе на землю славу Израилеву*[2]. Душа твоя была невестою Христовою; на непорочности ее, как на красоте пленительной и возлюбленной, покоились всесвятые очи Господа твоего. Уготован был тебе чертог дивный в обителях рая. Сонмы святых Ангелов и сонмы переселившихся на небо праведных человеков признавали тебя своим, ожидали твоего пришествия к ним, намеревались радостно выйти в сретение душе твоей по разлучении ее с телом, ввести ее в небо, на неумолкающий и бесконечный праздник... Все рушилось! все изменилось изменением страшным! Господь отвратил лицо Свое от тебя, небожители восплакали о тебе: увы! растлил тебя грех.

Беф

Восхотел Господь поразить тебя: не пощадил! не помиловал![3] Поразил Господь, — и увяло духовное благолепие твое, пожженное сластолюбием, как вянет пышная роза, опаленная солнечным зноем, как вянет нежная лилия, подточенная червем. Рассыпались добродетели и подвиги твои, как рассыпаются великолепные здания города, колеблемого землетрясением. Мысли твои парили постоянно к Богу, возносились к Нему, пребывали при Нем чистою молитвою и размышлением священным: ныне они пресмыкаются по земле; вращаются они в одном тленном и суетном. Ум твой лишен царского достоинства: прежде господствовал он над пожеланиями сердца и тела, — ныне увлекается ими, служит им раболепно. Вместо венца и порфиры — на нем тяжкие оковы, оковы медные[4]. Победитель жестокий умертвил сыновей царя пред очами его, а очи, увидевшие это убийство, исторг бесчеловечно орудиями железными. Царственный слепец и пленник отведен в Вавилон, предан там в дом работы трудной, унизительной[5].

[1] Плач. 2. 1. || [2] Плач. 2. 1. || [3] Плач. 2. 2. || [4] Медные оковы возложены были на Седекию, последнего царя Иудейского, плененного Навуходоносором, царем Вавилонским, при взятии Иерусалима. || [5] Иер. 52. 10, 11.

Гимель

Сокрушилась мышца твоя в борьбе невидимой: ты не устоял, не вышел победителем. Враги разрушили врата и стены города твоего, вломились в него: обратили город в развалины, тебя соделали рабом. Оружия имел ты сильные; даны были тебе оружия Богом; оружия эти страшны для иноплеменников. Ты вознерадел! мечи булатные, копья и стрелы легкие и меткие, щиты и кольчуги непроницаемые были оставлены тобою, забыты. Нерадение послужило причиною побеждения. Когда инок пренебрежет молитвою, безмолвием, постом, — дозволит себе развлечение, наслаждения плотские: тогда враг, видя его обезоруженным, нападает на него, поражает удобно. Твой храм душевный объят пламенем греховных вожделений. Разлился яростный пламень по всему храму волнами огненного потопа; истребил яростный пламень всю многоценную утварь храма; оставил одни опаленные, почерневшие стены[1]. Отъята у тебя жизнь в Боге, не отъято бытие: призываешься милосердием Божиим к оживлению в себе утраченной, благодатной жизни.

Далеф

Укрепился враг, возобладал оказавшим ему повиновение произвольно. Падение твое лишило тебя власти над собою, передало эту власть врагу. Власть демонов и страстей над человеком усиливается унынием, двоедушием человека, уклонением его воли, заразившейся порочным стремлением, уклонением от мужественного и решительного покаяния. Ты пребываешь во грехе! к согрешению присовокупляешь новые согрешения, в убийственном грехе ты нашел наслаждение! от смертоносного наслаждения не можешь оторвать сердца! *В селениях дщери Сиона*[2] вижу грустное, одно грустное запустение: в них истреблено или рассыпано и попрано все изящное, духовное.

Ге

Меч Божий, меч наказания, меч попущения и оставления пал на главу твою, пал на все существо твое, рассек, разъединил его. Дух, душа и тело, из которых составлен человек, пришли в разногласие, действуют противоположно и враждебно друг другу. Объ-

[1] Плач. 2. 3. ‖ [2] *...на скинию дщери Сиона* (Плач. 2. 4).

яло тебя расстройство, умножились твои немощи и болезни, постигли тебя многочисленные преткновения, возмущено сердце твое страстями, как море бурею.

Научись смиренномудрствовать. Познай, что человек — не самобытное существо: он — создание Божие; он — земля и прах. Устрани из себя самомнение фарисея; остерегись презирать, уничижать, злоречить ближних; подражай поведению оправданного Богом мытаря. Осуди себя, и привлечешь к себе милость Божию.

Если и простится тебе грех твой, как прощены святому Давиду два тяжкие преступления, и тогда помни постоянно грех твой; постоянно имей пред очами грех твой; постоянно оплакивай грех твой, — и соделается грех хранителем добродетели. Несмотря на то, что ты будешь оправдан Богом, ведающим немощь человека и удобно дарующим ему прощение, не переставай искать оправдания, не переставай погружаться в покаяние, стяжи неутолимую жажду к правде Божией, — и умножится правда твоя, как сторичный плод пшеницы на ниве тучной. Ищи оправдания преизобильного, ищи его верою и делами, надеясь найти оправдание не в делах твоих: в Боге, в вере в Бога, свидетельствуемой и являемой повиновением Богу.

Вав

Боже! милостив буди мне грешнику[1]. Так молился мытарь, похваленный Евангелием. Он не произнес многословных и красноречивых молитв: молитва краткая, одна краткая и безыскусственная молитва способна выразить чувство раскаяния и самоосуждения, когда наполнится ими сердце. Мытарь не смел возвести очей к небу: опущены они были к земле. Мытарь ударял в перси сознанием грехов; ничего не сказал в извинение себя; никого не обвинил в своих греховных поползновениях, ни усилившиеся соблазны в обществе человеческом, ни злобу и коварство демонов. Он обвинил себя всецело; в причину и основание прошения о помиловании представил одно милосердие Божие. И вышел мытарь оправданным из храма Божия, в котором принес Богу молитву покаяния и смиренномудрия, молитву, оказавшуюся столько действительною. Такая молитва — *жертва хвалы, прославляющая Бога*[2]: в ней нет смрадной примеси из плотского мудрования — похвалы падшему человеческому

[1] Лк. 18. 13. || [2] См.: *Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня* (Пс. 49. 23).

естеству. Такая молитва — *путь*[1], на котором является человеку *спасение*[2] от Бога. *Смиряяй себе, вознесется*[3], сказал Спаситель: *смиряяй себе* вознесен будет Богом в горнюю, духовную пристань священного бесстрастия и благодатной непорочности.

Заин

Отрину Господь жертвенник Свой, отрясе святыню Свою, сокруши рукою вражиею стену забралов Иерусалима[4]. Прихожу в недоумение, когда размышляю о сугубой смерти, поражающей человеков: когда смотрю на тело бездыханное, лежащее во гробе, утратившее жизнь и красоту; когда смотрю на душу, лежащую в падении греховном, истерзанную, обезображенную, лишенную жизни благодатной, Божественной. О чудо! что это за таинство? почему предается жертвенник Божий разрушению и святыня осквернению? Почему предоставляется отверженным духам свобода злодействовать? Почему греху попущен наглый приступ ко мне, греху, обольщающему, отравляющему, убивающему меня? Зачем духовное, бессмертное существо мое, столько изящное, сопряжено с тленною плотию, которая имеет противоположные, враждебные ему пожелания, низводит его к своим скотоподобным вожделениям? Тайна остается тайною: недоступна она для моего постижения. Я — создание Бога моего. Нет меры, которая могла бы определить различие между Богом и человеком, — так Бог велик, так человек ничтожен пред Богом. Не могу я требовать отчета, не способен я понять отчета в том, что совершается надо мною по воле Создателя моего. Остается мне познать и признать мое ничтожество; остается мне возблагоговеть пред Богом, как должна благоговеть тварь пред Творцом; остается мне безмолвно плакать пред неприступным величием Бога моего, умолять Бога моего о помиловании.

Иф

Горестное грехопадение положило печать на лице твое, на всю наружность твою. Исчезла радость, постоянно светившаяся в твоих взорах; исчезло спокойствие, так изящно располагавшее черты на лице твоем. Твоя поступь была как бы поступь Ангела благове-

---

[1] Пс. 49. 23. ‖ [2] Пс. 49. 23. ‖ [3] Лк. 18. 14. ‖ [4] *Отверг Господь жертвенник Свой, отвратил сердце Свое от святилища Своего, предал в руки врагов стены чертогов его* (Плач. 2. 7).

ствующего; речь твоя лилась живою струею, увеселяя слух и сердце внимавших тебе; свидание и беседа с тобою оставляли приятнейшее, продолжительное впечатление. — Угрюм, уныл, мрачен ныне взор твой; на лице написаны тревога и мучение; медленна, задумчива поступь твоя, явилось в ней странное колебание. Отрывисто, кратко слово твое; его нет у тебя для друзей твоих; ты представляешься постоянно занятым иною беседою, невидимою, непонятною; ты занят каким-то таинственным словопрением, привлекающим к себе все чувства, все мысли твои. Сердце твое закрыто. Искренность ты заменил уклончивостию. Все намерения твои, вся жизнь твоя сосредоточились в тебе одном. Ты неприступен для участия. Тяжкая грусть и пустота остаются следом твоим после свидания с тобою. Отражается в наружности человека душевное состояние его.

Теф

О, когда бы падение твое не было продолжительным! о, когда бы за преткновением тотчас последовало раскаяние! о, когда бы на греховное пятно немедленно пролились теплейшие слезы и омыли его! о, когда бы из среды самого падения вознеслась к Богу умиленная, сильная молитва! Слезы и молитва умилостивили бы Бога. О, когда бы ты, ощутив язву от греха, возненавидел грех и минутное увлечение загладил решительным исправлением себя! Внезапная смерть души может врачеваться быстрым оживлением: свидетельствуют о том поведания Писания и поведания церковные. Не то случилось с тобою. За падением последовали падения; к греху присовокупились грехи; от продолжительного удовлетворения сладострастию явилось сочувствие к нему, образовался навык, родилась страсть, родилась смерть. Попираются бесстрашно заповеди Христовы; бесстрашно и холодно смотришь ты в вечность, на Суд Божий, на блаженство рая и на муки ада. Ум твой окаменел. Как бы каменный или мертвый, он утратил сочувствие, стяжал мертвость к слову Божию. Живое слово это, грозное и могущественное слово живого Бога, обратилось для ума, умерщвленного грехом, в пустые звуки, в звуки без смысла и значения.

Иод

Друг твой, любящий тебя паче всех друзей твоих, исполнен печали о несчастии, постигшем тебя. Умолкли в нем радование и ликование духовные; рыдает он рыданием неутешным; оплакивает твое

падение, как бы падение твое было его падением; в скорби тяжкой повторяет слова Апостола: *смирил мене Бог мой, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся о нечистоте* своей *и о блуждении* своем[1].

Каф

Истощились очи от пролитых потоков слезных. Остановить слез не имею возможности. Лютою скорбию изгнетаются слезы из очей, изгнетаются слезы скудные, слезы мучительные, изгнетаются слезы, подобные каплям крови: с таким страданием исходят слезы из очей, истомленных пролитыми слезными потоками. Болезнует сердце, раздирается горестию. Объятый недоумением, объятый ужасом, гляжу на бедствие, постигшее тебя, ищу утешения в сострадании тебе. Брат мой! брат мой! что случилось с тобою? какое превращение неожиданное и страшное постигло тебя! В тихом монастырском пристанище ты претерпел кораблекрушение! — претерпел ты его не среди волн житейского моря, не среди подводных камней, которыми усеяно дно его, не от бури, ревущей и воздымающейся к облакам, сливающей небо и море воедино.

Ламед

Зачем не оставляешь пути развращенного? зачем медлишь в скверне греховной? зачем лежишь и вянешь в унынии, расслаблении, двоедушии? Решись на покаяние! решись на оставление греха! отторгни от него сердце, которое природнилось, как бы приросло к греху, — нуждается быть оторванным или отсеченным от него. Подвиг покаяния тягостен и труден для низринувшегося в сме́ртные грехи, в плотское жительство и мудрование, для стяжавшего греховные навыки. Этот подвиг назвали Отцы кровопролитием и, приглашая к нему, произнесли изречение, по наружности жестокое: «Отдай кровь, и прими Дух»[2]. Верное слово, слово, объясняющее сущность дела. *Плоть и кровь Царствия Божия наследити не могут, ниже тление нетления наследствует*[3]: желающие усвоиться Христу непременно должны *распять плоть со страстьми и похотьми*[4]. Не ужаснись подвига многотрудного! Сколько тру-

[1] *...не уничижил меня у вас Бог мой и* **чтобы** *не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали* (2 Кор. 12. 21). ‖ [2] Авва Лонгин. Достопамятные сказания, гл. 4. ‖ [3] *...плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетление* (1 Кор. 15. 50). ‖ [4] Гал. 5. 24.

ден он, столько вожделен и усладителен; сколько труден он, столько плодоносен. Подвиг иноческий равнозначущ подвигу мученическому. Венец подвига — спасение; венец подвига — блаженство вечное в обителях рая; венец подвига — совлечение с себя естества падшего[1], обновление естества, вознесение его на высоту неизмеримую соединением естества человеческого с естеством Бога[2].

Бог бесконечно благ и бесконечно могуществен: приступи в сокрушении духа ко Всеблагому и Всемогущему, обнажи пред Ним твою язву, принеси сознание в согрешении, прося прощения, исцеления, и получи их. При покаянии твоем употребляй выражения, употребленные так успешно падшим царственным Пророком: ***помилуй мя, Боже,*** говорил он, ***по велицей милости Твоей,*** не по какой другой причине, — ***и по множеству щедрот Твоих,*** не по какой другой причине, ***очисти беззаконие мое***[3]. Все, просившие так, получили: отказа не было никому. Для отсрочки покаяния, для сомнения, колебания нет поводов. Страшит меня твое пребывание во грехе более, нежели впадение в грех; страшит меня нераскаяние более, нежели преткновение. Боюсь, чтоб смерть не застала тебя в беззакониях, не восхитила из среды их, не поставила внезапно на Суд Божий.

Мем

Где пристань инока от потопления в бездне отчаяния? в бездну отчаяния обыкновенно влечет его враг после того, как увлечет ко вкушению плода, запрещенного святыми обетами крещения и святыми обетами иноческого пострижения. В чем утешение инока, когда он растратит богатство духовное, которым приобретается небо? Пристань инока — неограниченное милосердие Божие; утешение падшего инока — надежда спасения, доставляемая покаянием. Ты изгнан из целомудрия, как из прекрасного города; ты изгнан из непорочного девства, как из святилища: укройся в другом городе. ***Егда гонят вас во граде сем, бегайте в другий***[4], завещал Господь ученикам Своим. Изгнанный из святого града невинности, ищи убежища в святом граде смирения. Град смирения построен из камней, честных пред Богом: тут сложены, в стройном порядке, нищета духа и сокрушение сердца, и самоосуждение, и воздыхания, и рыдания, и вопли, и слезы, и коленопреклонения смиренные,

[1] 1 Кор. 15. 49, 53. || [2] Пет. 1. 4. || [3] Пс. 50. 3. || [4] *Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой* (Мф. 10. 23).

и строгое воздержание от всех излишеств, и умилительнейшие молитвенные слова, и неизглаголанные стенания, говорящие молчанием убедительнее и сильнее, нежели сколько можно сказать словом. Связию, или цементом, для камней служит чувство плача. Плач — выражение истинного покаяния. Покаяние очищает душу от всех согрешений, восстановляет разрушенное святилище Божие. Второй храм Иерусалимский, воздвигнутый при великих препятствиях от гонений и недостатков, хотя требовал значительного времени для построения, хотя уступал в обширности и великолепии первому храму, воздвигнутому Соломоном при обилии средств и пособий, но прославлен несравненно более, прославлен присутствием в нем вочеловечившегося Бога Слова. И часто бывает святилище душевное, обновленное многотрудным покаянием, славнее, по обилию благодати Божией, того святилища, которое не нуждалось или мало нуждалось в очищении и обновлении. Слава святилища — не добродетель человеческая! слава святилища — Бог, высоко ценящий заповеданное Им покаяние и осеняющий благодатию Святого Духа человеческую добродетель, когда эта добродетель совершается со глубоким смирением и состоит в исполнении воли Божией.

Нун

Пророцы твои видеша суетная и безумие[1], говорил истинный Пророк Божий опустошенному, разрушенному, сожженному Иерусалиму о лжепророках его, обольщенных демонами, соделавшихся орудиями злонамеренности демонов, причиною безрассудного поведения и погибели иерусалимлян. Говорил это Пророк, оплакивая сбытие своего пророчества, говорил, рыдая на развалинах Иерусалима. Лживые пророки не *открыша о неправде твоей*[2]. Они льстили тебе: обманутые демонами, они обманули тебя; не предотвратили они твоего пленения; отклонили тебя от покаяния, от обращения к Богу; способствовали совершиться твоему порабощению.

Подобно этим лжепророкам действуют помыслы падшего человеческого естества, когда они не повинуются слову Божию, когда действуют из себя или под влиянием духов отверженных и лукавых. Представляют они возможность покаяния в старости или при конце жизни — удерживают этим во грехе. Указывают они на мно-

---

[1] *Пророки твои провещали тебе пустое и ложное* (Плач. 2. 14). ‖ [2] Плач. 2. 14.

жество грешащих и на ничтожное число воздерживающихся от грехов смертных — этим умаляют значение греха. Извиняют они жизнь сладострастную требованием естества, юностию, качеством телосложения — этим усиливаются облегчить тяжесть греха пред совестию грешащего. Ложно объясняют они и тайну милосердия Божия, и тайну покаяния — этим отвлекают от истинного покаяния, не допускают в отеческие объятия благости Божией. *От плод их познаете их,* сказал Спаситель мира о лжепророках: они приходят *в одеждах овчих,* в лицемерстве и ласкательстве, прикрывают этою личиною растление духа и злонамеренность. Плод Пророка Божия, помысла, внушенного Ангелом хранителем или родившегося в естестве, покорном слову Божию, — нравственное устройство и спасение человеков; плод лжепророка, помысла, возникшего под влиянием падения и духов лукавых, — нравственное расстройство и погибель человеков.

Самех

Бежал я из мира рано; бежал я из мира, только что узнал из Священного Писания и от учителей церковных об опасностях, которыми преисполнена жизнь посреди мира; удалился я в ограду монастырскую, не вкусив никакого наслаждения суетного и греховного; начаток дней моих и всех способностей принес я Богу; уповал я, что быстро перенесусь чрез поприще земной жизни, что не изменятся во мне ни образ мыслей, ни пламенное стремление. Боялся я оставаться среди мира; боялся я увязнуть в сетях греха; боялся быть обманутым и опутанным кознями его; боялся я соблазнов, как зверей хищных; как елень от псов, гонящихся за ним, летел я в обитель иноческую; в стенах и обетах иночества я надеялся наверно спасти душу мою. Что ж случилось, что последовало со мною? *Страх, егоже ужасахся, прииде ми, и егоже бояхся, срете мя*[1], объял меня на лоне пустынной жизни. Грех нашел скважину в стенах святой обители: в недро обители святой пустил стрелу злую, уязвил меня смертельно.

Аин

Когда какой-либо один смертный грех поразит душу человека, тогда все скопище грехов приступает к человеку, объявляет свое право на него. Ссылается и опирается это скопище на закон

[1] *...ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне* (Иов. 3. 25).

духовный[1]. По закону духовному, подчиняющийся произвольно одному виду греха вместе подчиняется невольно греху вообще, а потому и всем видам его. Находится между грехами, как и между добродетелями, естественная связь. Одна добродетель, совершаемая искренно, привлекает за собою в душу все добродетели; и смертный грех, когда осуществится исполнением его, вводит за собою в душу все греховные недуги. Совершилось это над праотцом нашим Адамом: он, по преступлении одной заповеди Божией, ощутил в себе внезапно действие всех страстей: и стыда, и лукавства, и гордости, и боязливости, и похотения плотского[2]. Совершается это над всеми чадами Адама, когда подвергнутся они грехопадению. Совершилось это и над тобою: *отверзоша на тя уста своя вси врази твои, позвиздаша и поскрежеташа зубы своими и реша: поглотим ю. Сей день, егоже чаяхом, обретохом его*[3].

Фи

Разрушение Иерусалима и плен народа израильского, оплакиваемые Пророком, изображают таинственно сокрушение души смертным грехом, после чего она подвергается преобладанию страстей и духов отверженных. Безрассудные поступки и беззакония иудеев, действовавших по свободному произволению, были причиною гражданского бедствия их; но Пророк приписывает бедствия Господу, попустившему бедствия. *Сотвори Господь,* говорит он, *яже помысли, сконча словеса Своя, яже заповеда от дней первых: разори и не пощаде, и возвесели о тебе врага, вознесе рог стужающаго ти*[4]. Злоключения иудеев были последствиями их произвольной деятельности. Подобное совершается с каждым человеком. Недуги тела человеческого суть естественные последствия повреждения естества грехом и злоупотребления телом: недуги души, ее расстройство, насилие над нею страстей суть естественные последствия того же повреждения естества грехом и жизни греховной. Таково постановление духовного закона, постановление, которым изображается во всем величии точность правды Божией. Созерцая этот чудный закон, недоумевая пред ним, Пророк приписывает Богу все

[1] Иак. 2. 10. || [2] Быт. 3. Грех Адама был грех смертный, по определению Самого Бога. Быт. 2. 17. || [3] *Разинули на тебя пасть свою все враги твои, свищут и скрежещут зубами, говорят: «поглотили мы его, только этого дня и ждали мы, дождались, увидели!»* (Плач. 2. 16). || [4] *Совершил Господь, что определил, исполнил слово Свое, изреченное в древние дни, разорил без пощады и дал врагу порадоваться над тобою, вознес рог неприятелей твоих* (Плач. 2. 17).

несчастия, постигшие иудеев, вследствие свободного произволения их и вследствие греховности, общей всему человечеству. Озаренный Свыше, Пророк не ищет защиты человеческой злосчастному народу своему, не призывает на помощь к нему царей сильных и богатых, не призывает других народов, многочисленных и воинственных, о пощаде не умоляет победителей, благосклонных к Пророку: в одиночестве, в пустыне, на развалинах и пепле Иерусалима он плачет пред Богом; он изливает пред Богом свою душу и свою молитву; надежда его — в Боге; избавления ожидает он от единого Бога; покоряется он благоговейно суду Божию.

Поведение Пророка — образец для нашего поведения. С самоотвержением прибегнем к Богу! сознаем, откроем, исповедуем пред Ним грехи наши; обнажим изъязвленную, покрытую струпами душу; восплачем о согрешениях наших и о греховности нашей. — Злоупотребляя свободою, мы можем заражать и убивать себя грехом; очищать человека от согрешений и исцелять от греховной заразы может *один Бог*[1].

Цади

В средство спасения Израилю, томящемуся под игом варваров, Пророк предлагает покаяние. Подвиг покаяния сосредоточивает он в плаче и слезах; *стены дщери Сиони*, говорит он, *да излиют, яко водотечь, слезы день и нощь*[2]. Стенами означаются сердечные чувства, которые окаменил смертный грех: такие чувства соделываются стеною, не допускающею слову Божию действовать на сердце[3]. Пророк призывает сердце к умилению. Отвергни поразившее тебя ожесточение, отвергни поразившую тебя мертвость, оживись; *возопи* плачем, возглаголи смиренною молитвою *ко Господу, не даждь покоя себе, и да не умолкнет зеница очию твоею*[4]. Эту зеницу принудь говорить; вложи в нее свойственное ей слово: слезы. Купель слезная дана для очищения грехов, соделанных после омовения в купели крещения. Погружай непрестанно в слезную купель все члены души твоей; омой в этой купели тело, оскверненное грехом. Отвергни плотское упокоение и плотские наслаждения: упокоения и наслаждений ищи в плаче. Тщательным, настойчивым покаянием подражай покаянию Давида, покаянию, увенчанному про-

---

[1] Мк. 2. 7. ‖ [2] *...лей ручьем слезы день и ночь* (Плач. 2. 18). ‖ [3] Это объяснение заимствовано из изречений преподобного Пимена Великого. Достопамятные сказания, гл. 54. ‖ [4] *...вопиет к Господу: ...не давай себе покоя, не спускай зениц очей твоих* (Плач. 2. 18).

щением греха и возвращенным даром Святого Духа. *Аще вниду в селение дому моего* — так изображает Давид тщательность и настойчивость покаяния своего — *или взыду на одр постели моея, аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима, дондеже обрящу* в душе моей *место Господеви, селение Богу Иаковлю*[1]. Чем удостоверюсь я в успехе покаяния моего? *В сем познах,* Господь мой, *яко восхотел мя еси, яко не возрадуется враг мой о мне*[2]: удостоверюсь в успехе покаяния моего, когда все помыслы и мечтания греховные, которыми знаменуется нашествие на меня врагов — демонов — останутся бесплодными и тщетными. Это может совершиться только тогда, когда Господь снидет в полк Израилев[3].

Коф

Стяжи постоянное трезвение, постоянное бодрствование над собою. Без строгой бдительности невозможно преуспеть ни в одной добродетели, сказал некоторый великий Отец[4]. Умоляй Бога, чтоб даровал тебе крепость и мудрость в борьбе с супостатами, невидимыми для чувственных очей; умоляй Бога, чтоб Он даровал тебе видеть врагов очами души, умом и сердцем; умоляй Бога, чтоб Он даровал тебе быстро усматривать татей и убийц, прежде нежели они вкрадутся в душу и засядут в ней. Умоляя Бога, и сам мужайся, и сам понуждайся быть осмотрительным и благоразумным; собственными усилиями доказывай твое произволение получить от Бога крепость и мудрость. Мудрость в борьбе с помыслами и мечтаниями бесовскими заключается в том, чтоб нисколько не беседовать с ними, когда они предстанут уму, нисколько не внимать им. Беседа с помыслами демонскими, рассматривание живописных мечтаний их обнаруживают в иноке не понимаемое им упóвание на собственные силы и разум, обнаруживают самонадеянность и самомнение, обнаруживают гордость, обнаруживают двоедушие, сочувствие греху, расположение к предательству. Словопрение с бесовскими помыслами и надежда победить их собственными усилиями и ухищрениями внушаются плотским мудрованием; внушаются они неведением духовного подвига; внушаются они коварными демонами, которые рассчитывают на верную победу, когда

---

[1] *«Не войду в шатер дома моего, не взойду на ложе мое; не дам сна очам моим и веждам моим дремания, доколе не найду места Господу, жилища Сильному Иакова»* (Пс. 131. 3–5). ‖ [2] Пс. 40. 12. ‖ [3] 2 Цар. 5. 24. ‖ [4] Преподобный Агафон. Патерик Скитский.

вовлекут подвижника в беседу с собою и словопрение. Как младенец слабосильный бежит в объятия матери, в них ищет спасения от всего, что устрашает его: так и инок, из среды невидимых искушений, когда окружат его адские псы и разбойники, должен устремляться всею душою к Богу, молить Его о избавлении от напасти, — должен искать спасения не в себе самом, а в единой молитве, в едином Боге[1].

Реш

Виждь, Господи, и призри, кого еси отребил сице? убиеши ли жреца и пророка?[2] Так взывал молитвенно святой Иеремия, указывая на развалины и пепел возлюбленного, избранного Богом города; так взывал святой Иеремия, указывая на народ, который, один из всех народов, именовался народом Божиим. В среде этого народа не прерывалось племя жрецов и священников истинного Бога; в среде этого народа являлись, как чудо, благодатные мужи, возвещали откровенное им слово Божие, обличали порок и нечестие, видели и предсказывали отдаленное будущее.

Молитвенный вопль да раздается о таинственном Иерусалиме, о таинственном жреце и пророке, о душе, сочетавшейся Христу, облекшейся во Христа, принявшей Христа в себя Святым Крещением. Вездесущий Господь присутствует повсюду, одинаково видит все и повсюду; но являет Себя разумным тварям, являет явлением, доступным для них, на небе. Он нисшел с неба на землю, не оставляя неба; вочеловечился на земле, не преставая пребывать на небе; Он восшел на небо принятым человечеством, повелел нам взывать к Нему на небо[3].

Господь, Господь наш! призри с неба Твоего, призри с престола неприступной славы Твоей, с престола, окруженного тысячами тысяч и тьмами тем Ангелов, призри на немощнейшее создание Твое, томящееся в земной юдоли, поверженное в немощь свою, в беспомощное бессилие свое, отравленное ядом греха, изъязвленное язвами бесчисленными, попираемое и терзаемое врагом неистовым и бесчеловечным, влачимое им к пропасти адской. Помяни великую милость Твою к человеческому роду! помяни совершенное Тобою искупление нас! помяни всесвятую кровь Твою, пролитую за нас! оцени эту цену, данную за нас, цену, превысшую всякой

[1] Святой Исаак Сирский. Слово 30. || [2] *Воззри, Господи, и посмотри: кому Ты сделал так, ...чтобы убиваемы были священник и пророк* (Плач. 2. 20). || [3] Мф. 6. 9.

цены! Помилуй падшего, простри в помощь ему Твою всесильную десницу! Поражен он поражением страшным; окован он оковами несокрушимыми; стонет он в плену и рабстве невыносимом; убит он вечною смертию. Господь всемогущий и всеблагий! един Ты можешь помочь падшему. Предашь ли конечной погибели того, кто с юности — в объятиях Святой Церкви и святой Обители, кто вскормлен Божественным словом, вспоен Божественными молитвословиями, песнопениями и славословиями! убьешь ли совершенным оставлением душу, отрекшуюся от служений и наслаждений мира для служения Тебе, презришь ли окончательно душу, обрекшуюся работать единому Тебе, восхотевшую соделаться Твоим градом, храмом, жертвенником, жрецом, жертвою?

Шин

Среди течения моего преткнулся я о грех! на пути моем к Богу встретило меня злоключение! я стремился к Богу всею душею, как вдруг ощутил страшную рану, увидел в груди, в сердце, стрелу. Стрелу пустил в меня враг, не примеченный мною благовременно. К Богу летели все желания мои; я жаждал единого Бога; я дышал Богом, предав глубокому забвению все земное, признав суетным, недостойным внимания все тленное и преходящее. Ныне, увы! я расслабел. Вожделения преступные вступили в мое сердце; помыслы и мечтания лютого соблазна овладели умом. Подстерегло мою жизнь внезапное падение.

Фав

В тот день, как заразился я страстным похотением, в тот самый день и час отступила от меня сила Всевышнего, доселе охранявшая меня. Я ощутил себя обнаженным, измененным. Густым мраком оделось все духовное существо мое; вступила в него пустота страшная, страшная, как смерть. И были этот мрак, эта пустота точно смертию, смертию духа человеческого. Умирает дух человеческий этою смертию, когда отступит от него Дух Божий. Смерть духа сообщилась телу; тело почувствовало эту смерть; оно приняло участие в смерти духа. Явились в теле беспорядочные движения, движения страстные, движения буйные; они были неизвестны телу девственному. В опустевший душевный храм ринулись многочисленною толпою враги с возжженными факелами в руках, растлили благолепие храма, наполнили храм вихрем, пламенем, дымом,

смрадом: разнообразными греховными стремлениями, которых я прежде не ведал; я не понимал даже, что они существуют, что могут существовать. Ощущения и мысли мои, доселе тонкие и легкие, внезапно сделались дебелыми, тяжелыми; пресмыкаются они, как гады, в прахе земном, в зловонии греховном. Опытно познал я, что весь человек соделывается плотию от действия в нем греха[1]. Опытно познал я, что в сердечный храм, оставленный Духом Божиим, входят лукавые духи, соделывают жизнь человека или смертию, не чувствующею себя, или непрерывающимся мученичеством[2]. Опытно познал я, что вкушение плода запрещенного, попущенное себе однажды, вводит зло в человека, отравляет человека, извращает свойства его, искажает самое существо, отнимает способность к наслаждению блаженством рая, вводит в состояние и настроение, противоположные состоянию и настроению небожителей[3]. Темница адская или преддверие этой темницы — страдальческая жизнь земная — делаются последствием самым логичным, последствием естественным воспрещенного, преступного, гордого и дерзкого вкушения.

Статья третья

Алеф

«Некогда праведный Иов[4] поражен был болезнию лютою, необычайною, врачам непонятною, врачевствам земным непокорною. Поразил его диавол, поразил гнойными струпами с головы до ног, поразил по попущению Божию. Не было места на теле без язвы: тело представляло собою одну сплошную язву. Прежде болезни расхитил сатана все богатое имущество Иова, убил смертию лютою всех детей его. Был прежде Иов царем, жил в палатах пышных, восседал на престоле светлом; болезнь и нищета отняли у него царское достоинство. Тяжкий смрад разлился вокруг его: бывшего царя вынесли за город. Не нашлось для него ни крова, ни ложа; ложем послужила груда сору и нечистот, выкинутых из города. За стенами и вратами городскими, под открытым небом, среди всех лишений, на гноище — так названо в Писании ложе Иова — он провел долгое время. Пришли к нему три друга его, цари стран соседних, пришли, чтоб посетить и утешить страдальца. Увидев его издалека, увидев покрытого язвами и струпами, увидев полуобнаженного,

[1] Быт. 6. 3. ‖ [2] Мф. 12. 45. ‖ [3] Быт. 3. ‖ [4] Иов. 2. 6–13; Плач. 3. 1.

поверженного, оставленного всеми, они не узнали его; они остановились в недоумении, не подходя к нему, — воскликнули громким и жалобным голосом, зарыдали, растерзали одежды на себе, посыпали персть на главы. Потом, подошедши к нему сели молча близ его. В продолжение семи дней они не могли промолвить ни одного слова: ни одного слова не сказал им и Иов. По миновании семи дней началась беседа глубокомысленная. Предметом беседы было изыскание причины, по которой попущено искушение беспримерное. Друзья Иова представляли в причину виновность его пред Богом; Иов, в опровержение им, живописно изобразил свою добродетельную, богоугодную жизнь, предшествовавшую искушению. Словопрение дивное и духовное решено явлением Господа Иову, решено откровением праведнику познания о непостижимости судеб Божиих, познания, которое прежде очищения великою скорбию пребывало для Иова недоступным. Получив откровение, он произнес к Богу молитву смиренномудрую, сказал в ней: *Вем, яко вся можеши, невозможно же Тебе ничтоже. Кто же возвестит ми, ихже не ведех, — велия и дивная, ихже не знах? Послушай же мене, Господи, да и аз возглаголю. Слухом уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя: темже укорих себе сам, и истаях, и мню себе землю и пепел*»[1]. Искушения были для праведника лествицею к высшему совершенству и добродетели: это совершенство состоит в совершенной покорности Богу. Совершенная покорность Богу приобретается человеком, когда человек взойдет на высшую степень богопознания и познания своего ничтожества.

Придите и ко мне, друзья мои! Посетите меня; утешьте меня. Не возгнушайтесь смрадом греховным, исходящим из язв моих, червями, кишащими из них; не возгнушайтесь моим безобразием и состоянием отвержения: восплачьте о мне. Не терзайте риз ваших — разделите со мною грусть мою. Не посыпайте пепла и персти на главы — обсудите мое положение судом здравым, судом, основанным на слове Божием. Подвергнут я тяжкой скорби не по той причине, по которой подвергнут был праведник: подвергнут он был для преуспеяния в добродетели, для приготовления к принятию обильных благодатных даров, — я подвергся за мое произвольное

[1] *Знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? — Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай,* **взывал я**, *и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов. 42. 2–6).

согрешение, за мое нерадение и легкомыслие. *Аз — муж видя нищету мою в жезле ярости Божией на мя. На мя обрати руку Свою весь день, обветши плоть мою и кожу мою, кости моя сокруши*[1]. *Достойное по делом моим приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем*[2]. Лежу я на гноище беззаконных дел, помышлений и чувствований: сам я поверг себя на это гноище. Ударяет меня непрестанно жезл наказания, ударяет день и ночь, не дает покоя: сам я призвал, направил на себя жезл жестокий. Изгнан я из рая невинности: сам вышел из него. Увлечен я по собственной вине моей из страны Обетованной, из страны служения Богу, в землю Вавилонскую, в землю служения идолам. Отяготилась на мне мышца Навуходоносора и воевод его каменносердечных: я, безумным поведением моим, привлек на себя грозного царя Вавилонского, его воинство свирепое; я сам устроил для себя плен позорный, порабощение тягостное. Вижу, что падения мои не прекращаются, — не вижу предела и конца им: возобладала надо мною страсть. Окружает меня со всех сторон уныние; оно закрывает от меня надежду спасения. Закрывается так солнце громовою черною тучею, когда туча, в жаркий летний день, обширною дугою, как бы объятиями, охватит окраины земли и неба. Отверзлось предо мною зрелище нищеты и немощи моей, моего ничтожества, которых я не понимал ясно и подробно, не знал доселе опытно; но боюсь отчаяния — погибели конечной. Боюсь, чтоб смерть не предстала мне неожиданно, внезапно, — не предварила моего исправления, не сделала исправления и спасения невозможными.

Беф

Пребываю в области вечной смерти, хотя я жив жизнию чувственною, вещественною. Такая жизнь — повод к величайшему плачу, не к радости. Она — хуже жизни бессловесных, живущих бессознательно и без цели. Жизнь мою я сознаю: сознаю, ясно понимаю и вижу, что жизнь эта есть вместе и смерть, что смерть развивается и развивается этою жизнию, что по окончании жизни должна наступить вечная смерть — жизнь бесконечная во аде. *Исчезе в болезни живот мой, и лета моя в воздыханиих*[3]: исчезло ощущение спасения; оно как бы потопилось в множестве беззаконий моих, в страданиях

[1] *Я человек, испытавший горе от жезла гнева Его. ...Он обратил на меня и весь день обращает руку Свою; изможди плоть мою и кожу мою, сокрушил кости мои* (Плач. 3. 1, 3, 4). ‖ [2] Лк. 23. 41, 42. ‖ [3] *Истощилась в печали жизнь моя и лета мои в стенаниях* (Пс. 30. 11).

и плаче, которые доселе не увенчаваются плодом вожделенным. *Исчезе крепость моя, и кости моя смятошася*[1]. *Смятошася кости моя, и душа моя смятеся зело*[2]. *Несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костех моих от лица грех моих*[3]. Плотию названо здесь жительство подвижника Божия; костями назван образ мыслей его, названы помышления, которые составляют деннонощное поучение его[4]. Телесный состав человека держится на костях: и жительство держится на образе мыслей; деятельность видимая и невидимая находится в полной зависимости от помышлений, которые ум усвоил себе, в которых он упражняется. От согрешения моего поколебался во мне самый образ мыслей, утратилось постоянство и согласие в помышлениях, утратилось направление святое: заменились они колебанием, разноречием, переменчивостию. От мятущихся непрестанно мыслей мятутся чувства, пришла в состояние смятения душа, возмущена, расстроена жизнь. Как наименовать мне состояние мое? умоисступлением ли? беснованием ли? И то и другое наименование — непогрешительны.

Гимель

Заключен я во *тьме кромешной*[5], и нет выхода из нее. Оковы мои постоянно приобретают и большую тяжесть, и большую твердость. Для заключенных во тьме, которую Евангелие отметило названием *кромешной*, нет Бога: узники, ввергнутые в страшную тьму, не ощущают присутствия Его. Они вопиют к Нему, — Он не внемлет им; молитва их постоянно пребывает неуслышанною, небрегомою, отверженною. Ни по какому признаку они не могут познавать существования Бога, как только по тому мучению, которому преданы за несоблюдение заповедей Божиих, которое предвозвещалось словом Божиим. Ношу в себе залог гнева Божия; ощущаю его; очевиден этот гнев для взоров ума моего. Тот, кто получил залог отвержения, залог осязательный, признает себя по необходимости осужденным в темницу преисподней, приговоренным к лютым казням адским; он как бы стоит в самых дверях ада, готовых раствориться ежечасно.

---

[1] *...изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли* (Пс. 30. 11). ‖ [2] *...кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена* (Пс. 6. 3, 4). ‖ [3] *Нет целого места в плоти моей от гнева Твоего; нет мира в костях моих от грехов моих* (Пс. 37. 4. ‖ [4] О таинственном значении костей смотри 97 ответ Варсонофия Великого. ‖ [5] Мф. 23. 12. Кромешная тьма есть состояние вне Бога, то есть неосененное благодатию Божией.

Далеф

В постигшем меня злоключении как обвиню врага моего и врага всех человеков? как обвиню всецело этот источник и начало всех согрешений человеческих? Действие врага очевидно; но ободрило его, воодушевило неистовою дерзостию мое произвольное отступление от заповеди Божией, произвольное послушание, оказанное внушению и совету демонскому. Укрепляет враг мое расслабление, мое коснение в жительстве порочном. Сковал меня грех мой: отнял силы, отнял свободу, лишил способности к движению духовному. *Не еже бо хощу, сие творю, но еже ненавижду, то содеваю*[1]. Служу целию неподвижною для стрел врага: ни одна стрела не пролетает мимо; каждая наносит глубокую язву. Служу посмешищем и игралищем для духа отверженного: вращает он мною по всезлобной прихоти своей. Он признает мою погибель верною, мою участь решенною, а меня своею добычею. «Умножилось, — восклицает и провозглашает он в радости бешеной, — родство адово новою жертвою; уменьшилось стадо Иисусово новою погибшею овцею». Изнеможение мое и страдание невыразимы словом: ясное понятие о них преподается одним горестным опытом.

Ге

Прекратилось мое духовное преуспеяние: превратилось оно в цепь преткновений. Ношусь по волнующемуся, пенящемуся, клокочущему морю страстей, потеряв из виду пристань вожделенного бесстрастия и святости боголюбезной; ношусь по обширному морю, не видя берегов, ношусь по воле буйных и порывистых ветров, которые подняли на море свирепую бурю. Дышат они со всех сторон, не умолкая, не утихая ниже на краткое время. Не имею силы принять направление, которое желалось бы принять; не имею силы в душе моей, не имею силы в теле моем: постоянно побеждаюсь превозмогающею меня силою греха. Лишь положу благое начало жительству добродетельному, с намерением последовать во всем Закону Божию, ни в чем не уклоняться от него; лишь вступлю в подвиг покаяния, в чтение Писаний, в ночные бдения, в моление прилежное с коленопреклонениями и слезами, приступает ко мне нагло какая-то неодолимая власть, ниспровергает начатое здание покаяния, раскидывает самые камни, положенные в основание зда-

[1] *Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю* (Рим. 7. 15).

нию. Средства, употребляемые этою властию, многочисленны: употребляет она в свое орудие и попечения суетные, давая им значение необходимости, и лютые соблазны, встреча с которыми соделывается неизбежною, и забвение, и разные недоумения, и изнеможение души, и самые телесные болезни. Вкушаю, постоянно вкушаю чашу вечной смерти. В ней смешаны разнообразные яды: печаль, уныние, сомнение, неверие, безнадежие, гнев, ропот, плотские вожделения, отсутствие сочувствия ко всему духовному, святому и прочие ощущения бесчисленных, убийственных страстей.

Вав

Отрече Господь *от мира душу мою: забых благоты и рех: погибе победа моя и надежда от Господа*[1], говорил Пророк от лица разоренного, запустевшего Иерусалима. О, какое верное изречение! Усвоилось мне состояние отвержения; я забыл о состоянии благоволения Божия о мне. Было некогда это состояние блаженное; давно, давно удалилось оно от меня. Изгладились во мне следы чудного спокойствия, в котором почивают все чувства души и тела, когда осенит их *мир Божий, превосходяй всяк ум*[2], и человеческий и ангельский. Как в зеркале тихих, прозрачных вод отражается синее, чистое небо с светилами его, так в душе, благоустроенной миром Божиим, отражается слово Божие с соответствующими этому слову чудными ощущениями. Слово Божие — свет: свет — и ощущения, возбуждаемые словом Божиим. Изгладились во мне следы такого состояния: оно не существует для меня — представляется не существовавшим никогда. Опустошение совершено одним ударом! совершено оно первым грехопадением. Блаженство мое исчезло мгновенно, как исчезает зеркальность вод от первого дуновения ветров. Погибла надежда моя! невольно восклицаю я. К горестному заключению приводит меня непрестающее побеждение грехом. Погибла победа и надежда моя! причина погибели — оставление Господом. Господь, един Господь доставляет, дарует победу избранным рабам и служителям Своим. В победе над грехом таинственно, существенно присутствует надежда спасения. Если б возвращено было мне торжество над сокрушающим меня грехом; если б я попрал его, как мерзость; если б он убежал от меня, скрылся в ту неведомую и темную

---

[1] *И удалился мир от души моей; я забыл о благоденствии, и сказал я: погибла сила моя и надежда моя на Господа* (Плач. 3. 17, 18). ‖ [2] *...мир Божий, который превыше всякого ума* (Флп. 4. 7).

область, из которой возник и вышел: возродилось бы во мне упование; оно низошло бы в меня с неба лучом радостным, животворным, Божественным.

Заин

Тужит во мне душа моя[1] от созерцания нищеты и бедствия моего, от горести, которою напаяваюсь непрестанно. Прихожу в ужас, когда вспомню, что душа должна непременно оставить временную жизнь и видимый мир, оставить все, что любила, чем услаждалась, к чему пристрастилась, чему принесла в жертву и жизнь и способности; она должна оставить тело, о котором столько заботится, которому столько снисходит и уступает в ущерб себе, в явную погибель себе и самому телу.

Покину все земное на земле, уходя с земли, — грехи мои, мои страсти пойдут со мною в обширную область вечности. Судия праведный! Великий Бог! как явлюсь пред лице Твое, одеянный в мерзостное рубище грехов и страстей? Что скажу в оправдание пред Тобою? Как скрою от Всеведущего и Всевидящего нечистоту и позор мой! Усмотрят и святые Ангелы, — с отвращением и сетованием отступят от меня. Усмотрят их мрачные демоны, — с торжеством, с ликованием приступят ко мне, возложат на меня злодейские руки, наругаются мне, овладеют насильно поработившимся произвольно, не допустят меня пред лице Божие, не допустят пред лице неба, увлекут в темную пропасть адскую...

Так размышляю — и содрогаюсь от размышления грозного. Трепещет душа, трепещет тело, трепещут кости и суставы, как они обыкновенно трепещут у обличенных преступников, приговоренных к казни, приведенных на место казни...

Бытие мое не прекращено! еще странствую на земной поверхности. Дано человекам это странствование, длится оно, чтоб каждый человек, в определенный ему срок, осмотрелся, принес покаяние в греховности и в согрешениях, доказал искренность покаяния оставлением греха и исправлением себя. Срок, данный мне, продолжается! поприще странствования, значительно пройденное, еще не истощилось до конца! *Сия положу в сердце моем, сего ради потерплю*[2].

---

[1] Плач. 3. 20. || [2] *Вот что я отвечаю сердцу моему и потому уповаю* (Плач. 3. 21).

Иф

Милость Господня не остави мене[1]. Доказательством служит то, что я еще не восхищен смертию. Дается мне время на покаяние. Доселе молитва моя пребывала бесплодною; по крайней мере, я не имею никакого извещения о действительности ее, никакого плода, который свидетельствовал бы об этой действительности. Но судия моей молитвы — не я; судия молитвы моей — Бог. Доселе я вдовствую по отношению к Божественной благодати, скрывающейся от меня, но присутствующей во мне, по святому учению христианства. Доселе сердце мое подобно вертепу, в котором витают разбойники и злодеи всякого рода. Доселе соперник мой свободно наносит мне тяжкие оскорбления и обиды, насмехается надо мною злобно, играет мною, как играет хищный зверь добычею, прежде нежели растерзает и пожрет ее. Доселе Господь долготерпит о мне, по слову Евангелия[2], не отмщает за меня, не обуздывает соперника, не укрощает волнующегося моря страстей, не вводит меня в пристань. Пристань эта — бесстрастие; пристань эта — совершенный страх Божий; пристань эта — смирение, чуждое превозношения и потому не имеющее возможности подвергнуться падению; пристань эта — любовь, которая, прилепившись к Богу, уже не отпадает от Него никогда. Пристань эта — на земле; пристань эта — пристань небесная: она принадлежит к будущей вечной жизни. Так вещественные пристани принадлежат вместе и морю, будучи заливами его, и тем городам, близ которых входят и углубляются в землю, служа безопасным убежищем для кораблей от ветров и волн моря. Вступивший в духовную пристань уже имеет *жительство на небеси*[3] помышлениями и ощущениями, хотя телом еще странствует на земле. Земля теряет в отношении к такому блаженному гостю своему ту силу притяжения, которою она привлекает к себе сынов мира, вовлекает их в свои недра, поглощает навсегда. Когда человек утратит сочувствие к земле, — земля утрачивает влияние на человека.

Созерцаю это, созерцаю в недосягаемой дали, на неприступной высоте; созерцаю верою. Я усвоился Богу Святым Крещением; на таинстве крещения зиждится таинство покаяния; покаянием возвращается усвоение Богу, даруемое *туне* крещением, утрачиваемое по крещении жизнию в области естества падшего. Родившийся и потом умерший может ожить при посредстве покаяния; не может оживотвориться покаянием тот, кто не вступил в бытие

[1] *...по милости Господа мы не исчезли* (Плач. 3. 22). ‖ [2] Лк. 18. 7. ‖ [3] Флп. 3. 20.

рождением. *Часть моя — Господь!* Соделался Он моею частию, моею принадлежностию. Совершилось это моею верою в Него! совершилось это крещением во имя Его! *Часть моя — Господь, рече душа моя: сего ради пожду Его*[1].

Теф

Благ Господь надеющимся Нань: души, ищущей Его благо есть, и надеющейся с молчанием спасения Божия. Благо есть мужу, егда возмет ярем в юности своей[2]. Утешение и наставление это произносит святой Иеремия после произнесенного им плача и сетования; произносит посреди плача и сетования. Произнесено и преподано утешение и наставление Святым Божиим Духом. Бесконечная благость Божия есть неотъемлемое свойство бесконечного в добре и совершенствах Бога; упование на эту благость — чувство вполне истинное, вполне спасительное; сомнение в ней — чувство ложное, пагубное.

Воин Христов! с юности вступил ты в воинство Христово. Жизнь, всецело посвященная упражнению в искусстве бранном, доставляет воинов испытанных; многие из них соделываются способными стать в главе полка, соделываются способными водить в боях и к победам братию свою новоначальную. За это вознеистовился на тебя, возненавидел тебя враг, враг Бога и враг человеков. Подстерег он тебя, нанес тебе тяжкую рану. Таково свойство брани. На брани этой не всегда воин Христов бывает победителем: на ней сменяются победы побеждениями и побеждения победами, *яко овогда сице, овогда инако поядает меч: укрепи брань твою на град, и раскопай и!*[3] Такими словами ободрял святой царь Израильский своего полководца, осаждавшего город иноплеменнический и потерпевшего под стенами города неудачу. Завещевается и повелевается таинственному вождю Израиля — уму подвижника, — завещевается Царем-Христом великодушие при переворотах военного счастия: завещевается и повелевается настойчивость в борьбе. *В терпении вашем стяжите души ваша*[4]: *претерпевый до конца, той спасется*[5]. Такая настойчивость свойственна душе, ищущей

---

[1] *Господь часть моя, говорит душа моя, итак, буду надеяться на Него* (Плач. 3. 24). || [2] *Благ Господь к надеющимся на Него, к душе, ищущей Его. Благо тому, кто терпеливо ожидает спасения от Господа. Благо человеку, когда он несет иго в юности своей* (Плач. 3. 25–27). || [3] *...ибо меч поядает иногда того, иногда сего; усиль войну твою против города и разрушь его* (2 Цар. 11. 25) || [4] Лк. 21. 19. || [5] *...претерпевший же до конца спасется* (Мф. 24. 13).

Бога искренно; такую настойчивость всегда увенчавает Бог успехом, — и часто нисходит от Бога к подвижнику Его торжество над грехом уже в конце поприща, на протяжении которого долго колебалось оно, склоняясь то на ту, то на другую сторону.

Колеблется торжество над грехом у всех человеков, колеблется в течение всей земной жизни их; колеблется оно у великих угодников Божиих; колеблется не одними грехами простительными, колеблется нередко грехами смертными. *Праведник едва спасется*[1], свидетельствует Писание; седмерицею падет праведный и восстанет[2] покаянием. Покаяние есть подвиг, есть жительство, преподанные и заповеданные Богом всему человечеству, без исключений. Признали нужду для себя в покаянии Пророки и Апостолы: признали они нужду в покаянии не только для очищения грехов своих простительных, но и для очищения грехов своих смертных; они признали необходимым, чтоб благость Божия простерла им руку помощи, извлекла их из пропасти погибельной. Воззрел Господь Божественным взглядом на падшего в богоотступничество Петра, и Петр, возбужденный, наставленный Божественным взглядом, опомнился, предался плачу покаяния[3]. По прошествии годичного времени от совершения двух страшных согрешений царем и пророком Давидом другой Пророк, посланный Богом, обличил нерадящего, уснувшего, омертвевшего духом Давида, привлек его к исповеданию греха и к плачу о грехе[4]. — Человечество само собою не могло бы прибегнуть к покаянию: оно призвано и призывается к нему бесконечною благостию Божиею.

Умолкни, умолкни! умолкни не только устами, умолкни умом и сердцем. Умолкни по чувству благоговения пред Богом и покорности пред Ним; умолкни по чувству сознания греховности своей. Все слова совокупи в слово сердечного плача и молитвы. Действуй молитвою, воодушевленною плачем. Такая молитва — пламенное оружие, попаляющее страсти, прогоняющее духов отверженных. *Терпя потерпех Господа,* говорит великий делатель покаяния, *и внят ми и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей и от брения тины, и постави на камени нозе мои и исправи стопы моя, и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему*[5].

---

[1] Пет. 4. 18. ‖ [2] Притч. 24. 16. ‖ [3] Лк. 22. 61. ‖ [4] 2 Цар. 12. 1–14. ‖ [5] *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои; и вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему* (Пс. 39. 2–4).

Иод

Сядет наедине и *умолкнет*[1], возбудивший в себе, падением в смертный грех, буйное действие и преобладание страстей и демонов. Ограждение себя безмолвием в уединении необходимо для падшего.

Посредством удаления в уединение прерывается общение с соблазнами, которыми преисполнен мир, изглаждаются из сердца впечатления, произведенные ими, изглаждается из памяти воспоминание о них. В безлюдной пустыне скончались и погребены воины из сонма израильтян, постоянно возмущавшиеся против Господа и увлекавшие в возмущение народ. Они вышли из Египта в составе шестисот тысяч мужей, способных владеть оружием, и все пали в пустыне, пораженные смертию от Господа[2]. Подобно этим воинам умирают в единении от действия благодати Божией страстные впечатления, приобретенные жизнию посреди соблазнов, впечатления, производящие внутреннюю брань, противодействующие Закону Божию, оскверняющие и разрушающие жительство богоугодное. Соблазны, когда немощный человек стоит пред ними лицом к лицу, убивают его вечною смертию и поддерживают в нем вечную смерть, питая непрестанно и возжигая страсти. Изображает зловредное влияние соблазнов Пророк, — говорит: *Вниде смерть сквозь окна ваша,* чрез ваши чувства, *и вниде в землю вашу,* в сердце, *погубити отрочата отвне и юноши от стогн*[3], добродетели новонасажденные, не успевшие возмужать и окрепнуть. Так вкралось смертоносное преступление заповеди Божией в душу праматери нашей, Евы: вкралось оно при пристальном воззрении ее на плод запрещенный[4]. Охраняя от подчинения влиянию соблазна, Бог воспретил не только вкушение плода, но и прикосновение к плоду[5]; Ева осязала плод сперва взорами, потом руками; за осязанием последовало несчастное вкушение. — Слабеет, уничтожается сила соблазнов, когда подвижник встанет вдали от них: не согревают лучи солнечные, не тают от них льды и снега, когда зимою удалится солнце от земли, когда лучи его лишь скользят по поверхности земной.

Уединение да совокупляется с безмолвием. Скуден плод уединения, произрастают на ниве его плевелы вместо пшеницы, если уединение не сопряжено с безмолвием, если внесется в уединение

[1] *...сидит уединенно и молчит* (Плач. 3. 28). ‖ [2] Чис. 14. 29, 30. ‖ [3] *Ибо смерть входит в наши окна, вторгается в чертоги наши, чтобы истребить детей с улицы, юношей с площадей* (Иер. 9. 21). ‖ [4] Быт. 3. 3. ‖ [5] Быт. 3. 3.

невидимая, душевная молва, производимая попечениями и пристрастиями мирскими. Истинное безмолвие состоит в отречении от мира и в самоотвержении, совершаемых в средоточии человека, в духе его. Истинное безмолвие состоит в полном оставлении упражнения в помышлениях о суетном, в устремлении всех помышлений в служение Богу. Вход в такое безмолвие устраивается при помощи веры. Попечения суетные, попечения многие заменяются единым попечением о покаянии и спасении. Стяжавший это исключительное попечение умерит и умерит даже душеспасительную беседу, даже беседу с единомудренными и единонравными друзьями, чтоб душа не расхищалась, чтоб постоянно углублялась она в самовоззрение. Постоянное самовоззрение вводит в непрерывающийся подвиг покаяния и плача.

Каф

Не во век отринет Господь: смиривый помилует по множеству милости Своей[1]. Причины действий всесовершенного Бога известны и могут быть известными вполне и с точностию единому Богу; человекам они известны настолько, насколько открывает их Бог. Открывает нам Бог цель Свою в тех попущениях, которым подвергается произвольно человек, имеющий свободную волю в избрании добра и зла, которые, однако ж, не могли бы совершиться, если б не были попущены самодержавною и всемогущею волею Бога. Цель Бога в наказательных попущениях — наше смирение. Без добродетели смирения не могут быть истинными и богоугодными все прочие добродетели. Чтоб мы усвоили себе смирение, попущаются нам различные напасти, напасти от демонов, от человеков, от многообразных лишений, от извращенного и отравленного грехом нашего естества. Бог *не отрине от сердца Своего*[2] служителей Своих, *не отрине* конечным отвержением за их недостаточное, испещренное погрешностями служение, за поползновения по увлечению, когда эти служители сохраняют в себе намерение богоугождения. Бог, попущением временным, *смири сыны мужеския*[3]. Сынами мужескими назвало Писание тех служителей Божиих, которые, ощущая в себе крепость, способности, совершая добродетели и подвиги, возлагают упование на них, на себя. Самонадеянность и самомнение всегда соединены с тонким, часто

[1] *...ибо не навек оставляет Господь. Но послал горе, и помилует по великой благости Своей* (Плач. 3. 31, 32). ‖ [2] *Ибо Он не по изволению сердца Своего* (Плач. 3. 33). ‖ [3] *...наказывает и огорчает сынов человеческих* (Плач. 3. 33).

непримечаемым, презрением ближних. Отвлекая от самомнения, самонадеянности, от уничижения и осуждения ближних, от состояния мужей к состоянию младенцев, Бог попускает рабам Своим познать опытно немощь и повреждение падением естества человеческого. Самонадеянность и самомнение столько чужды христианству, столько противны и враждебны Святому Духу, что Господь заповедал *обращение* из них наравне с обращением из идолопоклонства и из распутной жизни. *Аминь глаголю вам,* сказал Он, *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*[1].

Познание себя — драгоценное познание! Оно приводит к живому и обширному познанию Бога, приводит к верному и правильному управлению и распоряжению собою. Человек, познавший свое значение, усматривает и назначение свое. Назначение человека — быть сосудом и орудием Божества. Только при выполнении этого назначения добродетельное жительство может быть истинно добродетельным и богоугодным. Без него извращается вся деятельность человека, и человек, полагая делать обильное добро, действует по началам и в области падения, действует во вред себе, в свою погибель.

Бог, взирая с высоты Божеского совершенства на преткновения человеческие, попускает эти преткновения, попускает их как противоядие, которыми изгоняется самый смертоносный яд. Яд этот — гордость, самость. Ведая цель Божию в постигающих нас искушениях, присоединимся нашим направлением и деятельностию к цели Божией, окажем содействие ей: от всей души взыщем смирения. Смирением доставляется прощение во всех грехах и исцеление от всех страстей[2].

Ламед

Смиритеся под крепкую руку Божию, да вы вознесет во время[3]: так увещевает Апостол христиан, подвергающихся скорбям. Попускаются Богом искушения именно для того, *еже смирити под нозе Его вся узники земныя, еже уклонити суд мужа пред лицем Вышняго*[4]; попускаются искушения именно для того, чтоб каждый христианин, несмотря на добродетельную жизнь свою, несмотря на

[1] Мф. 18. 3. ‖ [2] Лествица. Слово 26. Святой Исаак Сирский. Слово 55. ‖ [3] *...смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время* (1 Пет. 5. 6). ‖ [4] *Но, когда попирают ногами своими всех узников земли, когда неправедно судят человека пред лицом Всевышнего* (Плач. 3. 34, 35).

заслуги, принесенные Церкви и человечеству, вступил в безусловную покорность Богу, отверг решительно мнение о своей праведности и все оправдания, удостоверился, что пред Богом *не оправдится всяк живый*[1], что величайший праведник спасается единственно милостию Божиею, что все человеки со всею справедливостию названы в Писании *узниками земными*. Мы — узники! Свергнутые с неба, низвергнутые из рая, мы пребываем на земле, как во внешней темнице[2]; наши узы — многочисленные немощи души и тела. Те из заключенных в темнице, которые сознают греховность свою, исповедуют и примут Искупителя, получают прощение, освобождение, небо и рай; нераскаянные грешники переводятся из внешней темницы во внутреннюю, из временной в вечную, в пропасть адскую. Искушения и скорби — суд Божий[3]. Поспешим оправдаться на этом суде отвержением оправданий, признанием себя достойными наказания, истинным покаянием. Суд этот установлен на земном странническом пути нашем с целию доставить нам оправдание на окончательном Суде Божием, на гранях времени и вечности. *Осудити человека, внегда судитися ему, не рече Господь*[4], говорит Пророк во вдохновенном, священном Плаче своем.

Мем

Что возропщет человек живущий, муж о гресе своем?[5] Ты впал в грех? не приходи от этого в уныние, в недоумение. Естество наше заражено грехом: уже естественно ему рождать из себя противоестественный грех. Так естественно недугу возбуждать свойственные ему влечения и требования в страждущем теле, зловредные для здравия телесного; так естественно земле, подвергшейся проклятию Творца, произрастать из себя плевелы. Никто не сеет плевелов: сами собою зачинаются и растут они; они — следствие и выражение болезненности, которою отравлена земля. В беззакониях зачатые, во грехах рожденные[6], мы уже естественно производим из себя грех; производим его не потому, чтоб он был естествен нашей природе, вышедшей из рук Творца непорочною, но потому, что он естествен недугу, заразившему природу. Опытный земледелец не предается унынию и малодушию, когда увидит, что нива его

[1] *...не оправдается ...ни один из живущих* (Пс. 142. 2). ‖ [2] О внутренней темнице, предполагающей, несомненно, внешнюю, говорится в Деяниях Апостольских, 16. 24. ‖ [3] 1 Пет. 4. 17. ‖ [4] *...когда притесняют человека в деле его: разве не видит Господь* (Плач. 3. 36). ‖ [5] *Зачем сетует человек живущий? всякий сетуй на грехи свои* (Плач. 3. 39). ‖ [6] Пс. 50. 7.

покрывается плевелами: с терпением, постоянством и трудом он исторгает и исторгает их. В свое время усилится пшеница, покроет землю густо, отвлечет все земные соки в себя, — и плевелы, которым не дано усилиться, ослабеют, по необходимости уступят доброму плоду. Подобным поведению земледельца в отношении к плевелам должно быть поведение подвижника в отношении к греху. Не будем унывать, удивляться, ужасаться, приходить в недоумение, видя возникающий в себе разнообразный грех, не сочтем это явление явлением странным: «от юности моея мнози борют мя страсти»[1], исповедует Святая Церковь от лица каждого из членов своих; до самой кончины человек подлежит влиянию греха. В постоянном бодрствовании над собою будем исторгать из себя самые первоначальные проявления греха в помыслах и ощущениях, не допуская им развиваться и усиливаться. Если же по нерадению нашему или по стечению непредвиденных и неотразимых обстоятельств случится совершить грех на самом деле, и тогда нет места для расслабления, безнадежия и отчаяния. Врачевство покаяния всемогуще, как врачевство, преподаемое всемогущим врачом — Богом. Исцеляет оно от всех грехов и от всех страстей. Пребывание в смертном грехе, пребывание в порабощении у страсти есть условие погибели вечной.

Нун

Тяжек подвиг против страсти; продолжительно и многотрудно целение ее покаянием. Вступить в этот подвиг — необходимо; необходимо подчиниться томительному целению: без них нет спасения. Всякая страсть есть преступная любовь, есть преступное усвоение какому-либо виду греха. Одни, свергшие с себя иго страстей, одни, покаявшиеся истинно, *враты внидут во град* святый, новый Иерусалим, в Иерусалим Небесный; *вне же — пси и чародее, любодее и убийцы, и идолослужителе и всяк любяй и творяй лжу*[2]; вне этого города — всякий, связанный страстями, не исцеливший любви своей. Там нет места для иной любви, кроме любви, заповеданной Богом; там нет места для иной любви, кроме любви Божественной. Иная любовь не может жить в прохладном, духовном, блаженном пламени и свете райском: ей свойствен и ей уготован иной пламень, пламень мрачный, пламень жгущий, но не сожигающий, пламень ада.

[1] Гласа 4 антифон 1. || [2] *...войти в город воротами. А вне — псы и чародеи, и любодеи, и всякий любящий и делающий неправду* (Откр. 22. 14, 15).

В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от неяже взят еси. Проклята земля в делех твоих: в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву селную[1]. Таково определение, произнесенное Богом над падшим человеком. Не престает исполняться оно по вселенной видимой; не престает исполняться оно и таинственно в душе каждого служителя Божия. Вместо райского наслаждения предоставлено ему поприще покаяния; землею изображен весь человек, преимущественно же его сердце; терниями и волчцами — страсти; печалию назван плач со всеми отраслями его и начальными причинами; хлебом — спасение. Хлеб этот добывается в поте лица, то есть с великим трудом душевным и телесным, при многочисленных скорбях и лишениях. Подвиг покаяния и борьбы со страстями предначертан пожизненный.

Изыскася путь наш, и испытася[2]: воззрел Бог на жительство наше, подверг его рассмотрению. Оно оказалось недостаточным. *Мы согрешихом и нечествовахом, сего ради не помиловал еси* нас[3], Господь наш: Ты предал нас чистительному огню покаяния; Ты устроил наше наружное положение так, чтоб оно способствовало нам принести удовлетворительное, полновесное покаяние; наружное положение это подобно тяжелому гнету, давлением которого извлекается приятнейший сок из зрелых ягод благовонного винограда. *Обратимся ко Господу! воздвигнем сердца наша с руками к Богу высокому на небеси*[4]: принесем *покаяние всецелое*. Чтоб оно получило это достоинство, — необходимо соединить плач сердца и молитву сердца с соответствующим телесным подвигом, с соответствующими лишениями телесными: невозможно покаяние в недре наслаждения, расслабления, излишеств. Подвиг и лишения телесные названы в Писании руками.

Самех

Аз есмь воскресение и живот, сказал Господь: *веруяй в Мя, аще и умрет*, убитый грехом смертным, но *оживет*[5], действием Моим, которое есть действие Жизни. Верующему во Христа невозможно

[1] *...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят... проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою* (Быт. 3. 19, 17, 18). ‖ [2] *Испытаем и исследуем пути свои* (Плач. 3. 40). ‖ [3] *...мы отпали и упорствовали; Ты не пощадил* (Плач. 3. 42). ‖ [4] *Вознесем сердце наше и руки к Богу, **сущему** на небесах* (Плач. 3. 41). ‖ [5] *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11. 25).

умереть; верующему во Христа невозможно умереть вечною смертию иначе, как отречением от Христа. Отречение от Христа совершается исповедию отречения устами, за чем непременно и немедленно следует отречение сердцем и всем существом; совершается отречение от Христа жительством, намеренно противоположным завещанию Христа; совершается оно отчаянием, которое есть отвержение веры во Христа. *Се, Аз, глаголет Господь, отверзу гробы ваша и изведу вас от гробов ваших, людие Мои, и введу вас в землю Израилеву. И увесте, яко Аз есм Господь, внегда отверсти Ми гробы ваша, еже возвести Ми вас от гробов ваших, людие Мои: и дам Дух Мой в вас, и живи будете, и поставлю вас на земли вашей, и увесте, яко Аз Господь: глаголах, и сотворю*[1]. *И дам вам сердце ново и дух нов дам вам, и отыму сердце каменное от плоти вашея и дам вам сердце плотяно, и Дух Мой дам в вас, и сотворю, да в заповедех Моих ходите, и суды Моя сохраните*[2]. *Не вам Аз творю, доме Израилев, но имене Моего ради святаго, егоже оскверністе во языцех, и освящу имя Мое великое*[3].

Что может быть тверже, радостнее этого обетования? уже одно обетование, дышащее силою сверхъестественною, доставляет предвкушение оживления. Если б мы воскресали из смерти греховной собственною нашею силою, — справедливым было бы безнадежие падшего в смертный грех, умерщвленного смертным грехом. Возвращает нам бытие благодатное наш всемогущий Творец, даровавший нам при сотворении, вместе с бытием естественным, бытие благодатное. Когда Он созидал нас из ничего, — мы не могли предварить создание никаким даром, никаким выражением свободной воли. Бытие благодатное утрачено нами произвольно; при бедственной утрате бытие естественное извратилось в неумирающую смерть: пред возвращением бытия благодатного требуется от нас правдою Божиею выражение нашей свободной воли. Выражается произволение человека воскреснуть в жизнь благодатную искренним покаянием.

---

[1] *...так говорит Господь Бог: вот, Я открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и введу вас в землю Израилеву. И узнаете, что Я Господь, когда открою гробы ваши и выведу вас, народ Мой, из гробов ваших и вложу в вас дух Мой, и оживете, и помещу вас на земле вашей, и узнаете, что Я, Господь, сказал это — и сделал* (Иез. 37. 12–14). ‖ [2] *И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять* (Иез. 36. 26, 27). ‖ [3] *...не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего, которое вы обесславили у народов... И освящу великое имя Мое* (Иез. 36. 22, 23).

Покаяние, будучи выражением человеческого произволения, вместе и по преимуществу есть выражение воли Божией. Покаяние — отнюдь не человеческое изобретение; покаяние — дар Божий человечеству. Дана человеку всеблагим и премудрым Богом естественная способность к покаянию: эта естественная способность возбуждается Богом и, вступив в повиновение Богу, осеняется Божественною благодатию; естественное действие претворяется в благодатное, и *Сам Дух* Божий *ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными*[1]. Покаяние проведуется всем Священным Писанием: возвещается оно Ветхим Заветом; преподается Евангелием во всей полноте, во всем неограниченном обилии. Сыны дома Израилева говорили в недоумении: *прелести наша и беззакония наша в нас суть, и мы в них таем, и како нам живым быти?*[2] На эти слова Господь повелел Пророку Своему дать такой ответ: *Рцы им: живу Аз,* источник жизни, *глаголет Адонаи Господь, не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему. Обращением обратитесь,* решительным обращением обратитесь *от пути вашего злаго. Вскую умираете, доме Израилев?* зачем вы умираете произвольно вечною смертию, отвергая покаяние? *Егда реку нечестивому: смертию умреши: и обратится от греха своего и сотворит суд и правду, и беззаконник в заповедех жизни ходити будет, еже не сотворити неправды, жизнию жив будет и не умрет: вси греси его, яже согреши, не помянутся: понеже суд и правду сотвори, жив будет в них*[3]. Покаяние дано для очищения от всех грехов, без исключений; но оно тогда только принимается Богом, тогда только оказывает спасительное действие, когда грехи и греховная жизнь оставятся, заменятся жизнию богоугодною. — Начальная проповедь Евангелия была проповедь о покаянии. Возвещена проповедь и святым Предтечею Спасителя, и Самим Спасителем-Богочеловеком, и Апостолами Спасителя. Возвещена проповедь о покаянии; заповедано Церкви отпущать все грехи по увлечению, сколько бы раз ни повторялись они[4]; дается

---

[1] *...сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными* (Рим. 8. 26). ‖ [2] *...преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаеваем в них: как же можем мы жить?* (Иез. 33. 10). ‖ [3] *Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам, дом Израилев? А когда скажу беззаконнику: «ты смертью умрешь», и он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду ...беззаконник ... будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, — то он будет жив, не умрет. Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив* (Иез. 33. 11, 14–16). ‖ [4] Мф. 18. 22.

прощение в греховной жизни и в смертных грехах с условием оставления их[1]; объявлено, что грех пребывает обладателем тех человеков, которые по наружности представляются праведными, но отвергли врачевание себя покаянием[2]. Одно покаяние образует праведников, угодных Богу; только при посредстве покаяния можно принять Евангелие, усвоиться Евангелию. *Покайтеся, и веруйте во Евангелие*[3], говорит нам Господь наш, Иисус Христос. Покаяние требует содействия воли человеческой воле Божией; воскресение из смерти греховной есть действие единой воли Божией: этим действием воли Божией изливается благоволение Божие на человеков, действовавших по указанию воли Божией, подклонившихся благому и спасительному игу покаяния.

Окажем повиновение призванию Божию! поверим обетованию Божию! исполним долг наш, долг рабов и созданий, в отношении к Богу, — и Он, *верный Бог*[4], непременно исполнит по отношению к нам великое обетование Свое[5]. Что отвлекает нас от истинного решительного покаяния? Неверие наше. От неверия рождается двоедушие; от двоедушия — слабость, безуспешность в деле Божием. *Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять управлен есть в Царствие Божие*[6]. *Сумняйся уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Муж двоедушен, неустроен во всех путех своих: да не мнит бо человек он, яко получит что от Бога*[7]. Отвергнем неверие, уверуем во Евангелие, явим веру от дел[8]: покаемся.

Аин

Времена и лета положи Отец Небесный, Бог наш, *во Своей власти. Несть ваше,* — отвечал Господь на вопрос Апостолов, любопытствовавших узнать время устроения царства *Израилева, — несть ваше разумети времена и лета.* Времена и лета *Отец положи во Своей власти*[9]. Сокрыт от познания человеческого срок жизни мира видимого, день и час превращения его; сокрыт от каждого человека срок земного странствования его, день и час переселения его в загробную область; сокрыт от каждого кающегося срок пока-

[1] Ин. 5. 14; 8. 11. ‖ [2] Ин. 9. 41. ‖ [3] Мк. 1. 15. ‖ [4] 1 Кор. 10. 13. ‖ [5] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, глава 8. ‖ [6] *...никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9. 62). ‖ [7] *...сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа* (Иак. 1. 6, 8, 7). ‖ [8] Иак. 2. 18. ‖ [9] *...не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? ...не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1. 6, 7).

яния его, день и час, в которые покаяние увенчается извещением об окончательном отпущении грехов, увенчается ясным для сердечного ощущения разрешением от уз греховных, от страстей, увенчается ясным для всего существа человеческого осенением благодати Божией. Благодать Божия, осенив кающегося, разрушает в нем царство греха, водворяет Царство Божие, соделывается достоверным залогом на получение вечных благ. Залог, будучи обручением блаженства, и сам — блаженство.

Срок покаяния каждому кающемуся назначается Богом по всесвятому, недоведомому суду Его. Срок этот длился для некоторых многие годы, — для некоторых немногие часы. Одни понесли *тяготу дне и вар*[1], — другие потрудились в вертограде Сына Божия самое краткое время.

Живописно изображен продолжительный срок покаяния прообразовательными тенями Ветхого Завета: изображен он порабощением израильтян во Египте в течение четырех столетий; изображен он пленом их в Вавилоне в течение семидесяти лет. Порабощением во Египте знаменуется состояние христианина, предназначенного в служение Богу, но удерживаемого миром в служении миру; пленом в Вавилоне знаменуется вразумляющее наказание за грехи, соделанные в жизни, уже посвященной богослужению. Когда израильтяне выходили из Египта, — они, по повелению Божию, выпросили у египтян множество золота и серебра: подобно этому служитель Божий, постепенно выходя из жизни по плоти, выносит драгоценное, опытное познание о значении мира, о падении человека, о действии в нем греха, о влиянии на него духов отверженных. Повелением Божиим, данным израильтянам, знаменуется премудрое смотрение Божие, по которому самое зло споспешествует добру в отношении к христианам, имеющим целию благоугождение Богу.

Грех ради ваших, *имиже согрешисте пред Богом, отведетеся в Вавилон пленени*[2], писал Пророк по повелению Божию и от лица Божия к иудеям, которых переселял Навуходоносор, царь Вавилонский, из Иерусалима в Вавилон. *Вшедше убо в Вавилон, будете тамо лета многа и время долго, до седми родов: потом же изведу вас оттуду с миром. Ангел бо Мой с вами есть, сей взыскует душ ваших*[3].

---

[1] *...тягость дня и зной* (Мф. 20. 12). ‖ [2] *За грехи, которыми вы согрешили пред Богом, будете отведены пленниками в Вавилон...* (Посл. Иер., стих 2). ‖ [3] *Войдя в Вавилон, вы пробудете там многие годы и долгое время, даже до семи родов; после же сего Я выведу вас оттуда с миром* (Посл. Иер., стих 3). *Ибо Ангел Мой с вами, и он защитник душ ваших* (Посл. Иер., стих 6).

В то время, когда подвижник оставлен по видимому Богом; в то время, когда по видимому Бог *покрылся облаком, да недойдет* к Нему *молитва*[1] бедствующего Израиля; в то время, когда, по наружности, Израиль поражен слепотою, отринут, повергнут *в среду людей*[2], то есть страстей и демонов: в это время попущения и наказания, благодать Божия, скрывая свое действие, не прекращает действия. Она доставляет служителю Божию существенное преуспеяние. Не примечая преуспеяния, особливо в начале, борясь с волнами и вихрями моря сердечного, находясь ежечасно в опасности погибнуть в кипящей пучине, служитель Божий изощряет силы, научается искусству борьбы с грехом, нисходит в глубину смирения, там обретает сокровище духовного разума и ощущения, духовным разумом и ощущением возносится на небо.

Рабы Божии! не унывайте, не расслабляйтесь в подвиге благочестивом. *Сорадите храмины* в стране пленения вашего, *и вселитеся, и насадите винограды и ядите плоды их, и поймите жены и чадотворите сыны и дщери, и приведите сыном вашим жены и дщери вашя дадите за мужи, и да рождают сыны и дщери, и умножайтеся, а не умаляйтеся*[3]. *Страждущии по воле Божией, яко верну Зиждителю, да предадят души своя во благотворении*[4]. Рабы Божии! во время попущаемых вам напастей, извне от человеков, внутри от возмущения страстей, предавайтесь воле Божией, укрепляйтесь, окрыляйтесь верою в Бога. В это блаженное время прилагайте особенное тщание о совершении всех боголюбезных добродетелей. Возделанная железными орудиями и удобренная согнившими веществами земля особенно способна к плодородию: так и сердце, возделанное скорбями, напоенное уничижением, особенно способно к возвышеннейшей добродетели. Время напастей есть время преимущественного памятования о нас Бога; время напастей есть то время, в которое Бог зиждет души наши. Блажен не только тот, кто безвинно подвергается искушениям[5]; блажен и тот, кого Господь наказует за грехи и вытесняет скорбями с широкого пути на путь заповедей Божиих[6].

Открывает нам эти глубокие, утешительнейшие тайны Божия смотрения о нас Боговдохновенное Священное Писание.

---

[1] *...закрыл Себя облаком, чтобы не доходила молитва наша* (Плач. 3. 44). ‖ [2] Плач. 3. 45. ‖ [3] *...стройте домы и живите **в них**, и разводите сады и ешьте плоды их; берите жен и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьям своим берите жен и дочерей своих отдавайте в замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь там, а не умаляйтесь* (Иер. 29. 5, 6). ‖ [4] *...страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро* (1 Пет. 4. 19). ‖ [5] 1 Пет. 2. 20. ‖ [6] Пс. 68. 12.

Фи

Когда вышли израильтяне из Египта, — они направились к берегам Чермного моря, к обширной пустыне Аравийской. Фараон, царь Египетский, раскаявшись, что отпустил израильтян и желая возвратить их в Египет и порабощение, погнался за ними, настиг их у моря. Но Бог устроил для израильтян путь посреди моря, а фараона с многочисленным войском его потопил в море[1]. Израильтяне вступили в пустыню. Там встретили их различные лишения и напасти, которые должно было преодолевать верою, потому что преодолевала их единственно сила Божия; там, на горе Синайской, Бог дал им законы и уставы для жизни гражданской и частной. При подошве этой горы разбойническое племя Амаликов вознамерилось преградить народу избранному путь в землю Обетованную[2].

Между Египтом и Палестиною лежит обширная пустыня, по которой скитаются кочевые семьи Измаила. Бог не избрал пути кратчайшего по этой пустыне для Своего народа, — повел его путем дальным, путем трудным, назначил ему долговременное странствование по пустыне. Нужна жизнь в пустыне, чтоб изгладилась из памяти жизнь в Египте, чтоб изгладились из сердца навыки Египта, чтоб не внести в землю Обетованную этих навыков, несродных жителям земли Обетованной. Погоня фараона за Израилем знаменует пристрастие человека, оставившего мир: эти пристрастия усиливаются возвратить в мир того, кто недавно оставил его. Лишения и скорби, встретившие израильтян в пустыне, изображают собою те лишения и скорби, которыми преисполнена жизнь подвижническая. В этой жизни деятельно преподается Богом закон Его истинному подвижнику, переносится из книги в душу. В пустыне подвижник научается тому поведению, тем обычаям, при которых можно хранить Закон Божий ненарушимо. Первый враждебный народ, встретивший неприязненно израильтян и покусившийся не допустить их в данное Богом наследие, были дикие сыны Амалика. Под именем Амаликов Отцы разумеют помыслы, мечтания, ощущения плотские. Сластолюбие и сладострастие первоначально выступают на брань против воина Христова, вновь вписавшегося в полк иноческий. Израиль встретил Амалика избранными воинами своими под предводительством Иисуса, а Моисей, правитель всего Израильского народа, в сопровождении первосвященника Аарона и Ора, супруга пророчицы, сестры и правителя и первосвя-

[1] Исх. 14. 5–30. || [2] Исх. 17. 8–16.

щенника, взошел на вершину горы, на вершину высокого Хорива, чтоб действовать молитвою на Израиля, который сражался под стопами Хорива. Когда Моисей воздевал руки горе, — одолевал Израиль; когда же, уставая, он опускал их, — начинал одолевать Амалик. Заметив это, Аарон и Ор поддерживали руки Моисея постоянно воздетыми, — и к закату солнца Иисус одолел Амалика, произвел в расстроившихся толпах его страшное кровопролитие. Крестообразное, усиленное простертие рук Моисея изображает, что для побеждения плотских похотений необходимо распятие плоти. Распятие плоти сопрягается с кровопролитием: потому что не только плоть, но и кровь не способна наследовать Царства Божия[1]. Распятие и кровопролитие совершаются новоначальным иноком при помощи церковных таинств, при помощи тщательной исповеди всех греховных проявлений, при помощи церковных и келейных молитвословий, как бы при помощи первосвященника Аарона; совершаются они при помощи поста, бдений, коленопреклонений и прочих благочестивых трудов, как бы при помощи Ора, родственного Моисею и Аарону, супруга пророчицы Божией.

Подражая боговдохновенному правителю израильтян, устроившему после победы над Амаликом алтарь и принесшему жертву Господу, созижди таинственный алтарь, говорят Отцы[2], в душе твоей: приноси на нем постоянную жертву славословия и молитвы. Познай, что *Господь прибежище* твое, что Он *рукою тайною ратует на Амалика от рода в род*[3]. Твой подвиг — необходим. Твой подвиг — деятельное выражение твоего произволения. Но поражение Амалика и всех прочих племен иноплеменнических совершается единственно силою Царя царей — Бога. Он дарует спасение тем человекам, которые искренно желают получить спасение.

Цади

Томилась под игом неплодства в течение всей жизни праведная Сарра, супруга великого праведника, патриарха Авраама; не разрешалось неплодство Сарры, несмотря на повторяемые обетования Божии даровать Аврааму многочисленное потомство. Уже состарелась святая жена; уже умерла в ней способность к чадородию: в это время обетование снова объявлено с особенною ясностию и с назначением годичного срока, в исходе которого долженство-

[1] 1 Кор. 15. 50. || [2] Преподобный Иоанн Карпафийский, гл. 5. || [3] ...*рука на престоле Господа: брань у Господа против Амалика из рода в род* (Исх. 17. 15, 16).

вал быть у Сарры сын. Обетование произнес Сам Господь, явившись Аврааму и Сарре у дуба Мамврийского, где раскинута была их куща, явившись в образе человека, в сопровождении двух Ангелов, которых вид был вид мужей. Столько несбыточным показалось Сарре обетование, что она, услышав его, рассмеялась. Господь обличил Сарру и подтвердил обетование: в основательность и достоверность обетования Он указал на всемогущество слова Божия. У святой Сарры родился святой сын, Исаак. В радости говорила Сарра: *смех мне сотвори Господь: иже бо аще услышит, обрадуется со мною. Кто возвестит Аврааму, яко млеком питает отроча Сарра, яко родих сына в старости моей*[1].

Таинственно изображается Саррою душа, всегда верная Закону Божию. И для такой души необходим подвиг покаяния по причине греховности, которою заражено все человечество; и такая душа часто томится в течение продолжительного времени, боримая страстями, предаваемая недоумению и неизвестности о милости Божией к себе, о спасении своем; и такая душа оставляется надолго пред заключенными дверями в чертог бесстрастия и святости[2]. Тщетно молится она пред ними, тщетно плачет, тщетно стучится в них, как бы руками, различными подвигами и добродетелями. Уже овладевает ею безнадежие; уже видит она в себе окончательное истощение и способностей и жизни; уже признает состояние благодатное не своим уделом, и тогда, внезапно, отверзаются двери чертога. Жених-Христос является в неизреченной славе, в неизреченном свете Божества, принимает в объятия невесту-душу, душу, истомившуюся страданиями подвижничества, доказавшую постоянством и долготерпением верность. Тогда отбегает, исчезает плач; глубоко забываются воздыхания и прочие виды выражения печали: душа утопает в бесконечном Божестве, утопает в бесконечном блаженстве. Вкусив сверхъестественную жизнь, она как бы утрачивает свою, утрачивает ту жизнь, которая вместе и смерть: не преставая существовать, начинает жить жизнию иною, новою, жизнию без меры обильною и всеобъемлющею; состарившись и измучившись в неплодстве, потом родив, сверх чаяния, духовный плод, она говорит, подобно Сарре: «*Смех сотвори мне Господь*, то есть даровал неожиданную, неотъемлемую радость — обручение вечной радости. Обновилась, *яко орля, юность*[3] моя, изветшавшая в гре-

[1] *...смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется... кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью? ибо в старости его я родила сына* (Быт. 21. 6, 7). ‖ [2] Мф. 25. 5. ‖ [3] Пс. 102. 5.

хах и страстях. Плоть моя, как плоть Неемана Сирианина, соделалась подобною плоти младенцев после того, как я погрузился во Иордан Божественной благодати[1]. Ум мой получил самостоятельность: не увлекается он многоразличными обольщениями злохитрой и суетной злобы: усвоился он Богу, прилепился к Богу, углубился в Бога и пребывает неотлучно в Боге»[2]. Ты спросишь: каким образом совершается дивное изменение? На этот вопрос святые Отцы наставляют отвечать так: «Сказано в Писании: *Дух Святый найдет на тя, и сила Вышняго осенит тя*[3]. Где пришествие Духа, там не ищи естественного порядка и закона. Всесилен поклоняемый Святой Дух, и не удивись, если Он осуществляет в тебе несуществовавшее, если Он соделывает победителем ум, доселе побеждавшийся. *Свыше грядый* Утешитель *над всеми есть*[4]. Он поставляет тебя владыкою над естественными движениями и бесовскими наветами»[5].

«Если просишь у Бога молитвою чего-либо, и Он медлит, не исполняя прошения твоего, — не скорби об этом: ты — не умнее Бога. Так делается или потому, что настроение сердца твоего не соответствует прошению твоему, или потому, что ты не достиг надлежащей меры для принятия дара. Нам не должно стремиться в великие меры преждевременно, чтоб не злоупотребить даром Божиим, как полученным скоро. Все, полученное легко, легко и теряется; все, приобретаемое с болезнию сердца, хранится тщательно[6]. По этой причине Бог сперва подвергает искушениям и томлению, а потом уже ниспосылает дар. Слава Господу, доставляющему нам наслаждение здравия крепкими врачествами!»[7]

Коф

Спасительно для нас, убийственно для греха — воспоминание о смерти, рожденной грехом. Воспоминание это действует и против согрешений, и против греховных недугов: оно останавливает от впадения в явный грех каким-либо противозаконным поступком; оно, притупляя жало страстей, расстроивая обольстительные мечты, рисуемые страстями, обуздывает грех, тайно живущий в душе. Воспоминание это охраняет духовный подвиг наш от высокоумия и превозношения, к которым так склонен падший человек, в которые

[1] 4 Цар. 5. 1–14. || [2] Преподобный Иоанн Карпафийский, гл. 37. || [3] Лк. 1. 35. || [4] *Приходящий свыше и есть выше всех* (Ин. 3. 31). || [5] Преподобный Иоанн Карпафийский, гл. 81. Добротолюбие. Ч. 4. || [6] Святой Исаак Сирский. Слово 5. || [7] Святой Исаак Сирский. Слово 37.

удобно впадает он даже по причине благодатных даров; воспоминание это содержит постоянно душу в боголюбезной печали, озабочивает ее неминуемым Судом Божиим, озабочивает ее множеством грехов, соделанных на поприще земной жизни в ведении и неведении; воспоминание это охлаждает ко всем суетным занятиям преходящего мира, поощряет ко всем благочестивым упражнениям, которыми приготовляется и устраивается блаженство в вечности. При наступлении ночи оно говорит: «Не спеши предаться сну: успеешь пресытиться им в гробе. Пролей теплейшие молитвы и теплейшие слезы пред Богом: постарайся преклонить Бога на милость к тебе смиренными молитвами, многими коленопреклонениями, обильными слезами; постарайся облегчить искренним покаянием бремя грехов, тяготеющее на раменах твоих. Вполне неизвестно, будет ли принадлежать тебе день, который настанет после этой ночи. Может быть, в эту ночь подкрадется неожиданно смерть к одру твоему, восхитит тебя внезапно, как восхитила она многих. Преселяет она человеков в страну дальную, в другой мир. Там и покаяние, и плач, и молитвы, и сердечная болезнь не приносят уже никакой пользы: бесплодно сопровождается ими мука вечная». При наступлении дня воспоминание о смерти опять предстает делателю, предлагает вниманию его изречение Писания: *Не отрецыся благотворити требующему, егда имать рука твоя помогати.* Из числа требующих никак не исключи себя: нуждаешься во многом, преимущественно же в покаянии. *Не рцы* пришедшему к тебе помыслу покаяния: *отшед возвратися, и заутра дам, сильну ти сущу благотворити: не веси бо, что породит находящий день*[1]. Торопит воспоминание о смерти совершать без опущения все заповеди Божии: потому что скрыта от нас мера земного поприща нашего; потерянное время — невозвратимо; утраченного доброго дела, утраченного подвига утрачено и мздовоздаяние.

Скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть[2]. Скажи, объясни мне, каким измерением, каким исчислением Ты отмериваешь, вычисляешь, определяешь жизнь мою? Желал бы я предузнать кончину мою, чтоб извлечь из пребывания в этом мире, из странствования по этой обольстительной пустыне всевозможную пользу для себя, не растратив напрасно, или в ущерб мне, ни одного дня, ни одного часа. — Мера жизни человеческой на земле

[1] *Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори... «пойди и приди опять, и завтра я дам», когда ты имеешь при себе. [Ибо ты не знаешь, что родит грядущий день.]* (Притч. 3. 27, 28). ‖ [2] Пс. 38. 4, 5.

и число дней его есть кратковременность, есть быстрейшее мгновение, есть черта, неприметная на необъятных скрижалях вечности. Тот получил точное сведение о кончине своей, кто ожидает этой кончины на всякий день, на всякий час. Тот узнал меру своей земной жизни, тот свел верный счет дням этой жизни, кто понял, что эта жизнь, — не останавливающееся ни на минуту движение, при котором будущее непрестанно делается прошедшим, а прошедшее непрестанно и навсегда нисходит, как в могилу, в несуществование. Постоянное движение не допускает никакому положению приобрести прочность, постоянство: все проходит своею чередою, все изменяется, все улетает. Настоящее есть грань, передвигающаяся безостановочно, грань неуловимая, грань между будущим и прошедшим. На грани этой непрестанно претворяется будущее в прошедшее. Тот дал истинную цену земной жизни, кто не истощает на нее внимания, не привязывается к ней сердцем, кто не допускает себя быть обманутым прелестями и суетою ее, кто не признал постоянства в непостоянстве, положительности в неумолкающем, неопределенном движении, кто ведет себя и действует как странник, кто земную, временную жизнь употребляет на изучение и стяжание жизни истинной, вечной, небесной.

Состав мой яко ничтоже пред Тобою[1], исповедуется Богу святой Пророк Его, исповедуется от лица всех человеков. Тело мое не есть какая-либо неизменяемая, самостоятельная сущность: оно — странное соединение стихий по законам, мне неизвестным; оно — какое-то явление, явление непонятное, начинающееся рождением или зачатием, переходящее из состояния в состояние, кончающееся смертию. Как и когда оживился я существованием? не помню и не знаю. Какая сила дает мне жизнь, вызывает меня в бытие из небытия? какая сила развивает жизнь, младенца преобразует в отрока, отрока в юношу, юношу в мужа? Почему эта сила, развиваясь до некоторого времени, потом начинает оскудевать постепенно? Наконец она оставляет тело, — и тело рассыпается в прах. Какая связь между этою невидимою и непостижимою силою и видимым телом? Что — душа моя? Сущность души столько же непонятна мне, как и сущность тела. Очевидны силы, очевидны способности души: они удостоверяют в существовании ее. Собственный опыт доказывает мне, что тело есть нижайшая часть существа моего, что оно, в высших силах и способностях своих, есть только орудие души. Оказываюсь я, и по душе и по телу, неизвестным, непостижимым для меня

[1] *...век мой как ничто пред Тобою* (Пс. 38. 6).

самого. Существованию моему на земле предшествовало небытие; и конец моего существования на земле имеет образ уничтожения конечного. *Состав мой яко ничтоже пред Тобою.*

Утроба матери моей служила до моего рождения темницею для души моей и тела: по рождении тело служит для души темною утробою матери. Рождаюсь в вечную жизнь смертию тела. Что ж значит земная жизнь человека? Она — тень жизни, ступень к жизни, преддверие к жизни истинной; она — странствование и путешествие, одинаково краткое и для всех равное по сравнению с неизмеримою вечностию. Вступают в равенство все числа и меры, столько различные между собою, когда встанут пред бесконечною величиною и сличатся с нею[1].

Не имею на земле никакой собственности и не могу иметь ее. Все дается мне на время, на подержание; все отнимается смертию. Наследую чужое; что приобрету сам, покидаю, — покидаю не когда хочу, когда и как случится. Все земные узы, узы теснейшие, узы, возлагаемые естеством и законом, разрываются беспощадно смертию; разрываются они без ведома моего и согласия, — наиболее в противность моей воле, наиболее неожиданно, как бы безвременно. Между всеми предметами, между всеми отношениями земными я — гость. Недавно очутился я между ими, недавно увидел их, никогда не видев; вскоре уйду из среды их, уйду безвозвратно, не буду видеть их никогда: покрывало, только что снятое рождением, накинется смертию и разлучит меня навеки от тех, которых узнал я после бесчисленных веков.

Отчего же я прилепляюсь всею душою к земле, к моему положению на ней, как бы постоянный житель ее? Отчего я нисколько не думаю, не хочу думать о вечности? Обличается этим слепота ума моего и сердца; обличается этим самообольщение мое; обличается этим, что я поражен греховным недугом, поражен вечною смертию в средоточии существа моего. Глубоко — падение человека. Море слез недостаточно, чтоб оплакать страшное падение. В пропасть этого падения Господь наш простирает нам всемогущую руку помощи, руку, досягающую дна пропасти: Он извлекает из пропасти, возводит на небо тех человеков, которые произволяют спастись и быть учениками Господа. Указывая на мир, обольщающий и губящий слабых человеков, указывая на убийственную заразу греховную, действующую внутри нас, Господь возвещает: *Всяк от вас, иже не отречется всего имения своего, не может быти Мой уче-*

[1] Закон математики.

ник. Аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего и матерь, и жену и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик. И иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может Мой быти ученик[1].

Решь

Посетили однажды некоторого из великих иноков братия, возлюбленные его. Нашли они инока плачущим и начали упрашивать его, чтоб он объявил им причину плача. Долго упрашивали они Преподобного, и долго на вопросы и убедительные просьбы отвечал Преподобный молчанием. Наконец он сказал им: «Духом моим стоял я близ распятого на кресте Господа, как некогда стояли Богоматерь и ученик любимый. Я стоял и плакал. Желал бы я всегда стоять у креста Господня и плакать»[2].

Стояли при кресте Господа Приснодева Богоматерь и девственник Иоанн, как представители высшей человеческой святости и чистоты. Неподдельная добродетель человеческая свидетельствуется тем, что она вся во Христе, что по земному положению своему приближается к страдальческому положению, которое избрал для Себя Богочеловек во время пребывания Своего на земле. И покаяние имело представителей при кресте Господа. Представителем покаяния была Мария Магдалина, из которой Господь изгнал семь бесов[3]; представителем покаяния был разбойник, распятый одесную Господа[4]. Грешники! ободримся: и для нас есть место у креста Господня; указано и дано нам место великим человеколюбием Господа. Он вочеловечился для спасения грешников[5]; Он претерпел лютые пытки и смерть крестную за грешников[6]. Восплачем при кресте Господа. Для обильнейшего плача имеем два побуждения: каждое из них достойно обильнейшего плача, плача непрестающего. Когда подымем взоры горе, — пред взорами вашими Господь, распятый за нас; когда низведем взоры в себя, — пред взорами нашими темная, необъятная бездна нашей греховности.

Стою я пред этим сугубым зрелищем, стою с сердцем каменным. Понимаю, что плач должен быть моим достоянием, моим постоянным упражнением; но я не имею его. Хладность и равнодушие владеют мною. Нуждаюсь в учителях для плача. Кто наставить меня плачу? кто вложит плач в сердце мое? — Наставляет плачу Сам

[1] Лк. 14. 33, 26, 27. ‖ [2] Преподобный Пимен Великий, Скитский патерик и Достопамятные сказания, гл. 144. ‖ [3] Лк. 8. 2. ‖ [4] Лк. 23. 40–43. ‖ [5] Мф. 9. 13. ‖ [6] Рим. 5. 6, 18.

Господь; наставляют плачу все благоугодившие Богу человеки: все они взошли в жительство, угодное Богу, плачем. Плач любит пребывать в сердце одиноким. Изгони из сердца попечения суетные и пристрастия — и явится в сердце плач сам собою. Плачем обнаруживает присутствие Свое в христианине Дух Божий, насажденный в христианина при Святом Крещении; плачем обнаруживается оживление души для духовных ощущений, подобно тому, как знаменуется рождение каждого младенца плачем его. Плач — начало жизни.

Господь мой! Господь мой! Ты ублажил плач, обетовал ему утешение[1]: Ты и даруй мне блаженный, утешительный плач. Как мог бы плач быть блаженством, будучи естественно следствием несчастия, как мог бы он быть утешением, будучи естественно плодом огорчения, если б не был проникнут Твоим благодатным действием, заповеданный Тобою плач покаяния? Возникает такой плач из нищеты духа, как образуется дождь из сгустившихся облаков. Нищета духа является от зрения и сознания грехов и греховности своей.

Господь мой! Господь мой! даруй мне зрение грехов и греховности моей; даруй мне зрение согрешений, совершенных мною на самом деле помышлениями, ощущениями, словами и телесными действиями; даруй мне зрение падения моего, общего всем человекам, падения, служащего источником всех согрешений человеческих. Устрани от меня мое поверхностное, холодное воззрение на бедственное состояние мое: при этом воззрении я провожу жизнь как бы безгрешный, не нуждающийся нисколько в покаянии. Даруй мне воззрение правильное, чтоб оно ввело меня в жительство, соответствующее моему бедственному состоянию, чтоб оно ввело меня в плач. Даруй мне встать всем существом моим при кресте Твоем; даруй мне неотступно стоять при кресте Твоем постоянным памятованием о нем, постоянным сочувствием ему. Даруй мне восплакать и плакать при кресте Твоем.

Увы, Господь мой! Ты на кресте: я утопаю в наслаждениях и неге. Ты подвизаешься за меня на кресте, вися между небом и землею; Ты пронзен гвоздями; Ты прободен копием; Ты весь истерзан муками, предварившими распятие; Ты увенчан терновым венцом; уже увенчанный венцом терновым, Ты взошел на престол победы и владычества, на крест; с престола этого руками, пригвожденными ко кресту, Ты связал духов воздушных; ногами, пригвожденными ко

[1] Мф. 5. 4.

кресту, Ты попрал смерть: я — лежу в лености, в расслаблении, ищу повсюду и во всем спокойствия, убегаю лишений и распятия, пребываю в вечной смерти. Тебя, распростертого и подъятого на кресте, Тебя, совершающего на кресте искупление и возрождение человеков, осыпают поношениями и насмешками славные и сильные земли, злословит весь народ, народ ослепленный, обезумленный обаянием злобы: я — стараюсь уловлять суетные похвалы и одобрения человеческие, жажду их ненасытно; лишаемый их, предаюсь скорби; едва донесется до моего слуха какое-либо ничтожное, обидное слово, как и закипает во мне неистовая ярость. На кресте Твоем Ты неупустительно исполняешь волю естественного Тебе Отца Твоего и Твою Божественную волю, единую с волею Отца, покоряя Божественной воле волю страждущего Твоего человечества: я — стремлюсь постоянно удовлетворять моей поврежденной воле, воле, враждебной Закону Божию; с упорством защищаю мою волю, с ожесточением и гневом препираюсь о ней. Страдая на кресте, Ты молишься о распинателях, о убийцах Твоих; в облегчение вины злодеев Ты представляешь неведение их: я, пользуясь благоденствием, постоянно подвергаюсь ропоту, выражаю недовольство, с огорчением ратую не только против недругов моих, ратую против друзей моих, обманываемый моим порочным сердцем, моим порочным воображением. Умирая на кресте, Ты предаешь в руки Отца человеческий дух Твой, хотя, достоинством равный Отцу, Ты имеешь равную с Ним и единую власть над человеческим духом Твоим, хотя по человечеству Ты приял власть от соединенного в Тебе неслитно с человечеством Божества, власть и положить душу Твою и восприять душу Твою: я, омрачаемый плотским мудрованием и неверием, ищу во всех случайностях жизни устроить себя моим немощным разумом, моим соображением, по внушениям плотского мудрования и лукавства; я не хочу предать себя деснице Бога моего, не хочу призвать этой десницы в помощь себе, хотя всесильная десница Божия содержит меня полновластно, объемлет отовсюду. Когда один из воинов, представитель враждебного Богу человечества, пронзил копием Твое всесвятое тело, уже оставленное душою, тогда умершее тело Твое, продолжавшее жить в Боге и чудодействовать, источило из себя струю крови и струю воды. Воду Ты дал в омовение врагам Твоим, кровь — в питие; истерзанное тело Твое предлагалось врагам Твоим как закланная, приуготовленная к употреблению снедь. Всемогущий и Всеблагий! в то время как человеки истощались в злодеяниях над Тобою, Ты весь

истощился для спасения их, всего Себя отдавал им, чтоб претворить врагов и убийц в сынов и друзей, чтоб избавить врагов Твоих от вечных мучений в пропастях адских, чтоб доставить им вечное блаженное жительство в селениях неба. Еще прежде распятия распинатели сняли с Тебя одежду, оставили обнаженным: ризы Твои они разодрали на части и разделили между собою; о нешвенной срачице Твоей, привлекшей особенное внимание их, метнули жребий. Обнаженного, они возвели Тебя на крест. Все, все отдал Ты человекам: они как бы исчерпали всю Твою благость. Совершалось это по святейшей воле Твоей, хотя человеки и действовали по свободному произволению своему: они делались слепыми орудиями воли Твоей, не понимая того, — делались орудиями воли Твоей по бесконечной премудрости, по беспредельной власти Твоей.

Господь мой, Господь мой, даруй мне уразуметь значение креста Твоего; привлеки меня к кресту Твоему судьбами Твоими; возжги во мне любовь креста Твоего; сподобь меня отречься у подножия креста Твоего от порочных пристрастий к миру и ко мне самому; открой очи мои, как открыл Ты их блаженному разбойнику, чтоб я усмотрел в Тебе Господа и Бога моего; пошли плач в сердце мое, чтоб я мог постоянно плакать у креста Твоего; пошли молитву в сердце мое, чтоб я, распятый на ней одесную Тебя, пребывал постоянно устремленным к Тебе всем существом моим и, упоенный памятованием Тебя, забыл даже о существовании мира и греха; истекшею из ребр Твоих водою очисти скверны души моей и тела; руки Твои, распростертые на кресте, да примут меня, овцу заблудшую, в объятии Божества Твоего. Допусти меня к Твоей дивной трапезе: напитав Твоею всесвятою плотию, напоив Твоею всесвятою кровию, исполнив Твоим Святым Духом, соедини меня с Собою воедино навеки.

Шин

Господь мой! Господь мой! приходил Ты на землю в смиренном образе раба, в уничиженном образе немощного создания Твоего, человека; приходил Ты на землю, чтоб спасти погибших человеков[1], чтоб принять на Себя убившую их язву, чтоб уничтожить эту язву Собою[2]. Открыл Ты человекам подробно волю Божию в заповедях и учении Евангелия; принес Ты Себя Богу в умилостивительную жертву за преступное человечество; удовлетворил Ты правосудию Божию, отъял преграду[3], препятствовавшую благости

[1] Мф. 18. 11. ‖ [2] Ис. 53. 5–8. ‖ [3] Еф. 2. 14.

Божией изливаться на человеков в обилии безмерном. Ты придешь снова, придешь уже как Судия вселенной, придешь в неприступной славе Божества, — потребуешь от человеков отчета в употреблении Твоих благодеяний. Восстанут из гробов все поколения человеческие, оживленные Твоим творческим голосом и повелением[1]; предстанут пред Тобою все человеки в несметном сонме, предстанут в страхе, в трепете, предстанут на Суд беспримерный и неподражаемый. Такого Суда не было никогда и, по совершении его, не будет никогда. Никому невозможно уклониться от него: все повлекутся к нему силою непреоборимою[2]. Не нужны на этом Суде исследования, улики, взаимные обвинения и оправдания; не может возникнуть на нем никакое недоумение; лукавство, запирательство, обман не могут иметь ни малейшего успеха, ни места. Судия, по неограниченному совершенству Своему, видит все тайны человеческие, — и все согрешения всех человеков хранятся без малейшего упущения в памяти Его, как бы записанные в книге. Обличителем и обвинителем каждого подсудимого будет совесть его, внезапно исцеленная от слепоты, от обаяния грехом, внезапно одаренная тончайшим самовоззрением. Обширный Суд произведется с быстротою и удовлетворительностию, соответствующими совершенству Судии. Приговор произнесется решительный: им определится участь каждого навеки. Живые, разумные сосуды Божии вознесутся на небо для вечного блаженства: живые плевелы, сосуды разумные и свободные, произвольно претворившие себя в сосуды греха, ввергнутся в пещь, горящую, неостывающую и неугасающую чрез всю вечность.

На этот Суд, в среде бесчисленного собрания человеков, предстану и я. Какой запас мыслей и слов, какой отчет приготовлен мною? что скажу я о себе, о моей жизни земной? Отнимаются у меня и мысль и слово от одного представления в слабом и тупом воображении моем нелицеприятного и страшного Суда; от одного представления этого Суда ясно ощущаю, что лишь предстану на Суд, как и поступлю весь в неограниченную власть Судии. Земное странствование мое совершил я как безумный, как умоисступленный. Отнималась сперва основательность у разума и деятельности неведением; потом отнималась она поверхностным знанием; наконец поколебались деятельность и неразрывно соединенный с нею образ мыслей произвольными согрешениями по увлечению; ниспровергнуты, извращены они окончательно грехом смертным. Значи-

[1] Ин. 5. 25. || [2] Мф. 25. 32.

тельнейшая часть земного странствования совершена мною. Уже когда уклонился я от истинного христианства в дальнее и страшное распутие, уже после тяжких потрясений и противодействий с величайшим трудом, или единственно по неизреченной милости Божией, узнал я подробнее, точнее о значении христианства, об обязанностях христианина. Познание это приводит меня в недоумение, в ужас. Святым Крещением я встал, независимо от меня и не ведая того, в священном храме, величественном, как небо, в христианстве; почти столько же независимо от меня, неведомо мне, очутился я вне этого храма, в пустыне страшной. Превращение совершено жизнию, по стихиям мира, жизнию, враждебною христианству, жизнию, которою ныне живет все человеческое общество, по крайней мере большинство и цвет его. Вижу себя на широком пути, ведущем в пагубу! вижу себя в навыках, обычаях, усвоениях греховных, как бы в оковах, в цепях железных! вижу себя мертвецом, давно лежащим во гробе и могиле, мертвецом смердящим![1] Камень привален ко гробу: ожестело, подобно камню, мое сердце.

Господь мой! Господь мой! Един Ты, Всемогущий, можешь спасти меня. Всеблагий и Всемогущий! спаси меня. Восхить меня с пути, с пути пустынного в город и страну иноплеменнические[2], с пути служения греху; поставь меня на путь, ведущий в Твое Царство[3]. Я оставил Тебя: Ты взыщи меня. Скитаясь среди гор бесплодных, каменистых, поросших колючими волчцами, изрытых стремнинами и пропастями, я истратил силы, измучился от голода и жажды; я покрыт бесчисленными ранами, я пришел в совершенное изнеможение: Ты, сошедший с неба на землю ради меня, возьми меня на рамена Твои, возврати к стаду пасомых Тобою. Я умертвил себя безумием моим, грехами моими: Ты, будучи источник жизни и саможизнь, оживи меня источающеюся из Тебя жизнию. Скажи душе моей, утопающей в горести и безнадежии, те утешительные, сладчайшие слова, которые Ты произнес Марфе, сестре воскрешенного Тобою, друга Твоего, Лазаря: *воскреснет брат твой*[4]. Укрепи мое немощное мудрование: оно, из немощи своей, осмеливается пререкать Тебе, Всесильному, и противопоставлять Тебе, Которому возможно все, возражение в возможности воскресения для мертвеца. *Господи, уже смердит* мертвец мой: *четверодневен бо есть*[5], говорила Марфа Спасителю мира о умершем и погребенном Лазаре. Подобное этому суждение слышится в душе, научившейся

---

[1] Ин. 11. 39. || [2] *Ангел Господень рече к Филиппу, глаголя: возстани и иди на полудне, на путь сходящий от Иерусалима в Газу: и той есть пуст.* Деян. 8. 26. || [3] Пс. 118. 29, 30, 32, 33, 38. || [4] Ин. 11. 23. || [5] Ин. 11. 39.

вере только из Писания[1], не сподобившейся еще научиться вере из святых опытов, не сподобившейся еще приять от Бога веру живую, веру Божию[2]. Ты, Спаситель мира, отвечал колеблемой сомнением и недоумением Марфе: *Аще веруеши, узриши славу Божию*[3]. Ты, Всеблагий, назвал славою Твоею воскресение человеков. Воскресение человеков есть вторичное сотворение их, — и являешься Ты, Спаситель мира, в воскресении человеков Творцом и Богом их. Ты сотворил нас из ничего, — воскрешаешь из рассыпавшегося праха, воскрешаешь в чудной, нетленной новизне, воскрешаешь в нашем собственном естестве и вместе в естестве измененном, переплавившемся в огне тления из состояния плотского в состояние духовное[4]. Спаситель мой! насади в меня веру, веру живую, доказываемую делами, всем поведением, чтоб я соделался способным к воскресению в духе моем. Воскреси меня, Господь мой, в тайне души моей: оживотвори меня Святым Духом Твоим, воскреси меня существенным, спасительным воскресением, воскресением духа моего, воскресением, совершающимся от осенения духа человеческого Духом Божиим. Предвари этим святым воскресением мою видимую смерть, которою разлучается душа от тела; предвари этим воскресением мое воскресение телом, которым воскреснут одинаково все человеки. Даруй мне умереть уже воскресшим; даруй воскреснуть телом по воскресении духа, чтоб дух мой не взошел мертвым в воскресшее тело. Горе мне, если дух, при разлучении с телом, окажется умерщвленным вечною смертно! Горе мне, если дух, будучи в состоянии мертвости, войдет, при общем воскресении, в воскресшее тело! Тогда и воскресшее тело соделается вместе с духом жертвою вечной смерти; тогда усугубится вечная смерть оживлением тела, соединением воскресшего тела с духом, который не умирал, подобно телу, и не оживотворился свойственным себе воскресением.

Господь мой! Господь мой! На конце земного странствования моего, исполненного горестей, страданий, страхов, воскреси меня вожделенным воскресением в духе моем. *Блажен и свят, иже имать часть в воскресении первом: на нихже смерть вторая* — вечная жизнь в отвержении от Бога и в муках адских — *не имать области, но будут иерее Богу и Христу и воцарятся с Ним*[5]: провозгласил это сын громов, избранный из Апостолов, нареченный Богословом. Получив залог спасения вечного, я возрадуюсь радостию духовною, неизреченною, неведомою и непостижимою для состояния плотского и

[1] Ин. 11. 27. ‖ [2] Мк. 11. 23. ‖ [3] Ин. 11. 40. ‖ [4] 1 Кор. 15. 42–44. ‖ [5] *Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ним смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним* (Откр. 20. 6).

душевного. Радость эта — предвкушение радости и наслаждения райских. Претворенный десницею Вышнего, без смущения увижу приходящую ко мне телесную смерть; скажу в сретение пришедшей ко мне смерти слова Пророка: *Бог правды моея: в скорби распространил мя еси*[1]. *Десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу. Не умру* вечною смертию, *но жив буду и повем дела Господня. Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*[2]. *Знаменася на нас свет лица Твоего, Господи, дал еси веселие в сердце моем*[3]. *Отверзите мне врата!*[4] *В мире вкупе усну и почию: усну* сном временной смерти во гробе, *вкупе почию* душою в тех горних обителях, в которых все служители Божии ожидают общего воскресения. Разлучив тело от души, в дольний гроб телом, в горнюю обитель душою, *Ты, Господи, на уповании* вечного блаженства *вселил мя еси*[5].

Фав

Возлюбленный брат! пригласил ты друзей твоих, пригласил любящих тебя, чтоб они вспомнили о тебе, посетили тебя, приняли участие в постигшей тебя скорби, чтоб принесли тебе утешение не из смертоносной чаши чарований, которою утешает мир, упояя самозабвением и приготовляя скорбь неисцелимую и вечную, — чтоб принесли утешение из животворящего слова Божия. Основательно твое приглашение: одобряется оно Священным Писанием и святыми Отцами. *Спасение есть во мнозе совете*[6] для всех вообще подвижников; в особенности совет, наставление, руководство необходимы для того, кто вознамерился перейти от плотской жизни к жизни благочестивой, из порабощения греху к духовной свободе. Так, боговдохновенный Моисей оказался нужным для извлечения израильтян из Египта, для указания им пути чрез пустыню в Обетованную землю[7]. Многочисленным братством населена святая обитель ваша. В среде его усмотри отца, обогащенного в духе словом Божиим, ведущего жительство, согласное этому всесвятому Слову, произносящего учение не из себя, — из всесвятого слова Божия[8]. Такому отцу открой состояние души твоей и ежедневно открывай ему мысленную брань твою, все видимые и невидимые

[1] *Боже правды моей! В тесноте Ты давал мне простор* (Пс. 4. 2). ‖ [2] *Десница Господня высока, десница Господня творит силу! Не умру, но буду жить и возвещать дела Господни. Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня* (Пс. 117. 16–18). ‖ [3] *Яви нам свет лица Твоего, Господи! Ты исполнил сердце мое веселием* (Пс. 4. 7, 8). ‖ [4] Пс. 117. 19. ‖ [5] *Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности* (Пс. 4. 9). ‖ [6] Притч. 11. 14. ‖ [7] Лествица. Слово 1. ‖ [8] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 14. Добротолюбие. Ч. 2.

покушения греха и духов злобы против тебя. Ничто, ничто не помогает столько к получению исцеления от язвы, нанесенной грехом смертным, как учащаемая исповедь; ничто, ничто не содействует столько к умерщвлению страсти, гнездящейся в сердце, как тщательная исповедь всех проявлений, всех действий ее.

Пожелал ты и моего участия, участия деятельного; пожелал ты личной беседы со мною. Не могу придти к тебе, удерживаемый на месте жительства моего обязанностями моими: прихожу к тебе этими скудными строками. В них изложил я то, чему научило меня Писание Священное, чему научили меня мужи и старцы, проведшие жизнь в служении Богу.

Все смертные грехи, кроме самоубийства, врачуются покаянием. Покаяние тогда только признается истинным и действительным, когда последствием его бывает оставление греха смертного. Без этого последствия покаяние — бесплодно. Если же, при покаянии, смертный грех не оставляется по привязанности к нему, не оставляется по произволению; если кающийся не удаляет от себя причин греха или и сам не удаляется от них произвольно, то покаяние такое, покаяние слабое, двоедушное, поверхностное, причисляется к деяниям лицемерства. Оно — гибельная попытка обмануть и Бога и себя.

Покаяние — *село*, на котором *скрыто* бесценное *сокровище* спасения. Человек, стяжавший это познание, *возрадуется* о приобретении познания существенно нужного. Воодушевляемый радостию и ревностию, в которых таинственно действует призвание Божие, он *идет, и вся елико имать, продает, и купует село то*[1]. Только за такую цену продается село покаяния! только за такую цену покупается оно! Необходимы, необходимы для вступления в подвиг истинного покаяния отречение от мира и отречение от себя, от своих похотений и пристрастий. Малая скважина отнимает у сосуда способность удерживать вливаемое в него миро, — и ничтожным пристрастием отнимается у покаяния все достоинство, вся сила его.

Истинно кающиеся соделываются истинными рабами Божиими. Покаяние переплавляет, перерождает их. Вступившие в пещь, в утробу покаяния рабами выходят из нее сынами и друзьями Божиими. Господь наш, Иисус Христос, называет христиан, удовлетворивших воле Божией, очистившихся истинным покаянием, озарившихся истинным богопознанием, *Своею братиею*[2]. Все Ангелы Божии, все святые Божии радуются о вступившем в правильный подвиг покаяния. По причине такого покаяния, которым заблудшая овца воз-

---

[1] *...идет и продает все, что имеет, и покупает поле то* (Мф. 13. 44). ‖ [2] Ин. 20. 17.

вращается в стадо[1] и потерянная драхма в хранивший ее ковчег[2], учреждается на небе праздник: *глаголю вам,* говорит Спаситель, *радость бывает пред Ангелы Божиими о едином грешнике кающемся*[3]. Стяжи покаяние – и соделаются твоими братиями и друзьями все блаженные небожители. Святые Ангелы низойдут к тебе невидимо, принесут тебе помыслы и ощущения преподобные; святые человеки, предстоящие лицу Божию в обителях рая, вступят в беседу с тобою посредством оставленных ими на земле священнолепных писаний. Утешится, умиротворится, усладится, исцелится сердце твое беседою благодатною. Снимается для тебя с этих писаний непроницаемое покрывало, которым закрывается святой смысл их, святая красота их, от умов, ослепленных плотскою, греховною жизнию. Снимается покрывало покаянием; снимается покрывало смирением, рождающимся от покаяния; снимается покрывало духовным разумом, рождающимся от смирения, разумом, вступившим в постижение значения, данного Богом сверхъестественным, христианским добродетелям: покаянию и смирению.

Падение в смертный грех служителя Божия, увлеченного немощию, стечением обстоятельств, потом покаявшегося во грехе, причисляется к попущениям Божиим для вразумления, а не к конечному оставлению Богом за обдуманную злонамеренность. Бесконечным различием различились между собою падения двух апостолов, Петра и Иуды, хотя по наружности отречение близко подходит к предательству. *Возстах* покаянием *и еще есмь с Тобою*[4], говорит пораженный удивлением, говорит падший в тяжкие грехи и покаявшийся Давид, – говорит, увидев в себе, сверх чаяния, присутствие и действие Святого Духа, которое, по совершении греха, когда разлились по всему существу падшего человека дым и смрад греховный, сокрылось, которое, может быть, признавалось потерянным навсегда. Бог, имеющий возможность, по неограниченному совершенству Своему, уничтожать грех, – который, как недостаток и повреждение добра, насажденного в разумных тварях Богом, не может быть уничтожен никаким существом ограниченным, – Бог, *вземляй грехи мира*[5] по бесконечной благости и силе Своей, принимает на Себя причины попущений Своих, попущений, соединенных с падениями человеческими. Что может быть успокоительнее, что может быть радостнее этой вести! *Господь,* свидетельствует Свя-

[1] Лк. 15. 6, 9. ‖ [2] Лк. 15. 6, 9. ‖ [3] *...бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся* (Лк. 15. 10). ‖ [4] *...я пробуждаюсь, я все еще с Тобою* (Пс. 138. 18). ‖ [5] *...Который берет **на Себя** грех мира* (Ин. 1. 29).

щенное Писание, *мертвит и живит, низводит во ад и возводит. Господь убожит и богатит, смиряет и высит, возставляет от земли убога и от гноища воздвизает нища*[1]. *Той болети творит и паки возставляет: порази, и руце Его изцелят*[2]. Приведенный в недоумение продолжительным гневом Господа, причем тяжкие наказания часто последуют одно за другим, как звена в цепи, *рече Сион* — служитель Божий: *остави мя Господь и Бог забы мя.* На этот отзыв, исполненный глубокой печали, раздается с небес ответ от Господа чрез великого Пророка: *Егда забудет жена отроча свое, еже не помиловати изчадия чрева своего? аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь. Се, на руках Моих написах стены твоя:* крепость твоя сосредоточена и хранится во всемогуществе Моем. Ты *предо Мною еси присно, и вскоре возградишися, от нихже разорился еси и опустошившии тя* страсти и лукавые духи *изыдут из тебе*[3]. *В мире будет дом твой, жилище же храмины твоея не имать согрешити. Внидеши же во гроб якоже пшеница созрелая во время пожатая, или якоже стог гумна во время свезенный*[4].

Грозно обращает речь свою боговдохновенный Пророк к иноплеменникам, к врагам рода человеческого, к духам отверженным, к духам, низверженным с неба, попранным в персть земную, к духам, приписывающим попущения Божии действию своего могущества и своей мудрости, к духам, упоенным безумием и гордостию, не разумеющим, что они служат бессознательно орудиями Богу в наказаниях и искушениях, которым Он подвергает служителей Своих. *С нами Бог!* возглашает Пророк. *Разумейте, языцы, и покаряйтеся! услышите даже до последних земли: могущии,* по собственному, ошибочному мнению о себе, *покаряйтеся! Аще бо паки возможете, паки побеждени будете, и иже аще совет совещаете, разорит Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас, яко с нами Бог*[5].

---

[1] *Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит; Господь делает нищим и обогащает, унижает и возвышает. Из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего* (1 Цар. 2. 6–8). ‖ [2] *...ибо Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют* (Иов. 5. 18). См. объяснение этих слов Писания святым Иоанном Златоустым (Слово к Феодору падшему), преподобным Кассианом Римлянином (Собеседование 2), святым Иоанном Карпафийским (Слово утешительное. Добротолюбие. Ч. 4). ‖ [3] Ис. 49. 14–17. ‖ [4] *И узнаешь, что шатер твой в безопасности, и будешь смотреть за домом своим, и не согрешишь. Войдешь во гроб в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время* (Иов. 5. 24, 26). ‖ [5] *Враждуйте, народы, но трепещите, и внимайте, все отдаленные земли! Вооружайтесь, но трепещите; вооружайтесь, но трепещите! Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится; ибо с нами Бог!* (Ис. 8. 9, 10). (По объяснению св. Иоанна Карпафийского, гл. 29.)

Заключение

Излился я в плаче моем, произнес я мои вопли, окончил рыдания, упился слезным напитком, насытился стенаниями и воздыханиями. Тяжеловесным словом, исполненным глубокою печалию, ударял я в грудь мою, и ощутил в груди моей отраду. Оплакивая твой грех, я оплакивал свой грех; призывая тебя к покаянию, призывал к нему себя; изображая горестное состояние, производимое грехом смертным, я исповедал и описал мое состояние. Если б живопись не была снята с опытов, — не имела бы она яркости, силы, верности.

Получив эти строки, прочитывай их часто. Не преставай поражать, смягчать ими ожестевшее сердце, не преставай возбуждать от сна сердце унывшее, не преставай призывать к жизни сердце умерщвленное. Строки эти и обличают милосердно, и потрясают могущественно спасительным страхом, — страх растворяют утешением веры. Строки эти приводят к самовоззрению, объясняют таинство борьбы, которою подвижник Христов препирается с грехом и с духами отверженными, которою доказывает свою верность Христу, которою изработывает свое спасение и славу в вечности. Эти строки возвещают всемогущество Бога и бесконечную благость Его. В Боге сосредоточивается надежда всех спасающихся: надежда побеждающих грех силою Божиею и надежда побежденных грехом на время по Божию попущению, по собственной немощи, неведению, неосторожности, по увлечению, не по намерению.

Излишни эти строки для проводящего греховную жизнь произвольно, ищущего и находящего в ней единственное наслаждение, жертвующего для нее всеми способностями души и тела, оправдывающего такую жизнь оправданиями по началам мира сего. Несмотря на неограниченность благости Божией, покаяние, данное всем грешникам во спасение, доставляет спасение только тем грешникам, которые извергнут из себя грехи искреннею и решительною исповедию, чуждою самооправдания, и жизнь беззаконную, безумную заменят жизнию благочестивою, смиренномудрою. Аминь.

Примечание. «Плач Инока» первоначально написан послушником Димитрием Александровичем Брянчаниновым в 1830 году в Успенской Семигородной пустыне Вологодской Епархии, — значительно исправлен и пополнен епископом Игнатием в 1866 году, в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архипастырские воззвания святителя Игнатия по вопросу освобождения крестьян от крепостной зависимости

Святитель Игнатий на Кавказской кафедре

Архипастырские воззвания святителя Игнатия по вопросу освобождения крестьян от крепостной зависимости

От 17 января 1859 года

В Кавказскую Духовную Консисторию.

Дворянство Ставропольской губернии ходатайствовало у Его Императорского Величества Государя Императора о составлении из среды себя особого Комитета, который бы составил «проект положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян в сей губернии». Государь Император, удостоив принять это ходатайство, Высочайшим рескриптом повелеть соизволил: открыть в городе Ставрополе по этому делу особый комитет под председательством г-на Губернского Предводителя Дворянства[1]. Во исполнение Высочайшей воли Ставропольский Комитет «по делу об улучшении быта помещичьих крестьян» по совершении торжественного молебствия в Градской соборной церкви открыт г-ном Гражданским Губернатором, генерал-лейтенантом Волоцким 15-го января сего 1859 года.

Весьма естественно, что в этом важном деле, в котором для руководства совестию и разумом особенно нужен благодетельный свет учения Христова, исходящий из Евангелия и преподаваемый Святою Церковию, как помещики, так и крестьяне будут обращаться к пастырям Церкви за словом назидания, за словом совета, за словом утешения и успокоения. По сей причине я считаю священнейшею моею обязанностию преподать церковным пастырям Кавказской епархии во всей ясности и определенности то направ-

---

[1] Высочайшим рескриптом от 11 июля 1858 г. Государь Александр II повелел открыть в Ставрополе «Комитет для составления проекта правил об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян» (Сборник правительственных распоряжений и официальных известий по улучшению быта помещичьих крестьян. М., 1858. Ч. 2. С. 10–12).

ление, которое должны они стяжать и постоянно сохранять в своих беседах с паствою по предмету столь важному — *по улучшению быта помещичьих крестьян.*

Это направление уже преподано самим Господом нашим Иисусом Христом и хранится, как в сокровищнице, в Божественном Евангелии, в котором внимательный и благоговейный читатель найдет разрешение всех недоумений и наставлений к благоразумнейшему и общеполезнейшему поведению во всех разнообразных случаях жизни. Святой Евангелист Лука повествует (гл. 12, зач<ала> 65 и 66), что однажды приступил к Господу Иисусу Христу некоторый человек и просил, чтоб Господь взошел в дело по разделу имения между сим неизвестным человеком и его братом. Господь произнес в ответ следующие достопримечательные, исполненные глубокой мудрости и святости слова: «Человече! Кто Мя постави судию или делителя над вами? Блюдите и хранитеся от лихоимства». Далее Господь изобразил в притче, всем удобопонятной, как опасна страсть лихоимства, как обманчивы обольстительные мечты, рисуемые этою страстию в воображении, что они никогда не сбываются на самом деле, а только отнимают у увлекающегося человека добродетель и венчающее временную добродетель вечное спасение. Ответ Спасителя нашего и Его поведение в вышеупомянутом случае могут быть, а потому должны быть вполне удовлетворительным, вполне определительным образом для поведения и бесед пастырям Церкви в настоящем отечественном вопросе. Со всею ясностию видно, что ответ Господа человеку, занятому разделом имения с братом, заключает в себе две части дела. *Во-первых,* Господь упомянул о вещественной части дела, то есть о самом разделе имения, и благоволил отречься от всякого участия в суждении о деле со стороны его вещественной, гражданской. *Во-вторых,* Господь удостоил всего своего внимания и глубокого назидания духовную сторону дела, указав, что в этом деле, а следовательно, и всяком однородном сему делу, должно по преимуществу опасаться и остерегаться увлечения скрытного частию лихоимства, от которой, как от семени, несомненно, должны родиться другие страсти, более явные, уже очевидно гибельные для частных лиц и для общества. Таковы: зависть, подозрения, клеветы, ропот, наконец — явная ненависть, вражда, ссора с их горестными последствиями. Начало этих последствий — страсть лихоимства. И прозорливо указал Господь, яко Всеведущий Бог, людям, коим предлежал раздел имения, на сокровенное начало зла, слу-

жащее в таких обстоятельствах источником всех прочих видов зла, — на страсть к лихоимству.

«Мы ум Христов имамы» (1 Кор. 2. 16), — сказал святой апостол Павел от лица всей христианской Церкви. Мы, христиане, должны мыслить, должны рассуждать, должны говорить, как мыслил, понимал, говорил вочеловечившийся Бог наш. Такое единение с Господом должны по преимуществу тщательно насаждать, тщательно возращать, тщательно сохранять в себе пастыри Церкви, как носящие на себе священнейшую обязанность руководить к добродетели и спасению все христианское братство. — В предстоящем деле беседы, советы, наставления пастырей да будут направлены к уклонению пасомых от увлечения страстями. Пастыри! Научайте как помещиков, так и крестьян, которые будут обращаться к вам за советами, чтоб они в кротости духа, в благочестивом самоотвержении обращались с частыми молитвами к Богу, умоляя Его благостыню, да дарует мудро задумать, обработать и совершать великое отечественное дело, долженствующее возвести государство на высшую степень благоденствия. Научайте овец Христовых, чтоб они постоянно паслись на пажити Христовой, то есть постоянно питали душу учением Христовым, которое заповедует тщательно и постоянно сохранять любовь, взаимный мир, милосердие, благость, которое отвергает все страсти, в какое бы благовидное облачение и покров не одевались эти страсти для обольщения человеков. Где обнаруживается разгорячение, там непременно тайный двигатель — страсть. Истинная добродетель всегда сопутствуется невозмущенным состоянием духа, тихою и сильною кротостию, которая постоянно служит признаком, что сердце находится под руководством и властию здравого разума. Пастыри! Неуклонно и свято храните и держитесь преподанного вам здесь наставления. Обратите все внимание ваше, чтоб в деле духовная сторона его, самим Законом Божиим, самим священным призванием вашим порученная вам, сохраняла свое достоинство, указанное ей ясно Евангелием. Благочестивое и благоугодное направление душ, которое вы будете питать и поддерживать, несомненно подействует благодетельно и на вещественную сторону дела. Вместе с сим тщательно охранитесь не только от вмешательства в гражданские распоряжения и от всякого суждения о них, но и от всяких, даже частных и как бы конфиденциальных бесед и советов о вещественной стороне дела. Это воспрещено вам и законом Божиим, и законом государственным. С верностию исполняя священный долг наш,

преподанный и врученный нам Богом, мы исполним обязанность нашу христиан, которую мы должны Господу, и обязанность подданных, которую мы должны благочестивейшему Государю Императору нашему. Наш Царь, водимый ангельскою добротою своего сердца, желает доставить всем без исключения своим подданным высшее благоденствие.

Консистория имеет разослать сие воззвание ко всем благочинным Ставропольской губернии с тем, чтоб они немедленно сообщили его всем подведомственным им причтам, обязав их подпискою с точностию и неуклонно держаться преподанного здесь наставления. Сообщить его и в семинарское правление для неуклонного руководства им и благовременного ознакомления с ним воспитанников Духовного училища — будущих церковных пастырей.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

№ 3.

17 января 1859 года.

Публикуется по рукописной копии, находящейся в Государственном архиве Ставропольского края (далее — ГАСК), ф. 135 (Кавказская Духовная Консистория), оп. 17, ед. хр. 323, л. 1–2об. Данное Послание было опубликовано в издании: *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. Приложения. С. 13–17 (далее — *Соколов*) — по той же копии из архива Кавказской Консистории, с незначительными опечатками, перестановками и пропусками нескольких слов.

Данный и все нижеследующие материалы, связанные с полемикой святителя Игнатия по вопросу освобождения крестьян, публикуются с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации. Предположительно пропущенные слова и недописанные части слов заключены в угловые скобки. Исправление очевидных опечаток специально не оговаривается. Написания строчных и прописных букв большей частью унифицированы. Сплошной текст разбит публикатором на абзацы. Курсивом выделен текст, подчеркнутый святителем Игнатием. В тех случаях, когда в рукописи цитата обозначена не кавычками, а подчеркиванием, текст цитаты набирается обычным шрифтом.

От 6 мая 1859 года

В Кавказскую Духовную Консисторию.

В предложении моем Духовной Консистории от 17-го января сего года за № 3-м по случаю открытия в городе Ставрополе Высочайше утвержденного Комитета по предмету улучшения быта помещичьих крестьян я изложил то направление, которого должно держаться Кавказское духовенство в этом важном деле. Предложенное мною направление основано на законах Божием и государственном. Появление статей о сем предмете в «Православном собеседнике», журнале, издаваемом Казанскою духовною академиею, принуждает меня снова обратиться с архипастырским моим словом к пастырям церквей Богом врученной мне Кавказской епархии. «Собеседник» в статьях своих[1] не только излагает учение новое, неслыханное в Православной Церкви, но даже делает воззвание к сельским священникам[2], таким образом в Епархию, порученную Епископу, вносит свое распоряжение, оставляя, однако, на ответственности Епископа последствия этого распоряжения. Таким действием «Собеседник» явно нарушает церковный закон, воспрещающий какому бы то ни было начальству или присутственному месту непосредственно входить мимо Святейшего Синода и Епархиального Архиерея в дела Епархии и позволять себе в ней распоряжения (Устав Дух. Консист., ст. 2). Грустно и тягостно произносить обличительное слово! Но вижу в этом совершенную необходимость. Необходимо мне предохранить вверенную мне паству, чтоб кто-либо из духовенства не увлекся статьями «Собеседника» к неправильным действиям, не преступил закона Божия и государственного, не нарушил общественного спокойствия и порядка, не подвергся бедствию и не подверг нареканию Церковь и духовенство: тем более это необходимо, что статья «Собеседника» «Слово об освобождении крестьян» перепечатана в С.-Петербургских и Московских «Ведомостях», очень огласилась в народе и служит поводом к толкам. Я убежден, что Кавказское

---

[1] *[Щапов А. П.]* Голос древней Русской Церкви об улучшении быта несвободных людей // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1859. Ч. 1. [Январь]. С. 40–76. (Далее — Православный собеседник); *[Иоанн (Соколов), архимандрит.]* Слово об освобождении крестьян в день восшествия на престол Его Величества Государя Императора Александра Николаевича. 19 февраля 1859 г. // Православный собеседник. 1859. Ч. 1. [Март]. С. 334–355. || [2] «Собеседник», с. 354, месяц март. *(Примеч. свт. Игнатия.)*

духовенство примет с доверенностию и любовию мое слово, произносимое по внушению любви, по требованию долга.

Государственный закон, определяющий обязанности духовенства по отношению к помещичьим крестьянам, пребывает неизменным. В новейшем издании Свода Законов Империи 1857 года, присланном Кавказскому Епархиальному начальству Святейшим Синодом, вышеупомянутая обязанность духовенства изложена так: «Духовные, наипаче же священники приходские, имеют обязанность предостерегать прихожан своих противу ложных и вредных разглашений, утверждать в благонравии и повиновении господам своим, всемерно стараться предупреждать возмущения крестьян и их от того удерживать» (ст. 380, раздел IV, том XIV). Обязанности помещичьих крестьян изображены так: «Все помещикам принадлежащие крестьяне и дворовые люди должны спокойно пребывать в их звании, быть послушными помещикам своим в оброках, работах и всякого рода крестьянских повинностях и исполнять в точности обязанности, законами на них возложенные» (ст. 378, там же). В томе XV, раздел IV, изложены законы о наказаниях за неповиновение правительству и установленным от него властям. Статья 300 говорит: «Восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян или дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений». Порядок, спокойствие и благосостояние государства основаны на повиновении правительству и властям: по этой причине весьма строги и наказания, которым подвергают себя свергающие благое и необходимое иго покорности, равно как и зачинщики или учители возмущения. Участие в этом преступлении большею частию сопряжено с лишением всех прав состояния; значительное участие влечет за собою самые тяжкие наказания. Очевидно, что всякий, кто бы ни увлекся статьями «Собеседника», будет судим и наказан не по статьям этим, а по закону. Как же понимать, спросят здесь, дело о улучшении быта помещичьих крестьян? Надо понимать его так, как оно есть. Дело поручено Государем Императором не духовенству; ход дела духовенству не известен; вмешательство в материальную сторону дела духовенству воспрещено[1]. Когда дело приведено будет к окончанию, тогда, разумеется, для управления крестьянами составятся и обнародуются правила; до того времени

[1] См. Предложение Кавказского Епископа Консистории от 17-го января, № 3. *(Примеч. свт. Игнатия.)*

настоящие постановления, как неотмененные, сохраняют всю свою силу. В отношении к государственным законам статьи «Собеседника» неминуемо принадлежат к *вредным* разглашениям. Они не только принадлежат к вредным разглашениям, но и к разглашениям *ложным,* как это будет объяснено далее. Ложные понятия всегда ведут к бедственным последствиям.

В литературном отношении статьи «Собеседника» — новость в русской духовной литературе. Как новость, они могут показаться особенно занимательными. Иностранная литература богата такого рода сочинениями, над составлением которых неусыпно трудится партия революции и беспорядка. Метод во всех таких сочинениях один: они, выставляя злоупотребление властию некоторых лиц, на этом основании <восстают> против всякой власти, проповедуют равенство и совершенное благоденствие человеков на земле. Революционные сочинения имели и имеют повсюду множество читателей и чтителей. Это естественно: они — произведения разгоряченного воображения, не руководимого ни благоразумием, ни отчетливым знанием, разгорячают, воспламеняют, увлекают неопытных читателей. Часто действуя, по видимому, против одного рода власти, они всегда действуют против всех властей, по свойству своего метода[1]. Неправильность заключений от частного к общему тщетно твердится и повторяется здравою логикою: большинство человеков не обращает внимания на это правило и не знает его. Ни равенства, ни совершенной свободы, ни благоденствия на земле в той степени, как этого желают и это обещают восторженные лжеучители, быть не может. Это возвещено нам Словом Божиим; доказано опытом. Несвободное состояние людей, имеющее многоразличные формы, как это должно быть известно и понятно всякому образованному, есть последствие ниспадения человечества во грех[2]. Первою властию была объявлена власть мужа; первою

---

[1] «Собеседник» подчинился этому насилию принятого им метода. Признав несвободное состояние, состояние холопа, унизительным и неестественным для человечества, он устами Даниила Заточника называет холопами вельмож и бояр Царя. Умалчиваемая здесь мысль очень ясна, очень сильна: она — необходимое последствие сказанного (Январь, стр. 48). *(Примеч. свт. Игнатия.)* || [2] Св. Иоанна Златоустаго толкование на послание к Ефесеем, Patrologiae Cursus Completus. Chrisostomi in Epist. ad Ephes. Homilia XXII. *(Примеч. свт. Игнатия).* Цитируется издание: S. Ioannes Chrysostomus. Homiliae in Epistolam ad Ephesios // Patrologiae Cursus Completus... / Accurante J.-P. Migne. Series Graeca. Parisiis, 1862. T. 62. P. 157. Русский перевод см.: Полное собрание творений святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб., 1905. Т. 11. Кн. 1. С. 194 (Далее — *Иоанн Златоуст.* Творения...).

зависимостию — зависимость жены. С этой минуты власть сопряжена с насилием, подчинение сопряжено с страданием. Такими они остаются поныне; такими останутся до окончания мира. Спаситель наш даровал человечеству духовную свободу; но Он не только не устранил никаких властей, — Сам во время своего земного странствования подчинился влиянию властей, злоупотреблявших властию, подчиняясь бремени, которое человечество привлекло на себя грехом. Господь уклонился от всякого вмешательства в временное управление миром, возвестил, что Царство Его не здешнее (Ин. 18. 36), а неправедному судии Своему сказал, что он не имел бы над Ним никакой власти, если б она не дана ему была свыше (Ин. 19. 11). Отношения власти и подчиненности рушатся с разрушением мира: тогда прекратятся начальство и власть (1 Кор. 15. 24); тогда установятся братство, равенство, свобода; тогда причиною единения власти и подчиненности будет не страх, а любовь. Таким единением поглотятся власть и подчинение: существуя, они вместе уже не будут существовать. В противоположность Слову Божию революционные писатели провозглашают уничтожение властей, равенство и братство во время жизни мира. Во Франции не раз удавалось мечтателям увлекать народ к усилиям осуществить эту мечту, могущую существовать в одном воображении. Какие же были последствия? — Последствиями были потоки крови, потрясение государства внутренним беспорядком. Для исшествия из затруднительного положения народ должен был восстановлять власть и власти. Опыт доказал, что при восстановлении порядка власть облекается особенными правами и действует с особенною энергиею. «Власти от Бога учинени суть. Противляяйся власти, Божию повелению противляется», — сказал Апостол (Рим. 13. 1, 2). Невозможно слабому человеку устранить определение и распоряжение Божии. Доколе человечество подвержено влиянию греха и страстей, дотоле необходимы власть и подчиненность. Они непременно будут существовать в течение всей жизни мира: только могут являться, являются, будут являться в различных формах.

«Православный собеседник» в своем «Голосе древней Русской Церкви о улучшении быта несвободных людей» скрыл ход образования в России несвободных людей, а выставил одни злоупотребления. Таким образом, историческая сторона статьи лишена исторической истины. Это должно было послужить для статьи неминуемым источником ложных выводов. Злоупотребления, без которых не может обойтись никакое дело, никакое общество, ника-

кое сословие человеческое, были; но они в сравнении с главным фактом оказываются мелочными частностями. Россия с самого начала существования своего почти до новейших времен представляет собою обширный воинский стан. История ее есть история непрерывающейся войны. Россия то нападает на соседние народы, то отражает их нападения, два века занимается неумолкающею междоусобною войною, не прекращая войны с соседями; потом воюет для свержения ига татарского, воюет для восстановления единодержавия, воюет для вступления в те пределы, в которых она была при равноапостольном Владимире; воюет, чтоб открыть себе сообщение с Европою, чтоб занять место в числе ее держав; наконец, воюет против всей Европы для освобождения Европы. При военном характере государства невозможно, чтоб военное сословие не первенствовало в государстве. В особенности в древней и средней России военный элемент поглощал, затмевал собою все прочие элементы. По древнему обычаю всех народов, пленные обращались в рабов, и этот-то разряд несвободных людей первоначально получил название холопов и халдеев, так как пленные принадлежали наиболее татарскому племени, которое русские называли племенем агарянским, не очень разделяя татар от измаильтян и халдеев, не очень гоняясь за историческою истиною. Другой разряд несвободных людей составился из изгоев, то есть сирот, нищих и других людей славянского племени, лишившихся своего крова по разным несчастным обстоятельствам, столько свойственным временам варварства. Богатые бояре и воеводы имели обширные земли; изгои обрабатывали боярские земли по найму, а некоторые из них кабалились, то есть записывали себя и свои семейства в потомственное владение боярам, находя в это время государственной неурядицы более выгодным для себя принадлежать сильному и доброму боярину, нежели, пользуясь тщетным именем свободы, бедствовать без приюта и оставаться беззащитною жертвою для всякого рода насилий. С водворением христианства в России военные люди заботились о просвещении своих пленников Верою Христовою и давали им оседлость. Земледельцы-христиане, и свободные и несвободные, получили название крестьян, равносильное наименованию христиан. Гораздо более образовалось несвободных людей, когда потомки Рюрика размножились до чрезвычайности, а владения их измельчились до невероятности. Не только ничтожные города — многие волости имели своих отдельных князей. Единодержавие установлялось в России очень медленно, в продолже-

ние двух столетий. Независимые князья, постепенно делаясь подданными Великого Князя Московского, не тотчас утрачивали всю власть в своих уделах: в их заведывании оставались сперва города, потом поместья с крестьянами. Необходимость обуздывать своеволие простого народа и невозможность иметь полицию в государстве неорганизованном заставили Царя Бориса Годунова прикрепить крестьян к землям. Тогда все крестьяне русские обратились в крестьян несвободных. Какой же факт представляет отечественная история того времени? — Во время укрепления крестьян менее чем 1/11 часть их принадлежала к числу несвободных; 10/11 были свободными, то есть на 100 человек свободных не насчитывали 10-ти человек несвободных[1], несмотря на вышеизложенный ход образования несвободного сословия и на те злоупотребления, которыми у свободных отнималась свобода и которые так живописно выставлены «Собеседником». Одни из крестьян сделались удельными Царя, другие помещичьими, а некоторые церковными, так как часть потомства изгоев занимала земли церковные. Набожность царей и дворянства русского, в состав которого вошли все потомки Рюрика, наделила монастыри многими поместьями и деревнями. По простоте нравов и благочестию народа этот порядок держался около двух с половиною столетий, не представляя собою ничего странного. К царствованию Императрицы Екатерины II-й число помещичьих крестьян уже было гораздо менее числа крестьян, принадлежавших монастырям и Архиерейским домам. Россия, постепенно возрастая, ощутила много нужд, которых в состоянии младенчества не ощущала; по этой причине и по духу времени при Императрице Екатерине монастырские крестьяне были переданы в ведомство государства: вот образование казенных крестьян[2]. Но и эта Государыня видела еще нужду в помещиках по недостаточному устройству государства, именно по недостатку полиции, как выражалась Императрица. Она раздала многие сотни тысяч крестьян лицам, оказавшим особенные услуги государству. Император Павел I-й продолжал жаловать своих сановников крестьянами. За всею этою раздачею казенных крестьян помещикам число помещичьих крестьян только сравнялось

[1] Русская Беседа, 1859 года, книжка 14, «Крестьяне на Руси», с. 94. *(Примеч. свт. Игнатия.)* Цитируется работа: *Беляев И. Д.* Крестьяне на Руси // Русская беседа. 1859. М., 1859. Т. 2. Кн. 14. Раздел «Науки». С. 39–94. ‖ [2] Указ Императрицы Екатерины II о секуляризации церковного землевладения, согласно которому церковные и монастырские крестьяне передавались в ведомство государства, вышел в 1764 г.

с казенными. Со времени Александра I-го взгляд на предмет изменился: государство окончательно организовалось, полиция из чиновников повсюду устроилась; народ начал выходить из состояния детства, получил новые идеи, ощутил новые потребности; дворянство начало тяготиться своим состоянием пестунства при крестьянах; крестьяне начали тяготиться стеснением своей свободы, своим патриархальным бытом. Все это стало сильно обнаруживаться и высказываться во вторую половину царствования Императора Николая I-го. Ныне благополучно царствующий Император Александр II-й застал дело подготовленным и нашел необходимым изменить форму управления помещичьими крестьянами. Какое в сущности значение имеет улучшение быта крестьян? Это изменение формы управления ими. Им даруется свобода, но не своеволие: они выходят из-под ведомства помещиков, как бы из-под надзора воспитателей и опекунов, в служебное, личное отношение к государству, чрез посредство начальства, которое над ними установлено будет правительством. Повеление Государя ознаменовано счастливейшим началом, великолепным исполнением, изумляющим Европу. Европа привыкла видеть государственные перевороты сопровождаемыми народным смятением, ужасным кровопролитием: в России, напротив того, переворот совершается с ненарушимым спокойствием. Слова Государя, что «началом переворота по повелению Свыше предупреждается начало его снизу»[1], должны быть начертаны золотыми буквами на скрижалях истории: надобно бы было «Собеседнику» обратить внимание на эти слова и не начинать того действия, которое Государь желал предупредить. Дворянство содействует, за исключением, может быть, некоторых отсталых личностей, со всею ревностию, благополучному совершению переворота, благодетельного для обоих сословий, и дворянского и крестьянского. То и другое были в отношении патриархальном друг к другу: этим отношением они стеснялись и связывались. Они переходят теперь к гражданскому отношению: земледельцы останутся земледельцами, за исключением нескольких тысяч богатых людей, могущих перейти в купеческое состояние; пред дворянством открывается обширное поприще новой деятельности в стране, преизобилующей матерьяльными средствами.

---

[1] В речи к представителям дворянства Московской губернии 30 марта 1856 г., перед своей коронацией, Государь Александр II сказал: «Лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу» (*Штанов Х.* Император Александр II и освобождение крестьян: Исторический очерк. М., 1911. С. 56–57).

Эти условия — залог ожидающего дворянское сословие благосостояния, благосостояния совсем в иной форме, более прочного и обширного. Представленное здесь краткое историческое изложение показывает всю односторонность и неправильность взгляда на дело, доставляемые «Собеседником» читателям его чрез указание на одни частные злоупотребления, которыми сопровождалось приобретение несвободных людей и владение ими. Судя по этим частностям и не зная метода, которому подчинился «Собеседник», легко можно подумать, что несвободное сословие образовывалось единственно чрез насилия, что период владения помещиков крестьянами в России был периодом непрерывного, повсеместного тиранства, а дворянское сословие всегда состояло из лиц самых бесчеловечных и безбожных. По точному исследованию статистиков оказывается совсем противное: быт помещичьих крестьян, несмотря на частные злоупотребления, в своем общем составе далеко превосходнее быта крестьян во всех прочих европейских государствах; многие помещичьи крестьяне равняются богатством с первейшими купцами; но быт этот устарел в нравственном и государственном отношениях. Благочестие и усердие к Церкви древних русских князей и бояр достаточно доказываются уже тем, что они половину своих крестьян передали монастырям. Беспрекословное и радушное принятие монастырями в свое владение крестьян есть фактический голос древней Русской Церкви как о самом быте, так и об улучшении быта несвободных людей.

Определив значение статей «Собеседника» по отношению к государственному законодательству, к духовной литературе, к отечественной истории, остается определить значение их по отношению к Божественному Откровенному христианскому учению, к учению Православной Восточной Церкви, хотя это значение уже довольно обнаруживается из вышесказанного. Господь заповедал: «Внемлите же от лживых пророк (т. е. от лжеучителей и лжеучения), иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы: от плод их узнаете их» (Мф. 7. 15, 16). «Плод духовный, — сказал Апостол, — есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5. 22). Учение истинное, богоугодное, имеет непременно своим последствием плод духовный, изображенный Апостолом; если же учение не свидетельствуется этим плодом, то оно — ложное, хотя бы произносящий носил имя пророка, то есть какое бы то ни было важное и громкое наименование, соединенное с понятием о превосход-

ных знании и учености. Эта заповедь Божия требует особенной рассмотрительности, и в начале ее Господь поместил знаменательное слово: «внемлите». Точно: она, для исполнения, требует тщательнейшего внимания и рассуждения! Лжеучение весьма часто излагается блистательно и увлекательно. Не всякий может дать лжеучению должную цену по разбору мыслей, в нем заключающихся; но по плодам своим оно тотчас познается, разоблачается, оценивается. Святой Великий Варсонофий некоторому иноку сказал: «Знай, брат мой, что всякий помысел, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостию; все же вражеское бывает с смущением и мятежом. Хотя бесы и показываются облеченными в одежду овчую, но, будучи внутренне волками хищными, обнаруживаются посредством производимого ими смущения, как сказано: «от плод их познаете их» (Мф. 7. 15, 16). Да вразумит Господь всех нас, чтоб не увлечься их правдою»[1]. Преподобный Макарий Великий говорит: «Человеку, любящему добродетель, весьма стараться надлежит о различении вещей, дабы разнствие между благими и злыми совершенно ведал, и различные демонские козни, ими же под видом добрых уму представлений, многих навыкл развращати, испытывати могл и разумевати: ибо во всех случаях полезно осторожну для избежания опасных последствий быти. По слабости убо ума скоро не вдавай себе побуждениям духов, на прельщение твое может быть строимым, аще бы тии и небеснии были ангели: но стой непоколебим, прилежнейшему вся предая исследованию, и тогда, еже благо быти усмотриши, приемли, а еже зло суще явится, отрини. Ибо неизвестны суть действия благодати, их же грех, аще бы и благаго дела вид на себя восприял, никакоже подати может. Ибо хотя по Апостолу и «весть сатана преобразитися во ангела светла» (2 Кор. 11. 14), да тако прельстит человека: но хотя бы и светлыя видения представлял: благаго обаче действия, якоже речено есть, подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает. Ибо ни любви, яко к Богу или ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости, ни мира, ни обуздания помыслов, ни возненавидения мира, ни спокойства духовнаго, ни пожелания небесных действий дати не может, ниже страсти и похоти укротити, яже явственна суть действия благодати: «плод, —

[1] Ответ 21. *(Примеч. свт. Игнатия.)* Цитируется издание: Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М., 1855. С. 22.

бо глаголет, — духовный есть любы, радость, мир» и проч. (Гал. 5. 22); удобно же есть гордость паче и высокоумие вложити в человека может, яко на сие зело склонный и пресильный. Из действия убо познаеши воссиявший в душе твоей умный свет, от Бога ли, или от сатаны произведен»[1]. Таково верное и глубокое учение Божие, учение Св. Православной Церкви о началах добра и зла, о самых тончайших, необъяснимых помыслах, объясняемых по их плодам и действиям. Какой же плод статей «Собеседника»? Они напыщают ум, разгорячают воображение и кровь, дают о предметах неправильные понятия, постоянно заключая от частного к целому, нарушают мир между сословиями, влекут их к взаимной вражде и столкновению. Эти последствия уже очень печальны; но за ними, в будущности, стоят последствия самые мрачные. Такое действие статей есть верное свидетельство о качестве их по отношению к Богу и к Церкви, о их началах. Всякого блага начало — правильная мысль; всякого бедствия начало — мысль ложная, по свидетельству Евангелия, которое показывает неразрывную связь лжи с гибелию человечества (Ин. 8. 44).

«Собеседник», назвав первую статью свою «Голосом древней Русской Церкви о улучшении быта несвободных людей», не представил, однако, этого голоса в обещанном значении, при котором необходимо изложение учения Церкви, как Вселенской, так и Российской, о том, дозволяется ли в христианстве владение рабами, или оно воспрещается. «Собеседник» представил только голос Церкви против злоупотреблений: приведенные им отцы Российской Церкви восстают с святою ревностию против злоупотреблений властию, а не против самой власти, не против прав ее; в этом они последовали пастырям Вселенской Церкви и великому учителю Вселенскому, Иоанну Златоустому, особенно чтимому древнею Русскою Церковию, запечатлевшему свои обличения неправды и насилия мученическою кончиною. Учение Церкви о рабовладении и гражданской свободе, учение, которого точное объяснение так было необходимо для статьи, написанной духовным лицом и от имени всей Церкви, «Собеседник» излагает в своем «Слове о освобождении крестьян». В этом «Слове», чтоб поддержать свое собственное учение и выдать за учение Церкви, «Собеседник» прибегает: 1) к изменению текста в Послании св. апостола Павла к Коринфянам, который читается в славянском переводе так: «Аще

[1] Слово IV по московскому изданию 1833 года. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Слова преподобного отца нашего Макария Египетского. СПб., 1817. С. 62–64.

и можеши свободен быти, больше поработи себе» (1 Кор. 7. 21); 2) к объяснению этого текста противоположно тому, как объясняет его Церковь. Такое поведение «Собеседника» требует, чтоб здесь изложено было точное учение Православной Церкви о рабстве и рабовладении.

Гражданское рабство есть последствие греха, — греха в обширном смысле, или той вечной смерти, которою заразился род человеческий в своем корне, в праотцах[1]. «Собеседник» находит начало рабства в проклятии, произнесенном Ноем на Ханаана, сына Хамова, сбывшемся над отдаленным потомством Ханаана; но, сказав это, казанский журнал далее говорит, что начало рабства — грех. «О! — восклицает он, — если б не было на земле греха, не было бы и рабства![2]» Грех, объявший, охвативший человечество и землю, как яд, как зараза, действующие с быстротою электричества, совершил чудовищное превращение в природе человека и в природе земли сразу по падении Адама, сразу по произнесении проклятия на человека и землю Богом, а не во времена Ноя. Из поведаний библейских видим, что величайшие праведники ветхозаветной Церкви, Авраам, Исаак, Иаков, Иов, имели рабов и передавали их в наследство своим детям. Этого мало: «Взя Авимелех (царь Герарский), — говорит книга Бытия, — тысящу дидрахм сребра, и овцы, и тельцы, и рабы, и рабыни, и даде Аврааму» (Быт. 20. 14). Авимелех дарит рабов; праведный Авраам принимает в подарок рабов. Такой же подарок из рабов и рабынь получил великий Авраам от царя Египетского (Быт. 12. 16). Святая Сарра, супруга Авраама, по причине неплодства своего возводит вместо себя на ложе святого мужа рабыню — Агарь, Египтяныню. Агарь зачала от Авраама и по этому поводу возгордилась. Сарра пожаловалась мужу на поведение наложницы. Аврам отвечал ей: «Се раба твоя в руку твоею: твори ей, якоже ти есть угодно. И озлоби ю Сарра; и отбеже от лица ея» (Быт. 16. 1–6). Когда Агарь убежала от Сарры и скиталась в пустыне, явился ей Ангел и сказал: «Возвратися к госпоже твоей и покорися под руку ея» (<Быт. 16.> 9). Эти события объясняются падением человека; по ним истинный христианин может исследовать всю глубину человеческого падения, так как события касаются величайших ветхозаветных праведников. Достойно замечания, что Ангел Божий заповедует рабе покорность госпоже, огорчившей рабу.

---

[1] Смотри выше выноску № 4. *(Примеч. свт. Игнатия.)* Имеется в виду примеч. на с. 400. || [2] Март, с. 335, 336, 337. *(Примеч. свт. Игнатия.)*

Поведение ветхозаветных праведников относительно их рабов было иное, нежели поведение рабовладельцев-язычников, которые поступали и ныне поступают с рабами своими несравненно хуже, нежели с домашним скотом. Жителям Кавказа известно обращение соседей-горцев с рабами! По особенности отношений ветхозаветных праведников к рабам рабы их названы в Священном Писании домочадцами. Моисеев закон допускал рабство срочное для израильтянина у израильтянина, допускал в известных случаях и бессрочное (Исх. 21. 2–6) — о бессрочном рабстве умолчано «Собеседником», — но вообще требовал человеколюбивого обращения с единоплеменными рабами; этот же Закон говорит: «И раб и рабыня, иже аще будут у тебе от язык, иже окрест тебе суть, от тех да притяжете раба и рабыню. И от сынов присельничных, иже суть в вас, от сих притяжете, и от сродников их, елицы аще будут в земли вашей, да будут вам во одержание. И да разделите я детем вашим по вас, и да будут вам во одержание во век» (Лев. 25. 44–46). Это постановление Моисеева закона умолчано «Собеседником», а оно следует тотчас после тех слов, которые привел «Собеседник» из Левитской книги, и пополняет понятие о рабстве у израильтян. Далее Моисей говорит: «Братии же вашей сынов Израилевых кийждо брата своего да не отяготит его в трудех» (46). Из этих слов и всего постановления о рабах вполне явствует, что Израильский Законодатель заботился о том, чтоб поставить Израильский народ, как избранный, выше всех прочих народов, а прочие народы пред ним унизить. С этою целию Моисей полагает шестилетний срок рабству еврея у еврея и предоставляет еврею приобретать рабов из других народов в бессрочное и потомственное владение. Если взглянуть с высоты духовного созерцания на рабство, в особенности на прежнее и современное рабство у язычников, на все другие разнородные бесчисленные бедствия, которым подвергается на земле человечество, то нельзя не сознаться, что оно соделалось чрез падение разрядом существ, отверженных Богом, которых вечные страдания начинаются с краткого земного странствия и получают полное развитие с вступлением в вечность. Спаситель совершил искупление рода человеческого, совершил его для всех человеков, но вместе совершил только для тех, которые захотят принять его произвольно. Спаситель оставил скорби земного странствования человеческого, в числе их и рабство, неприкосновенными, требуя от верующих в Него человеков не только сердечной и устной, но

и деятельной исповеди своего поведения, деятельной исповеди того, что для человеков необходим Искупитель, — исповеди, состоящей в признании земных скорбей справедливым следствием падения и в покорном подчинении им. Сам Богочеловек подчинился этим скорбям, чтоб мы с Ним подчинялись им; Он требует, чтоб Его уды — истинные христиане — проводили земное странствование так, как Он проводил: невозможно удам быть в ином состоянии от Тела и Главы, от Церкви и Христа. По этой причине св. апостол Петр сказал, что христиане призваны во время своего земного странствования на добрые дела и страдания, «зане, — говорит Апостол, — и Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его: иже греха не сотвори, не обретеся лесть во устех Его» (1 Пет. 2. 21, 22). По какому поводу сказал это Апостол? — Сказал, обращаясь к христианам, принадлежавшим в гражданском отношении к сословию рабов. «Раби, — говорит он, — повинуйтеся во всяком страсе владыкам, не токмо благим и кротким, но и строптивым» (<1 Пет. 2>. 18). «Не твое дело, что господин твой бесчеловечен: ему за это судит Бог; ты неси твой крест, данный тебе Богом для твоего спасения, неси безропотно, благодаря и славословя Бога с креста твоего; потому что и с тебя потребуется Богом отчет, каково ты нес Богом дарованный крест твой». Спаситель мира установил на земле Свое Царство, но Царство духовное, могущее пребывать во всяком человеческом обществе, как бы это общество по гражданскому устройству своему ни называлось, монархиею, или республикою, или чем другим: потому что Царство Христово, будучи не от мира сего (Ин. 18. 36), не имеет никакого отношения к гражданской форме государств, доставляя, впрочем, всякому государству самых добродетельных и потому самых полезных членов. Точно так и свободу Господь даровал духовную, не уничтожив ни одной власти гражданской; ибо свободный духовно, при всей гражданской подчиненности своей, не подчинен греху и страстям, не подчинен самым разнообразным обстоятельствам и превратностям земной жизни, не подчинен страху, став силою веры во Христа и наслаждением во Христе превыше человеческого страха и превыше всех земных бедствий. Влияние и человеческого страха, и земных бедствий служит признаком лицемерного, поверхностного, непонятого христианства. Если скажут на это, что многие из христиан подчиняются влиянию злоключений и ниспадают под бременем их, то на это уже имеется готовым ответ самого Спасителя: «Внидите узкими враты: яко

пространная врата и широкий путь (земного благоденствия) вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его» (Мф. 7. 13, 14). «Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин» (Мф. 10. 38). Слыша эти решительные слова Христовы, лучше плакать пред Ним о своей немощи, нежели витийствовать земным плотским мудрованием и витийством против Креста Христова и против тесного пути, того единственного пути, который вводит во спасение. Какая существенная причина такового разглагольствования? — Отвержение тесного пути, желание пути широкого — отвержение Креста Христова. — «Нам же», братия, «да не будет хвалитися токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа: имже нам мир распяся, и мы миру» (Гал. 6. 12, 14). Так научает нас Апостол. Кто жив для мира, вступается с разгорячением и увлечением в дела его, тот доказывает и показывает свою мертвость для Христа.

Церковная Новозаветная История представляет многих святых и праведных христиан, которые имели рабов и передавали их в наследство своим детям, что они покупали и продавали рабов, как, например, отец святого Иоанна Дамаскина купил преподобного Косьму. Некоторый христолюбец вопросил Великого во святых Варсонофия: «Отец мой, я хочу приобрести себе слуг, но сомневаюсь, будут ли они мне полезны. Скажи мне, должно ли их взять? И как мне поступить?» — Великий отвечал: «Будем помнить, что и мы имеем Владыку. Если мы будем повиноваться Владыке нашему, то Он сотворит, что и слуги наши будут повиноваться нам. Вот, ты слышишь: поди же и возьми их во имя Господне»[1]. Из этого видно, во-первых, что первенствующая христианская Церковь не возбраняла христианам иметь рабов, — во-вторых, что постановление Моисеева закона о рабстве евреев у евреев не было обязательным для христиан. Те из христиан, которые стремились к христианскому совершенству, — давали рабам своим свободу, а имение свое продавали и раздавали нищим, исполняя этим всесвятый совет Господа: «аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь нищим: и имети имаши сокровище на небеси, и иди вслед Мене» (Мф. 19. 21). Святой великомученик Георгий пред исшествием на подвиг мученичества освободил всех рабов своих. Так поступали почти все

[1] Великого Варсонофия ответ 656. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство... С. 551.

мученики; так поступали все, вступившие в духовное мученичество, в монашество. Святый Петр Мытарь не только освободил всех рабов своих, но и себя продал в рабство; святой Павлин, епископ Нолы, продал себя в рабство, чтоб искупить сына вдовицы[1]. Такое поведение многих избранников Божиих, христиан совершенных, отнюдь не было общим правилом для всех христиан. Общим христианским правилом была и есть любовь к ближним, следовательно, и к рабам. Рабы христиан были по преимуществу домочадцами; они не были рабами. Тот христианин, который позволял себе жестокость относительно рабов, был обличаем и научаем Церковию. Жестокие, бесчеловечные, развратные господа между христианскими господами были; но не является ли попрание заповедей Божиих и в прочих всех сословиях? Не являлись ли жестокость и разврат во всех сословиях, между самыми пастырями и архипастырями? Таков падший человек! Самые ближайшие сношения с воплотившимся Богом, самый сан апостольский, высочайший из всех санов человеческих, не уклонили от величайшего из человеческих преступлений того человека, который произвольно избрал для себя зло.

Божественное Новозаветное учение о господах и рабах изложено со всею точностию и удовлетворительностию в посланиях святого апостола Павла. Мы предлагаем здесь это учение, по истолкованию его святым Иоанном Златоустым, общепринятому Святою Церковию и особенно уважаемому древнею Российскою Церковию. Святой Иоанн Златоуст, приступая к объяснению 13-й главы Послания к Римлянам, в которой сказано, что начальство и власти суть Божие учреждение, обращает внимание читателя на предшествующую главу, в которой и верно, и свято, и живописно изображена нравственность истинного христианина. «Заметь, — говорит Златоустый, — как кстати Апостол завел

[1] Жестокий мытарь Петр, живший в Африке в VI в., после бывшего ему откровения раскаялся, освободил своих рабов и раздал имущество, а себя продал в рабство, предпочтя свободе служение в образе нищего раба. Подвигами терпения и смирения достиг святости, скончался в Царьграде. Память праведного Петра 22 сентября (5 октября).

Святитель Павлин Милостивый, епископ (с 409 г.) г. Нолы (Италия) — учитель Церкви, христианский поэт. Во время нашествия вандалов пожертвовал все имущество на выкуп пленных и пропитание обнищавших, а затем отдал себя в рабство к вандальскому князю в обмен на захваченного в плен сына бедной вдовицы. Впоследствии убедил князя отпустить всех пленных христиан и сам с почестями был отпущен на свободу. Скончался 22 июня 431 года. День его памяти 23 января (5 февраля).

речь о сем предмете. После того как предложил слушателям различные требования христианского любомудрия, настроил их жить в мире с друзьями и врагами, научил быть полезными и для счастливых, и несчастных, и для нуждающихся, коротко сказать, для всех, насадил уставы общежития, приличные ангелам, истощил гнев, низложил высокоумие и совершенно умягчил их сердца, после всего того предлагает свои увещания о повиновении властям»[1]. Очевидно, что только тот христианин, в душе которого глубоко насаждены правила христианской нравственности, в душе которого преобладает вера, который старается умерщвлять себя для мира, который смотрит на земные человеческие отношения и на земные человеческие положения оком странника из разума Христова, который проводит жизнь на земле как в преддверии к вечности, может богоугодно и душеполезно нести иго подчиненности, тогда как власть земная почти всегда сопряжена с большими или меньшими злоупотреблениями, по свойству падшего человека, по его греховности, по его ограниченности. Не лишним будет здесь заметить, что святой Иоанн Златоуст объясняет законоположенные Святым Духом отношения властей и подчиненных сразу по окончании веков мученичества, когда власть почти непрерывно в течение трех столетий обнаруживала такое чудовищное зверство и бесчеловечие, какового не представляли летописи мира ни прежде, ни после. Это тот Златоуст, который произнес самые сильные обличения против злоупотреблений богатством и властию и сделался жертвою мести за свои обличения. Златоуст говорит: «(Апостол), желая внушить, что заповедь его (о подчиненности) простирается не на одних мирских людей, но на всех, и на священников, и на монахов, объявляет о том наперед, говоря так: «Всяка душа властем передержащим да повинуется». Хотя бы ты был Апостол, хотя бы Евангелист, хотя бы Пророк, хотя бы другой кто, повинуйся. Подчинение власти не подрывает благочестия. Апостол здесь разумеет не простое повиновение, но подчинение. Первое основание таковаго установления, удовлетворяющее разуму верных, состоит в том, что власти учреждены от Бога»[2]. Златоуст утверждает, что Апостол говорит в этой главе о подчиненности *как слуг господам,* так и подначальных начальникам. Исчисляя Богом установленные виды начальства и подчиненности, Златоуст упоминает о отношениях «между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и

[1] Иоанн Златоуст. Творения... СПб., 1903. Т. 9. Кн. 2. С. 774. || [2] Там же.

юношею, между *рабом и свободным,* между начальником и подчиненным, между учителем и учеником»[1].

«Собеседник», располагаясь говорить от имени Церкви о улучшении быта несвободных людей, сохранил ли верность нравственному христианскому началу, изложенному в 12-й главе Послания к Римлянам, тому началу, из которого, только одного, можно рассуждать о предложенном предмете правильно, в характере истинного христианства, в характере Святой Православной Церкви? К сожалению, нет! «Собеседник» отверг назидание Апостола, отверг нравственное начало, предложенное Апостолом: он не победил благим злое. Напротив того, он выставил на позор всем свое явное побеждение злом. Напрасно говорит для него Апостол: «Благословляйте гонящие вы; благословите, а не кляните, ни единому же зла за зло воздающе. Не себе отмщающе, но дадите место гневу: писано бо есть: «Мне отмщение: Аз воздам», — глаголет Господь» (Рим. 12). «Собеседник», вместо кроткого вразумления ошибающихся, вступил в перебранку с светскими писателями, на колкости отвечает колкостями. «Собеседником» унижен святой и важный характер Церкви, искажен ее святой голос, пред которым все благоговеют и умолкают. «Собеседник», отвергши достоинство, которое ему доставлялось Церковию, дал право светским писателям на резкие ответы. А для ответов может послужить обильным источником метод, употребленный «Собеседником», метод живописной и красноречивой публикации частных злоупотреблений и заключения о целом от частного. Потеряв настроение мира и любви, при которых только может разум сохранять верность Божественной Истине — Христу и единение с Всесвятою Истиною, «Собеседник» не мог не вдаться во все пути ложного умствования. Он позволил себе, в разгорячении и увлечении своем, изменить слова Священного Писания и дать им произвольное толкование, сообразное своей цели, отвергнув общепринятое толкование Церковию, между тем как Православная Церковь именно отвергает произвольное разноречивое толкование Писания, а принимает толкование его святыми Отцами: слово, изреченное Святым Духом, может быть и объяснено только Святым Духом. «Вот, — говорит «Собеседник», — прямое учение христианства о рабстве: «Каждый будь верен, — говорит Слово Божие, — тому званию, к какому призван (Богом). Рабом ли кто призван, не смущайся; но если можешь сделаться свободным, тем лучше умей воспользоваться этим. Ибо призванный в

[1] Там же. С. 775.

Господе (т. е. в христианстве) рабом, есть свободный (человек) Господа; и призванный свободным есть раб Господа. Вы искуплены дорогою ценою: не делайтесь же рабами человеков» (1 Кор. 7. 20–23)»[1]. В русском переводе Нового Завета, изданном по благословению Святейшего Синода, 21-й стих читается так: «Рабом ли ты призван, не беспокойся: но ежели можешь сделаться и свободным, тем больше воспользуйся»[2]. Умолчание слова «*этим*» дает другой смысл! В славянском же тексте читаем: «но аще и можеши свободен быти, больше поработи себе»[3]. Итак! В славянском тексте открываем мысль, совершенно противоположную той, которую желает видеть и высказать «Собеседник». В изданном по благословению Святейшего Синода в 1765 году толковании святого Иоанна Златоуста на 14 посланий святого апостола Павла упомянутый текст читается так: «Но аще и можеши свободен быти, наипаче употребляй сего». Это самый буквальный перевод с греческого; на краю выставлен тоже весьма точный перевод, более понятный, более обнаруживающий мысль Апостола: «больше поработи себе». На сей текст имеется следующее толкование Златоустого: «Это значит: тем больше поработи себя. И почему повелевает пребывать рабом могущему освободиться? Чтоб показать, что рабство не приносит никакого вреда, напротив — приносит пользу. Не не ведаем, что некоторые это «наипаче употребляй» думают сказанным о свободе, говоря: если можешь освободиться, освободись. Это изречение было бы вполне противно цели Павла, если б оно имело такое значение. Он не мог приказывать рабу отыскивать свободу в то время, как утешает раба и объясняет ему, что он нисколько не повреждается (от рабства)». «Употребляй сего» значит: употреби рабство посредством смирения в сильное средство спасения. Слова Апостола «ценою куплени есте: не будите раби человеком» Златоустый объясняет так: «это сказано не только рабам, но и свободным. Может раб, будучи рабом, не быть рабом, и может быть рабом и тот, кто свободен. Каким образом можно не быть рабом, будучи рабом? Делая все ради Бога, без притворства, работая не только пред глазами (господ): это-то значит работать человекам и (вместе) быть свободным. Опять: как может кто-нибудь, будучи свободным, соделаться рабом? (Это совершается), когда кто-нибудь проходит между человеками слу-

[1] «Собеседник», март, с. 339. *(Примеч. свт. Игнатия.)* || [2] Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет на славянском и русском языке. Иждивением Российского Библейского общества. Первым тиснением. СПб., 1821. С. 588. || [3] Там же. С. 588.

жение лукаво, или ради чревообъядения, или ради страсти к деньгам, или с целию властолюбия. Кто таков, тот порабощен более всякого раба»[1]. Что изъяснение мысли святого апостола Павла понято и преподается Златоустым с совершенною правильностию, это видно из наставления Апостола рабам и господам в Послании его к Ефесеянам: «Раби, — говорит он, — послушайте господий своих по плоти, со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, якоже и Христа: не пред очима точию работающе яко человекоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божию от души. Со благоразумием служаще якоже Господу, а не яко человеком: ведяще, яко кийждо, еже аще сотворит благое, сие приимет от Господа, аще раб, аще свободь. И господие, таяжде творите к ним; послабляюще им прещения: ведуще, яко и вам самем и тем Господь есть на небесех, и обиновения <лица> несть у Него» (Еф. 6. 5–9). Из Послания апостола Павла к Филимону видно не что иное, как уважение Апостола к правам господина и ходатайство такого лица, которое могло приказывать, о рабе, соделавшемся из сосуда неправды сосудом Божиим. Непонятно, для чего «Собеседник» приводит это Послание в поддержание своей идеи, которой Послание явно противоречит![2] Разве в надежде скрыть точный смысл Послания от неопытного читателя и представить свой взгляд на предмет взглядом святого апостола Павла. Также непонятна причина, по которой «Собеседник» приводит учение Господа о духовной свободе, между которою и свободою гражданскою нет никаких отношений[3]. Имеющий духовную свободу нисколько не нуждается в гражданской: он — в рабстве, в тюрьме, в оковах, в руках палача — свободен. Напротив того, лишенный духовной свободы, хотя бы пользовался гражданскою свободою, хотя бы пользовался полным гражданским благоденствием, есть раб греха и страстей, есть узник и раб вечный[4]. Справедливо замечает Блаженный Феофилакт Болгар-

---

[1] Homilia XIX. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Иоанн Златоуст. Творения... СПб., 1904. Т. 10. Кн. 1. С. 182–183. ‖ [2] «Собеседник», март, с. 347, 348. *(Примеч. свт. Игнатия.)* ‖ [3] Там же, с. 336, 337. *(Примеч. свт. Игнатия.)* ‖ [4] Христианское понимание свободы, излагаемое здесь святителем Игнатием, близко к рассуждению св. Иоанна Златоуста, содержащемуся в той же Беседе XIX на Первое послание к Коринфянам: «Таково христианство: оно и в рабстве доставляет свободу. <...> Подлинно, если нам не причиняют вреда ни смерть, ни бичевания, ни узы, то тем более рабство. <...> Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное — рабство греху. Если ты не подвергся ему, то дерзай и радуйся; тебе никто не может причинить никакого зла, потому что ты чужд рабства в душе своей. Если же ты подвергся ему, то, хотя бы ты был тысячекратно свободен, свобода не принесет тебе никакой пользы» (Творения... Т. 10. Кн. 1. С. 184–185).

ский, что учение Господа о духовной свободе не удовлетворило таких Его учеников, которые были учениками только по имени и по положению и, не приемля, как следует, Слова Господня, которое Дух и Жизнь (Ин. 6. 63), желали приспособить это слово к земному своему благосостоянию, т. е. дать Слову Божию плотское значение и действие. Знамение Христа — Крест; Слово Христа — Слово Крестное: оно было и есть «для Иудеев — соблазн, для Еллинов безумие» (1 Кор. 1. 23).

Изложенное здесь учение Церкви, при всей краткости, показывает: 1) что и Слово Божие, и Церковь, как Вселенская, так и Российская, в лице святых Отцов, никогда и ничего не говорили о уничтожении гражданского рабства, что между духовною и гражданскою свободою нет ничего общего, что как рабы, так и господа были постоянно научаемы Церковию точнейшему, самому добросовестному исполнению своих обязанностей, что нарушители Христова завещания о любви подвергались обличениям и вразумлениям; 2) что освобождение рабов всегда признавалось Церковию добрым делом, делом милости, делом братской христианской любви. Из этого учения Церкви взгляд на настоящее отечественное событие, на дело о улучшении быта помещичьих крестьян и о даровании им гражданской свободы величествен, великолепен. Благочестивейший Самодержавец Российский указал дворянскому сословию совершение великого христианского дела, дела любви. Церковь призывает благословение Божие на великое отечественное дело теплейшими молитвами! Ее пастыри приглашают дворянство к благородному самоотвержению, к пожертвованию, к пожертвованию срочному вещественными выгодами для выгод нравственных, а крестьян наставляют принять дар Царя с должным благоговением и смирением — этими верными залогами, что дар будет употреблен благоразумно и полезно. Не должно думать, что гражданская свобода возвысит нравственно одних крестьян: сословие дворян должно непременно вступить на высокую степень нравственного преуспеяния, отказавшись от рабовладения. Таково свойство самоотвержения и принесения выгод матерьяльных в жертву выгодам духовным: оно возвышает, изменяет, совершенствует человека.

Нельзя оставить без внимания некоторых частностей, которыми «Собеседник» усиливается прийти к заключению о целом. С такою целию выставлен «Собеседником» плач Даниила Заточника, ссыльного холопа[1]. Заточник представлен невинным стра-

[1] «Собеседник», январь, с. 46—48. *(Примеч. свт. Игнатия.)*

дальцем; плач его разносится по всей Древней России, с сочувствием повторяется всем древним русским народом, на голос его отзывается древняя Русская Церковь; впрочем, ни один церковный писатель с мнением о плаче Заточника не указан. Как ни трогательно это описание, но столько важные факты нуждаются в удовлетворительном доказательстве. «Собеседник» говорит, что «в голосе Заточника слышится какая-то горькая насмешка, что-то вроде сатирического озлобления»[1]. Неужели никто из современных Заточнику пастырей не понял, что правильное христианское настроение не допускает в душу ни чувства горькой насмешки, ни сатирического озлобления? Не скорее ли признать клеветою на Церковь приписываемый ей немедленный отклик на голос ропота и злохуления, подобный тому, который услышался из уст одного из разбойников, распятых с Господом. О этом разбойнике Церковь говорит, что он тяжестию хуления низвлечен во ад[2]. Она научает чад своих, из среды злоключений земных, произносить и повторять слова другого разбойника: «достойное по делам моим приемлю: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Одно средство облегчить свое трудное положение, привлечь в душу спокойствие, доставить ей духовное утешение и наслаждение: это — признать себя достойным трудного положения, а трудное положение — попущением Божиим. «Нет ничего крепче смиренномудрия, — сказал преподобный авва Дорофей, — ничто не побеждает его. Если со смиренным случится что-либо скорбное, он тотчас обращается к себе, тотчас осуждает себя, что он достоин того, — не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину и таким образом переносит случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием»[3]. Каждый должен правильно признать себя достойным скорби и наказания: каждый зачат в беззакониях и рожден во грехе, имеет внутри себя живущие и действующие греховные страсти, эту греховную заразу, не престающую рождать грех — если не в делах, то в помыслах и ощущениях. Спаситель мира сказал: «Иже не приимет креста своего, и вслед Мене грядет, несть Мене достоин» (Мф. 10. 38). Крестом, по объяснению святых Отцов, названы те скорби, которые Богу угодно попустить нам во время нашего земного странствования. Скорби разнообразны: каждый из чело-

---

[1] «Собеседник», январь, с. 47. *(Примеч. свт. Игнатия.)* || [2] Кондак девятого часа. *(Примеч. свт. Игнатия.)* || [3] Поучение Второе о смиренномудрии. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения, с присовокуплением вопросов его и ответов, данных на оные святыми старцами Варсонофием Великим и Иоанном Пророком. М., 1856. С. 42.

веков имеет свои скорби; скорби наиболее соответствуют страстям каждого; по этой причине каждый имеет «свой крест». Этот свой крест повелено каждому из нас принять, то есть повелено каждому признавать себя достойным посланной ему скорби, переносить ее благодушно, последуя Христу, заимствуя от Него смирение, посредством которого переносится скорбь. В вышеприведенных словах Господа заключается страшный приговор на не переносящих скорби терпеливо: Господь отвергает их. Они, произнося из среды скорбей ропот и злоречие, этим самым произносят исповедь, что их разум и сердце не озарены Божественною благодатию, что Господь чужд им: ибо не кто иной, а именно Господь научает смирению истинных рабов Своих. «Научитесь не от Ангела, — говорит Он, — не от человека, не из книги, но от Меня, то есть от Моего усвоения вам, осияния вас, действия в вас, яко кроток есмь и смирен сердцем, и помыслом, и образом мыслей: и обрящете покой оборения (внутреннего), и облегчения душам вашим от помыслов» (Мф. 11, 29)[1]. Скорбь потому и называется искушением или испытанием, что она обнаруживает сокровенное устроение души[2]. Святой Исаак Сирский говорит: «Всякое затруднительное положение и всякая скорбь, не сопровождаемые терпением, производят сугубое мучение. Терпение человека противостоит его злоключениям, а малодушие — мать мучения <...> Оно рождает в человеке превозмогающую его силу уныния, от которого ощущается душевная удава — это предвкушение геенны. Сим наводится на человека дух исступления, от которого источается тьма искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы <...> Какое врачевство всему этому? — смиренномудрие сердца <...> По мере смиренномудрия дается тебе терпение в злоключениях твоих. По мере терпения твоего облегчается для тебя тяжесть скорбей твоих, и приемлешь утешение. По мере утешения, получаемого тобою, возвеличивается любовь твоя к Богу. Соответственно любви тво-

---

[1] Преподобного Иоанна Лествичника Слово 25. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской Горы, Лествица. Изд. 7-е. Сергиев Посад, 1908. С. 163. (Далее — Лествица...). В данном издании перевод несколько отличается от использованного святителем Игнатием. ‖ [2] Преподобных Каллиста и Игнатия гл. 16-я, о том, яко доблественне подобает терпети искушения. Добротолюбие. Ч. 2. *(Примеч. свт. Игнатия.)* Имеются в виду строки: «И всякая скорбь обличает преклонность воли, на десно ли преклоняется, или на лево. Сего ради приключающаяся скорбь, искушение именуется, подающи причастнику искус сокровенных желаний» (Добротолюбие, или Словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец: В 4 ч. Изд. 6-е. М., 1857. Ч. 2. Л. 72).

ей увеличивается твоя радость, доставляемая Святым Духом. Милосердный Отец наш, когда возблаговолит извести из искушения истинных сынов Своих, то не взимает у них самого искушения, но подает им терпение в искушении, и они принимают рукою терпения все (вышепоименованные) блага к утверждению душ своих. Христос Бог Своею благодатию да сподобит и нас по любви к Нему претерпеть с благодарением от сердца все лютое»[1]. Вот учение Церкви! Вот голос Церкви! Вот ее отзыв на голос Даниила Заточника.

В конце прошедшего столетия некоторое духовное лицо, в архиерейском сане, подверглось заточению[2]. Затвор был продолжителен и до того строг, что заточенному воспрещены были чернила и бумага. Заточенный скончался в заточении. В его комнате нашли нацарапанную надпись на стене: «Благо мне, Господи, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим» (Пс. 118. 71). Вот голос Заточника, который можно и должно признать голосом, вполне принадлежащим Церкви! Вот тот голос, на который Церковь должна отозваться отзывом одобрения! Все земные бедствия ничего не значат пред душевным бедствием: пред отчуждением ума и сердца от Богом преданного нам смирения. На голос Даниила Заточника Церковь может отозваться только голосом болезненного плача о этой заблудшей и омрачившейся душе, которую да покроет милость Божия. Эта милость Божия да избавит от подражания Даниилу всех ныне подвергающихся и впредь имеющих подвергаться тюремному заключению, ссылке и прочим земным, временным бедствиям! Да наставит их благодать Божия смирению. А человек, доколе будет существовать на земле в состоянии своего падения, дотоле сделает неизбежными и тюрьму, и ссылку, и другие бесчисленные бедствия — последствия падения. Им будет он подвергаться правильно и неправильно: таков — человек! Такова — земная жизнь!

На страницах «Собеседника» явилась невероятная, приводящая в ужас сцена[3]. Это — суд над душою давно умершего господина, суд, воспрещенный Богом, как похищение сана Божия, суд над душою,

---

[1] Слово 79-е. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина... слова подвижнические. М., 1854. С. 475–477 (в данном издании перевод несколько отличен от приведенного владыкой Игнатием). ||
[2] Имеется в виду Арсений (Мациевич), митрополит Ростовский — иерарх-исповедник, борец с расколом и иноверием. За выступления против секуляризации церковных имуществ заточен в каземат Ревельской крепости, где скончался в 1772 г. На стене каземата обнаружили сделанную им надпись: «Благо, яко смирил мя еси». Прославлен в лике святых в 2000 г. ||
[3] Январь, с. 69–71. Март, с. 342–345. *(Примеч. свт. Игнатия.)*

которая давно уже предстала суду Божию и выслушала о себе изречение Божие. Духовное завещание, по поводу которого производится «Собеседником» суд и в котором почивший исповедал и исчислил свои грехопадения, уже оказывается бледным и слабым пред формою суда, произносимого «Собеседником». Суд и форма, по своему характеру раздражения, выступают на первый план, являются сами преступлением, приводящим в ужас и содрогание, тем более что суд произносится с церковной кафедры, во имя Церкви, с явным попранием Закона Божия и Закона Церкви, из которых первый воспрещает судить и осуждать, второй воспрещает обнародывать исповедь грешника. Если исповедь и сохранилась на бумаге, — из этого не следует, чтоб относительно ее правило Церкви было устраняемо. Суд выражен с необыкновенною жестокостию. Сочинитель недоволен покаянием грешника, отвергает, уничижает это покаяние; однако не видно, чтоб сочинителю были коротко известны все обстоятельства кончины грешника, чтоб была известна загробная участь грешника. А эти сведения необходимы для точного определения, каково было достоинство покаяния, принесенного грешником. Сочинитель недоволен тем, что дана свобода половине рабов, а другая половина предоставлена оставшемуся семейству господина, считая уже делом доказанным и решенным, что все доселе бывшие рабовладельцы суть преступники и попратели Закона Божия! Мы веруем, что при покаянии Всесильная Благодать Божия изглаждает одинаково все грехи, и малые, и великие; подвиги человеческие при покаянии принимаются единственно как свидетельство искренности в покаянии: по этой причине и видим, что пришедшие в вертоград покаяния уже в единодесятый час своей жизни получали такой же пенязь спасения, какой получили и те, которые трудились в вертограде от нежной юности (Мф. 20. 1–16). Достоинство покаяния может оценить один Сердцеведец — Бог. Его суд совершенно отличен от суда человеческого: «не тако зрит человек, яко зрит Бог: яко человек зрит на лице. Бог же зрит на сердце» (1 Цар. 16. 7). Из Евангелия мы видим, что фарисеи постоянно ошибались в суждениях своих о грешниках, приносивших покаяние. Фарисей Симон погрешил в суждении своем о женщине-блуднице, известной всему городу по ее развратной жизни: в то время, как он соблазнялся и осуждал не только женщину, но самого Богочеловека, произнесено Господом изречение о грешнице, что ей отпущаются грехи, что она больше любит Бога, чем фарисей, признававший себя праведным, то есть не видевший грехов своих (Лк. 7).

Иудеи роптали на Господа за то, что Он посетил известного грешника, Закхея Мытаря. Закхей, приняв Господа, немедленно решился переменить образ жизни и представил свидетельство искренности покаяния почти такое же, какое видно в завещании, на которое негодует «Собеседник». Закхей сказал: «се пол имения моего, Господи, дам нищим: и аще кого чем обидех, возвращу четверицею». На это Господь отвечал: «днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго» (Лк. 19. 8, 9, 10). Слово Божие открывает нам, что Закхей точно был грешник, уже погибший, но что покаяние его принято Богом, и погибший грешник внезапно причислился к лику спасенных. Очевидно, что люди не могли знать действительности этого покаяния и, преступая заповедь Божию, воспрещающую осуждать, согрешили и пред Богом, и пред ближним. Книжники и фарисеи привели пред Господа женщину, пойманную в прелюбодеянии. Они, требуя суда от Господа, ссылались на Закон Моисеев, повелевающий побивать камнями прелюбодеев. Господь сказал фарисеям: «иже есть без греха в вас, прежде верзи камень на ню». Они, будучи обличаемы совестию, один за другим вышли и оставили несчастную женщину одну пред Господом. Господь изрек ей прощение в следующей смиреннейшей форме: «жено, где суть, ижеваждаху на тя? никийже ли тебе осуди?.. ни Аз тебе осуждаю: иди, и отселе ктому не согрешай» (Ин. 8. 3–11). Из этого видно, что причиною непомерно строгого суждения ближних есть собственная греховность, на которую не обращено внимания. Святой Иоанн Лествичник повествует, что в монастырь к некоторому Великому отцу пришел для покаяния и поступления в число иноков разбойник. Этот разбойник принес публичную исповедь в своих грехах, самых тяжких, и Великий отец увидел явившегося некоторого светоносного мужа, державшего хартию в руках и изглаждавшего написанные на ней страшные грехи разбойника по мере обнаружения их исповедию[1]. Такова сила исповеди: она основана на бесконечности цены, которою мы искуплены. «Собеседник» требует строжайшего покаяния от души почившего, несмотря на исповедь почившего, не только произнесенную пред духовником, но и изложенную письменно во уведение всех; «Собеседник» истязует душу почившего, как она, может быть, не была истязана на пути своем загробном; удовлетворительный ответ «Собеседнику» может дать один Всеведущий Бог. Но тот служитель Новоза-

[1] Лествицы Слово IV. *(Примеч. свт. Игнатия.)* См.: Лествица... С. 23–25.

ветного Алтаря, который увлекается раздражительностию и гневом, не может быть непогрешительным проповедником покаяния, которое — явление любви и милости Божией к падшему и осквернившемуся грехами человеку. Господь не раз говорил фарисеям: «Шедше, научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы. Не приидох бо призвати праведники, но грешники на покаяние» (Мф. 9. 13).

Метод «Собеседника» в этом отделе выказывается с особенною яркостию. Сделав выписку из упомянутого духовного завещания, он восклицает: «Можно ли слышать это равнодушно? Можно ли простить без суда этому умирающему господству?» и прочее. Точно такие восклицания делает известный французский писатель Ламене[1], принадлежавший к революционной партии, в толковании своем на 14-ю главу от Матфея; такое же рассыпает красноречие, чтоб увлечь читателя к заключению от частного о целом. Революционные писатели во Франции, при помощи своего метода, которого нелепость в основании и выводах непонятна для массы, живописно выставляли погрешности властей, этим потрясли власти, — живописно выставляли погрешности духовенства, этим потрясли Веру в народе, произвели волнение в государстве, подвергли его ужасным переворотам. «Собеседник» очень рассчитывает на эффект выставленной им сцены, потому что повторяет ее дважды, и в «Голосе», и в «Слове». В этом расчете он не ошибся. Да покроет милость Божия Православную Россию!

Нельзя пропустить без внимания настойчивое желание «Собеседника», чтоб Дворянские Комитеты обратили внимание на закон Моисеев по отношению к рабам; при этом, как выше замечено, «Собеседник» лишает приводимое им законодательство характера. Православное духовенство не может принять участия в таком требовании, потому что Собор Апостолов определительно положил, что для христиан из язычников ни обрядовые, ни гражданские постановления иудеев отнюдь не обязательны (Деян. 15). Иудейский закон о рабах не только не обязателен, но и неприменим ни в России, ни в каком другом христианском государстве, подобно обрядовому иудейскому закону. Понятие, на котором основано Моисееве законодательство о рабах, заключается в том, что один Израильский народ есть народ Божий, а прочие народы

[1] Ламеннэ Ф.-Р. (1782–1854) — французский писатель и общественный деятель, принадлежавший к радикальной оппозиции. Апологет «религии будущего» — «католического социализма».

отверженные Богом, как бы исключенные из человечества. По этой причине закон Моисеев установил срочное рабство у евреев только для евреев, предоставив приобретать рабов в бессрочное и потомственное владение из соседних народов. Поведение евреев при таком приобретении рабов из соседних народов, обращение с пленными, вообще обращение с другими народами и расположение к ним — ужасны: они объясняются вышеприведенным понятием. Представим из многих немногие образчики. Весь народ Гаваонитский израильтяне обратили в потомственных рабов. «Прокляти есте, — сказал им победоносный вождь Израильский, — и не оскудеет от вас раб, ниже древосечец, ниже водоносец, мне и Богу моему» (Нав. 9. 23). По взятии земли Мадиамской израильтяне истребили острием меча всех пленных от младенца до старца, убили всех женщин, оставив в живых только девиц, в числе 32 тысяч, для рабства (Числ. 31); это сделано по повелению Моисея. Когда св. царь Давид овладел столицею Аммонитян, Раввафом, то люди, «сущие в нем, изведе, и положили на пилы, и на трезубы железны, и секиры железны, и провождаше их сквозе пещь плинфяну: и тако сотвори всем градом сынов Аммоних» (2 Цар. 12. 31). В псалмах читаем: «Дщи Вавилоня окаянная... Блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень» (Пс. 136. 8, 9). Очень понятно, что с искуплением рода человеческого Господом преимущество народа Израильского над другими народами уничтожилось: ценою каждого христианина сделался Господь, а потому христиане всех народов сделались в духовном отношении братиями, равными друг другу; «несть Еллин, ни Иудей, обрезание и необрезание, варвар и Скиф, раб и свободь, но всяческая и во всех Христос» (Кол. 3. 11). По этой причине гражданский закон Моисеев не только не мог иметь места у христиан из язычников, но и от иудеев, принимавших христианство, требовалось оставление этого гражданского закона, отделявшего их от всех народов преимуществом по плоти. «Не начинайте глаголати в себе: отца имамы Авраама», — уже говорил фарисеям святой Иоанн Предтеча в самом начале проповеди евангельской (Мф. 3. 9). Плотским преимуществом своим, данным на время, иудеи были чрезвычайно заняты и напыщены. С этим-то преимуществом они не хотели расстаться и ради него отвергли христианство; они от господа Иисуса ожидали и искали блистательного осуществления по плоти преимущества, предоставленного законом Моисеевым, и, услыша Слово Крестное, требование отречения от плотского преимущества, отвергли Господа.

И теперь иудеи ожидают, что они будут удовлетворены именно преимуществом по плоти: если б они составляли самостоятельное государство, то и теперь они поступали бы с прочими народами по указаниям Ветхого своего Закона. Святые Отцы Православной Церкви никогда не ссылаются на Моисеев закон в его буквальном смысле, а приводят его и образы исполнения его в смысле прообразовательном и таинственном: он имеет по отношению к христианству свойство как бы тени, которою изображается не с полною точностию предмет, но неясное подобие предмета. Так, ненавистию и омерзением, которые имели иудеи к иноплеменникам, изображается та ненависть и то омерзение, которые должен иметь наш внутренний человек к разнородным видам греха. Непощадное истребление языческих народов, заповеданное израильтянам Моисеевым законом, есть образ Новозаветной Заповеди, повелевающей христианину с решительностию убивать в себе все греховные помыслы и ощущения (Мф. 5). Бессрочное и потомственное владение рабами из других народов есть образ постоянного обладания страстями и преподаяние способа владеть ими христианскому племени. Под именем дщери Вавилонской разумеется греховная зараза в человеке, от которой рождаются непрестанно разнородные деятельные грехи; блаженным назван тот человек, который убивает грехи в младенческом состоянии их, в первоначальном помысле, доколе они не возмужали и не усилились в человеке; под именем камня, о который убиваются такие младенцы, разумеется евангельское учение, на основании которого отвергаются греховные помыслы (Мф. 15. 19), и так далее.

«Собеседник» увлекся в статьях своих иудейским направлением: он хочет, чтоб учение Христово вмешивалось в гражданские дела, подавало свое мнение о гражданском рабстве и в гражданском смысле, а не духовном, доставляло преимущество по плоти и делалось орудием земной цели, — короче сказать: чтоб это Всесвятое и Небесное учение престало быть тем, что оно есть — Словом Крестным. По этой причине «Собеседник» обратился к необязательным для христианства и неприменимым к христианству иудейским постановлениям, справедливо надеясь в них найти опору своему плотскому мудрованию и неправедно навязывая их христианскому обществу. Вполне излишние заботы! Повеление и воля Государя всегда священны для русских, а учение Христово завещевает всем христианам неуклонное и решительное повиновение верховной власти во всех ее гражданских распоряжениях.

Святые апостолы, отвергнув на своем Святом Соборе требование некоторых иудействовавших христиан, написали послание к христианам из язычников. Это послание начинается так: «Нецѝи от нас изшедше возмутиша вас словесы, развращающе души ваша, глаголюще обрезатися и блюсти закон (Моисеев) имже мы не завещахом» (Деян. 15. 24). Если в первенствующей Церкви, членами Церкви, от имени Церкви, но самопроизвольно, было сделано требование, смутившее общество, то не должно дивиться подобному событию и в наше время, самопроизвольному, но от имени Церкви и членом Церкви. Апостолы далее говорят в Послании, что они освобождают христиан <из> язычников от соблюдения Моисеева закона по воле Святого Духа (15. 28).

Призываю духовенство к святому о Господе созерцанию той картины, которую представляет собою человеческое рабство в Ветхом Завете. Взойдем с Моисеем на гору, посмотрим с этой горы на землю обетованную; посмотрим из Моисеева закона на Новозаветные Таинства.

Картина, открывающаяся пред нами, поразительна. Священное Писание, как выше мы видели, исчисляя предметы, составлявшие подарок и царя Герарского, и фараона Ветхозаветному праведнику Аврааму, в одном разряде с овцами и тельцами поставляет рабов и рабынь; этого мало! Человек стоит наравне с бездушным веществом, с дидрахмами, то есть с деньгами, с монетою. Что значит это?.. Моисей, на закон которого ссылается и опирается «Собеседник», повелевает по случаю упомянутого выше истребления Мадианитов, обращения их девиц в рабство и завладения их имуществом: «Отлучите дань Господу от людей военных, ходивших на брань, едину душу от пяти сот, от человек, и от скотов, и от волов, и от овец, и от ослят» (Чис. 31. 28). Далее исчисляются предметы корысти, полученные израильтянами: «Овец шестьсот семдесят пять тысящ, и волов семдесят две тысящи, и ослов шестьдесят едина тысяща, и душ человеческих от женска полу, иже не познаша ложа мужеска, всех душ тридесять две тысящи» (31. 33–35). Опять человек в одном разряде со скотами!

Что же это значит?.. А это непременно должно иметь свое значение: строки, в которых человек поставлен в один разряд со скотами и бездушным веществом, внесены в Священное Писание по мановению Святого Духа. Это — те живописные, осязательные, верные черты, которыми изображается глубина падения человеческого. Как падший ангел по причине падения своего причислен

к зверям земным (Быт. 3), так падший человек по причине падения своего «приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48. 21). В эту нравственную пропасть низошел Богочеловек для извлечения из нее человека! Он — «Агнец Божий, вземляй грехи мира» (Ин. 1. 29) — не только принял зрак раба, но и возблаговолил уподобить себя скоту, уготовленному на заколение: так выразилось о вочеловечившемся Господе Священное Писание (Пс. 48. 21 по переводу с еврейского). Первое состояние ума и сердца, производимое осенением их благодатию, первое состояние ума и сердца, знаменующее их исшествие из плотского мудрования, есть нищета духа. Так определил Господь: «Блажени нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное» (Мф. 5. 3). Нищета духа есть первое из блаженств, основание всех блаженств, начальное условие их. Когда человек рассматривает свое падшее естество из блаженной, благодатной нищеты духа, тогда он видит, что это естество посредством падения утратило все свое достоинство, соделалось вполне непотребным. При таком взгляде на себя делается понятною необходимость Искупителя. Точно! «Нищих духом есть Царствие Небесное», то есть для одних нищих духом доступно истинное познание и принятие Искупителя, Который уже Собою составляет все достоинство обновленного Им человека: «вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу, — говорит Апостол, — и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере» (Флп. 3. 8, 9).

Рационалисты чужды нищеты духа. Они рассуждают и умозаключают о естестве человеческом, отвергая или упуская понятие о его падении, они видят в этом естестве все возможные достоинства, никак не примечая, что в нем добро перемешано со злом и потому самое его добро сделалось злом, как делается ядом прекрасная пища, перемешанная с ядом[1]. По этой причине христианство ими унижено и искажено. Слово Крестное ими отвергнуто; они ищут и требуют для падшего естества таких преимуществ, которые тогда только могли бы быть предоставлены естеству, когда б оно не подверглось падению. Из ложных идей вышли самые чудовищные действия и последствия. Представив человекам их естество не в том виде, в каком оно есть действительно, доставив человекам положение — этого иногда рационалисты достигали на самое краткое время, — которого человечество не может вынести

[1] Великого Варсонофия ответ 59. *(Примеч. свт. Игнатия.)* Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство... С. 59–62.

в состоянии своего падения, рационалисты произвели ужаснейшие беспорядки везде, где их учение было принято, и, чтоб возвратиться к порядку, благородное, возвышенное существо — падший человек — ощутил неизбежную нужду и в тюрьме, и в цепях, и в плахе, и в виселице. «Мудрование плотское, — говорит Апостол, — смерть есть, а мудрование духовное — живот и мир. Зане мудрование плотское вражда на Бога: Закону бо Божию не покаряется, ниже бо может» (Рим. 8. 6, 7). На этом основании Апостол обращается от лица Божия ко всем верующим со следующим завещанием: «Глаголю благодатию, давшеюся мне, всякому сущему в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати: но мудрствовати в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры, не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся» (Рим. 12. 3, 16).

Воззвание «Собеседника» к сельскому духовенству[1] мимо Епархиальных архипастырей с очевидным устранением архипастырей есть явное и непозволительнейшее нарушение иерархического порядка. Святейший Синод, один Святейший Синод, имеет право на такое воззвание, которому обязаны и вниманием, и послушанием и архипастыри, и пастыри. Академия имеет свое назначение: она должна наставлять порученное ей юношество под главным надзором местного архиерея. Обращение члена Академии с воззванием и наставлением к пастырям, ему отнюдь не подведомственным ни в каком отношении, есть превышение права, превышение власти. Таким поведением уже достаточно оценивается и духовное достоинство воззвания. Мечта, что помещичьи крестьяне «с полновластных рук господ», как выражается «Собеседник», перейдут на пастырские руки сельских священников, что власть господ заменится властию духовною[2], — есть мечта вполне ложная. Помещичьи крестьяне перейдут в гражданском отношении с рук помещиков на руки чиновников, подобно тому как в заведовании чиновников находятся казенные и удельные крестьяне. При устройстве нового управления помещичьими крестьянами влияние на них чиновников должно быть очень сильно по двум причинам: во-первых, по необходимости приучить крестьян к правильному пониманию и употреблению свободы; во-вторых, по необходимости выполнения пред государством тех условий и вознаграждения тех издержек, которые будут сделаны при даровании свободы. Опытные лица из сельского духовенства, практически знакомые

---

[1] С. 354. *(Примеч. свт. Игнатия.)* ‖ [2] Март, с. 354. *(Примеч. свт. Игнатия.)*

с бытом крестьян всех ведомств, очень понимают то положение, которое их ожидает по отношению к помещичьим крестьянам по даровании свободы: да руководят они своими советами молодое духовенство, могущее увлечься статьями «Собеседника».

Господь сказал: «Всяко царство, раздельшееся на ся, запустеет: и всяк град или дом разделивыйся на ся не станет» (Мф. 12. 25); таков должен быть неминуемый плод столкновения сословий, того столкновения, к которому влечет «Собеседник». То же самое предвозвещает Апостол: «аще друг друга угрызаете и снедаете, — говорит он, — блюдитеся, да не друг от друга истреблени будете» (Гал. 5. 15). Апостол показывает и причину, по которой может и должно произойти столкновение: она заключается в зависти к земным преимуществам, а причина зависти есть тщеславие, т. е. стремление к земным преимуществам (5. 26). Вот побудительные причины витийства вообще якобинского. «Собеседник» видит в настоящем событии падение дворянства, — видит в возвышении дворянства, последовавшем в прошедшем столетии, унижение духовенства; и то и другое — вполне ложно. Враждебно против Церкви, а следовательно, против духовного и вещественного благосостояния духовенства, подействовали европейские учения: они имели влияние на все сословия. Действие европейских учений на Россию непрестанно усиливается: должны усиливаться и последствия этого действия. Минутное противоположное действие ненадежно: оно должно быть уничтожено и увлечено всесокрушающим потоком. Настоящее событие отнюдь не есть падение дворянства. Дворянство в России не может быть уничтожено по весьма ясной причине: по той, что в обширном Российском государстве между Самодержцем и многочисленным народонаселением непременно должно стоять служащее сословие. Могут пасть старинные дворянские роды; могут явиться новые личности и вступить в дворянское сословие; но все это — факты, уже повторявшиеся и повторяющиеся, не уничтожившие сословия, необходимого в государстве. Когда Россия была погружена в невежество, раздиралась междоусобиями, угнеталась игом татар, естественно, что духовенство занимало в ней самое важное место, связывало между собою отдельные части, входило в дела государственные: духовенство было пестуном и воспитателем младенчествовавшей России. Столько же естественно, что оно, по учреждении единодержавия, постепенно устранялось от вмешательства в государственные дела, ограничиваясь заведованием дел, собственно духовных. В прошедшем

столетии Россия необыкновенно раздвинула свои пределы, вступила в число первостепенных европейских государств, образовалась по образу этих государств. Опять естественно, что вместе с значением государства возвысилось значение государственных людей и всего служащего сословия; естественно, что по духу европейской цивилизации православное духовенство еще более стеснилось в круге своих действий. Что ожидает нас в будущем? Мы видим необыкновенное матерьяльное развитие Европы: Россия, чтоб гармонировать с Европою, поддержать в ней свое значение, должна по необходимости, по необходимости государственной и политической, вводить у себя европейское матерьяльное развитие. Матерьяльное развитие охлаждает человеков к христианской вере, допуская наиболее одно поверхностное занятие ею. При усилении сношений с Европою неизбежен факт: усиленное вторжение ее разнообразных религиозных учений в наше Отечество. Все эти учения, с папизма до деизма и атеизма, одинаково враждебны Православной Вере. Между тем величие России должно возрастать. Положим, что она останется в настоящих ее пределах в течение целого века, но в это время ее собственное народонаселение должно возрасти, по законам статистики, до 200 миллионов. Россия не нуждается высылать избытки своего народонаселения, подобно другим европейским государствам, за моря: она может поместить свободно и широко на своем огромном пространстве сотни миллионов. Соответственно умножающемуся народонаселению и матерьяльному развитию возвышается значение государства; с возвышением значения государства возвышается значение служебного сословия. Уже теперь мы видим сановников с значением, какого не было в начале нынешнего столетия. Таковы: Наместник Кавказский, Наместник Царства Польского, Генерал-Губернаторы Новороссийский и Восточной Сибири; их области — целые царства; они не могут стоять на одной степени с воеводами Димитрия Донского, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича. При таком развитии государственном, при таком матерьяльном развитии, при вторжении в Россию европейских учений нет надежды, чтоб духовенство могло возвратиться к тому значению и в нравственном и в вещественном отношениях, которое оно имело в девственной России.

Скажут здесь: необходимо улучшить вещественное положение Православной Церкви для самого государственного благосостояния. Так! Но путь к достижению этой цели не тот, который ука-

зан «Собеседником». Сила и существенное значение духовенства заключаются в его характере. «Вы есте свет мира», «вы есте соль земли», — говорит нам, пастырям Церкви, Спаситель (Мф. 5. 14, 13). Окажем нашею жизнию повиновение Христу, стяжем в себе Христа; Он соделает нас светом для мира, солию для земли; братия наши всех сословий, увидев сияющий из нас свет, ощутив на себе действие благодатной соли, которою мы должны быть пропитаны, воздадут нам все должное и предоставят нам все нужное для временной жизни. Это обетовал нам Сам Господь. Он сказал: «Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся... Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам» (Мф. 6. <31>, 33). Напротив того, если мы утратим характер наш, то братия наши ощутят к нам недоверие, отвратятся от нас, окажут нам всякое пренебрежение. И это предвозвещено нам Господом: «аще соль обуяет, — сказал Он, — чим осолится? Нивочтоже будет ктому, точию да изсыпана будет вон и попираема человеки» (Мф. 5. 13). Увы, братия! Если мы замечаем, что человеки презирают и попирают нас: то не вернее ли, не справедливее ли будет, когда мы, вместо того чтоб обвинять в том другие сословия, обратим взоры на самих себя и постараемся исправить свое земное положение исправлением себя по духу? Нравственное знамение христианства есть любовь. «О сем разумеют вси, — сказал Спаситель, — яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин. 13. 35). Это святое знамение должно быть по преимуществу знамением духовенства. Стяжем в себе любовь, будем ее оказывать обильно всем сословиям: тогда все сословия невольно проникнутся благоговением к нам и удовлетворят всем нашим потребностям. Человек не может не воздать почтения любви, когда видит ее в своем ближнем, особливо когда увидит ее в пастыре: потому что Любовь есть Бог, пред Которым смиряется всякое Его создание (1 Ин. 4. 16). Ему слава во веки веков. Аминь.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский,
№ 916.
Мая 6 дня 1859 года.

Публикуется по первому изданию — изготовленной типографским способом копии (экземпляр в ГАСК, ф. 91 (Кавказская духовная семинария), оп. 1, ед. хр. 1008, л. 12–22об.). По повелению Владыки Игнатия текст его Воззвания был размножен в количестве 170 экземпляров, разо-

сланных по Кавказской епархии. Экземпляр ГАСК представляет собой брошюру крупного формата объемом 22 страницы, на первой из которых вверху напечатано: «Копия с предложения Епископа Кавказского и Черноморского», а на последней: «Подлинное подписал: Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский», «С подлинным верно: Письмоводитель» (далее следует подпись письмоводителя, сделанная чернилами от руки), «№ 916 Мая 6 дня 1859 года».

Данное Воззвание было также опубликовано в издании: *Соколов...* Ч. 2. Приложения. С. 18–47. Публикатор сообщал, что рукописный подлинник данного воззвания сохранился «в бумагах сенатора Н. С. Брянчанинова» (племянника владыки Игнатия). Текст опубликован им по копии, местонахождение которой не указано (*Соколов...* Ч. 1. С. 280). Судя по ряду характерных признаков, это также печатная копия, идентичная копии ГАСК. От последней текст, опубликованный Соколовым, отличается значительным количеством явных опечаток, пропуском слова, а также наличием помещенной в конце Воззвания приписки:

«При сем предложении препровождается 170 копий с него для таковой же рассылки этих копий, каковая была предписана предложением моим от 25 апреля за № 809» (*Соколов...* Ч. 2. Приложения. С. 47; предложение от 25 апреля см. на с. 451–452 настоящего издания).

Подстрочные примечания к заметке А. И. Герцена «Во Христе сапер Игнатий»

А. И. Герцен. Во Христе сапер Игнатий

Мы никогда не имели большого доверия к архиереям из саперов, нам всегда казалось, что люди, наводящие понтоны на временные реки, — скверные понтифексы[A], когда идет дело о вечных понтонах, по которым души должны подыматься в райские селения. Вот, например, из саперов архиерей Игнатий[1], бывший архимандрит Сергиевской Лавры и наставитель многих московских Магдалин[2], а ныне Преосвященный владыка Ставрополя, написал возмутительный памфлет[3] по поводу крестьянского вопроса. Цель

[A] Текст примечаний буквами см. на с. 444–445. ‖ [1] Архиерей Игнатий служил не в саперах, а в инженерах и был в действительной службе только полгода. [Здесь и далее примечания святителя Игнатия. — *Ред.*] ‖ [2] Игнатий никогда не был архимандритом Сергиевой Лавры и наставником московских дам. ‖ [3] Игнатий не писал никакого возмутительного памфлета и никакого доноса по поводу крестьянского вопроса, а написал два циркуляра к Кавказскому духовенству в охранение от возмутительных статей, составленных искандеристами.

памфлета состоит в христолюбивом доносе на архимандрита Казанской духовной академии Иоанна[4], поместившего «Слово об освобождении крестьян» (в январской книжке «Православного собеседника»)[Б], и в благочестивом рвении доказать, что рабство — установление божественное, святыми отцами Православныя церкви поддерживаемое, благоверными царями упроченное[5].

Ржевуский[В] в подряснике уподобляет Казанскую академию и преимущественно автора «об освобождении крестьян» «волкам, являющимся в одежде овчей», восстановляющими одно сословие против другого, подкапывающими престол, алтарь и проч.[6]. Потом ангельского чина сапер вступает в исторические исследования о происхождении крепостного состояния в России, доказывает, что рабство учреждено Самим Богом, что христианин должен только терпеть и не сметь даже думать об освобождении[7]. Здесь полемика сосредоточилась на тексте ап. Павла (Первое послание к Коринфянам, глава 7, стих 20–23), где сказано: «Если ты раб — не смущайся; но если можешь сделаться свободным, тем лучше умей воспользоваться». В славянском Евангелии текст этот, как известно, искажен, сказано: «аще можеши свободен быти — тем паче поработи себя». Но в русском переводе, сделанном при Александре I-м Библейским обществом и потом запрещенном, он переведен так, как его восстановила теперь Казанская академия, то есть «тем лучше воспользуйся»[Г]. К этому придрался во Христе сапер Игнатий и обвиняет академию в том, что она в угоду народу исказила слова Апостола[8]. Если б архиерей был мало-мальски добросовестен, то ему стоило только заглянуть если не в греческий и латинский, то во французский или немецкий текст, — а он по крайней мере по французски-то знает (этим языком он увещевал Магдалин), — там

[4] Статьи, упоминаемые здесь Искандером, написанные в направлении Искандера, принадлежат не архимандриту Иоанну, а профессору Щапову, который свое направление демократическое высказал на деле и исключен из Казанской духовной академии, даже из духовного звания, взят под арест и содержался в Петербургской крепости. ‖ [5] В воззвании епископа Игнатия ясно и сильно излагается необходимость уничтожения крепостного права, излагается желание, чтоб это совершилось по распоряжению правительства, а не по возгласам искандеристов, которые, прикрываясь крестьянским вопросом, как ширмою, намереваются произвести бунт и революцию. ‖ [6] Игнатий признавал и ныне признает, что искандеризм стремится к уничтожению христианства в Отечестве и к ниспровержению Царского престола. С первых слов отзыва своего к Епископу Искандер, наругавшись имени Христову, определяет свое значение в отношении к христианству. ‖ [7] В воззвании Епископа изложено совершенно противное учение, именно, что рабство есть следствие грехопадения человеков. ‖ [8] Гнусная ложь, составляющая душу всего искандерского исступленного отзыва!

именно сказано так, как сказала академия. Далее архиерей восстает против прогресса, глумится над тем, что академия употребляет слово это, и оканчивает апологией рабства, доказывая, что нет счастливее состояния, как крепостное право[9]. Мы слышали, что на Алеутских островах и в Камчатке есть закоснелые грешники, не верующие ни в святость рабства, ни в душеспасительство розог, ни в чистоту господских изнасилований, — что бы хоть Ростовцеву[Д] похлопотать о переводе туда во Христе сапера Игнатия[10].

Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому епископу Игнатию

Издатель «Колокола» в отзыве своем Кавказскому епископу Игнатию прежде всего произносит имя Христа, Спасителя человеков, с насмешкою. Достоин глубокого сожаления тот человек, который питает в себе такого рода чувство к своему Искупителю и Богу. Тот, кто приемлет наругание близ Искупителя своего и Бога, должен считать себя счастливцем в духовном отношении (Мф. 5. 11). Господа современные Ему ругатели называли плотником и сыном плотника: отчего ж епископу Игнатию не выслушать с христианским расположением духа название «сапер»? У сапера главное орудие — топор, а занятие — по преимуществу занятие плотника.

Биографические сведения, доставляемые «Колоколом» о епископе Игнатии, вполне ложны. Игнатий не служил в саперах. По получении образования в Инженерном училище он только в течение шести месяцев находился в числе Инженерных офицеров при постройке Динабургской крепости; затем, уволившись от службы, обратился в монастырь, будучи 20 лет от роду, в 1827 г. Добровольно вступая в монастырь, он вместе с этим добровольно отказался от права иметь крестьян по наследству и от права приобретать их. Игнатий никогда не был настоятелем московской Сергиевской Лавры и не был знаком с московскими набожными дамами, а в течение 24-х лет был настоятелем Сергиевой пустыни[Е] близ Петербурга. Быв настоятелем пустыни, Игнатий доставил многим лицам крестьянского и мещанского сословия переход в свободное

---

[9] Гнусная ложь и клевета, достойные совести Искандера! ‖ [10] Наконец, явилось невольное признание Искандера! Ему и его партии надо упрятать Игнатия в Камчатку или на Алеутские острова. Почему? Потому что он, понимая и разоблачая их замыслы, для них очень опасен, может предостеречь тех, которых хотелось бы искандеристам возвести на эшафот.

сословие, — доставил при посредстве ходатайства и при посредстве своих денег: значит, тратя деньги и усилия на такой предмет, Игнатий фактически доказывал свое сознание, что свобода, правильно понимаемая и употребляемая, есть благо для человека. На такие издержки израсходовано несколько тысяч рублей. Когда Игнатий вступил в управление Кавказскою епархиею, то одним из первых его действий было соглашение с Палатою Государственных Имуществ о замене штатных служителей при Кавказском Архиерейском доме денежным взносом. Игнатий согласился принять за каждого служителя половину той годичной цены, за которую нанимается рабочий в Ставрополе. Это дело было представлено Князем наместником Кавказским Государю Императору и удостоено Высочайшего утверждения.

Издатель «Колокола» столько же несправедлив к статье епископа Игнатия, сколько несправедлив к лицу. Статья Епископа — не что иное, как воззвание к Кавказскому духовенству, домашний епархиальный документ, неизвестный публике. Осыпая Епископа ругательствами, «Колокол» осыпает Воззвание клеветами. Неосновательность этих клевет тотчас обнаружилась бы для каждого, если б Воззвание было известно. Такое поведение «Колокола» — не новость в церковной истории. Так, например, партия папистов осыпала клеветами поведение и писания Константинопольского патриарха Фотия[ж] за то, что он с энергиею действовал против папистов; не забыто в числе порицаний, что Фотий был до патриаршества придворным сановником: почему ж представителю якобинскому не осыпать ругательствами и клеветами епископа Игнатия за то, что он осмелился отверсть уста свои против партии и замыслов якобинских?

«Колокол» говорит, что «Архиерей Игнатий восстает против прогресса, глумится над тем, что академия употребляет это слово, и оканчивает апологией рабства, доказывая, что нет счастливее состояния, как крепостное право»[1]. В Воззвании епископа слово «прогресс» вовсе не упомянуто. Если под именем прогресса разумеется преуспеяние человечества в христианстве, в добродетели, в науках, в искусствах, то Игнатий сочувствует от души такому прогрессу. Но он враг якобинского прогресса, который стремится к преуспеянию в безбожии, безнравственности, к отвержению всех

[1] Мысли, изложенные о крестьянском вопросе в Воззвании за два года до Высочайшего Манифеста о уничтожении крепостного права, разительно сходствуют с мыслями, изложенными в Манифесте.

властей и законов, к гибели человечества нравственной и гражданской.

О крепостном праве обстоятельно изложено в Воззвании, что крепостное право несовременно, что уничтожение его есть совершенная необходимость. Правда, в Воззвании выражено желание, чтоб уничтожение крепостного права совершено было правительством, при сохранении спокойствия в государстве, а не народным бунтом вследствие якобинских возгласов. Это-то и не нравится партии, которой представитель заграничный звонит в возмутительный колокол и призывает крестьян к топорам.

«Колокол» называет Воззвание Епископа доносом. Донос делается о чем-либо неизвестном. Но Воззвание сделано тогда, когда якобинская статья была перепечатана в С.-Петербургских и Московских «Ведомостях», огласилась, следовательно, по всей России. «Воззвание» сделано по настоятельной местной потребности и, как выше сказано, единственно к духовенству Кавказской епархии. Епископ сердечно желает, чтоб события доказали, что такое Воззвание было лишним, а якобинские статьи безвредны. Надо дождаться, что скажут события[1]. Между сеятвой и жатвой проходит известное время. В Воззвании имя архимандрита Иоанна вовсе не упомянуто: его оглашает издатель «Колокола», и, может быть, несправедливо, потому что статьи «Собеседника» не подписаны сочинителем[3]. — Статья «Колокола» есть в полном смысле донос и ябеда на епископа Игнатия.

«Колокол», доказав решительное невежество епископа Игнатия именно потому, что он был сапером, принимает на себя скромную обязанность быть его наставником и научает Епископа, как ему следовало объяснить 20–23 стихи 7-й главы из Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла. Дивное явление! Ругатель Христа и враг Его принимается объяснять учение Христово. Примером ему, конечно, послужила дерзость того врага Божия, который осмелился Самому Вочеловечившемуся Слову Божию объяснять Слово Божие (Мф. 4. 6). В Воззвании показаны различные пере-

[2] События, к несчастию, доказали, что предостережения, сделанные епископом в его Воззвании, вполне основательны. Эти события были предугаданы, предсказаны. || [3] Впоследствии сделалось известным, что «статьи» принадлежат перу г. Щапова, профессора Духовной академии и университета Казанских, исключенного духовным начальством из духовного звания за попытку произвести возмущение. В содействие г. Щапову увлеклись оба воспитанника Кавказской семинарии, поступившие в Казанскую духовную академию. Последний факт служит доказательством того, сколько нужно было Кавказскому духовенству предостережение от Епископа.

воды текста с объяснением текста святым Иоанном Златоустым. Из этого объяснения видно, что славянский перевод со всею точностию выражает мысль Апостола. Епископ Игнатий, признавая совершенною обязанностию своею последовать правилу Православной Церкви, воспрещающему объяснять Писание по произволу и повелевающему неуклонно держаться объяснения, сделанного Писанию святыми Отцами[4], считает непременным долгом своим последовать объяснению упомянутого текста св. Иоанном Златоустым и потому отказывается от внимания объяснению и наставлению, которые предлагает «Колокол». Если б издателю «Колокола» были известны греческий и латинский языки, то он увидел бы, что при объяснении приняты в соображение греческий текст с переводом латинским весьма точным (смотр. Novum Testamentum Graece et Latine. Parisiis MDCCCXLII); он остановился бы дать совет о совещании с французским переводом Нового Завета, так как французский язык по своей конструкции никак не может удовлетворить потребности точнейшего перевода, а по необходимости должен прибегать к парафразу. В немецком переводе Нового Завета Лютером в точности передана мысль греческого текста[5].

«Колокол» обвиняет Игнатия в том, что он признает якобинское учение подкапывающим Престол (Государя), Алтарь (т. е. Церковь) и проч. Это вполне справедливо: Игнатий имеет эти убеждения и останется при них и на Кавказе, и в Камчатке, и на Алеутских островах. Крестьянский вопрос в системе якобинцев только стоит на первом плане, служа ширмою, за которою скрываются другие вопросы. Якобинцы домогаются захватить в свои руки верховную власть, чего они домогались во Франции и достигли. На клич о свободе обольстились многие добрые люди, многие аристократы: узнали свою ошибку уже на эшафоте. На эшафот, сверх чаяния своего, должны были вступить и жирондисты. События, допущенные произвольно, влекут за собою насильно другие события, на которые

[4] Не лишним будет здесь вынаружить мнение Искандера о писаниях святых Отцов. Он называет эту святыню *«бреднями* Василия Великого и других Византийских *растлителей* ума»[и] («Искандер Герцен» Елагина, с. 119)[к]. ||
[5] Издатель «Колокола», стараясь уверить, что апостол Павел в послании к Коринфянам призывает рабов к свержению рабства, сознается, что Апостол иначе думал, пиша к Римлянам. Искандер относится о святом Апостоле так: «Апостол Павел нанес гораздо менее вреда учению Христову, когда он под именем Саула (Савла) с лютой яростию преследовал христиан, чем когда он, став Апостолом, начал искажать самую мысль Христа, втеснив в нее пресловутое учение о необходимости повиновения каждой власти. Этим он сделал Христу больше вреда, чем сам Иуда Искариот» («Искандер Герцен» Елагина, с. 50, 51)[л].

не рассчитывали и которых не предвидели зачинщики первых событий. Таков закон последовательности фактов.

«Колокол» называет Воззвание епископа Игнатия памфлетом. Это наименование никак не может принадлежать Воззванию. Воззвание написано в самом серьезном тоне, испещрено, так сказать, цитатами из Священного Писания и святых Отцов. Отзыв «Колокола» к Епископу должен неотъемлемо носить имя памфлета, как представляющий собою сплошные ругательство и клевету. «Колокол» справедливее бы поступил, если б назвал учение, изложенное в Воззвании, учением, решительно противоречащим учению и целям якобинцев. А в этом-то и заключается существенная причина колокольного гнева! Тут не сапер виноват! Не беседы на французском языке с дамами неприятны для господ строжайшей нравственности! Тут виноват обличитель якобинской системы, якобинских намерений. Якобинцы особенно не терпят обличения. Они любят действовать втихомолку, под личиною и личинами, убаюкивая и усыпляя свои жертвы. При таком образе действия они рассчитывают на верный успех, и тот — преступник, достойный всех казней, кто заметил бы и открыл их действия. Издатель «Колокола» говорит о себе в множественном числе, как бы невольно изобличая партию: «Мы никогда не имели большого доверия к архиереям из саперов!», называет их «скверными понтифексами». Всякий может ясно видеть, что тут ложь, а не истина, — не недоверие, а исступленная ненависть: в России не было архиерея из саперов, а были из военных людей самые достойные святители: Митрополит Киевский Петр Могила вступил в монашество, оставя военную службу. Святой апостол славянский, Мефодий епископ, провел молодость в военной службе. Святой Димитрий Ростовский — сын сотника, дворянин. Они с ревностию противостояли современным, враждебным Церкви, учениям. Не указал, впрочем, «Колокол», к кому из современных епископов он имеет доверенность.

На столбцах громкого журнала обильно расточаются ругательства на Митрополитов Филарета, Григория[М] и других иерархов Русской Церкви. Какая бы тому была причина? Они не были саперами! Причина ругательств заключается в том, что эти пастыри — глубокие христиане, произносящие учение, вполне противоположное учению «Колокола», учение, которое действует на умы и сердца, оставляя за «Колоколом» одно поверхностное действие на слух. Как не приходить в негодование звонящему без умолку в «Колокол» и нетерпеливо ожидающему последствий звона!

Христианское учение благонамеренных пастырей обличает пустоту звона, может сделать тщетным самый звон. Звон сначала заинтересовал новостию своею; но вскоре явилось общее сознание, что «Колокол» — пустейший журнал. Кто знаком с петербургскими сплетнями якобинского кружка, тот найдет их напечатанными в «Колоколе». Начало журнала, как и якобинства, есть ложный образ мыслей; оружие его — софизмы, ирония, ругательство; характер — исступленная дерзость, отвержение правды, любви, приличия, благопристойности. Он может действовать увлечением на слабоумных: силы убеждения в нем нет. Напротив того, всякий основательный человек тотчас поймет, как «Колокол» понимает свободу и как пользуется ею, — поймет, что народ, руководимый таким исступленным руководителем, непременно должен прийти в смятение, взяться за топоры и ножи. «Колокол» — открытый враг и ругатель Христа и христианства. Ненависть «Колокола» к христианскому пастырю есть величайшая похвала для пастыря; напротив того, похвала «Колокола» пастырю была бы величайшим для него бесчестием. Христианский пастырь не иначе может заслужить одобрение «Колокола», как изменою Христианству.

«Колокол» обвиняет Игнатия в том, что он уподобляет академию, преимущественно же автора «Слова о освобождении крестьян», «волкам, являющимся в одежде овчей». Игнатием приведены слова Евангелия и объяснение их святыми Отцами в том святом смысле, какой слова имеют в Евангелии, которым всякое лжеучение и все лжеучители, прикрывающиеся личиною истины, именуются волками, одеянными в овечью кожу, а не в том характере безумного ругательства, направленного будто бы на лице, который дает им «Колокол». О лице нет ни одного слова в Воззвании, а указывается единственно на журнал — «Собеседник», в который ворвались якобинского направления статьи. Игнатий изложил учение святых Отцов Православной Церкви о различении ложных и пагубных мыслей от мыслей правильных и добрых. При этом изложении не упомянуты им ни академия, ни автор «Слова», а сказано вообще о лжеучении и указано на статьи, написанные в направлении якобинском, что они принадлежат к пагубному лжеучению и, в смысле Евангелия, суть волки хищные, одеянные в овечью кожу[6]. Игнатий и теперь остается при этом убеждении.

[6] Мнение епископа Игнатия впоследствии доказано самым фактом: сочинитель статей г-н Щапов выказал и доказал значение написанных им статей своими действиями.

«Колокол» выставляет себя защитником Духовной академии и автора статей, а Игнатия врагом их. Справедливо ли то и другое? Может ли «Колокол» быть защитником Духовной академии, когда академия старается упрочить и развить христианство в отечестве, а «Колокол» старается уничтожить христианство? Это коварная увертка, посредством которой «Колокол» усиливается восстановить академию против епископа Игнатия. Напротив того, епископ Игнатий ревностно сочувствует преуспеянию духовного образования и источникам его, Духовным академиям; он до шестнадцатилетнего возраста обучался Закону Божию, русской словесности, латинскому языку у профессоров Вологодской семинарии, воспитанников Московской академии. Игнатий, практически знакомый с состоянием христианства в России, ревностно желает, чтоб Духовные академии преуспевали, совершенствовались, процветали более и более: на них основано духовное благосостояние Церкви; на них лежит обязанность противостать бесчисленным современным лжеучениям, обличать их, охранять от них Церковь. Современная ученость мира требует непременно соответствующей учености в главном духовенстве. Этой церковной потребности никак не могут удовлетворить наши монастыри, в которых преобладает элемент подвижничества, почти исключительно в простейшей его форме. Игнатий в сане епископа оказывает особенное внимание лицам, получившим образование в академии, как лицам, могущим быть особенно полезными для Церкви. Он и то знает, что якобинская партия желала бы вторгнуться в Духовные академии, новостию идей подействовать на молодых и неопытных. Известно, что увлеченные в якобинство духовные лица, как это видно во Франции, могут очень сильно действовать в видах партии. Итак, вот в чем дело: «Колоколу» искренно желалось бы, чтоб академия, уловленная его удивительною логикою, его неподражаемою добросовестностию, поверила ему на слово: склонилась на его сторону, сделалась его орудием, сочла Игнатия врагом своим и ненавистного для якобинцев Игнатия помогла сбыть на Алеутские острова согласно предложению «Колокола» и давнишнему общему желанию якобинцев.

«Колокол» усиливается доказать, что мнения якобинских статей, вкравшиеся в журнал Казанской академии, принадлежат академии. Несправедливо! Появление этих статей было только следствием случая; едва они явились, как и перестали являться. Постоянно в Церкви возникали ложные учения, во главе которых

часто были высшие лица иерархии, самые Патриархи. Ужели по этой причине ложные учения сделались неотъемлемой принадлежностию Церкви, ее учением? Церковь, отвергши их, доказала, что они ей чужды, а они, проповедуя чуждое Церкви, доказали о себе, что они чужды Церкви (1 Ин. 2. 19). Так и академия, отвергши статьи якобинского направления, доказала, что и статьи, и направление их ей чужды. Ложные учения являлись и будут являться: таково свойство падшего духа человеческого. Столкновение ложных мнений с истинными должно быть и в настоящее время. Академии суть арены столкновения мнений, произвольного и невольного. По этой причине на них преимущественно обращено внимание высшего духовного начальства. Видим из церковной истории, что многие достопочтенные и ученые люди ошибались, принимали или и изобретали лжеучение. Когда же они, будучи обличены, отказывались от своих неправильных мнений, то временное уклонение их от истины не ставилось Церковию им в вину. Одно упорство в ложных мнениях влекло за собою отсечение от Церкви. Но и такое отлучение продолжалось только до времени раскаяния: нераскаянность делала отлучение решительным.

Епископ Игнатий должен отдать справедливость единодушию и единомыслию партии, к которой принадлежит издатель «Колокола». Издатель из Англии требует для Игнатия ссылки на Алеутские острова: то же самое Игнатий слышал в последние дни своего пребывания в Петербурге от якобинцев и от глупцов, увлеченных якобинцами. Это желание выражали ему в глаза: «Вас бы, — сказал ему некоторый добрый, давнишний знакомый, — на Кавказ или в Камчатку!» (Судьба избрала для Игнатия Кавказ.) Он отвечал: «С большим удовольствием поехал бы в Камчатку, если б не препятствовало расстроенное здоровье».

Окончим эти печальные замечания искренним сердечным желанием, чтоб крестьянский вопрос решился благополучно, к радости и счастию народа и Царя, без беспорядков, без потрясений государственных, чтоб звон заграничного якобинского колокола и других якобинских колоколов и колокольчиков не возмутил спокойствия народного, чтоб свобода помещичьих крестьян была для них и для всей России даром Царя, а не следствием замыслов, планов, возгласов якобинских.

1860-го года, февраля ___ дня.
Ставрополь Кавказский.

Заметка А. И. Герцена «Во Христе сапер Игнатий» была опубликована в «Колоколе» 15 авг. 1859 г.; включена также в его собр. сочинений (М., 1958. Т. 14. С. 140–141).

В настоящем издании заметка Герцена, так же как и «Замечания на отзыв журнала “Колокол” к Кавказскому епископу Игнатию» публикуются по рукописи (беловой автограф) владыки Игнатия, находящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома): РАН, ф. 34, ед. хр. 307, л. 1–12 (далее — РО ИРЛИ). Примечания к заметке Герцена — по изданию: Богословский вестник. Сергиев Посад, 1913. Т. 1. № 2. С. 196–198.

Цифрами обозначаются примечания, принадлежащие святителю Игнатию, **буквами** — примечания комментатора.

Впервые весь комплекс этих материалов был опубликован в указанном выпуске «Богословского вестника» (с. 196–207). Анонимный публикатор (возможно, редактор журнала П. А. Флоренский) во вступительной заметке сообщал, что материалы были обнаружены иеромонахом Игнатием Садковским в бумагах святителя Игнатия, доставшихся Сергиевой пустыни. Хотя они не имели подписи, у публикатора авторство владыки Игнатия не вызывало сомнения — его подтверждают «датировка рукописей, решительное изъявление в них мыслей и чувств епископа Игнатия, сообщение разных частных обстоятельств жизни, известных лишь самому Игнатию... точный и тонкий характерный «игнатиевский» язык... безупречно благородная манера возражать противнику» (с. 195–196).

Заметка Герцена и «Замечания», находящиеся в РО ИРЛИ в архиве религиозного публициста С. О. Бурачка (1800–1876), представляют собой ту же редакцию, что представлена в «Богословском вестнике». Текст «Замечаний...» в журнальной публикации отличается от текста ИРЛИ пропуском строки («...близ Петербурга быв настоятелем пустыни...»), ошибочным написанием «Казанской» вместо «Кавказской», отсутствием одного абзацного отступа и заменой в ряде случаев прописных букв на строчные. Текст заметки Герцена (без указания автора и источника) полностью идентичен опубликованному в «Богословском вестнике», однако отсутствуют подстрочные примечания к ней святителя Игнатия. Следует заметить, что данный текст заметки отличается в свою очередь от опубликованного в «Колоколе» перестановкой двух слов («слово это» вместо «это слово»), изменением формы («нет счастливее» вместо «нету счастливее») и многочисленными заменами строчных букв на прописные. Частое употребление прописных букв в начале слов свойственно и для стиля самого святителя Игнатия, и это может служить подтверждением того, что заметка переписана самим епископом.

Текстологические наблюдения позволяют утверждать, что рукопись ИРЛИ — окончательный, беловой вариант, написанный рукой святителя Игнатия.

Заметка Герцена и «Замечания...» написаны одним почерком на больших листах, сложенных в виде тетради, на обложке которой имеется надпись (другим почерком): «Статья Игнатия, Епископа Кавказского (в мире Брянчанинова). Написана рукою автора»; выше — карандашная надпись: «Апология». Почерк прямой, крупный, близкий к каллиграфическому, но характерные написания ряда заглавных букв, более мелкий и «быстрый» почерк двух примечаний подтверждают, что это — автограф владыки Игнатия. В конце «Замечаний...» написано (также рукой Владыки): «1860-го года, февраля ___ дня. Ставрополь Кавказский».

Ход работы святителя Игнатия представляется нам следующим образом:

1) познакомившись в 1859 г. с заметкой Герцена, епископ Игнатий пишет краткие подстрочные примечания к ней;

2) на основе этих примечаний создает в феврале 1860 г. статью «Замечания на отзыв журнала "Колокол" к Кавказскому епископу Игнатию»;

3) после опубликования Манифеста и «дела Щапова» (т. е. после апреля 1861 г.) пишет касающиеся этих событий дополнительное примечание 4 к заметке, а также примечания 1 и 3 к «Замечаниям...» (нумерация примечаний наша, в рукописи они обозначены крестиками. — *А. Л.);*

4) создает беловой автограф, переписывая заметку Герцена (уже без примечаний к ней) и свои «Замечания...» вместе с примечаниями (кроме 2 и 6) к ним, помещенными на специально отведенных местах внизу страниц;

5) вписывает мелким почерком примечания 2 и 6.

Вопросы о том, делались ли копии с «Замечаний...», и о том, какой рукописью пользовался публикатор «Богословского вестника», остаются открытыми.

Примечания

[А] Слово «pontifex» в латинском языке имеет значения «верховный жрец» и «строитель мостов».

[Б] Об авторстве статей «Православного собеседника» см. с. 452–453 настоящего издания.

[В] Ржевусский Генрик (1791–1866) — польский писатель и издатель, отстаивавший позиции церкви и аристократии. В 1850 г. получил должность чиновника особых поручений при Наместнике Царства Польского князе И. Ф. Паскевиче.

[Г] Подготовленный русским Библейским обществом (в котором преобладали антиправославные и антицерковные тенденции) перевод Нового Завета с двумя параллельными текстами — церковнославянским и русским — вышел в свет в 1821 г., выдержал ряд переизданий, но был затем запрещен, причем главной причиной запрета был русский перевод именно данного места (1 Кор. 7. 21), где была заметна «диаметральная противоположность смысла славянского и русского переводов <...> Очень возможно, что переводчик отступил от славянского перевода не без задней мысли провести либеральную тенденцию. Во всяком случае

начальство заподозрило в этом явный умысел возмутить крестьян против помещиков, и издание было прекращено» (*Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры: (1700–1863). СПб., 1892. С. 209). См. детальный анализ переводов этого места святителем Игнатием в публикуемом выше «Воззвании...» от 6 мая 1859 г. В Синодальном переводе второй половины XIX в. данное место читается так: «Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся».

[Д] Ростовцев Я. И. (1803–1860) — генерал-адъютант, один из руководителей Комитета по подготовке крестьянской реформы.

[Е] Троице-Сергиева пустынь, основанная в 1734 г., находится под Петербургом неподалеку от Стрельны; 4 декабря 1993 г. в ней возобновлено богослужение.

[Ж] Фотий — патриарх Константинопольский в 858–867 и 878–886 гг. Угрозы и насилие его противников не смогли заставить его добровольно отречься от сана.

[З] В данном примечании 2, как и в примечаниях 1, 3, 6, имеются в виду события, происшедшие после написания основного текста «Замечаний» (в феврале 1860 г.), — крестьянские волнения после обнародования Манифеста 1861 г. Усмирение выступления крестьян в селе Бездна 7 апреля 1861 г. сопровождалось жертвами, что повлекло протесты оппозиционной общественности и ряд ответных мер со стороны властей. Заметной фигурой в этих событиях был профессор А. П. Щапов (см. с. 462 настоящего издания).

[И] Письмо к Герцену анонимного корреспондента из России — «В гимназиях древние языки заменили маршировкой, в корпусах учат по-славянски, в университетах попы под именем философии разбирают бредни Василия Великого и других византийских растлителей ума» — опубликовано вместе с сочувственным ответом Герцена в «Полярной звезде» (Лондон, 1856. Кн. 2. С. 244).

[К] Искандер Герцен / Вступ. статья, сост. Н. В. Елагин. Берлин, 1859. Об этой книге см. с. 459–460 настоящего издания.

[Л] Цитата из статьи русского публициста, эмигранта В. А. Энгельсона «Что такое государство?», опубликованной без подписи в «Полярной звезде» (1855. Кн. 1. С. 28–29).

[М] Филарет (Дроздов, 1782–1867) — Митрополит Московский и Коломенский в 1826–1867 гг. В 1993 г. причислен к лику святых, день памяти 19 ноября / 2 декабря. Григорий (Постников, 1784–1860) — Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский в 1856–1860 гг.

Тексты и комментарии на с. 397–447 подготовил А. М. Любомудров

Алексей Любомудров

Святитель Игнатий Брянчанинов в полемике с либеральной интеллигенцией о христианском понимании свободы

В то время как русское образованное общество находилось под влиянием идей западного рационализма и неправославной мистики, святитель Игнатий противопоставил соблазнам расцерковленной мирской культуры коренные традиции русской духовности. Наряду со старцами Оптиной Пустыни он изучал и возрождал в России начала восточно православной аскетики, практику внутреннего «умного делания» — подлинной основы монашеской и общехристианской жизни.

Ныне аскетические творения епископа Игнатия изучаются и переиздаются. Менее известны и малоизучены взгляды владыки Игнатия на историческое развитие России, на современный ему общественно-политический процесс, а также отношения его с миром русской культуры. Между тем эти взаимоотношения были широки и многообразны. Сам святитель Игнатий обладал несомненным писательским талантом. В юности, учась в Инженерном училище в Петербурге, он посещал литературный салон А. Н. Оленина; его литературно-поэтические способности привлекли внимание А. С. Пушкина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича. В литературном наследии святителя Игнатия немало сочинений, по жанру относящихся к лирическим размышлениям, эссе; есть и несколько стихотворений. Друзьями и корреспондентами Брянчанинова были М. И. Глинка, П. И. Турчанинов, К. П. Брюллов. Отзыв святителя Игнатия о книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» можно считать классическим, по точности и глубине мысли, выражением православно-церковного взгляда на природу художественного творчества; сре-

ди писем Владыки встречается немало оценок и разборов тех или иных литературных и музыкальных сочинений, живописных полотен.

Публикуемые материалы раскрывают одну из интересных страниц русской общественной жизни XIX столетия. В ходе подготовки крестьянской реформы 1861 г. епископ Игнатий, как управляющий Кавказской епархией, счел необходимым вступить в полемику с либеральными, псевдохристианскими воззрениями на крестьянский вопрос, а затем — и с представителем воинствующе-атеистического крыла русской интеллигенции А. И. Герценом. Эти документы отражают, по сути, столкновение двух принципиально противоположных воззрений на мир, на историю, на человеческую личность; борьбу идейных позиций, не стихавшую на протяжении всего Нового времени. В самых общих чертах эти позиции можно определить так.

Одна из них, либерально-просветительская, признает существующий мир и сложившиеся в нем отношения чем-то не должным, требующим переделки, исправления. Ее отличают вера в социальный и нравственный прогресс, обожествление «прав и достоинства человека». Религия если не отрицается вовсе, то допускается лишь в качестве инструмента для утверждения на земле начал добра и справедливости. Игнорируя онтологически присущую человеку греховность, эта идеология и порождаемая ею культура, естественно, вступают в принципиальный конфликт со всем вероучением Православной Церкви.

Иное мировоззрение, церковно-христианское, в котором понятия греха и искупления являются центральными, видит главную цель человека в «обожении», то есть во внутреннем очищении и просветлении души, свободном приобщении к высшей реальности. Все попытки обустроить земную жизнь политическими, социальными, экономическими средствами, но вне Церкви и не во имя Христово, рассматриваются здесь как проявления человеческой самонадеянности и гордыни. Эта позиция не отрицает в принципе социальной активности, но требует смирения кичливого ума перед реальностью мира Божьего и неустанно напоминает, что ее главные цели лежат за пределами исторического бытия. До сих пор, как и в XIX в., эта позиция Церкви (в ней подчас видят оправдание рабства, безволия, покорности судьбе) вызывает у мирского разума недоумение, неприятие и порождает ожесточенную критику представителей различных бесцерковных политических систем —

будь то революционеры-народники, большевики, либералы-демократы или ревнители «общечеловеческих ценностей».

Вопрос о рабстве и свободе в связи с предстоявшим освобождением крестьян от крепостной зависимости стал одним из основных пунктов полемики святителя Игнатия в предлагаемых вниманию читателя материалах. В них последовательно выражено православно-церковное понимание исторического процесса, путей и способов социального реформаторства, духовных потребностей русского народа. Публикуемые материалы не вошли в неоднократно переиздававшееся собрание сочинений епископа Игнатия; они были напечатаны в редких, не всегда доступных современному исследователю изданиях начала XX в. Между тем они представляют несомненный интерес с исторической, литературной и богословской точек зрения. Данная публикация представляет в едином комплексе все материалы святителя Игнатия, где так или иначе затрагивается крестьянский вопрос.

В 1857 г. архимандрит Игнатий был посвящен в сан епископа и с 1858 по 1861 г. управлял Кавказской и Черноморской епархиями. Эти годы совпали с интенсивной подготовкой крестьянской реформы. В 1859 г. в Ставрополе был создан комитет по составлению проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян губернии. Епископ Игнатий принял энергичное участие в подготовке и проведении крестьянской реформы во вверенной ему Епархии и, в частности, обратился к Епархиальному духовенству с двумя Воззваниями[1].

В первом из них, от 17 января 1859 г., он четко определяет то направление, которого должны придерживаться священники в беседах с прихожанами — крестьянами и помещиками. Он предлагает руководствоваться в этих беседах ответом Иисуса Христа человеку, обратившемуся к Нему за советом о разделе имения с братом (Евангелие от Луки, гл. 12), и вносить всюду слова утешения и назидания. Следуя примеру Самого Господа, духовные пастыри должны освещать все моменты, касающиеся крестьянской рефор-

[1] Сам владыка Игнатий не озаглавил эти тексты, которые впоследствии определял как «воззвания», «предложения», «наставления», «архипастырские слова», «циркуляры», «статьи». Нам представляется вполне точным название, данное первым публикатором этих материалов Л. А. Соколовым, которое мы сохраняем и в данной публикации: «Архипастырские воззвания епископа Игнатия Брянчанинова к Кавказскому духовенству по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (*Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 2. Приложения. С. 13). (Далее — *Соколов...*)

мы, с точки зрения душевного спасения, сохранять свободное от страстей и мирное расположение духа и не вмешиваться в материальную, гражданскую сторону дела, как не относящуюся к компетенции духовенства.

Владыка ревностно заботился о том, чтоб это предписание претворялось в жизнь. Так, на рапорте Пятигорского градского благочинного протоиерея Макария Знаменского от 20 марта 1859 г., сообщавшего, как и многие другие священники, о получении Воззвания, святитель Игнатий наложил следующую резолюцию:

6 апреля. № 674. В Консисторию к сведению. Пересмотреть все подобные рапорты благочинных, и от тех священников и причтов, которые расписались только в чтении моего наставления духовенству по вопросу о улучшении быта помещичьих крестьян, изложенного в предложении моем Консистории от 17-го января за № 3-м, потребовать обязательства в неуклонном последовании моему наставлению, приказанию[1].

В 1859 г. в журнале «Православный собеседник», издаваемом Казанской духовной академией, появились две статьи, посвященные вопросу освобождения крестьян. Эти статьи чрезвычайно обеспокоили святителя Игнатия, так как содержали, по его мнению, противоположные духу Церкви суждения об освобождении крестьян и искаженно трактовали евангельское учение. 25 апреля 1859 г. Владыка направляет в Кавказскую Духовную Консисторию следующее распоряжение:

В Кавказскую Духовную Консисторию.

Так как в разных журналах появились статьи от имени Церкви, но не принадлежащие Церкви, о быте помещичьих крестьян, то я считаю нужным снова подтвердить духовенству, чтоб оно неуклонно руководствовалось тем направлением, которое изложено мною в предложении моем Консистории от 17-го января сего года за № 3, и согласно сему направлению руководствовало паству; для удобнейшего чтения препровождаю в Консисторию 170 печатных копий с упомянутого предложения, коими Консистория имеет распорядиться следующим образом: 1 экземпляр оставить в Консистории, препроводить 2 экз<empляра> в Домовое управление для двух церквей, по 1-му экз. в Семинарское правление, в Ставропольское, Екатеринодарское и Моздокское духовные училища, в Екатеринодар-

[1] Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). Ф. 135 (Кавказская Духовная Консистория), оп. 17, ед. хр. 323, л. 26.

ское духовное правление, во все монастыри и во все приходские церкви Кавказской епархии.

Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский. № 809.
25 апреля 1859 года[1].

Тревога по поводу последствий подобных сочинений звучит и в письме Владыки к своему воспитаннику и другу епископу Дмитровскому Леониду (Краснопевкову) 4 мая 1859 г.:

На Вас лежит великая обязанность: примирять главные сословия отечества, которых разрознило европейское учение. Влиянию этого учения много подчинились и духовенство, и дворянство. Я читал с ужасом январские и мартовские статьи Казанского «Православного собеседника», в которых столкновение сословий выражено очень ярко[2].

Святитель Игнатий считает необходимым вступить в прямую полемику с идеями «Православного собеседника» и 6 мая выпускает другое развернутое Воззвание к духовенству, 170 экземпляров которого также распоряжается разослать по Епархии, а также персонально высылает его Обер-прокурору Синода, Наместнику Кавказа, Экзарху Грузии, трем митрополитам. Это Воззвание вылилось в развернутый трактат о происхождении рабовладения, истории крепостного права в России, о христианском понимании свободы. Написанное с замечательной богословской эрудицией, оно отражает аскетическое настроение святителя Игнатия, его взгляды на участие Церкви в мирских делах, на будущее развитие России. В нем разъясняются вопросы о происхождении зла, о страдании. О том, насколько оно оказалось чуждо идейной атмосфере эпохи, говорит Жизнеописание Владыки: «циркуляр... вооружил против него почти всех епископов – воспитанников духовных академий»[3].

«Православный собеседник», орган Казанской духовной академии, приобрел в конце 1850-х гг. широкую популярность не только в духовных, но и в светских кругах. Его редактор, ректор Академии архимандрит Иоанн (Соколов, 1818–1869; впоследствии епископ Смоленский) — один из основателей нового, публицистического направления в русском проповедничестве. В январской

[1] ГАСК. Л. 5. Опубликовано по этой же копии в издании: Соколов... Ч. 2. Приложения. С. 17 с опечаткой («следуемым» вместо «следующим»). ‖ [2] Полное собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова: В 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 115. (Далее — Полное собрание писем святителя Игнатия). ‖ [3] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 383об.

книжке журнала за 1859 г. была опубликована (без подписи) статья «Голос древней Русской Церкви об улучшении быта несвободных людей», представляющая собой доклад на торжественном акте Казанской духовной академии в память ее основания, прочитанный 8 ноября 1858 г. (в дальнейшем — «Голос...»); а в мартовской, также без подписи — «Слово об освобождении крестьян в день восшествия на престол Его Величества Государя Императора Александра Николаевича. 19 февраля 1859 г.» (в дальнейшем — «Слово...»). В своих Воззваниях святитель Игнатий не упоминает имен авторов, которые, возможно, были в тот момент ему неизвестны. Работа «Голос...» принадлежала перу известного русского историка Афанасия Прокофьевича Щапова (1830–1876), бывшего в то время бакалавром (адъюнкт-профессором) Казанской духовной академии, где он читал лекции по церковной истории. К этому моменту уже получили известность его работы по истории раскола, в которых он утверждал, что раскол возник на почве демократических устремлений угнетаемого верхами народа (эта идея была затем подхвачена революционными слоями русского общества).

В публикуемой нами полемике с А. И. Герценом и письмах 1860-х гг. владыка Игнатий утверждал, что обе статьи принадлежали Щапову. На самом деле вторая работа, «Слово...», написана самим ректором Иоанном, как свидетельствуют списки его трудов. Однако нужно иметь в виду, что обе статьи весьма близки по содержанию, в них цитируются одни и те же памятники древнерусской литературы. Известно, что статья «Голос...» была написана Щаповым по заданию архимандрита Иоанна и одобрена им[1]; с другой стороны, сам ректор часто использовал при создании своих работ материалы, специально подготовленные для него преподавателями Академии, в частности Щаповым[2]. Не исключено, что «Слово...» является плодом совместного творчества Щапова и архимандрита Иоанна[3].

Публицистическая направленность «Православного собеседника» обратила на себя внимание церковных властей: указ Св. Синода

[1] *Лучинский Г. А.* Афанасий Прокофьевич Щапов: Биографический очерк // Щапов А. П. Соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. 3. С. XXIV. || [2] *Знаменский П.* История Казанской духовной академии: (1842–1870). Казань, 1892. Вып. 2. С. 224. || [3] В комментарии к заметке Герцена «Во Христе сапер Игнатий» *(Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 14 на с. 507) утверждается, что «Слово...» «приписывалось П. А. Щапову и вошло в его Собр. соч., т. I, 1906 г., с. 1–16», но это ошибка: в указанном издании находится статья Щапова «Голос...»; «Слово...» же среди сочинений Щапова не значится.

от 5 марта 1859 г. признал направление журнала несвойственным духовному изданию; в числе «несообразных» статей упомянут и «Голос...». Ректору Иоанну было сделано замечание, все последующие материалы предписано предоставлять в Московский цензурный комитет[1].

Каковы же были основные положения статей, вызвавших серьезную обеспокоенность святителя Игнатия?

В работе «Голос...» предстоящее освобождение крестьян автор рассматривает как «высокий нравственный подвиг христианской любви, христианских идей о нравственном достоинстве, правах и благе человечества». Затем он рассказывает о темных веках русской истории, в которых господствовали «насилие» и «рабство»; в древнерусских литературных письменных источниках он слышит «горький плач, рыдание и вопль» угнетаемого народа. В частности, в «Молении Даниила Заточника» он находит «горькое недовольство угнетающею действительностию <...> смелый протест против бессмысленного оскорбления, наносимого <...> правам человека».

Щапов приводит также цитаты из древних документов, в которых Церковь «обличала жестокосердых рабовладельцев», упоминает о святых подвижниках русского Севера — детях богатых родителей, отпускавших своих рабов на свободу. Из этого автор делает вывод, что «Церковь возвышалась до самой чистой идеи человеческого достоинства, гуманности...», однако «древнерусское общество с трудом мирилось с высокою идеею христианской, нравственной свободы и не созрело еще для полного осуществления ее». XVIII же век, по мнению автора, век узурпаторства и материализма, был еще более мрачным, «одним из самых тяжких веков для нашего народа, для его низших классов». Современная Церковь, считает автор, должна «раскрыть, уяснить народу высокое нравственное значение свободы, развивать, воспитывать в духе истинной, нравственно-христианской свободы духовно-нравственную жизнь народа, раскрывать, вырабатывать и приводить в действие начала нравственного улучшения быта народного»[2]. В очевидном смешении духовно-нравственных и социально-бытовых понятий, в неоднократно повторяющихся фразах о «правах человека и человеческом достоинстве», об идее «разумно-человеческой... свободы», об «истинном прогрессе человечества» нетрудно видеть отражение рационалистически-просветительских взглядов, ничего общего не имеющих с подлинно христианским евангельским при-

[1] *Знаменский П.* История... С. 542–543. || [2] Православный собеседник. 1859. Ч. I. [Январь]. С. 41, 46, 63, 71–72, 75.

зывом к духовному преображению «внутреннего человека» — что и стало одним из центральных пунктов полемики святителя Игнатия.

В «Слове...» архимандрит Иоанн приводит слова Иисуса Христа: «Уразумеете истину, и истина свободит вас» (Ин. 8. 32). Но если в Евангелии говорится о рабстве греху и свободе от греха (Ин. 8. 34), то есть в чисто духовном отношении, то автор, смешивая понятия, подверстывает к этим словам социально-правовое, внешнее понимание свободы следующим образом: «Не лучше ли понять, что если Спаситель мира освободил все человечество от нравственного рабства злу или греху и вывел всех людей на свободный путь добра, то этим самым уже подрывается сословное рабство в самом основании своем, которое есть нравственное зло?» Но евангельские слова действительно не дают никаких оснований к такому заключению. Христианское учение говорит о полной независимости духовного пути человека от всех внешних условий и обстоятельств, и апостол Павел призывает: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа» (1 Кор. 7. 20, 22). Приведя этот фрагмент из Первого послания апостола Павла к Коринфянам и исказив текст (см. примечание «Г» к «Замечаниям...» на с. 444 и детальный разбор этого фрагмента в работах епископа Игнатия на с. 414 и 437), автор утверждает, что именно сословное рабство препятствует осуществлению христианских целей в жизни, «так как препятствует нравственно-свободному развитию духа и высшим стремлениям деятельной жизни».

«Мы не судим ничьей совести», — заявляет архимандрит Иоанн, но далее следует гневная филиппика в адрес некоего средневекового «рабовладельца» в связи с его духовным завещанием, которое кажется автору недостаточно покаянным. Дворянским комитетам по крестьянской реформе он рекомендует воспользоваться ветхозаветными иудейскими законами о рабовладении, где все «просто, легко, нравственно и человечно». Затем автор обращается к крестьянам, призывая их направить даруемую им свободу на добро, сохранять верность православной вере и Церкви, и заканчивает свою статью пожеланием, чтоб священнослужители также направляли поселян на путь истины и добра[1].

Обращаясь к Воззванию святителя Игнатия от 6 мая 1859 г., следует прежде всего отметить, что Владыка никогда не участвовал

[1] Православный собеседник. 1859. Ч. I. [Март]. С. 337–341, 342, 347.

в идеологических спорах, не отвечал публично на разного рода антицерковные статьи, публиковавшиеся в светской печати. Но когда подобные статьи появились в журнале духовном — счел необходимым немедленно показать ложность развиваемых там взглядов. Очевидно, Святитель усматривал гораздо большую опасность в том, что секулярно-гуманистические воззрения проникали внутрь христианства, провозглашались от имени Церкви, создавая таким образом угрозу чистоте православной веры. В истории России нередки случаи, когда труды духовных академий становились источниками учений, далеких от традиционного Православия, а профессора-«богословы» зачастую оказывались разрушителями Церкви едва ли не более активными, чем откровенные революционеры-безбожники.

В своем Воззвании святитель Игнатий предупреждает, к каким гибельным для общества последствиям может привести искажение догматической стороны христианского вероучения, в частности игнорирование догмата о грехопадении. «Ни равенства, ни совершенной свободы, ни благоденствия на земле в той степени, как этого желают и это обещают восторженные лжеучители, быть не может. Это возвещено нам Словом Божиим; доказано опытом», — пишет он. В отличие от прогрессистского, «бытоулучшительного» направления «Православного собеседника» святитель Игнатий доказывает, что скорби и страдания, как последствия греха, не исчезнут из мира до конца времен, а попытки на практике осуществить идею вселенского счастья неизбежно приводят к социальным катастрофам:

«Рационалисты чужды нищеты духа. Они рассуждают и умозаключают о естестве человеческом, отвергая или упуская понятие о его падении, они видят в этом естестве все возможные достоинства, никак не примечая, что в нем добро перемешано со злом и потому самое его добро сделалось злом, как делается ядом прекрасная пища, перемешанная с ядом. <...> Из ложных идей вышли самые чудовищные действия и последствия. Представив человекам их естество не в том виде, в каком оно есть действительно <...> рационалисты произвели ужаснейшие беспорядки везде, где их учение было принято...»

Истоки этого течения, в котором Церкви отводится роль социального реформатора, а не врачевателя душ, святитель Игнатий находит в ветхозаветной идеологии: «Собеседник» увлекся в статьях своих иудейским направлением, он хочет, чтоб учение Христово

вмешивалось в гражданские дела, подавало свое мнение о гражданском рабстве и в гражданском смысле, а не в духовном, доставляло преимущество по плоти и делалось оружием земной цели <...> По этой причине «Собеседник» обратился к необязательным для христианства и неприменимым к христианству иудейским постановлениям, справедливо надеясь в них найти опору своему плотскому мудрствованию и неправедно навязывая их христианскому обществу».

Важнейшей во всех творениях Владыки является мысль о падшем состоянии человека, его искаженном грехом естестве и свойственном ему «плотском мудровании». Эта мысль остается главной и в Воззвании. *Плотское мудрование* — слова из послания апостола Павла к Римлянам (8. 6), характеризующие поврежденный грехом, необлагодатствованный, мирской разум человека. Ему противопоставляется *мудрование духовное* — восприятие мира в свете Божественного Откровения, оно достигается только через очищение от страстей, через «нищету духовную», преображение личности Божественной благодатью.

Святитель Игнатий, опираясь на Св. Писание, привлекая труды многих святых Отцов, показывает, в чем именно состоит искажение «Собеседником» православного понимания свободы. Излагая учение Церкви о власти, о рабстве и рабовладении, святитель Игнатий решительно разделяет свободу внутреннюю, духовную и внешнюю — социально-правовую, между которыми «нет ничего общего». «Подчинение власти не подрывает благочестия»; «имеющий духовную свободу нисколько не нуждается в гражданской: он — в рабстве, в тюрьме, в оковах, в руках палача — свободен...» Более того, стремление освободиться от скорбей и неудобств, восстать против обстоятельств, в которые человек промыслительно поставлен Богом, — есть страшное преступление, отвержение Креста Господня. Приведя слова Спасителя о несении своего креста (Мф. 10. 38), Святитель замечает: «Слыша эти решительные слова Христовы, лучше плакать пред Ним о своей немощи, нежели витийствовать земным плотским мудрованием и витийством против Креста Христова и против того тесного пути, того единственного пути, который вводит во спасение». К числу таких «витий» Владыка относит и Даниила Заточника, чье знаменитое «Моление» (XIII в.), исполненное жалоб на нищету и едких характеристик бояр, сочувственно цитирует Щапов. Сочинение Даниила вызывает у святителя Игнатия совершенно иную реакцию: «Все земные бедствия

ничего не значат пред душевным бедствием: пред отчуждением ума и сердца от Богом преданного нам смирения. На голос Даниила Заточника Церковь может отозваться только голосом болезненного плача о этой заблудшей и омрачившейся душе, которую да покроет милость Божия».

Гражданское освобождение крестьян, конечно, приветствуется Святителем как «дело милости, дело братской христианской любви», благословленное Церковью. Для современного же читателя особенный интерес представляет заключительная часть Воззвания, из которой видно, что Владыка трезво оценивал будущее Российского государства: он предвидел быстрое материальное развитие страны, активное проникновение европейских начал и усиленное вторжение разнообразных религиозных учений, от «папизма» до атеизма. Все это, предрекает Святитель, повлечет за собой постепенное охлаждение народа к христианской вере и неизбежное умаление влияния духовенства на государственную и общественную жизнь.

Одна из копий Воззвания епископа Игнатия от 6 мая 1859 г. попала к издателям «Колокола», и 15 августа 1859 г. в этой газете, издаваемой в Лондоне, появился памфлет А. И. Герцена «Во Христе сапер Игнатий»[1]. Как известно, Герцен был одним из самых ожесточенных противников Православной веры в России середины XIX столетия. В начале того же 1859 г. Св. Синодом было рассмотрено и одобрено предложение Митрополита Санкт-Петербургского Григория об отлучении Александра Герцена от Церкви, однако Император Александр II воспрепятствовал его утверждению. Примечательно, что сам Герцен выразил сожаление, что предание его анафеме не состоялось[2].

Евангельское учение было приспособлено Герценом для обоснования новой «религии социализма», а слова Христа он перетолковывал как призыв к борьбе с государственной властью, к утверждению свободы и всеобщего равенства. Особенное глумление Герцена вызывало все, так или иначе связанное с Русской Православной Церковью. Номера «Полярной звезды» и «Колокола» наполнены кощунством над церковными Таинствами, святынями, обрядами, а также уничижительными отзывами о множестве русских духовных деятелей. В этом же ряду находится и заметка «Во Христе сапер Игнатий». В ней отчетливо видны приемы, с помощью которых церковные лица превращались под пером Герцена в гротескные фигуры «крепостников» и «апологетов рабства».

---

[1] Опубликован также в издании: *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 14. С. 140–141. ||
[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 14. С. 486.

Познакомившись с заметкой Герцена, владыка Игнатий пишет к ней несколько кратких эмоциональных примечаний-опровержений. На их основе он создает в феврале 1860 г. развернутую статью «Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому епископу Игнатию», где говорит о себе в третьем лице. К этой работе Владыка вернулся более чем через год и дополнил ее несколькими примечаниями. Владыкой была подготовлена беловая рукопись, состоящая из заметки Герцена и «Замечаний...» (см. текстологический комментарий). Неизвестно, предполагал ли Святитель где-либо публиковать этот материал. Скорее всего, по смирению не счел нужным публично отвечать на откровенную клевету и злословие.

В своих «Замечаниях...» Владыка неоднократно ссылается на книгу «Искандер Герцен», составленную Н. В. Елагиным и вышедшую в Берлине в 1859 г. Она представляет собой сборник анонимных статей, где с позиции православного христианина анализируются взгляды Герцена на государство, религию и Церковь, приводятся обширные цитаты из публикаций «Полярной звезды» и других сочинений Герцена, в которых «отвергается бытие Бога, предается поруганию христианская вера, явно проповедуется безбожие и все направлено к ниспровержению государственного благоустройства в России». Немалое место уделено в книге полемике по вопросу о личной свободе. Свобода, пропагандируемая Искандером, говорится в одной из статей, «породила ужасы революций и в потоках крови человеческой потопила и сама себя»; человек, обретя такую «свободу», «легко может сделаться рабом страсти, рабом какой-нибудь злой привычки». «Кажется, достаточно опытов революций XVIII и XIX вв., чтоб убедиться, что всякое преобразование общества, совершаемое не во имя Иисуса Христа, строится на песке и <...> кончается гильотиною или расстреливанием на баррикадах, не достигая цели». Далее в книге приводятся уже цитированные евангельские слова (Ин. 8. 31–32, 36) и следуют рассуждения, весьма близкие мыслям святителя Игнатия из его Воззвания:

«Истина Христова освободит от ложных идей и увлечений, которыми порабощается свобода человека <...> Свобода христианская такова, что она равно сохраняется ненарушенною и на троне, и в узах, и в темнице; потому что дух, которому принадлежит свобода, не подлежит этим внешним ограничениям». «Самые ожесточенные враги свободы — это громогласные проповедники либерализма, — замечает автор. — Они не терпят себе никакого проти-

воречия <...> Деспотическое господство их мыслей, их идей — вот предмет их стремлений и усилий; истребление всего и всех, что не нравится им, какими бы то ни было средствами — вот их девиз. Это ли свобода?»[1].

Сопоставление заметки Герцена и ответа святителя Игнатия характеризует личности оппонентов, приемы и методы полемики, их нравственную позицию и вместе с тем демонстрирует мировоззренческие полюса, между которыми существовала русская культура XIX в.

Отзвуки этой полемики можно обнаружить и в письмах владыки Игнатия, и в заметках Герцена на протяжении первой половины 1860-х гг. Так, Герцен дважды упоминает имя Святителя в статье «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ», посвященной обретению нетленных мощей святителя Тихона Воронежского в 1861 г. Эту работу, пронизанную откровенным глумлением над святынями Православной веры, сам Герцен называл своей любимой статьей. Вот некоторые цитаты: «Думать надобно, что известный читателям «Колокола» крепостник и во Христе сапер Игнатий заведовал земляными работами» (имеется в виду поднятие мощей); «Мы помним <...> молодого архимандрита Казанской академии Иоанна, поместившего в январской книжке «Православного собеседника» «Слово об освобождении»; но статья его тотчас вызвала дикий и уродливый ответ во Христе сапера»[2].

Мнение епископа Игнатия о Высочайшем Манифесте 19 февраля 1861 г., его оценки деятельности Искандера видны из письма Владыки к бывшему Ставропольскому губернатору А. А. Волоцкому от 22 марта 1861 г., написанного через два дня после торжественного объявления Манифеста в Ставропольском кафедральном соборе:

Манифест великолепен! Выслушан был с величайшим вниманием и благоговением, произвел на все сословия самое благоприятное, спасительное впечатление. Общественное мнение о деле было искажено проникнувшим во все слои общества журналом «Колокол» и различными печатными статьями в направлении «Колокола». На этом основании многие ожидали Манифеста если не вполне в том же направлении, то по крайней мере в подобном или сколько-нибудь близком. Является Манифест! Высокое направление его, величие и правильность мыслей, величие тона, необыкновенная ясность взгля-

[1] Искандер Герцен. Берлин, 1859. С. VI–VII, 155–156, 158–160, 175–176. ||
[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 15. С. 143–149.

да на дело, прямота и благородство выражения, точное изображение несовместимости и несвоевременности устаревшей формы крепостного права и вместе публичное оправдание дворянства (которое подлые завистники его старались унизить, оклеветать, попрать и даже уничтожить при помощи софизмов по поводу крестьянского вопроса), проповедь Манифеста об истинной свободе с устранением своеволия и буйства, которые невежеством и злонамеренностию смешиваются с идеею о свободе, — все это доставило Манифесту необыкновенную нравственную силу. Понятия ложные, явившиеся и расплодившиеся по причине глупых и злых разглашений, рассеялись и ниспали. Состояние недоумения, обымавшее умы, заменилось состоянием ясного разумения, спокойствия, доверенности и глубокого уважения к действиям правительства. Манифест решительно отделился характером своим от всех мелких писаний по крестьянскому вопросу и затмил их светом своим: так при появлении солнца скрываются звезды. Они не уничтожаются, продолжают существовать и присутствовать на небе, но их уже не видно. Манифест, служа разумным изображением нашего Правительства, не может не изливать истинного утешения в сердца всех благомыслящих и благонамеренных, фактически доказывая, что Правительство русское шествует по пути самому правильному, самому благонадежному.

Мне было очень приятно увидеть, что два «предложения» мои, данные Кавказской Консистории, еще в бытность Вашу в Ставрополе, для преподания духовенству Кавказской епархии должного направления в крестьянском вопросе, решительно сходствуют и по духу своему, и по мыслям с Манифестом, предупредив его двумя годами.

Против «предложений» были здесь разные толки, особливо после появления ругательной статьи против меня в «Колоколе». Эти противные толки, в которых главную роль играла бессовестнейшая клевета, поневоле заставили духовенство обратить особенное внимание на «предложения», как получившие особый интерес по возбудившейся вследствие них полемике. «Предложения» были подробно рассмотрены, а потому изучены, и Манифест, явившись, нашел уже духовенство к себе подготовленным. В то время как весь народ благословляет Государя Императора за глубоко разумный Манифест, надо полагать, что издатель «Колокола» с небольшим числом единомысленной братии своей придет в бешенство и ударит в свой опошлившийся набат. В Манифесте, именно, упомянуты слова

св. апостола Павла к Римлянам, по поводу которых исступленный Искандер сказал, что апостол Павел, произнесши их, сделал «больше зла, чем Иуда Искариотский, предавши Христа»[1]*. У вас есть копия с моих «предложений». Во втором из них, от 7 мая 1859 года, Вы увидите развитие понятий о «вопросе», точь-в-точь тех же, какие развиты в Манифесте. В Манифесте с первого слова до последнего выражен принцип монархический — залог общественного порядка и благоденствия России. <...> Слава и хвала Богу, хранящему Россию! Хранение Богом России явствует для всякого, способного видеть, из Манифеста*[2].

Личность профессора А. П. Щапова также вызывала пристальный интерес обоих оппонентов, тем более что вскоре его имя стало известно всей России. Щапов все более сближался с либерально-демократическими кругами. С 1860 г. он, оставаясь в звании бакалавра Духовной академии, одновременно читает лекции в Казанском университете, пользующиеся успехом у молодой аудитории. В апреле 1861 г. студенты Казанской духовной академии и Казанского университета организовали демонстративную панихиду по убитым при усмирении крестьянского выступления в селе Бездна. Присутствовавший на панихиде Щапов выступил с речью, в которой христианское учение трактовалось им как политическая демократическая доктрина. Это дело получило широкую огласку. Щапов был арестован, но затем взят на поруки управляющим Министерством внутренних дел графом П. А. Валуевым и определен им на службу в свое Министерство. Св. Синодом в отношении Щапова было принято чисто формальное решение об отстранении его от должности и исключении из духовного звания. Однако по представлению Главного комитета Государь Александр II распорядился выслать Щапова в монастырь[3]. Случайно или нет, местом пребывания опального профессора был выбран Николо-Бабаевский монастырь Костромской губернии — тот самый монастырь, куда только что прибыл святитель Игнатий, оставивший управление Кавказской епархией и по его просьбе отправленный на покой в эту обитель, где он и провел свои последние годы. Вот как прореагировал Владыка на это распоряжение Св. Синода (в письме к брату П. А. Брянчанинову от 15 января 1862 г.):

---

[1] См. примечание 5 святителя Игнатия к «Замечаниям на отзыв журнала «Колокол»» (С. 437). || [2] *Соколов...* Ч. 1. С. 286–288. || [3] *Лучинский Г. А.* Афанасий Прокофьевич Щапов... С. XLIV–LI.

Сюда назначили г. Щапова для вразумления его. Какая поздняя мера! Когда сочинения его разошлись по России, были читаны, а вероятно, и теперь читаются большинством с восторгом и увлечением; когда Щапов дело свое вполне совершил, — тогда присылают его в монастырь. Монастырь для лица, если к нему есть милость Божия, может быть полезен; но это лицо уже чуждо своему делу, получившему собственные и значение, и самостоятельность. Оба воспитанника Кавказской семинарии, посланные при мне в Казанскую академию, замешаны в деле. Это — жертвы; жрецы в стороне. Всякий пустяк, который ныне выходит печатно, пропитан революционным духом. Направление сделалось всеобщим. Вопрос крестьянский сделался вопросом всероссийским. Умаление средств у помещиков отозвалось на благосостоянии купечества; возвышение цены на хлеб и прочие жизненные припасы; цены, постоянно возвышающиеся и долженствующие возвышаться, отзываются на положении всех городских жителей. Крестьяне заражаются самым буйным духом, который распространяют в них разные неблагонамеренные извне и из среды их[1].

Однако же и эта, запоздалая, по мысли Святителя, мера наказания не была осуществлена. Под нажимом ряда влиятельных лиц и «голоса общественности» Александр II вынужден был отменить решение о высылке Щапова. «В конце февраля получил уведомление, что г. Щапов прощен Государем Императором и в Бабаевский монастырь не прибудет», — пишет епископ Игнатий брату 10 марта 1862 г.[2]

В свою очередь Герцен рассказывал читателям «Колокола» о речи Щапова, его аресте и последовавших мерах (заметки «12 апреля 1861»[3], «Профессор Щапов»[4] и др.). Осенью 1861 г. Герцен прислал Щапову приветственное письмо, положившее начало их переписке[5]. Щапов устанавливает связи с издателями «Колокола», с первыми организациями «Земли и воли». В 1864 г. он был сослан в Сибирь, где разрабатывает новую «социально-антропологическую» теорию исторического процесса, сложившуюся под влиянием идей Бокля и Писарева. В 1876 г. он скончался от чахотки и алкоголизма.

Ход крестьянской реформы, либеральный дух 1860-х гг. волновали владыку Игнатия и после его удаления на покой. «Великое дело освобождения крестьян сопряжено с значительными трудностями,

---

[1] Полное собрание писем святителя Игнатия. Т. 3. С. 66–67. || [2] Там же. С. 71. || [3] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 15. С. 106. || [4] Там же. Т. 16. С. 21–22. || [5] Там же. Т. 15. С. 371.

для преодоления которых, во-первых, нужна особенная помощь Божия, а потом — самая мудрая, недремлющая человеческая деятельность», — замечал он в письме 22 января 1862 г.[1], а спустя четыре года после объявления Манифеста, в письме от 6 января 1865 г., высказывает крайнюю обеспокоенность духовным состоянием крестьянства:

Заезжал ко мне протоиерей из того села, в котором живут потомки Сусанина, человек довольно умный. Он сказывал, что крестьяне пропились и обнищали донельзя, что этого тока ничем удержать нельзя, потому что вдавшиеся в пьянство будут пить водку и тогда, когда бы вздумали повысить на нее цену. Это доказано опытами. Вместе с разгульною жизнию явилось особенное охлаждение к Церкви и духовенству. Кутилы из крестьян кутят и впали в индифферентизм по отношению к религии; некутилы обращаются в большом количестве к расколу. Дворянство бедно и не может помогать церквам и духовенству, как помогали прежде. Содержание духовенства скудеет и скудеет. Протоиерей, имеющий практический взгляд, говорил, что этому положению не видно исхода и что последствия этого положения должны быть многоплодны.

Прогресс идет изумительно быстрыми шагами. Кто остановит его?[2]

Архимандрит Иоанн, ректор Казанской духовной академии, подвергшийся резкой критике со стороны Митрополита Московского Филарета в связи с «делом Щапова», к 1864 г. вернул благорасположение Московского Владыки. В марте 1864 г. он был назначен ректором Петербургской духовной академии, в январе 1865 г. посвящен в сан епископа Выборгского, с 1866 г. был епископом Смоленским. Откликаясь на эти известия, владыка Игнатий в письмах к брату вспоминает:

Иоанн по открытости своей нравился мне более, нежели современные ему академисты. И тогда многие баре восхищались его проповедями, направленными к освобождению крестьян, не поняв, что Иоанн отнюдь не духовный проповедник, а рьяный фанатик сословный и что у него замаскирована мысль о резне дворян и о предоставлении своей пастве первенства и в гражданском и церковном служении. Другие, имея эту же мысль, лучше скрывают ее, а потому

[1] Полное собрание писем святителя Игнатия. Т. 3. С. 67. || [2] Там же. С. 110–111.

Иоанн, как откровеннее других высказывающийся, нравственно выше других (письмо от 29 января 1865 г.)[1].

Спустя месяц, в письме от 24 февраля, Святитель вновь упоминает имена епископа Иоанна и Щапова:

Относительно моего примирения с Преосвященным Иоанном, то оно, если совершится, будет для меня событием самым приятным. Расположению его к монашеству очень рад и нахожу, что по открытости и прямоте его характера он очень способен к принятию истинного монашества и даже к благодатному ощущению милости Божией, от чего является в человеке живая вера. Я и не ссорился с Иоанном, а только дал отзыв на статьи г. Щапова, которые на Кавказе так разгорячили, что «потребовали крови». Сколько неправилен и вреден образ мыслей в этих статьях, доказали опыты и еще докажут. Именно статьи забыты, но в духе их и пишется и говорится, — дух и направление получают огромный объем[2].

Действительно, во многих письмах святителя Игнатия, написанных в последние годы жизни, виден горестно-прозорливый взгляд на перспективы идейной эволюции русской интеллигенции:

«Из выходящих в свет сочинений видно, что все образованное общество во всех сословиях приняло новое направление, долженствующее иметь соответствующие себе результаты»[3]. *«Очевидно, что отступление от веры Православной всеобщее в народе. Кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индифферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления. Спасаяй, да спасает свою душу!»*[4] *«Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви, и скорее ускорят падение ее, нежели остановят. Опять скажу: буди воля Божия! Что посеют, то и пожнут!*[5]

В полной мере пожинать эти плоды русскому народу пришлось спустя полвека после кончины епископа Игнатия.

---

[1] Полное собрание писем святителя Игнатия. Т. 3. С. 113. ‖ [2] Там же. С. 115. ‖ [3] Там же. С. 66. ‖ [4] Там же. С. 112. ‖ [5] Там же. С. 125.

Святитель Игнатий на Кавказской кафедре

Из Жизнеописания святителя Игнатия[1]

(О хиротонии)

В 1855 году Наместник Кавказский Н. Н. Муравьев 1-й, лично знавший архимандрита, пригласил его занять кафедру Ставропольскую, которая должна была скоро очиститься из-за обнаруженных обследованием, сделанным архиепископом Астраханским Евгением, беспорядков и злоупотреблений Ставропольской епархиальной администрации, но архимандрит <Игнатий>, отказываясь, просил его не ходатайствовать об этом, — откровенно писал ему, что в Синоде это поставят ему в вину и что успеха не будет, как на тот раз действительно и случилось. Митрополит Никанор по этому поводу на вопрос Государя, почему они затрудняются согласиться на просимое назначение архимандрита Игнатия, отвечал: «Он не учился в Духовной академии».

Вскоре затем скончался Митрополит Никанор. На кафедру С.-Петербургской митрополии призван был Митрополит Казанский Григорий, который близко знал, понимал и был в духовном общении с архимандритом Игнатием, и потому, в видах пользы Церкви Божией, тотчас же предложил ему Епископскую кафедру. Решившись не уклоняться от предлагаемого ему по судьбам Божиим, он изъявил свое согласие. Митрополит намеревался хиротонисать его во Епископа в Новгороде, и он уже готовился к этому, но

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 161об., 165. Здесь и ниже под этим шифром приводятся фрагменты из рукописного Жизнеописания святителя Игнатия, составленного его учениками. Полный текст Жизнеописания опубликован издательством имени святителя Игнатия Ставропольского.

вышло иначе. Новгородская кафедра была занята другим лицом[1], а через год после этого он был возведен во Епископа Кавказского и Черноморского. Предложение об этом было сделано в Синоде самим Первоприсутствующим, и архимандрит принял это назначение как выражение промыслительной Воли Божией, тем более, что оно уже было вторичное от лица Высокопреосвященного Григория.

25 октября 1857 года при значительном стечении общества, в Святейшем Синоде происходило наречение[2], а 27-го в Казанском соборе совершена хиротония архимандрита Игнатия во Епископа Кавказского и Черноморского, при весьма многочисленном стечении народа[3].

Речь, произнесенная в Святейшем Синоде настоятелем Сергиевой пустыни, архимандритом Игнатием, при наречении его во Епископа Кавказского и Черноморского, октября 25 дня 1857 года

Ваше Святейшество!

В настоящие священные и вместе страшные для меня минуты невольно воспоминаются мне слова, сказанные Господом ученику Его: *Егда был еси юн, поясался еси сам и ходил еси, аможе хотел еси: егда же состареешися, воздежеши руце твои, и ин тя пояшет и ведет, аможе не хощеши*[4].

Во дни юности моей я стремился в глубокие пустыни. *Се удалихся бегая, и водворихся в пустыни: чаях Бога спасающаго мя от малодушия,* которым обличается в человеке недостаток благодатного развития, и *от бури* страстей, воздвигаемой обманчивыми и скорогибнущими прелестями мира[5]. Монашество нравилось и нравится мне само по себе! но я вовсе не мыслил о служении Церк-

[1] Платоном, впоследствии Костромским. ‖ [2] Изданные жизнеописания указывают другую дату наречения — 23 октября. ‖ [3] Хиротонисали: Григорий, митрополит Новгородский и С.-Петербургский, Афанасий, архиепископ Казанский, Нил, архиепископ Ярославский, Иннокентий, архиепископ Камчатский, Филофей, архиепископ Тверской, Агафангел, епископ Ревельский, викарий С.-Петербургский, Кирилл, епископ Мелитопольский, настоятель Иерусалимской миссии. (Краткие биографии настоятелей Сергиевой пустыни. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 341. Л. 463об.) ‖ [4] *...когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь* (Ин. 21. 18). ‖ [5] *«...далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне; поспешил бы укрыться от вихря, от бури»* (Пс. 54. 8, 9).

ви в каком бы то ни было сане священства. Быть Епископом[1] своего сердца и приносить в жертву Христу помышления и чувствования, освященные Духом, — вот высота, к которой привлекались мои взоры.

Недолго пользовался я свободою юности: вскоре был опоясан и окован непостижимым Божественным Промыслом. Всемогущая десница Его, в противоположность предположению моему, внезапно восхитила меня из глуши лесов и пустынь, — поставила в обитель преподобного Сергия, на берег моря, на берег моря житейского, великого и пространного[2]. Трудно испытывать пути Божии! Только Дух Божий испытует глубины Божии[3]. Просвещенные Духом святые наставники монашества утверждают, что для новоначальных иноков опасно глубокое уединение, в котором они могут удобно впасть в мечтательность и самомнение, что им необходимо, как училище и врачебница, общество человеческое. При многоразличных столкновениях с ближними обнаруживаются для инока его страсти, таящиеся от него самого в сокровенностях сердца, и врачуются всесильным врачевством: учением Христовым[4].

Всматриваясь в недуги души моей, признавал я такое положение существенно нужным для меня. Но как объясню себе то призвание, которым вы, священнейшие Отцы, ныне призываете меня? Что обрели вы во мне и что я могу представить вам, кроме множества недостатков моих? Страшен для меня сан Епископа при мысли о немощи моей. Страшусь, чтоб вместо назидания не принести мне соблазна братиям моим и не уготовать себе большего осуждения на суде Христовом. Счел бы я более верным для спасения моего и более сообразным с силами моими провести остаток дней моих, как и начало их, в безмолвии пустынь, в созерцании греха моего.

И опять я страшусь!.. Страшусь воли моей, чтоб, последуя ей, не последовать, вместо Бога, самому себе и тем не навлечь на себя непредвидимого бедствия[5]. *Тесно ми отвсюду!*[6] В недоумении моем отрицаюсь себя, предаю и временную, и вечную участь мою в руце Бога моего. Связанный избранием вашим и повелением Августейшего Помазанника Божия, с покорностию и трепетом преклоняю главу под бремя, могущее сокрушить недостойного.

---

[1] Выражение это заимствовано у святого Иоанна Лествичника. Слово 28, гл. 51. М., 1851. ‖ [2] Пс. 105. 25. ‖ [3] 1 Кор. 2. 10. ‖ [4] Исаака Сирского Слово 55; преподобного Варсонофия Великого ответы 2, 108, 311, 342 и другие; преподобного Иоанна Лествичника Слово 4, гл. 35, 36, 74, Слово 28, гл. 1; преподобного Нила Сорского Слово 11. ‖ [5] Преподобный авва Дорофей. Поучение 5. ‖ [6] *...тесно мне отовсюду* (Дан. 13. 22).

Не преставайте укреплять меня назиданиями Вашими! Не отриньте, когда по завещанию Святого Духа приду к вам за словом разума, за словом душеспасительным. Дух Святый заповедал: *вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе*[1]. Простирая на меня руки, чтоб облачить меня великим саном Архиерейства, простритe их и молитвенно о мне к Богу, являющему силу Свою в слабости человеческой. Что ж касается до меня, то я, в сей грозный для меня час, ищу успокоения совести моей и нахожу его в безусловной преданности воле Божией, в сознании и исповедании пред вами обилия моих немощей.

Речь, произнесенная по прибытии к Епархии в Ставропольском кафедральном соборе, 5 января 1858 года

Мир граду сему![2]

Произношу это приветствие, возлюбленные братия, по завещанию Господа моего, пришедши с посохом пастыря в богоспасаемый град Ставрополь, да *проповедую и глаголю* в сем граде и в окрестных градах и весях, *яко приближися Царствие Небесное*[3].

Царствие Небесное, *Царствие Божие внутрь* нас *есть*[4]. Царствие Небесное — мир Христов. В душе, в которой от покорности Богу утихли страсти, царствует Бог, царствует мир Христов.

Но мир Христов отнюдь не есть мир века сего; подает Господь мир Свой не так, как доставляется мир обычаем падшего человечества[5]. Единство суетной, даже неблагонамеренной цели нередко водворяет между человеками временное и душепагубное согласие. Мир Христов — свят! Мир Христов — весь во Христе! Мир Христов насевается в душе Словом Божиим, зарождается от возделывания сердечной нивы заповедями Христовыми, питается этим невидимым, но небеструдным подвигом, возрастает от него. От действия Святого Духа мир Христов объемлет ум, сердце и тело совершенного христианина, соединяет эти части, рассеченные и разъединенные грехом, воедино; человека, примиренного в себе и с самим собою, составляющего уже собою единое и целое, каким он был до падения, соединяет с Богом. Такой мир испрашиваю себе

---

[1] *...спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе* (Втор. 23. 7). ‖ [2] *...мир дому сему* (Мф. 10. 12). ‖ [3] *...что приблизилось Царство Небесное* (Мф. 10. 7). ‖ [4] *...Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17. 21). ‖ [5] Ин. 14. 27.

и вам, возлюбленные братия, у единого Подателя истинного и святого мира, у Господа нашего Иисуса Христа.

Мир Божий, превосходяй всяк ум, по живому и точному пониманию Апостола, *да соблюдет* для Христа *сердца и разумения* наши[1]; да соблюдет для Него земную деятельность нашу и зависящую от этой деятельности нашу вечную участь. Аминь.

Выписки из годового отчета епископа Игнатия о состоянии Кавказской епархии за 1858 год[2]

Окончив лечение в Кисловодске, Епископ направил путь свой для обзора Епархии вдоль южной и потом — по юго-восточной стороне Ставропольской губернии.

Чтоб уяснить по возможности вернее найденное им современное состояние Епархии, обратимся к взгляду на нее самого епископа Игнатия, высказанному им в его годовом отчете за 1858 год, когда он уже лично осмотрел большую половину ее, но еще не видал Черномории, не успев посетить ее за поздним временем, — которого много было отнято ожиданием приезда Великих Князей Николая и Михаила Николаевичей, посещавших в осень того года Кавказ и проезжавших через Ставрополь. Обратимся к выпискам из годового отчета о состоянии Епархии за 1858 год.

Консистория

Личный состав Консистории в 1858 году (т. е. в год приезда епископа Игнатия на кафедру) значительно изменился. В начале 1858 года, вслед за епископом Игнатием, прибыли в Ставрополь новый ректор Семинарии архимандрит Гермоген[3] и новый инспектор, соборный иеромонах Исаакий[4]. Первый из них по усвоенному ректорам праву начал присутствовать в Консистории, а второй — по предложению Епископа, по представлению которого это распоря-

---

[1] *...мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши* (Флп. 4. 7). ‖ [2] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 177об.–234. Частично опубликовано: К свету. 1994. № 11–12. С. 42–55. В данном фрагменте текст авторов рукописного Жизнеописания чередуется с цитатами из отчета Владыки Игнатия, к сожалению не выделенными кавычками. Отчет-доклад святителя Игнатия о состоянии Епархии за 1858 год представлен им Св. Синоду в октябре 1859 года. Постраничные примечания (с. 469–518) воспроизводятся по тексту публикуемого источника. ‖ [3] Позже Епископ Кавказский. ‖ [4] Впоследствии Епископ Красноярский.

жение его утверждено Синодом. В марте прибыл и новый секретарь. Столько чувствительное изменение состава Консистории поколебало авторитет члена Консистории протоиерея Крастилевского, дотоле господствовавшего в Консистории, по причине весьма хороших способностей своих, по причине опытности своей в делах, в особенности же по причине неограниченной доверенности, которую питал к нему Преосвященный Иоанникий. Страх к Крастилевскому несколько ослабел в прежних членах, и член протоиерей Сухарев, кандидат Московской академии, лице характера правдивого, до сих пор безмолвствовавший, начал с пользою для дела подавать голос свой. Но способности Крастилевского и знание дел, именно Кавказского края, не могли не привлекать внимание прочих членов и секретаря к его мнениям. Вслед за вниманием начала привлекаться и доверенность, тем более что ректор и инспектор, занятые Семинариею, не могли уделять для дел Консистории столько времени, сколько эти дела требуют для основательного рассмотрения их. Превосходство в знании дела пред прочими членами, врожденная хитрость, доходящая до коварства, снова доставляли Крастилевскому первенство и преобладание в Консистории и доставили бы его, если бы не было другой власти, его ограничивающей и обуздывающей. В делах оказалось ощутительным столкновение, для многих приметное: хитрый Крастилевский едва усматривал, что его противодействие становится приметным, как немедленно прибегал к уклончивой уступчивости. Но эта при известных случаях уступчивость не могла изменить общего направления, и столкновение сделалось ощутительным в самой административной цели, в цели нравственной и духовной. Исправление Крастилевского оказалось невозможным: удаление его из Консистории оказалось необходимым. От края Епархии до другого края слышались жалобы и вопли на него; духовенство, привыкшее в течение десятков лет видеть в нем неограниченного властелина, трепетало пред ним. В сем 1858 году оно, хотя и заметило ограничение его во влиянии и действиях, однако не доверяло этому состоянию ограничения, необычному для Крастилевского, и, зная из опыта его стойкость, ожидало с минуты на минуту вступление его в обычные ему права самовластия. Многие дела шли медленно, а именные вовсе не подвигались единственно по той причине, что лица, которым они были поручены, зная взгляд на них Крастилевского, не осмеливались действовать неблагоугодно ему. Последнее обстоятельство служило весьма важным препятствием к приведению Епархии в порядок, а

в некоторых случаях могло бы породить самые неприятные и громкие события, как это будет фактически доказано и изображено при описании посещения Епископом города Моздока. Получив такое практическое понятие о Крастилевском из рассмотрения дел не только на бумаге, но и в их результатах, Епископ по возвращении своем из обозрения Епархии счел первою и священною обязанностию устранить из епархиальной деятельности то начало, которое в течение столь долгого времени лишало епархиальную деятельность благотворной правильности, и впредь, по усвоившемуся ему направлению, не престало бы служить неистощимою причиною самого вредного влияния. На сем основании Епископ, по предоставленному ему праву, уволил Крастилевского от присутствия в Консистории и представил Святейшему Синоду о совершенном увольнении сего лица от звания члена Консистории. Святейший Синод уважил его представление. Вместе с сим Епископ счел нужным, для решительного освобождения членов Консистории от влияния, которое должен был сохранить на них Крастилевский, удаление его из епархиального города. Крастилевский уволен от должности епархиального протоиерея, ему предоставлено настоятельство Моздокского собора и благочиние над ним, без всякого, однако ж, влияния на Успенскую Загородную церковь, коей прихожане — наиболее осетины и черкесы. А так как Крастилевский счел несовместимым для себя помещение в Моздоке по ненависти к нему христиан-горцев, что вполне справедливо, то при открывшейся вакансии он перемещен в город Георгиевск на тех же правах, на коих был назначен в Моздоке. Место Крастилевского в Кафедральном соборе и в присутствии в Консистории занял благочинный Георгиевский, протоиерей Василий Попов, характера открытого, прямого, — направления, соответствующего характеру благонамеренности и способности, доказанных 14-летним служением в должности благочинного, которую он сохранил за собою, несмотря на холодность к нему Крастилевского. Святейший Синод утвердил членом Консистории протоиерея Попова, который подробным знанием многих дел не замедлил оправдать свое избрание и весьма заметно подействовал на изменение характера Консистории, в составе которой остался только один член — протоиерей Гремячинский — с прежним направлением; но это лицо по способностям своим не могло влиять на остальной состав Консистории. Протоиерей Сухарев оказался весьма полезным деятелем. Таким образом в течение 1858 года как состав лиц, так особенно и решительно изменился и характер

действий Консистории. Помощник секретаря Альбанов, на которого восходило много жалоб в Святейшем Синоде, в июне оставил службу в Консистории, которая в обновленном составе и характере вступила в служебное поприще 1859 года. Новые члены и секретарь присмотрелись к делам и церковным потребностям Края. Мера благотворной строгости, употребленная Св. Синодом относительно членов, открыто вступивших в противодействие Святителю, мера поддержания удалением из Консистории Крастилевского, прикрывавшего свое противодействие уклончивостию, внушила наличным членам особенное бодрствование над образом их деятельности, доставила им единодушие в стремлении к общему церковному благу. От этого бодрствования, от этого единодушия деятельности Консистория внезапно получила особенную энергию и развитие.

Екатеринодарское (в Черномории) духовное правление осталось неизменным в своем личном составе. Незначительное число дел давало возможность очищать их своевременно без задержания.

Попечительство о бедных духовного звания

Попечительство о бедных преимущественно обращало внимание на обеспечение в средствах к жизни тем, кто по преклонности лет не имел сил собственным трудом пропитывать [как] себя, так и малолетних сирот. К 1818 семействам, получавшим пособие попечительства, в 1858 году поступило под его покровительство вновь 22 семейства.

В распоряжение Попечительства поступали суммы: от сбора по пригласительным листам, от кружечного сбора и от выручки свечной в кладбищенских церквах. Таковым сбором покрываются все годовые расходы, а приобретенная им в прошедшие годы экономия, состоящая из 16050 рублей 59 копеек серебром, остается неприкосновенною в кредитных установлениях. Присутствие Попечительства составляли 2 протоиерея и один священник, из них протоиерей Сухарев был докладчиком по делам Попечительства благочиния. Епископ Игнатий нашел необходимым, по осмотре самой многочисленной части своей Епархии, прибавить два Благочиния, остальные шестнадцать перегpаничить соответственно местным удобствам. В г. Кизляре, значительно отдаленном от епархиального надзора, Епископ учредил кроме официального благочинного, конфиденциальный за духовенством Кизляра и его окрестностей

надзор в лице настоятеля Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря игумена Германа, старца строгой нравственной жизни. Игумену дано было право назидать духовенство, останавливать нарушителей благоповедения, извещать Епископа вообще о нравственности духовенства и, в частности, тех, которые позволили бы себе поступки неприличные, несмотря на напоминание игумена; но он не имел права входить в сношения с Консисториею по сему поручению. Протоиерей Сухарев, благочинный церквей города Ставрополя, по его просьбе уволен от этой должности по множеству его занятий как члена Консистории и законоучителя Ставропольской гимназии; одновременно с сим сделано и много других перемещений, увольнений и новых назначений благочинных.

С целью дать благочинническому надзору большее развитие Епископ сделал следующие распоряжения: «Все священники, диаконы и причетники, в случае желания их переместиться из прихода в приход и при других подобных обстоятельствах, обязаны представлять свидетельства о согласии на то или о беспрепятственности к тому благочинного, если оба прихода состоят в ведении одного благочинного; если же приходы находятся в разных Благочиниях, то требуется от просителей, чтоб они на прошениях своих имели свидетельства обоих благочинных. Сверх того диаконы и причетники обязаны представлять свидетельства своих приходских священников. Эта мера имела благотворнейшее влияние на дух Кавказского духовенства, носящего на себе отпечаток народного характера, общего всему населению Края, характера отваги и своеволия. Диаконы и причетники отселе видят на самом деле, что приходские священники суть их начальники, а духовенство Благочиния видит в своем благочинном начальника. Достойно замечания то, что все благонравные члены духовенства приняли это распоряжение с любовию; но оно не понравилось членам немощным. По причине этого распоряжения многие благонамеренные и благонравные люди сделались известными Епископу и получили ход, также обнаружились многие характеры неспокойные и недостаточной нравственности. Для обуздания и вразумления своевольных и непокорных, за нарушение упомянутого распоряжения установлено наказание небольшою денежною пенею в пользу Попечительства. Вместе с нравственною пользою эта мера принесла и другую значительную пользу: ощутительно уменьшила письменные труды Консистории. Второю мерою для доставления определительности влиянию благочинных признано было нижеследующее: прежде назначались следователями по разным возникав-

шим делам разные священники, по усмотрению Консистории; таким образом многие дела по Благочинию оставались неизвестными благочинным; сверх того следователи-священники, особенно те из них, которым чаще других поручались следствия, нередко с устранением от следствия благочинного за доставление следствию правильного хода, — эти следователи, вполне сознавая свой авторитет, таинственно и гадательно доверяемый им, уже вменяли своих благочинных ни во что. Для устранения этой неурядицы, так напоминающей мутную воду русской пословицы, Епископ предложил Консистории употреблять для следствий по Благочинию единственно благочинного. Хотя благочинные состоят наиболее при двух приходских церквах и в случае их отсутствия, по делам Благочиния может заменять их по приходу их товарищ, но так как по духу времени следственные дела весьма умножались, а Епархия малолюдная, раскинута на большом пространстве, то представлено всем благочинным избрать себе по помощнику, утверждаемому Епископом, и этому помощнику поручать дела второстепенной важности. Третьим средством к усилению благочиннического надзора признано сближение сношений между Епископом и благочинным, коим предоставлено между прочим кроме официальных рапортов, получающих узаконенный ход, относиться к Епископу и конфиденциальными рапортами, которые должны оставаться в кабинете Епископа без огласки и предметом которых могут быть сведения, не терпящие официальности, но весьма нужные для полноты и ясности в административном отношении. Эти полнота и ясность сведений, как доставляющие правильности определенной понятии, существенно необходимы Епископу. Все упомянутые распоряжения изложены на бумаге и объявлены по Епархии циркулярами с целью по возможности устранить недоразумения и освободить Консисторию от излишней переписки, отвлекающей от должного внимания и занятия по делам первостепенной важности.

Общий взгляд на Епархию

В период времени служения епископа Игнатия на Кавказе Край этот находился в переходном состоянии и, по-видимому, должен был оставаться в этом положении еще в продолжение значительного времени. Русское оружие постоянно теснило горцев в горы: по этой причине стратегические пункты переменялись, станицы Линейных казаков переносились уже к самой подошве главного хребта Кавказских гор; города быстро строились и начинали принимать

цветущий характер; еще быстрее они пустели и упадали. Военное начало господствовало в Крае, направление всех прочих начал приспособлялось к успешному достижению военных целей, во главе разнородных управлений наиболее стояли люди военные. В городах жили как бы в стане; в Георгиевске, особливо в Моздоке и Кизляре, с вечера и до утра невозможно было выходить на улицы невооруженными или без сопровождения людьми вооруженными, с сумерек на всю ночь ставни и ворота затворялись накрепко. Казалось, все и вся было готово при первом требовании обстоятельств сняться и перенестись на другое место. В самом Ставрополе здания выстроены были на скорую руку: многие из них по наружности и значительности размеров и довольно благолепны, но все — очень недостаточны по прочности, расположению и в хозяйственном отношении. Частные дома выстроены с целью наибольших выгод по постройке, при наименьших издержках на постройку.

Весьма естественно, что такое состояние Края имело значительное влияние на состояние Епархии. Епископ, Консистория, Семинария витали во временных приютах, в квартирах самых неудобных. Сначала гражданское ведомство оказывало содействие ведомству Епархиальному; впоследствии оно охладело к нему, устремив все свое внимание к доставлению развития городу и обществу в европейском направлении. Граждане, приносившие охотно пожертвования в пользу Церкви, обратили свое усердие к учреждениям в духе Запада. И то надо заметить, что местное купечество в это время сильно упало, потому что все почти казенные подряды и поставки перешли в руки закавказского армянского купечества. С прибытием епископа Игнатия на Кавказ Князь Наместник и управляющий гражданскою частию Наместничества, статс-секретарь Крузенштерн, обратили благотворное внимание на Кавказскую кафедру.

По поручению Князя Барятинского в 1858 году, командующий правым крылом, занимался составлением проекта о разделении Кавказского края на две области: Западную и Восточную. Первая, составляющая правый фланг, названа Кубанскою; вторая — левый фланг — Терскою. По этому проекту Ставрополь мог бы оставаться единственно уездным городом; главный город Кубанской области должен бы встать на реке Кубани, а главный город для Терской уже имелся — Владикавказ, на Тереке. Такое разделение Края, требуемое военными соображениями, должно было иметь влияние и на положение Епархии. Вопрос об этом был предложен Епископу в форме конфиденциального отношения. По весьма любопытному

содержанию своему как вопрос, так и ответ Епископа вносятся здесь в текст без сокращений.

<Вопрос начальника Правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенанта Г. И. Филипсона и ответ Епископа о Кавказской кафедре по отношениям ее к Кавказскому Линейному казачьему войску. Значение Епископа и протоиерея в Православной церковной иерархии>

Его Преосвященству, Преосвященнейшему Игнатию,
Епископу Кавказскому и Черноморскому
Совершенно конфиденциально

Преосвященнейший Владыко,
милостивейший Архипастырь!

Наместник Кавказский, Князь Александр Иванович Барятинский, в видах административных, предложил весь Кавказский край разделить на две области: Кубанскую и Терскую, введя в управление областей все части разнородных администраций на особенных началах.

В Кубанскую область должны войти все Черноморское войско и часть Казачьего линейного с населением закубанским, большая часть гражданского населения Ставропольской губернии с их управлениями, которые по составленному предложению в гражданском отношении имеют составить одно общее целое, так как остальные части Края имеют войти в одно общее целое гражданского управления Терской области.

Такое разделение Края, изменяя большую часть существующих отношений и зависимостей мест и лиц, потребуют вместе с тем изменения и самых пунктов пребывания Правительственных учреждений. Пункты эти должны быть определены центральностью новых областей и возможным сближением с настоящими нашими военными операционными линиями.

Неразрывность связи всех этих изменений требует соответственных изменений и устройств по управлению епархиальному.

В этом убеждении имею честь просить Ваше Преосвященство взять на себя труд изложить Ваше мнение и соображения об устройстве Епархии, которая бы обнимала обе области в одном управлении.

Обширность всего Края, трудность путешествий в нем и необходимость частого посещения Епископом, непрестанно воинству-

ющего православного населения рождают мысль или о разделении Епархии, или об учреждении Викариатства. Эту мысль мою передаю Вашему Преосвященству на ближайшее усмотрение соответственно духовным потребностям, которые Вам ближе знакомы.

По управлению Православною Церковию в населениях Линейных казаков — существует ныне управление чрез обер-священника. По отношению к той части этого Войска, которая должна войти в состав Кубанской области, я признаю необходимость соединить управление Церкви в лице одного пастыреначальника — Епископа. Это личное убеждение мое основано между прочим и на близком сравнительном изучении нравов и религиозных начал казаков черноморских и линейских, но, считая одни убеждения видимые недостаточными, обращаюсь к Вашему Преосвященству с просьбою изложить и духовные основания учреждения Епархиального управления в православных населениях, для того чтоб я ими мог поддержать факты, замеченные мною в Линейном казачьем войске; факты эти составляют упадок Православия, крепость и торжество раскола и общая безнравственность, защищаемые от мероприятий правительственных — отвагою и мужеством боевых частей войск.

При этом считаю нужным обратить внимание Вашего Преосвященства на истинно скорбные последствия действий по отношению к линейным казакам-раскольникам первого Кавказского Преосвященного Иеремии: их ставят в вину православному Епископу — и их противопоставляют главною причиною, препятствующею восстановлению в населениях Кавказского линейного казачьего войска этой церковной власти.

Вполне понимаю, что характер личности очень может разнствовать с характером и духом Церкви, но затрудняюсь в представлении оснований духовных, которых бы поддержали мои убеждения административные, а потому я бы просил Ваше Преосвященство сообщить мне по этому обстоятельству Ваш взгляд и Ваше мнение.

Поручая себя Вашим святым молитвам и прося архипастырского благословения, имею честь быть

Вашего Преосвященства, милостивейшего Архипастыря
и отца покорнейший слуга.

Подлинное подписано начальником Правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенантом Филипсоном.

№ 719.
20 сентября 1858 года.
г. Ставрополь.

На это Епископ отвечал:

Его превосходительству
Григорию Ивановичу Филипсону
Совершенно конфиденциально

Ваше Превосходительство,
милостивейший государь!

На письмо Вашего Превосходительства от 20 сентября сего 1858 года за № 719 имею честь представить ответ в нижеследующих строках:

1. Совершенно разделяя мнение Вашего Превосходительства, что обширность и разнообразие Кавказского края, быстрое его развитие, обещающее многознаменательную будущность, особенные его требования, особливо при разделении на две области, из которых каждая должна иметь свое отдельное и военное, и гражданское начальство, указывают на необходимость изменений и пополнений и в отношении к духовному ведомству Края, — я полагаю на первый случай довольствоваться доставлением в помощь Епархиальному Епископу Епископа-викария и усилением Кавказской Консистории. Учреждение двух Епархий я признаю рановременным, основываясь на следующих фактах: а) Кавказская епархия, обширная по пространству, весьма мало населена, по числу народонаселения своего и по числу церквей она равняется 1/4, 1/5, 1/6, даже 1/10 других Российских епархий, почему при разделении на две Епархии эти Епархии сделались бы непомерно малы, особливо Терская епархия, — по малости своей непомерно слабы в действиях и влиянии; б) При учреждении двух Епархий понадобились бы два штата для двух Архиерейских домов, две Консистории, две Семинарии: все это потребовало бы двойных расходов для учреждения и двойных расходов для содержания. Между тем существенная духовная потребность Края есть именно та, которую Вы проницательно усмотрели и на которую Вы указали: потребность в частом внимательном, отнюдь не поспешном и не поверхностном посещении обширного Края Епископом по путям, часто трудным и небезопасным. Такой потребности может вполне удовлетворить Викарий.

2. Так как Край находится в переходном состоянии и в настоящее время невозможно определить, где будет главный его город, даже где будут его главные города, ибо потребности Края в насто-

ящее время никак не могут соответствовать его потребностям в будущем, то я нахожу еще невозможным указать и того, где быть местопребыванию Епархиального Архиерея. Очевидно, что Ставрополь должен остаться на некоторое неопределенное время епархиальным городом. События указывают, что он был только лагерем для главных военных и гражданских властей Кавказа: пусть он будет на время духовным станом для Кавказского Епархиального ведомства, из этого стана оно совершит свои распоряжения и усмотрит открываемое временем и обстоятельствами свое постоянное и прочное местопребывание. Ставрополь — центральный пункт страны; в нем уже имеется свой приют для Архиерея, имеется свое помещение для Консистории; с удалением многих правительственных мест и лиц многие здания останутся пустыми и могут служить временным помещением для Семинарии и даже для Епископа-викария, который, по мнению моему, чтоб быть существенно полезным, должен непременно жить в одном городе с Епархиальным Епископом, по примеру Викариев С.-Петербургского, Московского и Киевского. Направление и деятельность Викария должны сливаться в одно с направлением и деятельностью Епархиального Архиерея. Сколько нужно частое посещение Епархии Викарием, столько же нужно постоянное пребывание Епархиального Архиерея при том пункте, откуда истекают все распоряжения. Тщательное наблюдение и опыт убедили меня в сей последней истине, которая, уверен, очевидна и для Вашего Превосходительства.

3. Епархии в Православной Церкви Российской разделяются на три разряда, или класса: 1-й класс усвоен Митрополиям; 2-й — Епархиям особенно важным в государстве, особенно обширным или многолюдным, управляемым наиболее генерал-губернаторами; 3-й — Епархиям, наименее значащим в государственном отношении, управляемым губернаторами. Очевидно, что Кавказская епархия, долженствующая при новом административном разделении Края совмещать в себе две области, из которых каждая будет управляться лицом, облеченным правами и властию Генерал-губернатора, должна быть причислена к Епархиям второго класса, как сие сделано относительно некоторых Епархий, например относительно Донской, Рижской, Варшавской. Ныне Кавказская епархия состоит в третьем классе.

4. Необходимо нужно исходатайствовать Кавказской епархии штат и оклад, данный западным Епархиям, по тому решительно-

му сходству в отношении и средствам содержания, которое имеет Кавказская епархия с западными Епархиями и по решительной невозможности существовать по ныне усвоенному ей окладу. В настоящее время ей предоставлен оклад наравне с древними Российскими епархиями. Но в древних Российских епархиях Архиерейские дома или находятся при монастырях, имеющих особенно хороший доход, или к ним приписаны монастыри, имеющие хороший доход. Частию этого дохода пополняется ничтожный денежный оклад, издревле отпускаемый из казны Архиерею и его штату. Так, например, Курский епископ получает к своему жалованью 285 рублей серебром в год, каковая сумма составляет и годичное жалованье Кавказского епископа — 7500 рублей серебром из монастырских доходов. Соответственно Епископу, и лица, составляющие штат его, получают к жалованью пополнение из доходов. Подобно приведенному образцу, и в прочих древних Епархиях ничтожность денежного казенного оклада вполне и обильно пополняется доходом. Такого дохода Кавказская епархия не имеет и не может иметь: ибо Чудотворные иконы и Святые мощи, составляющие причину доходов в монастырях внутри России, никак не могут быть принадлежностию Края, в христианском отношении совершенно нового. Следовательно, единственным средством содержания Епископа и всего Кавказского Епархиального ведомства должен быть отпускаемый из казны денежный оклад. А как в подобном положении находящиеся Западные епархии, также не имеющие местных доходов, вознаграждены окладом, то средством, по логической последовательности, может и должно быть применено и к Кавказской епархии. Нищенский, так можно выразиться со всею справедливостию, оклад служил одною из тех главных причин, по которой Кавказская епархия со времени учреждения своего в течение 15-ти лет не только не развилась, но, едва учрежденная, уже почти уничтожилась. Этот оклад был причиною значительных беспорядков, вторгнувшихся в Кавказское Епархиальное управление: он вынудил многих членов Управления прибегать к злоупотреблениям для доставления себе куска насущного хлеба; так как за чертою, проведенной законом, лежит беспредельное пространство зла, то некоторые перешли от стремления удовлетворить необходимому к стремлению обогатиться. Этот оклад не допускал и не допускает ни одного достойного чиновника к служению в Консисторской канцелярии: там служат только те чиновники, которые по насилию

обстоятельств не могут служить в других местах. Таким образом, Кавказское Епархиальное ведомство, предоставленное самому себе и нищете своей, во многих случаях послужило не назиданием, а соблазном для кавказской паствы.

Не с целию порицать какое-либо распоряжение или лице, но чтоб дать точное понятие о настоящем положении Кавказской епархии и тем доставить повод к исправлению того, что сделано ошибочно, и пополнению того, что сделано недостаточно, я нахожу нужным сказать нижеследующее. Кавказская епархия первоначально учреждена была для всего Кавказского края, который в географическом и статистическом отношениях составляет целое. Этот характер целости, признаваемый сокровищем для всякой страны и ведомства в административном и хозяйственном отношениях, был нарушен отчислением из Епархиального ведомства церквей Казачьего линейного войска. Произведенное этим отчислением разделение совершенно отличается от ныне предложенного разделения. Ныне разделяется страна правильно, со смыслом административным и хозяйственным; произведенное разделение Епархии отчислением казачьих церквей лишено смысла, есть вместе разделение и смешение. Пишу это, имея под рукою карту Кавказского края, на которой изображено разбросанное по Краю Епархиальное ведомство. Оно подобно разбитому сосуду, которого составные части все налицо, но находятся в отдельном состоянии, который по этой самой причине негоден для употребления. На правом фланге церкви Линейного войска глубоко вдались в Епархиальное ведомство; напротив того, начиная от центра, Епархиальное ведомство рассыпано по земле Линейного войска, подобно островам по морю. Уже сам Ставрополь составляет островок, отдельный островок составляется Георгиевском, отдельный островок — Пятигорском, большой отдельный остров — благочиниями Миловидова и Замятина; далее опять отдельные островки: Ростовановка, Моздок, Кизляр с Таруновкою и Черным рынком. Во всей России нет подобной бессмыслицы. Напрасно прикрывают ее громкою фразою, говоря, что она сделана в видах административных. Это ошибочно: плодом административного соображения должно быть положение самое удобное; здесь видно противное. Распоряжение, противоположное всем правилам современной науки, уличаемое опытом в совершенной негодности, приведенное в исполнение с необыкновенною поспешностию, само сознается о себе, что оно — плод столкновения страстей. Повторяю, что я

говорю это отнюдь не для порицания кого-либо; знаю, что ошибки и увлечения свойственны всем человекам, особенно удобны для тех, которые не наблюдают строго за своим умом и сердцем при свете Евангелия; говорю откровенно, движимый любовию для пользы дела и единственно в тайной беседе с государственным человеком. Утаение истины пред государственным человеком есть государственное преступление.

То же должно сказать о Духовном управлении в Ставрополе. В избрании для них места в самых проектах их не видно никакой системы. Все они разбросаны по разным частям и оконечностям немощеного города, сообщение между ними крайне затруднительно в течение осени, зимы и весны; между тем лица, им принадлежащие, должны наиболее ходить пешком. Учредители и строители должны всегда непременно иметь в виду не только построение и учреждение чего-либо, но и доставление удобств, доставление средств к содержанию и ремонту учреждений и зданий. С этой целию разумные предки наши по большей части соединяли в одном месте и Кафедральный собор, и Архиерейский дом, и Консисторию, и Семинарию. Подражание этому порядку с целию пользы административной и хозяйственной необходимо особливо тогда, когда Епархиальное ведомство получит возможность оставить свой временный стан — Ставрополь и водворится в том городе, который сделается главным городом Края, или, точнее, правого фланга, имеющего над левым огромное преимущество соответственно огромному преимуществу Черного моря над Каспийским и в политическом, и в торговом отношениях.

Для того чтоб действия Епархиального ведомства и самое существование его приняло должное развитие, необходимо нужно содействие, а не противодействие гражданского ведомства. Настоящие отношения сих двух ведомств изображаются следующими фактами: 1) на днях только получена мною данная на место, занимаемое временным приютом Епископа, несмотря на то, что Высочайшим повелением приказано передать это место в Епархиальное ведомство еще при Преосвященном Иеремии, почти вслед за открытием Епархии. 2) Дача, находившаяся при открытии Епархии на конце города, а теперь находящаяся на одном из лучших мест его, частию отданная городским обществом в Епархиальное ведомство для постройки на ней Архиерейского дома с службами, частию приобретенная покупкою, ныне находится в процессе. По наружности — это процесс чиновника Крупинского, захватившего всю сре-

дину дачи, но в сущности это процесс, во главе которого стоит управляющий гражданскою частию. Он, прикрываясь известною периодическою софизмою, которою всегда усиливается прикрыться хищничество, — якобы желанием общественной пользы — стремится при превышении своей власти, при попрании законов, произволом похитить у Архиерейского дома всю центральную часть дачи и передать ее в частные руки, чем должно уничтожиться все достоинство дачи; сей продолжительный и утомительный для Епархиального ведомства процесс делал доселе невозможным построение Архиерейского дома на отведенном месте. 3) До сих пор гражданское начальство не отвело угодий, следующих по закону, для содержания и поддержания Архиерейского дома с его принадлежностями, что следовало бы сделать единовременно с учреждением Епархии; вместо угодий, по неимению их вблизи, Кавказское Епархиальное начальство ходатайствует о денежном вознаграждении. Менее значительные факты выражают одно и то же сочувствие и расположение. Такие отношения я застал сформировавшимися при прибытии моем в Епархию, и трудно уже нынешнему гражданскому начальству переменить принятое им направление. Но мои личные отношения с Губернатором генерал-лейтенантом Волоцким — наилучшие.

5. В письме Вашем Вы указали усмотренные Вашим Превосходительством печальные последствия настоящего управления церквами Казачьего линейного войска, и с логическою последовательностию обращаете наблюдательный взор Ваш к самым началам, из которых проистекли и должны проистекать таковые последствия. Ответ мой извлекаю из Закона Божия, из постановлений церковных, из Священного Писания и святых Отцов; буду Вам говорить не мои собственные мнения, но буду излагать учение, признаваемое всею Православною Церковию, признаваемое его Божественным, каковое оно и есть, а не человеческим. Епископ составляет собою начало Церковной Иерархии; он преемник Апостолов, представитель на земле Господа[1]. Он рукополагает пресвитера и диакона, он освящает храм или существеннейшую часть храма — антиминс, он освящает святое мѵро; этого тысячи собравшихся воедино пресвитеров совершить не могут. Он есть

[1] Различие между Епископом и пресвитером превосходно изложено в книге «Истинно-Древняя и Истинно-Православная Христова Церковь» (с. 81). Изложение это тем особенно важно, что оно указывает на св. Отцов Православной Церкви и вместе на раскольничьи книги, говорящие о том же предмете. По сему отделу вероучения большая часть раскольников согласна с Православною Церковию.

начало и источник всех Христианских Таинств и самого Богослужения: Церковь Христианская существовать без него не может. Апостолы, проповедуя Евангелие во вселенной, по всем городам и областям, поставляли Епископов, а Епископы рукополагали пресвитеров (священников) для полного удовлетворения потребности христиан. В церковном смысле священники суть орудия Епископа: эти орудия действуют дотоле, доколе ими действует Епископ; когда он перестает действует ими, тогда они лишаются всей своей силы: ибо силы их и действительность не свои, а заимствованные. Все вообще общество христиан именовалось Вселенскою Церковию, а Церковию частною и поместною именовалось и именуется общество христиан в городе или области: поместными были Церковь Римская, Иерусалимская, Коринфская, Карфагенская, Афинская. Пресвитер никогда не был и не мог быть начальником Церкви по той ясной причине, что он действует не собственною властию, а предоставленною, предоставляемою и прекращаемою его началом, которое — Епископ. Когда пресвитер Павлин стал во главе некоторой части антиохийского народа, отделясь от епископа Мелетия, нисколько, впрочем, не отдаляясь от единства веры, то Вселенская Церковь принимала все зависящие от нее меры, чтоб устранить этот беспорядок, и называла его не иначе как расколом[1]. Это обстоятельство известно в церковной истории под именем восточного раскола, так как Антиохия, столица Сирии, с сопредельными странами Месопотамиею, Арментею и Грузиею называлась Востоком, составляя восточную оконечность Римской Империи; Персия уже не разумелась в составе Востока. Характер, подобный характеру восточного раскола, имеет и настоящее управление церквами Линейного войска. Весьма естественно, что Главные пастыри Российские, составляющие собою Святейший Синод, смотрят на это обстоятельство в церковном смысле и желали бы, при могущей открыться возможности, устранить нарушение церковного порядка и постановления, тем более что он служит причиною скорби для истинных сынов Церкви, причиною соблазна для весьма многих, не пони-

[1] Расколом называется собственное отделение от Вселенской Церкви без нарушения единения в догматах. Нарушение единения в догматах уже есть ересь. На этом основании почти все русские раскольники суть, собственно, уже не раскольники только, но и еретики. Западная церковь называет восточных христиан раскольниками, как не могущая уличить их в изменении какого-либо догмата Первенствующей Вселенской Церкви, а Восточная признает папистов еретиками как допустивших нововведение в самых догматах.

мающих нужд и видов административных и начинающих на этом основании сомневаться в самом Православии нашей Церкви, раскольники же на этом основании внутри и вне России упрекают, обвиняют и уличают нашу Церковь в отступлении от Православия. По причине таких соблазнов, которые нередко вторгаются в Церковь под влиянием более или менее ясным Запада, многие совращаются в раскол, непрестанно растущий в нашем Отечестве. Это доказывается фактически: при Императоре Петре I-м, когда народонаселение России простиралось до 17-ти миллионов, раскольников было 700 тысяч. Если бы они умножились пропорционально народонаселению, то при настоящем народонаселении в семьдесят миллионов число раскольников должно бы не превышать трех миллионов. Так как в открытых отчетах, читаемых публикою, почти не видно совращения в раскол, а видно только одно обращение из раскола к Православию, между тем на самом деле раскол быстро растет и уже принял гигантские размеры, то это приведет к логическому и практическому заключению: раскол распространяется в России наиболее путями и средствами, неизвестными Правительству или делающимися известными только тогда, когда они совершат свое дело и принесут обильный плод. Одно из надежнейших оружий к ограничению и уменьшению раскола заключается в благоговении пред святейшими постановлениями Святой Церкви, кои суть постановления Божии, постановления Святаго Духа, в охранение их. Протоиерей имеет только право, по церковному своему сану и значению, занимать первое место между братиею своею, священниками[1]; он отнюдь не имеет церковного права управлять церквами целой области, усвоение этого права священнику — принадлежит характеру протестантизма и так понимается всеми, основательно изучившими христианскую религию. Для всякой поместной Церкви лишение Епископа есть лишение Богом установленной церковной власти, лишение религиозного начала, лишение источника Таинств, источника иерархической власти и суда, источника церковного православного вероучения и нравоучения; это — отъятие главы у тела, отъятие родителей у детей, изгнание из Церкви изображения Христова, Христова представителя, неминуемым следствием таково-

[1] При производстве иерея в протоиерея в единственной молитве для сего обряда читается нижеследующее: «Одей Твоею благодатию брата нашего и честностию украси его в начале стояти пресвитеров люда Твоего». Вот и все значение церковное протоиерея: он, при Богослужении, имеет право занимать первое место между прочими священниками (см. чин хиротонии).

го разъединения должен быть упадок вероучения, отчего развиваются в стране расколы и ереси, и упадок нравоучения, отчего развивается в стране греховная, развратная и не руководимая совестию жизнь, что все усмотрено Вашим Превосходительством. Но как Православная Церковь страны не может существовать без Епископа, сего единственного источника Христианских Таинств, то для церквей Линейного войска рукополагаются священники и диаконы, освящаются антиминсы и все прочее, для чего нужны власть и сан Архиерейские, Кавказским епископом по распоряжению Святейшего Синода, имеющему характер снисхождения, и требование обстоятельств, но не сообразно правилам и духу Православной Церкви. По церковным правилам Епископ должен производить рукоположения только в пределах своей Епархии, отнюдь не вне ее. Он должен приготовить к рукоположению лице обильным назиданием и изучением лица, по посвящении он должен снова назидать посвященного и наблюдать за ним[1]. Хиротония — великое Таинство, при посредстве его человек перерождается внезапно из словесной овцы в пастыря. Совершитель этого перерождения — Епископ. По причине духовного перерождения, при посредстве хиротонии Епископ вступает в духовное родство с посвященным[2]. Живо ощущает это родство и совершитель Таинства, и тот, над которым совершается Таинство. Епископ видит в посвященном духовное свое чадо, плод рукоположения, плод Духа, а рукоположенный видит в Епископе своего отца, доставившего ему новое бытие, видит образ Творца своего, претворившего его из овцы в Пастыря. Духовная печать, налагаемая на душу хиротониею, неизгладима, потому что она Божественна: «Еже Бог сочета, — говорит Евангелие, — человек да не разлучает»[3]. Отлучение Епископа от пресвитеров, им рукоположенных, отлучение Епископа от паствы, для которой он исполняет все обязанности Епископа, подобно насильственному отлучению родителей от рожденных ими детей немедленно по рождении их; употребление

---

[1] Так заповедали действовать и действовали св. Апостолы. Три лета, говорит св. апостол Павел пресвитерам ефесским, «нощь и день не престаях, уча со слезами единаго коможда вас» (Деян. 20. 31) [*Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас*]. ‖ [2] Епископ, рукополагая пресвитера, в молитве своей читает между прочим следующее: «Сего, егоже благоволил еси проручествоватися от мене в непорочном жительстве и неклонной вере, благоволи подъяти великую сию благодать Святаго Твоего Духа...», — ясно выражается этими словами духовное происхождение, рождение пресвитера от Епископа посредством рукоположения (см. чин хиротонии). ‖ [3] *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19. 6).

Епископа как машины для рукоположений и прочих церковных потребностей подобно употреблению родителей только для рождения детей: в одном случае — нарушение закона естественного, установленного Богом, в другом случае — нарушение закона духовного, установленного также Богом. Упомянутое мною выше отделение пресвитера Павлина от Антиохийского епископа продолжалось дольше потому, что было поддерживаемо правительством, которое нередко в видах административных требовало от Церкви разных уступок и по кроткому духу Церкви получало их, как не сопряжено было с ними нарушение самых догматов. Но церковная история фактически свидетельствует, что самая верная и надежная административная мера состоит в тщательном охранении церковных постановлений; уклонение от них в видах административных, казавшееся первоначально полезным, впоследствии в результатах своих оказывалось вредным, способствуя разъединению народа и ослаблению государства.

6. Весьма основательно замечание Вашего Превосходительства, что характер личности, облеченной церковным саном, должен быть вполне отличен от характера, предначертанного Церковию для сана. Как в обществе человеческом, так и, в частности, в каждом человеке зло перемешано с добром, такое смешение служит одним из практически неотразимых доказательств того, что человечество составляет собою разряд существ падших; вместе с тем оно дает раскаянию и покаянию достоинство человеческих добродетелей, а очищение от зла как частного, так и общественного соделывает непременным долгом человеков. Зло и добро я принимаю в самом обширном, правильном смысле, признавая злом и недостаток благоразумия, и недостаток самопознания[1]. Никакие земные саны, никакие высшие призвания, начиная с апостольского, не остались неоскверенными падением человечества; а потому Православная Церковь никогда не останавливалась заменять личность недостойную или недостаточную — другою личностию, более удовлетворительною. Этой участи подвергались и патриархи, и митрополиты, и епископы, словом сказать, все члены церковной иерархии; но самое чиноположение, как установление Божие, Церковию всегда свято сохранялось.

7. Вы изволили упомянуть в письме Вашем о Преосвященном Иеремии, первом Кавказском епископе; я с ним не знаком и никог-

---

[1] «Великое зло — неведение, — сказал св. Иоанн Златоуст; — неведение не ведает своего неведения. Неведение, полагая делать добро, делает зло».

да не видел его; также в здешнем Консисторском архиве нет никакого дела, которое бы изображало характер его действий относительно раскольников. Вообще должно сказать, что ревность и восторженность всегда очень приятны для массы народной, всегда лишены правильного взгляда на Православную христианскую веру. Знаменитый церковный писатель святой Исаак Сирский назвал такое направление чуждым духовного разума и указал на кротость как на признак душевной силы, могущей благотворно действовать на человеческие немощи[1]. Но люди с поверхностным понятием о христианстве признают восторженность и ревность святости. Такая ревность — самое ненадежное оружие против зараженных лжеучением. Ересь и раскол суть грехи ума. Как каждый образ мыслей сопутствуется и содействуется сообразным ему духом или состоянием сердечным, так ересь и раскол всегда сопровождаются ожесточением сердца; ревность способна усилить это ожесточение. «Желающий успешно сражаться против ереси, — сказал некоторый духовный писатель, — должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтоб не выразить их какою-либо насмешкою, каким-либо колким или жестоким словом, каким-либо словом блестящим, могущим отозваться в гордой душе еретика, возбудить и возмутить в ней страсть ея. Помазуй струп и язву ближнего, как бы цельным елеем, единственно словами любви и смирения, да призрит милосердый Господь на любовь твою и на смирение твое, да возвестятся они сердцу ближнего твоего и да даруется тебе великий Божий дар спасение ближнего твоего. Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имеют только вид энергии: в сущности они — немощь, нуждающаяся в благоразумном соболезновании. Эта немощь только умножается и свирепеет, когда против нее действуют безрассудною ревностию, выражающеюся жестоким обличением». Таков, по моему мнению, должен быть характер деятельности православного Архипастыря по отношению к ереси и расколу.

Полагаю, что в сих строках я изложил ответ на вопросы, предложенные мне Вашим Превосходительством в письме Вашем, ответ настолько удовлетворительный, сколько позволили мои скудные способности и познания. Остается мне желать, чтоб милосердый Господь, Податель всех благ и начала их — благой мысли, ниспо-

---

[1] Слово 89. Здесь разумеется ревность материальная, душевная; она уличает сама себя в материальности производимым его разгорячением крови. Духовная ревность всегда верна Закону Божию и чужда разгорячения.

слал Вам из духовной сокровищницы Своей помышления мудрые и преподобные, да положите их в основание порученного Вам дела. С чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Подлинное подписано Игнатием, епископом Кавказским и Черноморским.

№ 205.
Октября 3 дня, 1858 года.

Предположение это, однако, не состоялось. В конце 1858 года получено циркулярное предписание Князя Наместника с изложением другого проекта, устраняющего вышеупомянутый, но еще не представлявший ничего положительного, как введенный исполнительно только в виде опыта на два года, с 1-го января 1859 года. По сему посланному проекту изменялся только образ действий Губернатора, Епархиального ведомства он нисколько не касался.

Приведенные здесь два предположения фактически и живописно изображают переходное состояние Края и тем дают возможность Святейшему Синоду составлять правильно свои административные соображения относительно Церкви.

Архиерейский дом

Архиерейский дом к 1858 году был, с справедливостию можно сказать, почти уничтожен.

1. Деревянная, ветхая и тесная хижина, пожертвованная купцом Волобуевым Преосвященному Иеремии на короткий срок, до времени построения Архиерейского дома, должна была служить гораздо долее сего срока приютом Епископу. Неудобство и необыкновенная простота этого приюта отнимали возможность у Епископа заниматься епархиальными делами с должною отчетливостию, сверх того хижина, пожертвованная уже ветхою, начала разрушаться. Епископ должен был провести зиму с 1857 на 1858 год в частном доме. Самое место, довольно большое, но неудобное для Архиерейского дома, долженствующего стоять отдельно и иметь характер монастыря, утвержденное Высочайшим повелением за Архиерейским домом еще в 1846 году, не было

передано к 1858 году под различными предлогами в Епархиальное ведомство.

2. Другое место в лучшей части города, именуемое Воробьевскою, весьма удобное и живописное, куплено Преосвященным Иеремиею у Штаба. При этом месте имеется лесная дача, с плитного ломкого камня, пожертвованная Дому городом. На даче этой производится процесс с частным лицом, захватившим своевольно и насильственно значительный участок в ней и старающимся распространить свое владение. Естественно, что при таком положении этого места, при неизвестности, чем решится дело, построение на нем Дома рановременно. Был составлен проект Дома, но столько недостаточен, что епископ Игнатий не решился представить его на утверждение Святейшего Синода.

3. Кавказское начальство, ходатайствовавшее об открытии на Кавказе Епархии, намеревалось немедленно обеспечить содержание Епископа и его Дома угодиями или суммою денег за угодия. Но обеспечение это до сих пор не осуществилось; как лице, так и Дом Епископа оставлялись в самом затруднительном положении. Епископам Иеремии и Иоанникию выдавались в пособие: 1000 рублей серебром в дополнение к жалованью и 1500 рублей серебром на содержание Дома; последние 1500 рублей были отпущены и в 1858 году.

4. С открытием Епархии даны были дому 44 служителя, избранные из казенных поселян Ставропольской губернии. Дом, очевидно, не имел ни средств, ни места к поселению этих штатных служителей. Средства к содержанию их заключались в их скуднейшем жаловании и в том скуднейшем пособии, которое мог давать им Дом. По этой причине положение штатных служителей, особливо семейных, было в полном смысле безприятное, бедственное. Меры к извлечению Кавказского Архиерейского дома из состояния упадка и уничтожения в 1858 году были приняты следующие:

1) Усиленное ходатайством пред гражданским ведомством о приведении Высочайшего повеления в исполнение введением во владение участком, пожертвованным для временного приюта Епископу, — и Дом введен во владение упомянутым участком, и выдана гражданскою палатою данная на владение.

2) Деревянная хижина, в которой помещался Епископ, оказалась столько ветхою, что с самого фундамента ее должно было перестроить вновь. Это исполнено в течение лета, причем Дому дано расположение более удобное и несколько больших размеров. Сооб-

разно дороговизне строительных материалов в Ставрополе новое временное помещение Епископа имеет самый скромный характер, впрочем не чуждый изящества, доставляемою зданию гармоническими архитектурными размерами, удобством и простотою. Помещенный на конце города, вдали от шума, среди сада, Епископский приют напоминает собою уединенные монастыри-скиты Российские: Гефсиманию, Оптину Пустыню и тому подобные. Хотя этот временный приют собственно для помещения Епископа недостаточно удобен и Архиерейский дом предположено выстроить на другом, весьма удобном месте, однако приняты были все меры устроить этот приют со всею тщательностию и прочностию по двум причинам. Во-первых, неизвестно, сколько времени приют должен быть занимаем Епископом, так как неизвестно, когда выстроится Епископский дом в Ставрополе. Эта последняя неизвестность основана на другой неизвестности: остается ли, по переходному характеру Края, губернским городом Ставрополь или подвергнется участи Георгиевска, быстро поднявшегося и быстро упавшего. Здесь более, нежели в другом месте, ощущается нужда в училище для девиц духовного звания, так как многие села с церквами их стоят в отдаленных степях и почти лишены всех средств к образованию. Нынешний приют Епископа для такого назначения особенно удобен. Близ него находится Духовное уездное училище, а с другой стороны отведено место для построения Семинарии; следовательно, наставники как Семинарии, так и Училища могут быть наставниками и в Духовном женском училище. Кроме того, строения епископского приюта находятся внутри сада, окруженного оградою, а в саду имеются виноградные лозы и фруктовые деревья, уходу за которым могут девицы обучаться, так как сады и виноградники приносят многим из здешнего духовенства значительные выгоды. Чтоб приобрести средства к восстановлению епископского приюта, Епископ обратился с воззванием к пастве. Первоначально воззвание сделано и ставропольскому купечеству, которое, несмотря на недавнее образование общества и скудные свои средства, представило 3975 рублей серебром. По необыкновенной дороговизне материалов в Ставрополе, особенно лесных, которые вчетверо дороже, нежели в С.-Петербурге, эта сумма оказалась недостаточною. Переписка о доставлении суммы на первоначальное обзаведение из Святейшего Синода, которую сначала весьма живо вело Кавказское главное начальство, ходатайствовавшее об учреждении Епархии, впоследствии слабо была поддерживаема и не увенчалась

никаким результатом. Если б эта переписка и возбуждена была с успехом в настоящее время, то плода от нее можно было бы ожидать чрез несколько годов и плод мог быть весьма неудовлетворительным. Между тем нужда в помещении для Епископа не терпела отлагательств: безмездное помещение ему предоставлено было г-м Стасенковым только на полугодичное время, и Епископ не только не получил квартирных денег, но в сем 1858 году не получил и той тысячи рублей вдобавок к своему жалованью, которую получали его предшественники: наем квартиры, кроме совершенной неудобности, был вполне невозможен. Такое положение само собою указывало на один способ: способ усилить пожертвование купечества другими влияниями. Для достижения сей цели, сообразно предшествовавшим примерам в Кавказской епархии и примерам в других Епархиях, Епископ обратился к причтам с предложением сделать посильное пожертвование из кошельковой суммы на устройство приюта для Епископа. Предложение это принято духовенством с необыкновенным сочувствием. К 1-му января 1859 года поступило до восьми тысяч рублей серебром. Этого количества денег оказалось достаточным для основательной и прочной постройки.

3) Место в Воробьевской части города, находившееся в процессе с чиновником Крупинским, к 1858 году едва не отошло, при средствах неправды и насилия, в значительной степени к упомянутому чиновнику, захватившему своевольно всю средину дачи и таким образом отнявшему все достоинства дачи, которой одни окраины оставались за Архиерейским домом. При приезде Епископа оказалось, по особенно счастливому стечению обстоятельств, возможным остановить своевольное отмежевание г-ну Крупинскому и препроводить все дело в Святейший Синод, на основании 306 ст. Полного свода законов изд. 1842 года, коею постановляется, что никакое решение, по которому отсуждается что-либо из действительного владения монастырей и Архиерейских домов, не может быть приводимо в исполнение без пересмотра дела в Сенате и без утверждения Императорского Величества. Несмотря на процесс и протест, г-н Крупинский владеет захваченным участком, но остановился в дальнейшем хищничестве. Между тем Кавказский наместник уже дал по сему делу в течение прошлого лета предписание Ставропольскому гражданскому губернатору в пользу Архиерейского дома.

4) Относительно наделения Дома угодиями приняты были немедленно надлежащие меры, в особенности сношения по сему

предмету с наместником Кавказским Князем Барятинским оказались весьма успешными. Статс-серетарь Крузенштерн уведомил Епископа формальным отношением от 25 сентября 1858 года за № 3702, что Князь взошел с докладом к Государю Императору через Кавказский комитет о ежегодной выдаче Архиерейскому дому суммы в 3800 рублей серебром вместо угодий, которых Край предоставить не может.

5) Штатные служители Дома, по затруднительному положению их в отношении к Дому и в отношении к самим себе, не могли оставаться долее в этом положении. Почему Епископ вступил в сношение с Ставропольскою палатою государственных имуществ о том, нельзя ли заменить служителей деньгами, притом предложив это как временную меру, указываемую насилием обстоятельств Дома, по коим он не может в настоящее время своим штатным служителям дать никакого приюта, даже никаких средств к содержанию. По совещанию Палаты с крестьянскими обществами, на которое Епископ изъявил свое согласие, сделано представление, в виде временной меры, Князю-наместнику о выдаче от палаты Архиерейскому дому вместо штатных служителей суммы в 1160 рублей серебром, считая по 40 рублей за человека в год. Мера эта удостоена Высочайшего утверждения.

Семинария

Кавказская духовная семинария не имеет своего собственного дома, помещается на квартире в частных, выстроенных со спекулятивною целию домах, на большой улице. По этой причине невозможно в ней иметь ни той чистоты, ни тех удобств, каковые имеются в зданиях, выстроенных или приспособленных именно для Семинарии. Успехи воспитанников и нравственность их много зависят от занимаемого ими помещения: уже то, что Семинария находится на лучшей улице города, при бульваре, вблизи общественных увеселений, много действует на воспитанников. Ставрополь — город военный, город веселый. Другой квартиры, которая поместительностью удовлетворяла бы потребности Семинарии и вместе не представляла вышеуказанных выгод, не имеется. Место, отведенное для Семинарии близ Варваринской церкви, хорошее, имеет при себе значительного объема сад; оно находится близ временного епископского приюта и очень уединенно. Относительно к удобствам и средствам успехи воспитанников и нравственность

их удовлетворительны. Настоящие ректор и инспектор несравненно тщательнее исполняют свои обязанности, нежели прежнее семинарское начальство: с таким тщательным исполнением естественно сопряжены и большие требования от воспитанников, что неминуемо должно принести свой плод. По случаю предположенного построения Семинарии в Ставрополе в прошлом 1858 году посланы были в Духовно-учебное управление справочные цены на строительные материалы; необходимо заметить, что цены на материалы к 1859 году необыкновенно возвысились и посланная ведомость справочных цен в настоящее время уже вполне неправильна.

Приводим здесь данное Епископом предложение от 18 февраля за № 21-м, в коем изложен его критический взгляд на проект здания для помещения Кавказской семинарии. Предложение это свидетельствует степень внимания Епископа к делу об удобствах помещений Семинарии:

«Находя суждение Кавказского семинарского правления по журналу его от 17 февраля сего 1858 года весьма основательным, весьма зрело обдуманным, нахожу необходимо нужным представить на благоусмотрение Высшего начальства, кроме прописанного в журнале, нижеследующее: материал, из которого выводятся все каменные здания в Ставрополе, состоит из камня, весьма ноздреватого, весьма удобно проникаемого воздухом, сыростию и холодом. Каменные здания в Ставрополе подвергаются особенно сильному влиянию сырой погоды, преимущественно же влиянию ветра и мороза. По сей причине при проектировании здания для Семинарии в Ставрополе нужно иметь в виду совсем другие соображения, нежели какие имеются при проектировании зданий для постройки из кирпича. Сверх того Ставрополь стоит весьма высоко (он имеет до 250 сажень возвышение над уровнем моря), почему он подвержен действию ветров и морозов гораздо более, нежели вся его окрестность, часто бывает, что в Ставрополе стоят морозы и лежит снег, а в степях вокруг него, даже к северу от него, весна во всем развитии и производится пашня. Место, отведенное для постройки Семинарии, живописное, весьма здоровое; но оно на возвышенном открытом холме, а потому наиболее подвержено действию морозов и ветров. Зима с 1857 на 1858 год, сопровождаемая сильными морозами и ветрами, служила опытным доказательством, сколь необходимо принимать меры предосторожности, имея в виду свойство строительного материала, чтоб охранять

здания от влияния атмосферы: большая часть каменных домов были пронизаны холодом, все усилия оттопить их оказались тщетными, следствием чего было значительное развитие простудных болезней в народонаселении. На этих основаниях я нахожу, что жилые комнаты проектированного Семинарского здания, особливо спальни для учащихся, должны чрезвычайно страдать от мороза и ветра; основываясь на опытах, можно с достоверностью сказать, что при морозе в 10 градусов и более, а с ветром и при гораздо меньшем морозе, в этих комнатах самым усиленным топлением невозможно будет достигнуть более пяти градусов тепла. Комнаты второго этажа №№ 5, 11, 8 и 9, равно и комнаты 1-го этажа — 5-я, 6-я (угольная), 12-я и 13-я должны очень страдать от ветров и мороза. Вообще все комнаты здания, относительно вышеприсанных местных условий, мелки и потребуют сильного отопления. Кроме того, что лица, которые должны будут проводить большую часть времени в холодных комнатах, неминуемо подвергнутся болезням, — самое отопление здания, при чрезвычайной дороговизне дров (ныне зимою они доходили до 18-ти рублей серебром за сажень), будет до крайности обременительно для Семинарии. Меры к избежанию вышеизложенных неудобств суть следующие: 1) Вообще план здания должно увеличить в ширину, уменьшив в длину, — чрез это комнаты сделаются глубже (они должны иметь до 6-ти сажен глубины), следовательно, менее подверженными влиянию ветра и мороза. 2) В одной оконечности здания устроить церковь, а в другой лестницу, таким образом все жилые покои, в которых предназначено проводить жизнь учащимся с их ректором и инспектором, будут обращены только одною стороною к воздуху, а с трех прочих сторон будут вполне ограждены. При таком плане сохранится 1) драгоценное здоровье жителей здания, 2) значительная денежная сумма по отоплению здания. Сие мнение мое предлагаю Правлению приобщить к делу и, оставив с него копию в Правлении, подлинник представить воззрению Великого начальства.

18 февраля 1858 года.

Ставропольское духовное училище

Ставропольское духовное училище помещается в собственном каменном доме (находящемся близ самого Епископского дома), пожертвованном при Преосвященном Иеремии купцом Гниловским. Здание Училища по наружности обещает гораздо больше,

нежели каково оно в сущности по общему характеру строений ставропольских. Оно не имеет удобств, необходимых и полезных для Училища. Впрочем, есть возможность его перестроить и сделать более удобным.

Посещение Епархии

В 1858 году Епископ посетил ту часть Епархии, которую занимает Ставропольская губерния, южная и восточная часть коей разбросана, подобно островам по морю, по области Линейных казаков. Островами можно по всей справедливости назвать города Кизляр, Моздок, Пятигорск, самый Ставрополь: они со всех сторон окружены землями, принадлежащими Линейным казакам. Такое положение городов губернии, теснящихся на небольшом уголке земли посреди другого ведомства, соединено с большими неудобствами и в гражданском отношении. Епископ, посещая епархиальные города, по необходимости должен был проезжать по казачьим станицам, в которых, вследствие вновь сделанного распоряжения, входил в храмы Божии и беседовал с станичным народонаселением.

Город Ставрополь

Губернский город Ставрополь, как впервые виденный Епископом в 1858 году, имеет право на то, чтоб описание его в церковном отношении заняло первое место в описании посещенного Епископом отдела Епархии. Город недавно был казачьею станицею. Недавно в ущелиях его обитали горцы. Эти сыны дикой свободы, заметив, что водворение русских здесь прочно, а жительство для горцев, в их характере и направлении, неудобно и даже невозможно, удалились в горы. Аул заменен станицею. Когда же климат Георгиевска оказался крайне вредным для здоровья, а местность, ныне занимаемая Ставрополем, одною из лучших на Кавказе, весьма высокою (Ставрополь возвышается на 300 сажен над уровнем моря), обилующего превосходными ключевыми водами: тогда перенесен был сюда губернский город. Казачья станица с деревянною своею церковию передвинулась за Кубань.

Холм, которым увенчивается Ставропольская возвышенность, ныне занят холодным Кафедральным собором во имя Казанския Божиея Матери, архитектуры Тона. Издали виден храм стоящим,

как бы на облаке, над всем городом; живописен и вид на город с площади, на которой поставлен храм. К сожалению, Архиерейское служение может быть совершаемо в этом прекрасном и поместительном храме только в течение шести летних месяцев. Он — холодный, и если б был теплым, то натапливать его было б весьма трудно, потому что зимою свирепствуют здесь сильнейшие ветры, а храм выстроен из местного весьма ноздреватого камня, неспособного выдерживать ни холода, ни ветра. Зимою торжественное Богослужение отправляется в теплой церкви, почти домовой, выстроенной над лавкою гостиного двора и потому именуемого Рядскою, во имя Спасителя. На большой улице, ведущей от Петербургской заставы к Тифлисской, в виду Кафедрального собора находится Троицкий собор, также холодный, в котором, однако, производится Богослужение и зимою, так как он имеет деревянный пол, не так высок, как Казанский, и стоит на местности несравненно низшей, менее подверженной непогодам. Троицкий собор — архитектуры неопределенной, которая сделалась еще неопределеннее от пристроек. Кафедральный и Троицкий соборы имеют каждый свой приход, кроме них имеют свои приходы церковь великомученицы Варвары на юго-восточной оконечности города и церковь великомученика Георгия на юго-западной оконечности. Крестовых архиерейских церквей имеется две, обе теплые: Крестовоздвиженская при временном приюте, где пребывает Епископ, и во имя св. Андрея Первозванного на Воробьевских высотах, где предположено выстроить Архиерейский дом. При этой церкви св. Андрея, стоящей на живописнейшем месте, поместились несколько иноков в штате Дома, прибывших из пустынных Российских монастырей. Один из сих иноков, весьма опытный в монашеской жизни, сделан духовником женской Иоанно-Мариинской общины, к величайшему утешению и назиданию сестер. Домовых церквей имеется три: в гимназии, в женском приюте и в тюремном замке.

Церкви в селах

Церкви в селах Ставропольской губернии вообще очень достаточны, некоторые очень богаты. Такое положение церквей естественно произошло от особенного богатства крестьян: богатства, которое доставляется им необыкновенным обилием Края, щедро вознаграждающим самый легкий труд. Многие селения имеют вид уездных городов, а народонаселения в несколько тысяч душ. Хотя

хлеб родится изобильно и по удобству сбыта постоянно в хорошей цене, но главнейшие доходы жителей получаются от виноградников, потом от скотоводства, а уже частию от хлебопашества, садоводства и огородничества. Есть крестьяне, выделывающие до 10 тысяч ведер вина, каждое ведро продается от одного до двух рублей. Такой крестьянин имеет до 150 голов лошадей и соответственное количество прочего скота, питающегося почти ежегодно и зимою подножным кормом.

Примечательнейшие храмы находятся в следующих селениях: храм Преображения Господня в с. Новоселицах, каменный трехпридельный; к сожалению, принадлежит к неопределенной архитектуре, весьма недостаточен в художественном отношении, худо расположен, оттого тесен. То же должно сказать и о главном храме в с. Воронцовке, принадлежащем Князю Воронцову: этот храм еще громаднее, нежели храм в Новоселицах. Храм Вознесения Господня в селении Прасковеи выстроен в характере, первоначально употребленном архитектором Тоном, в том характере, который долгое время слыл под именем византийского. Этот храм размерами не уступает холодному собору Ставропольскому — расписан московскими художниками соответственно вкусу и обилию Края. Лучшим храмом во всем Кавказском крае по отношению к зодчеству должен быть признан храм святителя Николая в обширном и богатом селе Петровском. Он — в характере первых храмов Тона, очень похож на храм Екатерины великомученицы в Коломне и Введения в Семеновском полку в С.-Петербурге, но отделка его гораздо грубее: размеры этого храма удались необыкновенно, и по взаимной гармонии частей своих он превосходнее Ставропольского собора, который по нем есть лучшая церковь на Кавказе в архитектурном отношении. Утварь и ризница повсюду достаточная, при многих церквах — богатая.

Вновь освящен храм во имя Трех Святителей 12 сентября в селении Отказном. Освящение совершал Епископ при значительном стечении народа. Храм выстроен в вышеупомянутом характере Тона на иждивение поселян казенного ведомства села Отказного.

Город Георгиевск

В заштатном городе Георгиевске, некогда губернском, собор деревянный, обширный и прочный, во имя святителя Николая. Усердие граждан усиливалось выстроить каменный собор, но город

быстро пустеет и беднеет. Благочестивое намерение граждан едва ли осуществится.

Против города Георгиевска в трех верстах от него, на левом берегу быстрой реки Подкумна, находится Чурековский аул, населенный теми горцами, которые, признавая над собою власть Русского Царя, изъявили желание принять христианство. Аул состоял из горцев-христиан: в настоящее время эти горцы все без исключения магометане. Печальное происшествие совершилось весьма недавно: во время управления Краем Князя Воронцова. Рассказывают достоверные лица, хотя и рассказывают об этом конфиденциально, что горцы Чурековского аула, в присутствии многих, просили Князя дозволить им возвращение к магометанству от христианства. Князь отвечал им, что он предоставляет это вполне их воле, лишь бы они с верностию служили Государю. Следствием этого ответа было водворение магометанства в аул, в котором немедленно выстроена мечеть. Неверен даже и политический взгляд, выразившийся в вышеприведенном ответе государственного лица. Распространение магометанства между горцами совершено турецкими миссионерами наиболее в конце прошлого столетия не столько в видах религиозных, сколько в видах политических. Горцы имеют самое недостаточное понятие о магометанской религии. Их муллы совершенно незнакомы с языком арабским, а так как Алкоран не переведен с арабского на татарский, общеупотребительный у горцев, то Алкоран совершенно неизвестен не только народу, неизвестен и самим муллам. Но мысль, что турецкий султан есть их единственный законный Государь, насаждена и вкоренена в них глубоко: очевидно, что сообщение этой мысли горцам наиболее интересовало турецких миссионеров, так как латинскую пропаганду наиболее интересует мысль о главенстве папы. Последствия этой господствующей мысли, выражающейся фактически, ясны. В настоящее время здесь смотрят на магометанство проницательнее, и главное начальство Кавказа оказывает большое содействие в обращению магометан в христианство.

Существенная причина отпадения горцев Чурековского аула заключается в том, что горцы, особливо женский пол, не знают русского языка, а наше духовенство не знает языка горцев, между которыми язык татарский есть общеупотребительный. Сообщение между духовенством и горцами-христианами должно по необходимости производиться при посредстве переводчиков, а это всегда затруднительно, при совершении же Таинства исповеди вполне неудоб-

но. При скудных познаниях о христианстве, каковые по необходимости должны были иметь христиане-горцы, хладность их к христианству и отпадение от него делаются понятными.

Печальное событие — упомянутое уклонение христиан в магометанство — есть событие не только пересказываемое очевидцами, но и доказываемое письменными актами: в церковном архиве станицы Горячевской уцелели некоторые записки, из которых видно, что из гор присылаемы были выходцы для крещения, согласно их желанию, и поименованы священники, которым поручалось совершать над ними Святое Крещение. Аул принадлежал к Успенской церкви, находившейся в Георгиевской станице близ города Георгиевска, впоследствии перенесенной в другое место. Исповедные росписи за 1799, 1800, 1801 и 1821 годы, принадлежавшие сей церкви, сохранились: в них обозначены имена магометан-горцев, принявших христианство и причисленных к Линейно-кавказскому Волгскому полку.

Город Пятигорск

Сколько упадает город Георгиевск, постепенно из губернского сделавшийся уездным и наконец заштатным, столько возрастает и начинает процветать уездный город Пятигорск, по особенно обращенному на него вниманию Правительства и значительному ежегодному стечению публики к целительным водам, находящимся в самом Пятигорске и его окрестностях. Местность Пятигорска живописна. По долине под городом бежит быстрый Подкумок; город раскинут при подошве и по отлогостям горы Машука, на которой в разных местах текут разной температуры горячие серные воды и которая имеет 240 сажен перпендикулярной высоты над Подкумком. Целительные источники бьют на высоте от 30 до 50-ти сажен. Гора имеет необыкновенно красивую форму: растительность на ней превосходная, местами стоят голые каменистые скалы и, доставляя картине разнообразность и разнохарактерность, возвышают ее достоинства. Рукою человека, когда он прикасается к таким изящным произведениям природы, должно руководить особенное благоразумие и особенное благоговение. Пятигорск представляет собою образчик современной цивилизации. При источниках и частию над самыми источниками воздвигнуты обширные галереи, большею частию каменные, тяжестию своею подействовавшие на источники. Самый нардзан — этот колоссальный целительный

ключ в Кисловодске (в 40 верстах от Пятигорска) — едва не был подавлен галерееею; несмотря на гнетущую его тяжесть, он снова возник, но целебная его сила значительно ослабела. Один из нежных ессентукских ключей совершенно уничтожился под бременем галерей (в 18 верстах от Пятигорска в станции Ессентуках, где находятся щелочные воды). При водах, как в Пятигорске, так и в Ессентуках и Кисловодске, разведены огромные парки, в которых по вечерам играет военная музыка. На весьма удобном месте выстроена каменная латинская церковь и обнесена каменною оградою. Православная церковь Божией Матери всех Скорбящих, деревянная, тесная, низменная, находится в нижней части города близ бульвара. Государь Император Николай Павлович, посетив в 1837 году Пятигорск, изволил заметить, что церковь всех Скорбящих крайне тесна и не соответствует потребности города во многих отношениях, будучи в нем самое вместе с тем скромное здание. Для составления строительного капитала Государь повелел объявить приглашение к пожертвованиям по всей России. Этим способом собрано суммы по сие время более пятидесяти тысяч рублей серебром. Церковь заложена в 1847 году. К 1858 году она выведена до куполов. Явившиеся по всему зданию сильнейшие трещины заставили остановиться продолжением работы, и по освидетельствований повреждений техниками найдено необходимым разобрать церковь до самого основания, так как самый фундамент оказался вполне недостаточным. Построением церкви занимается комитет из гражданских сановников и чиновников; два священника Скорбященской церкви участвуют в комитете и доставляют сведения о ходе дела Епархиальному начальству, которое до того не обращало ни малейшего внимания на построение храма, так как комитет непосредственно во всем относится к Наместнику. Какие бы ни были причины неуспешных действий комитета, но недостаток Пятигорска по отношению к церкви остался к 1858 году в том же положении, в каком он усмотрен Государем Императором Николаем Павловичем в 1838 году. Епископ, посетив церковь Матери Божией всех Скорбящих, по совещании с городским духовенством и гражданами, нашел возможным распространить церковь и нанести над нею деревянный купол, чтоб отвратить ту невыносимую духоту, которая делалась в церкви, особенно в летние жары. Составлен проект, одобренный ставропольскою строительною комиссиею, жители города Пятигорска приглашены к принесению пожертвований. Одушевленные благочестивою ревностию, граждане

в самом скором времени собрали достаточную сумму денег и добыли из гор превосходного достоинства лесной материал. С отъездом летних посетителей деятельно начались работы из материала, благовременно приготовленного, и, к несказанной радости жителей, двухпридельный обширный храм, увенчанный куполом, совершенно приведен к окончанию и освящен в конце поста святого апостола Филиппа. Праздник Рождества Христова пятигорцы уже встречали в новом храме, помещающем тройное число народа против прежней церкви. Кроме деревянного собора, имеются в Пятигорске домовая весьма тесная церковь в военном госпитале и отдельная каменная церковь на кладбище. К крайнему сожалению, эта небольшая церковь, недавно выстроенная из прекрасного местного материала, дала сильнейшие трещины, должно сказать правду — здешние зодчие очень недостаточны.

В окрестностях Пятигорска по станицам Линейного казачьего войска Ессентукской, Железноводской и Кисловодской имеются раскольники. В станице Ессентукской находится единоверческая церковь, впрочем с малым числом прихожан.

Моздок

Путь от Пятигорска к Моздоку и от Моздока к Кизляру лежит по станицам Линейного войска. Заметкам последних дадим место после двух названных городов, принадлежащих Епархиальному ведомству.

Моздок — ныне заштатный город, был прежде местопребыванием Епископа Моздокского и Маджарского. За городом, на равнине, орошаемой Тереком, где находился Архиерейский дом, ныне находится одна деревянная церковь. При ней — городское кладбище. Город населен наиболее армянами, грегорианского исповедания, занимающимися торговлею и живущими достаточно; русских гораздо меньше, живут они гораздо скуднее. Соборный храм армянский — каменный, гораздо обширнее и великолепнее Православного, который — деревянный.

За городом, на противоположном кладбищенской церкви конце, находится деревянная церковь Успения Божией Матери. В ней за правым клиросом в киоте присутствует древняя чудотворная икона Иверской Божией Матери. Исторические сведения о сей иконе имеются следующие. В двенадцатом столетии знаменитая грузинская царица Тамара по кончине первого супруга своего русского

князя Георгия Андреевича — сына Андрея Боголюбского — вступила в брак с князем осетин. Вместе с рукою своею она доставила князю и его народу христианство. Благочестивая царица не щадила ни трудов, ни издержек для водворения и утверждения Святой Веры между осетинами. В стране их многочисленные развалины свидетельствуют о многочисленности прежде бывших в ней христианских храмов. Созидание этих храмов приписывается преданием Тамаре. Предание утверждает, что одни из развалин в Картелинском ущелии составляют остаток храма, в котором помещалась и хранилась икона Иверской Божией Матери, драгоценнейший дар Боголюбивой Тамары осетинскому народу. Два раза храм был разрушен до основания пожаром, и оба раза икону Божией Матери находили целою. Шестьсот лет икона пребывала в Карталинском ущелии. В конце прошлого столетия магометанство, при посредстве турецких миссионеров, вторглось с величайшим фанатизмом, более политическим, нежели религиозным, в Кавказские горы. Оно уничтожило между народами горскими то слабое христианство, которое еще держалось между ними, держалось более номинально, нежели на самом деле. Осетины склонились к исламу, подобно прочим горцам. Но они так, как и все горцы, не сделались настоящими магометанами. Алкоран им неизвестен, по незнанию горцами арабского языка, на котором написан Алкоран. Перевода на татарский язык горцы не имеют. Неизвестен он самим муллам горцев, они считают его недоступною, высшей мудрости книгою. Магометанство горцев ограничивается соблюдением некоторых наружных магометанских обрядов; они склонились к некоторым верованиям, внушенным им миссионерами, большая часть понятий прежней неопределенной религии, в которой доселе видны признаки христианства, осталась при них. Главнейшею заботою миссионеров было внушать горцам, что их единственный законный Государь есть турецкий султан. В смутное время в религиозном отношении, т. е. во время проповеди магометанства между горцами, в конце прошлого столетия, икона Божией Матери сохранила верными христианству многие семейства не только осетин, но и черкесов, сохранила верными посредством дивных знамений. Наше Правительство в 1763 году пригласило горцев-христиан и горцев, желающих принять христианство, переступить чрез Терек и селиться близ Моздока: вследствие повторенного приглашения в 1793 году партия горцев накануне Преполовения Пятидесятницы прибыла к Моздоку, имея с собою икону Богоматери. Икона ознаменовала чудесами и

путь свой, и прибытие в Православный город. Преосвященный Гаий, Епископ Моздокский и Маджарский, узнав о прибытии знаменитой на Кавказе иконы, вышел к ней для поклонения с духовенством, с крестами и хоругвями. Архипастырь внес ее в собор, предполагая здесь предоставить почетное место иконе. Но Богоматерь особенным чудом известила Епископа, что Она желает пребывать вне города, на том самом месте, на котором Она остановилась и провела ночь, на смиренной черкесской арбе — так называется двухколесная телега горцев. Преосвященный Гаий поспешил соорудить часовню на указанном месте; впоследствии прихожане построили деревянную церковь во имя Успения Божией Матери. Икона имеет 1 аршин и 12 вершков вышины, 1 аршин и 7 вершков ширины. Икона, как видно, была написана по золотому фону. Иные утверждают, что она покрылась копотию во время вышеуказанных пожаров в ущелии Карталинском. Черты лика Божией Матери на иконе — строгие; характер письма грузинский. Иконописец царицы Тамары, говорит предание, приуготовлялся к написанию иконы сорокадневным постом и сорокадневными молитвами.

В настоящее время при Успенской церкви имеется прихожан 2243 лица мужского и 2155 женского пола, из них осетин и черкесов 1238 мужского и 115 женского пола. Осетины признают икону своею собственностию, питают к ней пламенную привязанность, с которою должно обращаться весьма осторожно и благоразумно; по пылкости, решительности и невежеству азиатцев. Икона славна в горах. На поклонение ей стекается множество горцев-магометан. Армяне грегорианского исповедания чествуют икону неравне с православными. Икона совершает множество исцелений; над нею на шнуре висят многочисленные серебряные изображения членов человеческого тела, привешенных получившими исцеления. Многие магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при иконе, принимают христианство; весьма многие магометане, по той же причине питая доверенность к иконе, питают доверенность и к христианству. Икона — Апостол.

Точно! Чудотворная икона Божией Матери совершает в здешнем крае служение Апостола, споспешествуя и свидетельствуя христианству — знамениями. Нужно, чтоб и человеки оказывали усилия, им свойственные, к святому делу просвещения горцев светом Христовым. Здесь Епископом найдено странное распоряжение, а христиане-горцы найдены по причине такого распоряжения в самом тревожном состоянии. Многие из христиан осетин и черке-

сов весьма мало принимают русский язык, многие не знают его, женский пол совершенно незнаком с русским языком. Наоборот, все священники при Успенской церкви были русские, совершенно незнакомые с осетинским и черкесским языками, даже вовсе незнакомые с татарским, общеупотребительным между горцами. По этой причине отношения между пастырями и паствою были крайне затруднительны, во многих случаях совершенно невозможны; особливо женский пол лишен был всякого назидания, всякой духовной пищи. Потребность в этой пище заставляла христиан-горцев приглашать к себе в дома мулл, которые своими наставлениями крайне повредили христианству между женским полом и непременно отвлекли бы от христианства всех моздокских горцев, если б не удерживала их в христианстве икона Божией Матери. Азиатцы, по необыкновенно пылкому характеру придя в разгорячение, теряют совершенно здравый смысл и руководствуются единственно темпераментом своим. Их тревожное положение сделалось известным Князю Наместнику, и он убедительно просил Преосвященного Иоанникия удалить из Успенской церкви того протоиерея из русских, которым горцы были особенно недовольны. Русский протоиерей заменен другим русским протоиереем. По прибытии епископа Игнатия в Моздок депутация горцев представилась ему для объяснения своего затруднительного положения по невозможности им понимать язык русской речи, на котором говорят их священники, и обратно не могут быть понимаемы священниками, совершенно незнакомыми с их языком. Горцы жаловались, что они совершенно лишены Таинства исповеди, что они совершенно лишены возможности получить желаемые ими понятия о христианстве по невозможности объясниться со своими священниками. Они жаловались особенно на неблагоприятное влияние протоиерея Крастилевского, коего прежний протоиерей родственник.

Медленность следствия, производимого о злоупотреблениях прежнего протоиерея, приписываемая влиянию Крастилевского, сильно волновала горцев. Вследствие фальшивого положения, невыносимого для нетерпеливых и своенравных горцев, они уже замышляли похитить икону и удалиться с нею в горы. Этот умысл сделался известным военному начальству[1] и был бы исполнен пла-

---

[1] Наместник Кавказский, князь А. И. Барятинский, лично просил епископа Иоанникия о перемене настоятеля Успенской церкви протоиерея Братановского лицом более благонадежным и поручил Начальнику губернии донести ему, когда это требование будет исполнено Епископом.

менными горцами, если б они не были удовлетворены. Удовлетворения ожидали они от нового Епископа. Епископ предложил горцам священника Варфоломея Симанова из Грузии, кончившего курс в Кавказской семинарии в первом разряде, знающего осетинский язык, помещенного по каким-то странным расчетам в селение, соседнее с калмыкским кочевым Астраханской губернии. Осетины приняли это предложение с восторгом, другой священник дан им также из грузин, знающий татарский и осетинский языки; протоиерей из русских оставлен до усмотрения. Чтобы утешить и черкесов, Епископ предложил им избрать из среды себя благонравного и способного юношу для приготовления в духовных училищах к служению Церкви. Предложение это было принято с величайшим удовольствием: они избрали молодого человека из дворянского рода, получившего некоторое образование в Моздокском училище гражданского ведомства. Епископ взошел в сношения с Князем Наместником о увольнении черкеса из казачьего сословия для поступления в духовное звание. На сие Князь изъявил полное согласие и взошел с представлением к Военному министру, который доложил о сем Государю Императору. Его Величество благоволил весьма одобрить эту меру. Отчисление черкеса из казачьего ведомства в духовное приводится в исполнение, между тем он, по билету, выданному наказным атаманом, живет в Архиерейском доме и посещает Семинарию. В Моздоке с чрезвычайною ясностию выразилась необходимость знания Кавказским духовенством татарского языка как общеупотребительного между горцами. Эта потребность очевидна повсюду в станицах Черноморского и Линейного войска, граничащих с аулами горцев, и в особенности в городах Моздок и Кизляр. Армяне, составляющие большинство народонаселения в этих городах и торгующие с горскими народами, все знают татарский язык: они с детства изучают его в видах успеха в промышленности. Почему же не изучать его с детства духовенству для успехов христианства?

Моздокское духовное училище помещается в ветхом деревянном домике Епархиального ведомства. По тишине, господствующей в скромном Моздоке, стоящем далеко в стороне от большой дороги из С.-Петербурга в Тифлис, а следовательно, в стороне от современной цивилизации, занятие науками могло бы идти успешно. Несмотря на благонамеренность и способность смотрителя училища, к 1858 году оказалось недостаточным по всем отношениям. Такое слабое состояние его должно приписать двум причинам:

скудости содержания и чрезвычайно неудобному помещению. Ныне первая причина устранена, приняты заботы к устранению и второй. Моздокское училище, находясь в городе, который населен иноверцами, располагаемыми к христианству чудотворною иконою Божией Матери, может оказывать величайшую пользу. Умный смотритель понимает это; имея много теплоты сердечной, он готов и может быть полезным для Церкви.

Город Кизляр

Кизляр должен быть назван вполне азиатским или, точнее, армянским городом.

Жителями Кизляра, как православными, так и армянами григорианского исповедания, особенно уважается икона Живоносного Источника, признаваемая чудотворною по ее древности и по преданиям о совершившихся при ней чудесах, которые нигде не были записываемы. Икона сия находится в приходской Живоносно-Источнической церкви и помещается за правым клиросом. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь должен был бы иметь важное значение в отношении к церковной администрации, так как он находится в городе, населенном иноверцами, на самом конце Епархии, в 500 верстах от Епископской кафедры. К сожалению, он не удовлетворяет этой цели. Главною причиною сего должно признать то, что кавказское начальство доселе имело в виду удовлетворение одних военных потребностей и приносило им в жертву все прочее. Недавно начала развиваться здесь гражданственность и гражданский [быт начал] признаваться существенным для человека, жителя земли; недавно начала проявляться мысль, что война и войско суть орудие, которыми водворяется и охраняется гражданственность. При прежде бывшем взгляде на Край весьма доходная рыбная ловля отнята у монастыря в военное ведомство. Частные лица, видя этот образ действий, также дозволили себе присвоивать монастырские угодия. Нынешний настоятель монастыря игумен Герман, старец деятельный, трезвый, старинных правил, провел двадцатилетнее управление свое в непрестанных процессах. Естественно, что при таком положении монастырь не получил должного развития: должно считать счастием, что он не уничтожился. Собственно русское духовенство в Моздоке и Кизляре, по малочисленности и бедности русского народонаселения, находится в крайне бедном состоянии. Польза Церкви требует, чтоб оно было поддержано.

Армяне

Здесь представляется весьма не лишним изложить религиозное состояние армян, жительствующих в значительном числе в Кавказской епархии, а в городах Моздоке и Кизляре составляющих большинство народонаселения. Они не понимают Евтихиевой ереси, следовательно, не понимают того существенного догматического различия, которым отдаляется их Церковь от Церкви Восточной. Разъединение они приписывают разности в обрядах. К обрядам они не имеют той особенной привязанности, которая заметна в русском народе. Обряд свой, когда объяснится его несовместимость, армяне оставляют легко. Так, они имеют обычай разговляться в Великую субботу, по окончании Богослужения сего дня; некоторое лицо из их духовенства представило им странность сего обычая, указав на основательность обычая православных, и армяне с любовию, без всяких споров согласились разговляться в день Святой Пасхи, после Литургии. Вообще у них заметно непритворное, сердечное влечение сблизиться с православными, с русскими. Обстоятельство это имеет, по мнению моему, особенную важность. Оно важно не только в религиозном отношении, но и в государственном. Если б Провидение благоволило, армяне соединились с Православною Церковию, для чего нужно единственно объяснение недоумений с обеих сторон, то государственная польза их в здешнем крае была бы неисчислима. Торговля их обнимает собою не только Кавказский, но и Закавказский край и самые горы. Зная татарский язык, общеупотребительный между горцами, они свободно странствуют в горах, посещают аулы и мирных и немирных горцев, завели с ними близкие сношения. Они могли бы быть, под наружностию промышленников, превосходными миссионерами и превосходными политическими агентами, имея к исполнению всех этих обязанностей отличные врожденные способности. Теперь нравственное положение армян неопределенное. Оно и должно быть таким: у них есть душевное влечение к русским; но недоумения не устранены, единения нет; естественное и логичное последствие этих условий — неопределенность.

Станицы Кавказского линейного войска

Путь от самого Ставрополя через Георгиевск, Моздок до Кизляра лежит мимо станиц Казачье-линейного войска. Грустное впечатление производит эта область, к которой усиливаются привить протестантское положение, несвойственное Православной Церкви,

вопреки желанию народонаселения. Церковный характер области есть характер раскола. Это вполне ясно и ощутительно для всякого, ищущего определенное понятие о Восточной Церкви; видят и ощущают это и сами казаки, из которых весьма многие изучают и изучили Веру. Повсюду в станицах встречали Епископа с величайшим радушием; в некоторых являлись к нему депутации с изъявлением своего искреннего желания иметь Архиерея во главе своей Церкви; даже был предложен вопрос «Скоро ли мы будем принадлежать к Православной Церкви?». Этот вопрос определяет то понятие, которое казаки имеют о религиозном положении своем. Повторяю, многие между казаками очень тщательно изучают Веру, их понятия о Вере никак не должно сравнивать с понятиями о ней лиц высшего образованного круга. Самое развитие между казаками раскола служит доказательством, что Вера составляет для них предмет глубокого, строгого размышления и изучения — отнюдь не такой предмет, к которому они были равнодушны, на который они смотрели бы поверхностно и мимоходом.

При всех вышеуказанных изъявлениях сочувствия Епископ отвечал, что настоящее положение церквей Линейного казачьего войска есть следствие административных соображений, что в удовлетворение набожному чувству православных предписано Епископу посетить их храмы и доставить им все желаемое христианское назидание и утешение. Такой ответ если не успокаивал вполне, то налагал на уста молчание. Лицам более образованным он не мог быть и предложен. Здесь всем известно религиозное направление Князя Воронцова: он не останавливался публично оказывать особенные внимание и расположение к магометанскому духовенству, давая ему во многих случаях предпочтение пред духовенством православным.

Как три иудейские отрока в пещи и плену вавилонском исповедали, что Бог «истиною и судом навел сия вся грех ради их» (Дан. 3. 28), так и Кавказское Епархиальное начальство должно рассуждать о своем положении относительно церквей Казачье-линейного войска. И в настоящее время имя Крастилевского духовенством Войска произносится с ужасом, как бы имя Шамиля; духовенство это громко рассказывает о бывших злоупотреблениях, а высшие лица, рассуждая о времени разрыва и вспоминая это время, поставляют ненарушимым условием при воссоединении, долженствующем рано или поздно последовать, кротость и сохранение благоприличия при обращении с ними.

Виды административные, в которых Князь Воронцов передал церкви целой области в управление пресвитеру, отняв их у Епископа, в противоположность постановления Святаго Духа, доселе не объяснены. Но они должны же быть объяснены когда-либо, хотя для истории, как нарушение неприкосновенного, святого характера Православной Церкви. Такое объяснение неминуемо должно оказаться весьма затруднительным, а фраза, провозглашающая административное соображение, голословна, а потому неудовлетворительна.

Защитники меры должны представить и причину ее, как они и теперь выставляют, неправильность и нецелесообразность в действиях, которые допустил себе Епископ Кавказский. Но это не оправдывает меры, употребленной против таких действий. Церковное предание представляет, что во все служения, самые святые и высокие, начиная с Апостольского, человек вносил злоупотребление и грех, усвоившиеся человечеству. При таких случаях Церковь никогда не останавливалась устранять лице, злоупотреблявшее служением, но самое служение, как установленное Святым Духом, она постоянно сохраняла неприкосновенным. Апостол, оказавшийся недостойным апостольского служения, заменен другим Апостолом. Патриархи и другие архиереи, впавшие в ересь или обнаружившие деятельность, несообразную со служением, были лишаемы и престолов, и санов; престолы и саны их передавались лицам более достойным. Но заменение для целой области Епископа пресвитером с употреблением Епископа как машины и орудия для освящения храмов, рукоположений и прочего, для чего невозможно обойтись без Епископа, есть новость в Православной Церкви. Новость эта представляется ничего не значащей для не понимающих Веру. Она имеет огромное значение и в глазах раскольников: ибо учение о Епископе принадлежит к одному из важнейших предметов их размышлений и суждений.

Епископ Кавказский исполняет все потребности церковные для области Линейных казаков, только не управляет этою своею паствою. Главный священник Кавказской армии находится при Штабе Армии в Закавказье, в крае, совершенно отдаленном существенным, естественным разграничением от страны, собственно именуемой Кавказом, почти не имеющей натуральных отношений к Закавказью. Управление церквами из такой дали вполне неестественно и повергает эти церкви в самое бедственное положение во всех отношениях. Казачий атаман, его Штаб, главные

лица казачьего управления имеют своим пребыванием Ставрополь, окруженный повсюду станицами и церквами Казачье-линейного войска. Сношения о делах, происходящих под глазами, должны делать с Тифлисом, на расстоянии 500 верст, за гигантским хребтом седоглавого Кавказа, с главным священником, имеющим дома свою специальную обязанность и никак не могущему удовлетворять возложенному на него управлению церквами Казачьего войска, по самой отдаленности их и отчуждению от него. Положение, для которого так трудно найти смысл, может быть продолжительным.

Монастыри

В Кавказской епархии имеется к 1-му января 1859 года два мужских монастыря и один женский. Из них: мужской, Екатерино-Лебяжинская пустынь, и в сорока верстах от нее Мариинская женская, учрежденная на особых правах, Высочайше утвержденных в Положении о Черноморском казачьем войске, обе [обители] находятся не в дальнем расстоянии от Азовского моря, и первая из них может стоять наряду с лучшими монастырями русскими по средствам и содержанию. Управляется она архимандритом, который вместе с тем и благочинный обеих этих пустынь.

Крестовоздвиженский Кизлярский заштатный монастырь находится на противоположной оконечности Епархии, неподалеку от Каспийского моря. Монастырь имеет до двух тысяч рублей серебром ежегодного дохода, но очень потрясен в благосостоянии своем теми процессами о принадлежащих ему угодиях, в которые он был вовлечен.

Близ губернского города Ставрополя, в восьми верстах от него, имеется Иоанно-Мариинская женская община, о возведении которой в монастырь сделано представление в Св. Синод.

Монашество

Монашеская жизнь в обителях Кавказской епархии находится в младенчестве, и трудно, чтоб она в скором времени могла выйти из этого состояния. Для иноческих духовных успехов необходимо мирное состояние обителей. Но обе мужские обители этого мирного состояния не имеют, и не предвидится, чтоб могли получить его доколе светская власть не придет в то отношение с духов-

ной, в какой она находится повсюду в России. А это может совершиться только тогда, когда война престанет быть исключительно началом, целию, извинением — правильным или неправильным — всех соображений и мер. Настоятели здесь нуждаются в познаниях и способностях по преимуществу канцелярских; канцелярские занятия их особенно значительны. В Екатерино-Лебяжинской пустыни существует под председательством Настоятеля комитет, в котором участвуют некоторые светские лица, для управления хозяйством монастыря. В этом комитете долгое время господствовало большое разъединение между духовными и светскими членами его, бывшее причиною весьма затруднительной переписки. Ныне при весьма хороших отношениях Епископа с Главным черноморским начальством это разъединение уничтожено; но невозможно сделать никаких существенных изменений в церковном характере, по правилам церковным: ни то ни другое не ведается и не понимается. Одна приветливость способна действовать с некоторым успехом против власти, находящей в военных соображениях средство быть неограниченною; одна она может смягчать зло, производимое невниманием к постановлениям Церкви. С терпением и покорностию Промыслу Божию надо ожидать того времени, когда в Черноморском мужском монастыре окажется возможность ввести такой устав, который начертан вообще для всех православных монастырей преданием Святой Церкви, при котором только возможно нравственное и духовное благоустройство в иноческих обителях.

Церкви

В Кавказской епархии состоит всех вообще церквей 168. Народонаселение Кавказа непрестанно и быстро увеличивается новыми выходцами из России, которые прежде всего заботятся, как свидетельствуют многие опыты, об устроении молитвенного дома для удовлетворения духовных нужд. Получив прочную оседлость, они стараются и о построении церквей.

Надзор над церквами производится благочинными не менее четырех раз в год.

Церковное письмоводство, коим по малограмотности церковных старост по большей части занимаются священнослужители, находится в удовлетворительном состоянии.

Духовенство

Духовенство Кавказа первоначально собралось в этот отдаленный Край из разных мест России. Выходцы эти не отличались особым благонравием, принадлежа по преимуществу к разряду людей, не надеявшихся на получение хороших мест на родине и устремившихся к пустынному тогда Кавказу с надеждою найти там и приют, и довольство. Расчет этот оказался безошибочным. Дети пришельцев, получив образование в учрежденной на Кавказе Семинарии, составляют новое поколение уже со своим характером, весьма утешительным: они проходят важное служение свое иначе, нежели как проходили их отцы, — проходят весьма удовлетворительно. На Кавказе — просторно. Кажется, и характеры образуются соответственно простору и довольству: в характере духовенства кавказского отмечены особенное радушие, странноприимство, откровенность. Последняя черта особенно поразительна для лица, нового в Крае. Между священниками много отличного достоинства людей.

Духовенство вообще в отправлении Богослужения и назидания пасомых неленостно. Погрешности и упущения, без чего не обходится ни одно человеческое общество, исправляются мерами, в полном обилии доставленными нравственным преданием Церкви.

Опыт показывает, что со времени вступления в поприще деятельности церковной нового поколения вообще все духовенство постепенно изменяется, возвышается, облагораживается. Если же еще и проявляются невежество и грубые пороки, то они проявляются преимущественно в духовенстве Черноморского войска, которое составилось из казаков, научившихся читать и писать; но там в настоящее время нравственное состояние духовенства улучшается вследствие постепенного замещения открывающихся священнических вакансий окончившими воспитанниками Семинарии.

Духовенство Кавказа, получая жалованье от казны и пользуясь подаянием от прихожан, по большей части не терпит нужды, кроме Черномории, где они, не получая жалованья, довольствуются приношениями от прихожан, и приношениями весьма обильными. Некоторые из духовенства, в поддержание себя и к воспитанию детей своих в учебных заведениях занимаясь скотоводством в небольших размерах, сильно стесняются тем, что в станичных гортах не отведено им ни сенокосных, ни пашенных мест и при сенокошении всегда достаются на долю духовенства самые невыгодные места.

Недостатка в духовенстве в настоящее время Кавказская епархия не имеет.

Отношения православного духовенства к иноверному и жителям иноверным, живущим в городе Ставрополе, и преимущественно в Кизляре и Моздоке, благоприятны: это видно из того, что армяне с полною охотою посещают православные храмы, а в городе Кизляре, по ревности к дому Божию, уничтоженному за несколько лет пред сим пожаром, просят облечь их в звание церковных строителей, в чем, конечно, нельзя не видеть влияния на них духовенства.

Богоугодные учреждения

Больниц и богаделен при церквах Кавказской епархии нет, кроме города Екатеринодара, где при Скорбященской церкви богадельная на шестьдесят человек и больница на 25, под непосредственным надзором Войскового начальства.

Раскол

Раскол в Кавказской епархии хотя незначителен численностию, но весьма упорен в заблуждениях. Существенною, главною, почти единственною причиною сего — сопредельные станицы Кавказского линейного казачьего войска. Можно сказать безошибочно, что эти станицы все без исключения более или менее заражены расколом. Оттуда исходят ересеучители для совращения в раскол жителей Ставропольской губернии, совратившиеся в раскол жители сел находят в станицах подкрепление в своих заблуждениях, оттуда получают наставников, которые позволяют себе совершать Таинства и утверждать, что только там, в станицах, сохраняется истинная Христова Церковь. При таком пагубном влиянии станичного раскола православное духовенство встречает непреодолимую преграду в успехе обращения своих раскольников в недра Православной Церкви. Кроме сего, к прискорбию, на Кавказе открылось новое гнездо для раскола во вновь населяемом городе Ейске, куда во множестве стекаются раскольники, пользуясь льготами, Высочайше дарованными сему городу, и избегая преследования на прежних местах жительства. Есть уже печальные примеры, что чада Христовой Церкви отторгаются от стада Христова. Для пресечения сего зла Епархиальное начальство отнеслось к г-ну Наместнику

Кавказскому с просьбою воспретить принятие в Ейск лиц, которые не представят от прежних своих приходских священников свидетельства о своем Православии, и даже вовсе запретить причисление в г. Ейск раскольников. Протоиерею г. Ейска, лицу весьма деятельному, предписано тщательное наблюдение за раскольниками, предупреждение совращений и увещание заблуждающихся и совращенных.

Увеличение паствы и ее духовное развитие

Кавказ, богатый землями, постоянно принимает к себе новых поселенцев, из которых образуются самостоятельные приходы. Так, на землях, принадлежащих калмыкам, кочующим в смежности со Ставропольскою губерниею, поселено по распоряжению Правительства несколько станиц, в которых устрояются молитвенные дома, и даже в некоторые определены для исправления христианских треб священники. Кроме сего, Кавказская епархия приобрела к Церкви Православной новых чад из иноверных христианских исповеданий и из нехристиан.

К утешению, чувство благочестия в истинных чадах Христовых весьма развито. Каждое поселение Епархии заботится о создании храмов для общественных молитв и, не прибегая к пособиям Правительства, от избытков своих приносят дары к алтарю, не только достаточные к созданию храмов, но и на обеспечение их содержания и ремонта.

Усердие православных к посещению храмов Божиих и исполнению долга христианского, по благодати Божией, не оскудевает; редки те случаи, чтоб православный христианин по нерадению или по слабости сознания в необходимости очищения совести исповедию принуждаем был к этому усиленными мерами.

В необразованном классе, чуждом грамотности, нельзя найти отчетливого знания молитв и полного разумения заповедей, особливо же истин Веры; но при всем том твердое убеждение в святости исповедуемой Веры глубоко лежит и запечатлено в сердцах православно верующего народа. При благодетельной же попечительности Правительства, усиливающего обучение крестьянских детей в школах, и в семействах простого народа приходят любовь и обычай к назидательному чтению, доставляющему яснейшее понимание начальных истин Веры и заповедей, вместе способствующему к изучению нужнейших молитв.

Замечательнейших пожертвований на храмы Божии было четыре:

1) в четыре тысячи рублей в с. Безопасном крестьянина Лунева; 2) в селе Прасковеи крестьянки Терновской – две тысячи рублей; 3) в г. Ейске складчиной пяти человек купцов устроен иконостас в две тысячи рублей и 4) в городе Екатеринодаре казаком Сесюрею возобновлена церковь на 1287 рублей.

Катехизические поучения введены в шестидесяти шести церквах. Все, образовавшиеся в семинариях и окончившие курс, обязываются произносить проповеди своего сочинения по назначению Епархиального начальства. Для рассмотрения катехизических поучений учрежден в городе Ставрополе особый комитет из лиц, получивших высшее духовное образование, в который и отсылаются оне чрез Консисторию. Но общей систематической программы к последовательному произношению катехизических поучений не составлено; впрочем, о составлении таковой предложено чрез Консисторию комитету. Произносятся эти поучения в праздничные и воскресные дни по окончании Литургии.

В Кавказской епархии положено учредить женское училище при Черноморской женской пустыне; но училище это по новости самой обители не получило еще правильной организации. Составление проекта для сего училища предоставлено предварительно Черноморскому войсковому начальству, как ближайшим образом знакомому с духом и потребностями местных жителей. Попечительною настоятельницею пустыни уже заведено училище в размере и благоустройстве, сообразных со средствами обители. Из ведомости, доставленной Палатою государственных имуществ, видно, что в сельских церквах Ставропольской губернии учреждено двадцать училищ для крестьянских детей, обучением их вообще занимаются приходские священники с хорошими, по отзыву той же Палаты, успехами, каких можно ожидать при крестьянском быте, при коем на обучение уделяется не более полугодичного времени; а на все остальное время дети отзываются к домашним занятиям и полевым работам. Для многих училищ не усмотрено приличных помещений, а собирают преподаватели своих учеников в свои дома.

Заключение

Кавказская епархия только с северо-запада граничит с православным народонаселением, с областию донских казаков. На восточной оконечности своей она примыкает к Каспийскому морю, на

западе — к Азовскому и Черному. Значительная часть Ставропольской губернии составляет необитаемую пустыню, и весь край Кавказский наиболее населен по своим окраинам. Самая обширная грань — к югу; здесь соседи русских — горские племена магометанского исповедания. Как Китай отделяется от Монголии стеною, так мирные селения гражданские Кавказского края отделяются от горских народов непрерывною цепью станиц Черноморского и Линейного казачьих войск. По берегу Каспийского моря граница Епархии весьма непродолжительна; по ней между русскими живут в значительном количестве ногайцы и трухмены (команы), народы татарского племени. Пространная северная и северо-восточная граница занята татарами-магометанами; небольшое число калмыков-идолопоклонников (до 4000 душ) кочует на северной оконечности Епархии. Итак, по всю границу обширной по местности Епархии занимают татары магометанского племени или магометане-горцы; между последними татарский язык и общепринятый, и общеупотребительный, как между европейцами — французский. Сего мало: горцы в значительном числе, под названием мирных, живут по сю сторону цепи казачьих станиц, внутри страны, или находятся в самой цепи; также татары живут в значительном количестве в селениях гражданского ведомства или постоянно, или временно, нанимаясь в работники. Из такого взгляда очевидна главнейшая церковная потребность в настоящее время: она заключается в том, чтоб основательное изучение татарского языка развито было в Кавказской семинарии, чтоб преподавание этого языка начиналось в духовных училищах, чтоб воспитанники были ознакомлены с языком не только книжным, но и разговорным. Развитие осетинского языка нужно в гораздо меньшем размере, нежели татарский: осетин немного, да и все они, подобно прочим горцам, знают татарский язык. Познание татарского языка даст возможность священникам иметь общение с горцами и татарами и склонять их к принятию христианства, тем более что эти магометане, как выше было объяснено, имеют о магометанской религии самое сбивчивое и неверное понятие. Познание татарского языка даст священникам возможность буквально исполнять ясное и действительное завещание, данное пастырям Самим Господом: «Шедше научите вся языки» (Мф. 28. 19).

Вот та единственная особенность и потребность, которая выставляется на первый план при тщательном рассматривании Кавказской епархии и нуждается в немедленном удовлетворении. Про-

чие потребности, которые, впрочем, явствуют из сего отчета, гораздо менее важны. Они могут быть удовлетворяемы, а недостатки и несообразности, существующие в Епархии, могут быть смягчаемы и устраняемы постепенно путем кроткого вразумления. Самое время объяснит для многих то, что для них теперь неясно. За тем испрошением прощения у Святейшего Синода в тех погрешностях, которые могут быть усмотрены на поприще 1858 года, и испрошением благословения и молитвенной помощи на открывшееся поприще текущего лета епископ Игнатий оканчивает сей отчет свой.

Письмо к директору Синодальной канцелярии Я. А. Позняку

от 18 янв. <1858>, № 7[1]

Ознакомившись вообще с делами Кавказской Консистории, считаю не лишним представить взгляд мой на них благоусмотрению Вашего Превосходительства.

Здешнее духовенство набрано из разных Епархий; нужда заставляла принимать людей без строгой критики; да и невозможно основательно узнать, при самой строгой критике, человека, пришедшего из дальней страны, не жившего на месте продолжительно. По этой радикальной причине невозможно, чтоб во вновь устроенной Епархии при таком составе духовенства не было значительных беспорядков. Строгим надзором и взысканиями можно более или менее обуздать безнравственных, но редкие из безнравственных могут совершенно измениться и сделаться нравственными. Следовательно, нужнейший способ исправления духовенства состоит в замене старых, закоснелых новыми, благонравными воспитанниками Семинарии; этот способ требует времени.

Дела в Консистории не так запутанны и делопроизводство идет совсем не так худо, как это представлялось при борьбе, возникшей от столкновения страстей, причем с обеих сторон писалось с разгорячением и многие дела представлены односторонне, а следовательно, и неправильно.

Так, например, о протоиерее Петрове взято одно дело и представлено с действиями по нему Епархиального начальства Высшему начальству. Оказывается: Петров был судим по двадцати делам, из коих по каждому имеется распоряжение Епархиального начальства, и все эти распоряжения находятся в связи между собою: вынутое из среды этих дел одно дело и представленное отдельно, точно не показывая связи между решениями Епархи-

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 234–235.

ального начальства, даст решение его одному делу вид странный. В таком положении, каково дело Петрова, находятся некоторые другие дела. Я приказал все такие разнородные дела об одном лице доложить мне вместе и надеюсь уже в правильном виде представить дела, нуждающиеся в представлении Святейшему Синоду. Сами изволите видеть, что такой образ действий требует времени. Но он и весьма точен, и облегчит труды для самой канцелярии Святейшего Синода.

Призывая на Вас благословение Боже и проч.

Резолюция епископа Игнатия о наказаниях семинаристов

<1858>[1]

Желаю, чтоб в духовных училищах Кавказской епархии употреблялись следующие наказания:

1. Выговор, без употребления бранных слов — слов, только унижающих человечество и подавляющих чувство чести в юношах, каковое чувство, при правильном о нем понятии, есть сокровище.
2. Поставление в угол или к штрафному столу просто или на коленях.
3. Оставление без обеда и без ужина, на хлебе и воде.
4. Наказание розгами, за исключением воспитанников самой Семинарии.
5. Наказание арестом в темной комнате, с полным лишением общения с товарищами и с содержанием на хлебе и воде.

Сей последний вид наказания употреблять преимущественно для воспитанников Семинарии, соразмеряя продолжительность наказания важности проступка. В случаях же нарушения правил подчиненности, вежливости пред начальством, благоприличия в храме Божием, паче же в случаях грубости начальству и при ожесточении, продолжать арест до того самого времени, как наказанный вполне смягчится и начнет выражать и приносить искреннее раскаяние. Преждевременное освобождение от ареста лица, пришедшего в ожесточение и оказывающего упорство, наносит существенный вред характеру того лица.

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 241 об.–242об. Данная резолюция наложена Епископом на журнале семинарского правления вскоре по прибытии в Кавказскую епархию.

Наказание заушениями, дранием за волосы и за уши да будет извергнуто из духовных училищ. В ту минуту, когда воспитатель собственноручно наказывает воспитанника, в эту жалкую минуту, человечество терпит нравственное унижение и в лице воспитанника и в лице воспитателя. Но в лице воспитателя такое унижение несравненно глубже, нежели в лице воспитанника. Воспитатель такими действиями лишает себя уважения воспитанников, их любви и доверенности.

Высокий, благородный характер воспитателя есть главнейшая узда и гроза для воспитанников. Приглашаю воспитателей кавказского духовного юношества на эту высоту, восход на которую преисполнен духовного плода, но не чужд и значительного труда с самим собою. Благочестивый и благонамеренный воспитатель должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам. Наказание да будет плодом зрелого, беспристрастного суждения, только при этом условии оно благотворно для детей и возвышает в мнении их воспитателя. Наказание должно быть не жестоким, но полновесным, наказание слабое балует детей.

Сие мое желание объявить во всех духовных училищах Кавказской епархии.

Письмо к Наместнику князю А. И. Барятинскому

от 25 янв. 1858, № 11[1]

(О средствах для Архиерейского дома)

Обозрев средства, которые в настоящее время Кавказский и Черноморский епископский дом имеет для содержания своего, я имею честь повергнуть эти средства на благоусмотрение Вашего Сиятельства. Картина этих средств неминуемо рождает вопросы:

1. Может ли Епископ с присвоенным ему штатом содержать все требуемое от него? 2. Следовательно, самая вновь учрежденная Епархия может ли существовать?

Эти вопросы отчасти уже и разрешены тем, что Святейший Синод доселе давал Епископу тысячу рублей серебром вдобавок к

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 242 об.–244. Князь Александр Иванович Барятинский (1814–1879), генерал-фельдмаршал, Наместник Кавказа (1859–1862).

его жалованью и тысячу пятьсот рублей — на содержание его и Архиерейского дома.

К этому считаю нелишним присовокупить нижеследующее: епархиальные штаты утверждены в таком виде в конце прошедшего столетия, когда деньги были несравненно дороже, а предметы потребления несравненно дешевле. С того времени штаты остались неизменными, а недостаток их восполнялся хозяйственными пособиями, то есть разными угодиями и оброчными статьями, которые наиболее выдавались казною, а иногда приобретались и частным образом.

Из прилагаемых при сем двух ведомостей изволите увидеть и микроскопический размер штатного положения для Архиерейского дома, и микроскопический размер выделенных ему угодий в пособие штатному положению. При таковых средствах оказывается решительною невозможностию содержание самого Епископа, содержание в особенности эконома, духовника, иеромонахов и прочих чинов собственно Дома, каковые должны быть монашествующие; также содержание секретаря и чиновников Консистории, которой делопроизводство никак не менее делопроизводства губернских правлений. Кафедральный протоиерей и прочие лица белого духовенства, как имеющие сверх жалованья содержание от своих приходов, в существовании обеспечены.

Будучи убежден, что Ваше Сиятельство желает существования Кавказской епархии, я счел долгом моим представить воззрению Вашему настоящее состояние средств ее к существованию единственно с тою целию, чтоб Вы изволили иметь о сем предмете полное и ясное понятие. Позвольте мне, всмотревшись более в дела, взойти к Вашему Сиятельству с покорнейшим представлением об обеспечении содержания Архиерейского дома. Ныне летом надеюсь лично представиться Вашему Сиятельству, и, узнав взгляд Вашего Сиятельства на этот предмет, с одной стороны, а с другой — ознакомившись со способами к обеспечению, я полагаю возможным для меня изложить пред Вами дело со всею отчетливостию.

Призывая на Вас обильное благословение Неба
с чувствами отличного уважения и проч.

Письмо к директору Канцелярии синодального Обер-прокурора К. С. Сербиновичу

от 18 февр. 1858[1]

(Об отчетности Кавказской Консистории)

Милостивейший Государь,
Константин Степанович!

Получив сегодня от Его Сиятельства Графа Александра Петровича Толстого три экземпляра Извлечения из Отчета, я подумал: не двадцатый ли труд Ваш вижу? Почти что так: если не двадцатый, то наверно девятнадцатый.

Приехав сюда, я немедленно озаботился, чтоб отчетность из Кавказской Консистории за 1857-й год была представлена в Святейший Синод в возможной исправности, согласно тому, что Вы изволили говорить мне при прощальной беседе. Сделали, что можно было сделать. Оказывается: циркулярами не были соглашены частные действия; каждое место доставляло сведения по своему смотрению. Это можно поправить, но я искренно желал бы слышать замечания Вашего Превосходительства, чтоб на будущее время Кавказская Епархия могла представлять к труду Вашему матерьялы вполне удовлетворительные.

По совету Вашему я довольно сблизился с бывшим Секретарем Васильевым, и он доставил мне много полезных сведений; я, с своей стороны, постарался, сколько мог и умел, растворить утешением чашу его горестей. Действительно должно желать, чтоб здешнее духовенство было лучше; но исправление нравственности в целом сословии совершается не скоро. На это надо время и время. Начала ложные должно заменить началами правильными, злонамеренность благонамеренностию. Наказания не могут быть единственным орудием исправления.

Призывая благословение Божие на Вас и на милого сына Вашего, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою
Игнатий, Епископ Кавказский.
Ставрополь.

---

[1] РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Дело 1098. Л. 1–2. Сербинович Константин Сергеевич (1797–1874), директор Канцелярии Обер-прокурора Св. Синода, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (1833–1856).

Речь при отпевании капитана I ранга К. Г. Попандопуло

4 марта 1858[1]

Благочестивые слушатели!

Господь наш Иисус Христос сказал: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15. 13).

Такую весомую любовь явил жизнию своею, доказал смертию своею почивший раб Божий, воин Константин: он положил душу свою за Веру, Царя и Отечество. Ныне он безмолвствует во гробе; но самое молчание его есть громкая, живая, убедительнейшая проповедь о вечной любви.

Братия! Почившему витязю, принесшему себя в жертву любви, принесем посильный, прощальный дар любви: пролием теплейшие молитвы к Господу, да приимет и вселит душу раба Своего в горние обители вечного покоя, откуда навсегда удалены всякая печаль, всякое воздыхание, где жительствует свет невечерний и блаженство бесконечное. Аминь.

Предложение в Консисторию

от 10 марта 1858, № 29[2]

(О пожертвовании средств для чиновников)

Обращая внимание на затруднительное положение чиновников Кавказской Консистории, довольствующихся общим окладом жалованья, положенным для канцелярий Консисторских в России вообще, между тем как в Ставрополе предметы продовольствия несравненно дороже, нежели в России вообще, я счел обязанностию моею явить мое пастырское деятельное участие в положении чиновников Кавказской Консистории. Удовлетворяя требованию таковой пастырской обязанности моей, я предлагаю Консистории триста рублей серебром из моей собственности на раздачу чинов-

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 240. К. Г. Попандопуло — капитан первого ранга, герой обороны Севастополя, скончавшийся в Ставрополе в 1858 г. Желая почтить подвиги почившего, свт. Игнатий совершил заупокойную литургию и отпевание в своей Крестовой церкви. ‖ [2] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 235–235об. Опубликовано также в издании: *Соколов Л. А.* Епископ Игнатий Брянчанинов: Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. Киев, 1915. Ч. 1. С. 228–229. (Далее — *Соколов...*). Пропуск слов *в домы чиновников* восстанавливается по этому изданию.

никам по расписанию, которое предлагаю Консистории составить и представить на мое усмотрение.

Уповаем, что с сим скудным даром нашим, яко с даяниям Архипастыря, внидет благословение Божие в домы чиновников, так как, напротив того, даяния незаконные удаляют благословение Божие от тех лиц и домов, коими сии незаконные даяния привлекаются. Доставителю сего предложения и при нем суммы в триста рублей серебром, келейному моему, рясофорному послушнику Иоанну, выдать расписку за подписанием члена Консистории и исправляющего должность секретаря.

Предложение в Консисторию
от 7 мая 1858, № 60[1]
(О перестройке Архиерейского дома)

По прибытии моем в Ставрополь между прочими предметами Епархиальной администрации, обратившими на себя мое внимание, временный *приют Епископа* невольно должен был в особенной степени сделаться предметом такового внимания: ибо по ветхости сего скуднейшего и неудобнейшего приюта жительство в нем Епископа соделалось совершенно невозможным; столь же невозможным сделалось в нем *отчетливое занятие обязанностию Архипастыря*, требующею поместительной комнаты, в которой могли бы находиться *все книги, относящиеся к религии и администрации*, книги при пастырских занятиях, для справки необходимые, в которой должны находиться и другие многие предметы, для упомянутых занятий существенно нужные. Исправление сего приюта оказалось не терпящим отлагательства, но вместе с тем оказалось, что в Архиерейском доме нет никакой суммы.

Такое состояние Архиерейского временного приюта и состояние хозяйственной его части принудили меня обратиться к *Богом врученной мне пастве с предложением оказать пособие* приношением посильного, доброхотного пожертвования на приведение в порядок упомянутого приюта. К утешению моему, Кавказская паства отозвалась полным сочувствием к нужде и воззванию своего архипастыря. Пожертвованные и имеющиеся налицо деньги, также деньги, имеющиеся в виду, дают мне возможность немедленно приступить к делу, чего требует настоятельная нужда епископа

[1] *Соколов...* Ч. 1. С. 237–239.

в помещении, сколько-нибудь соответствующем его сану и обязанностям.

Чтоб дать делу исправления всю должную правильность и ясность, нахожу полезным и благоприличным учредить особую *Строительную Комиссию* и ей поручить дело исправления и пристройки по епископскому приюту. Предлагаю о.о. архимандритам: Ректору н Инспектору Семинарии, быть во главе Комиссии; предлагаю г-ну секретарю Консистории быть членом ее и принять на себя надзор за правильностию письменности; быть членом ее священнику Феодору Орлову, как ближайшему соседу дома, с тем, чтоб он *был оком Комиссии* и с особенною тщательностию и постоянством наблюдал за всем, до постройки касающимся. Как ставропольское купечество предположило доставить значительное пособие на исправление дома: то предлагаю членам Комиссии с духовной стороны пригласить Ставропольского градского главу, г-на Деревщикова к официальному участию в Комиссии и к принятию на себя звания члена Комиссии. Смотрителем материалов и работ быть иеромонаху Савватию, который по возможности должен быть безотлучно при работе и наблюдать за точным исполнением рабочими распоряжений архитектора и за доброкачественностию материалов, о упущениях немедленно же извещать члена священника Феодора Орлова; письмоводителем Комиссии быть письмоводителю моему Иоанну Васильеву.

Архитектор Воскресенский, приглашенный мною для составления проекта исправлению и пристройке дома и для наблюдения технического за работами, будет получать вознаграждение прямо от меня. За работу и материалы предлагаю деньги выдавать Комиссии, смотря по успеху работ; строительную сумму Комиссия будет получать от меня. Чтоб не обременить Комиссию письменностию, предлагаю ей иметь: 1) приходо-расходную книгу для вписывания в оную прихода и расхода суммы, 2) делопроизводство из журнальных статей, в коих должно прописываться основание каждой выдаче денег и прочие обстоятельства, могущие встретиться при постройке. Только те журнальные статьи должны немедленно представляться мне на утверждение, кои будут иметь какую-либо особенность и важность, сопряженную с изменением проекта; все вообще журнальные статьи должны представляться мне на утверждение однажды в месяц. На расходы Комиссии представляются мною первоначально прилагаемые при сем две тысячи четыреста сорок девять рублей серебром, выданные в задаток за лесной, камен-

ный и другие материалы ставропольскому купцу Григорию Маслову, двести рублей столяру, ростовскому мещанину, Матвею Дундукину и сто рублей архитектору Воскресенскому, на кои прилагаются при сем расписки.

Комиссия имеет немедленно открыть свои действия по прилагаемому при сем проекту и смете и, заключив с подрядчиком Масловым и со столяром Дундукиным законные контракты, приступить к делу. Милосердный Господь да благословит благое начинание в пользу Своей Святой Церкви, в преуспеяние Христова учения в Кавказском крае, и да воздаст сторичными благами пожертвователям на устройство приюта Епископу! Да услышат они в свое время всерадостное приветствие Господа: *Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие... Странен бех и введосте Мене... Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе.* (Мф. 25. 34, 35, 40). Аминь.

Речь при освящении Георгиевского знамени Линейного казачьего войска
12 мая 1858[1]

Братия! Христолюбивое воинство славно доблестями своими пред царями земными — оно славно ими и пред Царем Небесным. Доказали это многие воины, доказал это святой великомученик Победоносец Георгий: он начал подвиг свой победами земными — кончил подвиг, восхитив Небо. Святой Георгий — витязь и земной и небесный.

Благочестивейшие самодержцы всероссийские указывают своему воинству на великомученика Георгия как на образец совершенного воина. Они того воина, который окажет высший подвиг, знаменуют именем и иконою великомученика Георгия.

Но здесь представляется особенное зрелище!.. Здесь не один воин из сонма храбрых отличается от прочих другов своих во имя победоносного Георгия, целое воинство получает знамя, на котором — изображение витязя Божия, на котором — его славное и святое имя. Что значит это? Это значит, что Русский Царь признал

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 237об.–239. Речь была произнесена Владыкой Игнатием при освящении им Георгиевского знамени, пожалованного Государем казачьему Линейному войску, в станице Михайловской под Ставрополем.

Кавказское казачье линейное воинство совершенным в храбрости, достойным высшей воинской почести и награды. Он признал в этом воинстве каждого воина героем, каждого воина — достойным встать под хоругвь величайшего из воинов — Георгия! Что признал Русский Царь, то признала вся Россия.

Братия! Многотрудными подвигами, потоками крови вы, отцы ваши и деды стяжали высокую милость Православного Царя, излившуюся ныне на Кавказское казачье линейное воинство. Ею он награждает и венчает воинство за многолетние подвиги воинства, ею он призывает вас к новым подвигам — уже не только к подвигам по плоти — к подвигам духовным. Вы получили на знамени вашем вождя, способного руководить вас на горы земные и на горы Небесные.

Победоносец Георгий не ведает преград: преград, утесов, пропастей нет для него, все глубины и высоты ему удобоприступны. За ним, братия! За ним! До самых грозных и вожделенных врат в вечность. Карайте, громите врагов Царя и Отечества, как вы карали и громили их доселе, но вместе потщитесь одержать победу и над невидимым врагом Бога и человечества — над грехом, убивающим человека вечною смертию.

Каждый из вас да увенчается сугубым венцом, как увенчался неодолимый Георгий, удививший доблестию своею и человеков и Ангелов! Каждый из вас да сподобится сказать с дерзновением и радостию: *Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох. Прочее убо соблюдается мне венец правды, его же воздаст ми Господь!* (2 Тим. 4. 7, 8). Аминь!

Рапорт Святейшему Синоду
от 13 мая 1858, № 95[1]
(О торжествах по случаю освящения знамени)

Секретно.

<...> Как с самого прибытия моего в Ставрополь, где находится главная квартира Линейного войска, начальство его выразило ко мне особенное внимание, а впоследствии начало уже выражать и особенное расположение, то Атаман пригласил меня совершить освящение знамени; приглашено было и все старшее духовенство

[1] *Соколов...* Ч. 1. С. 253–254.

города. Встреча Линейным духовенством была сделана мне согласно распоряжению Святейшего Синода. Все обстоятельства, кажется, условились между собою и согласились, чтобы торжеству, вполне особенному по своему характеру, доставить еще и особенное великолепие. Воинское народонаселение пришло в восторг. По окончании продолжительного Богослужения была предложена общая трапеза в особенной обширной палатке, с одной стороны совершенно открытой. Обедали духовенство, генералитет, военные и гражданские чины, а по обеим сторонам палатки, у длинных столов обедали воины, прибывшие из прочих станиц к торжеству. По произнесении тостов за здравие Государя Императора, Великого Князя Наследника, Князя Наместника Кавказского Атаман провозгласил тост за здравие Преосвященного. На сей тост войско отвечало громким и продолжительным «ура», киданием шапок вверх и прочими ему свойственными выражениями удовольствия. При отъезде моем войско окружило мою карету и отпустило меня при криках «ура», а некоторые всадники провожали до самого моего дома, выказывая в течение дороги лихость свою и веселие джигитовкою. При сем случае особенно выразилось, как и постоянно с прибытия моего выражалось, желание не только начальников Линейного войска, но и самого военного народонаселения иметь Епископа; в этом желании участвует и Линейное духовенство, для коего отношения в Тифлис, по отдаленности его, очень затруднительны, а сношения, напротив того, с Ставрополем вполне естественны и по самым житейским нуждам совершенно необходимы.

Самое нравственное состояние Линейного духовенства очень страдает от его настоящего положения, что очень заметно было при торжестве 12 мая, при коем Епархиальное духовенство держало себя гораздо благочиннее и благоприличнее. По окончании Божественной литургии, пред совершением последования, установленного при освящении знамени, мною произнесена была речь. Начальство Казачьего войска распорядилось о немедленном напечатании сей речи для рассылки по всему Линейному войску.

Отношение к начальнику Штаба Кавказской армии

от 5 июля 1858, № 146[1]

(По поводу Обер-священника Гумилевского)

Кавказское семинарское правление представило мне от 24-го июня сего 1858 года на рассмотрение свой журнал, в статье VII которого пропущено нижеследующее: Отношение Обер-священника Кавказской армии от 29-го мая 1858 года № 1329, коим уведомляемо, что он, вследствие отношения Правления Семинарии от 22 апреля текущего года за № 407-м, входил чрез начальника Штаба Кавказской армии к г-ну Главнокомандующему Армиею, который изволил признать, что подведомственное ему духовенство не должно доставлять требуемых Кавказскою духовною семинариею сведений о раскольниках. В случае же, если б Епархиальное начальство или Семинария имели надобность в коих-либо сведениях относительно раскольников, те могут обращаться к Наказному атаману сего Войска, который по своему усмотрению и доставит требуемые сведения, а в случаях надобности войдет предварительно в сношение со мною или испросит разрешения г-на Главнокомандующего. При сем Обер-священник присовокупляет, что подведомственное ему духовенство в отношении образа действий с раскольниками до настоящего времени руководствовалось и ныне руководствуется правилами и наставлениями, изложенными в секретном предписании Святейшего Синода от 5-го апреля 1845 года, и что важным пособием духовенству в деле обращения раскольников в Православие служат разосланные им книги: 1-е. Истинно древняя и истинно Православная Церковь; 2-е. История русского раскола. *Справка:* Семинарское правление по поводу улучшения преподавания в миссионерском отделении относилось к Обер-священнику Кавказской армии от 22 апреля 1858 года № 407 о вменении в обязанность Линейному духовенству доставлять Правлению семинарии сведения о ходе обращения раскольников и о мерах, какие к тому принимаются. Определение Семинарского правления: «Отношение сие, приняв к сведению, приложить к делу».

Не могу не сознаться пред Вашим Превосходительством, что мне показалось странным: на каком основании к Семинарскому правлению присоединено Епархиальное начальство, между тем

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 253об.–257об.

как отношения сих двух управлений к ведомству г-на Обер-священника вполне различны. Кавказское Епархиальное начальство ни в сем деле, ни в каком другом не подало повода, чтоб на него сделано было такое указание. Оно, то есть собственно Консистория (§ 1 Устава Духовных Консисторий), не имеет никакой связи с ведомством Обер-священника, а Кавказская семинария воспитывает священно-церковнослужителей для Линейного войска, почему Правление ее находится по необходимости в непосредственном и частом сношении с начальником Линейного духовенства, Обер-священником Кавказской армии. Кавказская семинария состоит, подобно всем прочим семинариям, под прямым и полным начальством духовно-учебного управления и одной из Академий, к округу которой она принадлежит; местный Архиерей имеет право ближайшего надзора над Семинариею и поверки ее действий, а в административном, хозяйственном и ученом отношениях она вполне зависит от упомянутых ее начальств и действует по данным ей инструкциям. Как учение раскольников имеет бесчисленные оттенки, самые разнообразные, то все в России семинарии собирают местные сведения о учении раскольников, и собирают именно чрез местное духовенство как систематически обученное догматам Церкви, чтоб благовременно ознакомить воспитанников с местными заблуждениями раскольников и таким образом приготовить пастырей, способных успешно действовать на раскольников сообразно местным заблуждениям их. Так поступила Кавказская семинария. Она входила с представлением о том Кавказскому епископу, и вследствие ее представления сделано распоряжение, что Епархиальные священники тех приходов, в коих имеются раскольники, доставляли сведения о их заблуждениях, паче же о особенностях сих заблуждений прямо в Семинарское правление. На том же основании, с тою же целию, о том предмете, по порядку, общепринятому во всей России, Кавказское семинарское правление отнеслось к Обер-священнику Кавказской армии. Оно не имело права не сделать этого! Оно не имело права, даже не могло иметь мысли устранить духовное лице, когда предметом сношения должны быть догматы Веры, и обратиться к светскому лицу. Так оно поступает относительно всех Епархиальных ведомств при открывающихся нуждах в сношении. Миссионерский класс Семинарии наиболее существует для Линейного казачьего духовенства: в Кавказской епархии раскольников очень-очень мало — почти нет.

Представив Вашему Превосходительству в должном виде действия Семинарии, я обращаюсь к отношениям собственно Кавказского Епархиального начальства к г-ну Обер-священнику. Кавказское Епархиальное начальство исполняет все нужды Обер-священника со всею поспешностию, со всею предусмотрительностию, со всею любовию. Даже Консистория не вводится в эти дела: для большей поспешности они решаются Епископом непосредственно. Со своей стороны Кавказское Епархиальное начальство не беспокоило г-на Обер-священника ни по делам о раскольниках, ни по делам другим, не имев, к счастию, никаких к тому поводов. И на настоящий отзыв г-на Обер-священника Семинарскому правлению и не обратил бы никакого внимания как относящийся единственно до духовных воспитанников его ведомства, если тут не упомянуто было Епархиальное начальство, которое в настоящем деле не принимало никакого участия, и если не представлено было дело в таком виде Князю Наместнику, коего мнением я дорожу, как сокровищем.

Как г-н Обер-священник Кавказской армии представлял доклад свой Его Сиятельству Князю Наместнику чрез Ваше Превосходительство, то я считаю приемною обязанностию моею покорнейше просить Ваше Превосходительство: примите на себя труд доложить Его Сиятельству это письмо, служащее пополнением и объяснением делу, без какового объяснения и пополнения бросается тень на действия Кавказского Епархиального начальства. Добываемые Семинариями сведения по должном анализе представляются Высшему духовному начальству и служат важным пособием к составлению тем превосходных творений о раскольниках, коими обогатилась русская духовная литература в новейшее время. Вашему Превосходительству, столько знакомому с ученым миром, вполне очевидна важность сведений живых, добываемых вышеизложенным способом о учении раскольников Семинариями. Такие сведения в учебниках, где излагаются общие заблуждения сект, редко встречаются. Что делать, когда для духовных воспитанников Епархиального ведомства и для духовных воспитанников Линейного войска Семинария — одна Семинария, исполнив долг свой пред Обер-священником и пред воспитанниками своими его ведомства, теперь должна ограничиться книгами о раскольниках, к числу коих принадлежат два прекрасные сочинения, указанные г-ном Обер-священником, и теми местными сведениями о особенностях раскольничьих учений в Крае, которые будут доставлены

от Епархиальных священников. Она устранена от ответственности пред своим начальством за неполноту собранных местных сведений волею Князя Наместника, объявленною ей в отношении г-на Обер-священника. Семинарии ли представится случай относиться к г-ну Атаману войска; нужда в этом встречается даже для Епархиального начальства, которое всегда и поступало соответственно своим обязанностям.

Призывая на Вас и проч.

Предложение в Консисторию
от 24 сент. 1858, № 198[1]
(О протоиерее Крастилевском)

Ознакомившись с большею частию вверенной мне Епархии, признаю существенно нужным следующее распоряжение: протоиерей Константин Крастилевский увольняется от должности кафедрального протоиерея и от присутствия в Консистории. На место его назначается кафедральный протоиерей города Георгиевска и благочинный Василий Попов, коему вместе быть и присутствующему в Консистории. Судный стол передается протоиерею Петру Сухареву, как лицу, замеченному мною особенно правдивым и понимающим всю важность того рода дел, кои имеют сильное влияние на участь человеков, а нередко и решают ее. При сем поверить суммы и имущество кафедрального собора новому кафедральному протоиерею Попову совокупно с протоиереем Крастилевским и братиею Собора, причем в качестве посредников быть протоиереям Сухареву и Поспелову; по окончании поверки о последующем донести мне рапортом за подписью всех лиц, участвовавших в поверке. Протоиерею Крастилевскому предоставится приличное место по получении из Святейшего Синода совершенного увольнения его от звания члена Консистории, о чем я ходатайствую. Предлагаю Консистории привести мое распоряжение в исполнение без малейшего промедления.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

[1] Соколов... Ч. 1. С. 220. Подробнее о деле протоиерея Крастилевского см.: *Соколов...* Ч. 1. С. 217–224.

Письмо к директору Канцелярии синодального Обер-прокурора К. С. Сербиновичу

от 2 окт. 1858, № 204[1]

(О средствах для Архиерейского дома)

Ваше Превосходительство,
Милостивейший Государь!

Главное Управление Наместника Кавказского уведомило меня отношением от 25-го сентября за № 3702, что вследствие моего ходатайства Князь Александр Иванович Барятинский сообщил Г. Председателю Кавказского Комитета об испрошении Высочайшего Государя Императора соизволения на ассигнование и ежегодный отпуск от казны Кавказскому Архиерейскому дому, в дополнение к получаемому им ныне содержанию и в замен тех угодий, коими он не может быть наделен, трех тысяч восьмисот рублей серебром. Имея честь уведомить о сем Ваше Превосходительство, вместе с тем считаю приятнейшим долгом моим покорнейше просить Вашего милостивого содействия в доставлении Кавказскому Архиерейскому дому означенной суммы, долженствующей обеспечить содержание Дома и доставить Епископу Кавказскому возможность деятельности, требуемой от него новостию и переходным состоянием Края.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Превосходительства покорнейшим слугою
Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Письмо к Епископу Тульскому Алексию

от 12 ноября 1858, № 60[2]

Ваше Преосвященство,
милостивейший Архипастырь, отец и брат!

Не знаю, как и благодарить Вас за любовь, оказываемую Вами мне, недостойному: ею я утешен и тронут до глубины души. Туль-

[1] РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Дело 1098. Л. 4–4об. || [2] РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Дело 15. Л. 111–112об. Алексий (Ржаницын Руфин Иванович; 1812–1877), Епископ Тульский и Белевский (с 1857), в 1859 — Епископ Дмитровский с управлением Саввиным-Сторожевским монастырем. Позже (1860) переведен в Таврическую епархию.

ские странники еще не прибыли сюда, а когда прибудут, то постараюсь устроить их так, чтоб они не сожалели о своем перемещении. В Кавказской Консистории имеется вакантное место помощника секретаря: не пожелает ли кто из кончивших курс в Тульской Семинарии, лицо со способностями и нравственностию, занять это место. Если, Ваше Преосвященство, примете на себя труд и отрекомендуете это место лицу благонадежному и нуждающемуся, то я приму его от руки Вашей с полною доверенностию и любовию. Простите моему дерзновению пред Вами: примите его как знак моей искренной преданности.

Преосвященный Митрополит Киевский, в проезд свой чрез Кавказскую Епархию, окритиковал все мои действия, даже коснулся поведения моего. Сначала это огорчило меня, но после я, по милости Божией, успокоился, вспомнив, что я уже оканчиваю мое земное течение и что все такие огорчения облегчат мне ответ, уже для меня близкий, пред Страшным и Нелицеприятным Судиею. Человеку, чтоб не ошибаться в действиях своих, надо вполне отказаться от всякой деятельности. В противном случае человек, по естественной ограниченности и греховности своей, необходимо должен подвергнуться ошибкам, и подвергались им все без исключения величайшие святые и величайшие гении. Признание себя непогрешающим есть самообольщение; требование непогрешаемости от ближних есть требование, чуждое смысла. Прошу всех моих ближних потерпеть многим моим немощам и недостаткам.

По великой милости Божией настоящим моим положением я очень доволен, хотя и встречаются неизбежные в земной жизни неприятности. Впрочем, эти неприятности вполне ничтожны пред неприятностями петербургскими. Меня огорчают, и я огорчаю! как быть: без этого обойтись нельзя. Духовенство, вообще, хорошо, и, кажется, ко мне довольно расположилось. В половине октября я перешел в домик мой, небольшой, но весьма удобный: он — в характере Гефсиманских келлий Московского Митрополита. И этому Старцу досталось от Исидора! но присутствовавшие не соблазнились на Филарета: им показались странными жесткие нарекания облагодетельствованного на благодетеля. В этом отношении точно так же действовал Исидор в Петербурге, когда посетил сию столицу при перемещении своем из Московских Викариев на кафедру Полоцкую.

Испрашивая Ваше Архипастырское благословение себе и вверенной мне пастве и поручая себя Вашим Святым Молитвам, с

чувствами отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть

Вашего Преосвященства покорнейшим послушником
Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.

Письмо к Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Григорию

от 2 февр. 1859, № 9[1]

(О средствах для Епархии)

Предместники мои по Кавказской кафедре Преосвященные Иеремия и Иоанникий в дополнение к окладу Епископа, к 285 рублям жалованья и к 457 рублям на стол и экипаж, получали 1000 рублей серебром ежегодно вспомоществования. По производстве моем в сан Епископа, находясь еще в С.-Петербурге и узнав о бедности кафедры Кавказской епархии, я просил письменно и лично его Сиятельство г-на синодального Обер-прокурора графа А. П. Толстого о том, чтоб мне, по примеру моих предшественников, была выдаваема назначенная вспомогательная тысяча рублей. Главным основанием к такой просьбе было мое крайне болезненное состояние. Его Сиятельство, по свойственной ему доброте сердечной и сознавая всю основательность моей просьбы, заверили меня честным и благородным своим словом, что просьба моя непременно будет удовлетворена.

По прибытии моем в Ставрополь я нашел Епископский дом в несравненно худшем состоянии, нежели в каком полагал найти. Я нашел руину во всех отношениях.

Такое состояние Дома усилило нужды Епископа. Надеясь на то, что обещанное вспоможение будет мне доставлено, я был спокоен и даже позволил себе из тех крох, которые остались у меня от дороги, дать триста рублей серебром на канцелярию Консистории, так как чиновники ее терпели особенную нужду по причине необыкновенно суровой и продолжительной зимы 1858 года. Сделаны из упомянутых крох и другие издержки в пользу Епархии. Некоторые доходы, которыми, сверх вспомогательной тысячи, пополнялся оклад Епископа и которые соблазняли Край девственный

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 247–251об. Митрополит Григорий (Георгий Петрович Постников; 1784–1860), видный церковный деятель; с 1856 г. и до конца жизни возглавлял Санкт-Петербургскую кафедру.

и строго смотрящий на образ действий духовенства, я немедленно отменил. Средства содержания Епископа перешли от состояния умеренности к состоянию крайней скудости.

Внезапным сокращением средств к содержанию я был бы поставлен в весьма затруднительное положение, именно по болезненнейшему состоянию, давно требовавшему пользования минеральными водами, если б особенная милость Божия не помогла мне неожиданно. Некоторое лице, весьма мало со мною знакомое, без всякого даже намека с моей стороны, доставило мне тысячу рублей серебром с извещением, что оно делает мне эту помощь, узнав о особенной моей нужде воспользоваться минеральными водами и о неимении к тому средств. Признаю эту помощь ниспосланною Богом: ибо воды произвели во всем моем организме чудное потрясение, волнение и преобразование, которые продолжаются до сих пор, освобождая меня постепенно, хотя и при мучительном действии, от золотушной материи, гнездящейся во множестве во всех членах тела моего. Если не могу признать себя вполне исцелевшим, по причине застарелости моей болезни и произведенного ею истощения сил, то должен с глубоким чувством благодарности к милосердию Божию и к орудию этого милосердия признать себя значительно поправившимся.

По возвращении моем в Ставрополь из Епархии обширной, с населением редким, хотя и живущим в селениях многолюдных, видя, что вспомогательная тысяча рублей мне не высылается, отчего положение мое делается весьма затруднительным, я изобразил в покорнейшем прошении Святейшему Синоду от 25 сентября 1858 года за № 200 особенность положения Кавказской кафедры и, особенное на сей особенности, мое затруднительное положение по содержанию. Такое положение Православного Епископа весьма естественно в стране инославной и иноверной, в которой он не имеет гражданского значения, неприменимо в стране Православной, в России, где Епископ необходимо должен сохранить повсюду соблюдающиеся обычаи, например выезжать в карете, принимать посетителей прилично. А здесь, сверх того, надо особенно приласкать все сословия и все разнородные управления: ибо, по новости Епархии, Епископ имеет нужду в особой благосклонности всех сословий и всех управлений. Содержание, которое прежде получал Епископ Кавказский, по скудости своей служило предметом соблазна для здешней публики. Теперь соблазн усилился, потому что полное прекращение содержания, считавшегося скудным,

известно всем чиновникам казенной палаты и казначейства, а чрез них всему городу. 1000 рублей, высылавшаяся собственно Епископу, не выслана ни в 1858-м, ни в 1859-м году, а 1500 рублей, высылавшаяся на содержание Дома, выслана в 1858-м году, но в 1859-м уже не высылается. Сведение о том, что Кавказский Епископ поставлен в крайнее затруднение по содержанию, перешло при посредстве лиц гражданского ведомства чрез Кавказские горы, в Тифлис, сделалось там предметом разговора и соблазна. Кавказский наместник, Князь Барятинский, писал к г-ну синодальному Обер-прокурору, прося его исходатайствовать мне тысячу рублей, которую получали мои предместники в дополнение к своему жалованью. О сем я уведомлен формальным отношением. Мне очень жаль, что Князь Барятинский должен был писать о сем Графу Толстому, этому не следовало бы быть.

Необходимо, чтоб здесь имели уважение к голосу Святейшего Синода. Степень этого уважения постоянно будет гармонировать с действиями, которые благоугодно будет обнаруживать. Неблаговолением к личности надо пожертвовать [в пользу] интересов Церкви. Едва миновавши моральное положение Кавказского Епископа, положение, при котором выражалось совершенное невнимание к нему и к Епархии, служит достаточным тому доказательством.

Что ж касается собственно до меня, то я не могу довольно нарадоваться, что Господь извлек меня из шумной столицы, для которой я не способен ни по душе, ни по телу. Место здесь весьма спокойное, весьма уединенное. Жители посещают Епископа только в великие праздники, тогда собирается их очень много. На расходы по Дому я должен был занять тысячу рублей. Эти деньги надо возвратить, что и надеюсь сделать по милости Божией, ибо Князь Наместник уведомил меня формально, что он ходатайствует пред Государем Императором о доставлении Кавказскому Епископскому дому ежегодного денежного вспоможения из казны вместо угодий, которых Край дать не может. Это вспоможение заменит деньги 1500 рублей серебром, высылавшиеся собственно на Дом. По сей причине я ходатайствую только о представлении мне той тысячи рублей, которая отпускалась, собственно, Епископу. Примите, Ваше Высокопреосвященство, благосклонно письмо сие как дань, которой я приношу мои обязанности, к моему сану и служению. Постараюсь принять все меры, если того сподобит меня Господь, чтоб не сделать чего-либо по увлечению и устоять на церковном поприще, на котором я поставлен. Если это окажется невозможным,

то сию невозможность отселе лобызаю со всею любовию, со всею радостию, яко устроимую Промыслом Божиим в пользу окаянной души моей, имеющей совлещись тела и предстать на лицеприятный Суд Божий. Исполнен долг мой, предоставляю остальное воле Божией и благоусмотрению Вашего Высокопреосвященства.

В письме моем к г-ну синодальному Обер-прокурору, которое посылаю по сей же почте и о том же предмете, я сослался на сие письмо к Вашему Высокопреосвященству. Примите на себя одолжительный труд показать сие письмо графу, так как я не счел приличным писать к Его Сиятельству того, что помещено здесь и что я мог сказать только пред Вами как пред Первосвятителем. Всепокорнейше прошу не давать официальности этому письму, как вполне конфиденциальное, оно написано мною собственноручно.

Поручая себя и вверенную мне паству Вашим святым молитвам и испрашивая Ваше Архипастырское благословение,

с чувством глубочайшего почтения и преданности
имею честь быть и проч.

Письмо к Обер-прокурору графу А. П. Толстому
от 2 февр. 1859, № 11[1]
(О средствах для Епархии)

Ваше Сиятельство,
милостивый государь!

Имел я честь утруждать Ваше Сиятельство покорнейшею моею просьбою лично и на письме, немедленно по рукоположении меня в сан Епископа, находясь еще в Петербурге, о предоставлении мне, по примеру моих предшественников на кафедре Кавказской, тысячи рублей серебром, в вспоможение к моему годичному жалованью в 285 рублей. Желательно, чтоб сей последней суммы стало для меня на лекарства по моей болезненности. Просьба моя — следствие нужды. Она милостиво выслушана Вашим Сиятельством, и я получил от Вас неоднократно повторенное уверение, что Вы не лишите меня необходимого содержания.

Между множеством дел более важных, которыми Вы заняты, не мудрено, что Вы не успели еще обратить внимание на мою покор-

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 251–251об. Граф Александр Петрович Толстой (1801–1873), церковный и культурный деятель, с 20.IX.1856 по 28.II.1862 — Обер-прокурор Святейшего Синода.

нейшую просьбу, но я, стоя лицем к лицу пред крайнею нуждою, снова позволяю себе беспокоить Вас повторением в письме моем по сей же почте к Его Высокопреосвященству Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому; я просил Его Высокопреосвященство показать это письмо Вашему Сиятельству. Я уверен в доброте Вашего сердца и в том, что Вы не захотите подражать евангельскому богачу, который в краткий срок своего земного обилия не оказал сострадания к затруднительному состоянию ближнего. Так устроилось, что Евангелие о сем событии читалось на той Литургии, на которой я рукоположен во Епископа.

С чувством отличного уважения и проч.

Письмо к Обер-священнику Кавказской армии Гумилевскому

от 4 мая 1859, № 37[1]

Ваше Высокопреподобие,
милостивый государь!

Те знаки искренней братской любви, которые Вы мне оказываете, внушают мне сообщить Вам на благоусмотрение нижеследующее:

Кавказское семинарское правление, руководствуясь предписанием Казанского академического правления, в ведении которого находится Кавказская семинария, просило как Кавказского епископа, так и главного священника Кавказской армии доставить сведения о раскольниках, в их ведомствах состоящих, так как это требование по новости своей показалось не довольно ясным, то здесь и смешано было действие Семинарского правления с Кавказским Епархиальным, на основании чего последовала известная Вашему Высокопреподобию переписка и распоряжение, чтоб Семинарское правление относилось о раскольниках к Наказному атаману Казачьего линейного войска. Усмотрев это из журнала семинарского, так как я просматриваю журналы правления, я изложил в письме Его Превосходительству, начальнику штаба Кавказской армии отношения Семинарии к Епископу и к Академическому правлению от 5 июля 1858 года за № 146-м. Эти отношения составляют особенность Духовного ведомства, и весьма естественно, что они неизвестны Кавказскому Военному ведомству. Семинарское правление довело о сделанном распоряжении до сведения казанского акаде-

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 258–259.

мического правления, которое поручило Семинарскому правлению сноситься с наказным атаманом чрез Кавказского епископа, так как не принято, чтоб Семинарское правление в этих случаях действовало само собою. Сие распоряжение академического правления Семинарскому правлению представило мне в 1-м пункте своего журнала от 14 марта. Я дал следующий отзыв: Не признаю себя вправе переписываться с г-ном наказным атаманом о делах, касающихся церквей и духовенства Казачьего Линейного войска, ибо это было бы явным вмешательством в дело непосредственно подлежащее Главному священнику Кавказской армии. О делах, касающихся Кавказского Епархиального ведомства, я всегда исполняю эту мою обязанность. Семинарское правление взошло ко мне с представлением, чтоб я указал ему путь к получению сведений, в которых оно нуждается, и к исполнению предписания Академического правления, вследствие распоряжения Святейшего Синода.

Так как сие обстоятельство получило большую ясность против прежнего, то я обращаюсь к Вашему Высокопреподобию с покорнейшею просьбою, не благоугодно ли будет Вам принять на себя труд сношения с Наказным атаманом по Вашему ведомству, так как я исполняю это по ведомству Епархиальному. Прилагая при сем копию с предписания Академического правления Кавказскому семинарскому, покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением о Вашем по сему предмету распоряжении.

С чувством совершенного почтения
и искреннейшей преданности
имею честь быть и проч.

Представление в Святейший Синод
от 4 мая 1859, № 38[1]
(О благоустройстве Семинарии)

1. Необходимо Семинарии располагать в отдаленных частях города, чтоб воспитанники Семинарии имели как можно меньше общения с воспитанниками светских училищ, чтоб они были удалены от светских увеселений, а между тем имели всю возможность пользоваться не только прогулкою, но и созерцанием величия Божия в природе.

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 319–320об. Настоящее представление является ответом Святителя на требование Синода сообщить мнение Семинарского правления и самого Епископа об образовательном благоустройстве Семинарии.

2. Нужно, чтоб в семинарии совершалось ежедневное Богослужение по благообразному монастырскому уставу и отправляли его череда человек из тридцати или сорока, это не отвлечет воспитанников от занятия науками, а благовременно ознакомит их с церковным Богослужением и доставит много понятий церковных о разных предметах Богословия, чего при обыкновенном служении в приходских церквах получить трудно. Замечено много в течение моей иноческой жизни, что благолепное служение с особенною силою действует на молодых людей и оставляет на них впечатление на всю жизнь: оно внушает им чувство особого благоговения ко всему, относящемуся к Церкви. Такое замечание подкрепляется и наблюдениями здесь. В Крестовой моей церкви заведено монастырское служение; в праздники, кроме певчих, приглашены к нему воспитанники семинарии поочередно; они принимают участие в отправлении благолепного служения с величайшим усердием даже с разгорячением, чем ясно выражается благотворное действие такого Богослужения на их души.

3. Необходимо преподавание пространной Церковной истории. Такое преподавание даст воспитанникам решительное православное направление, между тем как ныне во многих заметно направление неопределенное: по причине такого неопределенного направления они не могут действовать сильно на иноверцев. История Пр[еосвященно]го Иннокентия — более пространное оглавление Истории, чем история: в ней нисколько не выражены характеры исторических лиц. По этой причине впечатления, производимые ею, крайне слабы.

4. Необходимо устранить ныне преподаваемую психологию, заимствованную не из церковных источников, а из источников, противных Церкви; опыт показывает, что лица, заимствовавшие свои познания из преподаваемых ныне учебников психологии, никак не могут примириться с теми понятиями о душе человеческой, каковые доставляются святыми Отцами Православной Церкви, приобретшими познание о душе от просвещения Свыше.

5. Наконец, для Кавказской семинарии необходимо развить преподавание татарского языка, общеупотребительного между всеми горскими народами. Калмыкский и осетинский языки нужны несравненно менее. О сем подробно изложено мною в моем отчете Святейшему Синоду за 1858 год.

С чувствами и проч.

Отношение к исполняющему обязанности синодального Обер-прокурора князю С. Н. Урусову

от 5 июня 1859, № 48[1]

(О протоиерее Крастилевском)

Известное Синоду столкновение между бывшим членом Кавказской Духовной Консистории протоиереем Крастилевским, пользовавшимся неограниченным доверием моего предместника, и бывшим секретарем Александром Васильевым привело Кавказскую епархию в совершенное колебание и лишило Преосвященного Иоанникия самостоятельности по управлению Епархиею, власть над которою захватил протоиерей Крастилевский в свои руки.

По прибытии моем на Кавказскую кафедру, вследствие словесных и письменных постановлений Святейшего Синода, я обратил особенно внимание на направление протоиерея Крастилевского и, усмотрев из прежних и текущих дел, что направление Крастилевского решительно сформировалось, что навык его властвовать неограниченно над Епископом, Консисториею и Епархиею неисправим, я входил с представлением в Святейший Синод о увольнении его от звания члена Консистории, какое мое представление Святейшим Синодом удостоено удовлетворения. Между тем все средства к успокоению Крастилевского в Кавказской епархии остались тщетными. Как человек весьма коварный и довольно понимающий дело, Крастилевский лично от себя не подавал никаких претензий против меры, употребленной относительно него, но избрал путь интриги, увлекая действовать в свою пользу людей посторонних. Такой образ действий Законом причисляется к ябедничеству. В число деятелей Крастилевский поместил и свою супругу, которая, разумеется, действует по его наставлениям. Образ действий Крастилевского и его агентов изображается при сем рапорте ко мне секретаря Духовной Консистории. Так как описываемое в сем рапорте приключение и действование фактически и

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 325–326об. Князь Сергей Николаевич Урусов (1816–1883), действительный статский советник; в период с 1859 по 1863 г. временно исполнял обязанности Обер-прокурора Святейшего Синода. Не раз командировался в различные губернии для обзора духовно-учебных заведений (1860–1861).

живописно изображают характер нравственности и деятельности Крастилевского, то я покорнейше прошу Ваше Сиятельство обратить на сей рапорт Ваше внимание и довести оный до сведения Святейшего Синода. Поведение Крастилевского приняло решительный характер возмущения; действия его прикрываются коварством, но действия его агентов[1] гораздо открытее. Я никак не теряю надежды обуздать лица, вышедшие и выходящие из порядка, но не иначе как при содействии Синода и Вашего Сиятельства.

Уже рапорт секретаря дает Вашему Сиятельству понятие о нравственном направлении Крастилевского. Следующая выписка из Записки, поданной мне бывшим секретарем Васильевым, пополнит это понятие. «До образования Епархии, — гласит записка, — Крастилевский состоял членом Духовного правления; по переименовании Правления в Консисторию сделан членом ее. Притеснения и поборы с духовенства и пристрастные действия по Консистории вынудили епископа Иеремию его удалить, и Крастилевский не присутствовал; дел о нем множество, даже о убийстве смотрителя училищ Устиновского, но все прекращалось деньгами, коих имеет весьма много».

Проезжая на Кавказ чрез Харьков, я беседовал о Кавказской епархии с ректором Харьковской семинарии о. Архимандритом Герасимом, бывшим до того ректором Кавказской семинарии. Он отнесся мне о Крастилевском точно так же, как сказано в Записке, — даже упомянул о деле Устиновского. По моему наблюдению, Крастилевский имеет сердце самое жестокое, коварен и злонамерен, решительно направлен к самоуправству и своеволию, способен к самым гнусным поступкам и преступлениям.

Событие, описанное в рапорте секретаря, случилось по отъезде моем из Ставрополя. Я не замедлил прислать в Священный Синод все дело о доставлении места Крастилевскому по увольнении его из Консистории. Из дела виден и образ моих действий и характер Крастилевского.

С чувством отличного уважения и проч.

---

[1] Ректора и инспектора Семинарии, особливо первого.

Представление исполняющему должность синодального Обер-прокурора князю С. Н. Урусову

от 18 июня 1859, № 54[1]

(О ректоре Семинарии архимандрите Германе)

Ваше Святейшество!

К огорчению моему, я должен известить Вас, что Кавказской духовной семинарии ректор архимандрит Герман оказывается крайне молодым по уму и сердцу и потому неспособным к прохождению занимаемой им должности. По слабости своего характера он делается орудием неблагонамеренных людей, а когда подчинится таким влиянию и направлению, тогда по пылкости своей действует с опрометчивостию и разгорячением. В настоящее время он поступил под влияние протоиерея Крастилевского и сделался его сильным орудием, не понимая того, что Крастилевский видит выгоду только для своих интриг в восстановлении ректора против Епископа, несомненно сопряженную со вредом для Епархии, что и нужно Крастилевскому. Все мои увещания отвергнуты ректором с пренебрежением и насмешками. Он просил дважды моего ходатайства пред Высшим начальством о увольнении его от занимаемого им места. Я уговаривал его, я откладывал исполнение его просьбы, но ныне, видя в этой мере необходимое условие спокойствия Епархии и спасения самого ректора, имею честь представить желание его на благоусмотрение Вашего Сиятельства, покорнейше прося о удовлетворении этого желания. Лично я прощаю ректору все неблаговидные поступки его относительно меня, ибо вижу в них увлечение и опрометчивость простодушного неопытного юноши — таким я понимаю ректора, подчинившегося влиянию коварных людей, которые с завистью и опасением смотрели на мое искреннее расположение к ректору. Я его полюбил, люблю и желаю ему всего доброго: сердечно сожалею, что он отверг мою любовь для подчинения себя таким лицам, которые привыкли устраивать козни ближним и потом смеяться над бедствием ближних, вверившихся их водительству по неопытности своей. С сердечным плачем пишу эти строки, но сердечное чувство должно подчинить благоразумию. Вразумление сделалось необходимым ректору для его собственного благополучия, земного и небесного.

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 321–322об.

По рукоположении моем во Епископа, находясь еще в Петербурге, я ходатайствовал о назначении ректором в Кавказскую семинарию нынешнего инспектора ее архимандрита Исаакия; но, по ближайшем рассмотрении местных обстоятельств, нахожу, что в Кавказской епархии, в которой пришли в волнение одновременно и Консистория и Семинария, нужен ректор в зрелых летах, с опытностию, с монашеским благочестивым направлением. Кавказ — место разгула и отваги; здесь нужны люди, нравственно сформированные.

С чувством и проч.

Отношение в Святейший Синод
от 22 июня 1859, № 59[1]
(О протоиерее Крастилевском)

Вверенной управлению моему Кавказской епархии протоиерей Константин Крастилевский, уволенный вследствие моего представления от звания члена Кавказской Духовной Консистории, Указом Святейшего Синода от 4 ноября 1858 года за № 11099-м определен мною настоятелем и благочинным в собор города Моздока, а как Крастилевский от сего места отказался, то, при открывшейся протоиерейской вакансии в г. Георгиевске, перемещен в сей город настоятелем собора и благочинным, но Крастилевский и от сего назначения отказался. При сем Крастилевский требовал себе различных назначений в г. Ставрополь, которых не было возможности исполнить, почему я решился было представить на благоусмотрение Святейшего Синода, что Крастилевский стяжал навык неограниченно властвовать в Кавказской епархии и настойчиво требовать, чтоб исполнилась беспрекословно его воля, правильна ли она будет или неправильна, а потому просить о перемещении его из Кавказской епархии в другую Епархию. Но после Пасхи сего 1859 года, по получении Кавказским Архиерейским домом денежного оклада вместо рыбной ловни и мельницы, по данному прошению Крастилевским лично мне, причем Крастилевский уверял меня, что он остаток дней своих будет проводить в совершенном спокойствии, занимаясь спасением души своей, я нашел возможным дать Крастилевскому место при церкви тюремного замка,

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 327–329об.

в которой дотоле отправляли Богослужение братия Архиерейского дома и пользовались от нее доходами. Сим действием я полагал вполне удовлетворить требованию Высокого служения, на меня возложенного, узаконяющего мне делать ближнему все возможные снисхождения и претерпевать его немощи, до той крайней минуты, в которую с очевидностию окажется, что эти немощи вредны уже не в частности, а для всего общества. Крастилевский не преминул доказать, что он не способен быть спокойным и заниматься своим спасением, проведши век свой в приказнических черных занятиях, целию которых было своекорыстие, разные неправды и притеснение ближних. Едва я выехал из Ставрополя для обозрения Епархии, как Крастилевский нарушил свое обещание. До выезда моего он намеревался вместе с супругою поехать в С.-Петербург, о чем подавал мне прошение, очевидно для принесения на меня жалобы, как мне о том передавали некоторые лица из духовенства — между тем Кафедральный протоиерей, — и оглашая духовенство угрозами на меня. Имеются очень ясные признаки, что Крастилевский составил партию для совокупного действия противления, так, например, из его прошения видно, что некоторое светское лице содействует ему деньгами: существование этой партии, имеющей своих агентов в Петербурге, с ясностию обозначилось при отъезде моем из Ставрополя, особливо же по отъезде. Едва я выехал, как Крастилевский отправил свою супругу с ее братом, чиновником, в С.-Петербург. Образ отправления этой дамы изображен (в рапорте ко мне секретаря Кавказской Консистории, каковый рапорт препровожден мною к г-ну исправляющему должность Синодального обер-прокурора от 5-го июня сего 1859 года за № 48-2) в письме ко мне протоиерея Крастилевского от 11-го июня. Письмо это, при сем прилагаемое, — есть замечательный документ: в нем Крастилевский живописно изображает самого себя. Крастилевский по наружности выставляет себя и праведником и обиженным, между тем, в сущности, сознается, что он без разрешения Епархиального начальства отпустил супругу свою, доставив ей удостоверение из полиции, то есть незаконный вид. Из этого-то письма видно, что Крастилевский очень недоволен тем, что самовольная отлучка супруги его сделалась мне известною. Вообще в этом письме рельефно изображает себя неблагонамеренный и недобросовестный канцелярист былого времени: это письмо есть верный образчик всех канцелярских трудов Крастилевского. Письмо это вполне разноречит с рапортом секретаря. Так как действия Крастилевского

совершаются пред лицем всего духовенства, то я предложил Консистории рассмотреть такое его поведение. Консистория не могла получить от Крастилевского никакого ответа, о чем и представила мне в протоколе, подписанном четырьмя членами, не подписанном ректором Семинарии архимандритом Германом, что имеет свое значение, и сопутствующим мне по Епархии ключарем протоиереем Граниковым. Видя совершенную необходимость обуздать протоиерея Крастилевского, наиболее для всего Епархиального духовенства и убеждаясь самыми опытами в моем понятии о нем, что он никак не успокоится, доколе будет находиться в Ставрополе, я покорнейше прошу Ваше Святейшество о перемещении Крастилевского в другую Епархию, так как в Кавказской, где он в течение нескольких десятилетий был полным властелином, весьма затруднительно ему быть вне такого положения. При сем имею честь приложить два дела о Крастилевском: дело о самовольной отлучке его супруги и вышеупомянутое письмо его ко мне, присовокупив при том, что Крастилевский со времени увольнения его от звания члена Консистории по сие время никуда из Ставрополя не отлучался и к выбытию в Моздок и Георгиевск никакого понуждения ему не было чинимо. Система консисторской деятельности Крастилевского изложена в его письме и рапорте секретаря; она заключается в постоянном устранении Епископа от его власти, в усвоении этой власти себе под прикрытием Епископского имени, то есть в совершенном своеволии. К этой системе влечет Крастилевский и учеников своих.

Рапорт в Святейший Синод
от 6 июля 1859, № 64[1]
(О протоиерее Крастилевском)

1. Из резолюции моей за № 1629 явствует, что Крастилевскому предоставлено было с перемещением из Моздока, где он не желал быть, в Георгиевск пользоваться доходами Георгиевского Собора и оставаться в Ставрополе, доколе домашние дела его требовали; он и не выезжал никуда из Ставрополя.

2. Резолюция моя от 3 июня на Консисторском протоколе положена уже тогда, как супруга Крастилевского, не получив ни дозво-

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 332–333об.

ления, ни паспорта, выехала из Ставрополя; самый протокол Консистории состоялся по отбытии Крастилевской.

3. Ректор и инспектор Семинарии не удостоили исполнить ту часть резолюции моей от 3 июня, которая касалась их, что могло бы значительно объяснить отношения этих лиц к Крастилевскому: пренебрежение их исполнить мою резолюцию только обнаруживает их отношение к Епископу.

4. В замене сего упущения ректор и инспектор представили при своем рапорте от 15 июня присланный на имя их рапорт Крастилевского. Из чего обнаруживается отношение этих лиц к делу Крастилевского, из них инспектор находится в состоянии колебания, как не подписавший одного протокола и подписавший последовавший протокол, гораздо более имеющий влияние на судьбу дела (протокол сей представлен мною в Святейший Синод при рапорте за № 59); рапорт же Крастилевского имеет обычное ему направление: он клонится к удалению Епископа от управления, называя обидным действие Консистории, последовавшее вследствие предложения, данного Епископом. Члены протоиереи в этом рапорте оклеветаны, якобы действующие пристрастно, ибо они никакого решения в протоколе не положили, а предоставили оное благоусмотрению Епископа. Как действовал сам Крастилевский, будучи членом Консистории, когда он постоянно устранял от распоряжений Епископа, хотя прикрываясь именем Епископа, так и здесь он вводит в это направление неопытных юношей, ректора и инспектора, которые еще в прошлом 1858 году подчинились, несмотря на все мои увещания, его влиянию, как мною было донесено Святейшему Синоду в отчете за 1858 год. Протоиерей Крастилевский ныне находится в состоянии явного и полного возмущения, уже слабо прикрываемого коварством. Ректор архимандрит Герман подчинился влиянию Крастилевского со всею пылкостию, безрассудством и упорством неопытного молодого человека. Он в деле Крастилевского уклоняется от суждения с прочими членами по предложению Епископа, по рапорту же Крастилевского против прочих членов вмешивается в дело: при том высказав явное неповиновение и противодействие Епископу: почему я счел нужным между прочими распоряжениями удалить ректора от присутствия в Консистории впредь до усмотрения.

Предложение в Консисторию
от 6 июля 1859, № 65[1]
(О протоиерее Крастилевском)

Все дела, касавшиеся протоиерея Крастилевского, начиная с указа Святейшего Синода о увольнении сего лица от звания члена Консистории и до рапорта его ректору и инспектору Семинарии, препровождены мною на благоусмотрение Святейшего Синода. При сем признаю нужными следующие распоряжения:

1. Протоиерей Крастилевский жалуется на пристрастное действие членов Консистории – протоиереев; но сии члены воздержались от всякого постановления в протокол и предоставили все на благоусмотрение Епископа, который в свою очередь нашел благовидным для себя дать какое-либо определение на Консисторском протоколе, так как определения не постановила Консистория, и предоставил дело на благоусмотрение Святейшего Синода, посему желание Крастилевского, чтоб члены Консистории – протоиереи были удалены от дел, до Крастилевского касающихся, оставить без последствий.

2. Предоставлено мною Крастилевскому предстояние пред прочими лицами белого духовенства по поводу того обета, который он мне лично дал проводить жизнь свою скромно, в Богоугождении и Богомыслии, а не с тем, чтоб он противился властям, но как в поведении его оказывается противное, то я нахожу существенно нужным для иерархического порядка предоставить членам Консистории и Благочинному градских церквей место выше Крастилевского, как им оно и предоставляется уставом Консистории.

3. Инспектору Семинарии, принявшему рапорт от протоиерея Крастилевского, за таковое превышение власти объявляется выговор, ибо бумаги имеют право принимать только Епископ и Консистория (с. 300, 301, 302 и 303 Устава Духовных Консисторий), а отнюдь не члены и не некоторые из членов ее в частности.

4. Ректор Семинарии, отказавшийся от взаимного действия с членами по предложению Епископа и не подавший своего особого мнения, позволивший же себе принять рапорт от Крастилевского, на что он не имел никакого права, тем выказавший себя пристрастным к Крастилевскому и ослушным своему Епископу, подвергается выговору и устраняется от присутствия в Консистории впредь

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 329об.–332.

до усмотрения, с донесением о сей мере относительно его Святейшему Синоду, что мною и исполнено. Ректор, не принявший участие в деле Крастилевского, тем оказал непослушание и противление своему Архипастырю, не подписав ни одного из протоколов, не подав своего отдельного мнения, выказал свое пристрастное отношение к делу: следовательно, приняв, не имея на то права, рапорт Крастилевского, коим сей устраняет членов, исполнивших предписание Епископа, ректор обнаружил стремление захватить дело исключительно в свои руки и решить его под полным и единственным влиянием самого Крастилевского, которого ректор, судя по его действиям, сделался агентом, орудием, сообщником.

5. Хотя статьею 183 Устава Духовных Консисторий ректор Семинарии, а следовательно, и инспектор ее не обязываются участвовать во всех заседаниях и делах Консистории, но из статьи видно, что Устав и в этом требует порядка и распоряжения, истекающих от Епархиального Архиерея. Статья отнюдь не дает права ректору и инспектору по своим интрижным видам то отказываться от дела, то вторгаться внезапно в дело, вступать в борьбу с Епархиальным Архиереем, расстраивать его самые благие намерения, отталкивать его от управления Епархиею, стремиться к забранию в свои руки его власти, как на то уже не в первый раз покушается архимандрит Герман. Предлагаю Консистории во исполнение статьи 280-й Устава не представлять непременно всех дел на рассмотрение ректору и инспектору, а только дела важнейшие и те, в коих участие сим лицам предложит Епархиальный Архиерей; дел, в коих сначала не приняли участия ректор и инспектор, уже не предлагать им впоследствии на рассмотрение и к участию в этих делах не допускать (ст. 316). Ректор и инспектор обязываются доносить мне рапортом, когда преимущественно они обременены училищными занятиями и не могут быть в Консистории, по миновании же трудного времени опять доносить мне другим рапортом о возможности принять участие в делах Консистории, чтоб их служные отношения были следствием требований службы, а не следствием их интриги или дурачества. Секретарь Консистории имеет тщательно наблюдать, чтоб сей порядок в Консистории соблюдался, притом он имеет вести ведомость, в какие именно дни ректор и инспектор бывают в Консистории, с отметкою, в коих именно делах они принимали участие, и сию ведомость ежемесячно представлять мне на рассмотрение. О получении сего предложения и приведении его в исполнение секретарь имеет донести мне рапортом.

Речь на покорение Кавказа в Ставропольском кафедральном соборе

25 авг. 1859[1]

Благочестивые слушатели! Святые и верные слова эти произнес боговдохновенный пророк, Царь Израильский Давид. Он одержал многие победы, смирил многих врагов Израиля, под ноги Израиля, доставил государству границы, которые указывались существенной потребностью государства. По совершении трудного, обширного, славного подвига Давид как бы оглянулся на свои победы и завоевания и, рассмотрев цель и плод побед и завоеваний, узрел и признал в цели и плоде их — в мире, Божие благословение. Господь, дарующий людям Своим крепость на бранном поле, являет Свое благословение им в благотворном мире.

Возлюбленные братия! Взорам нашим предстоит подобное зрелище. В прошедшем мы видим ряд походов, ряд кровопролитных сражений, ряд громких торжеств. Видим ту крепость православных воинов, которую вложил в сердца их Господь, Господь, *препоясуяй силою на брань* (Пс. 17. 40). В настоящем мы созерцаем благодатное действие мира. Пред нами повторяется событие пророческих слов: *Раскуют мечи своя на орала, и копия свои на серпы, и не возмет язык на язык меча* (Ис. 2. 4), *яко благословит люди Своя миром.*

Какое дело было первым делом героя Царя в первые, девственные минуты дарованного Богом мира? *Принесите Господеви славу и честь*, воззвал победоносный Царь к победоносному, обладаемому им народу! *Принесите Господеви славу имени Его, поклонитеся Господеви во дворе Святем Его* (Пс. 28. 2). Подобный призыв по причине подобных событий мы услышали ныне и на призыв собрались во святой храм, чтобы принести благодарение и славословие Всесильному и Всеблагому Богу, даровавшему крепость людям Своим, благословившему *люди Своя миром.*

Глас Господень на водах, восклицал в священном восторге пророк-полководец, достигший с мечом в руке и берегов Средиземного моря,

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 344об.–346об. С занятием в 1859 году Чечни и Дагестана, окружением Ведено и капитуляцией Шамиля в Гунибе завершилось покорение Восточного Кавказа. Главнокомандующий Кавказской армией князь А. И. Барятинский был удостоен ордена Андрея Первозванного. 25 августа в Ставропольском кафедральном соборе было совершено торжественное богослужение и благодарственный молебен. По заамвонной молитве свт. Игнатий произнес речь на текст «*Господь крепость людем Своим даст, Господь благословит люди Своя миром*» (Пс. 28. 11).

и берегов Евфрата. Глас Господень в крепости. Глас Господень в великолепии; Глас Господа, сокрушающего кедры; Глас Господа, пресецающего пламень огня. Глас Господа, стрясающего пустыню (Пс. 28. 3–8). Вдохновенный пророк в современных ему событиях, в которых он был главным деятелем, видел волю Господа, видел действие Господа, слышал таинственный, но всемощный Глас Господень, распоряжающийся судьбами царств и народов, судьбами всей земли.

В настоящее время не тот же ли Всесильный Глас слышится каждым благочестивым слушателем? Глас Господень на бесчисленных горах Кавказа! Глас Господень на застывших от века водах, которыми украшены главы Кавказа, сияющие белизною и гордо воздымающиеся превыше облаков, как бы с намерением коснуться неба! Глас Господень над глубокими пропастями Кавказа, над непроходимыми дебрями его, над отвесными скалами и утесами! Глас Господень над разноплеменными народами Кавказа! Тщетно уповали они на высокие горы, на темные леса, на непроницаемые ущелья, на стены скал и утесов. Тщетно считали их непреодолимыми оградами хищнического своеволия! Глас Господень!.. И на глас Господа изменяется неизменявшееся доселе. Кавказ склоняет чело под благодетельную для него власть. Дикие народы принуждены отвергнуть буйную вольность для подчинения и последующего за подчинением наслаждения истинною свободою. Истинная свобода человека состоит в принятии и усвоении человеком Закона Христова (Ин. 8. 31).

Вознесем благодарение и славословие Господу за излиянные на нас благодеяния! Излиты они в крепости, дарованной братиям нашим, Христолюбивым воинам; излиты они в благословении нас вожделенным, счастливейшим миром. Вознесем теплейшие молитвы о Благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе нашем Императоре Александре Николаевиче! По верховным попечениям Его Величества поступил в достояние наше благонадежный мир со всеми обильными и разнообразными последствиями его, стекающимися в одно общее последствие — благоденствие страны.

Вознесем усердные молитвы о знаменитом вожде Кавказского воинства и правителе Кавказского края, совершившем великое дело покорения Кавказа — дело, над которым первые полководцы России трудились полвека! Всеблагий Бог да дарует избранному, увенчанному блистательным подвигом вождю создать на успехе военном преуспеяние христианское, чтобы дело земное было вместе и делом небесным, дело временное — делом вечным. Аминь.

Рапорт в Святейший Синод
от 7 сент. 1859, № 88[1]
(О протоиерее Крастилевском)

Так как протоиерей Константин Крастилевский отказался от мест, мною данных ему вне города Ставрополя, а непременно захотел иметь место в Ставрополе и получил одно из указанных им, а получив его, начал поведением своим являть доказательства, что он не может быть спокойным, находясь в городе Ставрополе, где он долгое время стоял во главе духовного управления и господствовал неограниченно, то я имел честь ходатайствовать пред Священным Синодом о перемещении его — Крастилевского — в другую Епархию, по случаю дачи им, Крастилевским, незаконного вида его супруге и по случаю того поведения, которое он позволил себе при этом по отношению к Епархиальному начальству. В дополнение имею честь представить его поступок со священником Бурнуковским, при чем обнаруживается снова то отношение к Епархиальному начальству, которое он себе допускает, которое состоит в неповиновении Консистории и благочинному, в пренебрежении ими, в заменении распоряжения Епархиального Архиерея своим собственным распоряжением, что на все прочее духовенство действует весьма вредно. Представляемое мною дело воззрению Святейшего Синода представляется единственно с тою целию, чтоб яснее изобразить пред Святейшим Синодом характер и душевное настроение протоиерея Крастилевского, по рассмотрении коих я признавал и признаю, что продолжение служения этому лицу в Ставрополе сделалось уже как бы неестественным и невозможным. Соблазн, производимый Крастилевским, вышел из пределов духовного ведомства и служит предметом недоумения и разговоров для публики. Да и предоставление священнику Бурнуковскому места выше себя сделано очевидно Крастилевским с целию выставить себя перед публикой обиженным, а Епархиальное начальство действующим пристрастно, чем, однако же, обмануты немногие даже из низшего класса.

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 334–335. Синод не удовлетворил просьбу о переводе Крастилевского в другую Епархию.

Ходатайство к синодальному Обер-прокурору

от 21 сент. 1859, № 94[1]

(О преподавателе осетинского языка для Семинарии)

В Кавказской епархии и в Линейном казачьем войске имеется несколько тысяч осетин-христиан, одноплеменные которым осетины-магометане выражают наклонность к принятию христианства. По этой причине Преосвященный Иеремия озаботился ввести в Кавказской семинарии преподавание осетинского языка; а как по всей границе Епархии живут племена, говорящие татарским языком, то введено было и в Семинарии в Ставропольском уездном училище преподавание татарского языка. Необходимость обучения татарскому языку подробно изложена мною в отчете моем Святейшему Синоду за 1858 год. При Преосвященном Иоанникие на преподавание сих языков обращаемо было менее внимания. Поступивший же сюда вместе со мною ректор архимандрит Герман нашел нужным вовсе уничтожить преподавание сих языков и заменить их преподаванием французского и немецкого.

При обозрении мною Епархии в 1858 году я практически убедился в очевидной пользе знания священниками осетинского, особливо же татарского языков, как это изложено в моем отчете, и в бесполезности знания ими французского и немецкого: ибо в Кавказском крае и светские лица весьма мало знакомы с сими языками. Казенное академическое правление также предписало Кавказскому семинарскому правлению поддерживать и развивать преподавание упомянутых восточных языков и отвергло предложение ректора заменить их новейшими языками. Для осетинского языка встречалось крайнее затруднение в приискании преподавателя. Окончивший курс в Кавказской семинарии воспитанник Кузьмин по причине крайней болезненности оказался неспособным к должности преподавателя, а Преосвященный Евсевий, экзарх Грузии, коему Святейшим Синодом предписано было приискать преподавателя осетинского языка для Кавказской семинарии, уведомил меня от 14 июля за № 594-м, что между воспитан-

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 322об.–324об. О деле свящ. Синанова см.: *Соколов*... Ч. 1. С. 269–272.

никами Тифлисской семинарии прежних курсов нет желающего занять должность преподавателя осетинского языка в Кавказской семинарии.

По сим причинам необходимость заставила обратить внимание на священника Кавказской епархии Синанова, из Грузии, проведшего детство свое в осетинской станице, обучавшегося в Кавказской семинарии с целию быть впоследствии преподавателем осетинского языка, выпущенного во втором разряде, по умеренности его способностей и успехов в прочих предметах учения, но получившего по осетинскому языку аттестацию весьма хорошую. Это лице, по смутным обстоятельствам Епархии, уклонено было от своего назначения и ныне состоит приходским священником в селе Ново-Михайловском. Я приглашал Синанова к себе, предложил ему преподавание осетинского языка, на котором Синанов и ныне говорит свободно, в Семинарии. После сего я предлагал это Семинарскому правлению с тем, чтоб в то же время предоставлено было Синанову место учителя в Ставропольском уездном училище: ибо на оклад преподавателя осетинского языка (225 руб.) Синанову с семейством нет никакой возможности содержаться. Причиною такового предложения было то, что в самом Ставрополе при народонаселении в восемнадцать тысяч находится только три приходские церкви, при коих состоит восемь протоиереев и иереев; кроме занятий по приходу, обременены и другими обязанностями, для исполнения которых едва достает у них сил и времени: почему нет никакой возможности дать Синанову место приходского священника в Ставрополе как по вышеизложенной причине, так и потому, что нет никакого повода к лишению кого-либо из упомянутых восьми священнослужителей занимаемого ими места, разумеется вывода в село, без крайней для того лица нужды. Так как я не могу ожидать единодушного действия в видах общей пользы от ректора Семинарии архимандрита Германа, то покорнейше прошу Ваше Сиятельство представить мое предположение на усмотрение Святейшего Синода, при сем имею честь присовокупить, что, кроме священника Синанова, другого лица для преподавания осетинского языка в Епархии не имеется, на каковом исключительно основании я и рекомендую Синанова, усердно желая, чтоб со временем было приготовлено лице более удовлетворительное.

С чувством совершенного почтения и проч.

Предложение в Семинарию

от 9 ноября 1859, № 105[1]

(О пополнении личного состава клиров церковных)

Кавказская епархия постоянно терпит значительный недостаток в причетниках. Приглашение причетников из других Епархий сопряжено не только с большими затруднениями канцелярскими, но и с значительными издержками, которые падают на попечительство, что неминуемо сопряжено с чувствительными мнениями для лиц духовного звания, пользующихся пособием попечительства. Причина недостатка причетников заключается в том, что духовные училища и семинарии почти вовсе не доставляют их для Епархии. Далее: Епархия, скажу к величайшему моему утешению, имеет, при ничтожных исключениях, весьма хороших священников, особливо из воспитанников семинарий, как Кавказской, так Тамбовской и Воронежской; но по отношению к диаконам оказывается весьма желательным, чтоб они были более образованны и более возвышенны в нравственном отношении. Причина сего недостатка по отношению к диаконам заключается в том, что в диаконский сан поступают лица единственно из причетников, а не из воспитанников Семинарии.

Вследствие сих наблюдений и того, что в настоящее время все священнические вакансии замещены, предлагаю Семинарскому правлению усилить разборчивость по отношению к воспитанникам, как Семинарии, так и духовных училищ. В первый разряд должны быть включаемы воспитанники весьма хороших способностей, весьма хороших успехов в науках и весьма хорошего поведения; недостаточно хорошее поведение должно и весьма способного ученика лишать помещения в первый разряд. Во второй разряд должны быть помещаемы лица, заслуживающие хорошую аттестацию по способностям и успехам, весьма хорошую по поведению. К третьему разряду должны быть отчисляемы лица довольно хороших способностей и успехов, при поведении весьма хорошем и хорошем. По переходе воспитанников из Училищного ведомства в Епархиальное священнические места предоставляются первоначально одним ученикам первого разряда; когда ученики первого разряда будут размещены, тогда только могут быть

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 342об.–344.

принимаемы прошения о местах учеников второго разряда; ученикам же третьего разряда предоставляются штатные диаконские места.

Для того, чтоб Епархия не терпела нужды в причетниках, предлагаю Семинарскому правлению сделать распоряжение, чтоб ученики, как в Семинарии, так и в училищах, оказывающиеся неблагонадежными по поведению и малоуспешными по лености, немедленно из Семинарии и училищ исключать и передавать в Епархиальное ведомство. Хотя труды воспитанников, участвующих в архиерейском хоре, и будут приниматься во внимание при предоставлении мест, но с справедливым соображением успехов в науках, особливо же благоповедения. Предложение сие объявить воспитанникам Семинарии и копию с него препроводить в Консисторию к соображению, при требовании мною от Консистории справок по поводу подачи воспитанниками просьб о представлении им мест.

Резолюция

от 24 ноября 1859, № 1519[1]

(О прошении протоиерея Крастилевского)

В Консисторию, как мною донесено Святейшему Синоду о предоставлении протоиерею Крастилевскому настоятельского места при Моздокском соборе и указываемое им место при Троицком соборе занято, то я нахожу неудобным исполнение его прошения. Предлагаю о. протоиерею испытать то послушание, готовность к которому он выразил в прошении своем, на самом деле: уповаю, что такое послушание его, согласное с духом Святой Церкви, не будет посрамлено, и препятствия и страхи, представляющиеся его воображению, исчезнут яко дым. Уповаю, что о. протоиерей в послушании своем найдет душевное спокойствие и доставит себе в материальном отношении удовлетворительное положение.

---

[1] *Соколов...* Ч. 1. С. 221. Резолюция наложена на прошении прот. Крастилевского назначить его штатным протоиереем в Троицкий собор Ставрополя.

Записка Наместнику князю А. И. Барятинскому о Кавказской епархии

<декабрь 1859>[1]

1. Необходимо развить в Кавказской семинарии преподавание татарского языка, так как это было предположено при учреждении Семинарии. Татарский язык есть общеупотребительный между горскими народами: знание его доставит возможность Кавказскому духовенству иметь близкие сношения с этими народами и ознакомить их с Христианством.

2. Необходимо дать жалованье православному духовенству городов Моздока и Кизляра. В сих двух городах совершается наиболее обращение горцев в Христианство, по причине уважаемых ими икон Иверской Божией Матери в Моздоке и Живоносного Источника в Кизляре. Православное духовенство в сих городах очень бедно, так как большинство жителей состоит из армян. По скудности содержания принимают места в сих городах духовные лица только самого умеренного образования, не имеющие надежды на получение лучших мест. Чтобы привлечь на эти места людей, удовлетворительно образованных и потому могущих действовать с большею силою в пользу Православной Церкви, необходимо дать безбедное содержание. О сем сделано Кавказским епископом Игнатием представление в Святейший Синод от 30 апреля 1859 года за № 2058-м.

3. Необходимо Кавказскому Епархиальному управлению, то есть Епископу с его штатом, священно-церковнослужителями Кафедрального собора, членами Консистории и Консисторской канцелярии предоставить жалованье Западных епархий, так как лица, составляющие Кавказское Епархиальное управление, не имеют тех домашних источников к содержанию, какими пользуются лица Епархиальных ведомств внутри России, а содержатся единственно окладом, получаемым от казны. В этом отношении положение их точно такое же, как и духовенства Западных епархий, чем логически доказывается, что им должно дать такое же содержание. Хотя Архиерейский дом и получил вместо рыбных ловен и мельницы, что имеют все Архиерейские дома в России, денежное ежегодное вспомоществование в 3800 рублей серебром, но из этих денег самомалейшая часть может быть обращена на содержание лиц, принадлежащих Дому; все деньги поглощаются требованиями Дома и будут поглощаться ими долгое время. Требования сии заключаются в следую-

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 347–348об.

щем: 1) Временный приют Епископа нужно отщекотурить снаружи и внутри, отделать, меблировать. 2) Крестовую церковь нужно расширить и сделать удобною для праздничных, высокоторжественных, торжественно-траурных служений зимою, ибо город не имеет теплой приличной церкви для сих служений; Кафедральный городской собор — холодный, и служение в нем зимою невозможно. 3) Нужно завести для сих служений соответственную ризницу. 4) Нужно привести в благоустройство братские помещения и устроить помещение для певчих. 5) Нужно завести библиотеку. По окончании такового устройства ремонт вышеупомянутых построек, ризницы, библиотеки и певческих одеяний должен потребовать всю вышеозначенную сумму 3800 рублей. На покупку и устройство помещения для Епископа, на Крестовую церковь, на помещение для епископского штата, на ризницу и библиотеку доселе в течение шестнадцатилетнего существования Кавказской епархии не отпущено от казны ни одного рубля, ни одного гроша, несмотря на бесчисленные представления Епископов и многократное ходатайство светского Кавказского начальства. Все, что сделано поныне, сделано на пожертвования, добровольно принесенные и испрошенные посредством сборщиков у граждан г. Ставрополя, у поселян Ставропольской губернии и у черноморских казаков. Они все сделали, что могли; дальнейшее обременение их о доставлении приношений оказывается вполне неудобным и даже невозможным.

Предложение Начальнику губернии
от 1 янв. 1860, № 1
(О постройке в Моздоке церкви для чудотворной иконы Иверской Божией Матери)[1]

Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

В городе Моздоке, в Успенской церкви, имеется чудотворная икона Иверской Божией Матери. Икона не только уважается православным населением Кавказа, не только привлекает богомоль-

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 337–338об. Адресат — вероятно, гражданский губернатор П. А. Брянчанинов. Данное предложение было одобрено Наместником князем А. И. Барятинским, который исходатайствовал разрешение Государя провести всероссийскую подписку на сооружение храма. Проект был составлен А. М. Горностаевым.

цев из соседних русских губерний и земли Войска Донского, но и в горских народах громка и славна она чудесами своими.

Деревянная церковь, в которой помещается икона, очень тесна и уже ветха. По этой причине давно предположено выстроить каменный храм. Разные обстоятельства затрудняли приведение этого намерения в исполнение. Но эти затруднения миновали.

Между тем счастливейшее событие на Кавказе — покорение всех горских народов Левого крыла, единодушно признавших себя подданными православного Царя, равно как и незадолго до того объявленная мне Святейшим Синодом благословенная воля Царя о том, чтобы принимаемо было всевозможное старание о доставлении святого христианского верования иноплеменникам, погруженным в идолопоклонство или верующим в нелепые учения и басни ислама, открывают обширное поприще для новых, весьма верных соображений. К величайшему утешению моему, 14 декабря я лично услышал из уст фельдмаршала, Князя Александра Ивановича Барятинского, что Его Сиятельство принимает живейшее участие в распространении христианства между горцами. При таких обстоятельствах действие чудотворной иконы на горцев, и ныне сильное, может несравненно более усилиться — повести к самым благоприятным результатам.

Необходимость в построении каменного храма в настоящее время делается ощутительнее и очевиднее. Чтоб дать этому делу скорейший ход, я позволю себе просить Ваше Превосходительство, чтобы Вы, исходатайствовав на то дозволение Его Сиятельства Князя Наместника, встали во главе сего дела, подобно тому как построение храма в Пятигорске поручено барону Унгерн-Штернбергу. Сосредоточение всех действий под Вашим управлением поведет к энергичному и быстрому исполнению благочестивого намерения.

С моей стороны я готов оказывать все зависящее от меня содействие. Первым свидетельством этого содействия да будет то, что я принимаю на себя заботы о составлении проекта нового храма. Я полагаю, изобразив здесь, на месте, архитектурные потребности храма, поручить составление проекта известному профессору Академии Горностаеву, построившему две церкви в Валаамском монастыре и церковь преподобного Сергия в С.-Петербурге, в Сергиевой пустыни, в то время как монастыри эти находились в моем заведывании.

Первые две церкви Государь Император изволил осматривать при посещении им Валаамского монастыря в 1858 году и остался

ими отлично довольным, а церковь в Сергиевой пустыни, по сознанию знатоков архитектуры, есть первая церковь в России в архитектурном отношении. Предполагаемый храм в Моздоке и по важному назначению, и как памятник великого события да будет изящным произведением зодчества!

При сем имею честь приложить записку о чудотворной иконе Божией Матери.

С чувствами и проч.

Записка о чудотворной иконе Иверской Божией Матери в Моздокской Успенской церкви и о необходимости деревянную церковь заменить каменною[1]

В Ставропольской губернии в городе Моздоке находится деревянная церковь Успения Божией Матери. В этой церкви за правым клиросом, в киоте, присутствует древняя и чудотворная икона Иверской Божией Матери. Исторические сведения о сей иконе имеются следующие.

В двенадцатом столетии знаменитая Грузинская Царица Тамара, по кончине первого супруга своего, русского князя Георгия Андреевича, то был сын Андрея Боголюбского,— вступила в брак с князем Осетинским. Вместе с рукою своею она доставила князю и его народу христианство. Благочестивая Царица не щадила ни трудов, ни издержек для водворения и утверждения святой веры между осетинами. В стране их многочисленные развалины свидетельствуют о многочисленности прежде бывших в них христианских храмов. Созидание этих храмов приписывается преданием Тамаре.

Предание утверждает, что одни из развалин в Карталинском ущелье составляют остаток храма, в котором помещалась и хранилась икона Иверской Божией Матери, как драгоценный дар боголюбивой Тамары осетинскому народу. Два раза храм был разрушен до основания пожаром, и оба раза икону Божией Матери находили целою. Шестьсот лет икона пребывала в Карталинском ущелье.

В конце прошедшего столетия магометанство при посредстве турецких миссионеров вторглось с величайшим фанатизмом — более политическим, нежели религиозным — в Кавказские горы.

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 338об.–342.

Оно уничтожило между народами горскими то слабое христианство, которое еще держалось между ними — держалось более номинально, нежели на самом деле. Осетины склонились к исламу, подобно прочим горцам.

Но они так, как и все горцы, не сделались настоящими магометанами. Алкоран им неизвестен, по незнанию горцами арабского языка, на котором написан Алкоран. Перевода на татарский горцы не имеют. Неизвестен он самым муллам горцев — они считают его недоступною, высшей мудрости книгою. Магометанство горцев заключается в соблюдении некоторых наружных магометанских обрядов. Они склонились к некоторым верованиям, внушенным им миссионерами. Большая часть понятий прежней неопределенной религии, в которой доселе видны признаки христианства, осталась при них. Главнейшею заботою миссионеров было внушать горцам, что их единственный законный государь есть турецкий султан.

В смутное время в религиозном отношении (то есть во время проповеди магометанства между горцами в конце прошедшего столетия) икона Божией Матери сохранила верными христианству многие семейства не только осетин, но и черкесов — сохранила верными посредством дивных знамений. Наше правительство в 1763 году пригласило горцев-христиан и горцев, желающих принять христианство, переступить через Терек и селиться близ Моздока. Вследствие приглашения в 1793 году партия горцев накануне преполовения Пятидесятницы прибыла к Моздоку, имея с собою икону Божией Матери.

Икона знаменовала чудесами и путь свой, и прибытие в православный город. Преосвященный Гаий, епископ Моздокский и Маджарский, узнав о прибытии знаменитой на Кавказе иконы, вышел к ней для поклонения с духовенством, с крестами и хоругвями. Архипастырь внес ее в собор, предполагая здесь предоставить почетное место иконе. Но Богоматерь особенным чудом известила епископа, что Она желает пребывать вне города, на том самом месте, на котором Она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбе (так называется двухколесная телега горцев). Преосвященный Гаий поспешил соорудить часовню на указанном месте. Впоследствии прихожане построили деревянную церковь во имя Успения Божией Матери. Икона имеет один аршин и двенадцать вершков вышины, один аршин и семь вершков ширины. Икона, как видно, была написана по золотому фону. Иные утверж-

дают, что впоследствии она была подновлена клеевыми красками. Но моздокские осетины утверждают, что она покрылась копотью во время вышеупомянутых пожаров в ущелье Карталинском. Черты лица Божией Матери на иконе строгие, характер письма грузинский. Иконописец Царицы Тамары, говорит предание, приуготовлялся к написанию иконы сорокадневным постом и сорокадневными молитвами.

В настоящее время при Успенской церкви имеется прихожан 2243 мужеского и 2155 лиц женского пола. Из них осетин и черкесов — 1238 лиц мужского и 1153 лица женского пола. Осетины признают икону своею собственностью, питают к ней пламенную привязанность, с которою должно обращаться весьма осторожно и благоразумно по пылкости, решительности и невежеству азиатов. Икона славна в горах. На поклонение ей стекается множество горцев-магометан. Армяне грегорианского исповедания чествуют икону наравне с православными. Икона совершает множество исцелений, под нею на шнуре висят многочисленные серебряные изображения членов человеческого тела, привешенные получившими исцеления. Многие магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при иконе, принимают христианство. Весьма многие магометане, по той же причине, питая доверенность к иконе, питают доверенность и к христианству. Икона — апостол.

Точно! Чудотворная икона Божией Матери совершает в здешнем крае служение Апостола, споспешествуя христианству и свидетельствуя оное знамениями. Нужно, чтобы и человеки оказывали усилия, им свойственные, к святому делу просвещения горцев светом Христовым.

Успенская церковь в настоящее время имеет 7143 рубля 29 $^{1}/_{2}$ копеек в Ставропольском Приказе общественного призрения. Такая незначительность капитала не должна останавливать предприятия. Опыт показал, что построение всех церквей, начатое при ничтожном капитале, совершилось с успехом вполне удовлетворительным, почему духовное начальство никогда не останавливалось разрешать построение храма, хотя бы основная сумма и была весьма малою.

Церковь Преподобного Сергия в Сергиевой пустыни начата при капитале в тридцать тысяч рублей серебром, несмотря на то, что на эту церковь употреблены самые ценные материалы. Ее обширный иконостас состоит из дорогих мраморов итальянских и французских, украшен мозаикой, имеет бронзовые Царские врата,

а перед всеми иконами большие бронзовые подсвечники. Пол подобен цельному разостланному узорчатому ковру: это сплошная разноцветная мраморная мозаика. Живопись в иконостасе и по стенам стоит тридцать тысяч рублей серебром, гранитная работа — двадцать тысяч. Храм преподобного Сергия устроен по подобию древнейших христианских храмов, построенных равноапостольным императором Константином Великим и его преемниками. Полагаю новому храму в Моздоке дать то расположение, какое имеет соборный храм в Большом Тихвинском монастыре применительно, где присутствует Знаменитая чудотворная икона Тихвинской Божией Матери. Необходимо иметь в виду, что при храме, в одной связи с храмом, должны быть крещальни для мужского и женского пола. А устроение крещален, устроение обширной паперти для приходящего народа весьма удобно при упомянутом расположении храма. В архитектурном значении такой проект может быть поэтически изящен. В экономическом он потребует наименьших издержек, может быть окончательно выстроен и отделан, за исключением стенной живописи, в три года.

Слово на открытие Иоанно-Мариинского женского монастыря близ города Ставрополя Кавказского

Изыдите от среды их и отлучитеся, глаголет Господь: и нечистоте их не прикасайтеся: и Аз приму вы: и буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь Вседержитель[1]. К кому из человеков произнесено это призвание Божие? — к тем, которые познали и уверовали, что назначение, данное Богом человекам при сотворении, возвращенное при искуплении, заключается в том, чтоб человеки сделались сынами и дщерями Божиими. От кого повелевает Бог отлучиться людям, желающим соделаться сынами и дщерями Божиими? — от общества тех людей, которые увлечены житейскими попечениями, земным преуспеянием, земными наслаждениями, которые не обращают никакого внимания на высокое духовное назначение человечества.

Обольстительна земная жизнь! страшно падение наше! Мы видим своими очами, что все без исключения братия наши после

[1] *И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас. И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь Вседержитель* (2 Кор. 6. 17, 18).

более или менее продолжительного странствования на земле, одинаково краткого пред беспредельною вечностию, умирают; мы видим, что они покидают здесь и богатство, и все временные преимущества, самое тело свое. Мы видим это; мы знаем, что и мы должны непременно умереть, но проводим земную жизнь, как бы вечные на земле; все силы души и тела истощаем на искание земных благ, отнимаемых смертию; предаемся греховным пожеланиям и стремлениям, жаждем насладиться обильно грехом, убившим нас, попираем заповеди Божии, пренебрегаем Его угрозами и обетованиями. Очень естественно, что при таком поведении человеческого общества Бог повелевает избранным Своим: *Изыдите от среды их и отлучитеся, и нечистоте их не прикасайтеся: и Аз прииму вы: и буду вам во Отца, и вы будете Мне в сыны и дщери.*

Удаление от мира и странническое пребывание в пустынях, при терпении различных недостатков и лишений, избрали для себя уже многие ветхозаветные праведники. Они, говорит Апостол, *проидоша в милотех и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных*[1]. Они самою жизнию исповедали, что человек — изгнанник и пришлец на земле[2], так как сыны мира самою жизнию исповедуют свое самообольщение. Святой Иоанн, Предтеча Господень, с детства водворился в пустыне и, в пустыне получив повеление от Бога, вышел в страну Иорданскую, возвещая человечеству пришествие Искупителя, увещевая человечество приуготовиться к принятию Искупителя посредством покаяния и смирения[3]. Господь наш Иисус Христос начал великое служение Свое с удаления в пустыню, пощения в ней и побеждения диавола, показывая нам, что удобнейшее место для подвижнической жизни и для приготовления себя к служению Богу есть пустыня. Во время проповеди Своей Господь часто удалялся в пустыню для молитвы, не имея Сам в этом нужды, как совершенный Бог, но показывая нам, немощным человекам, что удобнейшее место для неразвлеченной и усиленной молитвы есть уединенная пустыня. С самого начала христианства первенствующие христиане тотчас же стали оставлять шумную средину городов, селиться в оконечностях их, в предместьях и окрестностях. Особенно поступали так христиане многолюдного города Александрии; там уединенные

[1] *...скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11. 37, 38). ‖ [2] Евр. 11. 13. ‖ [3] Лк. 1. 80; 3. 23.

жилища их получили название монастырей, а сами они — название монахов, то есть уединенных (от греческого слова мьнпт, один). Предместие Александрии и ее окрестности были наполнены келлиями христиан, проводивших жизнь уединенную. Впоследствии, когда соблазны среди мира умножились, благочестивые монахи, по повелению Божию, еще далее углубились в пустыни и основали различные образы монашеской жизни. Преподобный Пахомий Великий, наставленный Ангелом, учредил общежития для мужчин и женщин — тот род иноческой жизни, который принят и новорожденною обителию инокинь, сегодня нами открываемою и благословляемою по благословению Святейшего Синода, по повелению *Благочестивейшего Государя нашего Императора Александра Николаевича*. Но все виды монашеской жизни, разнообразные только по наружности, имеют одну цель; она заключается в том, чтоб устранить немощь нашу от обольщений и впечатлений мира, дать должную цену и временной и вечной жизни, употребить первую для получения второй. «Сыны Божии, — сказал преподобный Исаак Сирский, — тем и отличаются от прочих, что они живут в скорбях, а мир блистает наслаждением и покоем. Не благоволил Бог, чтоб возлюбленные Его покоились, доколе они в теле; Он восхотел, чтоб они, доколе находятся в этом мире, пребывали в скорби, в положении отяготительном, в трудах, в скудости, в наготе, в уединении, в нужде, в недуге, в уничижениях, в оскорблениях, в сокрушении сердца, в утруждении тела, в отречении от сродников, в образе мыслей печальном, в особенном взгляде на всю тварь, в жилище, не похожем на обыкновенные жилища человеческие: в жилище уединенном и безмолвном, удаленном от взоров человеческих, чуждом всякого земного увеселения. Они плачут, а мир смеется, они сетуют, а мир веселится; они постятся, а мир наслаждается»[1].

Когда взору, смотрящему на вселенную из христианского благочестия, представятся гордые великолепные палаты, воздвигнутые человечеством для изобильного земного увеселения, для торжества и наслаждения своим падением, для того, чтоб развивать, печатлеть, упрочивать, соделывать неотъемлемым достоянием это падение, тогда сердце исполняется неизъяснимой горести и страха. Напротив того, оно исполняется тихого утешения, когда взору представится смиренное жилище иноков, их убогие келлии, более похожие на шатры, нежели на здания, убогие келлии, свидетельствующие, что это — стан духовного Израиля, странствующего по

[1] Преподобного Исаака Слово 36.

пустыне земной жизни, стремящегося в землю обетованную — на Небо. *Коль добри доми твои, Иакове, и кущи твоя, Исраилю: яко дубравы осеняющия, и яко садие при реках, и яко кущи, яже водрузи Господь, и яко кедри при водах. Благословящии тя благословени*[1]. Блаженны жители этих кущей, блаженны обитатели этого стана! *яко не идоша [иже не иде] на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе: но в законе Господни вся воля его, и в законе Его поучится день и нощь*[2]. *Благослови душе моя Господа*[3]. *Хвали душе моя Господа*[4]. *Благословен Господь, яко удиви милость Свою во граде ограждения! Яко удиви милость Свою:* это значит — Господь совершил величайшую милость, даровав Обитель, огражденную от соблазнов мира и местом, и стенами, и обычаями, и самою одеждою, — обитель для дщерей Своих, пожелавших удалиться и отчуждиться от мира для постоянного Богослужения. *Скрыеши их, Боже, в тайне лица Твоего от мятежа человеческа, покрыеши их в крове от пререкания язык*[5].

Принесем отсюда, из отдаленной Пустыни, из отдаленного Кавказа, сердечный голос глубокой благодарности Благочестивейшему Государю нашему, Императору Александру Николаевичу, даровавшему на обширном пространстве благословенной, Православной России новый приют для дев и вдовиц, принесших себя в живую жертву Христу. То благословение Божие, которое обетовано напоившему чашею студеной воды ученика Христова, да почиет над *Помазанником* Божиим за удовлетворение духовной, благочестивой жажды многих душ. Принесем благоговейную благодарность Святейшему Синоду, благословившему иноческое общежитие в странах Кавказа, где давно забыты местными жителями не только иночество, но и христианство, куда, вслед за победоносным русским оружием, вступило сперва христианство, а ныне вступает и монашество. Воздадим должную признательность Основателю сей Обители, первому Святителю кавказскому; молитвы и благословение Основателя Обители да помогут ей преуспеть и усовершиться и в нравственном, и в вещественном отношениях.

---

[1] *...как прекрасны шатры твои, Иаков, жилища твои, Израиль! расстилаются они как долины, как сады при реке, как алойные дерева, насажденные Господом, как кедры при водах... Благословляющий тебя благословен* (Чис. 24. 5, 6, 9). ‖ [2] *... который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь* (Пс. 1. 1, 2). ‖ [3] Пс. 102. 1. ‖ [4] Пс. 145. 1. ‖ [5] *Ты укрываешь их под покровом лица Твоего от мятежей людских, скрываешь их под сенью от пререкания языков* (Пс. 30. 21).

Призовем благословение Божие на всех, споспешествовавших учреждению и устроению Обители во имя Господне: да уготовятся им сторичные небесные воздаяния от всещедрого Бога нашего, пред Которым не забыто никакое самомалейшее подаяние и пособие. *Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя Имя Святое Его*[1].

Благословенны и вы, девы и вдовицы, собравшиеся в Пустыню для усвоения себя Богу! Благую часть вы избрали, если до конца земной жизни вашей будете иметь целию непрестанное Богоугождение. Соделайтесь достойными призвания Божия! вы призваны Отцом Небесным в дщери Ему: употребите все усилие, чтоб сделаться дщерями Бога. Не отяготитесь подчиненностию вашею, смиренным положением вашим: ибо и Господь наш Иисус Христос *Себе умалил, зрак раба прием, в подобии человечестем быв, и образом обретеся якоже человек: смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя*[2]. Не отяготитесь вашими продолжительными молитвословиями, вашими бдениями и вашим постом: *иже бо Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*[3], сказал Апостол. Не отяготитесь недугами телесными и прочими злостраданиями и лишениями, которые попустит вам Господь для очищения вашего: *Егоже бо любит Господь, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет*[4]. Слуги Божии, хотя по видимому и подвергаются многоразличным скорбям и страданиям, *пред лицем человеческим аще и муку приимут, упование их безсмертия исполнено: и вмале наказани бывше, великими ублагодетельствовани будут: яко Бог искуси их, и обрете их достойны Себе. Яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я*[5]. Не отяготитесь теми поношениями и оскорблениями, которым вы можете подвергнуться от мира: *Аще мир вас ненавидит,* говорит в утешение ученикам и последователям Своим Спаситель, *ведите, яко Мене прежде вас возненавиде: аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, сего ради*

[1] *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его* (Пс. 102.1). ‖ [2] *...но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2. 7, 8). ‖ [3] *Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Гал. 5. 24). ‖ [4] *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает* (Евр. 12. 6). ‖ [5] *...хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия. И немного наказанные, они будут много облагодетельствованы, потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его. Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную* (Прем. 3. 4–6).

ненавидит вас мир[1]. *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*[2]. Основываясь на этих свидетельствах Священного Писания и на других бесчисленных, святые Отцы признали, что попущаемые Божественным Промыслом скорби христианину служат достовернейшим признаком милости к нему Божией, попечения о нем Божия. Так утешает злостраждущего инока блаженный Иоанн Карпафийский: «Глаголет к тебе, о иноче! Отец твой Небесный, прелюбяй тя, и оскорбляяй тя различными искушениями: Добре веждь, иноче терпеливо, зане якоже чрез Пророка глаголах: буду тебе наказатель, и срящу тя на пути египетсте, скорбными тя обучая: и пути порочныя загражду тернием Моего Промысла, бодый напастьми нечаянными и возбраняя: да не яже хощеши несмысленным сердцем, сия всяко и в дело изводиши. И загражду море страстей твоих, враты щедрот Моих. И буду тебе яко панфирь, поядая тя помыслы поречения, и зазрения, и раскаяния в совести неуведенных тобою: сия же вся скорбная величайша есть благодать Божия»[3]. Путь Божий есть повседневный крест — сказал преподобный Исаак Сирский: никто не взошел на небо, живя в удовольствиях... Познается, что человек находится под особенным Промыслом Божиим из того, когда этому человеку Бог постоянно посылает скорби[4]. Святой апостол Павел свидетельствует, что все, без исключения, благоугодившие Богу были причастниками наказания и вразумления скорбями, попускаемых Промыслом Божиим: *Аще без наказания есте, емуже причастницы быша еси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове*[5]. Сын мира и века сего, живущий в так называемом неизменяемом благополучии, утопающий в непрестанном наслаждении, развлекаемый непрестанными увеселениями — увы! забыт, отвергнут Богом. Его постоянное благополучие и довольство есть признак величайшего вечного бедствия: отчуждения от Бога.

Дщери Небесного Отца! приветствую вас с дарованием иноческих прав и наименования обители вашей! приветствую вас с

---

[1] *Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 15. 18, 19). ‖ [2] *Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах* (Мф. 5. 11, 12). ‖ [3] Слово постническое. Добротолюбие. Ч. 4. ‖ [4] Слово 35. ‖ [5] *Если же останетесь без наказания, которое всем обще, то вы — незаконные дети, а не сыны* (Евр. 12. 8).

открывшимся для вас поприщем иноческих подвигов и наград небесных! вместе с этим приветствую вас с поприщем многоразличных и многообразных скорбей: поприще иночества — поприще скорбей, а причина небесных воздаяний — скорби земные. Не обетованием земного благоденствия призывает Бог к Себе, но обетованием страданий. Едва Павел был избран в Апостола языков, как вместе с избранием предречены ему были бесчисленные страдания[1]. Апостол, пострадав обильно и познав духовный плод, рождаемый скорбями, призывает к такому же подвигу и прочих христиан. *Темже и мы,* говорит он, *гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грех,* то есть запинающий нас грех, *терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника Веры и Совершителя Иисуса, Иже вместо предлежащия Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же Престола Божия седе*[2]. *Всякое бо наказание в настоящее время не мнится радость быти, но печаль: последи же плод мирен наученным тем воздает правды. Темже ослабленныя руки и ослабленная колена исправите, и всяку радость имейте,* то есть радуйтеся величайшею радостию, *егда во искушения впадаете различна: яко многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие*[3]. Аминь.

Представление Наместнику князю А. И. Барятинскому

от 9 мая 1860, № 19[4]

(О средствах для духовенства Моздока и Кизляра)

Как в настоящее время по замирении Левого крыла Вы изволили обратить особое внимание на распространение Христианства между горцами, а Моздок и Кизляр суть единственные на Левом крыле пункты Кавказского Епархиального ведомства, в которых совершается обращение горцев, то я считаю обязанностью своею

[1] Деян. 9. 16. || [2] *Посему и мы... свергнем с себя всякое бремя и занимающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежащей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия* (Евр. 12. 1, 2). || [3] *Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности. Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени... С великою радостью принимайте, когда впадаете в различные искушения... многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Евр. 12. 11, 12; Иак. 1. 2; Деян. 14. 22). || [4] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 349–350.

просить Ваше Сиятельство, дабы Вы благоволили обратить на сие дело милостивое внимание Ваше к ускорению выдачи жалованья вышеупомянутому духовенству. Ибо средства к содержанию оного так скудны, что никто из доброкачественных и удовлетворительно образованных лиц духовенства не изъявляет желания на занятие священнических мест в Моздоке и Кизляре, за исключением Моздокской Успенской церкви, более других доходной. По сей причине в Кизляре и Моздоке священники самого умеренного образования, далеко уступающие сельским священникам Епархии. А потому обращение горцев в Христианство не может быть ими совершаемо с успехом. Искренне желал бы я, чтобы Ваше Сиятельство через кого-либо из доверенных лиц удостоверились в положении кизлярского и моздокского духовенства. Бедность, под игом которой они тщетно стонут, невероятна. Представление в Святейший Синод о назначении моздокскому и кизлярскому духовенству сделано мною от 2 мая 1859 года за № 2058. Копия с сего представления при сем прилагается.

С чувствами отличного уважения и проч.

Представление Наместнику князю А. И. Барятинскому

от 10 июня 1860, № 20[1]

(О средствах для Епархии)

<...> Из этого усматривая, что Святейший Синод находит записку, представленную мною Вашему Сиятельству, основательною, я признаю себя обязанным представить на благоусмотрение Вашему Сиятельству нижеследующее.

С самого учреждения Кавказской епархии гражданское начальство Кавказа ходатайствовало (как это видно из переписки, сохранившейся в гражданском ведомстве и в Консистории) о том, чтобы доставлено было вновь учрежденному Епархиальному ведомству потребное количество денег — как на обзаведение, так и на содержа-

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 350–354об. В письме речь идет о полученном святителем Игнатием уведомлении Департамента общих дел Главного управления Наместника Кавказского от 13 апреля 1860 года за № 2283, извещающем, что на ходатайство Князя Наместника об увеличении окладов содержания Кавказскому Епархиальному управлению Обер-прокурор Синода отозвался о постоянном внимании к этому обстоятельству и о невозможности в настоящее время увеличить оклады из-за нехватки средств.

ние. Вследствие таких ходатайств отпускаемо было моим предместникам Преосвященным Иеремии и Иоанникию по 1000 рублей серебром в дополнение к их личному жалованью и 1500 рублей серебром на содержание Дома. На обзаведение же ничего не было отпущено.

В такой крайности предместники мои должны были прибегнуть к единственному средству: к приглашению к пожертвованиям. С особенною деятельностию занимался устройством епархии Преосвященный Иеремия. С отбытием его деятельность очень ослабела, и многие дела пришли в запутанное положение. Все, что ни сделано для Епархиального Кавказского ведомства, сделано на сумму, приобретенную пожертвованиями. Епархия учредилась без всякого денежного содействия со стороны Правительства. Между тем капиталист из купечества Волобуев, очень поддерживавший Преосвященного Иеремию, скончался. С кончиною Волобуева пожертвования уменьшились гораздо более, нежели вполовину, а впоследствии, при ослаблении деятельности Духовного начальства, и вовсе прекратились.

По прибытии моем в Ставрополь я нашел Епархиальное ведомство в бедственнейшем положении:

1. По переданным хозяйственным статьям в ведомство Архиерейского дома без должной определенности и оконченности, возникли вопросы, а по лесной даче возник даже процесс, что коротко известно Вашему Сиятельству, так как я для разрешения сих запутанностей должен был неоднократно обращаться к особе Вашей.

2. Временный приют Преосвященного — деревянная теснейшая хижина, пожертвованная Волобуевым уже довольно ветхою, пришла в крайнюю ветхость. Дом Архиерейский во всех отношениях был в самом скуднейшем положении (ибо, как выше сказано, ходатайство об отпуске суммы на обзаведение в течение четырнадцати лет оставалось тщетным). Положение лиц, состоявших при Доме, было невыразимо бедственное. Ибо нищета, нищета в полном смысле слова, подействовала на нравственность, как она и всегда действует — зловредно, пагубно. В особенности это очевидно на служащих в Консисторской канцелярии чиновниках, которые от скудости содержания и голодны, и наги.

Положение тем более сделалось стеснительным, что отпуск вспомогательной 1000 рублей серебром, которую получали мои предместники, был прекращен. Я был оставлен на 280 рублей серебром годичного содержания, между тем как цены в Ставрополе на все предметы продовольствия после войны необыкновенно возвы-

сились. Ходатайства Вашего Сиятельства о предоставлении мне упомянутой 1000 рублей, которую получали мои предместники, остались безуспешными. 1500 рублей серебром, отпускавшиеся на содержание собственного Дома, отпущены были мне только на 1858 год. Затем отпуск этих денег прекращен в уповании, что Дом получит деньги на замен хозяйственных статей от Черномории.

При приезде моем в Ставрополь я не мог остановиться в хижине, пожертвованной Волобуевым, по тому совершенному состоянию расстройства, в которое она была приведена. Купец г-н Стасенков предложил мне свой дом на полугодичное время, а купечество Ставрополя предложило сделать пожертвование для исправления хижины, пожертвованной г-ном Волобуевым, на каковый предмет оно собрало до 4000 рублей серебром.

Когда прикоснулись к хижине, то оказалось, что лес в ней наполовину сгнил, что исправление ее невозможно, что вполне необходимо выстроить новый приют. Доставленная купечеством сумма оказалась недостаточною для новой постройки по необыкновенной дороговизне строительных материалов в Ставрополе. Почему я должен был прибегнуть — как это и предместники мои сделали, с воззванием к епархиальным церквам о посильном вспоможении из кошельковых сумм и к сбору посредством сборщиков. Медлить было невозможно, потому что наем квартиры при жалованьи в 280 рублей серебром, при прекращении выдач вспомогательных сумм и при совершенном расстройстве хозяйства был невозможен.

При таком пособии, почерпнутом единственно в пределах Кавказской епархии, устроен весьма скромный, но весьма удобный домик для епископа. Другого, столь скромного, архиерейского дома не имеется в России. Но сей дом, как деревянный, не мог быть выстроен и отделан окончательно в одно лето. По высушке и осадке он нуждается в ощекотурке и в прочей значительной отделке, также в меблировке. Пожертвованная сумма была достаточна только на постройку и необходимейшую мебель. Для окончательной отделки и снабжения мебелью необходимо не менее 4000 рублей серебром.

Сверх того, братские келлии и прочие службы, принадлежащие Дому, находятся в самом недостаточном состоянии. Представляется особенно необходимым распространение Крестовой, находящейся при доме, церкви, так как город Ставрополь имеет крайнюю нужду в поместительном теплом храме, в котором бы могли собираться служащие лица и публика зимою в праздничные и табельные дни для участия в торжественном богослужении. Ныне отправ-

ляется торжественное богослужение в церкви, временно устроенной в зале под лавками гостиного двора,— крайне неудобной и уже приходящей в ветхость.

Я был бы очень доволен, если бы описанное мною положение Архиерейского дома и вообще Епископской кафедры в Ставрополе удостоено было личного взгляда Вашего Сиятельства в проезд Ваш через Ставрополь или если бы оно было проверено кем-либо из доверенных лиц, состоящих при Вашем Сиятельстве. Уменьшение же потребностей Дома невозможно. Ибо число служащих при Архиерее исчислено правительством, положено по штату и быть сокращено никак не может, так как при уменьшении числа служащих непременно должен бы был по необходимости измениться самый чин богослужения, отправляемого Архиереем, определенный неизменяемым уставом Православной Церкви.

Я счел себя обязанным изложить пред Вашим Сиятельством с такою подробностию положение Кавказского Епархиального ведомства и служащей основанием сему ведомству Епископской кафедры в дополнение к записке, поданной мною Вашему Сиятельству в проезд Ваш через Ставрополь 15 ноября 1859 года, по той важной причине, что между множеством дел и при удовлетворении всех потребностей вновь возникающих Епархий (это видно из положения дел вновь открытой Таврической епархии), Кавказская епархия, если она не будет подавать голоса о своих нуждах и о своем крайне затруднительном положении, то ее положение может навсегда лишиться благотворного внимания высшего начальства. Потому, что молчание о затруднительнейшем положении может быть признано за устранение этого затруднительнейшего положения какими-нибудь домашними средствами.

На сих основаниях снова повергаю пред Вашим Сиятельством покорнейшую просьбу: примите на себя труд, который неминуемо должен отозваться в духовном и нравственном отношениях самым благотворным образом на всем народонаселении Кавказа! Примите на себя труд и заботу вывести Кавказское Епархиальное ведомство из того положения томительной неопределенности и колебания, в котором оно страждет в течение семнадцати лет во вред себе, во вред православному народонаселению, во вред самому Православию.

При сем имею честь приложить:

1. Копию с 3 пункта записки (с принадлежащими к ней приложениями), поданной мною Вашему Сиятельству 13 декабря 1859 года, в проезд Ваш через Ставрополь.

2. № 14 «С.-Петербургских Сенатских Ведомостей», из которого видно, что оклад, о котором я ходатайствую для Кавказской епархии, именно есть тот, который дан для вновь учреждаемой Таврической и Высочайше утвержден 16 ноября 1859 года, между тем как все предметы продовольствия несравнимо дороже на Кавказе, чем в Тавриде.

3. Сравнительную ведомость, из которой видно, насколько цены на предметы продовольствия повысились на Кавказе в течение последних десяти лет. Из сей ведомости изволите увидеть, в какой крайности находятся лица Кавказского Епархиального ведомства относительно своего содержания. Положение многих из них можно безошибочно назвать бедственным.

Призывая на Ваше Сиятельство обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения и проч.

Письмо к Наместнику князю А. И. Барятинскому

<*10 июня 1860*>[1]

(О средствах для Епархии)

Милостивый Государь Князь Александр Иванович!

Снова представляя Вашему Сиятельству ходатайство о назначении удовлетворительных окладов для Кавказского Епархиального ведомства как о не терпящей отлагательства необходимости, я считаю необходимо нужным изложить здесь, в сем конфиденциальном письме, некоторые данные, объясняющие дело, но не имеющие места в официальной бумаге.

Не имею намерения жаловаться на кого-либо как монах, устраняя всякую жалобу и всякий ропот. Вместе с тем, как Епископ, я должен объясниться искренне, потому что мое положение, если оно получит характер фальшивый, должно непременно отозваться в самом исполнении моих обязанностей весьма неблагоприятно, то есть фальшивое положение Епископа должно быть очень вредным для Епархии.

---

[1] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 354 об.–359об. Это конфиденциальное письмо написано одновременно с официальным отношением к Наместнику от 10 июня 1860 г., о чем говорит и составитель Жизнеописания (л. 354об.), и текст самого письма. Приведенная в Жизнеописании датировка 13 апреля 1860 года — по-видимому, описка.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство уничтожить это письмо или сохранить его без всякой огласки как написанное единственно по доверенности к благородным правилам Вашим.

Гражданская история человечества свидетельствует непрерывным рядом фактов, что страсти человеческие постоянно препятствовали преуспеянию человечества. Зависть, недоброжелательство ближнему, близорукое самолюбие, стремясь сделать зло человеку, наносило вред делу и обществу. К несчастью, христианская церковная история представляет то же печальное зрелище.

Святой старец Серафим Саровский, смотря на это зрелище оком ума, очищенного и озаренного святостью, говаривал: «Надо изучать историю христианства не из пустой и тщеславной любознательности, но чтоб ведать, каким обуреваниям подвергались Церковь и различные члены ее во все времена, и из этого ведения черпать силы и мудрость, необходимые для перенесения современных бурь и для управления собою во время этих бурь».

Странно желание испорченного грехом сердца человеческого! Желание сделать зло ближнему, желание насладиться созерцанием затруднительного положения, в которое поставлен ближний удавшеюся злонамеренностию! Странно это желание, но оно существует.

Всякий христианин может и обязан дать должную цену этому желанию. Признак христианского сердца есть любовь. Сердце, преисполненное ощущений, противоположных любви, само свидетельствует о своем достоинстве. Христианство требует терпения по отношению к ближним, уклонившимся от любви к злобе. Но оно же как духовный свет требует, чтоб око души — ум — ясно видел злобу и предохранил от нее человека и общество. Иначе легко можно увлечься злобою, принести себя в жертву злонамеренных людей, принести в жертву им общественную пользу и благосостояние. Можно даже сделаться участником в их действиях, потому что люди злонамеренные всегда прикрывают свои действия всевозможною ложью, всевозможною хитростью, бессовестным лицемерством. Святой апостол Павел сказал: «Сам сатана принимает вид светлого Ангела» (для удобнейшего погубления человеков), а потому неудивительно, что служители его принимают вид служителей правды (2 Кор. 11. 14–15). Церковная история показывает, что в вышеупомянутый образ действий увлекались и патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и прочие первейшие духовные сановники. Причина такого увлечения в духовном мире всегда была одна и та же: забвение Неба и стремление к приобретению земных преимуществ.

Пробыв четверть столетия в Сергиевой пустыни на самом берегу житейского моря и по положению, невольно доставшемуся мне на жребий, возбудив внимание многих (то есть зависть и недоброжелательство), я гляжу и на настоящее поведение многих по отношению ко мне отнюдь не как на новость, не как на неожиданную странность. Так должно быть, потому что на сем свете всегда и всегда будет так. Но пусть скажут что-нибудь факты.

Двум предместникам моим к ежегодному жалованью по штату в 280 рублей серебром выдавалась вспомогательная 1000 рублей серебром. Сверх того, на Архиерейский дом выдавалось 1500 рублей серебром. Отъезжая из Петербурга, я просил, чтобы и мне продолжали выдавать эту тысячу рублей, которая выдавалась лицу Епископа, так как известно было Святейшему Синоду, что Епархия вообще пришла в значительное расстройство. Мне дано было честное слово, что просьба моя будет исполнена.

Прождав около года и видя, что эта 1000 рублей не высылается, я снова ходатайствовал о выдаче ее. Ваше Сиятельство изволит также ходатайствовать о том, чтобы она была мне предоставлена. Ходатайство осталось тщетным, несмотря на то, что первенствующий член Синода Митрополит Григорий, муж праведный, семидесятивосьмилетний старец, желал, чтобы ходатайство было уважено. Другие деньги — 1500 рублей серебром, отпускавшиеся на содержание дома, — были отпущены только в первый год (1858) моего пребывания на Кавказской кафедре, в том предположении, что Ваше Сиятельство доставит на содержание Дома угодья или вместо них деньги.

Доставленные на этот предмет Вашим Сиятельством 3800 рублей серебром начали выдаваться с половины 1859 года. Извольте судить, в какое затруднительное положение я был поставлен таким распоряжением, в котором нельзя не видеть притеснения и недоброжелательства, принадлежащих, разумеется, некоторым лицам в частности.

По прибытии из С.-Петербурга в Ставрополь я просил выдачи двойных прогонов и двойного жалованья по правилу для всех, определяемых на службу в здешний Край. В том и в другом мне отказано. Но ректору и инспектору Семинарии, несмотря на то, что они получают гораздо большее жалованье, чем я, выданы двойные прогоны и двойное жалованье. Так же поступлено относительно секретаря Консистории.

Из этого исключительного поведения по отношению ко мне нельзя не видеть цели привести меня к крайности и вовлечь в какие-

нибудь величайшие неприятности. Но Бог послал добрых людей, которые помогли и лично мне, и Архиерейскому дому. Останавливаюсь указать на другие факты по моему служению здесь, которые приводят к тем же заключениям, чтобы не сделать письма моего слишком пространным и не погрешить пред скромностию.

Основываясь на этих фактах, я имею право безошибочно предполагать, что и настоящий уклончивый ответ г-на синодального Обер-прокурора состоялся единственно под влиянием партии, потому что положение Епархии, на обзаведение которой ничего не было отпущено, которой дано содержание непомерно скудное, — такое положение не может не быть ясным.

Положение всех лиц Епархиального ведомства стесненное, положение многих лиц в полном смысле бедственно. Так, например, эконом Дома получает в год жалованья 14 рублей 34 коп., духовник — 8 рублей, каждый крестовый иеромонах —6 рублей, каждый иеродиакон — 6 рублей, каждый келейник — два рубля. Есть ли в этих окладах смысл? Когда я приехал в Ставрополь, то нашел, что монашествующая братия Дома ежедневно ходила по городу, ища себе обеда и ужина, ибо в Доме, по его бедности, не было требуемой правилами иноческой трапезы. Какая могла быть при этом беспорядке нравственность иночествующей братии? Какой соблазн для жителей видеть иноков в неопрятнейшей одежде, ежедневно таскающихся по городу, ищущих насущного хлеба! Я тотчас прекратил это, но трапеза для братии потребовала значительной издержки.

В подобном положении находятся чиновники Консистории. Из суммы, назначенной для чиновников и канцелярских служителей (1042 руб. 45 коп.), помощник секретаря может получить 120 рублей, столоначальник — сто рублей, писарь — 72 рубля в год. Чем тут содержаться, особенно семейному человеку? По причине таких окладов взяточничество было чрезвычайно развито в Кавказской Консистории. С обузданием этой нравственной болезни, особенно позорной и вредной в духовном судилище, чиновники Консисторской канцелярии поставлены в тяжкое положение. Я стараюсь им помогать даже из своих крох, но помощь моя не может быть не ничтожною. Эти лица питаются только надеждою, что Ваше Сиятельство исходатайствует им увеличение оклада. Если бы они узнали об отзыве синодального Обер-прокурора, то пришли бы в совершенное уныние, тем более что цены на все потребности непрестанно возрастают в Ставрополе.

Менее других лиц Епархиального управления нуждаются протоиереи члены Консистории, потому что им предоставлен приход, с которого они пользуются доходами от требоисправлений.

Для меня было бы вполне утешительным, если бы сказанное мною о затруднительном положении Кавказского Епархиального ведомства в форменном отношении и в сем конфиденциальном письме было подвергнуто проверке Вашим Сиятельством чрез доверенное лицо. Это лицо представило бы Вам картину непрерывного труда, лежащего на Епархиальном ведомстве, и необыкновеннейшего стеснения, в котором оно находится, — стеснения, неизвестного в светском кругу.

Из такого состояния только Вы, Ваше Сиятельство, можете извлечь Кавказское Епархиальное ведомство и устранить ту невозможность, которая изложена в отзыве г-на синодального Обер-прокурора. Ибо если Святейший Синод не имеет в настоящее время суммы, то, как мне кажется, можно бы было назначить оклад для Кавказской епархии из государственного казначейства, с тем чтобы оклад сей при первой возможности был внесен в ту сумму, которая отпускается государственным казначейством в ведомство Святейшего Синода. Иначе можно полагать с достоверностью, судя по предшествовавшему образу действий, что для удовлетворения потребностям Кавказской епархии никогда не будет свободной суммы.

Призывая на Ваше Сиятельство обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения и проч.

Рапорт в Святейший Синод
от 27 марта 1861, № 788[1]
(Об объявлении Высочайшего Манифеста)

В Святейший Правительствующий Синод
Игнатия, епископа Кавказского и Черноморского

Рапорт

19 сего марта получен мною при отношении г. Начальника Ставропольской губернии указ Святейшего Синода за № 765 с Высочайшим Манифестом о даровании Государем Императором крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей.

[1] ГАСК Ф. 135. Оп. 19. Ед. хр. 73. Л. 19–20об. Об истории объявления Манифеста в Ставропольской губернии см.: *Соколов*... Ч. 1. С. 289–295.

Указ сей с приложениями был прислан на имя г. Начальника губернии с тою целию, чтоб действия гражданского начальства с духовным были одновременны и совокупны, по общему соглашению. В Высочайшем повелении Государя Императора, объявленном г. Начальнику Ставропольской губернии Государственным статс-секретарем, означено, чтоб обнародование Манифеста по всей Ставропольской губернии произведено было в один день с обнародованием оного по земле Войска Донского. Для сего г-н Начальник губернии отправлял в Новочеркасск курьера и, вследствие соглашения с начальством Войска Донского, положившего объявить Манифест 25 марта, в Великий церковный праздник Благовещения, также вследствие распоряжения Князя Наместника Кавказского, положил объявить единовременно по всей Ставропольской губернии в день Великой Духовной Вести Великую Весть Государственную.

Исполнение Высочайшей воли, объявленной Государственным статс-секретарем, было нарушено неожиданным образом. Священник церкви военного госпиталя, находящегося в г. Ставрополе, состоящий в ведении Главного священника Кавказской армии, прочитал Манифест 19 марта после Божественной Литургии без всякого сношения не только с гражданским начальством, но и с военным, несмотря на то, что командующий войсками генерал-адъютант граф Евдокимов находился в Ставрополе. Вследствие такого объявления возникли в народонаселении города Ставрополя неблагоприятные толки о начальстве, будто бы утаевающем Манифест. Чтоб утишить толки, оказалось необходимым немедленное объявление Манифеста в городе. Для письменных сношений по сему предмету уже не было времени. Посему, вследствие личного соглашения моего с военным и гражданским начальствами, Высочайший Манифест объявлен в Кафедральном соборе 20 сего марта по совершении Божественной Литургии, а по прочим церквам губернского города Ставрополя и по уездным Кавказской епархии имеет быть обнародован согласно предположению военного и гражданского начальств 25-го сего марта.

О чем долгом поставляю донести Святейшему Синоду.

Письмо к Обер-прокурору графу А. П. Толстому

от 22 мая 1861, № 1486[1]

(Об объявлении Высочайшего Манифеста)

Милостивейший Государь, граф Александр Петрович!

Отношение Вашего Сиятельства от 30 апреля 1861 года за № 2531 с изложением Высочайшего повеления Государя Императора[2] разослано мною в печатных копиях по всем церквам вверенной мне Епархии и объявлено в Кавказской семинарии. Вместе с тем имею честь известить Вас, что в Кавказской епархии не было ни одного неприятного случая вроде тех случаев, о коих изволите говорить в отношении Вашем, по той причине, что при самом открытии дворянского Комитета по крестьянскому вопросу доставлено Кавказскому духовенству должное направление. Это направление изложено было в предложении моем Кавказской Консистории от 17 января 1859 года[3] и заключает в себе ту же главную мысль о поведении духовенства, каковая изложена в циркуляре Вашего Сиятельства, что изволите усмотреть из прилагаемого при сем экземпляра копии с предложения, разосланного своевременно в таком виде по церквам. Когда же появились в журналах и газетах статьи противного направления, начавшие увлекать некоторых, то мною составлены замечания на сии статьи[4] (замечаниями обнаруживалась неправильность статей и указывался тот вред, который мог произойти от увлечения ими), разосланы по церквам и объявлены в Семинарии, что оказалось особенно нужным.

По объявлении Высочайшего Манифеста по крестьянскому делу Кавказское духовенство увидело в Манифесте те самые основные мысли относительно дела, какие изложены были за два года <до этого> их Архипастырем, и, предуготовленное, направленное замечаниями, не могло давать Манифесту какого-либо произвольного толкования. Таким образом, в Крае, в котором недавно возникали беспорядки между помещичьими крестьянами от недоразумений,

---

[1] ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Ед. хр. 73. Л. 22–23. (автограф, черновой вариант). Частично опубликовано: *Соколов*... Ч. 1. С. 294–295. ‖ [2] В данном циркуляре сообщалось, что из многих мест поступают жалобы на неправильное объяснение Манифеста духовенством, дающее повод к крестьянским волнениям, и предписывалось внушить духовенству мысль, что «главнейшая и существеннейшая обязанность духовных лиц в сем деле быть не судьями, но миротворцами» (ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Ед. хр. 73. Л. 21). ‖ [3] Публикуется в наст. изд., с. 397–400. ‖ [4] Публикуется в наст. изд., с. 401–434.

порождавшихся в среде их, сохранился, при обнародовании Манифеста, ничем не нарушенный порядок.

С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сия <тельства покорнейшим слугою
Игнатий, епископ Кавказский и Черноморский>.

Рапорт Государю
от 24 июля 1861 [1]
(Об увольнении на покой)

Августейший Монарх,
Всемилостивейший Государь!

Чувствуя крайнее оскудение сил от болезненности, продолжающейся около сорока лет, и постоянно питая в душе желание окончить дни в уединении, я подал в Святейший Синод рапорт, в котором, донося о состоянии моего здоровья, прошу увольнения от управления Епархиею и предоставления мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской Епархии, по тому образцу, как это сделано для многих Архиереев, уволенных от дел Епархиальных.

То милостивейшее внимание, которого удостоивали меня Ваши Августейшие Родители, называя меня своим воспитанником, внушает и дозволяет мне обратиться к Вашему Императорскому Величеству с всеподданнейшею и убедительнейшею просьбою.

Не по причине какой-либо заслуги и достоинства моих — их нет у меня — в память Ваших почивших Родителей и вследствие Ангельской доброты Вашего сердца окажите мне милость из милостей: повелите удовлетворить моему прошению; даруйте мне насущный кусок хлеба и просимый приют, в котором я мог бы окончить в мире и тишине дни мои, вознося недостойные и убогие молитвы о благоденствии Вашего Величества и всего Вашего Августейшего Дома, о покое и вечном блаженстве Ваших приснопоминаемых Родителей.

С верноподданническими чувствами глубочайшего благоговения и всесовершенной преданности имею счастие быть

Вашего Императорского Величества,
Всемилостивейшего Государя верноподданнейшим слугою
Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
24 июля 1861 года.

---

[1] РГИА. Ф. 797. Оп. 31 – II отд. 2 ст. Дело 209. Л. 3–4. На первом листе Рапорта имеется резолюция, вероятно рукою Императора Александра II: *Желаю знать, представляют ли исполнению его желаний какие-либо препятствия?*

Из рапорта в Святейший Синод

от 24 июля 1861, № 1186 [1]

При всем старании моем расстроенное долговременными болезнями здоровье мое восстановить минеральными водами я мог получить в течение проведенных мною здесь трех с половиною лет только некоторое облегчение, но вместе чувствую особенный упадок сил. Донося о таком положении моем, я вынужденным нахожусь покорнейше просить Ваше Святейшество о оказании мне милостивейшего снисхождения увольнением меня от управления Кавказскою епархиею и о предоставлении мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской епархии по нижеследующим побуждающим меня к таковому избранию причинам: 1) Приобучался я к монашеской жизни в общежительных монастырях и настоятелем сделан первоначально в общежительный монастырь, почему имею особенное сочувствие к общежитиям. 2) Братство упомянутого монастыря достаточно для удовлетворения потребностям Архиерейского служения. 3) Климат и местность сего монастыря соответствуют слабому здоровью моему, заставляющему меня обращать особенное внимание на место жительства. Удовлетворение сей покорнейшей моей просьбы я сочту величайшим для меня благодеянием.

Письмо к Обер-прокурору графу А. П. Толстому

от 24 июля 1861 [2]

(О содействии к увольнению на покой)

Милостивейший Государь,
Граф Александр Петрович!

Весьма давно я имел желание вполне уклониться от мира и по полученным мною монашеским воспитанию и направлению, и при созерцании болезненности моей, не обещающей мне долговременной земной жизни. Более и более рассматривая себя, убеждаюсь, что пустынным моим направлением я разошелся с направлением, требуемым служением посреди мира. Вследствие такового рассматривания и давнишнего расположения я посылаю

[1] *Соколов*... Ч. 1. С. 298. || [2] РГИА. Ф. 797. Оп. 31. Дело 209. Л. 1–1об.

сего дня рапорт в Святейший Синод о моем положении, с прошением увольнения от управления Епархиею и о предоставлении мне в управление общежительного Николаевского Бабаевского монастыря Костромской Епархии. Уведомляя Вас о сем, покорнейше прошу милостивого содействия Вашего, чем окажете мне истинное одолжение.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.
Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский.
24 июля 1861го года.

Письмо к Обер-прокурору графу А. П. Толстому

от 21 августа 1861[1]

Милостивейший Государь,
Граф Александр Петрович!

Письмо Вашего Сиятельства от 6-го августа за № 1488, коим по Высочайшему Повелению Вы изволите уведомлять меня, что всеподданнейшее письмо мое от 24-го июля Его Императорским Величеством принято благосклонно и выраженные в нем мои желания удовлетворены, мною получено сего 21-го августа. Всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство повергнуть к стопам Его Величества мою всеподданнейшую, неограниченную благодарность за оказанное мне благодеяние, которое по моему положению ветхости признаю благодеянием величайшим.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.
Епископ Игнатий.
21го августа 1861го года.

[1] РГИА. Ф. 797. Оп .31 – II отд. 2 ст. Дело 209. Л. 23.

Письмо к Обер-прокурору графу А. П. Толстому

от 14 сент. 1861[1]

Милостивейший Государь,
Граф Александр Петрович!

11-го сего сентября получен мною указ Св. Синода о увольнении меня от управления Кавказскою Епархиею и о предоставлении мне в управление Николаевского Бабаевского монастыря на правах Епархиального Архиерея. Я возблагодарил Бога за доставленное мне положение, удовлетворяющее меня до преизбытка во всех отношениях. Позвольте принести и Вашему Сиятельству искреннейшую признательность за содействие Ваше в деле, которое признаю величайшим для меня благодеянием. Полагаю выехать из Ставрополя 15-го сентября.

С чувствами совершенного почтения и преданности имею честь быть

Вашего Сиятельства покорнейшим слугою.
Епископ Игнатий.
14 сент. 1861 года.

Из Жизнеописания епископа Игнатия[2]

(О скорбях на Кавказской кафедре)

<...> Но скорби не оставляли преследовать епископа Игнатия. Упомянутый циркуляр, обличивший направление журнала Казанской Духовной академии, вооружил против него почти всех епископов, воспитанников духовных академий[3], а кончина Митрополита Новгородского и С.-Петербургского Григория лишила его единственного человека, принимавшего в нем дружественное и искреннее участие, основанное на единении духовном. В это лето 1860 года жена Крастилевского нашла доступ и покровительство своему супругу у Митрополита Филарета Московского[4]. Такое же покровительство нашел в лице Московского святителя и ректор Семинарии архимандрит Епифаний Избитский, вставший в ряду

[1] РГИА. Ф. 797. Оп. 31–II отд. 2 ст. Дело 209. Л. 24. || [2] ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 531. Л. 383об.–389. || [3] Имеются в виду Воззвания святителя Игнатия об освбождении крестьян, публикуемые в наст. издании (с. 397–435). || [4] О взаимоотношениях святителя Игнатия и святителя Филарета см. т. 1 Полного собрания писем, с. 7–21, в частности о приведенном здесь факте — с. 14–19.

недовольных и искавший, так сказать, случая огласить свое нерасположение к епископу Игнатию.

Неудовольствие защитников Казанской академии против Епископа усугубилось обстоятельством, которое Епископ не счел возможным скрыть и должен был довести до сведения Синода как факт, огласившийся во всем образованном обществе Ставрополя. Профессор Казанской академии Гусев, присланный в 1859-м году для обревизования Ставропольской семинарии, на испытании воспитанников в присутствии всех преподавателей Семинарии и воспитанников учеников Богословского отдела кощунно отозвался о поведаниях библейских. Слова его повторялись одними кощунно, а благочестивыми христианами — с великою скорбью. Гусев, однако, получил награду — Орден Св. Владимира 3-ьей степени и сряду, однако, должен был оставить службу при Академии. Успешное влияние интриг ректора архимандрита Епифания в соединении с протоиереем Крастилевским при Митрополите Филарете выразилось, с одной стороны, неподвижностью в Синоде исхода дела Крастилевского, с другой — нахально дерзкими безнаказанными действиями архимандрита Епифания, до того забывшегося, что в один из высокоторжественных дней, по окончании Божественной литургии в летнем кафедральном соборе, он, сослуживший Епископу, вследствие спора с кафедральными священнослужащими, в присутствии Командующего войсками генерал-адъютанта графа Евдокимова и всего военного и гражданского начальства, сопровождавших Епископа к экипажу, подбежал к дверцам кареты и, остановив весь разъезд, с великим раздражением стал разъяснять жалобу свою. Епископ сказал: «Здесь не место — мы задерживаем всех», приказал ему ехать в Архиерейский дом, чтобы там объяснить ему случившееся. Оказалось, что архимандрит заносчиво оскорбил кафедральных священнослужащих и потому получил предложение Епископа две недели не выезжать из дома. Взыскание это, естественно, не умиротворило архимандрита Епифания, опиравшегося на давнее покровительство Митрополита Филарета.

Отношения Митрополита Исидора к преосвященному Игнатию были также не благосклонны. Они выразились довольно резко в проезд Митрополита из Тифлиса на Киевскую кафедру. В видах поощрения и большего развития воспитанников Семинарии старшего курса епископ Игнатий ввел обычай призывать к себе на духовную беседу и рассуждения о предметах веры воспитанников Семинарии богословского курса, отличающихся благонравием и

успехами в науках, по засвидетельствованию ректора и в сопровождении профессоров. Беседы эти происходили за вечерним чаем, сопровождаемым угощением фруктами и разными сластями. Такое обращение Епископа со своими подчиненными показалось Митрополиту Исидору до неприличия фамильярным, и он при свидании с ним в г. Георгиевске не остановился сделать ему словесный строгий выговор, на который Епископ отвечал одним молчанием. Особенная неуместность этого обстоятельства и бестактность, чтоб не сказать необдуманность, выговора состояла в том, что он был сделан в присутствии Начальника губернии генерал-лейтенанта Волоцкого, нашедшего нужным успокаивать Митрополита, убеждая его удовлетвориться молчанием Епископа. Когда Преосвященный Митрополит Исидор занял место вскоре за тем почившего Санкт-Петербургского Митрополита Григория, епископ Игнатий письмом просил Митрополита Исидора о переводе его в одну из Епархий Восточной России, где бы он мог присмотреть себе монастырь, чтоб поселиться в нем на покое. Просьбе этой Митрополиту Исидору угодно было дать тот смысл, что будто бы Преосвященный Игнатий просил очистить ему вакансию на Воронежскую кафедру, а потому, так как кафедра эта занята, то и просьба Преосвященного удовлетворена быть не может. Иронический тон письма не оставлял никакого недоразумения. Напрасна была просьба его об этом же к Филарету Московскому. Между тем Преосвященного постигла очень тяжелая болезнь — натуральная оспа, при сильном горячечном состоянии. Болезнь длилась, выздоровление хотя наступало, но медленно, силы его стали видимо слабеть, и он решился проситься прямо на покой, в уже знакомый ему Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. В конце июля 1861 года подал о том рапорт в Синод и обратился со всеподданнейшим письмом к Государю Императору.

<...> Августа 5-го состоялось увольнение с назначением пенсии по тысяче рублей в год, впоследствии она по Высочайшему повелению увеличена до полутора тысяч в год.

19-го сентября 1861-го года Государь Император посетил Кавказ, но в Ставрополе не был, а, осматривая вновь покоренные земли за Кубанью, спрашивал у графа Евдокимова (главная квартира которого была в Ставрополе) о Преосвященном и через него прислал ему орденские знаки Св. Анны 1-й степени, которые уже не застали Владыку в Ставрополе, а отправлены были ему по почте на новое место жительства.

При отъезде из Ставрополя, как прежде из С.-Петербурга, у Преосвященного не имелось собственных денежных средств. Он должен был опять прибегнуть к посторонней помощи, чтоб рассчитаться с некоторыми долгами и покрыть путевые издержки. На пути следования через Москву он остановился у старого знакомца своего Преосвященного Леонида, епископа Димитровского, Викария Московского. При представлении своем Митрополиту Московскому он докладывал ему свои замечания о грустном и несоответственном цели воспитания юношества, приготовляющегося к служению Церкви; о гибельном вторжении в среду воспитателей, а потому и воспитываемых,— идей самых враждебных, противоположных Духу Христианства в его Церковно-Православном Учении. Владыка Московский Высокопреосвященный Филарет сознавал истинность этого явления, свидетельствованного множеством фактов, и вместе оправдывал свое невмешательство в дело духовно-учебное старостью своею и своим отдалением от центра духовно-административного[1].

На другой день после свидания с Высокопреосвященным епископ Игнатий подвергся нервному удару в правую ногу (ichias), что заставило его отнестись к медицинской помощи и продлило пребывание его в Москве на целых две недели. Хотя множество поставленных пиявок ослабили действие удара, но с того времени Преосвященный постоянно чувствовал слабость и болезненность в этой ноге.

Для полноты очертания плодов деятельности епископа Игнатия на Кавказской кафедре здесь уместно будет сказать, что множество следственных дел, тянувшихся производством, часто по предлогам не только неуважительным, но даже и умышленно недобрым, множество неудовольствий между прихожанами и духовенством и еще большее число дел, возникавших от враждебных столкновений уездных гражданских властей с духовными, или были прекращены примирением враждовавших сторон, или разобраны и решены окончательно. Из множества их ко времени выбытия Епископа на покой осталось сравнительно ничтожное число неоконченных, так что вообще можно сказать, все отрасли Епархиального управления оживились самою энергично-благотворною деятельностью.

Занятия по управлению Епархиею не изменяли его обычно келейного дела, его главного иноческого подвига в постоянном

[1] Отзывы Митрополита Филарета об этой встрече и о святителе Игнатии см.: *Соколов*... Ч. 1. С. 299; Отец современного иночества. М., 1996. С. 44–45.

самонаблюдении; он продолжал внимательно изучать жизнью монашество, как науку жизни, ведущую к христианскому совершенству. Здесь, кроме устно сказанных им поучений, преимущественно из опытов аскетического подвига, он написал всю книгу, озаглавленную им: «Приношение современному монашеству», составившую 4-й том его творений, изданную в 1867 году. В ней преподает он современному монашеству советы жизни иноческой в правилах наружного поведения и о внутренней душевной деятельности, применительно к тем многоразличным служениям, какие возлагаются на монашествующих в наше время. Здесь же составил он Слова: «О различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу», «О чувственном и духовном видении духов» и «О спасении и христианском совершенстве». Слово о видении духов составлено Преосвященным на основании учений святых Отцов Вселенской и Восточной Церкви, подтвержденных и уясненных его собственными опытами. В опыты эти он введен был перстом Промысла Божия и, поведывая их в течение большей половины своей духовной жизни, изображал их в своих книгах, рассматривая и описывая их как с духовной, так и физической стороны.

Здесь же, в Ставрополе, по поводу нового догмата, введенного Римскою церковию в учение о Рождестве Божией Матери, по просьбе местных благочестивых православных христиан[1], им изложено «Учение Православной Церкви о Божией Матери», помещенное в конце «Аскетической проповеди», составляющей 3-й том сочинений епископа Игнатия, издания 1867 года.

---

[1] Главным образом, Григория Ивановича Филипсона, командовавшего тогда войсками Правого крыла Кавказской линии. (*Примеч. авторов Жизнеописания*).

Священник Михаил Моздор

Епископское служение святителя Игнатия[1]

<...> Кавказская епархия, вверенная святительскому окормлению епископа Игнатия, простиралась с востока на запад от Каспийского моря до Черного и Азовского. Снежные вершины Главного Кавказского хребта служили ее южной границей, а на север тянулись сухие степи до рек Кумы и Маныча. Христианство в эти края было принесено в древние времена проповедниками Слова Божия из Византии, о чем свидетельствуют памятники-храмы, относящиеся к X веку в верховьях рек Кубани и Зеленчука. Вплоть до XIX века в живописных развалинах на правом берегу Подкумка находили церковную утварь, выкованную из серебра, а также большие железные кресты, которыми обыкновенно украшают главы православных церквей. «Предание помещает здесь древний город черкесской земли Бергусант, что значит собрание многих антов, может быть, «собрание верующих», то есть церковь антов»[2]. Носителем имени этого древнего города, переделанного на русский лад, является теперь скромная станица Бургустан.

Все эти свидетельства говорят о рассвете некогда в этих краях христианской жизни. В XVI веке прерванную христианскую традицию возродила Русская Православная Церковь. В 1567 году на левом берегу Терека по указанию царя Иоанна Грозного была заложена крепость Терки. Этот год считается началом поселения на Кавказе российских служилых людей. После Персидского похода царя Петра I заселение кавказских просторов выходцами из внутренних губерний России началось с новой силой. Вместе с поселенцами на Тереке и Кубани появлялись всё новые православные храмы. Духовное окормление этого Края было возложено на астраханских архиереев, хотя громадные расстояния не позволяли им должным образом выполнять свою миссию. Поэтому в самом конце XVIII века ввиду обширности Астраханской епархии было учреждено Моздокско-Маджарское Викариатство, которое просуществовало около 6 лет и было закрыто по причине малочисленности его церквей. В то время как восточная часть Северного Кавказа по церковным делам относилась к Астраханской епархии,

[1] Очерк священника Михаила Моздора заимствован из журнала «К свету». [М., 1994]. №11–12. С. 31–41. Постраничные примечания – авторские. – *Ред.* ||
[2] *Потто В.* Два века Терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 7.

западная часть Черномории, насчитывавшая в то время только 14 церквей, находилась в ведении Таврическо-Феодосийского Викариатства Екатеринославской епархии. Гражданская власть в этот период сосредоточивалась в Георгиевске, небольшом городке на реке Подкумок. Именно там в 1783 году, после молебна в ныне действующей походной церкви святителя Николая, был подписан трактат о добровольном принятии Грузией покровительства России. Тем временем разрастались казачьи поселения вокруг Азово-Моздокской укрепленной линии, построенной по проекту князя Потемкина, утвержденному 24 апреля 1777 года подписью императрицы Екатерины II.

Со временем административный центр из Георгиевска переместился в одну из крепостей—Ставропольскую, расположенную на обширной одноименной возвышенности. С 1 января 1843 года Ставрополь получил новый высокий статус кафедрального города в связи с вновь открытой Кавказской и Черноморской епархией.

Открытие Кавказской епархии (1843) и возвышение ее кафедрального города Ставрополя в центр Ставропольской губернии (1847) происходили в самый разгар непрерывных военных действий с Шамилем. Война эта, продолжавшаяся более полувека, изнурительным бременем ложилась на плечи всех жителей Кавказа от мала до велика. В 1853 году положение населения еще более ухудшилось. Обострившиеся отношения между Россией, с одной стороны, а также Турцией, Англией и Францией — с другой, доставили командованию Кавказа серьезные беспокойства и вынудили его готовиться к боевым действиям с самыми серьезными противниками. Несмотря на то что основные военные действия в 1853–1856 годах развернулись в Крыму, Северному Кавказу в этой войне отводилось чрезвычайно важное место. К народам Кавказа были отправлены «десятки османских и английских эмиссаров с письмами... и традиционным призывом к «священной войне» против России»[1].

В дальнейшем, несмотря на то что Шамиль официально получил от Порты звание генералиссимуса черкесской и грузинской армии, а его наиб Магомед-Амин был провозглашен начальником всех горских ополчений Западного Кавказа с вручением ему генеральских регалий, ни тот ни другой не смогли оказать серьезного влияния на обстановку в Закавказье и на Северном Кавказе. В этот период многие священники Кавказской епархии, делившие все тяготы военной жизни своей паствы, к моменту восшествия на

[1] История народов Северного Кавказа. М., 1988. С. 185.

Ставропольскую кафедру святителя Игнатия были награждены боевыми орденами.

Суровые условия военного быта, в которых паства Кавказской епархии жила на протяжении многих десятилетий, воспитывали в ней воинственный характер. Однако постоянные опасности и бедствия, от которых спасти мог часто только Господь, пробуждали в сердцах людей ревностное благочестие. Впрочем, рядом с трудолюбивыми земледельцами и доблестными воинами в Крае жили бродяги, воры и разбойники. С православными христианами соседствовали: горцы-мусульмане, кочевники-язычники, католики, армяне григорианского исповедания, старообрядцы-раскольники, представители самых разнообразных сект. Таким разноплеменным, разноязычным, многообразным по вероисповеданию и тем более по духовно-нравственным качествам населения был Северный Кавказ, когда только что принявший благодать архиерейства святитель Игнатий отправлялся к месту своего архипастырского служения. Собираясь в путь, он писал к своему брату, П. А. Брянчанинову, бывшему в то время Ставропольским вице-губернатором: «Усердно желаю, чтобы ты остался в Ставрополе и чтобы нам Бог благословил потрудиться вместе для пользы христианства... Церкви Православной и тесно связанной с нею пользы Отечества... молю Господа, чтоб даровал мне посвятить себя всецело учению Христову, как этого и требует моя обязанность, и этим учением пропитывать себя и ближних во спасение».

* * *

В самые лютые морозы зимой 1858 года святитель Игнатий со своими спутниками находился в пути. Железнодорожное сообщение тогда было только между Петербургом и Москвой, а далее, через Курск и Харьков, приходилось ехать на лошадях. В степях за Доном на путников внезапно обрушился жестокий снежный буран, да так, что сама жизнь епископа Игнатия подвергалась опасности. Четвертого января, в канун Крещенского сочельника, Владыка прибыл в Ставрополь.

Высокий холм, поднимающийся над Ставропольской возвышенностью, венчался кафедральным собором Казанской иконы Божией Матери архитектуры Тона. Еще издали виден был этот храм, стоящий как бы на облаке, над всем городом[1].

[1] Собор этот был построен в 1847 году при епископе Иеремии, взорван в 1943 году, уже после ухода немецких войск из города.

К сожалению, архиерейское служение не могло совершаться в этом прекрасном вместительном храме, так как он не отапливался. В зимнее время торжественные богослужения совершались в теплом Спасском соборе, расположенном над лавками гостиного двора. Вероятнее всего, именно в нем была произнесена первая на Кавказе, краткая, но проникновенная проповедь епископа Игнатия: «Мир граду сему! Произношу это приветствие по завещанию Господа моего, пришедши с посохом пастыря в богоспасаемый град Ставрополь... В душе, в которой от покорности Богу утихли страсти, царствует Бог, царствует мир Христов... Такой мир испрашиваю себе и вам, возлюбленные братья, у единого Подателя истинного и святого мира, у Господа нашего Иисуса Христа». И к этому внутреннему духовному миру, которого искал для себя и для своей паствы Святитель-подвижник, Бог «приложил» (Мф. 6. 33) мир внешний, долгожданный, мир в полувековой Кавказской войне. Война эта закончилась победой именно в тот период, когда над Северным Кавказом распростер святительский омофор епископ Игнатий.

В Ставрополе тогда было 12 церквей. При кавказском Архиерейском доме имелся кавказский кафедральный Казанский собор, его обслуживали: 1 протоиерей, 3 священника, 5 диаконов вместе с протодиаконом, а также псаломщики, звонари в количестве 35 человек. Этот же штат обслуживал в зимнее время гостинорядскую Спасскую церковь (зимний собор). К Архиерейскому дому также относились две домовые церкви: Крестовоздвиженская, при временном приюте Епископа, и Андреевская на Воробьевских высотах, без причта. Кроме того, в городе действовал один Троицкий (холодный) собор со штатом из 1 протоиерея, 3 священников и 2 диаконов, две одноштатные приходские церкви великомученицы Варвары и Георгия Победоносца, три одноштатные церкви в казенных богоугодских заведениях (в гимназии, в Иоанно-Мариинской женской общине и тюремном замке) и две кладбищенские церкви, Успенская и Даниловская, без причта. Кроме того, в городе действовала Духовная семинария, открывшаяся в 1846 году, единственный на Кавказе колокольный завод, существовавший с 1843 года, и публичная библиотека, открытая в декабре 1852 года.

С первого дня пребывания в Ставрополе владыка Игнатий ощутил тяготы неустроенности вверенной ему кафедры. Ветхая хижина, именуемая Архиерейским домом, пожертвованная 14 лет назад купцом Волобуевым для временного приюта первого Ставрополь-

ского епископа Иеремии, к тому времени стала разрушаться. Поэтому Святитель первые полгода вынужден был проживать на частной квартире, безвозмездно предоставленной ему Г. Стасенковым. Само содержание Архиерейского дома было наискуднейшим. Всех угодий, предоставленных Краем Архиерейскому дому, было лишь 200 десятин земли, при реке Мамайке близ Ставрополя. Отдаваемая в годичное оброчное содержание, эта земля приносила 200 рублей серебром в год и овощи для насельников Архиерейского дома. Еще более скудный доход приносили рыбные ловли на реке Терек возле Моздока. Их отдавали в годичное пользование некоему армянину Б. Каспарову, доход составил в 1859 году 34 рубля серебром, а в 1860 году — и вовсе 22 рубля. Кроме того, в качестве статьи дохода упоминается еще мельница, от которой, судя по дальнейшему ходу дел, проку было также немного. Поэтому братия Архиерейского дома, в которую вошли прибывшие со Святителем его ученики, разделяла все тяготы своего наставника. Они же и вели посильный ремонт в жилых помещениях при Крестовоздвиженской и Андреевской церквах, а также совершали богослужения в них и в церкви ставропольского тюремного замка.

Несмотря на изобилие праздничных богослужений в январе и начавшиеся со 2 февраля великопостные службы[1], владыка Игнатий находил время заниматься административными делами. Прежде всего, Святитель был озабочен надлежащим устроением вспомогательных по отношению к Епископу учреждений Духовной Консистории и состава окружных благочинных. На этом поприще деятельность Архипастыря выразилась в тщательном отборе трудолюбивых и исполнительных кандидатов, а также устранении от дел лиц корыстолюбивых и самовластных. В этой связи немало хлопот доставил ему кафедральный протоиерей Константин Крастилевский, «врожденная хитрость» которого, «доходящая до коварства», позволяла держать в Консистории превосходство перед прочими членами.

Наряду с активной деятельностью по приведению в надлежащий вид органов административного управления, Святитель проявлял самое живое участие в деле улучшения быта своей паствы, Консисторских служащих и клира. Не оставлял он с первых дней своим вниманием и забот о воспитании будущих пастырей, воспитанников Кавказской духовной семинарии.

---

[1] Пасха в 1858 году была очень ранняя, 23 марта. Праздник Благовещения совпал с 3-м днем Пасхи.

Не давала покоя Епископу и мысль о должном устройстве жилища правящего Архиерея. Владыка вполне понимал, что ему не придется пожинать плоды трудов своих, но это не уменьшало его усердия в преодолении стоящих на пути препятствий.

Убогая хижина при Крестовоздвиженской церкви и прилегающее место не понравились Преосвященному Игнатию, по мнению которого Архиерейский дом должен стоять вдали от шумных мест города и носить характер монастыря. Другое место в верхней части города, именуемое Воробьевкой, при Андреевской церкви, весьма удобное и живописное, вполне отвечало запросам архипастыря. При этом месте была «лесная дача с плитною ломкою», пожертвованная Дому городом[1]. Но место это находилось в процессе с чиновником Крупинским, самовольно захватившим значительную часть участка и устроившим там кирпичный завод. Поэтому предстояло законным образом вернуть незаконно захваченный своевольным предпринимателем участок и собрать значительные средства, прежде чем начать строительство дома.

Встретив день Святой Пасхи в Ставрополе и совершив радостные богослужения Светлой седмицы, владыка Игнатий стал собираться в дальний путь для обзора Епархии. Однако позднее наступление весны не позволило ему далеко отлучаться от кафедрального города в течение всей Пятидесятницы.

12 мая, в день Святого Духа, Святитель совершил богослужение в станице Михайловской[2] в трехпрестольной деревянной церкви Архангела Михаила, имевшей приделы благоверных князей Петра и Февронии и благоверного князя Александра Невского. За богослужением епископ Игнатий совершил освящение Георгиевского знамени, Высочайше пожалованного Линейному войску. Перед освящением знамени владыка Игнатий произнес проповедь, которая была отпечатана и разослана по всему Линейному войску.

Через 2 дня, 15 мая, Преосвященный Игнатий, сделав соответствующие распоряжения Духовной Консистории о пересылке ему по пути следования входящих важных документов, выехал из Ставрополя для осмотра восточной части Епархии.

По предварительному плану, вся протяженность маршрута должна была составить 759 верст, однако в действительности расстоя-

[1] Улица Дзержинского, на которой располагается Андреевский кафедральный собор, Епархиальное управление и Ставропольская духовная семинария, раньше называлась Воробьевская. || [2] Станица Михайловская, в то время отстоявшая от Ставрополя на 7 верст, теперь носит название с. Шпаковское и фактически уже сливается с самим городом.

ние пути было увеличено Святителем более чем вдвое. От губернского города Ставрополя путешествие Епископа пролегало через населенные пункты: Марьевскую, Биховскую, Сергиевскую, Высоцкое, Ореховское, Медведевское, Журавское, Китаевское до Новоселицкого. В этом селе уже в то время было два священника и два больших каменных храма во имя святого благоверного князя Александра Невского и в честь Преображения Господня. Далее путь пролегал через Чернолесское, в котором была каменная церковь святителя Николая, Маслокутское (теперь Стародубское), до Воронцовского (теперь Зеленокумск), в котором действовали две каменные церкви: Рождества Богородицы и огромный храм в честь Преображения Господня (село это обслуживалось 3 священниками). К началу лета Владыка через Новозаведенное, Георгиевск и Лысогорскую добрался до уездного города Пятигорска. Православная церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» располагалась в нижней части этого города. Храм был деревянный, тесный, низкий и во всех отношениях не соответствовал городу. На собранные со всей России средства в городе стал в 1847 году возводиться каменный Спасский собор, по проекту архитектора Тона. В 1858 году собор этот был возведен уже до куполов, но появившиеся по всему зданию трещины, свидетельствовавшие о слабости фундамента, заставили разобрать его до основания (постройку окончили только в 1867 году). Посетив Скорбященскую церковь, епископ Игнатий после совещания с городским духовенством и городскими властями нашел возможность расширить храм и возвести над ним деревянный купол, чтобы устранить невыносимую духоту во время летних богослужений. Воодушевленные горожане, добыв в скором времени достаточное количество лесного материала превосходного качества, взялись за работу. Праздник Рождества Христова жители Пятигорска встречали уже в новом храме, вмещавшем, по сравнению с прежним, тройное количество молящихся. С посещением Пятигорска Преосвященным Игнатием связано еще одно важное для города событие. Летом 1858 года святитель «совершил торжественное освящение грота известного Большого Провала, ставшего доступным для обозрения и для лечения благодаря проведенному к этому творению природы тоннелю. После погружения владыкой Игнатием креста в воды подземного озера Провала и окропления стен его грота освященной водой здесь был поставлен образ Скорбящей Божией Матери. Впоследствии в память о торжестве открытия тоннеля и освещения Провала управ-

ление Кавказских минеральных вод поставило в гроте киот с иконой целителя страждущих святого Пантелеймона»[1].

Судя по резолюциям Святителя на документах, доставляемых ему из Консистории, Владыка пребывал в Пятигорске с 3 по 26 июня 1858 года. Консисторские бумаги, подписанные им 30 июня и 6 июля, говорят о его пребывании в станице Ессентукской. Время путешествия Архипастыря через Моздок и укрепленные станицы Гребенского и Терского казачества, лежащие в непосредственной близости к зоне боевых действий, до Кизляра, точно неизвестно. В консисторских бумагах имеется документ, подписанный Святителем 4 августа, но без указания места подписания. Вероятнее всего, владыка Игнатий проделал путь до Кизляра и обратно или между 6 и 21 июля, когда он находился уже в Кисловодске, или в промежутке между 26 августа и 11 сентября. Путь этот, несмотря на конвой, сопровождавший ревностного Архипастыря, был полон всевозможных опасностей. Преосвященный Иеремия, первый Кавказский епископ, вспоминая о своей деятельности на Ставропольской кафедре, писал: «...не было места на всем Предкавказье, где не угрожали бы либо плен, либо меч, либо шашка, или меткая пуля черкесская. По сему всякий путник, почти на всех путях Кавказа, непременно должен был иметь и память о смерти, и готовность встретить смерть по-христиански. А для сего некоторые из священнослужителей кавказских в путешествии своем имели при себе Святые Дары». Не исчезла эта опасность и во время служения на Кавказе епископа Игнатия. Так, село Сухая Буйвола, которое Владыка посетил на обратном пути в Ставрополь, несмотря на то что расположено оно довольно далеко на севере от укрепленной линии, в этом же году подверглось нападению горцев. Во время вооруженной схватки 5 человек крестьян были убиты, а 2 женщины попали в плен. Село Марьевское (теперь Старомарьевское), расположенное всего в полутора десятках верст от самого Ставрополя, терпело нападения горцев вплоть до 1864 года.

В дни пребывания в Моздоке епископ Игнатий встретился с депутацией горцев, жаловавшихся на безразличие прежнего моздокского протоиерея к их нуждам. Протоиерей этот находился в то время под церковным следствием, но протоиерей К. Красти-левский, состоявший с ним в родстве, всячески препятствовал

---

[1] *Митрополит Гедеон.* История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М.; Пятигорск, 1992. С. 126.

ходу следствия. Это производило в среде горцев сильное волнение. Пылкие по своему темпераменту, они размышляли уже похитить чудотворную икону Божией Матери из Успенского храма и удалиться в горы. Раздосадованные невозможностью объясниться со своими священниками и лишенные по этой причине таинства исповеди, горцы-христиане обратились к прибывшему Архипастырю с последней надеждой. Епископ Игнатий предложил им священника из грузин, знавшего осетинский язык, что вызвало восторг среди осетинского населения. Чтобы утешить и черкесов, Епископ посоветовал им избрать из своей среды благонравного юношу для подготовки его к служению Церкви. Предложение было принято с удовольствием. Молодой человек из дворянского рода, получивший уже некоторое образование при Моздокском духовном училище, был тут же представлен Святителю. И пока тянулось отчисление черкеса из казачьего ведомства в духовное, он долгое время жил в Архиерейском доме, посещая занятия в Семинарии.

Успокоив таким образом волнения в Моздоке, Святитель отправился далее на восток в уездный город Кизляр, удаленный на 500 верст от Епископской кафедры. В этом городе он посетил церковь в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» и Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь, где настоятелем в то время был игумен Герман. К сожалению, многочисленные проповеди, произнесенные Святителем в этот период и вошедшие в IV том его творений, не имеют датировки, хотя некоторые из них могли произноситься им за богослужениями на приходах во время обзора Епархии.

Летом 1858 года владыка Игнатий задержался некоторое время на Кавказских минеральных водах, чтобы немного поправить свое здоровье. В письме от 21 июня 1858 года настоятелю Валаамского монастыря игумену Дамаскину епископ Игнатий писал: «Один климат здешний служит врачеванием... В настоящее время нахожусь в Кисловодске, где принимаю ванны из минеральных вод... Здоровье мое несколько поправилось от употребления сперва серных теплых, потом щелочных умеренных и, наконец, прохладных и холодных ванн из нарзана. Но, по свидетельству здешних опытных людей, невозможно получить полного исцеления в одно лето от закоренелой, долговременной простуды, какова моя...»

Постоянно занятый мыслью о благоустройстве Епархии, Святитель-подвижник прервал свое лечение на той стадии, когда

скрытые его болезни различными путями стали прорываться наружу. Несмотря на полное ослабление организма в этот момент, Преосвященный оставил Кавказские минеральные воды и продолжил посещение приходов вверенной ему Епархии.

На обратном пути из Георгиевска епископ Игнатий посетил Обильное, двухштатный приход Солдато-Александровское с деревянной церковью во имя благоверного князя Александра Невского и Отказное, в котором в 1797 году была построена деревянная церковь во имя святителя Николая, а построение другой, каменной церкви во имя Трех Святителей было окончено в 1858 году. В числе бумаг, поступивших в Духовную Консисторию при возвращении епископа Игнатия в Ставрополь, упоминается документ об освящении церкви в селе Отказное. Возможно, освящение этого нового храма было совершено самим Святителем.

Далее путь Епископа пролегал через Федоровку (Новогригорьевское) и Новоархангельское до Прасковеи, которое славилось своим вторым храмом в честь Вознесения Господня. Храм этот был «выстроен в характере первоначально употребленном архитектором Тоном, который долгое время слыл под именем «византийского». Размерами он не уступал Ставропольскому кафедральному собору и был «расписан московскими художниками соответственно вкусу и обилию Края».

Посетив прикумские селения: Правый Кумский отселок, Владимировку, Левый Кумский отселок, Бургун-Маджары, Покойное, Святитель повернул на запад. На пути его были расположены села: Сотниковское, Бурлацкое (имевшее в то время только молитвенный дом), Благодарное (с двухштатным каменным храмом во имя святых бессребреников Косьмы и Дамиана), Александрию (с двумя храмами Дмитрия Солунского и Алексия, человека Божия), Шишкинское, Сухая Буйвола, Камбулат, Ягуры. (Здесь, по докладу Преосвященного в Духовную Консисторию, велась подготовка к строительству церкви. Храм этот во имя Архангела Михаила был выстроен в 1860 году.) Прибыв через Николину Балку в село Петровское, святитель Игнатий был поражен великолепием построенного здесь храма. Храм этот во имя святителя Николая, имевший второй придел во имя Петра Новгородского, был лучшим во всем Кавказском крае. Он, по свидетельству епископа Игнатия, «в характере первых храмов Тона, очень похож на храмы святой Екатерины великомученицы в Коломне и Введения в Семеновском полку в Санкт-Петербурге».

Далее епископ Игнатий через Донскую Балку, Константиновское, Благодатное (имевшее церковь Покрова Божией Матери), Кугульту (с храмом Казанской Божией Матери) и Дубовку (с церковью Дмитрия Солунского) 19 сентября в 6 часов вечера прибыл в Ставрополь.

Ознакомившись с восточной частью Епархии, Архипастырь остался доволен духовно-нравственным состоянием духовенства, состоянием храмов, утвари и ризниц.

Во время отсутствия святителя Игнатия в Ставрополе было окончено возведение нового Архиерейского дома. Пожертвованные ставропольскими гражданами, по воззванию Преосвященного, 3875 рублей были недостаточными для строительства Архиерейского дома, так как стоимость, например, лесных материалов в Ставрополе была вчетверо дороже, чем в Санкт-Петербурге. Поэтому Владыка обратился к духовенству Епархии с просьбой о посильных пожертвованиях из церковных сумм. Однако впоследствии из-за недовольства Синода деньги эти пришлось вернуть под расписку. И все-таки, несмотря на трудности, в кафедральном городе был построен скромный деревянный Архиерейский дом, впрочем не чуждый изящества. По замечанию Леонида Соколова, Дому было дано новое расположение. «Помещенный на конце города, вдали от шума... епископский приют напоминал собою уединенные монастыри и скиты Российские...»[1] Письмо епископа Игнатия игумену Дамаскину позволяет уточнить место его расположения: «Домик... деревянный, весьма небольшой и весьма удобный, при церкви; из комнат в церковь ход... Церковь с домиком моим находится посреди большого сада... и весьма напоминает Оптинский скит». Храм, упоминаемый в этом письме, не мог быть никаким другим, кроме теперешнего Андреевского кафедрального собора[2].

Кроме строительства нового деревянного дома на каменном фундаменте, трудами братии Архиерейского дома, или, как его стали называть, «Андреевского Крестового монастыря», в течение периода с июля 1858 по январь 1859 года в самой церкви были отремонтированы печи, вставлены недостающие в рамах

---

[1] *Соколов Л.* Епископ Игнатий Брянчанинов... Киев, 1915. Ч. 1. С. 238. ‖ [2] Домовых церквей в Ставрополе в то время было две: первая, Крестовоздвиженская, была расположена вблизи шумной Николаевской улицы; вторая, Андреевская, находится теперь в центре города. Однако площадь Татарского базара, переименованная в 1850 г. в Александровскую, к которой примыкала церковная ограда, была в то время фактически пустырем. Весь город располагался ниже по восточному склону холма и поэтому теперешнее центральное расположение Андреевского собора считалось окраинным.

стекла, отреставрированы изъяны штукатурки, поправлена церковная ограда.

Вернувшийся из объезда Епархии епископ Игнатий вновь обратился к проблемам Духовной Консистории. К тому времени Святитель пришел к твердому убеждению, что исправление протоиерея Крастилевского дело невозможное, а удаление его из Консистории дело необходимое. Преосвященный Игнатий указом от 24 сентября 1858 года уволил его от должности кафедрального протоиерея и от присутствия его в Консистории, а 17 ноября того же года предоставил ему настоятельство в моздокском храме. Прикрываясь ложным смирением и ссылаясь на всевозможные обстоятельства, бывший кафедральный протоиерей стал проявлять неповиновение и противодействие Архиерейским распоряжениям. Отсылая непрестанные жалобы в Синод, он в самых деликатных выражениях настойчиво требовал исполнения собственной воли. Вначале он ходатайствовал об оставлении его кафедральным протоиереем, затем протоиереем Троицкого собора, Успенского кладбищенского храма и, наконец, церкви тюремного замка. Несмотря на многочисленные предложения Преосвященного, протоиерей Крастилевский требовал только своего. В конце концов, из-за вмешательства синодальных бюрократов, стремившихся лишь к соблюдению формальной законности, в отличие от морально-нравственного подхода епископа Игнатия, протоиерей Константин Крастилевский был помещен при церкви тюремного замка.

В это же время епископ Игнатий рассмотрел горы незавершенных дел, скопившихся в Консистории. Этому, в частности, способствовали прежние члены Консистории. Так, немыслимая клевета секретаря Д. Васильева на протоиерея Афанасия Кучерова дошла до Святейшего Синода и Императора. Следствие по этому делу епископ Игнатий производил уже по Высочайшему указанию. Деятельность помощника секретаря Альбанова порождала многочисленные жалобы на него. Поэтому под влиянием святителя Игнатия состав Консистории совершенно изменился. Из прежнего состава остался только протоиерей Дмитрий Гремячинский.

В начале мая 1859 года святитель Игнатий отправился из Ставрополя для обозрения церквей западной части Епархии — Черномории. В это время Епископом было посещено 100 церквей, совершено 17 литургийных служений. Длительная остановка была

совершена лишь в Тамани. Проделав путь в 1866 верст, в августе святитель Игнатий вновь возвратился в Ставрополь.

Наряду с упорядочением консисторского делопроизводства, особое внимание святителя Игнатия было обращено на значение окружных благочинных и их участие в деятельности правящего Архиерея. Кавказская епархия состояла из 18 благочиний. Некоторые из них находились на значительном расстоянии от кафедрального города. В целях предоставления благочинным возможности наилучшего исполнения обязанностей епископ Игнатий постарался освободить их от лишних забот и должностей. В первую очередь это коснулось вновь назначенного благочинного по городу Ставрополю протоиерея Троицкого собора Феодора Поспелова. Для укрепления духовенства на местах служения Святитель рассматривал их прошения о переводе, только учитывая мнение благочинных, что поднимало авторитет последних. С одной стороны, эта мера облегчила канцелярскую работу Консистории, а с другой, в скором времени выявила и очертила характеры благонамеренных и своевольных пастырей. До возглавления кафедры епископом Игнатием все следствия по различным тяжбам в среде духовенства велись Консисторией, обычно оставлявшей благочинных в неведении, что не лучшим образом влияло на исход разбирательства. Для устранения этого отрицательного явления епископ Игнатий предложил использовать для следствия исключительно благочинных. Кроме указанных мер, преосвященный Игнатий старался дать возможность благочинным, кроме формальных официальных рапортов, иметь самое непосредственное общение со своим Архипастырем.

Большое значение владыка Игнатий придавал строительству и благоустройству храмов и духовных учебных заведений. При нем в 1859–1860 годах у кафедрального собора по проекту архитектора Воскресенского была сооружена грандиозная колокольня. Специально для нее был отлит огромный колокол, весивший 523 пуда. В это же время ставропольский купец Ефимий Дмитриев пожертвовал 1000 рублей серебром для устроения иконостаса в кладбищенской Успенской церкви. Наблюдение за его возведением епископ Игнатий поручил протоиерею Феодору Поспелову, а проект заказал тому же архитектору Воскресенскому. Вместе с упомянутым губернским архитектором святитель Игнатий, военный инженер по образованию, разработал проект каменного храма для села Новогригорьевского. Это грандиозное и величественное сооруже-

ние построил Ветров, участвовавший в качестве десятника в постройке здания Эрмитажа в Петербурге.

Кавказская духовная семинария, открытая 13 ноября 1846 года в день памяти святителя Иоанна Златоуста, трудами преосвященного Иеремии, во времена управления кафедрой епископом Игнатием, не имея собственного здания, вынуждена была снимать дома у частных лиц, а именно у протоиерея Димитрия Гремяченского. В правление Семинарии постоянно поступали предложения различных граждан Ставрополя, в том числе Д. Соннова и П. Волобуева, взять внаем или купить принадлежащие им дома в различных частях города. Правление Семинарии своим представлением от 28 февраля 1859 года предоставило решение этого вопроса на усмотрение правящего Архиерея. Уведомив Святейший Синод о положении дел по вопросу размещения Кавказской семинарии, святитель Игнатий в мае 1859 года получил распоряжение и. о. Обер-прокурора Князя С. Урусова составить план смежных каменных домов Д. Соннова и П. Волобуева с обозначением предполагаемого там размещения Семинарии, а также смету на необходимую перестройку. В своем ответе обер-прокурору от 17 сентября 1859 года епископ Игнатий извещает его о том, что купец Д. Соннов, несмотря на двухкратные просьбы правления Семинарии представить планы зданий и проект условий, продал свои дома дирекции ставропольских училищ под размещение там женских гимназий. А одних зданий П. Волобуева, за которые он просит 44 000 рублей, для размещения Семинарии недостаточно. Кроме того, было неизвестно, может ли духовное ведомство выделить необходимую сумму для покупки упомянутых домов. Возможно, владыка Игнатий, убедившись на примере дела о протоиерее Крастилевском в формальном подходе Синода к проблемам далеких Епархий, задался целью решить этот вопрос осторожно и в свою пользу. Уступить Обер-прокурору на этот раз было нельзя, так как в этом случае Семинария вынуждена была бы терпеть различные неприятности в течение долгих лет. Дома этих упомянутых горожан с одной стороны примыкали к базарной площади, а с другой соседствовали с «девичьим училищем и шумной улицей присутственных мест». Расположение это было также неудобно и для преподавательского состава. Да и сами здания нуждались в серьезном ремонте. Поэтому епископ Игнатий отдал предпочтение предложению протоиерея Д. Гремяченского. Протоиерей уступал свои дома за «условную, самую сходную цену». Кроме имевшихся

домов, он предлагал купить еще «три или четыре соседних двора и выстроить на них трехэтажный каменный корпус», внутреннее расположение которого предоставлялось на усмотрение епископа Игнатия.

Таким образом, благодаря архипастырской внимательности к проблемам духовной школы Семинария с тех пор окончательно обосновалась в трех домах, в ближнем соседстве с церковью святого апостола Андрея Первозванного и Архиерейским домом[1]. Преподаватели и воспитанники Семинарии имели теперь возможность всегда бывать за богослужением, которое совершалось по монастырскому уставу, и освежаться чистым воздухом в уединенной роще, недоступной для светских лиц.

* * *

Святитель Игнатий, явивший себя наставником русского иночества, в дни своего архипастырского служения на Кавказе не мог оставить монашество без попечения Епархии. Будучи ревностным иноком, несшим бремя Епископского служения как послушание Церкви, он по-прежнему стремился к безмолвию монастырской жизни. Поэтому особой светлой радостью проникнуты слова его проповеди, произнесенной им при открытии Ставропольского Иоанно-Мариинского монастыря, бывшего до того времени общиною.

Разъяснив значение монашества вообще, указав на неизбежность скорбей в иноческой жизни, Святитель говорил с воодушевлением, достойным радостного приветствия: «Дщери Небесного Отца! Приветствую вас с дарованием иноческих прав и наименования обители вашей! Приветствую вас с открывшимся для вас поприщем иноческих подвигов... вы призваны Отцом Небесным в дщери Ему... Соделайтесь достойными призвания Божия!»

В это же время благодаря заботам Святителя и брата его, губернатора Петра Брянчанинова, в городской думе было принято решение «отдать во владение девичьему монастырю, именуемому Иоанно-Мариинским... землю» вблизи Ставрополя «с оговоркою... чтобы вершина родника, протекающего по меже... оставалась в пользовании города».

Помимо Иоанно-Мариинского монастыря, в Кавказской епархии было еще два мужских и один женский монастырь. В области

[1] Теперь это корпуса Педагогического института, через дорогу от Кафедрального собора.

черноморских казаков находилась Марие-Магдалининская женская пустынь, основанная в 1849 году, которая имела 55 насельниц, двух священников и диакона. Настоятельницей монастыря была игумения Митрофания из вдов дворянского звания, назначенная сюда при открытии обители из Полтавского Покровского монастыря. Духовником обители святитель Игнатий назначил иеромонаха Феофана, из насельников Кавказского Архиерейского дома. Расположенный в этой же области мужской Екатерино-Лебяженский монастырь не имел даже класса по церковной иерархии, но учрежден был на особых правах по черноморскому положению. Настоятель его, архимандрит Никон, являлся вместе с тем благочинным обоих черноморских монастырей.

В особых условиях находился Крестовоздвиженский заштатный Кизлярский монастырь, удаленный более чем на 500 верст от кафедрального города. Монастырь этот, по словам его настоятеля архимандрита Германа, более столетия стоял «на рубеже России, отделяющем горские племена Кавказа магометанского исповедания в кругу кочевого народа ногайского племени, блуждающего, подобно бессловесным, по необозримым безводным степям, лежащим между рек Терека и Дона... и едва не на берегу моря Каспийского». Не получая дотаций от государства, на собственных трудах своих, он пребывал «не в том состоянии, в каком бы следовало ему быть в благоденствующие дни России. Не однажды за свою историю обитель эта испытывала на себе «хищничество» народов, «в горах жительствующих», которые разграбляли его. Вместе с тем гражданские и военные власти в условиях военного положения часто вынуждены были действовать в ущерб духовных интересов обители. Благодаря терпению и кротости епископ Игнатий находил общий язык со светской властью, которая «в военных соображениях находила средство быть неограниченной», и тем самым искал возможности для нравственного и духовного благоустройства обителей.

Об отеческом окормлении иноков свидетельствует собранная со всех концов России под омофор Святителя-подвижника братия Кавказского Архиерейского дома. Скупые строки формулярного списка о монашествующих, которые частично заполнены рукою Преосвященного Игнатия, позволяют представить себе образы этих совершенно различных между собой учеников Святителя. В документе этом представлены биографии выходцев из дворян, духовенства, купцов, казаков, крепостных крестьян и даже

отставного унтер-офицера из лезгин. Упомянутая здесь братия, начиная от послушника и кончая заслуженным протоиереем, кандидатом богословия, происходила родом в основном из удаленных от Кавказа мест: Санкт-Петербурга, Вологодской, Тамбовской, Владимирской и Харьковской губерний. Эти первые помощники епископа Игнатия всячески поддерживали Святителя в его заботах о нравственном и духовном облике духовенства и мирян Епархии.

Преосвященный Игнатий, сталкиваясь со случаями нравственных проступков клира, не стремился наказывать провинившихся переводом на другой приход, отчего обычно только шире распространяется соблазн среди мирян Епархии. Напротив, несмотря на свои телесные немощи и многочисленные заботы по управлению Епархией, а также связанные с подготовкой его письменных трудов, Владыка собирал таковых вокруг себя, в Архиерейском доме, для совершения богослужений, несения клиросных и других послушаний. Исправляя их «духом кротости», Владыка всячески стремился, чтобы это не коснулось тяжелым бременем их семей, оставшихся на время без кормильца. Только за вторую половину 1858 года на исправлении в Кавказском Архиерейском доме побывало 9 клириков Епархии. Назначения эти производились ввиду их «нетрезвой жизни» или «нанесения обид» сослужащей братии или прихожанам, а иногда, как, например, протоиерей села Средне-Егорлыкского И. Преображенский, по подозрению благочинного, «для усмотрения образа служения». Сроки послушания, назначаемые обычно от одного до трех месяцев, как правило, сокращались. Так, на прошениях диакона с. Покойного Константина Салафильева и пономаря Старо-Щербиновской церкви Якова Чупрыны с просьбами отпустить их к семьям в связи с приближающимся праздником Рождества Христова, несмотря на только начавшийся декабрь, стоят резолюции Преосвященного: «во внимание к смирению просителя срок епитимий сократить» и просто «прошение удовлетворить». Часто эконом Архиерейского дома иеромонах Иустин ходатайствовал о смягчении епитимий, позволении священнодействовать вместо несения клиросного послушания или же вовсе присоединялся к просьбам о прекращении их срока.

После ознакомления с Епархией «преосвященный Игнатий... в своих предложениях на имя Кавказской духовной семинарии отметил, что священнослужители Края стоят, за редким исклю-

чением, на высоте пастырского призвания». И лишь диаконы, имеющие низкий образовательный ценз, «не всегда и не везде удовлетворяли своему назначению»[1]. И действительно, уже к концу 1857 года, то есть ко времени вступления епископа Игнатия на Кавказскую кафедру, в Епархии из 222 протоиереев и священников 138 имели богословское и 5 философское образование. Не получившие образование священники, по свидетельству благочинного Кубанского казачьего войска священника Стефана Гливенко, благочинного Феодора Маковского и других, «от природы наделенные хорошими способностями», постоянно стремятся к самообразованию. Кроме того, как отмечает благочинный Черноморского войска Афанасий Кучеров, нравственное состояние клириков в его благочинии «неукоризненное». О духовенстве своего благочиния священник Феодор Маковский свидетельствует, что они «по мере полученных в Семинарии познаний не оставляют прихожанам своим преподавать» не только духовные наставления, но и «врачебные и сельскохозяйственные». Дополнительно в пользу Кавказского духовенства красноречиво говорит отмеченное Архипастырем внешнее благолепие их храмов. В характере Кавказского духовенства, «неленностного в совершении богослужений и назидании паствы», особенно поразительно для святителя Игнатия, как нового лица в Крае, «было радушие, страннолриимство и откровенность», соответствующие кавказским просторам.

Беспокоясь о духовно-нравственном уровне пастырей, епископ Игнатий настоятельно рекомендовал приходским священникам выписывать, приобретать выходящую из печати духовную литературу; творения святых Отцов, журналы «Душеполезное чтение», «Труды Киевской Духовной академии» и «Христианское чтение», а также «Пространный катихизис». Не оставлял он своим вниманием и Духовную семинарию. Видя пожирающее все большее количество человеческих душ губительное вольнодумство и протестантское отвращение к православной аскетике, Святитель высказывался о необходимости контроля над преподаванием светских дисциплин в духовных школах. Особое внимание он придавал философии, из которой, по его мнению, с особой полнотой следовало преподавать логику. Само преподавание, считал Святитель, следует доверять «зрелым мужам, изучившим положительные науки, философию и писание Отцов Церкви», опытно познавшим зна-

[1] *Митрополит Гедеон.* Указ. соч. С. 126–127.

чение Христианства, в отличие от молодых людей, склонных к «односторонним увлечениям».

С первых дней пребывания в Ставрополе святитель Игнатий интересовался духовно-воспитательной стороной жизни и поведением учащихся. Так, в «книге поведения», где правление Семинарии на заседании 15 марта вынесло постановление об объявлении признательности правления при общем собрании воспитанников лучшим ученикам, положена резолюция Преосвященного: «Желая знать, кто именно из воспитанников заслуживает внимание своего начальства особенным благонравием, предлагаю Семинарскому правлению впредь означать сих воспитанников поименно в журнальной статье. Игнатий, епископ К. и Ч.» В отношении тех учеников духовной школы, которые неустойчивостью своего поведения обнаруживали духовную отчужденность по отношению к образу будущего пастыря, владыка Игнатий был сторонником мер рассудительных, нестрогих. При употреблении предусмотренных мер взыскания от выговора до содержания в изолированном помещении на хлебе и воде Преосвященный подписывал наставникам Семинарии не оставлять без внимания ожесточение и упорство наказуемых. Но вместе с тем Святитель подчеркивал, что «высокий, благородный характер воспитателя главнейшая узда... для воспитанников». «Благочестивый и благонамеренный воспитатель, — писал Владыка наставникам Семинарии, — должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим мудрецам»[1]. В целом предписания святителя Игнатия «ограничивали меры наказания, бывшие в обычаях... того времени». Мудрый Архипастырь желал, чтобы воспитатели обращали более внимания на нравственную сторону взысканий, развивая в детях и юношах совестливость, как более гарантирующую их доброе поведение, и тщательно обсуждали правдивость наказаний, соразмеряя их с виновностью; чтобы сами наказания эти были разумно-человеческие, без увлечения гневом и горячностью».

Еще одним показателем отношения правящего Архиерея к воспитаннику Семинарии является стремление Епископа назначать на служение в освободившиеся приходы выпускников по их добровольному согласию. Так, летом 1858 года в правление Семинарии

[1] ГАСК. Ф. 91. Оп. 928. Ед. хр. 39. Л. 4, 4 об., 5.

поступило три предложения от Преосвященного Игнатия с просьбой объявить «окончившим курс воспитанникам Семинарии: не желает ли кто из них занять священнические места в станице Урожайной... в станице Величавой... а также в станице Березанской при двуштатной Крестовоздвиженской церкви», при условии, предлагаемом местным священником (вступить в брак с его дочерью), или и без сего условия».

В деле духовно-нравственного воспитания мирян Епархии первыми помощниками Епископа были приходские священники и благочинные. Не оставлял Святителя на этом поприще без помощи со своей стороны и губернатор Петр Александрович Брянчанинов.

Как уже было отмечено, население Кавказа, несмотря на сложные условия военной жизни и неустроенности быта из-за постоянных переселений все ближе к Кавказскому хребту, отличалось ревностным благочестием. Кроме стремления внешне благоустроить свои храмы, каждый прихожанин, по свидетельству войскового протоиерея А. Кучерова, священным долгом для себя поставляет исполнить с первых дней Четыредесятницы христианский долг очищения совести покаянием и приобщением Святых Таин, а многие исполняют этот долг преимущественно в мужской Екатерино-Лебяженской и женской Мариинской обителях Черноморья».

Вопреки своей скудности, прихожане Епархии охотно отзывались на приглашения к пожертвованию: на строительство памятника 1000-летия России, в Новгороде, и на иерусалимский храм Гроба Господня, где в то время нес послушание ученик епископа Игнатия иеромонах Леонид (Кавелин).

Однако во всякой картине есть тени, а народ на Кавказе, как уже упомянули, поживал разнообразный, и потому поле деятельности в области духовного совершенствования было самым обширным. Так, священнику станции Темрюкской долго пришлось бороться на своем приходе с содержателями питейного заведения, обосновавшимися по соседству с храмом. Соседство это шло вразрез с государственным законом, запрещающим открытие питейного заведения ближе чем на 40 саженей от православного храма (Свод законов, 1857, т. 12, ст. 4337). В конце концов, благодаря ревности приходского пастыря, заведение это было перенесено на другую улицу. А летом 1861 года по всей губернии через православные храмы и органы государственного ведомства был распространен указ Губернатора, вовсе запреща-

ющий продажу спиртных напитков в праздничные дни до окончания литургии.

* * *

Последний год служения на Кавказе (1861) был для Святителя особенно трудным. То жертвенное самоотвержение, с которым владыка Игнатий отдавал себя служению Церкви на Кавказской кафедре, значительно ослабляло его телесные силы. «Как раз в это время он заболел натуральной оспой и нервной горячкой»[1].

Несмотря на все заботы о его здоровье как со стороны брата, губернатора П. А. Брянчанинова, так и со стороны доктора В. Снигирева, Святитель чувствовал все большее изнеможение. Следует отметить, что член ставропольской врачебной управы доктор В. Снигирев, исполнявший также должность штатного врача и преподавателя медицины в Кавказской семинарии, зная о слабом здоровье правящего епископа, еще в ноябре 1858 года изъявил желание быть постоянным доктором Архиерейского дома. С тех пор он усердно исполнял свои обязанности на этом поприще, причем безвозмездно.

Заметно ослабев, Преосвященный Игнатий почувствовал невозможность дальнейшего несения общественного служения. 24 июня 1861 года он направил рапорт в Синод с просьбой об увольнении его от управления Кавказской епархией. Вместе с рапортом в Синод Владыка обратился с особым письмом к Императору Александру II:

«Августейший Монарх! Всемилостивейший Государь! Чувствуя изнеможение сил от болезненности, продолжающейся около 40 лет, и постоянно питая в душе моей желание окончить дни в уединении, я послал в Святейший Синод рапорт, в котором... прошу об увольнении от управления Епархией и предоставлении мне в управление общежительного Николо-Бабаевского монастыря на Волге... То милостивое внимание, которое удостаивали меня Ваши Августейшие Родители... дозволяет мне обратиться к Вашему Императорскому Величеству с... убедительнейшей просьбою. Не во внимание к какой-нибудь заслуге или достоинству, коих нет у меня, в память Ваших почивших Родителей, окажите мне милость, повелите удовлетворить моему прошению, даруйте мне просимый приют, в котором я мог бы окончить в мире дни мои, вознося недостой-

[1] *Митрополит Гедеон.* Указ. соч. С. 129.

ные... молитвы к Богу о благоденствии Вашем... о покое и вечном блаженстве Ваших приснопамятных Родителей!»

В ожидании решения своей просьбы, размышляя о своей болезни, святитель Игнатий писал: «Слава Богу за все! Для меня болезнь была как бы цепями, обуздывавшими горячность моего характера и сложения, она препятствовала деятельности, вместе препятствовала и большему развитию гордыни, которая часто развивается от успешной деятельности».

В эти томительные дни ожидания радостным явлением стал для Владыки день 17 июля. В этот день в Ставрополе был получен указ Святейшего Синода об открытии мощей святителя Тихона Задонского. В указе этом, который предписывалось обнародовать в первый по получении воскресный или праздничный день, говорилось о том, что при сооружении нового храма в честь Владимирской иконы Божией Матери был разобран алтарь ветхой церкви, под которой находился склеп Святителя. Гроб его наполовину истлел. Несмотря на это, архиерейское облачение, пребывавшее в сыром месте 63 года, найдено целым, а тело нетленным. Подобные известия и тогда, и сегодня доставляют особую духовную радость и укрепляют людей в скорбях и болезнях. Очевидно, и для святителя Игнатия этот день принес духовный восторг и утешение.

5 августа 1861 года резолюцией Императора Преосвященный Игнатий был уволен от управления Епархией. В связи с этим кафедральный протоиерей Ф. Поспелов, по указанию Синода, издал следующее распоряжение: «Ключарю, протоиерею Стефану Гранинову, вместе с членами Консистории, принять у епископа Игнатия имущество по приходным и расходным книгам, выдать ему квитанцию и хранить полученное имущество и документы до прибытия нового Преосвященного». Согласно установленному порядку, епископ Игнатий передал Консистории имущество Архиерейского дома, в числе которого особым образом, по названию каждой книги, была перечислена библиотека, значительно пополнившаяся за последние три года. Только Святоотеческой литературы она насчитывала 180 томов, кроме того, в ней имелось Священное Писание и труды различных авторов по философии и истории на греческом, латинском, английском и французском языках.

«Осень 1861 года стояла теплая и мягкая, так что только прохлада ночей и близость гор напоминали о поздней поре года. Дни

же были жаркие и ясные, как в половине августа»[1]. В такие дни владыка Игнатий расставался с Кавказом.

16 сентября 1861 года Северный Кавказ посетил император Александр II. Минуя Ставрополь, он отправился осматривать вновь покоренные земли за Кубанью. По дороге он спрашивал графа Евдокимова (главная квартира которого была в Ставрополе) о Преосвященном (Игнатии) и через него прислал ему орденские знаки Святой Анны 1-й степени, которые уже не застали Владыку в Ставрополе. <...>

---

[1] *Бентковский И. В.* Император Александр II в Нижнефарском отряде, на северо-западном Кавказе, в 1861 году. СПб., 1887. С. 7.

Содержание

ПРИНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОМУ МОНАШЕСТВУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА

Том IV

Общая редакция
О. И. Шафранова

Оформление
Анна Любавина

Редактор
Александра Доброцветова

Корректор
Елена Рудницкая

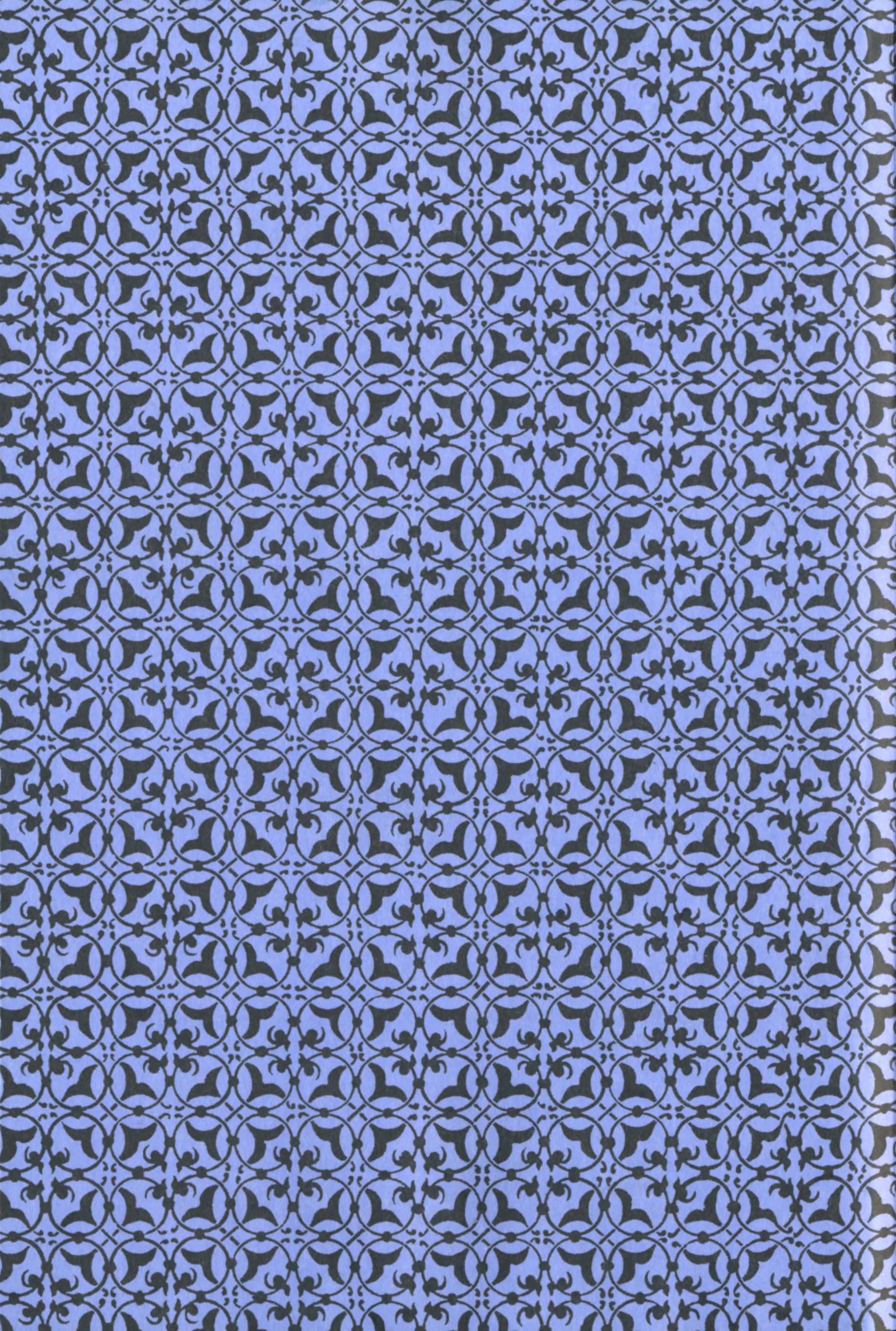
Верстка
Екатерина Белогорцева

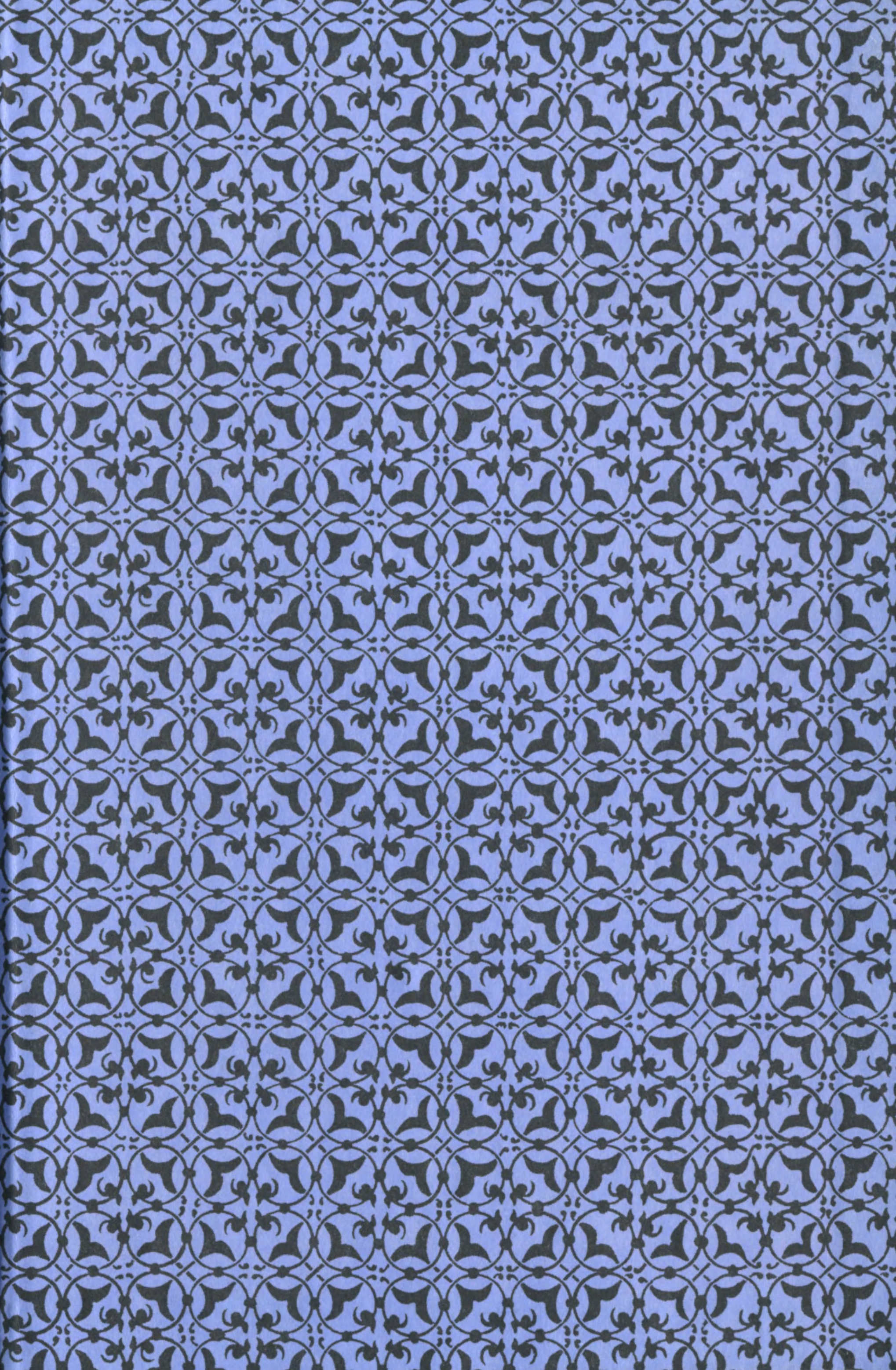
Подписано в печать 02.10.2013. Формат 60x90 $^1/_{16}$. Печать офсетная.
Объем 39 п. л. Тираж 3000 экз. Заказ № 1312450.

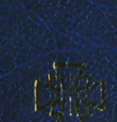
Издательство «Паломник»
111141, Москва, Плеханова, 15.

arvato ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97







ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ

Том IV